

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 153

1853 (iv)

№ 213

689

АПРѢЛЬ.

1883.

ДѢЛО

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 4

СОДЕРЖАНІЕ.

1. РВАЧИ. Сцены въ трехъ дѣйствіяхъ. И. В. Шламинскаго.
2. СТИХОТВОРЕНІЕ С. Надсона.
3. «AU BONHEUR DES DAMES». Романъ. (Глава VI—IX). Э. Золя.
4. ФРАНЦУЗСКОЕ ДУХОВЕНСТВО НА БАЛДУНѢ УРРЕВОРОГА (Главы I—IV) И. Н. Денисова.
5. ЗЛАЯ ВОЛЯ. Повѣсть. (Гл. I—VI) В. І. Дмитриевой.
6. СТИХОТВОРЕНІЕ Г. Ф. Якубовича.
7. ПОТЕРЯ ИДЕАЛА. Романъ. (Главы IX—XVI). Окончаніе Мар. Торелли-Торриани.
8. НОВЫЕ РОМАНЫ ГАЛЬДОСА Вл. Лессезича.
9. ПРИВАЛОВСКІЕ МИЛЛІОНЫ. Романъ въ 5 ч. Окончаніе второй части . . . Д. Сибиряца.
(См. на оборотѣ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

10. ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННЫХЪ

ДѢЯТЕЛЕЙ (М. Е. Салтыковъ). . . . М. А. Протопопова.

11. ПЕТЕРБУРГЪ ПО ПЕРЕПИСИ 1881 г. А. Г.

12. НОВЫЯ КНИГИ:

Въ дали. (Изъ прошлаго). Рассказы изъ вольной и невольной жизни. Мишпа. (М. И. Орѣанова). Съ предисловіемъ С. В. Максимова. Москва. 1883.—Впередъ. Романъ изъ событій послѣдней турецкой войны. В. И. Немировича-Данченко. Спб. 1883. — Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранныя черниговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ при губернской земской управѣ. Т. V. Ковелецкій уѣздъ, съ двумя картами и приложениями. Къ этому тому прилагается «Подворная Опись». Изд. черниг. земства. Черниговъ. 1882. — По вопросу о нашей торгово-промышленной политикѣ (внѣшней и внутренней), въ связи съ вопросомъ о прогрессѣ и регрессѣ въ дѣлѣ сельскаго и лѣснаго хозяйства. Докладъ Я. Л. Борохочича. Спб. 1883.—Поль Бэръ. Николай Вагнеръ. Очеркъ зоологіи съ французскаго учебника Поля Бэра, переработанный для русскихъ дѣтей и школъ Николаемъ Вагнеромъ, почетнымъ членомъ и заслуженнымъ проф. спб. Университета. Съ 523 рисунками, взятыми изъ лучшихъ иллюстрированныхъ изданій. Спб. Изданіе Н. П. Вагнера.—Поль Бэръ. Первые понятія о зоологіи. Со множествомъ рисунковъ въ текстѣ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей проф. И. И. Мечникова. Къ переводу присоединены три дополнительныхъ очерка: «Развитіе животнаго міра», «Общественная жизнь животныхъ» и «Великая роль ничтожныхъ созданій».—Гимнастика для взрослыхъ. Игра въ мячъ. Домашнія гимнастическія упражненія для людей, ведущихъ сидящій (?) образъ жизни, преимущественно для военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Съ 18-ю гравир. полтипажами. А. Л. Шмидтъ. Спб. 1883.

13. ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ Н. В.

Съ какими поправками программа „Руси“ годилась-бы для Россіи.—Аграрный вопросъ, какъ историческое явленіе. — Поучительность ирландскаго движенія.—Безсиліе „національнаго самосознанія“ въ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ. — Насколько выгодно наше положеніе.—Община.—Докладъ г. Родичева.—Мнѣнія газетъ.—Почему „самобытники“ замалчиваютъ этотъ вопросъ, но за то рьяно обрушиваются на Финляндію.—Какъ „Русь“ разрѣшаетъ аграрныя недоразумѣнія.—Пустота послѣ отѣвы „ста тысячъ“ полиціймейстеровъ.—Чѣмъ она наполнилась.—Урядники.—Проектъ гахановской комиссіи объ ихъ уничиженіи.

14. НАУЧНАЯ ХРОНИКА; А. М.

Эпидемія истеро-эмопатіи. — Потеря сознанія личности и «объективнаціи» типовъ въ состояніи сонambulизма.—Ассоціація между ракомъ отшельничества и активіями.—Фальсификація питательныхъ веществъ.

15. СЛУЖБА ПРЕТЕНДЕНТОВЪ (Политическая и общественная хроника). . . . Жинѣ.

16. КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

(Недостававшія письма). Откровеннаго Писателя.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіяхъ журнала «Дѣло», книжнаго магазина Мамонтова и объ изданіяхъ М. К. Цебриковой.

ДЪЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Ливидова, Невск. просп., д. № 8.

1883.

Рис. 278975 д. 10.5

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13-го Апрѣля 1883 г.

РВАЧИ,

или

ДѢЛО ЖИТЕЙСКОЕ.

СЦЕНЫ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Фома Никитичъ Фыгинъ, старикъ-чиновникъ въ отставкѣ.
Леонидъ, сынъ его, молодой человекъ.
Алевтина Павловна Чаврина, дѣвица лѣтъ подъ тридцать, помѣщица, сосѣдка Фыгина.
Настасья Семеновна Полидорова, сельская дѣвчата.
Артамонъ, сынъ ея, 23 лѣтъ.
Солодиловъ, купецъ въ лѣтахъ, видный мужчина.
Сиклига } прислуга Чавриной.
Марфуша }
Потапъ } крестьяне.
Кузьма }

Дѣйствіе въ селѣ Игрищи, въ усадьбахъ Фыгина и Чавриной.

Дѣйствіе I.

Сцена: небольшой фруктовый садъ въ усадьбѣ Фыгина. Слева кусты крыжовника и смородины. Справа, подъ яблоней, дерновый диванчикъ. Въ глубинѣ, за деревьями, плетень, въ которомъ калитка во дворъ. Слева, за садомъ, виднѣть уголь соломенной крыши.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Фыгинъ (сидитъ у куста, на деревянной скамеечкѣ, и обираетъ повилку; онъ засучилъ рукава и сдвинулъ на затылокъ порывѣвшую еорменную еуражку) и **Полидорова** (сначала за сценой) *).

Фыгинъ (раздвигая кустъ и съ усиленіемъ выдирая повилку). Ишь скрутила, ишь повязала какъ, пропасти на тебя нѣтъ!

Полидорова (кричитъ на дворѣ). Ну, ну, разговаривай у меня! (перѣдразнивая). «Не твое дѣло!» Я-те дамъ не мое! Если говорю,

*) Фыгинъ въ еорменномъ сюртукѣ, съ Владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ. Сюртукъ надѣтъ на ситцевую рубашку, безъ жилета и галстука. Полинявшія нанковыя брючки заправлены въ сапоги. Полидорова въ темномъ ситцевомъ платьѣ, съ кофтой. Повязана чернымъ платкомъ.

значить мое! Если тебя во всякій сѣдѣ тыкать надо, значить мое! (Видна у калитки) Дуреха этакая, прости Господи! (Шумно входитъ въ садъ).

Фыгинъ. Ну, развевалась моя дьячиха, хе-хе!

Полидорова. Что у васъ за порядки, Ѳома Никитичъ?! На что это похоже?! Въ кухню зашла — навозу въ три дня не выгрести. Погребъ—дверь настежь. Гляжу—на погребницѣ собака молоко локчетъ. Агашка, тетеря-то ваша, иль у ней руки отсохли прибрать молоко? Значить, собачьими охлебками васъ кормить? Безподобно! И разругала-же я кухарку вашу прелестную! И работницу разругала... Вотъ тоже лядя: лѣнвищная, воровка, а туда-же грубить, «не твое, говорить, дѣло соваться!»

Фыгинъ (сидитъ теперь обнявши колѣни). Всѣхъ распудрили! хе-хе-хе!.. Безъ васъ пропасть-бы мнѣ, Настасья Семеновна...

Полидорова. Вѣрно, что такъ! Вы вотъ тутъ глупостями занимаетесь, повиликъ съ смородины обираете... Все равно, ягоды ребятишки порвутъ, зерна не останется... А поглядѣли-бы, что у васъ въ огородѣ!

Фыгинъ. А что, матушка?

Полидорова. Что! Разсаду лебедой поглушило, моркови и званія не осталось, свекольникъ телята объѣли. Цѣлое стадо сама согнала. Хорошо? Что-же, для нихъ я въ огородѣ у васъ хлопотала?.. А тѣ чего смотреть,—Агашка, работница? За что жалованье берутъ?

Фыгинъ (поднимаясь и медленно переходя къ диванчику). Да, хозяйство у меня того!.. (Нюхаетъ табакъ).

Полидорова. Поглядѣть да плюнуть, вотъ каково ваше хозяйство. Самъ, батюшка, виноватъ. Прежде туда-сюда, все-таки, бывало, хлопчете, а теперь...

Фыгинъ (сидится). Руки, матушка, опустились. Не то... Было время—и я былъ хозяиномъ.

Полидорова. Это на службѣ-то когда состояли? Слышали, какъ-же! Дивились не мало вамъ.

Фыгинъ. Бѣдность, матушка... Жалованье скудное... Правда, и работа не вѣсть какая была. Всю сорокалѣтнюю службу свою въ казначействѣ выдачею паспортовъ занимался. Такъ и звали «паспортникомъ»...

Полидорова. Ужли сорокъ лѣтъ выслужили?

Фыгинъ. А брестъ-то! (указываетъ на свой орденъ). Святого Владимира за сорокалѣтнюю безпорочную давали, матушка. Какъ-же!.. Ну, жалованье—говору—скудное, а семействомъ Господь благославилъ. Пятеро дѣтокъ-то было...

олидорова. Супруга вѣдь ваша хвора, сказываютъ, была? Фыгинъ (со слезами въ голосъ). Ангелъ была она, ангелъ!

Полидорова (участливо). Сами вы, будто, и дѣтей нянчили, и страпали. Правда? И одежду, и башмаченя сами имъ шили?

Фыгинъ. И бѣлье, матушка, стираль, и корову доиль, хе-хе! Все самъ, вездѣ. И такъ-то былъ счастливъ, въ такомъ блаженствѣ!.. Не продлилъ Господь счастья моего, не продлилъ... Въ одинъ годъ и ее, ангела, и дѣтей схоронилъ... Только Леля осталася, меньшей... Если-бъ не Леличка, и меня-бы снесли за ними...

Полидорова. Божья воля, Фома Никитичъ! (Садится возлѣ) Ну, а отъ Лянида Фомича все нѣтъ вѣстей?

Фыгинъ. Нѣтъ. (Послѣшно) А у васъ какъ?

Полидорова. На поповѣ? Что у насъ?—пьянство, извѣстно. Згѣе всѣхъ мой дуракъ безобразничаетъ.

Фыгинъ. Это про мужа вы такъ?

Полидорова. Э, пропади онъ пропадомъ! Замучилъ! Съ пьяныхъ глазъ такую иной разъ ересь урѣжетъ, что! только почешешься. Гдѣ-же теперь-то вашъ сыночекъ проживаетъ? Вѣдь онъ у насъ при окружномъ судѣ служилъ, въ канцеляріи?

Фыгинъ. Служилъ.

Полидорова. И аблакатствомъ, сказывали, занимался, по мелочамъ?

Фыгинъ. Д...да.

Полидорова. А теперь гдѣ—такъ и не знаете?

Фыгинъ (нехотя). Неизвѣстно мнѣ это.

Полидорова. Съ того-то вы, Фома Никитичъ, и стали такой, что вамъ хоть трава не расти...

Фыгинъ. А ваша Евгеша... все еще нездорова?

Полидорова. Выздоровѣла. Порю... Съ этого и руки у васъ опустились. Хоть и свидиваете вы съ нашего разговора, а не могу стерпѣть, скажу. Нехорошо вашъ сыночекъ поступаетъ, охъ, нехорошо! Какъ-таки отца позабыть?! Имъ старикъ живетъ, имъ дышетъ, сколько безпокойства, печали, заботъ изъ-за него привялеть, а отъ...

Фыгинъ (встаетъ). Это, матушка, все ничего... Не одинъ онъ такой... А живъ-ли? Вотъ забота. А—Богъ милостивъ—живъ, то каковъ человѣкъ?.. честно-ли себя ведетъ? Вотъ что меня удручаетъ. (Отглядитъ понурившись и заложивъ руки за спину).

Полидорова. По теперешнему времени подумать да подумать объ этомъ. Плачутъ нынче съ дѣтьми-то. Родителей не почитаютъ, изъ послушанія вышли... Охъ, по себѣ знаю это, отецъ мой! наградилъ Господь дѣтищемъ...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Артамонъ (входитъ изъ глубины при послѣднихъ словахъ)*).

Артамонъ. Маменька, вы про меня-съ?.. Мое нижайшее Оумѣ Никитичу.

Полидорова. Про тебя, сокруха моя, про тебя!

Артамонъ. Поносите! негодование изливаете?.. Напрасно-съ. Ерунда. Потѣму понять меня, какія во мнѣ достоинства есть, вы не можете.

Полидорова. Какъ не понять достоинствъ твоихъ? Дурака издали видно.

Артамонъ. Такими сужденіями, маменька, вы обнаруживаете высшую необразованность и дикость чувствъ.

Полидорова. Дубоглотъ ты этакій! Кому ты это говоришь-то, кому?!

Артамонъ. Маменька, приведите ваши чувства въ мѣру. (Фыгину). Маменька на меня негодуешь, что я вознамѣрился покинуть письмоводительство у станового. Такъ на это имѣются основательныя причины, чего маменька расудкомъ объять не можетъ.

Полидорова. Да!

Артамонъ. Первое: по либеральности нашего времени и имѣя въ виду способности, съ коими всегда могу предпринять карьеру. у станового мнѣ—можно сказать—не къ физиономіи-съ...

Полидорова (выведенная изъ терпѣнія). Скажи на милость, Артамонъ Николаевичъ: вмѣсто головы-то у тебя — воронье гвѣздо, что-ли?

Артамонъ. Маменька, вы пустословите. Въ головѣ моей (указываетъ пальцемъ на лобъ)—зерно.

Полидорова. Что, что такое?!

Артамонъ. Зерно-съ. И вы, маменька, взростить его не прещаетствуете. Имѣю въ предметъ управлять имѣніемъ госпожи Чавриной. Это почище письмоводительства.

Полидорова. Кто-жь тебя въ управители возьметъ? Чаврина съ ума не сошла.

Артамонъ. Поэтому самому и возьметъ-съ.

Полидорова. Влюбится въ тебя, что-ли?

Артамонъ. Можетъ. Чувствамъ ея не возбраняется это-съ.

Полидорова. Тѣфу! (Разсерженная отходить къ Фыгину).

Артамонъ. Ха-ха! Краснорѣчиво, но не убѣдительно.

Фыгинъ (у плетня, прикрывъ глаза рукою). Кто это во дворъ ко

*) Одѣтъ пестро, съ большими претензіями. На рыжихъ волосахъ дворянская оуражка съ краснымъ околышемъ

мнѣ?.. На парѣ... Взгляните, Настасья Семеновна... Не разгляжу... Ко мнѣ и есть, къ дому повернули. Кто-бы таковой?

Полидорова. И то къ вамъ. Сходить узнать. (Уходитъ во дворъ).

Артамонъ. Ома Никитичъ! вы полагаете, что маменька къ вамъ изъ усердія?—Ничуть. Кто намедни у васъ кохихинку съ цыплятами выпросилъ?.. а теленка? а кто крупницъ да мучицы безъ отдачи беретъ?

Фыгинъ. Эхъ, Артамоша! Тутъ кто-то пріѣхалъ, а онъ съ пу-
стяками!...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Фыгинъ, Артамонъ, Полидорова и потомъ Леонидъ.

Полидорова (вбѣгая изъ глубины слѣва). Кто пріѣхалъ-то!.. Ома Никитичъ, батюшка мой!.. Вѣдь сынокъ вашъ, сыно-окъ!

Фыгинъ. Какъ?! Ле... Леличка?! Господи!.. Гдѣ-же онъ, гдѣ?!.. Охъ, ноженьки нейдутъ, охъ нейдутъ!

Леонидъ (входя слѣва-же). Родитель! здравствуйте!

Фыгинъ. Деля... Леличка! (Повисъ у него на шеѣ и зарыдалъ).

Полидорова. Привелъ Господь... (заплакала).

Леонидъ. Ну, полно, полно, родители! Задушите.

Фыгинъ. Свѣтликъ мой!.. Вотъ не ждалъ, вотъ радость-то!.. Голубчикъ мой, Леличка! (Опять объятія и слезы).

Леонидъ. Довольно-же, успокойтесь! (Отстраняетъ его). Сядьте и успокойтесь. (Вытираетъ платкомъ). Слезами всего замочилъ. Вы тоже, Настасья Семеновна? Отъ ѹмиленія, а? (Старикъ опять стремительно кидается къ сыну на шею). Довольно-же, наконецъ! Экій чувствительный! Садитесь. (Усаживаетъ отца и садится самъ). Уфъ! вотъ я и дома!

Полидорова. Гдѣ-же вы, соколъ нашъ, запропаги? Ни слуху, ни духу... Папенька тосковалъ-тосковалъ...

Леонидъ. А на югѣ... въ Кіевѣ былъ, въ Одессѣ... Вѣдь я, кажется, писалъ?

Фыгинъ (утирая глаза). Ничего, больше года.

Леонидъ. Видите—живъ, здоровъ. А вы какъ, родитель? Постарѣлъ, постарѣлъ... И во дворѣ все у васъ некривилось, погнумо... Опустился, старина, нехорошо. (Закуриваетъ папиросу).

Полидорова. Загрустимши по васъ, на все рукой махнулъ нашъ Ома Никитичъ. Забыли!

Фыгинъ. Ну, объ этомъ, матушка, вы того... оставьте. (Съ восхищеніемъ глядитъ на сына и беретъ его руку). Хе-хе! вотъ не знаешь что я сказать!.. Ну, какъ-же, Леличка служишь? Гдѣ, какъ? Расскажи... Или по адвокатскимъ дѣламъ?

Леонидъ. И служилъ, и дѣла-а... Знакомства завелъ хорошія... выгодныя... Работать много. Всего не расскажешь.

Артамонъ. Воздѣлывали ниву общественную?

Леонидъ. Ниву?.. Не-д-дурно! Что за молодой человекъ?

Полидорова (со вздохомъ). Сынокъ мой!

Артамонъ. Съ какимъ вздыханьемъ вы это!.. (Распаркивается предъ Леонидомъ). Имѣю честь... Коллежскій регистраторъ Артамонъ Николаичъ Полидоровъ. (Забавливаетъ росчеркомъ въ воздухѣ).

Леонидъ. Это что же такое? (повторяетъ его жестъ).

Артамонъ. Росчеркъ-съ.

Леонидъ. А, росчеркъ! Не-д-дурно! Однако вы франтъ, милый другъ: зеленый галстукъ, пестрый жилетъ...

Полидорова. А патлы-то? (ерошитъ волосы Артамона) Овечьи-овиномъ.

Артамонъ. Моя буафюра-съ... что-же? ее даже весьма одобряютъ. (Надѣлъ фуражку и отходить).

Леонидъ. Ну, родитель, а птицы у васъ попрежнему цѣлый дворъ. Куры, гуси, индѣйки. И попрежнему вы съ ними бесѣдуете?

Фыгинъ. Какъ такъ, бесѣдую?

Леонидъ (Полидоровой, подмигнувъ на отца). Родитель, теленка-ли встрѣтить, собаку-ли, сейчасъ въ разговоръ съ ними вступаетъ: «тиружинька-матушка, цюцикъ», ха-ха-ха! И пойдетъ приговаривать! (Артамонъ также хохочетъ. Фыгинъ всталъ и отходить).

Полидорова. Что-жъ, батюшка, тварь вѣдь чувствуетъ. Въ прошломъ годѣ работница у насъ померла. Такъ я сама видѣла, какъ за гробомъ ея поросята бѣжали, которыхъ кормила-то она. Бѣгутъ и визжать, да жалобно какъ визжать-то!

Фыгинъ. Нужны-ли... того... поясненія эти? (Уходитъ вѣво).

Леонидъ. Обидѣлся. Онъ у меня преобидчивый. (Зоветъ) Родитель! (Полидоровой). Рассказывали, былъ у него пріятель, сослуживецъ одинъ. На именинахъ его какой-то чиновникъ и подшутилъ: «Ома Никитичъ, говорить, знаете, что про васъ именинникъ сказалъ?»—А что? всполошился родитель.—«Да посмотрите, говорить, какъ Фыгинъ жретъ». Впроголодь у себя, родитель любилъ-таки вознаградиться въ гостяхъ.—«Что-о?! Фыгинъ жретъ?!» За шапку и—тягу. Кончено. Съ тѣхъ поръ онъ всю жизньсъ лова не сказалъ съ бывшимъ пріятелемъ, какъ ни убѣждали его, что все это выдумка. (Зоветъ) Родитель! гдѣ вы тамъ?

Фыгинъ (входя). Здѣсь я, Леличка, здѣсь. Насчетъ обѣда распорядиться... На радостяхъ позабылъ...

Полидорова. А и то! Головушка грѣшная!

Фыгинъ. Настасья Семеновна, матушка, какъ-бы того—варе-

ничковъ. Деличка любить, со сметанкою... Вы мастерица ихъ дѣлать. А?

Полидорова. Живо спроворимъ. Есть-ли творогъ-то у вашей Агашки? (Торопливо уходитъ).

Фыгинъ. Какъ не быть! Леля, а цыпленочка станешь кушать? На сковородкѣ зажаримъ, въ сметанкѣ? Я сейчасъ...

Леонидъ (удерживая его). Не хлопчите.

Фыгинъ. Нѣтъ, нѣтъ! Мнѣ приятно... приятно похлопотать для тебя. (Молча посмотрѣлъ ему въ глаза, поспѣшно поцѣловалъ и уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Артамонъ и Леонидъ.

Леонидъ. Обидѣлся, старикашка, и суетится, чтобъ не замѣтилъ. Ну, милый другъ, какъ-же? (Повторяетъ прежній жестъ расчерка). Что вы подѣлываете?

Артамонъ. Пова у становишки письмоводителемъ состою... Становая квартира въ нашемъ селѣ-съ... Но питаю виды иначе устроить карьеру, Леонидъ Ѳомичъ.

Леонидъ. Да? А вы должно быть сердцеѣдъ, милый другъ, а? (Накидываетъ рипсе-пез).

Артамонъ. Дѣйствую-съ. Можно сказать, имѣю особенную способность... ключъ къ женскому сердцу.

Леонидъ. Вотъ какъ! Что-же это за ключъ, милый другъ?

Артамонъ. Стихи сочиняю-съ. Восхваление красоть и описаніе чувствованій въ стихахъ женскій полъ обождаетъ весьма. Молитки, мѣщаночки въ городѣ-съ... стихи для нихъ—можно сказать—употѣльное курево, Леонидъ Ѳомичъ. Удостоите проглядѣть. (Подаетъ сложенный листокъ бумаги). Вчера сочинилъ.

Леонидъ. Интересно. (Читаетъ). Озаглавлено «Роза». Ваша возлюбленная?

Артамонъ. Покажѣсть въ осадѣ-съ!

Леонидъ. Гмъ! (Читаетъ).

«Щечки твои кругленькія аяють
И глазки голубенькіе глядятъ.
Они про любовь сказать мнѣ не смѣють,
О, они мнѣ сердце палятъ...»

Ха-ха! Не-д-дурно! Поэтъ и служить въ полиціи!

Артамонъ (садится. Мало-по-малу начинаетъ подражать тону и манерѣ Леонида). Я уже докладывалъ, что имѣю виды иначе устроить карьеру...

Леонидъ. Или у станового *невозмо*? а?

Артамонъ. Строптивъ и того-съ... Маменька не вѣритъ, что-

бы госпожа Чаврина поручила мнѣ управлять имѣніемъ. Но я докажу-сь. Сама Алевтина Павлиновна въ хозяйствѣ аи ни ни! Прикащикъ у ней орясина. Безъ моего содѣйствія развѣ-бы собрать ей съ мужиковъ деньги? Никогда. А чѣмъ-бы тогда проценты платить?

Леонидъ. Кто эта Чаврина?

Артамонъ. Ваша сосѣдка-сь. Другой годъ у насъ. Имѣніе ей по наслѣдству отъ тетки досталось.

Леонидъ. Дѣвица, вдова?

Артамонъ. Дѣвица, и лѣтъ весьма зрѣлыхъ. Товаръ цѣну перележалъ-сь, ха-ха-ха!

Леонидъ. Хорошенькая?

Артамонъ (присвულъ). Помилуйте! Флюсы. То одна, то другая щека подвываетъ. Смотритъ по надюшинуму, сбоку-сь. Близорука, да однимъ глазомъ вовсе почти не видитъ. Добавьте—волосы какъ трепаная мочалка изъ бани и стриженые.

Леонидъ. Не-д-дурно

Артамонъ. Но чувствительности чрезвычайной. Всегда съ камфорой.

Леонидъ. Съ камфорой?

Артамонъ. Нюхаетъ для успокоенія-сь. Весь домъ камфорою пропахъ.

Леонидъ. А вы, милый другъ—я замѣчаю—меня передразниваете. А? Ваша поза...

Артамонъ. Учусь, Леонидъ Ѳомичъ. Хочу воспринять вашу жалтильность.

Леонидъ. А! Можете, можете. Скажите, милый другъ, а за чѣмъ-же сей камфарной дѣвицѣ потребовались проценты?

Артамонъ. Имѣніе въ банкѣ заложено. Еще прежней владѣлицей.

Леонидъ. Да, да, да!.. И дорого?

Артамонъ. Далекое ниже стоимости. Съ аукціона, съ неравномъ долга, за небольшую сумму можно купить. И не сдери я съ мужиковъ деньги впередъ, продали-бы, потому даже льготный срокъ платежа истекаетъ, а безъ содѣйствія моего платить было бы нечѣмъ. Въ земельномъ продажѣ эти живо обдѣлываютъ. Стерегуть-сь.

Леонидъ. Да, тамъ не зѣваютъ. А съ родителемъ дѣвица сія въ знакомствѣ?

Артамонъ. Какъ-же-сь! Про васъ уже знаютъ и гдѣ-нибудь въ щелку высматриваютъ. Будьте благонадежны-сь, ха-ха!.. Леонидъ Ѳомичъ, осмѣлюсь спросить: у васъ другая такая имѣется?.. на носъ?

Леонидъ. Ринсе-pez? Есть вается, запасное.

Артамонъ. Одолжите на поддержаніе, Леонидъ Оомичъ!

Леонидъ. Извольте, милый другъ, извольте.

Артамонъ. Будьте столь добры!

Леонидъ. Возьмите. Въ передней мой сакъ-воляжъ. Тамъ на пирасы... Кстати, папирось наложите. (Даетъ свой порть-сигаръ). И ринсе-pez тамъ, въ футляръ.

Артамонъ. Чувствительно вамъ благодаренъ. (Уходя влѣво встрѣчается съ Фыгинь и останавливаетъ его). Вашъ Леонидъ Фомичъ (цѣлуетъ кончики пальцевъ)—одинъ восторгъ! (уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Леонидъ и Фыгинъ.

Фыгинъ Ну, стряпають, хлопчуть, комнату убирають тебѣ... Жалко—не предупредилъ, что прїѣдешь. Нечѣмъ и угостить сына дорогого какъ должно... (Садится). Полагаю, Леличка, ты не провздошь, поживешь дома-то?

Леонидъ. Поживу, родитель, поживу.

Фыгинъ. Спасибо... А какъ-же, Леличка, того?.. Да, бишь, не любишь ты... доучають разспросы...

Леонидъ. По поводу «воздѣлыванія общественной нивы» интересуетесь? Ха-ха! Не-дурно онъ это сказалъ. Воздѣлываль, родитель. И катву хорошую снялъ. Не нужно-ли денегъ? Могу.

Фыгинъ. Богъ съ тобой, Богъ съ тобой! Затѣмъ мнѣ?.. Никогда... ни копѣйки...

Леонидъ. Не возьмете у меня?

Фыгинъ. Не обижайся, Леличка... Потому мнѣ вѣдь не нужно, имѣнь...

Леонидъ. Обижаться? И не воображалъ. А ужъ вы съ изви-неніями... Чудака! Гордость благородная и неубыточная, родитель. Ну-съ, а что вы скажете, если-бъ я совсѣмъ здѣсь остался?

Фыгинъ. Развѣ ты не въ отпуску? не на службѣ?

Леонидъ. Къ вашему огорченію—нѣтъ. Хозяйствомъ заняться-бы если?

Фыгинъ. Не знаю, Леличка, не знаю.

Леонидъ. Понятно, съ вашими тридцатью десятинами ничего не подлаешь, а взять-бы на аренду хорошее имѣньице, а? Здѣсь многія вѣдь сдаются... Хлѣбъ скупать можно. Ваши гнилушки, закуты, курники прочь; поставитъ амбары... Кабаковъ въ селѣ много?

Фыгинъ. Одинъ, слава Богу, одинъ.

Леонидъ. Мало. Откроемъ еще.

Фыгинъ. Кабакъ?! ты?!

Леонидъ. Ужаснулся, ха-ха! Доходная статья, родитель.

Фыгинъ. Ты какъ-же: серьезно или... шутишь, Леличка?

Леонидъ. Конечно, серьезно. Вотъ простота! Обживаясь, можно и другія доходныя статьи нащупать. Здѣсь вѣдь простота, халатность, непочатой уголокъ.

Фыгинъ. Не знаю... Все-же привычка къ хозяйству требуется, опытность...

Леонидъ. Требуется сметка, энергія и смѣлость. Вотъ что требуется, родитель.

Фыгинъ. По виду все это просто, очень даже... не замысловато... Сметка, говоришь ты, ну и... быстрота эта... смѣлость чтобы нажать... Такъ ты себѣ представляешь; а на дѣлѣ... Не знаю, Леличка. Уволь. Такимъ манеромъ разсуждать не привыкъ, не умѣю... Дѣлай какъ знаешь.

Леонидъ. Это вѣрно что не умѣете. Не свались вамъ наследство, имѣньишко это, вы-бы умерли въ своемъ казначействѣ. и, чего добраго, благословляя судьбу.

Фыгинъ. И благословляю.

Леонидъ. Единственный экземпляръ въ своемъ родѣ. Кто теперь доволенъ судьбой? А вы за цѣлую жизнь нищеты и труда... положимъ—ничтожнаго, но все-же труда... вы имѣете: старость, регалию, на которую молитесь, вздорный пенсіоніишко и благословляете долю свою!

Фыгинъ (вставая). Нѣтъ, не одно это, не одно!.. Чистую совѣсть имѣю я, Леличка! Сокровище превыше всѣхъ благъ.

Леонидъ. Ну, совѣсть зависитъ отъ понятій, родитель, равно какъ поступки—отъ вѣры въ судьбу, провидѣніе и прочее. Во всякомъ случаѣ намъ съ вами не философствовать. Въ простотѣ сердца вы огорчитесь, пожалуй. Къ чему? Да и въ жизни, какова она теперь, что вы смыслите? Надѣюсь, вы не обидѣлись?

Фыгинъ. Высшія разсужденія... гдѣ-же мнѣ? и зачѣмъ, если правда даже ребенку доступна? потому—прирождена душѣ и въ ней пребываетъ...

Леонидъ (съ ироніей). Ну-съ?

Фыгинъ. Къ тому говорю, Леличка, что какъ ни простъ я, ни малосвѣдущъ, все-же судить могу правильно... особливо о твоёмъ поведеніи... Потому—кто-же мнѣ ближе?.. Все отъ тебя въ душу идетъ, все!.. до самаго мѣшкаго, чего и не примѣтишь въ другомъ...

Леонидъ. Ха! такъ вамъ безпокойно, родитель.

Фыгинъ (съ выразительнымъ жестомъ). Отецъ!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Леонидъ, Фыгинъ, Чаврина (вначалъ за сценой) и Артамонъ.

Чаврина (кричитъ).—Ай-ай!.. Помогите! (Фыгинъ побѣжалъ къ калиткѣ).

Леонидъ Что за крикъ?

Артамонъ (входя слѣва въ рѣсе-pez, которое старается утвердить на носу).—Узнаю: Чаврина. Штукъ-съ!.. Папиросникъ вашъ, Леонидъ Фомичъ. (Отдаетъ портъ-сигаръ).

Чаврина. Спасите, спасите! (Видна у плетня, съ распущеннымъ зонтикомъ, безъ шляпки; щека у нея подвязана).

Артамонъ. Примите на свой счетъ, Леонидъ Фомичъ. (Подмигнувъ и идетъ къ плетню).

Фыгинъ (вводитъ Чаврину). Что съ вами, матушка? Войдите, милости просимъ. Чего испугались?

Чаврина. Ахъ, быкъ!

Артамонъ (глядя через плетень). И не быкъ, а корова-съ. Мельникова пѣгая корова.

Чаврина. Реветь... рога книзу... и прямо на меня! Какъ я испугалась!

Фыгинъ. Успокойтесь, матушка. Пожалуйте сюда. Присядьте.

Чаврина (увидавъ Леонида). Ахъ!.. У васъ гости?..

Фыгинъ. Сынъ мой, матушка. Позвольте представить вамъ. (Леониду) Наша сосѣдка, Алевтина Павлиновна Чаврина. (Леонидъ любезно раскланивается. Чаврина очень сконфужена и неловко отвѣчаетъ ему):

Чаврина (Фыгину). Боже мой, какъ я ужасно перепугалась!..

Леонидъ. Не прикажете-ли воды, спирту?

Чаврина. Благодарю васъ... У меня есть... (Достааетъ пузырекъ и вихаетъ изъ него).

Артамонъ. Камфора-съ.

Леонидъ. Такъ что-же? Прекрасное средство. Садитесь, Алевтина Павлиновна. Прошу васъ. (Чаврина садится).

Чаврина (старикъ Фыгину). Мнѣ ужасно совѣстно... вы не поѣрите какъ... Этотъ испугъ... Помѣшала...

Фыгинъ. Чѣмъ помѣшали? Нисколько.

Чаврина. Я очень нервозна... Смѣшно... Наконецъ близорука... И мнѣ показалось, что Макаровичъ быкъ... Онъ вырывается. Вчера въ садъ забрался ко мнѣ. Представьте мой ужасъ!.. Не понимаю, отчего не гоняютъ въ стадо... Выйти нельзя никуда. Назанье!.. Я буду жаловаться...

Артамонъ. Алевтина Павлиновна всего боятся. Безъ свиты не ходятъ. Марфуша съ ними, дѣвченки..

Чаврина (Артамону). Ну ужь охрана! Марфутка первая убѣжить, если что... (Фыгину). Намедни идемъ по лѣсу, она змѣю увидала. Какъ крикнетъ, да за меня, и толкаетъ меня на змѣю-то! Представьте! (Взглянула на Леонида и смугилась). Я болтаю... (Вдругъ встаетъ): До свиданья, Ома Никитичъ!..

Фыгинъ. Куда-же вы, матушка?

Чаврина. Нѣтъ, надо домой... Помѣшала... Этотъ испугъ... Извините!.. мнѣ такъ совѣстно!..

Фыгинъ. Да посидите!

Чаврина. Нѣтъ, нѣтъ, право мнѣ нужно... До свиданья... Артамоша меня проводить...

Леонидъ. Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ проводить васъ.

Чаврина. Зачѣмъ-же вамъ беспокоиться? Артамоша...

Леонидъ. Сдѣлайте одолженіе, позвольте. Вашу ручку.

Чаврина. Зачѣмъ-же?.. Я такъ... Очень вамъ благодарна...

Леонидъ. Ручку!

Чаврина. Мнѣ право совѣстно... Зачѣмъ, если можно такъ?.. (Леонидъ продолжаетъ держать руку кренделемъ, любезно и выразительно глядя на нее). Вы ужасно настойчивый... И какое вамъ удовольствіе?

Леонидъ. Больше: честь.

Чаврина. Вы не смѣтаетесь?

Леонидъ. Помилуйте!

Чаврина. Ну ужь... (Неловко взяла его подъ руку и отвернулась чрезвычайно сконфуженная. Уходить въ калитку).

Артамонъ (всторону). И камфору забыла! (Взявъ оставленный пузырекъ).

Фыгинъ (глядя вслѣдъ уходящихъ). И зачѣмъ это онъ?!...

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Фыгинъ, Артамонъ и Полидорова (сидѣвъ съ засученными рукавами).

Полидорова. Готово кушать. Пожалуйста! Какіе вышли вареники—чудо! А гдѣ-жъ Леонидъ Омиичъ?

Фыгинъ. Барышню пошелъ провожать, Чаврину.

Артамонъ (подходитъ къ матери и набрасываетъ на носъ pin-a-nez). Какъ вѣжливый и предусмотрительный кавалеръ-съ.

Полидорова (всплеснула руками). Это что на тебѣ, на носу?!

Артамонъ. Жангиль?

Полидорова. Въ конецъ одурѣлъ, братцы мои! Да что ты фигуришь-то, а?

Артамонъ. Вы, маменька, невѣжливостей не говорите-съ. (Приподнял фуражку Фыгину и запѣлъ, уходя).

„Скажите ей, какъ пламенной душою“

ЗАНАВѢСЪ.

Дѣйствіе II.

Сцена: Гостиная въ домѣ Чавриной. Двери: налѣво, во внутреннія комнаты, и направо, въ залъ и прихожую. Въ задней стѣнѣ три окна во дворъ, въ которые видны надворныя постройки. Справа зеркало съ подзеркальникомъ и стулья. Слѣва диванъ, круглый столъ и кресла.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Чаврина и Сиклита.

Чаврина (вертится передъ зеркаломъ; въ рукахъ у нея другое зеркало, въ которое оглядываетъ себя сади). Кажется, ничего сидить, не дурно... Вотъ тутъ что-то морщить, а?.. ниже лопатки?.. Взгляни, Сиклита.

Сиклита. Ничего не морщить.

Чаврина. Какъ-же не морщить? Нѣтъ, морщить. Вижу, я думаю... Говорива портнихѣ утачать бочекъ... Ну морщить, конечно! (Съ досадой отходитъ отъ зеркала) Никогда, никогда не сошьютъ тебѣ хорошенько! На смѣхъ испортятъ, на зло!

Сиклита. Да хорошо ужъ. Полно, пожалуйста!

Чаврина. Умѣютъ-же люди одѣться и къ лицу, и красиво, а на мнѣ все кое-какъ!.. Тамъ торчитъ, тамъ кривить... Наказанье! Плачу дороже другижъ, а кожу чортъ знаетъ... кувалдой какой-то! (Опять у зеркала). Положительно морщить...

Сиклита. Полно передъ зеркаломъ-то вертѣться! Лучше не станете.

Чаврина. Сиклита, ты слишкомъ много себѣ позволяешь. Ты ужасно груба.

Сиклита. Груба!.. Было время—носъ утирала вамъ... Груба!

Чаврина. Что ты была моей нянькой, это вовсе не даетъ тебѣ права постоянно дѣлать мнѣ дерзости. Вѣчно ворчишь, все не по твоему...

Сиклита. Ладно! Чѣмъ пустяки-то молоть, къ обѣднѣ-бы ѣхали. Попадете къ шапочному разбору.

Чаврина. Развѣ звонять?

Сиклита. Если не отрезвонили. Сегодня отца Петра служба. Живо у него обѣдня идетъ.

Чаврина. Марфуша! Марфуша!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Марфуша (слѣва).

Марфуша. Что, барышня, прикажете?

Чаврина. Сбѣгай, послушай—не благовѣстятъ-ли?

Марфуша. Трезвонятъ ужъ, барышня.

Чаврина. Ахъ, Боже мой, а я не готова! (Засуетилась) Шляпку, зонтикъ!.. Сиклита!.. Да скорѣе! (Сиклита уходитъ). А лошади?.. Поданы наконецъ?

Марфуша. Дядя Степанъ запрягаетъ. (Уходитъ влѣво).

Чаврина. До сихъ поръ?!.. (кричитъ въ окно). Степанъ, да скорѣе ты, ради Бога! Когда еще велѣно запрягать, а ты все копаешься!.. Что?.. Тяжъ оборвался? (Отходитъ отъ окна). Ну такъ! Ахъ, наказанье, ахъ мученье мое! (у лѣвой двери). Вы, тамъ что сѣли? Сиклита! Марфуша! Давайте-же! (Марфуша входитъ съ картошкой, за нею Сиклита съ зонтикомъ, накидкой и перчатками). Марфуша, бѣги, скажи Степану, чтобы какъ знаетъ, а сію-бы минуту подавалъ лошадей. Слышишь? Сі-ю ми-ну-ту! Какъ ѣхать, такъ у него или то лопнетъ, или другое сломается. (Марфуша, поставивъ картошку, пошла къ двери). Постой!.. (Вынимаетъ изъ картошки шляпку). Узнай, пришелъ-ли прикащикъ... Это что значитъ?! Ты изволила такъ отлично шляпку засунуть? Развѣ это цвѣтъ? Лешенца, а не цвѣтъ!

Марфуша. Сами вы клали, не я-съ. А прикащикъ вернулся изъ церкви.

Чаврина. Чего-жь онъ сюда не идетъ? Бѣги, спроси—нѣтъ-ли покойника? (Марфуша уходитъ), Нарочно посылаешь за этимъ, а онъ придетъ и разсѣдется! (Пристально разсматривая свое лицо въ зеркало).

Сиклита. Чего не видали? Надѣвайте шляпку-то.

Чаврина. Молчи, пожалуйста. Пудру!

Сиклита. Всего не замажете. Натѣ. (Подаетъ. Чаврина пудрится). Энтото, Лянида Омича-то, опять приведете?

Чаврина. Захочетъ—зайдетъ.

Сиклита. Часто приваживаете. Не къ чему.

Чаврина. Ты вѣрно табакомъ зубы начистила, что такая сердитая? Съ тобою всегда такъ. Вотъ привычка!

Сиклита. Нечего мнѣ заговаривать ихъ, зубы-то!

Чаврина. Скажите! (Входящей Марфушѣ). Ну, что?

Марфуша. Прикащикъ говоритъ—въ церкви покойника нѣту.

Чаврина. Да былъ-ли онъ тамъ? Намедни Иваньку послать. Тотъ прибѣжалъ, «нѣту» говоритъ, а я только въ церковь—гробъ!

Марфуша. Говорить—нѣту.

Чаврина. А лошади?

Марфуша. Подаютъ.

Чаврина. Наконецъ-то! (Надѣваетъ шляпку и обрываетъ ластикъ). Ну, вотъ! Спѣшишь, а тутъ ластикъ оборвался! Наказанье! (Бросаетъ шляпку и сердито садится).

Сиклита. (Поднимаетъ шляпку). Зачѣмъ-же швырять! Пришью. (Пришиваетъ).

Чаврина (надѣваетъ перчатки). Торопнись, а тутъ, какъ на зло... (Перчатка лопается). Ну, вотъ! Теперь перчатка кракнула. (Заплакала. Марфуша, отвернувшись, смѣется).

Сиклита. Еще казія! (Подаетъ шляпку). Надѣвайте я съ Богомъ.

Чаврина. Не хочу, не поѣду! (Вскакиваетъ, срываетъ съ себя перчатки, бросается въ другое кресло и всхлипываетъ).

Сиклита. Есть о чемъ плавать! Не въ городъ-же теперь за перчатками посылать! Ступайте такъ.

Чаврина (криливо). Отвяжитесь! Не хочу!

Сиклита. Не хотите, какъ хотите. Раскапризничается — тошно глядѣть! (Уходитъ влѣво).

Марфуша. Велѣтъ отпрягать дядѣ Степану?

Чаврина (вскакиваетъ и взвизгиваетъ, топая ногой). Пошла вонъ! (Марфуша уходитъ). Уморять они меня! Наказанье! (Быстро ходитъ по сценѣ).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Чаврина, Артамонъ и потомъ Марфуша.

Артамонъ. Вы еще дома? Нижайше кланяюсь. Опоздали, Алевтина Павлиновна, къ достойной звонять.

Чаврина. Ужъ къ достойной! И всегда-то я опоздаю!

Артамонъ. Леонидъ Ѳомичъ давно въ церкви-съ.

Чаврина. Ёду, ёду! (Торопливо взбила передъ зеркаломъ свои завитые волосы и надѣваетъ шляпку).

Артамонъ. Къ лицу-съ.

Чаврина. Что?

Артамонъ. Куафюра-съ... Удивительно какъ...

Чаврина. Вы находите? А старикъ Фыгинъ въ церкви?

Артамонъ. Какъ всегда-съ. На клиросѣ подпѣваетъ. (Предупреждая Чаврину, беретъ ея накидку). Позвольте, подамъ. Про вашего прикащика еще плутню узналъ.

Чаврина. Ахъ, не разстраивайте меня! И такъ все утро бѣснѣ. (Надѣла накидку и взялась за карманъ). Гдѣ-же платокъ? Наказанье! Марфуша! (Въ лѣвую дверь). Платокъ! Да скорѣй! О чемъ думать!

Артамонъ. Изъ вашего лѣса три дуба на мельницу продалъ.

Чаврина. Да кто?

Артамонъ. Все онъ-же, вашъ прикащикъ любезный.

Чаврина. Ахъ, Артамоша, ни капельки вы меня не жалѣете!

Марфуша (входя слѣва). Извольте платокъ.

Артамонъ. Если-бъ не жалѣлъ-съ, если-бъ ежечасно, ежеминутно не радѣлъ о благополучіи вашемъ...

Чаврина. Ахъ, послѣ объ этомъ, послѣ! (Пошла къ правой двери и возвращается). А ключи? Ключи гдѣ? Куда задѣвали? Наказанье!

Марфуша. Не знаю, барышня, не видала. (Ищетъ ключи на столѣ, на мебели).

Чаврина. Ты никогда не видишь что нужно, никогда.

Артамонъ (тоже искавшій ключи, находитъ ихъ подъ столомъ). Вотъ они-съ.

Чаврина (спрятала ключи и еще разъ оглядѣлась въ зеркало). Ну, кажется все! (Торопливо уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Артамонъ и Марфуша.

Марфуша. Ха-ха-ха! Ха-ха ха! Охъ, уморила! Туда-же баранчикомъ завидася! Ха-ха-ха!.. Модничаютъ, модничаютъ передъ зеркаломъ-то... (вертится передъ зеркаломъ, подражая Чавриной). И такъ-то и этакъ... Ха-ха-ха! Какъ есть имдюшка! Съ ума свелъ Леонидъ Ѳомичъ нашу фефелу.

Артамонъ. Въ сердечномъ разслабленіи находится. Д-да, возбудить чувства для насъ съ Леонидомъ Ѳомичемъ—можно сказать—плевое дѣло. (Накинулъ рпсе-пез и разваливается въ креслѣ).

Марфуша. Тоже носъ осѣдлалъ, ха-ха!

Артамонъ. Марфинька, вы глупы, сердце мое. Этакъ легко можете утерять мой фа-воръ.

Марфуша. Что-о?! Нуждаюсь! (Пошла къ двери).

Артамонъ. Марфинька! Мар-финь-ка! Я васъ зову.

Марфуша. Очень заважничалъ! Съ чегой-то?

Артамонъ. Какъ вы ни легкомысленны, но розы ваши все-таки цвѣтутъ. Извиняю. Подойдите и поцѣлуйте меня.

Марфуша. Какъ бы не такъ!

Артамонъ. Продолжаю быть снисходительнымъ: подойдите и поцѣлуйте меня.

Марфуша (подходя). Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, чего ломаешься-то?! Кого изъ себя представляешь?! «Мы съ Лянидомъ Ѳомичемъ»... Одурѣлъ отъ Лянида Ѳомича не хуже нашей фефелы. Такую важность на себя напустилъ, фу ты, ну ты! На козѣ не подѣдешь. Ну и важничай. Шутъ съ тобой, если такъ!

Артамонъ (вынулъ папиросу, смѣрилъ ее взглядомъ и отвернулся). Огня!

Марфуша. Дождидайся! (Уходитъ, хлопнувъ дверью).

Артамонъ (крпячь). Ог-ня!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Артамонъ, Полидорова и потомъ Сиклита.

Полидорова. Чего ты въ чужомъ домѣ заявляешь-то! Орало!
Артамонъ. По части приличій не у васъ мнѣ учиться, ма-
менька. Проходите-съ.

Полидорова. Что?..

Артамонъ. Проходите-съ и не мѣшайте моимъ размышлениямъ.

Полидорова. Рѣшетоу въ водѣ звѣзды ловить? Размышляй,
умничекъ, размышляй. (Зоветь) Сиклита!.. Сиклитушка!..

Сиклита (входя). Ну что?

Полидорова. Алевтина Павлиновна послала меня сказать,
чтобы вы кофей сварили. сливокъ велѣли-бы вскипятить, масла-бы
приготовили...

Сиклита (перебивая). Еще чего?!

Полидорова. Приѣдутъ отъ церкви, будутъ пить кофей. Ве-
лѣли, чтобы сейчасъ готовить...

Сиклита. У себя на поповкѣ распоряжайтесь, а здѣсь упра-
вятся и безъ васъ. (Уходитъ).

Полидорова. Ишь, такъ и рычить, такъ зубы и скалитъ!

Артамонъ. Первымъ дѣломъ моего управительства будетъ
выкурить отсюда духа злаго Сиклиту.

Полидорова. Молчалъ-бы про управительство про свое. Такъ
и взяли!

Артамонъ. Вы, маменька, возбуждаете во мнѣ иронию.

Полидорова. Еще что? А я тебѣ наотрѣвъ говорю: бросишь
становаго или онъ тебя вытурить. — ко мнѣ и не воображай. Самимъ
жрать нечего. Прежде, бывало, и душа сыта, и копѣчка была, а
теперь день не ѣдимъ, два не ѣдимъ и на третій погодимъ. Вотъ
какое усердіе къ духовнымъ-то стало. Не тѣ времена, чтобы еще
тебя, дубоглота, кормить. Ты вотъ жалованье получаешь, доходы,
а что отъ тебя мать видала? Хоть-бы платчишко купилъ когда,
сестрѣ башмаченки-бы...

Артамонъ. Старая пѣсня-съ. Успокойтесь. Что-бы ни приклю-
чилось въ карьерѣ моей, на вашу тюрю съ попреками не отважусь
и въ невѣжественную среду вашу не снизойду.

Полидорова. И не отваживайся. Натолкнешься рыломъ въ
кулакъ.

Артамонъ. Сколь невѣжественно, столько смѣшно-съ. У насъ
съ Леонидомъ Ѳомичемъ перспектива въ другомъ направленіи.

Полидорова. Полно, пожалуйста! Что онъ около Алевтины
обхаживаетъ, ты-то при чемъ здѣсь?

Артамонъ. Въ интервалѣ Алевтина Павлиновна.

Полидорова. Въ какомъ такомъ «интервалѣ»?!

Артамонъ. Въ нерѣшительности, готовая воспылатъ.

Полидорова. Ну это въ ней оскудѣвать-бы должно. А хоть и вправду перекувырка случится, женится Леонидъ Ѳомичъ, тебѣ прибыль какая?

Артамонъ. Леонидъ Ѳомичъ меня понимаетъ и цѣнить. Если соки выжимать, то способнѣе меня на эту операцію ему не сыскать. Мужики знаютъ. У меня хватка цѣпкая и твердая-сь. Расширьте поле дѣятельности моей и я покажу-сь... Становой препятствуетъ, а то-бы... Леонидъ Ѳомичъ понимаетъ это. Леонидъ Ѳомичъ не сморгнетъ; онъ человѣкъ спокойный, когда интересъ. Сострадательныя чувства и нѣжности интересу вредять. Это мы съ Леонидомъ Ѳомичемъ очень даже хорошо понимаемъ. А вы имѣете простодушіе во мнѣ сомнѣваться, когда... ха-ха! когда я *васъ самихъ* отлично могу слопать, маменька, васъ самихъ-сь! (Уходить вправо).

Полидорова. (Изумленно развела руками). Ахъ ты... ахъ ты кар-кадила ты этакая! (Уходить влѣво).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Чаврина и Леонидъ входятъ справа, въ сопровожденіи Артамона.

Чаврина. Садитесь, Леонидъ Ѳомичъ. Будемъ пить кофей. Прикажу подать. (Уходить въ лѣвую дверь).

Леонидъ. За нами родитель плетется. Задержи его тамъ... бурами займи, что-ли, или въ саду... Понимаешь?

Артамонъ. Въ совершенствѣ. А чувствуете—камфора-сь? (Нюхаетъ воздухъ).

Леонидъ. Да, пахнетъ таки.

Артамонъ. Можете поэтому судить о степени чувствъ.

Леонидъ. Пошелъ ты! (Съ улыбкой толкаетъ его логонько къ двери).

Артамонъ. На точкѣ выпѣнія-сь, ха-ха-ха! (Уходить вправо)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Леонидъ, Чаврина и Марфуша (вначалѣ).

Чаврина (входя безъ шляпки). Несите скорѣй!.. (Садятся на диванъ. Марфуша вноситъ подносъ съ кофеемъ. Поставила и уходитъ). Пожадуй, не вкусень? Извините. Я вѣдь плохая хозяйка. Поваръ зацѣпствуетъ—безъ обѣда сажу... И такъ все.

Леонидъ. Не занимаетъ хозяйство?

Чаврина. Къ несчастью, нѣтъ, даже раздражаетъ... всѣ эти дразги... Я ужасно несчастна, что не имѣю никакихъ талантовъ.

Люби я музыку. напримѣръ, я ушла-бы въ нее всею душою, я-бы страстно предалась ей и была-бы счастлива. А теперь... неудовлетворенность, какой-то гнетъ на душѣ, хандра... Одно—читаю, очень много читаю.

Леонидъ. Романы?

Чаврина. И романы. А что?.. Вамъ смѣшно?

Леонидъ. Отчего-же смѣшно? Но съ вашими нервами... воображеніемъ, читать романы можетъ быть вредно... И пожалуйста разъ на всегда перестаньте думать, что я надъ вами смѣюсь. Наоборотъ... Должны, кажется, видѣть...

Чаврина. Ахъ да, вы очень добры ко мнѣ, Леонидъ Ѳомичъ.

Леонидъ. Больше: я *люблю* васъ.

Чаврина. Любите?

Леонидъ. Ха-ха! вы какъ будто удивлены. Да, люблю.

Чаврина. Вѣрить-ли?.. (Леонидъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе). Ахъ, мнѣ хочется, мнѣ отрадно вамъ вѣрить... Но... но чѣмъ я могла вызвать?.. Я не красива... не первой молодости... Если вы шутите, то...

Леонидъ. Какія шутки! Напротивъ. Нравится не одна внѣшность, хотя и въ этомъ вы къ себѣ слишкомъ строги... (въ сторону). Что можетъ въ ней нравиться? (Ей). Ваша искренность... простота... О, у васъ золотое сердце! Развѣ этого мало? Говорю совершенно серьезно, что люблю васъ, люблю! (Обнявъ ея талію).

Чаврина. Ахъ, нѣтъ, оставьте!.. Нехорошо, Леонидъ Ѳомичъ... Пожалуйста! (Она отняла руку). Уважайте мою застѣчивость... Мужчины увлекаются пылко, а дѣвушка робко ввѣряется чувству... благоговѣть предъ нимъ... нѣжить его...

Леонидъ. Мечтаетъ, живописуетъ воображеніемъ, а? Люди положительны называютъ это—тянуть любовную канитель...

Чаврина. И вы такъ думаете?!

Леонидъ. Нѣтъ, нѣтъ, ха-ха!.. Помечтать... Отчего-же?—не дурно. А вы, сознайтесь-ка, милый другъ, вы вѣдь очень мечтательны?

Чаврина. Одинокая, чуждая всѣмъ... Да, я мечтала... Какъ-же было жить иначе?.. Но когда я мечтала, я... я прикрашивала себя... Это непремѣнно, когда представляла себѣ счастье, любовь... (Леонидъ усмѣнулся). Не смѣйтесь надо мною, Леонидъ Ѳомичъ. Теперь, когда вы высказались, я должна быть откровенна съ вами, душу открыть должна...

Леонидъ. И открывайте, милый другъ. Я слушаю.

Чаврина. Прикрашивала, то-есть наружность, но и только... А теперь мнѣ кажется, что я и глупѣе, и вообще гораздо хуже

того, какъ сознавала себя до встрѣчи съ вами... И эта неувѣренность въ себѣ ужасно меня мучаетъ...

Леонидъ. Слѣдствіе вашей подозрительности.

Чаврина. Можетъ быть. Но что-же дѣлать, если мнѣ все кажется, что надо мною смѣются... Это обижаетъ и раздражаетъ меня...

Леонидъ. Большое самолюбіе, милый другъ.

Чаврина. И это пожалуй... большое, оскорбленное... оскорбленное самолюбіе — чувство тяжелое, Леонидъ Фомичъ... Съ нимъ можно дойти до смѣшного, до крайности, до сумасбродныхъ поступковъ... Я, можетъ быть, и дошла... И при всемъ этомъ ваше признаніе... слова любви... Естественна моя неувѣренность.

Леонидъ. Опять!

Чаврина. Не сердитесь, дорогой мой, простите меня! Если я повѣрю, если допущу себя жить вашимъ чувствомъ, то въ эту жизнь уйду вся, навсегда. Обмануться-бъ было ужасно, ахъ ужасно! Меня пришибетъ, я погибну въ собственномъ мнѣніи... (Со слезами въ голосъ). Что за жизнь послѣ этого? И слезъ не будетъ облегчить горе. О чемъ можетъ плавать ничтожество? — Вотъ до чего я дойду вашимъ мнѣніемъ... вашимъ чувствомъ...

Леонидъ. Какіе ужасы! Полно вамъ! (Беретъ ея руку). Вотъ когда вы повѣрите, перестанете сомнѣваться...

Чаврина. Что-же тогда?

Леонидъ. Тогда эта ручка будетъ *моею* (Цѣлуетъ ея руку).

Чаврина (пылко обняла его голову и поцѣловала ее). Мое божество! (Стремительно убѣгаетъ влѣво. Фыгинъ вошелъ на поцѣлуй изъ правой двери и остановился на порогѣ. Его не замѣтили).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Леонидъ и Фыгинъ.

Фыгинъ (про себя). Вотъ до чего!

Леонидъ. Не-д-дурно, ха-ха!

Фыгинъ (тихо подошелъ и положилъ руку на плечо сына). Леличка!

Леонидъ. А, вы родитель!

Фыгинъ. Леличка, она смѣшная, истинно; но чувства-то, чувства ея вѣдь хорошія? За что-же смѣяться?.. И то еще въ соображеніе взять: безответная, беззащитная, жалости достойная дѣвица... Такую обижать—грѣхъ, потому очень легко ужь обидѣть.

Леонидъ. Никто и не намѣревается обижать.

Фыгинъ. Перестань, Леличка, Богомъ тебя прошу—перестань! Что за шутки! Иначе нельзя разумѣть, что игра это... Игра недостойная, Леличка... Забава или хуже того: виды, расчеты...

Леонидъ. Что?! Завираетесь, родитель.

Фыгинъ. Всю жизнь не враждь, слѣдственно и завираться не могу. Но это оставимъ. Ты могъ оскорбиться. Но я и не думаю про тебя такъ, что расчеты... Вѣдь это была-бы подлость сознательная...

Леонидъ (вспыльчиво). Позвольте!

Фыгинъ. Не волнуйся, ради Создателя. Говорю, что не хочу думать такъ. Ужь по одной той причинѣ, что тогда-бы... смерть моя, Леличка...

Леонидъ. Трагедія! Родитель, уразумѣйте разъ на всегда: я терпѣть не могу, чтобы вмѣшивались въ мои дѣла и не допущу этого. Поняли?

Фыгинъ. Послушай... сынъ отцу такія слова?!.. Кричишь на меня!?. Простая вѣжливость, Леличка...

Леонидъ (еще рѣзче). Эти обходы, дозоры—несносны они мнѣ, даже изъ почтенныхъ родительскихъ побуждений. Не горячитесь и кончимъ. Довольно-съ!

Фыгинъ. Ты горячишься, ты самъ... А зачѣмъ? Кто правъ—зачѣмъ тому горячиться?

Леонидъ. До-воль-но-съ!! (Уходитъ вправо).

Фыгинъ. Вотъ какъ... вотъ оно какъ!.. (Заллакалъ). Господи Боже мой!.. Ну, что будешь дѣлать!.. Отвыкъ... Со шелоу отъ дома отбился... Ну и товарищи... Огрубѣлъ... Наконецъ, вѣкъ ужъ такой... Да и самъ я... за что такъ ужъ особенно-то меня уважать?! Что будешь дѣлать, стерплю!.. А если Леличка того... если чести въ немъ нѣтъ, вотъ ужъ тогда... Господи, ты зришь въ сердцѣ его. Молю за него!.. (Со слезами продолжаетъ молитву шопотомъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Фыгинъ и Чаврина.

Чаврина. Что съ вами, Ома Никитичъ?

Фыгинъ (поспѣшно утирая слезы). Ничего, матушка, ничего!

Чаврина. Разстроены? Ну вотъ!.. А я хочу, чтобы всѣ были веселы, всѣ! Мнѣ ужасно какъ весело.

•Хорошо, свѣтло
Въ міръ Божиємъ!
Хорошо, легко,
Ясно на сердцѣ!•

Вы не знаете этихъ стиховъ? Чудные стихи. Ахъ, какъ хорошо и свѣтло! Хочется пѣть, смѣяться, рѣзвиться...

Фыгинъ (съ печальной усмѣшкой). Пѣть и рѣзвиться!

Чаврина. Вы хотите сказать, что я неловка, неуклюжа, что выйдет смѣшно?

Фыгинъ. Нѣтъ, матушка, нѣтъ. Было-бъ отчего рѣзвиться, а то...

Чаврина (перебивая). О, у меня такая радость... съ ума можно сойти, вотъ какая! Милый Оома Никитичъ, вы представить себѣ не можете, какъ я счастлива! Въ душѣ полнота, особенная кака-то... Ощущеніе этой полноты ужасно какъ хорошо, невыразимо! Вы хороший, Оома Никитичъ, и я васъ очень люблю. Не дивитесь моей болтливости. Я чувствую, что меня какъ-то поднимаетъ, будто волною, и несетъ куда-то, несетъ... И тамъ свѣтъ, тамъ блаженство, тамъ рай!.. Отчего вы на меня такъ грустно глядите, съ такимъ сожалѣніемъ? Отчего? Говорите-же, или я расплачусь.

Фыгинъ. А вы, матушка, можете объяснить мнѣ, по какой причинѣ счастье такое въ себѣ ощущаете?

Чаврина. Причину?.. Н-нѣтъ... пока нѣтъ. Это секретъ.

Фыгинъ. Тѣмъ паче и я не могу выразить своихъ мыслей. Но когда придетъ время — выражу, выражу-сь, если-бъ даже вы слушать меня не хотѣли.

Чаврина. Вы пугаете меня, Оома Никитичъ. Нехорошо. И не жаль вамъ меня?

Фыгинъ. Очень жалько, матушка, очень.

Чаврина. Не потому-же смущаете, что жалѣете?

Фыгинъ. Именно поэтому.

Чаврина. Загадка! Послушайте, я измучаюсь. Я мнительна ужасно и нѣтъ ничего легче, какъ сбить меня съ толку и заставить горевать. Неужели вы этого хотите, неужели вы такой злой?

Фыгинъ. Я-то? Хе-хе! Да я-бы первый возликовалъ вашей радостью, матушка.

Чаврина. Ну? Да говорите-же! Наказанье! Кончилъ тѣмъ, что разстроилъ таки меня!.. Возликовали-бы. Ну, и ликуйте. У меня большая, чудная радость.

Фыгинъ. Не вѣрю я въ радость вашу.

Чаврина. Это-же почему? Тутъ или недоразумѣніе...

Фыгинъ (перебивая). Ахъ, Господи! Ну какъ мнѣ сказать, какъ? Кровью сердца моего слова эти выйдутъ. Матушка, матушка! (Закрылся руками).

Чаврина. Ради Бога!.. Что съ вами?

Фыгинъ (рѣшительно). Леонидъ сынъ мнѣ?—Сынъ. Люблю я его?—Больше всего на свѣтѣ. И при всемъ этомъ долженъ сказать вамъ: будьте съ нимъ *осторожны*...

Чаврина (вспыльчиво). Что такое?!.. А, понимаю! Вы считаете

меня недостойной его привязанности и поэтому... Фу, низость какая! Вселить въ меня недоуверіе, бросить тѣнь на сына, изъ видовъ помѣшать нашему счастью. Какое недостойное, низкое средство! (Быстро уходитъ).

Фыгиня (развелъ руками). Поняла!.. вотъ такъ поняла!.. Я хую сына, хую Леличку, чтобы помѣшать ихъ счастью!.. Придумаетъ-же!.. Теперь все повернетъ въ его пользу въ своемъ ослѣпленіи, все!.. Бѣдная, бѣдная!.. (Пошелъ къ правой двери).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Фыгиня и Артамонъ.

Артамонъ. Домой направляетесь?

Фыгиня. Да. А Леонидъ еще здѣсь?

Артамонъ. Они въ садъ прошли съ Алевтиной Павлиновной. О дѣлахъ говорятъ, сердечныхъ и денежныхъ.

Фыгиня. Денегныхъ?

Артамонъ. Эти статьи обыкновенно соприкасаются. Обстоятельства, повидимому столь несомвѣстныя, переплетаются въ одинъ жгутъ, и жарить этотъ жгутъ человѣка на всеи пути жизни его, жарить нещадно-сь.

Фыгиня (задумчиво). Гмъ! денегныхъ...

Артамонъ. Интересуетесь—какой собственно предметъ вызываетъ финансовыя разговоры у Леонида Фомича съ дѣвицей Чавриной? Могу сообщить-сь. Отъ Леонида Фомича доуверіемъ обличень и горжусь. Занимаетъ ихъ вопросъ о поѣздѣ въ Харьковъ, для уплаты процентовъ и погашенія банку-сь, по залогу имѣнія Алевтины Павлиновны.

Фыгиня. Такъ, такъ!

Артамонъ. Ей куда-же ѣхать самой: фефела!

Фыгиня. Ахъ, какъ это невѣжливо, Артамоша!

Артамонъ. Въ дѣлахъ денегныхъ, хочу я сказать; а въ сердечныхъ, въ сихъ, такъ сказать, нѣжныхъ статьяхъ отъ женщины требуется что ей дано.

Фыгиня. А, да не пустословь, сдѣлай милость!

Артамонъ. Игривость ума отъ природы-сь, отсюда натуральное стремленіе пустить стрѣлу. Ну-сь, вмѣсто Алевтины Павлиновны, деньги повезетъ земельному банку Леонидъ Фомичъ и всѣ дѣла обдѣлаетъ наилучшимъ манеромъ.

Фыгиня. Деньги... Леонидъ... И скоро?

Артамонъ. Везти? Платежъ на носу. Зѣвать некогда.

Фыгиня. Охъ-охъ-охъ!..

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Фыгинъ, Артамонъ и Чаврина (справа).

Чаврина. Какъ я рада, Ома Никитичъ, что вы еще не ушли! Простите меня. Я вспылила, наговорила вамъ пустяковъ... Вѣдь вы ничего особеннаго мнѣ не сказали, то-есть обиднаго... ни для меня, ни для... Ну, вы знаете про кого говорю... Я ужь послѣ обдумала. Вы совѣтовали мнѣ быть осторожной.—Добрый совѣтъ... Не терять головы... Это трудно... Бываютъ минуты, когда самообладаніе оставляетъ тебя... забываешь все, все!..

Фыгинъ. Все мы другъ друга не понимаемъ, все вы не въ ту сторону. Эхъ!.. Вотъ Артамонъ говорить, что поручаете Лелечкѣ ѣхать по вашимъ дѣламъ въ Харьковъ. (Леонидъ входитъ при послѣднихъ словахъ).

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, Леонидъ и въ концѣ Марфуша.

Леонидъ. Поѣду. (Бросилъ вызывающій взглядъ на отца).

Чаврина. Ахъ, я такъ благодарна Леониду Омичу, такъ благодарна!.. Во-первыхъ, я ужасно боюсь желѣзной дороги. Вагонъ для меня тюрьма. Потомъ, на поѣздахъ обворовываютъ...

Леонидъ. На нашей дорогѣ особенно часто.

Чаврина. Наконецъ, банкъ, счета... я ничего не понимаю въ этомъ... А Леонидъ Омичъ такъ обязателенъ...

Фыгинъ (перебивая). Матушка, дозвоьте мнѣ за васъ съѣздить. Вы оставайтесь себѣ, а я съѣзжу и все улажу, и деньги ваши свезу, и все...

Леонидъ (тихо отцу). Это что значить?

Фыгинъ (отвѣтилъ ему выразительнымъ взглядомъ, Чавриной). Все аккуратноѣйшимъ образомъ будетъ обдѣлано. Дозвольте!

Чаврина. Въ самомъ дѣлѣ... на что лучше?—Очень вамъ благодарна. (Леониду тихо). Прекрасно!—намъ не разлучаться.

Леонидъ. Родитель старъ...

Фыгинъ. И безтолковъ, скажешь ты?

Леонидъ. Въ банковскихъ дѣлахъ ни черта не смыслить и, при всемъ желаніи сдѣлать вамъ одолженіе, можетъ напутать. Ёду я. Рѣшено.

Фыгинъ. Въ такомъ разѣ, матушка, сдѣлаемъ вотъ какъ...

Леонидъ (рѣзко). Ахъ, что еще?! Какіе тутъ разговоры?

Чаврина (Фыгину). Оставьте... Леонидъ Ѳомичъ раздражается... Я не хочу... (Повышая голосъ) Если вы... если это въ родѣ давишняго намека, то я... не позволю!

Фыгинъ. Я долженъ предупредить...

Чаврина (перебиваятъ еще громче, въ сильномъ волненіи) Не позволю я вамъ!.. за себя прошу все... но въ настоящемъ случаѣ, когда всю душу мою возмущаютъ... не допущу!.. Слышите?

Фыгинъ. Остается гнать вонъ. И гоните меня, гоните! (Попесть къ двери).

Леонидъ (Чавриной, беря ея за руку). Успокойтесь, милый другъ. Изъ чего вы волнуетесь? Я даже не понимаю, къ чему весь этотъ разговоръ...

Фыгинъ (дрожа отъ волненія). Къ чему этотъ разговоръ? Леля, ты не понимаешь... не понимаешь къ чему? А къ тому онъ... (Трахъ! въ дребезги летятъ со стола чашки, столкнутыя Артамономъ).

Артамонъ (заметаясь). Ахъ, что я надѣлалъ!

Чаврина. Какъ вы меня испугали!

Артамонъ. Простите, ради Бога простите! Вотъ неловкость! Я подберу-сь. (Кричитъ) Сиклита! Марфуша! Скорѣе! скорѣй! (Фыгинъ отчаянно махнулъ рукой и уходитъ. Вбѣгаетъ Марфуша и собираетъ черенки вѣсть съ Артамономъ).

Чаврина (нагибаясь къ черепкамъ). Тетенкины любимыя чашки. Жалость какая!

Леонидъ (ударяя по плечу подошедшаго Артамона, тихо).. Не-д-дурно, милый другъ!

Артамонъ. Хи-хи-хи! кстати механика вышла-сь?

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Сцена: Садъ Чавриной. Справа домъ съ балкономъ. Посерединѣ, подъ группой деревьевъ, скамья. Въ глубинѣ рѣшетка съ калиткой.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Чаврина (то ходитъ, то садится на скамью). И вѣрю, и не вѣрю своему счастью... Неужели онъ любить, неужели я стану его женою?! Ахъ, въ сотую долю любить-ли такъ, какъ я его обожаю?!.. А сердце щемитъ и грустно... Нервы разстроились до того, что

не знаю что съ собой дѣлать... (Прошлась молча)... Чѣмъ отдѣлать платью къ вѣнцу? Цвѣты на голову купила... Нейдутъ. Заперлась, примѣрила и расплакалась. Я ужасно похудѣла за это время. Не ѣмъ, не сплю, сны все страшные... А какъ-бы хотѣлось быть авантюжной, понравиться ему въ подвѣчномъ нарядѣ!.. Вотъ онъ нѣжно беретъ мою руку, ведетъ къ аналою, ласково смотритъ на меня.. милый! Какъ онъ хорошъ, какъ божественно хорошъ въ черномъ, въ блестящемъ вѣнцѣ!.. Мой мужъ!.. (Закрылась руками). Ахъ, чудныя картины!.. Но онѣ меркнутъ, меркнутъ такъ скоро... И нападаетъ на меня страхъ, подавляющій, безотчетный... А Леонидъ не ѣдетъ, и никакихъ вѣстей! Измучилъ! Если не пріѣдетъ ни нынче, ни завтра, сама поѣду къ нему. Бесчеловѣчно такъ долго оставлять меня одну. А вдругъ онъ боленъ?.. или побѣздъ слетѣлъ? Они такъ часто кувыркаются... Если его ужъ вѣтъ?! Убить, раздавленъ, заживо погребенъ на какойнибудь Кукуевкѣ?! Нѣтъ, лучше не думать. Навообразишь Богъ знаетъ чего... Слума можно сойти!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Чаврина, Сиклита и потомъ Марфуша.

Сиклита. Тамъ мужики пришли... Селянины, Ховринъ Федулъ, Тимоха...

Чаврина. Ну? Что-же имъ надо?

Сиклита. А кто ихъ разбереть! Жаловаться пришли. Говорятъ дьячихинъ Артамонъ, сибирный этотъ, хлѣбъ арестоваль ихній, на землѣ что сняли у васъ; убирать, говорятъ, не даетъ.

Чаврина. Какъ арестоваль?! Какъ не даетъ убирать?!

Сиклита. Не даетъ. Выдѣте потолкуйте съ ними. Не поймешь что галдятъ. Деньги за землю, вишь, въ другой разъ требуетъ съ нихъ.

Чаврина. Это что значить?!

Марфуша (Входя изъ дома). Барышня, тамъ мужики-съ...

Чаврина. Знаю. Бѣги къ Оомѣ Никитичу, проси, чтобы сію минуту ко-миѣ шелъ. Очень. скажи, нужно. Чтобы сейчасъ... (Озабоченная уходитъ въ домъ).

Марфуша. Наврядъ пойдетъ Оома Никитичъ-то. Заперся, даже въ садъ выходить пересталь. Работница ихняя сказывала, слова отъ него не добьешься. Ходить, бормочетъ себѣ подъ носъ. Страхъ, говорить, беретъ глядѣть на него.

Сиклита. Сходи. Попроси.

Марфуша. Сходить-то схожу... (Уходитъ влѣво).

Сиклита. Видно не на радость старику сыночекъ пожаловать.

И намъ отъ него добра не ждять, охъ не ждять!.. Какъ увидала, сразу сердце мое противъ него повернулось. (Пошла было въ домъ, но, при видѣ входящихъ, остается въ саду).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Сиклита, Артамонъ (изъ калитки), за нимъ ломятся Потапъ и Кузьма.

Артамонъ. Сюда лѣзуть! Да отвяжитесь вы, черти! Сказаль. ступайте къ Алевтинѣ Павлиновнѣ.

Потапъ. Яви божескую милость, Артамонъ Микалаичъ, ослобони хлѣбъ-отъ! Погода ведренная, возить да возить-бы, а ты не даешь. Коли бъ неисправность за нами, ну такъ; а то деньги всѣ отданы, за землю-то, всѣ впередъ...

Кузьма. Тебѣ-же по 20 рублевъ отдали...

Потапъ. Какъ же такъ, чтобы въ другой разъ платить намъ? Неншто это порядокъ? Ты таки посуди?

Артамонъ. О, да безтолковый народъ! Говорилъ вѣдь я вамъ, вбиваль въ башки-то. Деньги требую не я, а Леонидъ Омичъ требуетъ. Поняли? Я по его довѣрью только.

Потапъ. А онъ за что?

Артамонъ. За то, что Чавринское имѣние въ настоящее время его, ему принадлежить...

Сиклита. Что ты, что ты?! Чтобъ наше имѣние...

Артамонъ (Сиклитѣ). Проворонили-съ. (Мужикамъ) Платили-ль вы Чавриной, нѣтъ-ли, Леониду Омичу все равно. Земля его и хлѣба безъ денегъ онъ убрать не дозволить. Или деньги подавай, или мы все свеземъ къ себѣ на гумно. А съ Чавриной ваше дѣло считается. Пошли!

Кузьма. Пойдемъ къ ей, дядя Потапъ, чорта-ли съ нимъ балакать!

Потапъ. Эхъ, головушка грѣшная! Разбирайся теперь!

(Потапъ и Кузьма уходятъ въ калитку).

Артамонъ. Что, Сиклитуша, или столбнякъ напелъ?.. Ха-ха-ха! Остается вамъ, моя милая, уѣхать изъ здѣшнихъ мѣстъ, какъ баба Яга ѣзжала: въ ступѣ, толкачемъ погонять, помеломъ замечать, ха-ха-ха!

Сиклита. Сибирный! Кто-же повѣритъ, чтобы наше имѣние ни съ того, ни съ сего чужимъ стало? Кто повѣритъ твоей брехнѣ?

Артамонъ. Да, камуфлетъ вамъ хорошій, сразу и не очуаешься.

Сиклита. Коли ты, хапуга ты этакій, съ мужиковъ сорвать замотѣль, тѣмъ пользуешься, что служишь у станowego, такъ зачѣмъ путать-то. небылицы выдумывать?! Погоди—барышня исправ-

нику напишетъ—задастъ онъ тебѣ! Онъ-те покажетъ, какъ мутн мутить! Сибирный! (Уходитъ въ домъ).

Артамонъ. Ха-ха-ха! Что-то вы запоете, когда васъ потурятъ отсюда? Да, Леонидъ Ѳомичъ такъ огрѣлъ васъ, что сразу невѣроятнымъ покажется. Однимъ ударомъ изъ гнѣзда вышибъ, кверхъ-тормашки, ха-ха! Ловко, что и говорить, ловко!.. И подаль-же онъ мнѣ жару, Леонидъ Ѳомичъ, ухъ! Страсть зудять руки. То есть навернись подходящая статья урвать кусъ, такъ впѣплюсь, такъ заграбастаю — чорту не оттащить!.. Выйдемъ въ люди и мы! (На дворѣ шумъ. Нѣсколько мужиковъ громко говорятъ разомъ). Ого, какъ галдятъ, сиволапы!.. Въ кислотѣ Алевтина Павлиновна, да!.. Теперь съ Леонидомъ Ѳомичемъ мы по другому хозяйство заведемъ здѣсь... Сегодня надо-бъ ему прибыть. (Вынулъ письмо и пробѣгаетъ его). «Выѣзжаю въ пятницу», пишетъ... Вѣрно, сегодняшняго числа долженъ прѣхать. (За сценой опять гамъ).

Чаврина (отчаянно взываетъ за сценой). Артамонъ!.. Артамоша, подите сюда!

Артамонъ. Ага, допекли! (Громко). Иду-сь! (Уходитъ въ домъ).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Фыгинъ въ сопровожденіи Марфуши входитъ изъ калитки, и вскорѣ Солодиловъ.

Фыгинъ. Что-же имъ надо, мужичкамъ этимъ? Говори, матушка, толкомъ! Хлѣбъ арестовали... За что?

Марфуша. Не знаю, Ѳома Никитичъ. Барышня скажетъ. (Уходитъ въ домъ).

Солодиловъ (входитъ изъ калитки. Онъ подъ имѣлькомъ). А позволте, почтенный, спросить: не здѣсь-ли господинъ Фыгинъ явельствуетъ?

Фыгинъ. Который Фыгинъ?

Солодиловъ. Лянидъ Ѳомичъ. Въ городѣ сказали: у себя онъ, въ селѣ. Село-то ваше большое, въ буграхъ да оврагахъ. Ыдилъ, Ыдилъ... Сюда-ли попалъ, не знаю.

Фыгинъ. Фыгина усадьба по сосѣдству. А Леонидъ Ѳомича дома нѣтъ.

Солодиловъ. Въ отлучкѣ? Досада какая!

Фыгинъ. Долженъ скоро быть. Ждутъ. А вамъ онъ зачѣмъ?

Солодиловъ. Дѣло къ нему имѣю, сударь... особенное. Съ багажомъ я-сь, хе-хе!.. Супругу его привезъ по принадлежности сдать... за ненадобностью.

Фыгинъ. Же-ну?..

Солодиловъ. Такъ точно. Пока въ городѣ она у меня остав-

лева, въ гостинницѣ... Съ чего-то вы, почтенный, такъ побѣгали? Ая не по себѣ вамъ?

Фыгинъ (опускаясь на скамью). Жарко... Отъ жары бываетъ со мною... дурнота... Охъ! Теперь ничего... отлегло... Присядьте въ холоды-то.

Солодиковъ. Сядемъ-съ. Дѣло настоѣлко диковинное, сударь мой, что, можетъ, думаете съ пьяныхъ глазъ я?.. Дѣйствительно, заложилъ маленько... Въ городѣ у васъ пріятель съекался... Да пустяки вышло, всего до покающаго взвода. Это градусъ такой у меня, когда всяческія меня покаянія одолѣвають. Самое, доложу вамъ, тошное расположеніе...

Фыгинъ. Жену привезли.. Про то, что Лелич... что Леонидъ Ѳомичъ женатъ, у насъ никому неизвѣстно.

Солодиковъ. Умолчалъ? Да какъ и сказать-то про это? Положимъ, стыда нынѣ поменьшило; всякія человѣкъ послабленія себѣ дѣласть и въ порокъ ихъ не ставитъ... Вотъ я до какого дошелъ безобразія! Совсѣмъ съ колен соскочилъ... Бить да бить-бы насъ съ Ленидомъ Ѳомичемъ! А меня вдвое-съ. Господинъ Фыгинъ тотъ на такихъ дрожжахъ ужъ взошелъ, что на всякую пакость способенъ; а я... Ая опять дурно вамъ?

Фыгинъ. Давишнее... Ничего, ничего..

Солодиковъ. А я—было время—жилъ честно, въ добродѣтели себя соблюдалъ. До самой чугунки такъ жилъ. А стали ее у насъ проводить, попуталъ меня лукавый подрядъ взять на шпалы... Ну, и зашпалился... Компанія ужъ больно хороша собралась... Шампанское какъ квасъ пили-съ, съ дѣвочками то выдѣлывали... чорту не расчихать—вотъ что выдѣлывали!.. И я-то, женатый, шестеро дѣтей!.. Тьфу! Какъ пьешь да не допьешь—тошнѣе всего. И пойдетъ тебя эта мораль точить!..

Фыгинъ. Все я не возьму въ толкъ: женился Леонидъ Ѳомичъ, а вы жену его привозите... «за ненадобностью»...

Солодиковъ. А изволите видѣть, какъ это и почему. Въ нашъ городъ... Издалеча я, верстъ за пятьсотъ... Какъ мы чугунку отстроили, въ нашемъ городѣ опредѣлился служить на нее этотъ самый Ленидъ Ѳомичъ. На ту пору я въ своемъ безобразіи до высшей нормы дошелъ. Полюбилась мнѣ дѣвица одна, до того, сударь мой, полюбилась, что горитъ мое нутро и шабашъ! Я такъ, какъ—стерегутъ. Мать чиновница, да три тетки, дѣвки старыя: одна крива, друга кособока, а у третьей съ чего-то ротъ своротило. Только этакіе аспиды и могли устеречь крадю ту, потому очень ужъ она проста... За то вотъ и возвращаю, что лукавый ее во всякій часъ соблазнить можетъ...

Фыгинъ. Охъ! Какъ-же Леонидъ-то Ѳомичъ?

Солодиловъ. А вотъ-съ какъ увидалъ я, что никакими способами, окромѣ брака не добыть сей самой крали, я за Фыгина. Малый—вижу—все-бъ ему курячьи пупочки да гусинныя печоночки кушать, какъ-никакъ только-бъ деньги. Одно слово: *рвачъ*. На ту пору рвачъ этотъ еще сумму компанейскую растранирилъ. Мечется. Такъ и такъ ему говорю: повѣнчайся съ такою-то, улажу все; молодую отъ вѣнца мнѣ, а тебѣ деньги. На десяти тысячахъ покончили.

Фыгинъ (вскакивая и задыхаясь). Довольно! довольно!

Солодиловъ (встаетъ). Что такое, что вамъ попритчилось?

Фыгинъ. Сынъ вѣдь!.. сынъ!..

Солодиловъ. Ва-ашъ?! Вотъ такъ навъзалъ!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Фыгинъ, Солодиловъ и Артамонъ (на балконѣ)

Фыгинъ. Сынъ! Понимаешь ты это?.. Куда ты его втянулъ, во что?!.. Извергъ ты! Хуже не нашелъ никого?! За что погубилъ? Ты... у самого дѣти! Окаянный! Да разразить тебя Богъ за это!.. (Сваливается на скамью). О, Господи!

Солодиловъ (растерялся). Оказія!.. Если-бъ знатъе...

Артамонъ (тихо Солодилову). Оставьте его. Пойдемте, почтеннѣйшій. Что вы ему про Леонида Фомича рассказали? (Уводитъ Солодилова влѣво).

Фыгинъ. Вотъ откуда у него деньги! какою цѣною!.. Чего же не продадутъ теперь?!.. Деличка!.. Господи, прибери, прибери меня поскорѣй, Владыко все милостивый!.. Мнѣ-ли снести испытаніе это?! О-охъ!.. не продохнешь... душно... (Хотѣлъ подняться, но снова падаетъ на скамью). Моченьки моей нѣтъ... душитъ меня!.. Охъ! охъ!.. (Съ страдальческимъ видомъ откидывается на спинку скамьи).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Фыгинъ, Чаврина и Сивилита.

Чаврина (въ волненіи сбѣгаетъ съ балкона) Не понимаю, ничего не понимаю!.. Сдавило виски... Будто сорвалась и лечу, лечу въ пропасть... Ужасъ! (Взялась за голову и стоитъ неподвижно, устремивъ глаза въ одну точку).

Сивилита. Барышня! придите въ себя, Христось съ вами!.. (Ласкаетъ ее) Алевтипушка!.. дѣточка моя милая!.. (Чаврина зарыдала) О, треклятый народъ, лиходѣи!

Чаврина. Значить, у меня ничего?.. Это все не мое, и' домъ, и земля?.. Куда-же я... куда-же я дѣнусь?.. Няничка, куда мы съ тобою?.. (Замѣтивъ Фыгина) Ома Никитичъ!.. Слышали, слышали?

Фыгинъ (приходя въ себя). А?.. что такое?..

Чаврина. Отняли, все у меня отняли!.. имѣніе все!.. Леонидъ Ѳомичъ... Артамонъ говорить—съ аукціона...

Фыгинъ. Ну, такъ!.. Не говорилъ, не остерегалъ я не довѣряться? А вы ротъ мнѣ зажали, чуть не вытолкали! Что-же теперь, (бьетъ себя въ грудь) теперь-то что я сдѣлаю, матушка вы моя?!

Склянта. Леонидъ Ѳомичъ самъ.

Фыгинъ. Са-амъ! (Поднимается, придерживаясь за скамью, и встрѣчаетъ сына неподвижнымъ взглядомъ).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Леонидъ (изъ калитки)

Чаврина. Ахъ! (съ крикомъ бросается къ нему). Ради Бога, что это значить? что они говорятъ? Имѣніе не мое?.. ваше?

Леонидъ. Прежде всего, здравствуйте (цѣлуетъ ея руку) и не волнуитесь, милый другъ... А, и родитель здѣсь? Здравствуйте, родитель! (протягиваетъ руку отцу).

Фыгинъ (глухимъ голосомъ, отводя его руку) Отойди! (Садится).

Леонидъ. Какъ вы суровы! (Чавриной). Видите-ли, милый другъ: ваше имѣніе дѣйствительно теперь числится за мною, но...

Чаврина. Такъ это правда?!

Леонидъ. Да не пугайтесь! Выслушайте сперва. (Чаврина плачетъ). Ахъ, не плачьте пожалуйста! Терпѣть не могу слезъ. Выслушайте. Дорогой со мною случилось именно то, чего вы боялись: меня обокрали...

Чаврина. Мои деньги?!

Леонидъ. И ваши, и мои, сняли часы, все. Дали чего-то напирать и обчистили такъ, что, понимаете, ни черта! Хорошо еще, что въ поѣздѣ случился знакомый, который ссудилъ мнѣ нѣсколько рублей, чтобы доѣхать до Кіева. Тамъ, въ частныхъ рукахъ, у меня были деньги. Я вырвалъ ихъ съ страшнымъ убыткомъ для себя и полетѣлъ обратно, чтобы застать хоть аукціонъ, такъ какъ срокъ вашего платежа уже миновалъ. И опоздай я нѣсколькими часами, все было бы кончено, имѣніе досталось бы чортъ знаетъ кому.

Фыгинъ. А теперь имѣніе купилъ ты?

Леонидъ. А теперь имѣніе купилъ я. (Чавриной). Я приплатилъ своихъ десять тысячъ, и оно съ торговъ осталось за мною.

Фыгинъ (про себя). Тѣ десять тысячъ. *Тѣ самыя!*

Чаврина. Какъ-же... значить я лишилась всего?!

Леонидъ. Мнѣ странно, милый другъ, что при *нашихъ* отношеніяхъ вы разсуждаете такъ. Если бъ имѣніе купилъ человекъ совершенно вамъ посторонній, тогда естественно прийти въ ужасъ; а теперь?.. Обокрасть-же могли и васъ, и cadaго, разумѣется.

Чаврина. Да... въ такомъ случаѣ... конечно, несчастье со всѣмъ можетъ случиться... Но я надѣюсь...

Фыгинъ (прерываетъ). Ложь! Не вѣрьте! Ложь до послѣдняго слова!... Кражи не было... Ложь! Обдумалъ заранѣе... Вхаль съ тѣмъ, чтобъ ограбить!

Чаврина. Что онъ говорить?! Я съ ума сойду!

Леонидъ. Э, полно, милый другъ! Пусть себѣ болтаетъ старикъ. Съ него нечего спрашивать. Пусть мелетъ вздоръ. Я разсказалъ все какъ было. Само собою разумѣется, что украденныя деньги я возвращу вамъ изъ своихъ до копѣйки. А на чье имѣніе—на мое или на ваше—въ виду *нашего будущаго* не все ли равно?

Фыгинъ. Ограблены вы, повторяю! подлѣйшимъ манеромъ!.. Но съ сумой не пойдете... Что имѣю—все передамъ вамъ... Завтра же по купчей передамъ... По крайности кусокъ хлѣба... И вы ко мнѣ... полной хозяйкой... А этотъ... (указываетъ на сына) этотъ не годяй порога моего не переступитъ.

Леонидъ. Напрасныя заботы объ Алевтинѣ Павлиновнѣ. Мы сами сдумѣемъ устроиться.

Фыгинъ. Не чудовищно-ли?! Онъ вдвойнѣ васъ обманываетъ. Его не хватаетъ обнаружиться сразу. Онъ смѣетъ намекать на супружество съ вами, тогда какъ *женитъ*.

Чаврина. Женать?! (Зашаталась. Сиклета ее подхватываетъ).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же Артамонъ и за нимъ Солодильовъ (слѣва).

Леонидъ. Я женать?! Откуда вы взяли?!

Фыгинъ (указываетъ на входящаго Солодильова). А вотъ... Узнаешь?

Леонидъ (изумленно). Чортъ возьми!

Фыгинъ. Гнусно, подло женать!.. Не могу!.. Силъ моихъ нѣтъ... охъ! (Хотѣлъ сѣсть, но чуть не упалъ на землю. Его подхватываетъ Артамонъ).

Артамонъ (поддерживая его). Изъ чего такъ тревожить себя-съ? Дѣло житейское.

Леонидъ (бросается къ Солодильову). Зачѣмъ тебя принесло?

Солодиловъ. Супружницу представить тебѣ. Нынче получишь. (Пошелъ къ калиткѣ).

Леонидъ (взбѣшенный). Вонъ съ нею! ко всѣмъ чертямъ!

Солодиловъ. При-мешь! потому она съ деньгами. Съ пустыми руками не кину. Я вѣдь за подлость свою плачу. Это вы, рвачи, на своей наживаете! (Уходитъ. Леонидъ быстро пошелъ за нимъ, но остановился и повернулся въ раздумѣ).

Сиклита (Чавриной). Пойдемъ-же домой, матушка!

Чаврина. Холодно, нянчика... (дрожитъ). У-у-уфъ!.. какъ знобить!

Сиклита. Въ такую жару? Христось съ вами! Пойдемъ, въ кроватку уложу, укрою...

Чаврина (громко, неестественнымъ голосомъ). Въ церковь, въ церковь!

Сиклита. Дѣточка моя!

Чаврина. Въ церковь хочу!.. Не держи!.. Молиться хочу!.. Въ церковь! (Вырывается и убѣгаетъ. Сиклита спѣшитъ за нею).

Леонидъ. Ужъ не рекнулась-ли?

Артамонъ (испуганно). Леонидъ Ѳомичъ! старею дурно-съ... Какъ-бы того!..

Леонидъ. Еще что? (Подходитъ къ отцу).

Фыгинъ (напрягъ послѣднія силы и всталъ). Прочь!.. Замираешь!.. Ты сердце мое растерзалъ... Безъ ножа зарѣзалъ!.. Тяжко проклинать сына... дитя свое!.. Но я про... проклинаю... и тебя... и всѣхъ васъ, рвачей, грабителей, всѣхъ... Свѣтъ помутили!.. Слезны лютя и кровь!.. Земля отъ васъ стонетъ... и клянеть... и я... и я... про-кли-на... а... (Закричѣлъ и падаетъ мертвымъ на руки Артамона).

Артамонъ (робко). Скончался. (Леонидъ стоитъ блѣдный, невзко оцувивъ голову и нервно сжавъ руки. Занавѣсъ).

И. В. Минаевскій.

* * *

Я пришелъ къ тебѣ съ открытою душою,
Истомленный скорбью, злобой и недугомъ,
И сказалъ тебѣ я — будь моей сестрою,
Будь моей заботой, радостью и другомъ.
Мы одно съ тобою любимъ съ колибели
И одной съ тобою молимся святынь,—
О, пойдемъ-же вмѣстѣ въ лучезарной цѣли,
Вмѣстѣ въ людномъ мѣрѣ, какъ въ глухой пустынь.

И въ твоихъ очахъ прочелъ я тѣ-же грезы,
Ты, какъ я, ждала участя и привѣта,
Ты, какъ я, въ груди таять устала слезы
Отъ докучныхъ взоровъ суетнаго свѣта, —
Но на зовъ мой, полный теплаго довѣрья,
Такъ-же беззаветно ты не отзывалась,
Ты искать въ немъ стала жи и лицемѣрья,
Ты любви, какъ злобы, дѣтски испугалась...

И сокрывъ въ груди отчаянье и муку,
И сдержавъ въ устахъ невольныя проклятья,
Со стыдомъ мою протянутую руку
Опускаю я, не встрѣтивши пожатя,
И, какъ, путникъ, долго бывшій на чужбинѣ
И въ родномъ краю не узнанный семьею,
Снова въ людномъ мѣрѣ, какъ въ глухой пустынь,
Я бреду одинъ съ пониженой головою...

С. Надсонъ.

„AU BONHEUR DES DAMES“.

Романъ Э. Золя.

Глава VII.

Съ минуту Дениза стояла въ недоумѣннн на тротуарѣ, затомъ яркими лучами палящаго июльскаго солнца. Катастрофа разразилась надъ ней такъ внезапно, ее такъ грубо и быстро метолкнули на улицу, что она не успѣла еще очнуться и, машинально сжимая въ карманѣ свои двадцать-пять франковъ, семьдесятъ сантимовъ, она спрашивала себя, куда ей идти и что дѣлать?

Длинный рядъ фіакровъ долго не позволялъ ей сойти съ тротуара «Bonheur des Dames». Пробравшись, наконецъ, между колесами, она побѣжала на площадь Гайонъ и направилась было къ улицѣ «Людовика Великаго», но почему-то свернула и пошла по улицѣ С.-Рошъ. Видно было, что она шла безъ цѣли, останавливаясь на каждомъ углу и оглядываясь въ верѣшинности. Свернувъ въ показавшійся на пути пассажъ Шоазель, затѣмъ въ переулокъ Монсиньи, она неожиданно для себя снова очутилась въ улицѣ С.-Огюстенъ. Встрѣча съ шедшимъ мимо разсылнымъ напомнила ей объ ея сундукѣ; но куда его перенести?.. И какъ все это вдругъ случилось, когда еще вчера у нея былъ свой уголь?..

Она подняла глаза и стала смотрѣть на окна. Точно въ туманѣ мелькали передъ нею одно за другимъ выставленные въ нихъ объявленія о сдачѣ комнатъ. Куда обратиться? Какъ она станеть жить одна, безъ поддержки, безъ всякихъ средствъ?.. Она машинально переходила изъ улицы въ улицу и вертѣлась въ кварталу, возвращаясь каждый разъ къ знакомому ей око-

лодку, пока снова въ изумленіи не очутилась передъ «Bonheur des Dames».

Чтобы избавиться отъ этого волнующаго зрѣлища, она бросилась въ улицу Мишодьеръ. Къ счастью, дяди Бодю на этотъ разъ не было на порогѣ «Стараго Эльбефа», мрачно выглядывавшаго изъ-за своихъ темныхъ витринъ. Она не осмѣлилась-бы подойти къ незнакомому ей при встрѣчѣ дядѣ и ни за что не прибѣгла-бы къ нему въ постигшей ее бѣдѣ, которую онъ ей предсказывалъ. Но вотъ по ту сторону улицы ей бросилась въ глаза надпись: «отдаются меблированныя комнаты». Это было первое объявленіе, на которое она смотрѣла безъ страха; до такой степени домъ показался ей мизернымъ и жалкимъ. Она тотчасъ узнала этотъ низенькій двухъэтажный домъ съ обвалившейся и побурѣвшей штукатуркой, точно стиснутый между зданіемъ «Bonheur des Dames» и бывшимъ отелемъ Дювилляръ. На порогѣ лавки зонтиковъ стоялъ длинноволосый и бородатый, какъ патриархъ, старикъ Бурра и внимательно разсматривалъ вырѣзанный изъ слоновой кости набалдашникъ. Снимая весь этотъ дождь, онъ сдавалъ жильцамъ два верхнихъ этажа въ видѣ меблированныхъ комнатъ.

— У васъ отдается комната, сударь? спросила невольно Дениза.

Онъ поднялъ на нее свои большіе, выглядывавшіе изъ подъ густыхъ бровей глаза и, казалось, былъ удивленъ ея присутствіемъ. Ему были извѣстны всѣ эти дѣвицы изъ магазина. Посмотрѣвъ на ея чистенькое скромное платье, на всю ея честную и приличную фигуру, онъ отвѣтилъ:

— Она для васъ не годится.

— А что она стоитъ? спросила Дениза.

— Пятнадцать франковъ.

Она пожелала видѣть. Войдя въ тѣсную лавченку, Дениза, подъ вліяніемъ испытующаго взгляда старика, рассказала ему о своемъ выходѣ изъ магазина и нежеланіи безпокоить дядю. Выслушавъ ее, старикъ отправился за ключемъ въ помѣщавшуюся за лавкой маленькую комнатку, которая служила ему одновременно и спальней и кухней; сквозъ запыленные стекла сюда проникалъ тусклый зеленоватый свѣтъ изъ крохотнаго дворика.

— Я пойду впереди, чтобы вы не упали, сказалъ Бурра, направляясь по тянувшемуся вдоль лавки сырому корридору.

Взбираясь по лѣстницѣ, онъ поминутно напоминалъ объ осторожности. Берегитесь! Здѣсь, противъ стѣны перила, на поворотѣ есть яма, куда жильцы складываютъ иногда ящики съ соромъ... Среди царившаго на лѣстницѣ непроницаемаго мрака, Дениза ничего не могла разглядѣть и чувствовала только запахъ пропитанной сыростью штукатурки. Въ первомъ этажѣ, выходящее во дворъ окно дало ей однако возможность смутно, точно сквозь туманъ, разглядѣть грязную лѣстницу, почернѣвшія отъ сырости стѣны и полинявшія, потрескавшіяся двери.

— Вотъ если-бы эти двѣ комнаты были свободны, замѣтилъ Бурра,—вамъ было-бы въ нихъ удобно... Но онѣ всегда заняты дамами.

Во второмъ этажѣ свѣту было больше, и лучше можно было разглядѣть жалкій видъ этого жилища. Первую комнату занималъ работникъ изъ булочной, а вторая—въ глубинѣ коридора—была свободна. Отворивъ ее, Бурра посторонился, чтобъ пропустить Денизу. Заграждавшая часть двери кроватъ оставляла проходъ только для одного человѣка. Остальную мебельку составляли небольшой комодъ, выкрашенный черной краской, сосновый столъ и два стула. Готовить нужно было на колѣняхъ передъ каминомъ, въ которомъ стояла небольшая глиняная печь.

— Что дѣлать! замѣтилъ старикъ,—помѣщеніе не богатое, но за то здѣсь не скучно, изъ окна видъ на улицу.

Замѣтивъ, что Дениза съ изумленіемъ смотритъ на потолокъ, гдѣ коноптью отъ свѣчки обозначено было имя: Эрнестина, онъ добро устно прибавилъ:

— Если-бы я вѣдунчалъ каждый разъ чистить и передѣлывать квартиры, то мнѣ нельзя было-бы сводить концы съ концами... Это все, что я могу вамъ предложить.

— Я довольна, отвѣчала дѣвушка.

Она уплатила впередъ за мѣсяць, попросила бѣлья и тотчасъ встала постель, довольная тѣмъ, что имѣеть, наконецъ возлесть. Черезъ часъ, она послала за своимъ сундукомъ и окончательно устроилась.

Перше два мѣсяца пренли въ страшной нуждѣ. Не имѣя возможности платить за Пецр, она взяла его къ себѣ и укладывала спать на диванѣ, который одолжилъ ей для этого Бурра. Чтобъ прожить на сухомъ хлѣбѣ, давая ребенку хоть

не много мяса, ей нужно было вмѣстѣ съ платой за квартиру, по крайней мѣрѣ полтора франка въ сутки. Первые двѣ недѣли прошли еще сносно: у нея оставалось десять франковъ и удалось отыскать заказчицу галстуховъ, уплатившую ей девятнадцать франковъ долга. Но затѣмъ наступила полная нищета. Напрасно она обращалась во всѣ магазины, въ „Bon Marché“, въ „Лувръ“, въ „Площадь Клини“ — повсюду ей предлагали подождать до октября, когда окончится мертвый сезонъ, выбросившій на мостовую безъ дѣла болѣе пяти тысячъ приващиковъ. Тогда она пыталась добывать мелкую работу на домъ, но, по неопытности и незнакомству съ Парижемъ, не знала куда обращаться, брала невыгодные заказы и часто не получала своего заработка. Выпадали дни, когда, накормивъ Пепэ однимъ супомъ, она говорила ему, что обѣдала на сторонѣ, и голодная, въ лихорадкѣ, укладывалась спать. Попадая къ ней случайно въ такі минуты, Жанъ съ такимъ трагическимъ отчаяніемъ называл себя безпутнымъ негодиемъ, что она вынуждена была лгать и всовывать ему въ руку мелкую серебрянную монету, увѣряя, что у нея еще есть сбереженія. Передъ братьями она никогда не плакала, стараясь казаться бодрой и веселой. Когда въ воскресенье ей удавалось купить къ обѣду кусокъ телятины и приготовить его, стоя на колыньяхъ передъ каминомъ, въ обѣдной комнатѣ воцарялось веселье и какая-то дѣтская беззаботность о завтрашнемъ днѣ.

Ей приходилось здѣсь испытывать и другія огорченія и жить въ постоянномъ страхѣ. Двѣ жилицы перваго этажа принимали посѣтителей, которые нерѣдко по ошибкѣ стучались въ дверь Денизы; такъ какъ Бурра равнодушно посоветовала ей не отвѣчать, она укутывала голову подушкой, чтобы не слышать стука и ругани. Затѣмъ, сосѣдя ея, булочникъ, вадумавъ съ нею заигрывать и, возвращаясь домой только утромъ, подстерегалъ ее, когда она спускалась за водой. Онъ даже пробуравилъ дыры въ ея стѣнѣ и подсматривалъ, какъ она умывалась и одѣвалась, такъ что ей приходилось развѣшивать вдоль стѣны все свое платье. Но болѣе всего приходилось терпѣть на улицѣ отъ назойливаго приставанія прокошникъ. Ей стоило спуститься за малѣйшей покупкой, чтобы услышать на грязномъ тротуарѣ стараго квартала, гдѣ свободно разгуливалъ разирать, грубое циническое

предложеніе; мужчины преслѣдовали ее до самаго входа въ домъ, жалкій видъ котораго дѣлалъ ихъ смѣлѣе. Отчего у нея нѣтъ любовника? Это возбуждало общее удивленіе и любопытство. Рано или поздно придется же ей сдаться. Она и сама, впрочемъ, не могла дать себѣ отчета, почему, не смотря на голодъ и окружающую ее атмосферу распущенности, она продолжаетъ упорствовать.

Однажды вечеромъ, когда у нея не было даже хлѣба для Пеза, къ ней присталъ какой-то пожилой господинъ съ орденномъ. У входа онъ сдѣлался ужь слишкомъ грубымъ, и она съ отращеніемъ и ужасомъ поспѣшила захлопнуть передъ нимъ дверь. Придя къ себѣ, она дрожала какъ въ лихорадкѣ. Ребенокъ спалъ. Что она отвѣтитъ ему, если онъ проснется и попроситъ ѣсть? А между тѣмъ ей стоитъ только согласиться и у нея будутъ деньги, платья, и хорошая комната. И вѣдь это такъ легко, говорятъ даже, что это неизбежно и что въ Парижѣ женщина не можетъ прожить своимъ трудомъ. Но тутъ-же все ея существо возмущалось такимъ позорнымъ исходомъ, недшимъ въ разрѣзъ съ ея понятіями о суровыхъ обязанностяхъ жизни. Въ памяти ея воскресалъ старый романсъ, воспѣвавшій невѣсту отсутствующаго моряка, которая силою своей любви устояла противъ всѣхъ соблазновъ жизни. Часто въ Волоньи она напѣвала этотъ романсъ, глядя изъ окна на пустынную улицу. Неужто и въ ея сердцѣ таится такое-же чувство, придающее ей силу и мужество.

Она не перестала еще съ болью думать о Гютенѣ, который каждое утро и вечеръ проходилъ мимо оконъ. Замѣвъ гдѣ-то Робина, онъ теперь гордо шелъ особнякомъ по тротуару, не оглядываясь на почтительно сторонившихся простыхъ прикащиковъ. Провожая его глазами, она почти страдала за его тщесловіе. Но когда Дениза замѣчала проходившаго тутъ-же каждый день Мура, ея овладѣвалъ трепетъ, и востановленная; она спѣшила отойти отъ окна, чтобы онъ не открылъ ея жилища. Она стыдилась этого дома и продолжала еще зориться мыслью о томъ, что думаетъ о ней Муръ, хотя и не рассчитывала болѣе съ нимъ встрѣтиться.

Она все-таки продолжала жить среди окружающаго „Bonheur des Dames“ шума и суматохи. Комната ея отдѣлялась только одной стѣной отъ отдѣла готоваго платья, изъ котораго до нея каждый день доносился глухой гулъ постепенно

наплывающей толпы и оживляющейся торговли. Малѣйшій стукъ колебалъ ветхое зданіе, прижавшееся къ стѣнѣ этого колосса, и она чувствовала каждый ударъ его могучаго пульса. Ей нельзя было при этомъ избѣгнуть нѣкоторыхъ встрѣчъ. Такъ раза два она лицомъ въ лицу встрѣтилась съ Полиной, которая, замѣтивши жалкое положеніе своей крѣпальницы, предложила ей свою помощь. Чтобы избѣгнуть посѣщенія Полины и отклонить ея приглашеніе посѣтить квартиру Божэ, Дениза вынуждена была выдумывать и лгать. Но труднѣе всего ей было отдѣлываться отъ Делюша, который зналъ ея положеніе и часто подстерегалъ ее у выхода. Однажды онъ предложилъ ей въ займы тридцать франковъ и краснѣя просилъ ее принять эту помощь брата. Эти постоянныя встрѣчи поддерживали въ ней интересъ къ оставленному ею магазину, знакомя ее со всѣми подробностями его внутренней жизни, точно она никогда его не покидала.

Ни разу еще никто не заходилъ къ Денизѣ; поэтому, она была очень изумлена, когда однажды пополудни въ ея дверь раздался легкій стукъ. Это оказался Коломбанъ. Очень сконфуженный, онъ что-то невнятно бормоталъ, спросилъ о ея здоровьи, заговорилъ о «Старомъ Эльберѣ». Не прислалъ-ли его сюда дядя Бодю, раскаявшійся въ своей суровости послѣ того, какъ узналъ о бѣдственномъ положеніи племянницы? Когда она прямо спросила объ этомъ прикащика, онъ еще больше растерялся; нѣтъ, нѣтъ, послалъ его совсѣмъ не хозяинъ; и онъ проивнесъ, наконецъ, имя Клары, признавшись, что пришелъ поговорить о ней. Мало-по-малу, онъ становился смѣлѣе, спрашивалъ у Денизы совѣтовъ въ надеждѣ, что ея посредничество можетъ быть ему очень полезнымъ. Напрасно она старалась усовестить его и упрекала въ томъ, что онъ причиняетъ страданія Женевевѣ изъ за какой-то негодной и безсердечной дѣвушки. Онъ не унимался, пришелъ къ ней въ другой разъ и сдѣлался ея постояннымъ посѣтителемъ. Каждый разъ онъ начиналъ тотъ-же разговоръ, и его робкая любовь, казалось, довольствовалась этой бесѣдой съ дѣвушкой, которая знала близко Клару. И эти бесѣды еще больше переносили Денизу въ атмосферу жизни «Bonheur des Dames».

Въ концѣ сентября Дениза узнала полную погоду и нищету. Пеня заболѣть мучительнымъ камнемъ; ему нуженъ былъ бульонъ и питательная пища, а у нея не было даже хлѣба.

Однажды вечеромъ, когда она рыдала въ припадкѣ того безумнаго отчаянiя, отъ котораго дѣвушки выдаютъ въ рѣку, въ дверь тихо постучалъ старикъ Бурра. Онъ принесъ хлѣбъ и кружку бульона.

— Вотъ вамъ для мальчишки, сказалъ онъ своимъ обычнымъ рѣзкимъ тономъ.— Не плачьте такъ громко,— это беспокоитъ жильцовъ.

И когда она стала благодарить его, снова обливаясь слезами, онъ продолжалъ:

— Да перестаньте-же плакать!.. Завтра сойдите ко мнѣ, у меня для васъ есть работа.

Послѣ тяжелаго удара, нанесеннаго ему открытiемъ въ «Bonheur des Dames» новаго отдѣла зонтиковъ, Бурра не держалъ прикащицъ и, желая сократить издержки, исполнялъ самъ всѣ работы по чисткѣ, шитью и починкѣ зонтиковъ. При томъ, число кліентовъ въ такой степени уменьшилось, что часто и ему нечего было дѣлать.

Поэтому, когда на слѣдующій день онъ помѣстилъ Денизу въ углу своей лавки, ему пришлось выдумать для нея работу. Но не могъ-же онъ, въ самомъ дѣлѣ, позволить людямъ въ его домѣ умирать съ голоду...

— Вы будете получать два франка въ день, сказалъ онъ. Когда вы прищете болѣе выгодную работу, можете меня оставить.

Она его боялась и съ такимъ усердiемъ принялась за работу, что онъ не успѣвалъ отыскивать новую. Нужно было сшивать куски шелковой матерiи и поправлять кружевную отдѣлку. Въ первые дни она боялась поднять голову, чувствуя воглѣ себя эту львиную гриву, загнутый носъ и пронизывающіе глаза, выглядывающіе изъ подъ густыхъ нависшихъ бровей. Его страшная фигура, рѣзкій голосъ и жесты сумашедшаго были нугаломъ омолодка, и матери укрощали его писаньемъ капризныхъ дѣтей.

Тѣмъ не менѣе, мальчишки не могли пройти мимо его лавки безъ того, чтобы не обозвать его какимъ-нибудь дурнымъ словомъ. Но онъ, казалось, даже не замѣчалъ ихъ, всецѣло поглощенный ненавистью къ негодяямъ, поворившимъ торговлю продажей дешеваго товара и такой дряни, которою, какъ онъ говорилъ, побрезгала-бы и собака.

Дениза дрожала отъ страха, когда онъ въ обществѣ начиналъ кричать:

— Искусство заброшено, оплевано, слышите!.. Нѣтъ больше настоящихъ набалдашниковъ! Дѣлаютъ палки, но набалдашникамъ—кожець!.. Отыщите мнѣ хорошій набалдашникъ, и я вамъ дамъ двадцать франковъ!

Въ немъ говорило самолюбіе артиста, увѣреннаго, что въ цѣломъ Парижѣ нѣтъ мастера, который могъ-бы сравниться съ нимъ въ выдѣлкѣ легкихъ и прочныхъ набалдашниковъ. Со страстью художника, онъ смѣло и свободно вырѣзывалъ и разнообразилъ цвѣты, плоды, звѣринья и человѣческія головы. Довольствуясь однимъ перочиннымъ ножомъ, онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ надвинутыхъ на носъ очкахъ и долбилъ дерево и кость.

— Это невѣжды, кричалъ онъ,—умѣющіе только наклеить кусокъ шелковой тряпки на китовый усъ! Они покупаютъ набалдашники оптомъ, на фабрикѣ... лишь-бы дешевле продать! Слышите вы—искусство, говорю вамъ, оплевано!

Но мало-по-малу Дениза къ нему привыкла. Онъ любилъ дѣтей и пожелалъ, что-бы Пепе сходилъ играть въ лавку, въ которой съ этого дня негдѣ стало повернуться: въ одномъ углу Дениза производила починки, въ другомъ старикъ вырѣзывалъ передъ витриной набалдашники, а по полу цѣлый день на четверинкахъ барахтался ребенокъ. Каждый день начинался той-же работой и тѣми-же рѣчами. Не отрываясь отъ дѣла, онъ постоянно сводилъ разговоръ на «Bonheur des Dames», и на свою съ нимъ борьбу. Въ 1845 году онъ занялъ свой домъ по контракту на тридцать лѣтъ за тысячу восемьсотъ франковъ въ годъ. Тысячу франковъ онъ ежегодно получаетъ съ жильцовъ, и лавка, слѣдовательно, обходится ему въ восемьсотъ франковъ. Сунціе пустяки! Расходовъ у него нѣтъ никакихъ, такъ что онъ долго еще можетъ продержаться. Послушать его, такъ не было никакого сомнѣнія, что онъ восторжествуетъ и раздавить чудовище.

— Ну, развѣ у нихъ есть собачья голова, какъ эта? внезапно прерывалъ онъ свою рѣчь.

И онъ прищуривалъ глаза, что-бы лучше рассмотреть только что вырѣзанную, точно живую и готовую сейчасъ залазать собачью голову. Пепе приподнялся и, опираясь обѣими ру-

ченками на колѣни старика, съ дѣтскимъ восторгомъ засматривался на собаку.

— Лишь-бы я могъ сводить концы съ концами, а на прочее мнѣ наплевать, продолжалъ онъ, осторожно вытаскивая высушенный языкъ собаки. Мошенники лишили меня барышей, но если я не наживаюсь, то и теряю, по крайней мѣрѣ, не много. И я рѣшился лучше сложить здѣсь свою голову, чѣмъ уступить!

Онъ гнѣвно размахивалъ ножомъ и трясъ сѣдинами.

— Однако, робко замѣчала Дениза, не отрывая глазъ отъ иглы;—если-бы вамъ предложили значительную сумму, — было-бы благоразумнѣе уступить.

— Никогда!.. въ бѣшенствѣ разражался старикъ. Съ ножомъ у горла я всетаки скажу: нѣтъ, чортъ возьми!.. У меня еще десять лѣтъ контрактнаго срока и раньше они не получаютъ этого дома, хоть-бы мнѣ пришлось издохнуть съ голоду въ четырехъ голахъ стѣнахъ! Они уже два раза цѣтались меня подкупить. Мнѣ предлагали двѣнадцать тысячъ франковъ наличными и за десять лѣтъ квартирную плату, что вмѣстѣ составить тридцать тысячъ... Не возьму и пятидесяти!.. Они у меня въ рукахъ, и я ихъ заставлю лизать передо мной землю!

— Тридцать тысячъ—это очень хорошая сумма, замѣчала Дениза. Вы могли-бы устроиться въ другомъ мѣстѣ... А что если они купятъ домъ?

Бурра, кончавшій отдѣлку языка, погрузился на минуту въ созерцаніе, и дѣтская улыбка разлилась по его библейскому лицу.

— Купятъ домъ, отвѣчалъ онъ немного погодя;—это не страшно... Еще въ прошломъ году они говорили объ этомъ, предлагая хозяину восемьдесятъ тысячъ франковъ, — вдвое больше, чѣмъ онъ стоитъ. Но хозяинъ, бывший овоцный торговецъ,—такой-же плутъ, какъ и они—хочетъ заставить ихъ поплыть. Притомъ, они знаютъ, что я всетаки не уступлю... Нѣтъ! Я не сойду съ мѣста! Самъ императоръ со всѣми его пушками не заставилъ-бы меня удалиться.

Дениза не рѣшилась больше настаивать и углубилась въ работу, тогда какъ старикъ продолжалъ отпускатъ отъ времени до времени отрывистыя восклицанія: это только начало,

они увидеть, что будетъ дальше! У него есть идея, которая опрокинетъ верхъ дномъ весь ихъ отдѣлъ зонтиковъ!..

Цепъ взобрался, наконецъ, на козлы старика и нетерпѣливо протягивалъ руки къ собакамъ.

— Дайте мнѣ, сударь.

— Погоди, малютка, съ суровой нѣжностью отвѣчалъ старикъ; — у нея еще нѣтъ глазъ, нужно сдѣлать ей глаза.

И продолжая вытачивать дерево, онъ снова обратился къ Денизѣ.

— Вы слышите этотъ стукъ?.. Это меня больше всего приводитъ въ отчаяніе, честное слово! Безпрестанно слушать музыку ихъ адской машины!

Вся его лавка дрожала отъ гула и топота дожившейся въ «Bonheur des Dames» толпы покупателей. А у него цѣлый день ни одного кліента! Съ утра до вечера это служило темой безконечныхъ разговоровъ. Малѣйшій шорохъ за стѣною давалъ поводъ къ комментаріямъ: «Шутять! Опять выпалъ удачный денекъ! Шелку, небось, продано тысячъ на десять!..» То онъ весело заливался. За стѣною мертвая тишина, дождь разогналъ покупателей и лишилъ погоды въ ручьи.

— Слышите! опять привалило! Ахъ, если-бы они всѣ свернули себѣ тамъ шею!.. И все это дамы!.. Слышите, какъ падаютъ свертки въ подполье? Возмутительно!

Дениза не смѣла возражать, такъ какъ онъ тотчасъ напоминать ей о томъ, какъ не позволительно грубо ее оттуда выгнали и въ сотый разъ вынуждалъ ее рассказывать объ ея поступленіи въ магазинъ, о преслѣдованіяхъ, о холодной и сырой комнатѣхъ подъ крышей, о дурной пищѣ, о вѣчной борьбѣ между продавцами; такъ что они фатально съ утра до вечера ждали этимъ магазиномъ, впитывали въ себя его атмосферу, говорили и думали только о немъ.

— Дайте, сударь, повторялъ Цепъ, протягивая ручейки.

Собачья голова была окончена и Бурра съ дѣтской радостью то приближалъ ее, то удалялъ отъ ребенка.

— Берегись — укусить... Ну, возьми забавляйся, да старайся не разбить ее, если можешь.

И, снова отдаваясь поглощающей его мысли, онъ грозно замахалъ кулакомъ къ направленію къ стѣнѣ.

— Ломитесь сколько вамъ угодно!.. Вы не получите этого дома, хотя бы вамъ удалось завладѣть всѣмъ кварталомъ.

Теперь Дениза не нуждалась, по крайней мѣрѣ, въ хлѣбѣ и была глубоко благодарна старому торговцу зонтиками, въ которомъ, подъ суровой внѣшностью, она увидѣла доброе сердце. Но все-таки она съ нетѣрпѣніемъ ждала другого мѣста, такъ какъ была убѣждена, что онъ совсѣмъ не нуждается въ ней и держитъ только изъ милости. Прошло шесть мѣсяцевъ, наступилъ и зимній мертвый сезонъ, и она уже отчаявалась достать работу раньше марта, какъ вдругъ въ январѣ поджилавшій ее вечеромъ Делоншъ подалъ благой совѣтъ. Отчего бы не обратиться къ Робино, которому могутъ быть нужны люди?

Въ сентябрѣ Робино рѣшился, наконецъ, купить лавку Винсара, не переставая трепетать за судьбу шестидесяти тысячъ франковъ, полученныхъ имъ за женой.

Сорокъ тысячъ франковъ заплатилъ онъ за лавку, а съ оставшими двадцатью выступилъ въ дѣло. Этого было не достаточно, но у него былъ фабрикантъ Гожанъ, обѣщавшій широкій кредитъ. Послѣ ссоры съ „Bonheur des Dames“ Гожанъ задался кѣльбою создавать конкурентовъ послѣднему и былъ увѣренъ въ побѣдѣ, если удастся окружить полосса множествомъ специальныхъ лавокъ, въ которыхъ кліенты будутъ имѣть разнообразный выборъ товаровъ. Только богатые фабриканты Ліона, вроде Дюмонтеля, могли соглашаться на требованія крупныхъ магазиновъ, понижаящихъ прибыль съ производства до крайняго минимума. Но Гожанъ не могъ равняться съ Дюмонтелемъ. Онъ былъ долгое время простымъ комиссіонеромъ и только пять или шесть лѣтъ какъ предпринялъ свое производство; при этомъ значительная часть его ткачей работала у себя на дому, получая отъ него сырой матеріалъ и опредѣленную плату съ каждаго метра. Эта послѣдняя система была главной причиной тому, что онъ не могъ конкурировать съ Дюмонтелемъ въ производствѣ шелка на „Bonheur des Dames“. Это озлобило его, и въ Робино онъ видѣлъ орудіе, посредствомъ котораго онъ намѣренъ былъ бороться съ крупными магазинами, раззорявшими, по его мнѣнію, французскую промышленность.

Дениза застала дома одну мадамъ Робино. Дочь чиновника путей сообщенія, она абсолютно ничего не смыслила въ торговлѣ и сохранила еще очаровательную важность кансіонерки, воспитанной въ монастырѣ Шартра. Она была

очень смугла и очень красива, при чемъ непокидавшее ее добродушно-веселое настроеніе придавало особенную прелесть ея наружности. Она обожала мужа и жила только этой любовью.

Когда Дениза, оставивъ свой адресъ, собиралась уже уходить, вернулся Робино, и она тотчасъ была принята, такъ какъ только вчера двѣ продавщицы оставили его, чтобы поступить въ „Bonheur des Dames“.

— Они отнимаютъ у насъ всѣхъ хорошихъ прикащикъ, сказалъ онъ. Но насчетъ васъ я могу быть спокойнымъ, ибо у васъ столько-же причинъ ихъ не любить, какъ и у меня... Приходите завтра.

Вечеромъ Денизѣ стоило большихъ усилій сообщить Бурра о томъ, что она его покидаетъ. И дѣйствительно, онъ рассердился и обозвалъ ее неблагодарной. Но затѣмъ, когда она со слезами на глазахъ сказала ему, что онъ вовсе не нуждается въ ней и держать только изъ милости, онъ смягчился, сталъ увѣрять, что это ложь, что у него много работы, и она покидаетъ его какъ разъ въ ту минуту, когда онъ рѣшился пустить въ ходъ новозобрѣтенный имъ зонтикъ.

— А Цепэ? спросилъ онъ.

Участъ ребенка очень беспокоила Денизу. Она стѣснялась теперь отдать его опять къ мадамъ Гра, но и заирать его на цѣлый день въ своей комнатѣ тоже не могла.

— Ладно, сказалъ старикъ, — я буду за нимъ смотрѣть. Ему будетъ отлично въ лавкѣ... Мы вмѣстѣ будемъ готовить обѣдъ.

Но когда она, боясь его стѣснить, стала отказываться, Бурра рассердился.

— Чортъ возьми! Да вы не довѣряете мнѣ, что-ли? Я не съѣмъ вашего мальчишки!

У Робино Дениза чувствовала себя гораздо лучше, чѣмъ въ „Bonheur“. Онъ платилъ ей не много, всего шестьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ, безъ участія въ прибыли, но за-то съ нею обращались здѣсь очень ласково, въ особенности вѣчно улыбающаяся за своей конторкой мадамъ Рабино; изрѣдка только нервный и раздражительный мужъ позволялъ себѣ какую-нибудь рѣзкость. Къ концу мѣсяца Дениза уже считалась членомъ семейства, точно такъ-же какъ и другая продавщица; заботливая и молчаливая маленькая женщина. Передъ нею не стѣснялись и сво-

одно бесѣдовали о дѣлѣ, сидя послѣ обѣда въ маленькой столовой, выходящей на свѣтлый задній дворъ. Здѣсь, въ семейномъ кругу однажды, было принято рѣшеніе открыть рѣшительную компанію противъ „Bonheur des Dames“.

На обѣдъ былъ приглашенъ Гожанъ. Послѣ жаркого, онъ прямо приступилъ къ дѣлу своимъ густымъ нѣсколько охрипшимъ голосомъ.

— Это становится, наконецъ, невыносимымъ, говорилъ онъ.— Они являются, положимъ, къ Дюмонтею, приобретаютъ въ исключительную собственность какой-нибудь рисунокъ, забираютъ разомъ триста штукъ матеріи и требуютъ уступки въ пятьдесятъ сантимовъ на метръ, а такъ какъ они платятъ тутъ-же наличными деньгами, то сберегаютъ еще восемнадцать процентовъ съ дисконта... Часто Дюмонтею не остается и двадцати сантимовъ прибыли, и онъ работаетъ на нихъ только для того, чтобы не приостанавливать дѣятельности мастерскихъ, ибо забастовка—это смерть фабрики... Какъ-же вы хотите, чтобы мы съ меньшимъ числомъ станковъ и ничтожными средствами могли выдерживать борьбу?

— Триста штукъ матеріи, задумчиво бормоталъ Робино, забывавшій ѣсть.— Я всегда боюсь, когда беру десять штукъ въ три мѣсяца. Они могутъ продавать на франкъ, на два дешевле нашего... Это-то и убиваетъ мелкую торговлю.

Онъ былъ въ уныніи, жена въ безпокойствѣ не сводила съ него нѣзнаго взгляда. Она ничего не смыслила въ этихъ дѣлахъ, путалась въ цифрахъ и недоумѣвала, для чего вся возня и хлопоты, когда гораздо легче и пріятнѣе веселиться и любить. Но такъ какъ мужъ ея рѣшилъ объявить войну, то и она воодушевлялась и готова была тутъ-же сложить за него голову.

— Но отчего-же фабриканты не стоворятся, не войдутъ въ стѣну? горячился Робино.— Тогда они могли-бы сами ставить условія вмѣсто того, чтобы подчиняться чужимъ.

Гожанъ медленно жевалъ вторую порцію жаркого.

— Почему, почему!.. Я уже вамъ говорилъ, что фабрики должны быть постоянно въ дѣйствиіи. Нельзя даже на одинъ день приостановить всѣ эти фабрики Ліона, Изеры, Гарда — безъ громадныхъ убытковъ... Мы, мелкіе фабриканты, еще еще можемъ выдерживать забастовки; но крупныя — тѣ выдаютъ въ огромномъ, непрерывномъ и быстромъ сбытѣ

своихъ продуктовъ... Поэтому-то они и во власти большихъ магазиновъ. Я знаю четыре или пять изъ нихъ, которые ведутъ между собою ожесточенную конкуренцію и готовы производить въ убытокъ, лишь-бы сохранить за собою заказы большихъ магазиновъ. Они потомъ наверстаютъ убытки на мелкихъ заказчикахъ, вродѣ васъ. Если они ими поддерживаютъ свои фабрики, то вами только наживаются... Одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ закончится этотъ кризисъ.

— Это ужасно! раздражительно воскликнулъ Робинно.

Дениза слушала молча. Благодаря инстинктивному стремленію къ простору и жизни, она въ тайнѣ была на сторонѣ большихъ магазиновъ. Такъ какъ всё замолчало, она рѣшила, наконецъ, вставить свое замѣчаніе:

— Публика, однако, не жадуется.

Мадамъ Робинно не могла удержаться отъ легкой усмѣлки, усилившей неудовольствіе мужа и Гошана. Разумѣется, цѣны будутъ довольны, такъ какъ въ концѣ концовъ паденіе цѣнъ имъ очень выгодно. Но вѣдь всякому нужно жить, нельзя-же подъ предлогомъ общаго пользы благодѣтельно погубить потребителя въ ущербъ и разореніе производителя. Завязался споръ. Въ шутивомъ тонѣ Дениза приводила въ защиту крупной коммерціи весьма солидные аргументы: во-первыхъ, уничтоженіе всѣхъ посредниковъ между производителемъ и потребителями, каковы фабричные агенты, представители и комиссіонеры, имѣющіе сильное вліяніе на стоимость товаровъ; затѣмъ, какъ-бы то ни было, а фабрики не могутъ теперь существовать безъ крупныхъ магазиновъ, съ уладкомъ которыхъ надаютъ и фабрики; наконецъ, нельзя-же противиться естественному ходу и развитію промышленной дѣятельности, когда все и всё фатально содѣйствуютъ этому развитію.

— Такъ вы, значитъ, за тѣхъ, кто вытолкнулъ васъ на улицу? спросилъ Гошанъ.

Дениза покраснѣла. Она сама изумилась горячности своей защиты.

— Да вѣтъ-же, Боже мой, отвѣчала она.—Можетъ быть я и ошибаюсь, вамъ лучше знать эти вещи... Я только высказываю свое мнѣніе. Цѣны устанавливаются теперь четырьмя-пятью торговыми домами, которые, благодаря силѣ ихъ капиталовъ и огромному числу покупателей, имѣютъ возмож-

ность довольствоваться ничтожною прибылью и удешевлять товаръ. Тѣмъ лучше для покупателей—вотъ и все!

На этотъ разъ Робино уже не сердился, а задумчиво смотрѣлъ на скатерть. Повременамъ, въ минуты просвѣтлѣнія, онъ самъ чувствовалъ это «естественное развитіе коммерціи», о которомъ говорила дѣвушка, и спрашивалъ себя, не безумно-ли бороться противъ напора времени, разрушающаго всѣ препятствія. Замѣтивъ сомнѣніе мужа, мадамъ Робино одобрительно взглянула на скромно замолчавшую Денизу.

— Однако, замѣтилъ Гожанъ,—все это однѣ теоріи... Поговоримъ лучше о дѣлѣ.

Послѣ сыру, горничная подала варенье и груши, и Гожанъ занялся вареньемъ съ жадностью толстаго лакомки.

— Вамъ необходимо подорвать ихъ «Paris-Bonheur», надѣлавшій въ прошломъ году столько шума... Я переговорилъ со многими фабрикантами Ліона и привезъ вамъ исключительный образчикъ чернаго шелка, который вы можете продавать по пяти франковъ пятьдесятъ... Они вѣдь продаютъ свой по пяти шестьдесятъ, не такъ-ли? Ну-съ, такъ два су разницы будетъ достаточно, чтобы ихъ подорвать.

Глаза Робино сразу засверкали. По своей подвижной и впечатлительной натурѣ, онъ быстро переходилъ отъ отчаянія къ надеждѣ.

— Вы привезли образчикъ? живо спросилъ онъ.

Гожанъ вынулъ изъ портфеля лоскутъ шелковой матеріи.

— Да онъ гораздо красивѣе, чѣмъ «Paris-Bonheur»! восторженно заговорилъ Робино.—Во всякомъ случаѣ производитъ больше эффекта. Вы правы, надо попытаться. О! на этотъ разъ я объявляю войну на жизнь и смерть!

Мадамъ Робино раздѣляла энтузіазмъ мужа и тоже нашла шелкъ прелестнымъ. Даже Дениза вѣрила въ успѣхъ. Такъ что обѣдъ кончился очень весело, всѣ оживились, шумѣли и уже рдовались гибели «Bonheur des Dames». Оканчивая банку съ вареньемъ, Гожанъ объяснялъ, сколько жертвъ пришлось принести ему и его товарищамъ, чтобы пустить эту матерію такъ дешево. Въ довершеніе веселья, когда подали кофе, появился Винсаръ.

— Замѣчательный шелкъ! кричалъ онъ, изучая матерію. Вы ихъ подорвете—ручаюсь вамъ! А! вы еще скажете мнѣ

большое спасибо, я говорилъ, что передаю вамъ золотой рудникъ.

Продавъ свою лавку Робино, онъ снялъ ресторанъ въ Венсенѣ, и осуществилъ, такимъ образомъ, свою давнишнюю мечту—вложить капиталъ въ такое предпріятіе, гдѣ можно свободно воровать и обмѣривать.

— А какъ ваша болѣзнь? любезно спросила мадамъ Робино.

— Мнѣ теперь лучше... Вы понимаете, деревенскій воздухъ... О, если-бы не ревматизмъ, я не уступилъ-бы вамъ этой лавки, и черезъ десять лѣтъ имѣлъ-бы десять тысячъ рента!

Черезъ двѣ недѣли битва между Робино и «Bonheur des Dames» началась. Она надѣлала много шума и волновала въ которое время весь парижскій торговый міръ. Пользуясь оружіемъ своего противника, Робино широко воспользовался газетной рекламой, выставилъ въ витринахъ груды своего новаго шелка и обклеилъ стѣны громадными бѣлыми афишами, на которыхъ гигантскими цифрами выступала цѣна пять франковъ пятьдесятъ сантимовъ. Между женщинами эта цифра произвела страшный перепохъ, и въ первые дни покупательницы наводнили лавку. На слѣдующую недѣлю Мурэ понизилъ цѣну своего «Paris-Bonheur» на двадцать сантимовъ, послѣ горячаго спора съ Бурдонклемъ и другими компаньонами.—Это значило продавать въ чистый убытокъ, такъ какъ матерія и до сихъ поръ продавалась по фабричной цѣнѣ. Робино не ожидалъ, что его противникъ прибѣгнетъ къ такому безпримѣрному пониженію цѣны и къ продажѣ въ убытокъ, и почувствовалъ всю силу удара: привлекаемая дешевизной толпа покупательницъ снова нахлынула въ «Bonheur des Dames», и лавка Робино опустѣла. Гожанъ послѣдшилъ въ Лионъ, гдѣ имѣлъ совѣщаніе съ фабрикантами, на которомъ принято было героическое рѣшеніе: понизить цѣну на двадцать сантимовъ и продавать матерію по пяти франковъ тридцать. На другой день Мурэ объявилъ пять франковъ двадцать. Разгорячившійся Робино понизилъ до пяти франковъ пятнадцать. Мурэ спустилъ еще пять сантимовъ. И такъ, одинъ за другимъ, они уступали по пяти сантимовъ, неся каждый день значительные убытки. А клиенты только посмѣивались, въ восторгѣ отъ этой борьбы двухъ противниковъ, раззорявшихъ для нихъ другъ друга. Наконецъ, Мурэ, къ ужасу своихъ компаньоновъ, объявилъ цѣну

пять франковъ. Доведенный до отчаянія, Робино тоже остано-
вился на этой цифрѣ, не рѣшаясь идти дальше.

Но если честь съ обѣихъ сторонъ была спасена, то по-
ложеніе Робино становилось все болѣе и болѣе критиче-
скимъ. «Bonheur des Dames», съ его огромнымъ числомъ
кліентовъ и разнообразіемъ товаровъ, имѣлъ возможность по-
полнить убытки на одномъ товарѣ барышами на другихъ; то-
гда какъ у Робино, торговавшаго только шелкомъ, не было
этой возможности наверстать убытки, и онъ съ каждымъ днемъ
становился все ближе и ближе къ банкротству. Привлеченная
было борьбой, толпа кліентовъ мало по малу покидала его лав-
ку, и онъ остался въ горькомъ сознаніи напрасно потрачен-
ныхъ усилій и денегъ.

Онъ терялъ терпѣніе и однажды даже не выдержалъ и
позволилъ себѣ безтактную выходку. Пришла мадамъ де-Бовъ
и пожелала выбрать пальто, такъ какъ при торговлѣ шелкомъ
онъ недавно открылъ отдѣлъ готоваго платья. По обыкнове-
нію, она колебалась, находя матерію негодной и отдавая пред-
почтеніе «Paris-Bonheur». Робино, дѣлая надъ собою усилія,
вѣжливо старался увѣрить ее, что она ошибается.

— Да вы взгляните на этотъ шелкъ, отвѣчала она, — на-
стоящая паутина... Что-бы вы ни говорили, а ихъ шелкъ въ
пять франковъ гораздо плотнѣе вашего.

Онъ не отвѣчалъ, но вся кровь бросилась ему въ лицо.
Дѣло въ томъ, что недавно онъ придумалъ очень неосторож-
ную вещь: закупалъ въ «Bonheur des Dames» ихъ дешевый
шелкъ, срѣзывалъ отличавшую его каемку и заготовлялъ изъ
него платье; такимъ образомъ весь убытокъ на матеріи па-
далъ на Мурэ.

— Такъ вы находите, что «Paris-Bonheur» плотнѣе? про-
бормоталъ онъ, стараясь сдерживаться.

— О, несравненно! отвѣчала мадамъ де-Бовъ.

Эта явная несправедливость привела его въ бѣшенство.
Онъ не могъ дольше выдержать и, указавъ на выглядывавшій
изъ подъ подкладки кусокъ случайно несрѣзанной голубой
каемки, во всемъ сознался.

— Ну-съ, такъ вотъ что, сударыня! Этотъ шелкъ и есть
«Paris-Bonheur», я самъ его покупалъ у нихъ... Вотъ посмо-
трите на каемку.

Мадамъ де-Бовъ ушла очень сконфуженная; рассказъ объ

этомъ происшествіи переходилъ изъ устъ въ уста, и множество кліентокъ его покинуло. Но среди наступившей пустоты и разворанія, его тревожила главнымъ образомъ мысль о жетѣ воспитанной для тихаго счастья и неспособной переносить нужду. Что будетъ съ нею, если банкротство выброситъ ихъ на мостовую съ кучей долговъ? Вѣдь это его вина: онъ не долженъ былъ касаться ея денегъ!

Ей приходилось утѣшать его, доказывать, что эти деньги принадлежали ему столько-же, сколько и ей. Вѣдь онъ ее любитъ, а ей больше ничего не нужно, она готова отдать за него свою жизнь до послѣдней капли крови. И въ лавку доносились звуки ихъ поцѣлуевъ.

Мало-по-малу все успокоилось, дѣла вошли въ обычную колею и только ежемѣсячный дефицитъ лавки указывалъ на медленно приближающуюся катастрофу. Но они мужалъ, утѣшая себя надеждой, что рухнетъ, наконецъ, и «Bonheur des Dames».

— Э! Что за бѣда! говорилъ онъ.—Мы еще молоды, будущее принадлежитъ намъ.

— Лишь-бы ты былъ спокоенъ, мой милый, а я буду довольна, отвѣчала жена.

Денгизу приводила въ умиленіе эта нѣжность супруговъ; но она боялась за нихъ, такъ какъ предвидѣла неизбежность катастрофы. Она теперь окончательно поняла стремленія и задачи современной торговли и всецѣло перешла на сторону этой силы, долженствующей преобразовать Парижъ. Ея жизненные убѣжденія складывались и зрѣли, и изъ недавно пріѣхавшаго изъ провинціи дикаго ребенка выступила суровая грація сформировавшейся женщины.

Несмотря на усталость и недостатокъ въ деньгахъ, жизнь ея текла довольно сносно. Проведя цѣлый день на ногахъ, она вечеромъ спѣшила домой, чтобы заняться Пенэ, о которомъ, къ счастью, цѣлый день заботился Бурра. Но дома ее ждало много другой работы: нужно было выстирать рубашку; сшить ребенку блузу, совершить необходимыя починки. Она рѣдко ложилась раньше полуночи. Воскресенье было днемъ радикальной уборки комнаты, починки и чистки бѣлья и платья, такъ что она успѣвала причесаться только къ пяти часамъ вечера. Иногда она выводила ребенка, заставляя его дѣлать длинную прогулку пѣшкомъ по направленію къ Нельи,

гдѣ они съ наслажденіемъ выпивали по чашкѣ молока, отдыхая во дворѣ молочной. Жанъ брезгалъ этими прогулками и, забывая къ сестрѣ на минутку, тотчасъ куда-то исчезалъ подъ разными предлогами. Теперь онъ не просилъ уже денегъ, но появлялся всегда съ такой унылой физиономіей, что встревоженная Дениза сама предлагала ему припасенную на всякій случай штифранковую монету.

— Пять франковъ! въ восторгѣ вскрикивалъ Жанъ. — Чортъ возьми, какая ты добрая!.. Какъ это кстати, — тамъ меня ждетъ жена торговца бумагой...

— Перестань, прерывала его Дениза. — Я не желаю этого звать!

Прошло три мѣсяца и наступила весна. Дениза отказалась отъ новаго приглашенія Полины и Божэ ѣхать съ ними въ Жуанвилль. Выходя отъ Робино, она иногда встрѣчалась съ ними въ улицѣ С.-Рошъ. Однажды Полина сообщила ей, что, можетъ быть, скоро обвѣнчается съ своимъ возлюбленнымъ, но что она еще колеблется, такъ какъ въ «Bonheur des Dames» не любятъ замушнихъ продавщицъ. Это извѣстіе изумило Денизу, и она не знала, что посоветовать пріятельницѣ. Въ другой разъ ее встрѣтилъ Коломбанъ и сталъ упрашивать, чтобы она спросила Клару, не выйдетъ-ли она за него замужъ. Дениза насилу отъ него отдѣлалась. Что со всѣми ими случилось? Чего они волнуются? думала она и была очень довольна, что никого не любить.

— Знаете новость? закричалъ ей однажды Бурра, когда она вернулась вечеромъ домой.

— Нѣтъ, господинъ Бурра.

— Эти негодяи купили-таки отель Дювилляръ, и я оцѣпачу со всѣхъ сторонъ.

Отъ гнѣвно размахивалъ руками и щетинилъ сѣдую гриву.

— Чепуха, въ которой ничего не разберешь! Домъ принадлежалъ обществу «Crédit Immobilier», предсѣдатель котораго, баронъ Гартманъ, уступилъ его Мурэ... Теперь они осадилъ меня и справа, и слѣва, и сзади, и держатъ вотъ такъ, какъ я держу этотъ набалдашникъ!

Наканунъ, дѣйствительно, была подписана купчая, въ силу которой домъ переходилъ къ Мурэ. Стиснутому между „Bonheur des Dames“ и отелемъ Дювилляръ крохотному какъ птичье гнѣздо домику Бурра угрожала, повидимому, опасность быть

раздавленнымъ въ тотъ день, когда магазинъ распространить свои операціи на вновь прибрѣтенное зданіе. И этотъ день приближался; Бурра чувствовалъ, какъ лавка его трещитъ подъ могучимъ напоромъ колосса, надвинувагося на него со всѣхъ сторонъ и обложившаго его грудами своихъ товаровъ. Ему казалось, что лавка его съ каждымъ днемъ уменьшается, погружаясь все глубже и глубже въ развертывающую пасть сохнѣвшаго надъ нимъ чудовища.

— Слышите, слышите! кричалъ онъ. — Можно подумать, что они грызутъ мои стѣны! И въ кладовой, и въ погребѣ — повсюду раздаются тотъ-же скрипъ зубовъ, обдирающихъ штукатурку!.. Пускай ихъ! Авось меня не раздавятъ. Я останусь на своемъ мѣстѣ, если-бы даже они сорвали мою крышу и дождь ливнемъ полилъ ко мнѣ на постель!

Какъ-разъ въ это время Мурэ обратился къ старику съ новыми предложеніями: пятьдесятъ тысячъ франковъ отступного и уплату стоимости товара въ его лавкѣ. Старикъ рассердился еще больше и съ градомъ ругательствъ отвергъ предложеніе. Эти мерзавцы грабятъ публику, чтобы потомъ платить пятьдесятъ тысячъ за то, что не стоитъ и десяти! И онъ отстаивалъ свою лавку, какъ честная дѣвушка отстаиваетъ свое цѣломудріе, — просто изъ уваженія къ своему достоинству.

Дениза замѣчала, что старикъ уже недѣли двѣ чѣмъ-то озабоченъ. Онъ лихорадочно переходилъ съ мѣста на мѣсто, мѣрялъ стѣны своей лавки и, выходя на средину улицы, внимательно всматривался въ нее съ видомъ что-то соображающаго архитектора. Наконецъ, въ одно прекрасное утро появились рабочіе. Старикъ захотѣлъ дать рѣшительное сраженіе и возимѣлъ смѣлую мысль разбить «Bonheur des Dames» на его собственной почвѣ, сдѣлавъ уступку требованіямъ современной роскоши. Клиенты, разсуждалъ онъ, — недовольные унылымъ и мрачнымъ видомъ его лавки, вернутся къ нему, когда увидятъ ее сверкающей и отдѣланной за-ново. Трещины были задѣланы, стѣны покрыты новой штукатуркой, панели перекрашены, и даже вывѣска украсилась позолотой. Три тысячи франковъ, припрятанные имъ на черный день, цѣликомъ ушли на эту передѣлку. Кварталь заволновался, — сосѣди приходили смотрѣть на косматаго чудака, терявшаго голову, волновавшагося, размахивающаго руками и не находившаго себѣ мѣста

среди непривычной блестящей обстановки, предписанной современной комерціей, въ которой онъ ничего не смыслилъ.

Тѣмъ не менѣе, подобно Робино, Бурра открылъ военныя дѣйствія противъ «Bonheur des Dames». Онъ пустилъ въ продажу новозобрѣтенный имъ зонтикъ, который долженъ былъ произвести сенсацію. Разумѣется, «Bonheur des Dames» тотчасъ-же усовершенствовалъ изобрѣтеніе. Бурра выставилъ тогда зонтикъ цѣною въ одинъ франкъ девяносто-пять сантимовъ, стальной и «невыносимый», какъ гласило объявленіе. Но болѣе всего онъ возлагалъ надежды на свои художественно сдѣланные, разнообразныхъ формъ и видовъ набалдашники изъ бамбука, оливки, мирта, кизила и индѣйскаго тростника. Менѣе артистичный «Bonheur des Dames» выставилъ и хвалилъ свою покрывку изъ альпага, саржи, тафты и проч. И побѣда осталась за послѣднимъ, а Бурра въ отчаяніи кричалъ, что искусство оплевано и заброшено, что онъ поставленъ въ необходимость вырѣзывать свои набалдашники для собственнаго удовольствія.

— Я самъ виноватъ! говорилъ онъ Денизѣ.—Кто мнѣ велѣлъ держать дрянные зонтики въ франкъ девяносто-пять!.. Вотъ до чего доводить новыя идеи! Я вздумалъ подражать этимъ мерзавцамъ—тѣмъ хуже для меня!

Юль былъ страшно жаркій, и Дениза задыхалась въ своей тѣсной комнаткѣ. Поэтому, часто, возвращаясь отъ Робино, она не поднималась къ себѣ, а взявъ изъ лавки Пепэ, отправлялась съ нимъ погулять въ Тюильрійскій садъ, пока не закроютъ ворота. Однажды, гуляя подъ густыми каштанами, она вдругъ остановилась въ замѣшательствѣ: ей показалось, что прямо къ ней направляется Гютеъ. Но сердце ея еще сильнѣе забилося, когда она узнала Мурэ, который, пообѣщавъ на правомъ берегу Сены, спѣшилъ къ мадамъ Дефоржъ.

— Это вы, сударыня!

Она была такъ взволнована этимъ неожиданнымъ обращеніемъ, что не сказала ни слова. Онъ покровительственно улыбался, стараясь скрыть свое замѣшательство.

— Вы все время были въ Парижѣ?

— Да, сударь, произнесла она, наконецъ.

Она нерѣшительно начала отступать, желая раскланяться и продолжать свой путь. Но онъ приблизился и послѣдовалъ за нею въ сумракъ высокихъ каштановъ. Съ деревьевъ обда-

вало свѣжестью; издали доносился веселый смѣхъ катавшихъ обручи дѣтей.

— Это вѣдь вышь братъ? спросилъ Мурэ, глядя на Пенэ.

Испуганный присутствіемъ незнакомаго мужчины, ребенокъ шель угрюмо, крѣпко ухватившись за руку сестры.

— Да, сударь, отвѣчала снова Дениза. И, вспомнивъ про грязные вымыслы Маргариты и Клары, она покраснѣла. Замѣтивъ это, онъ поспѣшилъ прибавить:

— Послушайте, сударыня, я долженъ передъ вами извиниться... Я былъ бы счастливъ, если-бы мнѣ раньше удалось сказать вамъ, какъ огорчила меня ошибка управленія. Васъ слишкомъ легкомысленно обвинили въ дурномъ поведеніи... Но дѣло сдѣлано, и я хочу только сказать вамъ, что у насъ теперь всѣмъ извѣстна ваша нѣжная заботливость о братьяхъ...

Онъ продолжалъ рѣчь съ такой почтительной любезностью, какой не знали за нимъ продавщицы «Bonheur des Dames». Замѣшательство дѣвушки все возрастало, и въ то-же время сердце ея наполнилось радостью. Такъ онъ знаетъ, что она невинна и никому не принадлежитъ! Нѣсколько минутъ они шли молча. Отдаленный гулъ Парижа умиралъ подъ густымъ навѣсомъ огромныхъ деревьевъ.

— Я могу предложить вамъ только одно удовлетвореніе, сударыня, началъ онъ. — Если вы пожелаете опять поступить къ намъ...

Но она прервала его и съ лихорадочной поспѣшностью отказалась.

— Я не могу, сударь. — У меня есть другое мѣсто... Во всякомъ случаѣ, я вамъ очень благодарна...

Ему недавно только сообщили, что она у Робино. Спокойно, тономъ товарищеской откровенности, онъ заговорилъ съ ней о послѣднемъ, отдавая ему полную справедливость: малый очень способный, но, къ сожалѣнію, слишкомъ нервный. Ему не избѣжать банкротства. Гожанъ взвалилъ на него слишкомъ непосильное дѣло, которое погубитъ обоихъ.

Подкупленная его откровенностью, Дениза разговорилась и высказала свои симпатіи къ большимъ магазинамъ въ ихъ борьбѣ съ мелкой торговлей. Она оживилась, приводила примѣры, обнаружила близкое знакомство съ вопросомъ, широту и новизну взглядовъ. Онъ слушалъ ее съ изумленіемъ и восторгомъ и, наклонившись, старался различить въ сумеркахъ

черты ея лица. Эта была та-же дѣвушка съ кроткимъ лицомъ, одѣтая въ скромное платье; но изъ подъ этой скромной внѣшности выступала какая-то чарующая прелесть, передъ которой онъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Парижская атмосфера создала, наконецъ, изъ этой дѣвушки разумную и вмѣстѣ чарующую женщину съ ея роскошной, полной страсти косою.

— Разъ вы стоите за насъ, смѣясь сказалъ Мурэ, — отчего вы живете у нашихъ противниковъ!.. Мнѣ говорили, что вы живете у Бурра?

— Онъ очень почтенный человѣкъ, пробормотала Дениза.

— Оставьте, пожалуйста, — старый упрямецъ, помѣшанный, который вынудитъ меня сдѣлать его нищимъ, несмотря на все мое желаніе дать ему выпутаться съ капиталомъ!.. Ваше мѣсто не въ его домѣ, который пользуется дурной репутаціей и населенъ личностями...

Но замѣтивъ, что дѣвушка сконфузилась, онъ поспѣшилъ прибавить:

— Конечно, можно остаться честной вездѣ, и чѣмъ бѣднѣе обстановка, тѣмъ больше заслуга.

Она снова сдѣлала нѣсколько шаговъ молча. Пепэ слушалъ съ вниманіемъ преждевременно развившагося ребенка. Повременамъ онъ изумленно взглядывалъ на сестру, чувствуя легкое вздрагиваніе ея горячей руки.

— Послушайте, сказалъ Мурэ, — не хотите-ли быть моимъ посланцемъ? Завтра я намѣренъ предложить Бурра восемьдесятъ тысячъ франковъ... Сообщите ему это вы, скажите, что онъ себя губитъ. Можетъ быть онъ васъ послушаетъ изъ дружбы къ вамъ, а вы окажете ему этимъ большую услугу.

— Хорошо, отвѣчала, улыбаясь, Дениза. — Я исполню ваше порученіе, но сомнѣваюсь въ успѣхѣ.

Снова наступило молчаніе. Ни тому, ни другой нечего было больше сказать. Онъ попытался было заговорить о дядѣ Бодо, но тотчасъ долженъ былъ замолчать, замѣтивъ нерасположеніе дѣвушки. Они продолжали идти другъ возлѣ друга и незаметно очутились у выхода передъ улицей Риволи. На широкой аллеѣ было еще довольно свѣтло, и они точно очутились послѣ сумрака густыхъ каштановъ... Онъ понялъ, что нельзя ее больше удерживать.

— До свиданія, сударыня!

— До свиданія!

Но онъ не уходилъ. Поднявъ глаза, онъ замѣтилъ на углу улицы Алжиръ освѣщенные окна ожидавшей его мадамъ Дефоржъ. Онъ повернулся и еще разъ взглянулъ на Денизу: она казалась такой маленькой и тщедушной въ сравненіи съ Генриетой, — отчего-же эта дѣвушка такъ волнуетъ его сердце? Это просто глупый капризъ!

— А ребенокъ усталъ, замѣтилъ онъ, чтобы что-нибудь сказать. — Такъ помните, что двери нашего магазина для васъ все-таки открыты. Вамъ стоитъ только постучаться — и вы будете приняты... До свиданья!

— До свиданья, сударь!

Когда Мурэ удалился, Дениза снова вернулась подъ сумракъ каштановъ. Долго въ волненіи ходила она между огромными деревьями, забывъ про Пенэ, который едва поспѣвалъ за нею на своихъ коротенькихъ ножкахъ.

— Ты очень скоро ходишь, сестрица, сказалъ ребенокъ. Тогда она сѣла на скамью, взяла его къ себѣ на колѣни, и усталый ребенокъ тотчасъ уснулъ. Она обняла его, прижала къ своей дѣвственной груди и долго задумчиво смотрѣла въ пространство. Часъ спустя, когда она медленно шла домой по улицѣ Минподьеръ, лицо ея приняло опять обычное выраженіе благоразумной дѣвушки.

— Проклятіе! завричалъ Бурра, завидѣвъ ее издали. — Эта каналья Мурэ купилъ-таки мой домъ.

Онъ былъ въ себя и неистово размахивалъ руками.

— Ахъ, гадина!.. Меня увѣдомилъ самъ хозяинъ. А знаете-ли, сколько онъ заплатилъ за домъ?.. Полтораста тысячъ франковъ, — въ четыре раза дороже, чѣмъ онъ стоитъ. Пора дочный мошенникъ и хозяинъ! Представьте себѣ, онъ воспользовался моими починками и заломилъ эту цѣну, подъ тѣмъ предлогомъ, что домъ отдѣланъ заново!..

Онъ приходилъ въ отчаяніе при мысли, что денежки, затраченные имъ на отдѣлку дома, послужили только въ пользу собственнику. А теперь хозяиномъ дома становится Мурэ, и онъ вынужденъ будетъ жить у своего врага и платить ему ренту! Это приводило его въ бѣшенство.

Когда онъ нѣсколько успокоился, Дениза рѣшилась передать ему предложеніе Мурэ. Быть можетъ безвыходность положенія старика и неожиданность извѣстія заставитъ его, наконецъ, согласиться.

— Я только-что встрѣтилась кой-съ-къмъ, начала она.— Съ одной личностью изъ «Bonheur des Dames», близко знакомой съ дѣлами... Я узнала, что завтра вамъ будетъ предложено восемьдесятъ тысячъ франковъ...

Онъ оборвалъ ее своимъ страшнымъ голосомъ.

— Восемьдесятъ тысячъ! восемьдесятъ тысячъ!.. Теперь не возьму и милліона!

Дениза стала его убѣждать, заговорила о выгодѣ, но въ эту минуту дверь растворилась, и она мгновенно поблѣднѣла и умолкла. Въ лавку вошелъ пожелтѣвшій и состарившійся дядя Бодю. Бурра схватилъ сосѣда за пуговицу и, не давъ ему произнести ни слова, закричалъ въ уноръ:

— Знаете-ли, что они мнѣ предлагаютъ уже восемьдесятъ тысячъ? Ахъ, разбойники! Они воображаютъ, что я продаюсь, какъ публичная женщина... Они купили домъ и думаютъ, что я у нихъ въ рукахъ. Такъ нѣтъ-же, не видѣть имъ его! Быть можетъ я уступилъ-бы, но теперь, когда они его купили, пусть попробуютъ взять!

— Значить, это правда? спросилъ протяжнымъ тономъ Бодю.—Я слыхалъ объ этомъ и пришелъ сюда убѣдиться.

— Восемьдесятъ тысячъ! повторялъ Бурра.—Отчего-же не сто?.. Эти деньги меня приводятъ въ бѣшенство!.. Они думаютъ, что деньгами меня можно подкупить на подлость... Никогда, чортъ поberi! Никогда, слышите!

— Но черезъ девять лѣтъ, когда кончится вашъ контрактъ, они все равно получаютъ домъ, сповойно замѣтила Дениза.

И, несмотря на присутствіе дяди, она начала умолять старика согласиться. Вѣдь продолжать борьбу невозможно, когда имѣешь дѣло съ болѣе сильнымъ противникомъ; нелѣпо, наконецъ, отказываться отъ предложенныхъ ему выгодныхъ условій. Но старикъ продолжалъ упорно отказываться. Черезъ десять лѣтъ онъ надѣется умереть и не видѣтъ ничего. При жизни-же онъ ни за что не уступитъ; онъ клялся въ этомъ, воздвѣвая руки къ небу.

— Вы слышите, Бодю? продолжалъ онъ.—Ваша племянница за нихъ, они подослали ее подкупить меня... Она заодно съ разбойниками—клянусь честью!

До этой минуты дядя точно не замѣчалъ Денизу, сохраняя то угрюмое выраженіе, съ какимъ онъ встрѣчался съ ней на

улицѣ. Онъ медленно повернулся и взглянулъ на нее. Его толстыя губы вдрогнули.

— Я это знаю, сказалъ онъ въ полголоса.

Онъ продолжалъ на нее смотрѣть. Взволнованная до слезъ, Дениза нашла, что горе сильно измѣнило его. Въ немъ заговорило, быть можетъ, угрызеніе совѣсти, что онъ не приютить племянницу въ ея несчастіи. Видъ уснувшего подъ шумъ разговора Цепэ окончательно разстрогалъ его.

— Дениза, сказалъ онъ, — приходи завтра съ мальчикомъ пообѣдать... Жена и Женевьева поручили пригласить тебя, если я встрѣчу.

Она покраснѣла и обняла дядю. Когда послѣдній уходилъ, Бурра, довольный примиреніемъ, закричалъ ему вслѣдъ:

— Исправьте ее, въ ней есть много хорошаго... Что касается меня, такъ домъ можетъ рухнуть, и меня найдутъ подъ его развалинами.

— Наши дома, сосѣдъ, и то уже рушатся, отвѣчалъ мрачно Бодю. — Всѣ мы погибнемъ съ ними.

VIII.

Весь кварталъ, между тѣмъ, говорилъ о новой улицѣ «Десятаго Декабря», которую рѣшено было провести отъ биржи до Новой Оперы. Постановленія объ экспроприаціяхъ уже были объявлены, и двѣ партіи рабочихъ приступили съ двухъ противоположныхъ концовъ къ разрушенію ветхихъ зданій улицы «Людовика Великаго» и тонкихъ стѣнъ стараго театра «Водевиль». Слышался непрерывный стукъ кирки и молота, и обитатели улицъ Шоазель и Мишодьеръ волновались за участь своихъ насиженныхъ жилищъ, которыя не позже какъ черезъ двѣ недѣли должна будетъ прорѣзать широкая, полная свѣта и жизни аллея.

Но еще болѣе волновали обитателей околodka огромная постройка, предпринятая «Bonheur des Dames». Говорили о значительномъ расширеніи магазина, который, по договору Мурэ съ барономъ Гартманомъ, займетъ весь обреченный на разрушеніе четырехугольникъ и будетъ выходить тремя своими фасадами на улицы Мишодьеръ, С.-Огюстенъ и Монсиньи. Четвертый фасадъ, выходящій на улицу «Десятаго Декабря», оставался въ распоряженіи барона Гартмана, проектировав-

шого выстроить здѣсь гостиницу, которая конкурировала-бы съ «Grand-Hôtel». Повсюду «Bonheur» скупалъ недвижимость, лавки закрывались, жильцы покидали квартиры, и толпа рабочихъ, среди густого облака известковой пыли, приступала уже къ перестройкѣ опустѣвшихъ жилищъ. Посреди всеобщаго перешома одно только узенькое зданіе, занятое старикомъ Бурра, стояло неприкосновеннымъ и спокойно выглядывало изъ за высокихъ стѣнъ сосѣднихъ домовъ, усыпанныхъ суетившимися рабочими.

Когда, на слѣдующій день, Дениза съ Пенэ направлялась къ дядѣ Бодю, вся улица была забаррикадирована рядомъ огромныхъ телегъ, выгружавшихъ кирпичъ передъ зданіемъ бывшаго отеля Дювилляръ. Дядя стоялъ на порогѣ своей лавки и угрюмо смотрѣлъ на эту картину. Казалось, что «Старый Эльбофъ» становится все меньше и незамѣтнѣе, по мѣрѣ того, какъ растетъ и расширяется «Bonheur des Dames». Витрины казались еще мрачнѣе, еще болѣе приплюснутыми подъ тяжестью низкихъ тюмообразныхъ антресолей; старая зеленая вывеска еще болѣе помятая отъ дождей и сырости, и отъ всего фасада несло какимъ-то уныніемъ и захудалостью.

— А вотъ и вы, сказалъ Бодю. — Берегитесь, васъ раздаютъ.

Въ лавкѣ сердце Денизы попрежнему болѣзненно жалось. Больше прежняго она казалась погруженной во мракъ и сонливость. Тамъ и сямъ уныло смотрѣли опустѣвшіе отъ товара углы, густая пыль покрывала полки и прилавки, а воздухъ былъ пропитанъ сыростью и острымъ запахомъ залежавшагося сукна. У кассы неподвижно и молча сидѣли мадамъ Бодю и Женевьева. Мать подрубливала полотенца, а мать, опустивъ руки на колѣни, безучастно смотрѣла въ пространство.

— Добрый вечеръ, тетушка, сказала Дениза. — Я очень рада васъ видѣть; простите меня, если я васъ чѣмъ-нибудь огорчила.

Очень тронутая, мадамъ Бодю обняла племянницу.

— Бѣдная моя дѣвочка, еслибы у меня не было другихъ огорченій, я встрѣтила-бы тебя веселѣе.

— Здравствуйте, кузина, обратилась Дениза къ Женевьевѣ, цѣлуя ее въ щеку.

Женевьева вздрогнула, точно пробудилась отъ дремоты, и от-

вѣтила поцѣлуемъ, не произнося ни слова. Затѣмъ мать и дочь приподняли и поцѣловали Пепэ, который протягивалъ имъ свои ручки, и примиреніе состоялось.

— Ну, сказала Бодю,—уже шесть часовъ, пора за столъ. Отчего ты не привела съ собою Жана?

— Да онъ долженъ былъ придти, пробормотала Дениза.— Я его видѣла утромъ, и онъ мнѣ обѣщалъ, что непременно будетъ... О! не зачѣмъ его ждать, вѣрно хозяинъ его держалъ.

Она уже предчувствовала какое-нибудь новое приключеніе.

— Ну, такъ садемъ обѣдать, повторилъ дядя.— Послушайте, Коломбанъ, вы можете обѣдать съ нами. Все равно никто не придетъ.— Дениза до сихъ поръ не замѣтила прикащика. Тетя объяснила ей, что они вынуждены были отпустить второго прикащика и дѣвушку. Дѣла шли такъ плохо, что довольно было и одного Коломбана, да и онъ по цѣлымъ часамъ дремалъ за прилавкомъ безъ работы.

Въ столовой, гдѣ горѣлъ уже газовый рожокъ, Денизу такъ и обдало пронизывающей сыростью. Она узнала тотъ-же круглый столъ, покрытый клеенкой, то-же окно, выходящее на темный и вонючій дворъ; только вся эта знакомая обстановка казалась еще болѣе мрачной и печальной.

— Папа, сказала Женестьева, стѣснявшаяся присутствіемъ Денизы,—не закрыть-ли окно? Со двора несетъ дурнымъ запахомъ.

Но онъ ничего не чувствовалъ и былъ изумленъ.

— Закрой, если тебѣ нравится; только мы здѣсь задохнемся.

И дѣйствительно, въ комнатѣ стало невыносимо душно. Обѣдъ былъ очень скромный. Послѣ супа, когда горничная подала говядину, дядя сразу заговорилъ о «Bonheur des dames». Сначала онъ обнаружилъ много терпимости, признавая за племянницей право имѣть свое мнѣніе.

— Богъ мой! Ты имѣешь полное право защищать эти огромные базары... У каждого свои взгляды, дочь моя... Разъ тебя не возмущаетъ ихъ подлый поступокъ съ тобою,—значить у тебя есть серьезныя основанія ихъ любить... Вздумай ты хоть снова поступить къ нимъ, я и тогда не сталъ-бы на тебя сердиться... Неправда-ли, никто здѣсь не былъ-бы на нее въ претензіи?

— О, нѣтъ, пробормотала мадамъ Бодю.

Дениза солидно стала приводить свои резоны, какъ приводила ихъ у Робино: логическое развитіе торговли, нужды современности, возрастающее благосостояніе общества. Бодю, выпучивъ изумленно глаза, слушалъ ее съ видимымъ напряженіемъ умственныхъ способностей. Когда она окончила, онъ неодобрительно покачалъ головой.

— Все это одни фантазіи. Торговля всегда останется торговлей и ничѣмъ ее не передѣлаешь... Я согласенъ, что они наживаются, но только и всего... Долго я думалъ, что они свернуть себѣ, наконецъ, шею; я терпѣливо ждалъ этого, ты вѣдь помнишь? Ну-съ, такъ нѣтъ, теперь оказывается, что мошенники наживаются и богатѣютъ, а честнымъ людямъ приходится умирать на соломѣ... Вотъ, къ чему мы пришли, и я вынужденъ покориться событіямъ... И я покоряюсь, видите Богъ,—покоряюсь!..

Мало-по-малу имъ овладѣвала злоба. Вдругъ онъ гнѣвно замахалъ вилкой.

— Но я буду бороться до послѣдняго издыханія! Никогда «Старый Эльбефъ» не пойдетъ на уступки! Слышишь ты это?.. Я говорилъ Бурра: «Сосѣдъ, вы дѣлаете уступки шарлатанамъ, ваши передѣлки—позоръ!»

— Обѣдай-же, перебила его мадамъ Бодю, встревоженная его возрастающимъ волненіемъ.

— погоди, я хочу, чтобы племянница знала мой девизъ... Я—какъ этотъ графинь, — не сойду съ мѣста. Пусть ихъ богатѣютъ. Я протестую—вотъ и все!

Горничная подала жареную телятину. Дрожащими руками онъ сталъ отрѣзывать куски; но въ немъ не было уже прежняго глазомѣра и увѣренности движеній. Единственной оставшейся въ немъ силой, какъ онъ самъ сознавался, было непоколебимое упорство взглядовъ и твердая рѣшимость ждать гибели своего дома, не дѣлая никакихъ попытокъ отразить ударъ или уклониться отъ него.

Пепѣ показалось, что дядя сердится, и, чтобы успокоить ребенка, ему поспѣшили дать десертъ. Тогда Бодю понизилъ голосъ и пытался заговорить о другомъ. Онъ говорилъ о развалинахъ и постройкахъ, одобрилъ проведеніе улицы «Десятаго Декабря», которая должна оживить торговлю квартала. Но тутъ онъ снова перешелъ на «Bonheur des Dames», къ

которому фатально приводили всѣ разговоры. Это было общимъ больнымъ мѣстомъ.

Все пропиталось извѣстью, торговля прекратилась съ тѣхъ поръ, какъ улицы загромождены телегами и стромельнымъ матеріаломъ. Въдѣ это расширеніе магазина доходить, наконецъ, до смѣшнаго! Клиенты потеряются въ немъ. И, несмотря на умоляющіе взгляды жены, несмотря на свои собственные усилія, онъ перешелъ къ вычисленію операціи «Bonheur des Dames». Это даже неприлично! Въ четыре года сумма оборотовъ упятерилась. Восемь милліоновъ ежегодной выручки возросли въ послѣдній годъ до сорока милліоновъ. Неслыханная вещь! И магазинъ все продолжаетъ расти; теперь онъ содержитъ тысячу человѣкъ прикащиковъ и двадцать восемь отдѣленій. Особенно выводили его изъ себя эти двадцать восемь отдѣленій. Отдѣленіе мебели, напримеръ, или отдѣленіе мелкихъ парижскихъ издѣлій!.. Представьте себѣ—отдѣлъ бездѣлушекъ! Поистинѣ, эти господа ничѣмъ не брезгаютъ и скоро начнутъ торговать рыбой...

— Признайся откровенно, не можешь-же ты ихъ защищать! Ну, представь, что я открылъ при торговлѣ сукномъ отдѣлъ мѣдной посуды! А? Ты сочла-бы меня за помѣшаннаго... Сознайся хоть въ томъ, что ихъ нельзя уважать.

Такъ какъ Дениза ограничилась одной улыбкой, нѣсколько сконфуженный дядя продолжалъ:

— И такъ, ты на ихъ сторонѣ... Не будемъ больше касаться этого, чтобы не поссориться. Недоставало только, чтобы они перессорили меня съ моей семьей... Поступай къ нимъ, если хочешь, но я запрещаю тебѣ заговаривать о томъ, что у нихъ дѣлается.

Воцарилось молчаніе. Такъ какъ въ тѣсной столовой, разогрѣтой газовымъ розжкомъ, стало невыносимо душно, — горничная снова открыла окно, и на обѣдающихъ пахнуло смрадной сыростью двора. Подали жареный картофель, и всѣ молча брали себѣ на тарелки.

— Вотъ! Взгляни на нихъ, снова началъ Бодю, указывая ножомъ на Женевьеву и Коломбана.— Спроси-ка ихъ, любятъ ли они «Bonheur des Dames».

Молодые люди молча ѣли бокъ-о-бокъ на своихъ обычныхъ мѣстахъ, гдѣ два раза въ день встрѣчались уже двѣнадцать лѣтъ. Подъ искусственно добродушной фізіономіей и

скромно опущенными вѣками Коломбанъ старался скрыть кѣтѣвшія внутри его чувства; а блѣдное лицо и склонившаяся, точно подъ непосильной тяжестью густой косы, голова дѣвушки выражала глубокое, плохо скрываемое страданіе.

— Прошлый годъ былъ очень несчастливъ, объяснял дядя. — Пришлось отложить ихъ свадьбу... Нѣтъ, ты спроси-ка ихъ, что они думаютъ о твоихъ друзьяхъ?

Чтобъ доставить ему удовольствіе, Дениза обратилась къ молодымъ людямъ.

— Я не могу ихъ любить, кузина, отвѣчала Женевьева; — но будьте покойны—не всѣ ихъ ненавидятъ.

Сказавъ это, она взглянула на Коломбана, который сосредоточено вертѣлъ изъ хлѣба шарики. Почувствовавъ на себѣ упорный взглядъ дѣвушки, онъ разразился градомъ бранныхъ словъ.

— Грязная лавка!.. Плутъ на плутѣ!.. Настоящая зараза для дѣлаго квартала!..

— Слышите! Слышите!.. кричалъ въ восторгѣ Бодю. — Вотъ кого имъ не переманить къ себѣ, никогда!.. Ты единственный, мой милый, такихъ больше не будетъ!

Но строгое и страдальческое лицо Женевьевы не переставало смотрѣть на Коломбана. Ему становилось неловко отъ этого проникавшаго въ его сердце взгляда, и онъ удвоилъ брань и проклятія. Сидѣвшая напротивъ мадамъ Бодю озабоченно смотрѣла на нихъ, точно предчувствуя новую бѣду. Съ нѣкотораго времени ее беспокоила блѣдность дочери; она чувствовала, что та изнываетъ и чахнетъ.

— Однако, въ лавкѣ никого нѣтъ, сказала она, желая прекратить сцену; — посмотрите, Коломбанъ, кажется кто-то вошелъ.

Обѣдъ былъ оконченъ и всѣ встали. Бодю и Коломбанъ удалились бесѣдовать съ маклеромъ, пришедшимъ за порученіями. Мадамъ Бодю увела Пенэ, чтобы показать ему картинки. Горничная быстро убрала со стола. Засмотрѣвшаяся на минуту въ окно на маленькій дворикъ Дениза вдругъ обернулась и увидѣла сидѣвшую на томъ-же мѣстѣ Женевьеву съ неподвижно устремленными въ столъ глазами.

— Вамъ дурно, кузина? спросила Дениза.

Дѣвушка не отвѣчала, продолжая задумчиво смотрѣть на столъ. Затѣмъ, съ усиленіемъ поднимая голову, она взглянула

на кухню. Развѣ всѣ уже ушли? Чтожь она тутъ дѣлала на стулѣ? И вдругъ потокъ рыданій подступилъ къ ея горлу; голова снова опустилась на столъ и слезы полились рѣкою.

— Боже мой! Что съ вами? вскричала перепуганная Дениза; — не позвать-ли кого-нибудь.

Женевьева судорожно схватила ее за руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, останьтесь... бормотала она.—О! пусть мама не знаетъ объ этомъ!.. При васъ—мнѣ все равно; но никого больше... Это противъ моей воли, клянусь вамъ... Пойдите, мнѣ уже лучше, я не буду больше плакать.

Все ея исхудалое тѣло порывисто вздрагивало; *тяжелая* коса вдругъ свалилась и покрыла ей лицо, плечи и спину волной густыхъ черныхъ волосъ. Дениза на ципочкахъ суетилась возлѣ нея, стараясь успокоить и облегчить. Она растегнула ей платье и пришла въ ужасъ, при видѣ страшной худобы ея дѣвственной, почти дѣтской груди. Затѣмъ, она вѣско-ро собрала и прикрѣпила роскошную, точно вшитавшую всѣ жизненные соки дѣвушки косу.

— Благодарю васъ, вы такая добрая, говорила Женевьева.— Не правда-ли—я очень худа? Я была полной и все это куда-то ушло... Застегните мнѣ платье, я не хочу, чтобы мама видѣла мои плечи. Я скрываю, пока можно... Боже мой! я слаба, очень слаба...

Она повторила послѣднее слово съ какимъ-то поборнымъ отчаяніемъ. Однако, припадокъ прошелъ; она нѣсколько успокоилась и, сидя въ изнеможеніи на стулѣ, пристально смотрѣла на кухню. Послѣ продолжительнаго молчанія, она вдругъ спросила:

— Скажите мнѣ правду—онъ ее любитъ?

Дениза чувствовала, какъ щеки ея покрывались краской. Она отлично поняла, что дѣло идетъ о Коломбанѣ и Кларѣ, но старалась выразить изумленіе.

— Кто это, моя милая?

Женевьева недоувѣрчиво покачала головой.

— Не лгите, прошу васъ. Вы мнѣ окажете большую услугу хоть тѣмъ, что подтвердите мои подозрѣнія. Я чувствую, что вы знаете. Да, вы были товаркой этой женщины, я видѣла, какъ Коломбанъ шелъ за вами и что-то шепотомъ говорилъ. Навѣрное онъ просилъ передать что-нибудь ей —

вѣдь правда?.. Ради Бога скажите мнѣ правду, клянусь вамъ, что мнѣ станетъ легче.

Никогда еще Дениза не испытывала такой неловкости. Она опустила глаза передъ этой вѣчно молчаливой, но все угадавшей дѣвушкой. Но у нея хватило силъ солгать еще разъ:

— Да вѣдь онъ васъ любитъ!

Женевьева сдѣлала жестъ отчаянія.

— Ладно, вы упорно не хотите мнѣ ничего сказать... Впрочемъ, это мнѣ безразлично, я ихъ видѣла... Онъ постоянно стоитъ на тротуарѣ и не сводитъ съ нея глазъ, а она сверху холодеетъ, какъ безумная... Я увѣрена, что они встрѣчатся гдѣ-нибудь.

— Нѣтъ, клянусь вамъ! вскрикнула Дениза, довольная, что можетъ доставить ей хоть это утѣшеніе.

Дѣвушка тяжело дышала. Болѣзненно улыбаясь, она слабымъ голосомъ произнесла:

— Дайте мнѣ стаканъ воды.. Тамъ, въ буфетѣ... Извините, что я васъ беспокою.

Она задно выпила полный стаканъ.

— Меня постоянно мучить жажда... Я встаю ночью и нью... Если-бы вы знали, начала она, спустя минуту, какъ я жила съ мыслью объ этомъ бракѣ. Я еще ходила въ коротенькихъ платьяхъ, когда Коломбанъ уже считался моимъ женихомъ... Я не знаю, любила-ли я его, но, живя постоянно вмѣстѣ, неразлучно, я давно привыкла считать его своимъ мужемъ... И вотъ, теперь онъ уходитъ отъ меня къ другой... Боже мой, я чувствую, что сердце во мнѣ точно разрывается отъ боли. Эта боль расходится по всей груди, по всему тѣлу, она меня убьетъ.

Слезы снова показались на ея глазахъ. Дениза, готовая сама-расплакаться отъ жалости, тихо спросила:

— Подозрѣваетъ-ли что-нибудь тетушка?

— Я думаю, что мама знаетъ... Что до папа, то онъ слишкомъ взволнованъ и озабоченъ другимъ, чтобы замѣтить, сколько страданій причиняетъ тѣмъ, что откладываетъ свадьбу. Мама не однажды допрашивала меня. Ее беспокоитъ моя слабость и худоба. «Бѣдная моя дѣвочка, говоритъ она часто, сама была не изъ сильныхъ и тебя родила не здоровой». Но все-таки она находитъ, что я ужь слишкомъ исхудала... Извините на мои руки—на что это похоже?

Дрожащей рукой она опять взялась за графинъ. Дениза хотѣла помѣшать ей пить.

— Нѣтъ, у меня страшная жажда, оставьте меня.

Въ порывѣ состраданія, Дениза опустилась на колѣни и нѣжно обняла кузину. Она цѣловала ее, увѣряла, что все пойдетъ къ лучшему, Коломбанъ на ней женится, она поправится и будетъ счастлива.

Изъ лавки доносился голосъ звавшего ее дяди:

— Дениза, здѣсь Жанъ!

Она вскочила. Въ лавкѣ, дѣйствительно, стоялъ запыхавшійся и растерянный Жанъ. Когда ему сказали, что уже восемь часовъ, онъ изумился. Не можетъ быть, онъ только-что вышелъ отъ хозяина. Но, какъ только ему удалось приблизиться къ сестрѣ, онъ шепнулъ ей на ухо:

— Я встрѣтилъ молоденькую прачку, несшую бѣлье... Тамъ меня ждетъ фіакръ... Дай мнѣ скорѣй пять франковъ.

Онъ на минуту выбѣжалъ и вернулся обѣдать, такъ какъ мадамъ Бодю ни за что не хотѣла отпустить его голоднымъ. Вечеръ прошелъ молча и угрюмо. Тишина нарушалась только мѣрными шагами дяди, ходившаго взадъ и впередъ по мрачной и пустой лавкѣ, освѣщенной однимъ только газовымъ рожкомъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Дениза забѣгала почти каждый день развлечь немного Женевьеву. Но уныніе все возрастало въ домѣ Бодю. Быстро подвигавшіяся строительныя работы напротивъ постоянно поддерживали въ нихъ мучительное сознаніе ихъ собственнаго раззоренія. Если даже имъ впрѣдкѣ выпадала минута неожиданной радости и надежды, достаточно было грохота телѣги съ кирпичемъ или скрипа пилы, чтобы отравить все удовольствіе.

Отъ этихъ работъ не меньше доставалось и прочимъ обитателямъ околodka. Вдоль трехъ улицъ тянулись и заставляли тротуаръ высокіе деревянные заборы, изъ-за которыхъ доносился непрерывный грохотъ лихорадочной дѣятельности. Хотя архитекторъ и пользовался старыми зданіями, но во многихъ мѣстахъ ихъ пришлось разрушить, чтобы приспособить къ новому плану. Посрединѣ, на пространствѣ, занимаемомъ дворами, строилась огромная, какъ соборъ, центральная галлерей, которая должна была выходить парадной дверью на улицу С.-Огюстенъ. Стѣны перваго этажа уже были выведены; огром-

ныя балки и деревянные подмости окружали весь перестраиваемый островок, на котором непрерывно слышался рѣзкій скрипъ подымающихся огромные камни блоковъ, грохотъ падающихъ на землю желѣзныхъ полосъ, стукъ кирки и молота и крики рабочихъ. Такъ какъ всѣ работы производились паровой машиной, то въ воздухѣ поминутно раздавался оглушительный свистъ локомотива, а при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка подымалось густое облако известковой пыли и какъ снѣгомъ покрывало сосѣднія крыши. Бодю приводила въ отчаяніе эта пыль, проникавшая во всѣ щели, наполнявшая ихъ лавку, садившаяся на сукна, на ихъ постель. Мысль, что они непрерывно дышать этой пылью, что она проникаетъ во всѣ ихъ поры — отравляла имъ существованіе.

Скоро положеніе еще ухудшилось. Боясь, что не окончатъ постройки къ сроку, архитекторъ завелъ ночную работу. Поставлены огромныя электрическія лампы, дневную партію рабочихъ смѣняла ночная и день и ночь безъ устали свисталь локомотивъ и гремѣли молоты. Тогда Бодю лишились даже сна. Всю ночь имъ не давалъ успокоиться страшный стукъ, переходившій въ мучительные кошмары, когда въ изнеможеніи, они на минуту засыпали. Въ отчаяніи, они вскакивали съ постели и, бросившись къ окну, отдергивали занавѣску. Тогда изъ окружающаго мрака грозно выступалъ объятый пламенемъ «Bonheur des Dames», точно гигантская кузница, гдѣ выковывалась ихъ гибель. Сквозь отверстія недостроенныхъ еще стѣнъ электрическія лампы бросали широкія полосы ослѣпительнаго голубого свѣта, и увеличенная этимъ фантастическимъ сіяніемъ мастерская кишѣла большими черными тѣнями рабочихъ, мелькавшими на свѣжей штукатуркѣ стѣнъ.

Мелкой торговлѣ квартала каждый день наносились новые смертельные удары. Всякій разъ, когда въ «Bonheur des Dames» открывался новый отдѣлъ, — банкротилась и закрывалась та или другая изъ сосѣднихъ лавокъ. Уже ходили слухи о закрытіи самыхъ солидныхъ и старыхъ магазиновъ. На-дняхъ объявила банкротство мадемоазель Татенъ, продавщица бѣлья въ пассажѣ Шоазель. Перчаточникъ Кинетъ съ трудомъ продержится шесть мѣсяцевъ. Бидорэ съ сестрой, чулочные торговцы въ улицѣ Гайонъ, перебиваются только благодаря сдѣланнымъ раньше сбереженіямъ. За ними ожидался новый рядъ раззореній. Открытый недавно отдѣлъ articles de Paris угрожалъ бан-

кротствомъ крупному торговцу С.-Рошъ, Делинберу, а отдѣлъ мебели подрывалъ благосостояніе мебельныхъ торговцевъ Піо и Ривоара, мирно пріютившихся подъ сѣнью пассажа С.-Аннъ. Съ однимъ торговцемъ чуть даже не сдѣлался ударъ, когда онъ узналъ, что «Bonheur des Dames» на тридцать процентовъ понизилъ цѣну на свои товары. Что-же касается болѣе хладнокровныхъ Піо и Ривоара, то они старались подшучивать надъ этими аршинниками, вздумавшими продавать столы и комоды. Но новый отдѣлъ имѣлъ громаднѣйшій успѣхъ; кліенты ихъ мало-по-малу покидали, а рано или поздно имъ предстояло очистить мѣсто. За ними будутъ вытѣснены другіе изъ-за своихъ прилавковъ и не далеко то время, говорили сосѣди, когда «Bonheur des Dames» покроетъ собою весь околоскопъ.

Теперь, когда утромъ и вечеромъ тысяча прикащиковъ изъ «Bonheur» высыпала на улицу, они образовали на площади Гаюанъ такую длинную вереницу, что публика останавливалась и любовалась на нихъ, какъ на полкъ солдатъ. Въ теченіи десяти минутъ они покрывали всѣ прилежащія тротуары, и, глядя на нихъ, сосѣдніе лавочники со вздохомъ вспоминали о своихъ одинокихъ коми, которыхъ притомъ нечѣмъ было кормить.

Послѣдній отчетъ громаднаго магазина, показавшій что сумма оборотовъ достигла сорока милліоновъ франковъ, тоже не мало взволновала сосѣднихъ торговцевъ. Цифра эта переносилась изъ дома въ домъ, среди общаго изумленія и гнѣвныхъ возгласовъ. Сорокъ милліоновъ! Просто непонятно! Правда, въ силу громадныхъ издержекъ по магазину и системы пониженія цѣнъ, его прибыль не превышала четырехъ процентовъ; но и милліонъ шестьсотъ тысячъ франковъ чистой прибыли сумма очень значительная; можно ограничиться и четырьмя процентами, когда обладаешь такимъ огромнымъ капиталомъ! Рассказывали, что первоначальный капиталъ Мурэ въ пятьсотъ тысячъ франковъ возросъ теперь до четырехъ милліоновъ и, слѣдовательно, оборачивается въ годъ около десяти разъ. Эти вычисленія заставляли призадуматься Робино и признавать въ тайнѣ справедливость доводовъ Денизы. Только одинъ Бурра продолжалъ ничего не понимать и упорно отрицать факты. Шайба мошенниковъ — вотъ и все! Лгуны и шар-

латаны, которые въ одинъ прекрасный день очутятся на мостовой.

Бодю, между тѣмъ, не смотря на обѣщаніе ничего не измѣнять въ обычаяхъ «Старого Эльбефа», старался какъ-нибудь выдержать конкуренцію. Такъ какъ кліенты сами не шли къ нему, то онъ прибѣгалъ къ содѣйствію маклеровъ. Особенной популярностью пользовался тогда одинъ изъ такихъ маклеровъ, имѣющій связи со всѣми крупными портными города и вывозившій многихъ торговцевъ сукна и фланели. Понятное дѣло, что каждый изъ такихъ торговцевъ старался переманить на свою сторону такую важную персону. Но Бодю и тутъ не повезло: такъ какъ онъ вздумалъ торговаться съ важнымъ маклеромъ, то послѣдній промѣнялъ его на Матиньона, суконнаго торговца изъ улицы «Пти-Шанъ». За этимъ, Бодю выпустилъ изъ рукъ еще двухъ ловкихъ маклеровъ, а третій,—будучи честнымъ человѣкомъ, ничего не могъ сдѣлать. Кліенты одинъ за другимъ покидали его, дѣла съ каждымъ днемъ шли хуже и медленно приближались къ катастрофѣ. Сначала расходовались сбереженія, потомъ наступили долги. Подошелъ, наконецъ, страшный день уплаты по векселямъ. Взглянувъ на цифру предъявленныхъ въ декабрѣ долговыхъ обязательствъ, Бодю рѣшился на послѣднюю жертву: онъ продалъ домъ въ Рамбулье, стоившій ему столько денегъ и не дававшій ему никакого дохода. Эта продажа лишила Бодю завѣтной мечты его жизни—удалиться когда-нибудь на покой на лоно природы. Ему было больно, точно онъ терялъ дорогое существо. Онъ вынужденъ былъ уступить за шестьдесятъ тысячъ то, что ему обошлось въ двѣсти. И былъ еще счастливъ, что встрѣтилъ Ломовъ, которые пожелали округлить свои владѣнія. Эти шестьдесятъ тысячъ франковъ должны были поддержать нѣкоторое время торговлю, такъ какъ, не смотря на рядъ неудачъ, мысль о борьбѣ и надежда на побѣду, цѣною хотя-бы усиленныхъ жертвъ, все еще не покидала его.

Уплативъ деньги, Ломы приняли приглашеніе отобѣдать въ воскресенье въ «Старомъ Эльбефѣ». Первая пришла мадамъ Аврели; нѣсколько позже пришелъ съ какого-то музыкальнаго утра кассиръ; а Альберъ, не смотря на обѣщанія, совсѣмъ не явился. Вечеръ прошелъ въ томительной скукѣ. Привыкшіе къ семейной замкнутости Бодю чувствовали себя неловко въ обществѣ этой эмансипированной парочки, вносящей въ ихъ

тѣсную столовую атмосферу отеля и табль-д'ота. Женевьева, обиженная надменной осанкой мадамъ Аврели, весь вечеръ не открывала рта; а Коломбанъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ созерцалъ начальницу его Клары.

Вечеромъ, когда жена легла въ постель, Бодю долго еще шагала взадъ и впередъ по спальнѣ. Не смотря на закрытыя окна и опущенные шторы, въ комнату доносился шумъ и свистъ работающей машины.

— Знаешь-ли, о чемъ я думаю, Елизавета?.. сказалъ Бодю. Хотя эти гг. Ломы и наживаютъ много денегъ, а я все-таки не завидую имъ и не помѣнялся-бы съ ними шкурой... Имъ везетъ — это правда. Жена рассказывала, что въ этомъ году заработала двадцать тысячъ франковъ, что и доставило ей возможность купить у насъ нашъ бѣдный домикъ. Ну что-жъ! У меня нѣтъ дома, за то мы съ тобой не шлемся, какъ они, въ разныхъ концахъ Парижа... Нѣтъ, они не могутъ быть счастливы!

Онъ находился еще подъ вліяніемъ злобнаго чувства къ этимъ людямъ, отнявшимъ у него домъ, а съ нимъ и заветную мечту. Подойдя къ окну, онъ сталъ прислушиваться къ шуму работы, и изъ устъ его снова полился потокъ обвиненій и жалобъ на новыя времена. Слыхано-ли когда нибудь, чтобы простые прикащики зарабатывали больше самостоятельныхъ коммерсантовъ! Кассиры стали скупать имущества хозяевъ! Все рушится, семьи ужъ больше нѣтъ, живутъ въ ресторанахъ, вмѣсто того, чтобы честно ѣсть свой супъ подъ домашнимъ кровомъ. И онъ заключилъ пророчествомъ, что молодой Ломъ прокутитъ современемъ имѣніе въ Рамбулье съ актрисами.

Наступило продолжительное молчаніе. Мадамъ Бодю, блѣдная какъ смерть, лежала на подушкѣ, устремивъ неподвижный взглядъ въ потолокъ.

— Не замѣтилъ-ли ты чего-нибудь за дочерью въ послѣднее время? внезапно спросила она, не поворачивая головы.

— Нѣтъ, а что? отвѣчалъ онъ.

— Она меня очень тревожитъ. Съ каждымъ днемъ она блѣднѣетъ и все больше томится.

Онъ въ изумленіи остановился у кровати.

— Въ самомъ дѣлѣ? отчего-же?.. Если она больна — должна сказать. Завтра надо позвать доктора.

Мадамъ Бодю продолжала неподвижно лежать въ преж-

немъ положеніи. Помолчавъ съ минуту, она задумчиво произнесла:

— Мнѣ кажется, что слѣдовало-бы ускорить свадьбу.

Онъ посмотрѣлъ на нее и опять зашагалъ по комнатѣ, припоминая факты. Неужто его дочь заболѣла изъ-за этого прикащика? Неужели она его такъ любить, что не въ состояніи больше ждать? Еще одна бѣда съ этой стороны! Это его тѣмъ болѣе огорчило, что взгляды его на этотъ бракъ твердо установились. Онъ ни за что не согласился-бы обвинять ихъ при нынѣшнихъ условіяхъ. Но опасенія за дочь сдѣлали свое дѣло.

— Ладно, сказалъ онъ, наконецъ, я поговорю съ Коломбаномъ.

И, не прибавивъ больше ни слова, онъ продолжалъ шагать по комнатѣ. Скоро глаза жены сомкнулись и она уснула, блѣдная, какъ мертвецъ. Онъ все шагаль. Прежде чѣмъ лечь, онъ отдернулъ стору и заглянулъ въ окно: въ широкія отверстія бывшаго отеля Дювилляръ видно было, какъ темныя тѣни рабочихъ сутились и бѣгали при яркомъ освѣщеніи электрическихъ лампъ.

На слѣдующее утро Бодю отвелъ Коломбана въ одно изъ темныхъ помѣщеній антресолей. Еще наканунѣ онъ обдумалъ, что ему нужно сказать.

— Сынъ мой, началъ онъ, ты знаешь, что я продалъ свой домъ въ Рамбулье. Это намъ поможетъ нѣсколько обернуться... Но мнѣ нужно сначала поговорить съ тобою...

Молодой человѣкъ, избѣгавшій, повидимому, всякихъ объясненій, чувствовалъ себя неловко. Онъ заморгаль своими маленькими глазками и ждалъ съ разинутымъ ртомъ, что случило въ немъ признакомъ глубокаго замѣшательства.

— Слушай внимательно, продолжалъ суконный торговецъ. Когда старикъ Гошкорнъ передалъ мнѣ «Старый Эльбефъ», магазинъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи; онъ самъ получилъ его въ свое время цвѣтущимъ изъ рукъ старика Финэ... Тебѣ извѣстенъ мой образъ мыслей: я считаль-бы подлостью передать моимъ дѣтямъ лавку въ худшемъ состояніи,—вотъ почему я откладывалъ вашу свадьбу... Да, я все упорствовалъ и надѣялся, что приведу ее снова въ прежнее положеніе и, раскрывъ передъ тобою книги, скажу: «Смотри! Въ тотъ годъ, когда я получилъ лавку, продано было столько-то сукна; те-

перь, когда я тебѣ ее сдаю, продано на десять или двадцать тысячъ франковъ больше... Ты понимаешь, что мною руководило естественное желаніе доказать, что магазинъ не упалъ въ моихъ рукахъ. Иначе, мнѣ все казалось-бы, что я васъ ограбилъ.

Волненіе сдавило ему горло. Чтобы оправиться, онъ зашагалъ.

— Что-же ты молчишь?

Но Коломбану нечего было сказать. Онъ стоялъ въ замѣшательствѣ, понутивъ голову, догадываясь, къ чему клонить рѣчь патронъ. Разумѣется, захочетъ ускорить свадьбу. Какъ отказаться? Никогда у него не хватитъ на это мужества. А потомъ? Какъ-же быть съ той, о которой онъ въ лихорадочномъ волненіи думаетъ цѣлыя ночи?

— Теперь, продолжалъ Бодю,—эти деньги могутъ васъ спасти. Положеніе дѣлъ съ каждымъ днемъ становится труднѣе, но быть можетъ, сдѣлавъ отчаянное усиліе... Словомъ, я хотѣлъ тебя предупредить. Мы рискуемъ всѣмъ. Если и это не вывезетъ, ну, значить, мы погибли. Только ваша свадьба, мой милый, будетъ снова отсрочена, такъ-какъ я не хочу свалить вамъ на плечи сомнительное дѣло. Это было-бы слишкомъ низко — не такъ-ли?

Обрадованный Коломбанъ присѣлъ на кипу фланели. Ноги у него дрожали. Онъ наклонилъ голову, чтобы скрыть свою радость.

— Что же ты молчишь? снова спросилъ Бодю. Но тотъ продолжалъ молчать, не находя отвѣта. Тогда Бодю медленно продолжалъ свою рѣчь.

— Я зналъ, что это тебя огорчить... Ободришь немного, нельзя такъ падать духомъ... Войди и въ мое положеніе. Имѣю-ли я право нацѣпить вамъ на шею такую обузу. Въ вѣсто цвѣтущей лавки, я уступаю вамъ, можетъ быть, банкротство. Такъ поступилъ-бы только негодяй. Конечно, я самъ хочу вашего счастья, но ничто не заставитъ меня поступить противъ совѣсти.

Онъ долго говорилъ на эту тему, повторяя одно и то-же и путаясь въ противорѣчіяхъ, какъ человѣкъ, желающій, чтобы его поняли на полу-словъ и принудили къ тому, на что онъ самъ не рѣшается. Онъ обѣщалъ передать свою дочь и лавку, и строгая честность требовала отъ него, чтобы то и другое

было сдано въ полномъ порядкѣ, безъ долговъ и изъяна. Только онъ чувствовалъ себя усталымъ, бремя становилось ему черезъ-чуръ не подь силу, въ его дрожащемъ голосѣ слышалась мольба и надежда.

Но молодой человѣкъ продолжалъ молчать, склонивъ голову на колѣни.

— Что-же ты молчишь? спросилъ въ третій разъ Бодю послѣ томительнаго молчанія.

— Да мнѣ нечего сказать... отвѣчалъ, наконецъ, Коломбанъ, не подымая головы.—Вы хозяинъ, вы здѣсь опытнѣе всѣхъ насъ. Разъ вы этого требуете, мы будемъ ждать, будемъ благодарны.

Дальше ждать было нечего. Бодю все надѣялся, что малый бросится ему въ объятія и скажетъ: «Отецъ, отдохни, а мы за тебя поборемся. Отдай намъ лавку какъ она есть—мы попытаемся ее спасти!» Но тотчасъ ему стало стыдно; онъ обвинилъ себя въ желаніи обмануть своихъ дѣтей. Въ немъ снова проснулася болѣзненная честность стараго комерсанта. «Малый правъ, думалъ онъ, ибо торговлѣ чужды чувства, она знаетъ только одни счеты».

— Обними меня, мой милый, сказалъ онъ въ заключеніе. Рѣшено, мы заговоримъ о свадьбѣ не ранѣе, какъ черезъ годъ. Нужно прежде подумать о дѣлахъ.

Вечеромъ, когда мадамъ Бодю спросила мужа о результатахъ его разговора съ Коломбаномъ, Бодю по прежнему заговорилъ о своемъ упорномъ намѣреніи продолжать борьбу самому. Онъ всячески расхваливалъ Коломбана; малый солидный, съ твердымъ взглядомъ на вещи, воспитанный въ хорошихъ правилахъ и неспособный на легкомысленныя выходки, свойственныя этимъ шалопаямъ изъ «Bonheur».

— Такъ когда-же свадьба? спросила мадамъ Бодю.

— Современемъ, отвѣчалъ онъ.—Я хочу сдержать свои обѣщанія.

— Это убьетъ нашу дочь, сказала она безъ малѣйшаго повышенія въ голосѣ.

Онъ былъ взбѣшенъ. Его раньше убьютъ эти безпрестанная приставанія! Развѣ онъ виноватъ, что дѣла идутъ изъ ругъ воеъ плохо? Онъ любитъ свою дочь и готовъ сложить за нее голову, но не можетъ-же онъ оживить вдругъ торговлю, когда она въ застоѣ! Женевьева можетъ немного по-

терпѣть, пока дѣла поправятся. Кой чертъ! Коломбанъ вѣд здѣсь, никто его не украдетъ!

Мадамъ Бодю не прибавила ни слова. Безъ сомнѣнія, она догадывалась о терзавшей Женевьеву ревности; но она не считала нужнымъ сказать объ этомъ мужу. Какая-то робость всегда мѣшала ей касаться при немъ щекотливыхъ вопросовъ. Не встрѣтивъ съ ея стороны возраженія, онъ обратилъ свой гнѣвъ на „Bonheur des Dames“, грозя кулакомъ въ сторону построекъ, откуда въ эту ночь доносился грохотъ приколачиваемыхъ желѣзныхъ полосъ.

Дениза рѣшилась снова поступить въ „Bonheur des Dames“. Она понимала, что Робино, вынужденный сокращать свой персоналъ, не отказываетъ ей только изъ деликатности. Чтобы удержаться какъ-нибудь, хозяевамъ все приходилось дѣлать самимъ. Гожанъ, упорно желавшій продолжать борьбу, расширялъ имъ кредитъ и обѣщалъ даже ссуду; ноими овладѣлъ страхъ и рѣшено было прибѣгнуть къ экономіи и осторожности. Дениза чувствовала, что съ нею стѣсняются и рѣшилась начать первая, сказавши, что у нея есть новое мѣсто. Это вывело изъ затруднительнаго положенія. Мадамъ Робино горячо поцѣловала ее, увѣряя, что всегда будетъ о ней вспоминать. Но когда на вопросъ Робино дѣвушка отвѣтила, что поступаетъ въ „Bonheur des Dames“, онъ поблѣднѣлъ.

— Вы правы! произнесъ онъ неожиданно.

Не такъ легко было сообщить эту новость старику Бурра. Ей было страшно неловко, такъ какъ она чувствовала къ нему глубокую признательность. Какъ разъ въ это время Бурра былъ въ разгарѣ бѣшенства на оглушавшій его со всѣхъ сторонъ грохотъ построекъ. Телѣги съ известью загромождали входъ въ его лавку, молотки колотили его стѣны съ такимъ ожесточеніемъ, что трости и зонтики тряслись на своихъ мѣстахъ и ветхое зданіе готово было рухнуть. Въ довершеніе всего, архитекторъ, желая соединить старыя отдѣленія магазина съ новыми, устроенными въ бывшемъ отелѣ Дювилляръ, задумалъ прорыть подъ лавкой Бурра подземную галерею. Домикъ принадлежалъ теперь Мурэ, а по контракту жилецъ обязанъ былъ допустить всѣ необходимыя поправки. Когда появились рабочіе, съ Бурра чуть не сдѣлался апоплексическій ударъ. Недостаточно, что они его атаковали со всѣхъ сторонъ, имъ понадобилось атаковать его снизу,

рыть подъ нимъ землю! И онъ прогналъ рабочихъ и началъ тяжбу, которая обѣщала тянуться долго и волновала весь околотокъ.

Въ тотъ день, когда Дениза рѣшилась, наконецъ, объявить ему о своемъ переходѣ, онъ только что вернулся отъ адвоката. Извѣстіе о ея поступленіи въ «Bonheur des Dames» на тысячу франковъ жалованья до того поразила его, что онъ могъ только поднять къ небу старыя дрожащія руки, и въ волненіи опустился на стулъ.

— Вы! вы! бормоталъ онъ.—Всѣ измѣняютъ, остаюсь только я одинъ!..

Послѣдовало молчаніе.

— А мальчикъ? спросилъ, наконецъ, старикъ.

— Онъ поступитъ въ пансіонъ мадамъ Гра, отвѣчала Дениза.—Она его очень любитъ.

Снова воцарилось молчаніе. Ей было бы легче если-бы онъ бѣсновался, кричалъ и грозилъ кулаками. Это безмолвное отчаяніе старика причиняло ей невыносимую боль. Но онъ мало по малу оправился и закричалъ:

— Отъ тысячи франковъ нельзя отказаться!.. Всѣ вы туда уйдете! Идите, оставьте меня одного... Да, одного, слышите! Пусть хоть одинъ гордо держитъ голову... И скажите имъ, что я выиграю процессъ, хоть бы мнѣ пришлось продать послѣднюю рубашку!

Дениза должна была оставить Робино не раньше конца мѣсяца. Однажды, возвращаясь вечеромъ домой, она снова наткнулась на поджидавшего ее у воротъ Делоша. Онъ былъ въ восторгѣ, узнавъ о ея возвращеніи, и сталъ передавать ей всѣ сплетни магазина.

— Кстати, вы помните Клару? Ну-съ, такъ говорятъ, что патронъ ее облюбовалъ... Вы понимаете?

И онъ покраснѣлъ.

— Какъ! господинъ Мурэ! вскрикнула поблѣднѣвшая Дениза.

— Странный вкусъ, не правда-ли? замѣтилъ Делошъ.—Женщина, похожая на лошадь. Маленькая продавщица бѣлья, бывшая у него въ прошломъ году, покрайней мѣрѣ была маленькая. Впрочемъ, это его дѣло.

Поднявшись къ себѣ, Дениза почувствовала какое-то изнеможеніе. Это навѣрное оттого, что она слишкомъ быстро

взбиралась на лѣстницу. Облокотившись на окно, она вдругъ вспомнила Волонью съ ея пустынною, поросшею муравовъ улицей, и ее потянуло туда, въ этотъ отдаленный пріютъ мира и забвенія. Парижъ раздражалъ ее, она почувствовала вдругъ какую-то ненависть къ «Bonheur des Dames» и не могла понять, зачѣмъ она согласилась туда поступить. Навѣрное, ее ждетъ тамъ цѣлый рядъ страданій, она и теперь уже чувствуетъ какую-то странную боль отъ рассказовъ Делюша. И, отойдя отъ окна, она долго истерически плакала.

Въ полдень на слѣдующій день, проходя съ какимъ-то порученіемъ отъ Робино мимо «Стараго Эльбефа» и замѣтивъ, что Коломбанъ одинъ въ лавкѣ, она тихонько пріотворила дверь. Изъ столовой доносился стукъ вилокъ, Бодю завтракали.

— Войдите, сказалъ прикащикъ. — Они за столомъ.

Она отозвала его въ уголь и понизила голосъ.

— Я зашла къ вамъ... Неужто у васъ нѣтъ сердца? развѣ вы не видите, что Женевьева васъ любитъ и съ каждымъ днемъ чахнетъ?

Ею овладѣло лихорадочное волненіе: Озадаченный этимъ неожиданнымъ нападеніемъ, онъ молча смотрѣлъ на нее, не зная, что сказать.

— Слышите! продолжала она. — Женевьева знаетъ, что вы любите другую. Она говорила мнѣ объ этомъ и рыдала, какъ безумная. Бѣдное дитя! Если-бы вы видѣли, какъ она истукала? Просто жалость!.. Послушайте, не захотите-же вы доводить ее до смерти!

— Она совсѣмъ не такъ больна, вы преувеличиваете... Заговорилъ онъ, наконецъ, въ замѣшательствѣ. — Я не замѣчалъ... Притомъ, вѣдь это отецъ откладываетъ свадьбу.

Дениза рѣзко замѣтила ему, что онъ лжетъ. Она чувствовала, что малѣйшее настояніе со стороны Коломбана заставило-бы старика уступить. Что-же касается изумленія Коломбана, то оно было искренне: онъ, дѣйствительно, не замѣчалъ медленной агоніи Женевьевы. Это было для него весьма не пріятнымъ открытіемъ. Пока онъ не зналъ этого, ему не въ немъ было себя упрекать.

— И изъ за кого? продолжала Дениза, — изъ за какой-то негодной женщины. Вы не знаете, кого вы полюбили? Я вѣдѣю до сихъ поръ васъ огорчать и старалась уклонять

отъ вашихъ вопросовъ... Такъ знайте-же, что она таскается со всѣми и надъ вами смѣется, она никогда не будетъ принадлежать вамъ или если будетъ, то такъ-же, какъ и всякому встрѣчному, — мимоходомъ.

Страшно блѣдный, онъ слушалъ ее, вздрагивая отъ каждой ея фразы. Увлекаясь все больше и больше, она впадала въ жестокость.

— Притомъ, вскрикнула она на послѣдокъ;— она живетъ съ г. Мурэ, если вамъ угодно это знать!

Голосъ ея оборвался, она поблѣднѣла не меньше его, и оба молча смотрѣли другъ на друга.

— Я люблю ее, пробормоталъ, наконецъ, Коломбанъ.

Денизъ стало стыдно. И чего она волнуется, зачѣмъ она все это сказала ему? Сказанное имъ только что маленькое слово звучало въ ея ушахъ какъ отдаленный гулъ колокола. «Люблю ее», «люблю ее», отдавалось въ ея сердцѣ. Да, онъ правъ, ему нельзя жениться на другой.

Обернувшись, она увидѣла Женевьеву на порогѣ столовой.

— Молчите! быстро прошептала она.

Но было уже поздно. Женевьева, повидимому, слышала. Въ эту минуту въ лавку вошла мадамъ Бурдлэ, одна изъ вѣрныхъ почитательницъ «Стараго Эльбефа», гдѣ она находила прочный товаръ. Ни мадамъ де-Бовъ, ни мадамъ Марти больше не являлись, увлеченныя соблазнительной выставкой матерій напротивъ.

Женевьева вынуждена была подойти, и глухимъ голосомъ спросить:

— Что угодно, сударыня?

Мадамъ Бурдлэ хотѣла видѣть фланель. Коломбанъ доставалъ съ полки, а Женевьева показывала; оба въ волнении стояли за прилавкомъ почти касаясь другъ друга. За женой, похѣстившейся у кассы, вошелъ въ лавку и Бодю. Сначала онъ не вмѣшивался и, улыбувшись Денизъ, стоялъ въ сторонѣ.

— Эта недостаточно хороша, сказала покупательница.— Покажите мнѣ самую прочную, какая у васъ есть.

Коломбанъ досталъ новую штуку фланели.

— Что это стоитъ? спросила мадамъ Бурдлэ, оцупавъ матерію.

— Шесть франковъ, сударыня, отвѣчала Женевьева.

Клиентку передернуло.

— Шесть франковъ! Да въ «Bonheur» это стоитъ всего пять франковъ!

Лицо Бодю судорожно исказилось. Онъ не выдержалъ и вѣжливо вмѣшался.

— Вы, вѣроятно, ошиблись, сударыня; не можетъ быть, чтобы эта фланель продавалась по пяти франковъ; обыкновенно ее продаютъ по шести франковъ пятьдесятъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, повторяла она тономъ хозяйки, которую не надуешь.—Эта самая фланель, можетъ быть даже немного плотнѣе.

Споръ разгорался; Бодю дѣлалъ надъ собою усилія, но злоба душила его.

— Прошу васъ быть вѣжливѣй, сказала, наконецъ, мадамъ Бурдлэ;—иначе я уйду въ «Bonheur» за другими.

Кровь бросилась ему въ голову и въ бѣшенствѣ онъ закричалъ:

— Ну, такъ что-жь! И ступайте!

— Я это и сдѣлаю, сударь, сказала обиженная клиентка, вскочивъ съ мѣста и направляясь къ двери.

Послѣдовало общее замѣшательство. Онъ самъ испугался своихъ словъ и дрожалъ отъ волненія. Слова вырвались у него невольно, какъ результатъ накопившейся злобы. Вся семья молча смотрѣла вслѣдъ переходившей мадамъ Бурдлэ, которая, казалось, уносила съ собою ихъ послѣднія надежды на счастье. Когда она вошла въ высокую парадную дверь «Bonheur des Dames» и затерялась въ толпѣ, у нихъ точно что-то оборвалось.

— Еще одну они у насъ отняли! пробормоталъ Бодю.

Затѣмъ, обратившись къ Денизѣ, рѣшеніе которой поступить въ «Bonheur» ему уже было извѣстно, онъ сказалъ:

— Тебя они то-же сманили... Иди къ нимъ, я не сержусь на тебя... У нихъ деньги—за ними и сила!

Какъ разъ въ эту минуту, Дениза, въ надеждѣ, что Женевиѣва не слыхала ея разговора съ Коломбаномъ, шептала ей на ухо:

— Будьте веселѣй, онъ васъ любитъ.

— Зачѣмъ вы лжете?.. отвѣчала разбитымъ голосомъ дѣвушка. — Да вотъ, взгляните, — онъ не можетъ удержаться и

теперь даже смотреть на окна... Они лишили меня и его, какъ лишили насъ состоянія.

Она отошла и сѣла у кассы возлѣ матери, которая тревожно смотрѣла то на нее, то на Коломбана, то устремляла взоръ на «Bonheur des Dames». Это правда, онъ отнимаетъ у нихъ все: у отца—состояніе, у матери—умирающую дочь, у бѣдной дѣвушки—десять лѣтъ ожидаемаго мужа. При видѣ этой погибающей семьи, Дениза сама готова была расплакаться и спрашивала себя, хорошо-ли она дѣлаетъ, переходя на службу чудовища, готовящагося пожрать этотъ маленький, несчастный мірокъ. Но какая-то неодолимая сила толкала ее туда, подсказывая ей оправданія.

— Эка важность! заговорилъ Бодю, стараясь придать себѣ мужество.—Не умремъ-же мы съ голоду!.. Потеряли одного кліента — найдемъ десять. Слушай, Дениза: у меня тутъ шестьдесятъ тысячъ франковъ, которые доставятъ не мало безсонныхъ ночей твоему Мурзэ... Эй-вы! Ободритесь! Что у васъ за траурныя лица!

Но ему не удалось ихъ ободрить, да и самъ онъ тотчасъ снова впалъ въ уныніе: Устремивъ взоры на ликовавшій передъ ними огромный магазинъ, всѣ, точно прикованные, погрузились въ созерцаніе готовящейся имъ гибели. Работы приходили къ концу, фасадъ, очистили уже отъ деревянныхъ стропиль, и колоссальное зданіе выглянуло изъ-за нихъ во всемъ блескѣ своихъ бѣлыхъ стѣнъ, украшенныхъ рядомъ сверкающихъ витринъ. Вдоль тротуара, у конторы отправокъ, стояло врядъ восемь каретъ, которыя прислуга магазина нагружала товаромъ. Ослѣпительные лучи полуденнаго солнца ярко отражались на ихъ блестящихъ кузовахъ, проникая въ подвальный полумракъ «Старога Эльбѣфа», а одѣтые въ богатую сбрую отличные рысаки уносили ихъ съ такимъ оглушительнымъ трескомъ, отъ котораго дрожали окна сосѣднихъ лавокъ.

При видѣ этого торжествующаго ряда наполненныхъ товаромъ каретъ, Бодю охватило еще большее уныніе. Куда вливается этотъ непрерывный потокъ товара? въ отчаяніи спрашивалъ себя отецъ; а истерзанная страданіемъ дочери мать бессознательно смотрѣла вдаль полными слезъ глазами.

IX.

Въ понедѣльникъ, 14-го марта, «Bonheur des Dames» праздновалъ открытіе перестроеннаго магазина большой выставкой лѣтнихъ товаровъ, которая должна была длиться три дня. Дуль рѣзкій сѣверный вѣтеръ, и прохожіе, напуганные неожиданнымъ возвращеніемъ зимы, ускорили шаги, безупѣшно кутаясь въ свои пальто. За плотно закрытыми дверями лавокъ, окружавшихъ «Bonheur des Dames», царило напряженное волненіе: у витринъ виднѣлись блѣдныя лица мелкихъ комерсантовъ, трепетно считавшихъ кареты, останавливающіяся одна за другой у новаго параднаго подъѣзда магазина на улицѣ С.-Огюстенъ. Колоссальная дверь, увѣнчанная статуями Торговли и Промышленности, подающими другъ другу руку,— была защищена широкимъ, разукрашеннымъ навѣсомъ, сверкавшимъ своей свѣжей позолотой. По обѣ стороны тянулись ослѣпительные фасады, охватывая громадный четырехугольникъ, вплоть до улицы Десятаго Декабря. За широкими зеркальными витринами сверкала гряда выставленныхъ товаровъ во всю длину обширныхъ галлерей магазина. Изумленному взору сосѣднихъ мелкихъ торговцевъ казалось, что этотъ гигантскій базаръ застилаетъ имъ дневный свѣтъ и скрываетъ небо, что, благодаря сосѣду, они мерзнутъ въ своихъ осиротѣвшихъ лавкахъ.

Съ шести часовъ утра Мурэ ходилъ по магазину, отдавая приказанія. Въ центрѣ, прямо отъ главнаго входа, тянулася, прорѣзывая всю длину магазина, обширная галлерей, по обѣ стороны которой расположены были двѣ галлерей поуже, вдоль улицъ Монсиньи и Мишодьеръ. Покрытые стеклянными крышами внутренніе дворы были обращены въ обширныя залы; всячіе желѣзные мосты соединяли противоположныя части зданія. Архитекторъ, очень способный молодой человекъ, былъ страстнымъ поклонникомъ всѣхъ новѣйшихъ приспособленій и употреблялъ камень на постройку фундамента и угловъ; весь остовъ зданія былъ сооруженъ изъ желѣза, обложеннаго кирпичемъ. Этотъ прочный и въ то-же время воздушный храмъ современной торговли, изобиловавшій свѣтомъ и воздухомъ, очевидно былъ рассчитанъ на несмѣтную толпу посѣтительницъ.

Въ центральной галлерей нижняго этажа помѣщались отдѣлы галстуковъ, перчатокъ и шелковыхъ матерій галлерей Монсини занята была бѣльемъ и ситцами; галлерей Миподьеръ суровскимъ товаромъ, драпри и шерстяными тканями. Въ первомъ этажѣ помѣщались отдѣлы готоваго платья, бѣлья, кружевъ, шалей и нѣсколько только что созданныхъ отдѣловъ, а во второмъ этажѣ—мебель, ковры, матерія для обивки и вообще всѣ болѣе тяжелые предметы. Число отдѣловъ въ это время возросло до тридцати восьми и магазинъ содержалъ тысячу восемьсотъ человекъ прикащиковъ, въ томъ числѣ двѣсти женщинъ.

Главной страстью Мурэ было желаніе покорить женщину. Онъ хотѣлъ сдѣлать ее царицей своего магазина, воздвигъ для нея этотъ роскошный храмъ, чтобы тѣмъ легче держать ее въ своей власти. Его постоянная тактика заключалась въ томъ, чтобы отуманить ее чарующей угодливостью и затѣмъ эксплуатировать ея желанія и страсти. День и ночь онъ ломалъ голову, изобрѣтая новыя и новыя приманки. Такъ, желая избавить избѣженныхъ дамъ отъ утомительнаго подъема по лѣстницамъ, онъ устроилъ два элеватора съ обитыми зеленымъ бархатомъ диванами. Затѣмъ онъ открылъ буфетъ, гдѣ посетительницы магазина даромъ получали сиропъ и печенья, и устроилъ огромный кабинетъ для чтенія, убранный съ необыкновенной роскошью и уставленный картинами. На чуждымъ кокетства женщинъ онъ старался дѣйствовать черезъ дѣтей и покорялъ мать, угождая ребенку. Не брезгая ничѣмъ, онъ пользовался всѣми слабостями матери, создавалъ спеціальныя отдѣлы для мальчиковъ и дѣвочекъ и останавливалъ на пути мать, предлагая дѣтямъ картинки, бездѣлки и каучуковые воздушные шары. Весьма остроумной выдумкой были эти красныя шары съ обозначеннымъ на нихъ огромными буквами именемъ магазина; шары эти раздавались въ видѣ презія всѣмъ покупателямъ и летая на шнурѣ по воздуху, служили живой рекламой, разносимой по всѣмъ концамъ города.

Однимъ изъ главнѣйшихъ орудій Мурэ служила реклама. Онъ расходовалъ ежегодно триста тысячъ франковъ на печатаніе каталоговъ, объявленій и рекламъ. По случаю настоящей выставки лѣтнихъ товаровъ онъ выпустилъ двѣсти тысячъ каталоговъ, изъ которыхъ пятьдесятъ тысячъ на различныхъ ино-

странныхъ языкахъ. Онъ украсилъ ихъ множествомъ гравюръ и снабдилъ приклеенными къ полямъ образчиками матерій. Это было настоящимъ наводненіемъ рекламы, и имя «Bonheur des Dames» привлекало всеобщее вниманіе, покрывая стѣны сель и городовъ, страницы наиболѣе распространенныхъ газетъ и занавѣси многолюдныхъ театровъ. Мурэ былъ увѣренъ, что женщина не въ силахъ противиться рекламѣ и неизбѣжно послѣдуетъ за шумомъ, возбужденнымъ ею. Изучая натуру женщины съ тонкостью глубокаго психолога, онъ изобрѣталъ для нея все болѣе и болѣе неотразимыя приманки. Такъ, онъ убѣдился, что она не въ силахъ устоять противъ дешевизмы и готова покупать безъ всякой надобности, когда ей кажется, что она совершаетъ выгодную покупку; на этомъ наблюденіи онъ строилъ свою систему постоянного пониженія цѣнъ и продажи хотя-бы въ убытокъ залежавшихся товаровъ, вѣрнѣе при этомъ принципу быстрыхъ оборотовъ капитала и замѣщенія стараго товара новымъ. Все дальше и дальше проникая въ глубь женскаго сердца, онъ ввелъ въ обычай возвращеніе обратно купленнаго—своего рода chef-d'oeuvre иезуитской приманки. «Берите, сударыня, все, что вамъ угодно», говорило это нововведеніе,—«вы возвратите намъ покупку, какъ только она вамъ перестанетъ нравиться». И не рѣшавшаяся до сихъ поръ покупать женщина съ чистой совѣстью брала теперь все, оправдываясь возможностью поправить ошибку. Съ этой минуты пониженіе цѣнъ и полученіе обратно проданнаго сдѣлалось существенной пружиной его торговаго механизма.

Но съ особенной яркостью сказывалась неподрожжаемость генія Мурэ въ искусствѣ устройства отдѣловъ магазина. Онъ положилъ за правило, чтобы ни одинъ клочекъ обширнаго пространства «Bonheur des Dames» не оставался незаятымъ; повсюду должны быть шумъ, движеніе и жизнь, ибо жизнь, говорилъ онъ, въ свою очередь плодитъ жизнь и дѣятельность. Отсюда онъ выводилъ рядъ практическихъ приложений. У входа должна происходить постоянная давка и волненіе толпы; для этого онъ выставялъ у дверей всѣ предназначенныя для быстрой распродажи дешевые товары, привлекавшіе сюда толпу набрасывающагося на нихъ бѣднаго люда, которая заставляла-бы думать прохожихъ, что магазинъ переполненъ народомъ. Чтобы прикрыть отдѣлы, гдѣ торговля временами затихала—какъ напр. лѣтомъ отдѣлъ шалей, а зимою—

ситца,—онъ старался окружать ихъ такими, въ которыхъ кипѣла жизнь и дѣятельность. Ему-же пришлось въ голову перенести во второй этажъ отдѣлы мебели и ковровъ, которые, благодаря малому количеству посѣтителей, ослабляли оживленіе нижняго этажа своей тишиной и уныніемъ. Если-бъ было возможно, онъ готовъ былъ-бы провести черезъ магазинъ улицу.

Почти наканунѣ выставки его вдругъ осѣнило вдохновеніе. Въ субботу вечеромъ, произведя послѣдній осмотръ, онъ нашелъ, что принятая имъ до сихъ поръ система размѣщенія отдѣловъ не достигаетъ цѣли; эта система была рассчитана на то, чтобы предоставить покупательницѣ возможность самой ориентироваться въ лабиринтѣ отдѣловъ и отыскивать то, что ей нужно. Это былъ тотъ строгій порядокъ, о которомъ онъ мечталъ еще въ тѣсной и загроможденной лавкѣ мадамъ Гедуанъ; и вотъ, достигнувъ, наконецъ, этого порядка, онъ пришелъ отъ него въ отчаяніе.

— Живо разобрать все это! неожиданно воскликнулъ онъ.

Приходилось перенести и вновь размѣстить чуть не половину отдѣловъ.

Выбившіеся изъ силъ продавцы вынуждены были провести двѣ ночи и цѣлое воскресенье въ страшной суматохѣ перемѣщенія. Въ самый понедѣльникъ, за часъ до открытія выставки не все еще было на своемъ мѣстѣ. Патронъ, очевидно, сошелъ съ ума; никто ничего не понималъ; царилъ всеобщая сумятица.

— Ну же, живѣе! съ спокойной увѣренностью поощрялъ Мурэ. — Перенесите наверхъ еще вотъ эти костюмы... А японскій отдѣлъ помѣстить на центральной площадкѣ!.. Еще одно усиліе, дѣти мои, и вы увидите какъ пойдетъ торговля!

Находившійся здѣсь съ утра и то-же ничего не понимавшій Бурдонкль въ безпокойствѣ смотрѣлъ на патрона; но долго не рѣшался предлагать ему вопросовъ, зная по опыту, какъ онъ отвѣчаетъ на нихъ въ критическія минуты. Наконецъ, онъ рискнулъ.

— Развѣ-ужь такъ необходимо было поставить все верхъ дномъ наканунѣ самой выставки? робко спросилъ онъ Мурэ.

Послѣдній сначала пожалъ только плечами, ничего не отвѣтивъ. Но когда Бурдонкль позволилъ себѣ повторить вопросъ, Мурэ разсердился.

— Вы хотите, чтобы покупатели столпились въ одномъ мѣстѣ — не такъ-ли?.. Остроумный планъ, нечего сказать! Я никогда не простилъ-бы себѣ этого!.. Поймите, что этимъ способомъ я только локализирую толпу. Приходить, положимъ, женщина, направляется прямо, куда ей нужно, переходить отъ юбокъ къ платьямъ, отъ платьевъ къ пальто, и сдѣлавъ свое дѣло, также спокойно уходитъ, не потерявшись ни на минуту!.. Ни одна изъ нихъ, такимъ образомъ, не видитъ нашей выставки!

— За-то теперь, замѣтилъ Бурдонкль;—когда вы разбросали все по разнымъ угламъ, прикащики выбьются изъ силъ, провожая покупательницъ изъ отдѣла въ отдѣлъ.

Муръ сдѣлалъ презрительную мину.

— Какое мнѣ до этого дѣло! Они молоды — это вѣдь полезно... Притомъ, расхаживая по магазину, они увеличатъ собою толпу. Чѣмъ больше толкотни—тѣмъ лучше!

Онъ засмѣялся и, понизивъ голосъ, сталъ пояснять свою мысль.

— Вотъ, вы выслушайте-ка... Во-первыхъ, это постоянное передвиженіе покупательницъ съ одного конца магазина въ другой увеличиваетъ ихъ число и заставляетъ терять голову. Во-вторыхъ, эти переходы въ нѣсколько разъ увеличиваютъ въ ихъ глазахъ размѣры магазина. Въ-третьихъ, онѣ вынуждены будутъ, такимъ способомъ, проходить отдѣлы, въ которые иначе не заглянули-бы, и по пути поддаваться соблазну и покупать. Въ четвертыхъ...

Но Бурдонкль уже самъ смѣялся, и довольный собою Муръ прекративъ объясненіе, крикнулъ:

— Отлично, друзья мои! Теперь только подмести—и дѣло въ шляпѣ!

Обернувшись, онъ увидѣлъ Денизу. Она стояла возлѣ отдѣла готоваго платья, только-что раздѣленнаго на два, вслѣдствіе помѣщенія другой половины его въ противоположномъ концѣ магазина. Пришедшая сію минуту Дениза не узнавала своего отдѣла и стояла въ изумленіи.

— Что это? никакъ перебираемся? пробормотала она.

Дениза вернулась въ «Bonheur des Dames» въ началѣ февраля и была приятно изумлена оказанной ей со стороны всѣхъ служащихъ привѣтливой и даже почтительной встрѣчей. Особенное расположеніе выказала ей на этотъ разъ мадамъ

Аврели. Маргарита и Клара покорились, и даже старикъ Жувъ склонилъ голову и всячески старался загладить непріятныя воспоминанія прошлаго. Достаточно было Мурэ сказать слово, чтобы всѣ, перешептываясь между собой, смотрѣли на нее съ подобострастіемъ.

Среди всеобщаго расположенія и любезности ее огорчали тожько загадочныя улыбки Полины да печальный видъ Делоша.

— Что вы ищете, суларыня? спросилъ Мурэ, крайне довольный ея изумленіемъ.

Она раньше не замѣтила его и слегка покраснѣла. Со дня ея вторичнаго поступленія въ магазинъ, онъ выказывалъ ей особенное вниманіе, которое ее очень трогало. Полина, неизвѣстно для чего, рассказывала ей о подробностяхъ связи патрона съ Кларой, о томъ, гдѣ они встрѣчаются и сколько онъ ей платитъ. Она постоянно возвращалась къ этому предмету, прибавляя, что у патрона есть еще одна возлюбленная, извѣстная всему магазину мадамъ Дефоржъ. Эти рассказы сильно волновали Денизу и, не смотря на признательность къ нему, она опять почувствовала къ этому человѣку прежній безотчетный страхъ и какую-то неловкость.

— Меня сбила съ толку эта перестановка, прошептала она, наконецъ.

Подойдя ближе, Мурэ наклонился и шепнулъ ей на ухо:

— Вечеромъ, послѣ закрытія магазина, потрудитесь зайти въ мой кабинетъ. Мнѣ нужно вамъ кое-что сказать.

Встревоженная, она наклонила смущенно голову и, не произнеся ни слова, вошла въ свой отдѣлъ, куда уже собрались другія продавщицы. Бурдонкль, слышавшій, что сказалъ Мурэ, посмотрѣлъ на него съ насмѣшливой улыбкой.

— И эта то-же! обратился онъ къ патрону, когда они остались вдвоемъ. — Берегитесь, это можетъ кончиться весьма серьезно!

Мурэ оправдывался, стараясь скрыть свое волненіе подъ вынужденнымъ равнодушіемъ.

— Оставьте, пожалуйста! Еще не родилась та женщина, которая-бы завладѣла мной, мой милый! — И онъ поспѣшилъ взглянуть въ послѣдній разъ на всѣ отдѣлы. Бурдонкль опустилъ голову. Эта скромная и простенькая Дениза начинала беспокоить его. Въ первый разъ ему удалось отдѣлаться отъ

нея посредствомъ изгнанія. Но вотъ она опять появилась, и онъ инстинктивно почувствовалъ въ ней сильнаго и опаснаго противника, рѣшившись молча выждать удобной минуты для удара.

Онъ снова догналъ Мурэ въ центральной галлерей, противъ парадной двери.

— Смѣются надо мной — что-ли? кричалъ Мурэ въ бѣшенствѣ.—Я вѣдь приказалъ разставить голубые зонтики по краямъ!.. Что-бы тотчасъ-же все было переставлено!

Онъ не хотѣлъ слышать никакихъ возраженій. Онъ велѣлъ даже запереть двери, замѣтивши, что публика начинаетъ проникать въ магазинъ. Скорѣе онъ совсѣмъ не откроетъ магазина, чѣмъ согласится допустить, что-бы голубые зонтики оставались въ серединѣ! Это испортитъ весь его художественный замыселъ! Извѣстные этиалажисты, Гютенъ и Миньо, изумленно посматривали, дѣлая видъ, что ничего не понимаютъ. Они принадлежали къ иной школѣ.

Наконецъ, распахнулись двери и толпа хлынула. Передъ самымъ входомъ стояла давка; пришлось прибѣгнуть къ помощи полицейскихъ сержантовъ, чтобы очистить нѣсколько тротуаръ. Расчетъ Мурэ оказался вѣренъ: густая толпа мелкихъ хозяекъ, торговкокъ и женщинъ въ чепчикахъ дружно набросилась на выставленные у входа дешевки и залежавшіяся остатки матерій, различные коленкоры въ семь су, бѣзъ въ девять су, ситцы въ тридцать восемь сантимовъ, соблазнявшіе тощіе карманы. Женщины приходили въ азартъ, давили и толкали другъ друга вокругъ коробокъ и корзинокъ съ дешевыми кружевами, галстухами, лентами, подвязками, чулками и перчатками, быстро раскупавшимися падкимъ до дешевизны бѣднымъ людомъ. Поставленные тутъ приказчики не успѣвали справляться; раздавался стонъ стиснутой напоромъ беременной женщины; двѣ дѣвочки чуть-чуть не задохлись.

Все утро толпа прибывала. Къ часу пополудни передъ входомъ образовалась большая толпа, занявшая всю улицу. Къ стоявшимъ въ нерѣшительности на противоположномъ тротуарѣ мадамъ де-Бовъ и Бланшъ подошла мадамъ Марти съ дочерью, Валентиной.

— Этакая давка!.. замѣтила мадамъ де-Бовъ. Я совсѣмъ не рассчитывала придти, такъ какъ чувствовала себя не со-

всѣмъ здоровой. Но потомъ вышла подышать чистымъ воздухомъ.

— Тоже и со мной, сказала мадамъ Марти. — Я обѣщала мужу навѣстить его сестру, на Монмартрѣ. Но прохода, я вспомнила, что мнѣ нужно купить тесемки и рѣшилась зайти. О! я не истрату ни одного гроша! Мнѣ, притомъ, ничего и не нужно.

Но глаза ихъ не могли оторваться отъ дверей, въ которыя неистово ломилась толпа.

— Итъ, я не войду, я боюсь, бормотала мадамъ де-Бовъ. Уйдемъ отсюда, Бланшь, иначе насъ задавятъ.

Но въ голосъ ея звучала нерѣшительность; и желаніе идти туда, куда шли всѣ, брало мало-по-малу верхъ и становилось неодолимымъ.

— Придержи-ка мое платье, Валентина... Боже мой! Я ничего подобнаго не видѣла. Тебя просто тащатъ. Что-же должно происходить внутри!

Увлекаемая потокомъ толпы, онѣ не могли уже болѣе противиться. Какъ могучая рѣка, вливающаяся въ себя всѣ попутные ручейки, потокъ покупателей уносилъ съ собою всѣхъ прохожихъ обитательницъ четырехъ концовъ Парижа. Здѣсь были и одѣтыя въ шелкъ важныя дамы, и скромныя хозяйки въ бѣдныхъ платьяхъ и чепцахъ, и простыя дѣвушки съ обнаженной головой. Стиснутыя со всѣхъ сторонъ напоромъ горячихъ тѣлъ, онѣ подвигались шагъ за шагомъ, задыхаясь отъ нетерпѣнія, духоты и давки. Всѣ были одушевлены однимъ и тѣмъ-же лихорадочнымъ любопытствомъ. Попавшіе въ толпу случайно нѣсколько мужчинъ безпокойно озирались на расходившіеся вокругъ нихъ женскіе бюсты; толстая мамка высоко держала надъ головами смѣявшагося отъ удовольствія ребенка; какая-то тощая женщина что есть мочи ругала придавившую ее сосѣдку.

Блаженныя глаза мадамъ Марти горѣли нетерпѣніемъ. Она поминутно вытягивалась и устремляла ихъ въ глубь магазина.

— Охъ! наконецъ-то! произнесла она съ тяжелымъ вздохомъ, когда толпа внесла ихъ въ магазинъ.

Онѣ остановились въ галлерей С.-Огюстенъ, которая, къ ихъ великому изумленію, была почти пуста. Послѣ улицы здѣсь къ сразу окватило ласкающей весенней теплотой. Тогда какъ въ дворѣ дулъ еще холодный сѣверный вѣтеръ, галлерей

«Bonheur des Dames», сверкавшія яркими и нѣжными красками легкихъ матерій и зонтиковъ, напоминали уже о веселомъ дачномъ сезонѣ и лѣтнихъ модахъ.

— Посмотрите! восторженно воскликнула мадамъ де-Бовъ, устремивъ глаза къверху.

Передъ ними открывалась выставка зонтиковъ, наполнявшихъ всю залу, отъ стекляннаго потолка до деревянныхъ крашенныхъ карнизовъ. Яркими фестонами они украшали своды потолка, спускались гирляндами вдоль стройныхъ, поддерживающихъ своды, колоннъ и стройными сомкнутыми рядами окаймляли перила галлерей и лѣстницъ. Разставленные и развѣшанные въ симметричномъ порядкѣ, они испещряли стѣны и воздухъ красками синими, зелеными, желтыми кругами и разноцвѣтными звѣздами, и напоминали венеціанскіе фонари, зажженные по случаю какого-нибудь торжественнаго праздника; а надъ всѣмъ этимъ, точно зарево пожара, разстилалось ярко-красное пламя колоссальныхъ раскрытыхъ японскихъ зонтиковъ.

Мадамъ Марти не находила словъ, чтобы выразить восторгъ.

— Точно въ волшебной сказкѣ!.. Однако, продолжала она, стараясь ориентироваться;— мнѣ нужно въ суровскій отдѣлъ. Куплю тесьму и мигомъ восвоюси!

— Я иду съ вами, сказала мадамъ де-Бовъ. — Не правда-ли, Бланшъ, мы только обойдемъ магазинъ и затѣмъ домой.

Отойдя отъ двери, дамы повернули налѣво, но такъ какъ отдѣленіе суровскихъ товаровъ было перенесено въ другое мѣсто, онѣ попали въ отдѣлъ рюшей и отдѣлки. Въ душевой тепличной атмосферѣ галлерей, пропитанной запахомъ тканей, стоялъ глухой гулъ двигавшейся толпы. Онѣ опять повернули къ дверямъ и остановились передъ толпой выходившихъ уже женщинъ и дѣтей, надъ которыми висѣло густое красное облако каучуковыхъ шаровъ, заготовленныхъ въ количествѣ сорока тысячъ и раздаваемыхъ стоявшей у выхода прислугой. Разлетаясь въ воздухъ, они походили на огромные мыльные пузыри, въ которыхъ отражалось красное зарево застилавшихъ потолокъ японскихъ зонтиковъ. Магазинъ былъ точно иллюминированъ!

Дамамъ, однако, нельзя было стоять въ этой суматохѣ вкочившей и выходившей толпы. Къ счастью, къ нимъ на помощь подоспѣлъ инспекторъ Жувъ. Важно прохаживаясь у

входа, онъ внимательно всматривался въ каждую входившую женщину и въ особенности слѣдилъ за беременными, подстерегая воровокъ.

— Вамъ въ суровскій отдѣлъ, сударыня? любезно обратился онъ къ мадамъ Марти. Возмите нагѣво, вотъ тамъ, за отдѣленіемъ чулокъ.

Дамы поблагодарили. Но, обернувшись, мадамъ Марти не нашла возлѣ себя дочери. Она начала было беспокоиться, какъ замѣтила, что Валентина стоитъ въ другомъ концѣ галлерей передъ грудой дешевыхъ галстуховъ. Смѣясь надъ тѣмъ изъ своей братаи комерсантовъ, которые увѣряли, что товаръ долженъ самъ за себя говорить, Мурэ, небрезгавшій ни однимъ видомъ рекламы, широко практиковалъ выкрикиванье и зазываніе покупателей, и толпа спеціальныхъ продавцовъ шутниковъ и балагуровъ, сбывала у него этимъ способомъ массу дешевыхъ мелочей, соблазняя прохожихъ и заставляя ихъ невольнo опоражнивать карманы.

— Ахъ, мама, бормотала Валентина:— посмотри-ка на эти галстухи... По краямъ вышита птица.

Прикащикъ расхваливалъ товаръ, клялся, что онъ изъ чистаго шелка, что фабрикантъ обанкрутился и что такого выгоднаго случая никогда больше не представится. Всего девяностo пять сантимовъ!

— Десятнадцать су! Не можетъ быть! восклицала мадамъ Марти.—Я возьму пару, это насъ не раззорить.

Но мадамъ де-Бовъ презрительно отвернулась. Она терпѣть не могла зазываній, и выхваляющій свой товаръ продавецъ обращалъ ее въ бѣгство. Мадамъ Марти не понимала этой брезгливости важной дамы и любила, напротивъ, чтобы ее соблазняли и уговаривали, любила бесполезныя слова и переговоры, шумъ и суету публичной продажи.

— Ну, теперь живо за тесьмой, сказала она.—Я не хочу ничего больше видѣть.

Однако, проходя мимо перчатокъ и фуляровъ, она опять не выдержала и остановилась. Набросанные въ безпорядкѣ по столамъ и прилавкамъ фуляры сверкали чарующими переявами яркихъ и нѣжныхъ красокъ и обращали галерею въ роскошный цвѣтникъ, наполненный клумбами только что срѣзанныхъ благоуханныхъ цвѣтовъ гераніума, розы, бѣлоснѣжной лиліи, золотисто-желтаго златоцвѣта и небесно-голубой неза-

будки; а воеругъ колонны стройными змѣйками извивались разноцвѣтными ленты и косынки, точно ползучія растенія вокругъ ствола высокихъ деревьевъ. Но болѣе всего приковывала зрѣніе и приводила въ восторгъ толпу сложенный изъ перчатокъ швейцарскій горный домикъ. Это было произведеніемъ искуснаго Миньо, который провозился надъ нимъ двое сутокъ. Весь низъ былъ сложенъ изъ черныхъ перчатокъ; затѣмъ изъ искусной комбинаціи палевыхъ, зеленыхъ и красныхъ перчатокъ были сдѣланы верхній этажъ, двери, окна, балконы, крыша и различныя украшенія этого горнаго домика, производившаго изумительный эффектъ.

— Не угодно-ли вамъ чего-нибудь, сударыня? обратилса Миньо къ остановившейся передъ домикомъ мадамъ Марти.

Онъ отличался особенной назойливостью зазыванія къ себѣ публики и надоедалъ ей своей услужливостью. Хотя мадамъ Марти отрицательно покачала головой, онъ не унимался.

— Тирольскія перчатки по франку двадцати пяти сантимовъ, туринскія дѣтскія перчатки, вышитыя перчатки всѣхъ цвѣтовъ.

— Благодарю васъ, мнѣ ничего не надо, отвѣчала мадамъ Марти.

Но онъ почувствовалъ нерѣзительность въ ея голосѣ и усилилъ атаку, поднося ей вышитыя перчатки. Она не выдержала и купила пару. Замѣтивши улыбку мадамъ де-Бовъ, она покраснѣла.

— Боже мой! какой я ребенокъ!.. Если я теперь не поспѣшу купить тесьмы и убраться во свояси — я погибла.

Къ несчастью, въ суровскомъ отдѣленіи происходила такая давка, что имъ пришлось подождать. Онѣ начинали уже выходить изъ себя, какъ вдругъ замѣтили возлѣ себя мадамъ Бурдлэ съ тремя дѣтьми. Она привела дѣтей, чтобы показать имъ выставку. Старшей, Мадленъ, было десять лѣтъ, Эдмонду — восемь, а Люсьену — четыре. Дѣти весело смѣялись, довольныя давно обѣщанной имъ прогулкой.

— Они прелестны! воскликнула вдругъ мадамъ Марти, соскучившись ждать и чувствуя себя не въ силахъ оторваться отъ зонтиковъ. — Я куплю вотъ этотъ красный.

Она выбрала и купила зонтикъ за четырнадцать франковъ пятьдесятъ сантимовъ. Мадамъ Бурдлэ, какъ опытная хозяйка, посмотрѣла на нее съ укоромъ и дружески замѣтила:

— Вы напрасно поспѣшили. Черезъ двѣ недѣли его можно будетъ купить за двѣнадцать франковъ... Меня они не поддѣнутъ!

И она изложила имъ цѣлую теорію опытной хозяйки. Такъ-какъ магазинъ систематически понижаетъ цѣны, то остается только выжидать удобнаго случая. Она не позволитъ себя эксплуатировать и ни разу еще не дала заработать у нея ни копѣйки.

— Однако, закончила она,—я обѣщала показать дѣтямъ картинки... Пойдемте въ залъ для чтенія, вѣдь у васъ есть время.

Тесемки были забыты, и мадамъ Марти тотчасъ согласилась; но мадамъ де-Бовъ захотѣла прежде обойти магазинъ. Онѣ, впрочемъ, условились встрѣтиться на-верху. Отыскивая лѣстницу, мадамъ Бурдлэ увидѣла элеваторъ и, чтобы довершить удовольствіе прогулки, поспѣшила посадить дѣтей; за нею послѣдовали мадамъ Марти и Валентина. Въ клѣткѣ было нѣсколько тѣсно, но за то онѣ не замѣтили, какъ очутились на-верху. Въ первомъ этажѣ ихъ ждало новое удовольствіе. Проходя мимо буфета, мадамъ Бурдлэ не преминула напоить дѣтей сиропомъ. У прилавка, уставленнаго стаканами и бутылками съ сиропомъ, тѣснилась густая толпа женщинъ, спѣшившихъ воспользоваться даровымъ угощеніемъ. Прислуга едва успѣвала наливать и подавать стаканы.

— Куда-же онѣ дѣвались? спрашивала мадамъ Бурдлэ, высвободившись, наконецъ, изъ толпы и вытирая дѣтямъ губы.

Но мадамъ Марти и Валентина были уже далеко, въ концѣ галлерей, среди груды юбокъ и, не будучи больше въ силахъ противиться искушенію, увлеклись покупками.

Войдя въ кабинетъ для чтенія, мадамъ Бурдлэ засадила дѣтей за длинный столъ и разложила передъ ними альбомы съ фотографіями. Потолокъ былъ покрытъ позолотой; у двухъ противоположныхъ стѣнъ возвышались огромные камни; по стѣнамъ въ золоченныхъ рамахъ висѣли сомнительнаго достоинства картины, а подъ ними на полу стояли огромныя вазы съ зелеными растеніями. Публика молча сидѣла вокругъ стола, заваленнаго множествомъ газетъ, журналовъ гравюръ и альбомовъ. Дамы, снявъ перчатки, писали письма на бумагѣ съ виньеткой магазина; мужчины, развалившись въ креслахъ, читали газеты. Но большинство ничего не дѣлало и праздно

сидѣло или слонялось по залу; мужья и родители въ ожиданіи рыскавшихъ по магазину женъ и дочерей, молодыя дамы въ ожиданіи назначившихъ имъ здѣсь свиданіе возлюбленныхъ. Среди шелеста газетныхъ листовъ и скрипа перьевъ, они нетерпѣливо поглядывали черезъ открытыя двери въ даль магазина, откуда доносился глухой гулъ наполнявшей его толпы.

— Какъ! И вы здѣсь! Я васъ не узнала, обратилась мадамъ Бурдлэ къ сидѣвшей возлѣ нея дамѣ, углубленной казалось въ чтеніе какого-то журнала.

Это была мадамъ Гибаль. Ее, повидимому, раздосадовала эта неожиданная встрѣча; но она тотчасъ-же оправилась и объяснила, что зашла сюда, чтобы выждать, пока толкотня уменьшится. На вопросъ мадамъ Бурдлэ, пришла-ли она за покупками, она отвѣчала:

— О! нѣтъ... Напротивъ, я пришла возвратитъ кушечку мною юбку и портьеры, которыя мнѣ не нравятся. Но теперь такая толкотня, что нельзя добраться до прилавка.

Она разговорилась, хвалила правило, позволявшее покупательницамъ возвращать обратно покупки. Она такъ широко пользовалась этимъ правиломъ, что изъ пяти сдѣланныхъ покупокъ всегда возвращала четыре, продержавъ ихъ у себя нѣсколько дней, такъ что получила даже извѣстность во всѣхъ отдѣлахъ магазина.

Продолжая бесѣдовать, мадамъ Гибаль не отрывала глазъ отъ двери и была очень рада, когда мадамъ Бурдлэ вернулась, наконецъ, къ дѣтямъ и стала объяснять имъ картины. Почти въ ту-же минуту въ залъ вошли графъ де-Бовъ съ Полемъ Валаньоскъ. Обмѣнявшись съ графомъ быстрымъ взглядомъ, она снова погрузилась въ книгу, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ его.

— А! Поль! произнесъ за ихъ спиною чей-то голосъ.

Это былъ Мурэ, обходившій разныя части магазина. Послѣдовали привѣтствія и рукопожатія.

— А мадамъ де-Бовъ неужто не удостоила насъ сегодня своимъ посѣщеніемъ? спросилъ Мурэ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ графъ, — ея великому огорченію. Она не совсѣмъ здорова; ничего, впрочемъ, серьезнаго.

И, сдѣлавъ видъ, будто только сейчасъ замѣтилъ мадамъ Гибаль, онъ подошелъ къ ней, почтительно снявъ шляпу. Она тоже притворилась изумленной. Поль улыбнулся. Онъ, нако-

нецъ, понявъ въ чемъ дѣло и ставъ шепотомъ передавать Мурэ, какъ, встрѣтившись съ нимъ въ улицѣ Ришелье, де-Бовъ сначала старался улизнуть, но потомъ потащилъ его въ магазинъ, подъ предлогомъ, что необходимо посмотрѣть на эту выставку. Эта дамочка уже цѣлый годъ вытягиваетъ у него деньги на удовольствія и назначаетъ ему свиданія въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ они сговариваются.

— Я думаю, продолжалъ Поль, что каждый разъ они мѣняютъ отель. Въ послѣдній разъ, подъ предлогомъ поѣздки по службѣ, онъ писалъ женѣ письма изъ Бегуа, Либурна и другихъ городовъ, тогда какъ я видѣлъ его выходящимъ изъ одного отеля въ Батиньоляхъ... Взгляни-ка, какимъ молодцомъ онъ увивается возлѣ нея! Старая Франція, мой милый, старая Франція сказывается!

— А что-же твоя женитьба? спросилъ Мурэ.

Не спуская глазъ съ графа, Поль отвѣчалъ, что они все еще ждутъ смерти тетки.

— Ты видѣлъ? спросилъ онъ съ торжествующимъ видомъ;— графъ наклонился и сунулъ ей адресъ... Хорошія дѣла творятся у тебя, нечего сказать!

— О! произнесъ, улыбаясь, Мурэ;—эти дамы здѣсь не у меня, а у себя дома.

Онъ ставъ шутить. Любовь, точно ласточки, приноситъ счастье. Ему извѣстны, конечно, всѣ эти дамочки, бѣгающія изъ отдѣла въ отдѣлъ и выжидающія здѣсь милыхъ дружковъ; но если онѣ ничего не покупаютъ, то увеличиваютъ толпу, оживляя магазинъ. Съ нихъ и этого довольно.

Продолжая болтать, онъ отвелъ стараго товарища и остановился съ нимъ на порогѣ салона, надъ разстилавшейся передъ нимъ центральной галлереей. За ихъ спиною раздавался шелестъ газетныхъ листовъ и скрипъ перьевъ; какой-то старикъ сладко уснулъ за «Мониторомъ»; де-Бовъ шептался съ своею дамою, просматривая иллюстраціи, съ явнымъ желаніемъ отдѣлаться отъ будущаго зятя; и только одна мадамъ Бурдлэ громко объясняла дѣтямъ картинки.

— Ты видишь—онѣ здѣсь, какъ у себя дома, повторилъ Мурэ, указывая на толпившихся внизу женщинъ.

Въ эту самую минуту въ центральную галерею вошла мадамъ Дефоржъ, едва не потерявшая въ толпѣ своей накладки; хотя ей было хорошо извѣстно новое расположеніе отдѣловъ,

она остановилась точно въ нерѣшимости, изумленная происходившимъ здѣсь необычайнымъ движеніемъ. Вокругъ не толпа не переставала приливать и отливать, образуя два противоположныхъ теченія отъ дверей до отдѣла шелковыхъ тканей. Отъ одного до другаго конца длинной галереи колыхалось цѣлое море бѣлокурыхъ и смуглыхъ человѣческихъ головъ, шляпокъ, чепцовъ и косынокъ, тускнѣвшихъ и сливавшихся въ одну безформенную свѣрую массу среди яркихъ красокъ развѣшенныхъ и разложенныхъ повсюду тканей. Можно было различить только огромные бѣлые ярлыки съ гигантскими цифрами, рѣзко выдѣлявшимися на яркихъ ситцахъ, золотистыхъ шелкахъ и густомъ фонѣ шерстяныхъ матерій. Разставленные повсюду огромныя зеркала до безконечности увеличивали магазинъ, отражая стѣны, груды товаровъ и мелькающія человѣческія фигуры. На-право и на-лѣво танулись повья галереи, кипѣвшія толпой, походившей издали на муравейникъ.

На верху, по висячимъ желѣзнымъ мостамъ, во всю длину лѣстницъ и окружавшихъ каждый этажъ балконовъ, танулась безконечная вереница точно двигающихся въ воздухѣ человѣческихъ фигуръ. Съ потолка опускались огромныя позолоченныя люстры; по периламъ лѣстницъ и балконовъ, точно знамена, висѣли огромныя пестрые ковры и развернутыя штуки разноцвѣтныхъ шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ тканей, волны кружевъ и муслина.

— Неужодно-ли вамъ дешевыхъ подвязокъ, сударыня? Изъ чистаго шелка и всего двадцать девять су, обратился продавецъ къ неподвижно смотрявшей вверхъ мадамъ Дефоржъ.

Она даже не отвѣтила. Вокругъ раздавались выкрикиванія и зазыванія прикащиковъ. Налѣво отъ нея находилась касса Альбера Ломма, который зналъ ее въ лицо и позволялъ себя даже любезно улыбнуться ей. Онъ не спѣша справлялся съ массой осаждавшихъ его со всѣхъ сторонъ фактуръ, тогда какъ за его спиной Жозефъ выбивался изъ силъ, не успѣвая увязывать покупки. Шелковый отдѣлъ находился передъ нею, но ей понадобилось минутъ десять, чтобы добраться до него, такъ какъ толпа все возрастала.

— Какъ! вы рѣшились пожаловать сюда, сударыня? вселю воскликнулъ Бутмонъ, замѣтивши мадамъ Дефоржъ.

Представленный ей недавно Мурэ, Бутмонъ сдѣлался те-

перь однимъ изъ обычныхъ посѣтителей ея гостинной. Она находила его недалекимъ, но очень добродушнымъ и неутомимо веселымъ малымъ, который умѣлъ смѣшить и забавлять ее. Третьяго дня онъ разсказалъ ей безъ всякаго, впрочемъ, коварнаго расчета, просто изъ жалаанія посмѣяться, о связи Мурэ съ Кларой. Задѣтая за живое, но стараясь скрыть ревность подъ презрительной миной, она пришла сегодня въ магазинъ, желая непременно увидѣть эту дѣвушку изъ отдѣленія готоваго платья, имени которой онъ, однако, не захотѣлъ назвать.

— Вы хотите что-нибудь купить у насъ? спросилъ онъ.

— Разумѣется, иначе-бы я не пришла... Есть у васъ фуляры для утреннихъ капотовъ?

Горя нетерпѣннемъ увидеть свою соперницу, она все надѣялась узнать отъ него ея имя.

Пока Февье мѣрялъ и отрѣзывалъ выбранный мадамъ Дефоржъ розовый фуляръ, она снова пыталась заставить проговориться стоявшаго возлѣ нея Бутмона.

— Мнѣ нужно въ отдѣлѣ готоваго платья посмотрѣть дорожный плащъ... Что она блондинка, героиня вашего разсказа?

Бутмонъ, котораго начинала немного беспокоить эта настойчивость, ограничился улыбкой. Въ эту минуту проходила Дениза. Она только что сдала на руки Льенару, въ отдѣлѣ шерстяныхъ матерій, мадамъ Бутарель, наѣзжавшую два раза въ годъ изъ провинціи и оставлявшую въ «Bonheur des Dames» всѣ свои сбереженія по хозяйству.

— Вамъ не зачѣмъ идти обратился Гютенъ къ Февье; вотъ мадемоазель Дениза будетъ такъ любезна, что проведитъ мадамъ Дефоржъ.

Дениза въ смущеніи взяла изъ ея рукъ пакетъ. Это смущеніе она испытывала всякій разъ, когда встрѣчалась лицомъ къ лицу съ Гютеномъ, точно онъ напоминалъ ей о какомъ-то проступкѣ прошлаго. А между тѣмъ, если она и грѣшила, то только въ мечтахъ. Да и любила-ли она его когда нибудь? Она и сама этого не знала; въ сердцѣ ея происходила борьба различныхъ чувствъ, среди которыхъ она даже не пыталась разобраться.

— Скажите, пожалуйста, обратилась мадамъ Дефоржъ къ

Бутмону, вѣдь это та самая неулыбкая дѣвушка? Онъ ее снова принялъ? Ужь не она ли героиня любовной исторіи?

— Можетъ быть, отвѣчалъ съ прежней улыбкой начальникъ отдѣла, рѣшившись не говорить правды.

Слѣдуя за Денизой, мадамъ Дефоржъ медленно стала взбираться по лѣстницѣ. Почти поминутно ей приходилось останавливаться, чтобы не быть опрокинутой спускавшейся сверху толпой. По обѣ стороны лѣстницы неподвижно тянулись безголовые манекены, одѣтые въ платья, блузы, пальто и накидки.

Добравшись до перваго этажа, мадамъ Дефоржъ снова должна была остановиться; здѣсь напоръ покупателей былъ еще сильнѣй. Передъ нею разстилалась сплошная масса человѣческихъ головъ. Внизу, во всѣ стороны, тянулись безконечныя галереи; до нея доносился шумъ возрастающаго прилива толпы, жаркое дыханіе массы человѣческихъ существъ и запахъ женщины, тотъ одуряющій аромать отъ бѣлья, платья и волосъ, который вмѣстѣ съ поднимающейся съ полу тонкой пылью пропитывалъ здѣсь воздухъ и былъ какъ-бы фундаментомъ этого храма, воздвигнутаго культу женскаго тѣла.

Стоявшій въ это время на порогѣ салона Мурэ, вдыхая въ себя этотъ ошьяняющій аромать, повторялъ Полю:

— Онѣ здѣсь у себя дома; я знаю многихъ изъ нихъ, которые проводятъ здѣсь цѣлыя дни, ѣдятъ печенья и пишутъ письма. Мнѣ остается только ихъ укладывать спать.

Эта шутка вызвала, наконецъ, улыбку на лицѣ Поля, который, въ качествѣ унылаго пессимиста, находилъ нелѣпной эту свойственную человечеству слабость къ тряпкамъ.

Встрѣчаясь съ пріятелемъ, онъ обыкновенно съ завистью думалъ объ этомъ полномъ кипучей жизни человѣкѣ, беззаботно любующимся на толпу своихъ кокетливыхъ кліентокъ. Неужто среди этой массы пуслыхъ и безсердечныхъ бабенокъ не найдется ни одной, которая заставила-бы его признать ничтожество и бессмысленность такого существованія? А между тѣмъ, въ этотъ именно день Октавъ, обыкновенно съ хладнокровіемъ оператора одурявшій своихъ кліентокъ, самъ начиналъ впадать въ то лихорадочное волненіе, какое охватило весь его магазинъ. Съ той минуты, какъ онъ замѣтилъ внизу Денизу съ мадамъ Дефоржъ, онъ невольно сталъ громче говорить и сильнѣе жестикулировать, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ ихъ и волнуясь все больше и больше по мѣрѣ ихъ

приближенія. Лицо его покрылось яркимъ румянцемъ; глаза засверкали лихорадочнымъ блескомъ.

— Васъ, навѣрное, порядкомъ обворовываютъ, замѣтилъ Валаноскъ, глядя на толпу.

Мурэ широко развелъ руками.

— Больше, чѣмъ ты можешь себѣ представить, мой милый.

Обрадованный новымъ сюжетомъ, онъ лихорадочно ухватился за него, сообщая интересныя подробности, приводя факты, классифицируя ихъ. Впервыхъ, воровки по ремеслу; онѣ наименѣ вредны и извѣстны почти на перечетъ полици. Повторныхъ—маніаки воровства, одержимые болѣзненной неодолимой страстью къ чужой вещи—особаго рода неврозомъ, переходящимъ въ эпидемію, благодаря въ значительной степени вліянію крупныхъ магазиновъ. Наконецъ, подъ особую рубрику нужно подвести беременныхъ женщинъ, проявляющихъ, обыкновенно, склонность къ какому-нибудь специальному роду воровства; такъ напримѣръ, у одной изъ нихъ полицейскій комиссаръ нашелъ двѣсти сорокъ восемь паръ розовыхъ перчатокъ, украденныхъ въ различныхъ магазинахъ Парижа.

— Вотъ почему у женщинъ такіе странные глаза, замѣтилъ Валаноскъ;—выраженіе лица точно у публичной женщины въ минуту разгара чувственныхъ желаній. Хорошая у васъ школа, нечего сказать!

— Что подѣлаешь! отвѣчала Мурэ.—Хоть онѣ здѣсь и у себя дома, однако нельзя-же допустить, чтобъ онѣ уносили товары подъ мантильями... Вѣдь это бываетъ съ очень почтенными особами. На прошлой недѣлѣ мы поймали сестру одного аптекаря и жену члена суда. Разумѣется, стараешься какъ-нибудь замаять такія дѣла.

Онъ остановился и указалъ на инспектора Жува, который въ эту минуту слѣдилъ за беременной женщиной, стоявшей у прилавка съ лентами. Ее сопровождала пріятельница, которая, пользуясь тѣмъ, что все вниманіе инспектора было обращено на беременную, незамѣтно рылась за его спиной въ товарахъ.

— О! онъ ее непременно накроетъ, сказалъ Мурэ;—ему извѣстны всѣ ихъ штуки.

Но голосъ его вздрогнулъ. Дениза и Генріэтта, которыхъ онъ не выпускалъ изъ виду, выбрались, наконецъ, съ большими усиліями изъ толпы и проходили возлѣ него. Онъ быстро обер-

нулся и съ изысканной вѣжливостью поклонился своей пріятельницѣ. Но отъ ея вниманія не ускользнулъ взглядъ, брошенный имъ раньше на Денизу. Нѣтъ сомнѣнія, что эта дѣвушка и есть та соперница, которую ей такъ хотѣлось увидѣть.

Въ отдѣлѣ готоваго платья продавщицы теряли голову. Двѣ изъ нихъ заболѣли, а мадамъ Фредерикъ, помощница старшей, наканунѣ неожиданно потребовала расчета и покинула «Bonheur des Dames» такъ-же безцеремонно, какъ безцеремонно магазинъ выгонялъ ненужныхъ ему прикащицъ. Съ самаго утра, среди разгара торговлѣ, только и было рѣчи, что объ этомъ событіи. Клара была въ восторгѣ. Маргарита рассказывала о бѣшенствѣ Бурдонкля. Оскорбленная мадамъ Април доказывала, что мадамъ Фредерикъ обязана была предупредить ее, по крайней мѣрѣ, — вѣдь нельзя-же было предполагать подобнаго лицемерія. Хотя мадамъ Фредерикъ никому не довѣряла своихъ тайнъ, но всѣ утверждали, что она покинула магазинъ, чтобы выйти замужъ за содержателя бани возлѣ центрального рынка.

— Вы желаете видѣть дорожный плащъ? спросила Дениза, подавъ мадамъ Дефоржъ стулъ.

— Да, сухо отвѣчала послѣдняя, рѣшившись быть невѣжливой.

Отдѣлъ готоваго платья, заново отдѣланный, отличался суровой роскошью. Высокіе дубовые рѣзные шкапы чередовались съ огромными зеркалами. Весь полъ былъ устланъ густыми коврами, заглушавшими шумъ шаговъ. Пока Дениза выбирала пальто, мадамъ Дефоржъ разсматривала себя въ одно изъ зеркалъ. Неужто она настолько постарѣла, что ее обмываютъ ради первой встрѣчной дѣвчонки? Зеркало отражало весь отдѣлъ съ его сутолокой, но она видѣла только свое блѣдное лицо и не слышала за спиной Клары, рассказывавшей Маргаритѣ о какой-то изъ множества хитростей мадамъ Фредерикъ.

— Вотъ наши новѣйшіе фасоны, сказала Дениза.

Она разложила четыре или пять накидокъ. Мадамъ Дефоржъ презрительно оглядывала ихъ, находя въ каждомъ какой-нибудь недостатокъ. Для чего здѣсь эти складки? А это кроили तोпоромъ? Нельзя-же въ дорогу надѣвать мѣшокъ!

— Покажите мнѣ другія, сударыня.

Дениза раскладывала и снова складывала, не обнаруживая ни малѣйшаго неудовольствія. Но это-то невозмутимое спокойствіе дѣвушки и выводило изъ себя мадамъ Дефоржъ. Глаза ея постоянно возвращались къ зеркалу, сравнивая ея лицо съ лицомъ стоящей тутъ-же Денизы. Неужели можно предпочесть ей это ничтожное существо? Это та самая дѣвушка, которая въ тотъ разъ своей глупостью напоминала только-что пріѣхавшую изъ деревни погонщицу гусей. Правда, теперь она нѣсколько выравнялась, но все-таки какая посредственность, какая вульгарность!

— Я сейчасъ принесу вамъ другіе фасоны, спокойно отвѣчала Дениза.

Но съ возвращеніемъ Денизы сцена повторилась. Теперь мадамъ Дефоржъ не нравилась матерія, сукна были слишкомъ грубы и никуда негодны. Она капризничала, повышала голосъ, стараясь привлечь вниманіе мадамъ Аврели и заставить вмѣшаться. Но со дня своего вторичнаго поступленія въ магазинъ Дениза успѣла пріобрѣсти всеобщее расположеніе, и начальница признала даже за ней рѣдкія качества ловкой и терпѣливой продавщицы. Поэтому мадамъ Аврели только пожимала издали плечами, воздерживаясь отъ вмѣшательства.

— Если-бы вы соблагородили мнѣ указать, сударыня, какой родъ накидокъ вамъ хочется имѣть? спросила Дениза съ тѣмъ-же невозмутимымъ спокойствіемъ и вѣжливостью.

-- Что-жь, когда у васъ ничего нѣтъ! воскликнула мадамъ Дефоржъ.

Но въ эту минуту она почувствовала на своемъ плечѣ чью-то руку. Это была мадамъ Марти, рыскавшая по магазину въ какомъ-то чаду упоенія. Покупки ея до того возросли, что сопровождавшій ее прикащикъ вынужденъ былъ сложить ихъ на стулъ и тащить его за собой.

— А! вы покупаете дорожный плащъ!

— О, нѣтъ! всѣ они ужасно неуклюжи, отвѣчала мадамъ Дефоржъ.

Но мадамъ Марти обратила вниманіе на полосатый плащъ; онъ ей понравился. Дениза позвала на помощь Маргариту; та немедленно стала клясться, что плащъ этотъ остался съ прошлаго года и цѣна его понижена со ста пятидесяти на сто десять. Мадамъ Марти не устояла противъ соблазна уступки и

купила плащъ. Прикащикъ поспѣшилъ сдать стулъ съ покуцками Маргаритѣ.

Покуда ей завертывали новую покушку, она указала глазами на стоявшую недалеко отъ нихъ Клару и шепнула Генриэттѣ:

— Вы, конечно, знаете новую прихоть господина Мурэ?

Мадамъ Дефоржъ въ изумленіи посмотрѣла сначала на Клару, потомъ на Денизу.

— Да нѣтъ-же, не высокая, а вотъ эта маленькая.

Такъ какъ мадамъ Марти не рѣшалась возражать, Генриэтта прибавила, намѣренно повысивъ голосъ:

— А можетъ быть и обѣ!

Слышавшая послѣднюю фразу, Дениза поблѣднѣла и подняла свои большіе ясные глаза на эту безъ причины оскорблявшую ее незнакомую даму. Навѣрное, это та самая пріятельница г. Мурэ, о которой ей всѣ говорили. Полный грусти и гордаго сознанія невинности, взглядъ дѣвушки смутилъ Генриэтту.

— Такъ какъ у васъ здѣсь нѣтъ ничего подходящаго, рѣзко сказала она, то проводите меня въ отдѣлъ готоваго платья.

— Постойте! закричала мадамъ Марти, — я иду съ вами... Мнѣ надо посмотрѣть платье для Валентины.

Маргарита потащила за ними тяжело нагруженный стулъ. Дениза понесла фуляръ г-жи Дефоржъ. Имъ предстояло долгое странствованіе, такъ какъ отдѣленіе готовыхъ платьевъ помѣщалось теперь во второмъ этажѣ, въ другомъ концѣ магазина.

Во главѣ шествовала Маргарита, таща за собою стулъ и съ трудомъ расчищая дорогу. Дойдя до отдѣла бѣлья, мадамъ Дефоржъ стала выражать неудовольствіе. Что за негнѣное устройство въ этихъ большихъ базарахъ, гдѣ изъ-за каждой мелочи приходится ходить нѣсколько лье!

Мадамъ Дефоржъ могла-бы отпустить Денизу; но ей, по видимому, доставляло удовольствіе заставлять дѣвушку терпѣливо ждать за ея спиною, пока она, не сгѣша, давала совѣты своей пріятельницѣ, покупавшей все что ни попадалось на пути. Онѣ долго любовались выставкой дѣтскаго бѣлья, хотя ничего и не купили. Затѣмъ мадамъ Марти, отдаваясь все больше и больше охватившей ея горячкѣ, соблазнилась шелковымъ корсетомъ, мѣхомъ для отдѣлки, русскими бруже-

вами для столоваго бѣлья. Груда поминутно возрастала, стулъ чуть не ломился подъ тяжестью покупокъ и передвиженіе его становилось для каждой новой продавщицы все болѣе и болѣе затруднительнымъ.

— Сюда, сударыня, говорила спокойно Дениза послѣ каждой остановки.

— Это, наконецъ, глупо! говорила мадамъ Дефоржъ;—мы никогда не дойдемъ. Отчего-было не помѣстить все готовое платье въ одномъ мѣстѣ?.. Ужасный безпорядокъ!

— Боже мой! Что скажетъ мой мужъ?.. говорила мадамъ Марти, опынявшая отъ окружавшихъ ее со всѣхъ сторонъ соблазновъ и разгоравшейся жажды къ покупкамъ.—Вы правы, здѣсь полное отсутствіе порядка. Поневоля теряешь голову и дѣлаешь глупости!

Стулъ съ трудомъ прошелъ по центральной площадкѣ, на которой Мурэ велѣлъ выставить массу всевозможныхъ бездѣлокъ и мелкихъ издѣлій парижской промышленности, блескомъ и прихотливостью отдѣлки останавливавшихъ толпу и затруднявшихъ движеніе. Тутъ-же, на красивомъ столикѣ разложены были китайскія и японскія рѣдкости, съ неистовствомъ раскупаемая публикой. Успѣхъ былъ неожиданный, и Мурэ уже проектировалъ расширить этотъ новый отдѣлъ. Пока два прикащика вносили стулъ съ покупками мадамъ Марти во второй этажъ, она успѣла купить подюжины пуговицъ изъ слоновой кости, шелковаго мышенка и эмалированную спичечницу.

Во второмъ этажѣ шествіе продолжалось. Дениза, съ самаго утра провожавшая покупательницъ, чуть не падала отъ усталости. Ей пришлось еще подождать своихъ дамъ въ отдѣлѣ мебельной матеріи, гдѣ мадамъ Марти пришла въ экстазъ отъ какого-то восхитительнаго кретона. Затѣмъ, въ отдѣлѣ мебели, она еще купила рабочій столикъ. Руки ея лихорадочно дрожали, она, улыбаясь, просила Генриэтту удерживать ее отъ увлеченія покупками; но въ эту минуту къ нимъ подошла мадамъ Гибаль. Она пришла, чтобы возвратить въ отдѣлъ ковровъ купленные ею дней пять тому назадъ восточныя портьеры. Прикащикъ—здоровенный малый, съ руками атлета, разумѣется, былъ неприятно изумленъ этимъ возвращеніемъ проданнаго, такъ какъ оно лишало его доли въ прибыли. Онъ всячески старался смутить клиентку, подозрѣвая, что портьеры

были взяты по случаю бала, отслужили вечеръ и затѣмъ возвращаются за ненужностью, что, какъ ему было извѣстно, нерѣдко дѣлается среди экономной буржуазіи. «Мадамъ, вѣроятно, имѣеть какіе-нибудь резоны, можетъ быть ей не нравится рисунокъ или цвѣтъ портьеръ, въ такомъ случаѣ онъ можетъ показать ей другія, у него огромный выборъ». Но на всѣ его настоянія мадамъ Гибаль спокойно отвѣчала, что портьеры ей просто не нравятся, а другихъ она взять не желаетъ. Волею-неволею, онъ долженъ былъ покориться, такъ-какъ продавцамъ было приказано брать обратно вещи даже въ томъ случаѣ, если они замѣчали, что вещь была въ употребленіи.

Когда дамы удалились, мадамъ Марти стала выражать раскаяніе, что купила рабочій столикъ, который ей вовсе не нуженъ.

— Что за важность! спокойно уговаривала ее мадамъ Гибаль,—вы его отдадите назадъ... Вы вѣдь видѣли—это совсѣмъ просто... Пусть принесутъ его къ вамъ, онъ постоитъ у васъ въ салонѣ, вы полюбуетсяъ на него, а потомъ вернете имъ назадъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, счастливая мысль! воскликнула мадамъ Марти.—Если мой мужъ будетъ очень сердиться—я возвращу имъ все.

Съ этой минуты она уже имѣла оправданіе и безъ удержу покупала все безъ разбора.

Наконецъ, онѣ пришли въ отдѣленіе готоваго платья. Но когда Дениза хотѣла передать фуляръ мадамъ Дефоржъ другой продавщицѣ, Генріетта удержала ее, сказавъ, что она рѣшила купить одинъ изъ показанныхъ ей свѣтлосѣрыхъ дорожныхъ плащей съ капюшономъ. Денизѣ пришлось покориться и ждать, чтобы снова проводить ее въ отдѣленіе пальто. Дѣвушка чувствовала, что это было не болѣе, какъ злостный капризъ важной барыни, желавшей унижить ее и обойтись какъ съ своей горничной, но, не смотря на протестъ оскорбленнаго достоинства, она рѣшилась безропотно исполнить свою обязанность до конца. Въ отдѣлѣ готоваго платья, мадамъ Дефоржъ тоже ничего не купила.

— О! мама, говорила Валентина,—я хочу вотъ это платье, если оно мнѣ впору!

Понизивъ голосъ, мадамъ Гибаль стала объяснять свою обычную тактику. Если ей нравится какой-нибудь костюмъ,

она покупаетъ его, снимаетъ съ него дома выкройку, а потомъ возвращаетъ обратно.

— Остроумная мысль! Вы очень практичны, моя милая, говорила мадамъ Марти и купила костюмъ для дочери.

Стулъ былъ до того нагруженъ покупками, что пришлось его оставить въ кассѣ съ тѣмъ, чтобы онъ былъ отправленъ отсюда въ контору разсылокъ. А дамы, сопровождаемая Денизою, снова пустились бродить по магазину. Поминутно происходили встрѣчи и остановки. Возлѣ кабинета для чтенія онѣ встрѣтили мадамъ Бурдлэ съ тремя дѣтьми, которыя были навьючены пакетами. У Мадленъ подъ мышкой было только-что купленное для нея платье. Эдмонъ несъ цѣлую коллекцію дѣтской обуви, а Люсьенъ—новое кэпи.

— И ты тутъ-же! обратилась, смѣясь, мадамъ Дефоржъ къ своей пансионской подругѣ.

— Ахъ, и не говори! воскликнула мадамъ Бурдлэ. Я ужасно зла... Теперь они опутываютъ насъ при посредствѣ этихъ малютокъ. Ты вѣдь знаешь, что я не разоряюсь на себя. Но развѣ можно отказать дѣтямъ, которыя просятъ все, что увидятъ? Я привела ихъ погулять и вотъ закупила чуть не весь магазинъ!

Мурэ, стоявшій съ Валаньоскомъ и графомъ де-Бовъ все еще на порогѣ салона, слушалъ ее съ торжествующей улыбкой. Замѣтивъ его, мадамъ Бурдлэ, полу-шутя, полу-серьезно, стала жаловаться на то, что онъ разставляетъ сѣти материнской нѣжности. Въ глубинѣ души, она злилась, что позволила себѣ поддаться ракламамъ. Де-Бовъ, искавшій случая снова отдѣлаться отъ Валаньоска, ловко очутился возлѣ мадамъ Гибаль. Денизъ опять пришлось ждать своихъ кліентокъ. Чтобы не видѣть Мурэ, она повернулась спиной; онъ въ свою очередь хотѣлъ видѣть, что не замѣчаетъ ея. Но мадамъ Дефоржъ, съ тонкимъ чутьемъ ревнивой женщины, замѣтила все и больше не сомнѣвалась. Въ то время, какъ онъ рассыпался передъ ней въ привѣтствіяхъ и любезностяхъ, она думала о томъ, какъ бы его уличить въ измѣнѣ.

Между тѣмъ, мадамъ Гибаль въ сопровожденіи графа де-Бовъ и неотстававшаго отъ нихъ Валаньоска пришли въ отдѣленіе кружевъ. Въ глубинѣ отдѣла, среди густой бѣлой сѣти развѣшенныхъ по залѣ кружевъ, сидѣли двѣ дамы и внима-

тельно рассматривали разложенное передъ ними Деломешъ дорогое кружево.

— Посмотрите! воскликнулъ Валаньоскъ; — вы сказали, что мадамъ де-Бовъ больна,.. А между тѣмъ это вѣдь она, вмѣстѣ съ мадемоазель Бланшъ.

Графъ вздрогнулъ и искоса посмотрѣлъ на мадамъ Гибель.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы правы, сказалъ онъ.

Въ залѣ было душно, говоръ сливался въ какой-то глухой, неясный гулъ; лица покупательницъ были блѣдны, глаза горѣли лихорадочнымъ желаніемъ среди неодолимаго соблазна этихъ волнь кружева, передъ которымъ не выдерживали и славились самыя сильныя.

— Эти дамы васъ, кажется, разоряютъ, графъ, замѣтилъ Валаньоскъ, оживляясь этой встрѣчей.

Но де-Бовъ пожалъ плечами съ спокойствіемъ человека, тѣмъ болѣе увѣреннаго въ благоразуміи своей жены, что не даетъ ей ни гроша. Мадамъ де-Бовъ долго шаталась съ дочерью по магазину, жадно поглядывая на товары и не имѣя возможности ничего купить. Измученная ходьбой и неудовлетвореннымъ желаніемъ унести хоть что нибуть изъ всей этой массы мелькавшихъ передъ ея глазами нарядовъ, она подошла наконецъ, къ отдѣлу кружевъ. Мягкія волны дорогихъ кружевъ туманили ей голову, ослѣпляли глаза, производили лихорадочный ознобъ. Въ какомъ-то чувственномъ волненіи, погрузивъ въ нихъ руки по локоть, она перебирала ихъ пальцами и пожирала глазами. Вдругъ, замѣтивши, что дочь отвернулась, она быстро схватила штучку алансона и хотѣла спрятать его подъ пальто. Но раздавшійся въ эту минуту за ея спиной голосъ Валаньоска заставилъ ее вздрогнуть и моментально выпустить кружево.

— Вотъ мы васъ и поймали, сударыня!

Она поблѣднѣла и нѣсколько мгновеній стояла молча. Придя нѣсколько въ себя, она объяснила, что такъ-какъ ей стало лучше, то она рѣшилась выйдти изъ дому подышать чистымъ воздухомъ. Но, увидѣвши мужа возлѣ мадамъ Гибаль, жена посмотрѣла на нее такъ сурово, что та сочла нужнымъ пробормотать нѣчто въ родѣ оправданія:

— Я была съ мадамъ Дефоржъ и встрѣтила этихъ господъ...

Въ это время подошли другія дамы въ сопровожденіи Мурэ,

который показывалъ имъ на инспектора Жува, продолжавшаго слѣдить за беременной женщиной и ея спутницей.

— Вы себя не можете представить, говорилъ онъ;—какую массу воровокъ ловятъ въ отдѣлѣ кружевъ!

Слушавшая его мадамъ де Бовъ вдругъ представила себя, въ сорокъ пять лѣтъ, съ громкимъ именемъ и положеніемъ, идущей между двумя жандармами.

Инспекторъ Жувъ, между тѣмъ, рѣшился обыскать, наконецъ, беременную женщину, потерявъ надежду поймать ее на мѣстѣ преступленія. Но, обыскавъ ее въ особомъ помѣщеніи, онъ былъ сильно сконфуженъ, не найдя на ней ни одной ленточки. А спутница ея между тѣмъ исчезла. Тогда только онъ понялъ, что беременная женщина служила для того, чтобы отвлечь вниманіе отъ воровки.

Это происшествіе насмѣшило дамъ. Сконфуженный Мурэ искалъ оправданія.

— Жувъ сплеховалъ сегодня... Но онъ отомститъ за себя въ другой разъ.

— Ну, а я думаю, что онъ просто не умѣетъ... сказалъ Валаньоскъ.—Подѣломъ вамъ, если васъ обворовываютъ. Вольно же выставять такую массу товара. Нельзя-же безнаказанно подвергать такому искушенію бѣдныхъ и слабыхъ женщинъ!

Дамы разошлись. Было четыре часа. Торговля достигла высшаго разгара. Толпа точно опьянѣла и ломилась къ кассамъ и прилавкамъ. Надъ нею въ воздухѣ стояла тонкая золотистая пыль, освѣщаемая врывающимися въ окна красными лучами заходящаго солнца.

Среди возрастающей суматохи, духоты и смѣшаннаго гула, здѣсь царили женщины. Онѣ взяли приступомъ магазинъ, зашли въ немъ, какъ въ завоеванной области, и, подобно ордѣ хищниковъ, распорядились разбросаннымъ повсюду товаромъ. Оглушенные, выбившіеся изъ силъ и одурѣвшіе прикащики были ихъ рабами, которыми онѣ помыкали съ капризнымъ своеволіемъ тирана. Толстыя дамы важно шли напроломъ, безцеремонно толкая публику; даже маленькія и тщедушныя становились нахальными. Всѣ, высоко поднявъ головы, чувствовали себя дома, широко пользуясь правами хозяекъ и не считая себя обязанными церемониться и деликатничать другъ съ другомъ.

Мадамъ Бурдлэ, желая хоть сколько-нибудь наверстатъ

свои издержки, вторично повела дѣтей въ буфетъ, гдѣ разгоряченная и жадная толпа женщинъ тѣснилась и спѣшила напиться даровымъ сиропомъ и мадагой. Съ утра выпито было восемьдесятъ литровъ сироу и пятьдесятъ литровъ вина.

Купивъ дорожный плащъ, мадамъ Дефоржъ потребовалъ въ кассѣ картинокъ, раздаваемыхъ въ видѣ преміи всѣмъ покупательницамъ, и удалилась, обдумывая способъ завзвать Денизу къ себѣ, унижить ее въ присутствіи Мурэ и заставить послѣдняго сознаться. Графъ де-Бовъ исчезъ въ толпѣ вмѣстѣ съ мадамъ Гибаль, а мадамъ де-Бовъ въ сопровожденіи Бланшъ и Валаньоска, подойдя къ тому мѣсту, гдѣ раздавались красныя шары, потребовала себѣ одинъ, хотя ничего и не купила. Все-таки она уйдетъ не съ пустыми руками и сдѣлаетъ подарокъ сыну своей консьержки.

Изъ всѣхъ этихъ дамъ только мадамъ Марти съ дочерью дотянула до послѣднихъ минутъ торга. Падая отъ усталости, она не въ силахъ была все-таки оторваться. Какая-то невидимая сила приковывала ее къ магазину, къ этому морю товара, заставляя безъ надобности по нѣсколько разъ забѣгать въ одни и тѣ-же отдѣлы, въ горячкѣ какого-то неутолимаго любопытства.

Это былъ часъ, когда загнанная сюда рекламами толпа выбивалась, наконецъ, изъ силъ. Десять тысячъ афишъ, двѣсти тысячъ выпущенныхъ каталоговъ и шестьдесятъ тысячъ франковъ, упроченныхъ газетамъ за рекламы, произвели свое дѣло, обобравъ до-чиста карманы всей этой толпы женщинъ. Мадамъ Марти продолжала блуждать среди охрипшихъ уже званій прикащиковъ, среди звона золотомъ считавшихъ выручку кассировъ, среди стука падавшихъ въ подполье для разсылки пакетовъ. Она еще разъ обошла нижній этажъ, отдѣлъ полотень, шелка, перчатокъ и шерстяныхъ тканей, взобралась по чугунной лѣстницѣ, пробѣжала висячій мостъ, отдѣлъ платья, бѣлья и кружевъ, заглянула даже во второй этажъ, въ отдѣлъ мебели. Повсюду измученные продавцы, всѣ эти—Гютенъ, Февье, Миньо, Льенаръ, Делюшъ, Пюмина и Дениза дѣлали послѣднія усилія окончательно покорить кліентокъ, воспользоваться послѣдними минутами ихъ горячки. Заявивши въ кассѣ, что уплатить дома по испугавшему ее своей громадностью счету, она, пройдя съвозъ давку у выхода,

вышла, наконецъ, на улицу, разбитая, растерявшаяся, почти пьяная.

Вечеромъ, только-что Дениза успѣла пообѣдать, какъ ее позвалъ слуга.

— Сударыня, васъ зовутъ въ управленіе!

Дениза совсѣмъ забыла объ утреннемъ приглашеніи Мурѣ явиться по окончаніи торговли въ его кабинетъ. Она вошла, оставивши дверь незапертой. Онъ ждалъ ее, стоя.

— Мы очень довольны вами, сударыня, сказалъ Мурѣ, — и намѣрены доказать вамъ это... Вы знаете, какимъ недостойнымъ образомъ оставила насъ мадамъ Фредерикъ. Завтра вы займете ея мѣсто.

Дениза слушала въ изумленіи.

— Но вѣдь у насъ есть, сударь, прикащицы, поступившія гораздо раньше меня, пробормотала она дрожащимъ голосомъ.

— Что-жь изъ этого? отвѣчалъ онъ. — Вы между ними самая способная, самая серьезная. Я и выбралъ васъ—это вполне естественно... Развѣ вы недовольны?

Она покраснѣла. Она была счастлива и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала какую-то неловкость, какой-то страхъ. Прежде всего она подумала о томъ, какъ посмотреть въ отдѣлѣ на такое неожиданное повышеніе. Мысль эта приводила ее въ смущеніе, несмотря на охватившее ее чувство признательности.

Онъ, улыбаясь, смотрѣлъ на нее, на ея гладкій шелковый нарядъ безъ малѣйшей роскоши и украшеній, кромѣ этой пышной русой косы. Нѣжныя черты ея серьезнаго лица сдѣлались изящнѣе; вся ея когда-то тщедушная, невзрачная фигура дышала скромной, чарующей граціей.

— Вы очень добры, сударь, пробормотала она. — Я не умѣю вамъ этого выразить...

Голосъ ея оборвался. На порогѣ показалась фигура Ломма съ кожанымъ мѣшкомъ въ здоровой рукѣ и большимъ портфелемъ подъ мышкой. За нимъ стоялъ сынъ его, Альберъ, сгибаясь подъ тяжестью серебряной и мѣдной монеты.

— Пятьсотъ восемьдесятъ семь тысячъ, двѣсти десять франковъ, тридцать сантимовъ! произнесъ кассиръ съ сияющимъ лицомъ.

Это была самая крупная дневная выручка, какую когда-либо имѣлъ «Bonheur des Dames».

— Великолѣпно! воскликнулъ въ восторгѣ Мурэ. — Положите это сюда, мой славный Ломмъ, и отдохните—вы выбились изъ силъ. Я заставлю кого-нибудь снести деньги въ центральную кассу... Да, вотъ здѣсь, на письменный столъ. Я хочу посмотрѣть на всю груду.

Онъ былъ веселъ какъ ребенокъ. Кассиръ съ сыномъ салили свою ношу. Въ кожаной сумкѣ зазвенѣло золото, изъ двухъ большихъ мѣшковъ высыпались серебро и мѣдь, между складками большого портфеля выглядывали банковые билеты. Цѣлый край огромнаго письменнаго стола покрылся богатствомъ, собраннымъ за день изъ приношеній цѣлаго Парижа.

По уходѣ кассировъ, Мурэ еще минуту неподвижно, точно въ забытѣ, смотрѣлъ на деньги. Поднявъ, наконецъ, голову, онъ увидѣлъ ожидавшую въ отдаленіи Денизу. Онъ вновь весело улыбнулся и заставилъ ее подойти къ столу, предлагая взять себѣ столько денегъ, сколько помѣстится въ ея горсти. Въ этой шуткѣ сквозила и серьезная нотка любовнаго торга.

— Вотъ изъ этого мѣшка съ золотомъ, настаивалъ онъ. Держу пари, что не возьмете и тысячи франковъ—у васъ такая маленькая ручка.

Она поблѣднѣла и отшатнулась. Ей вдругъ все стало ясно. Она почувствовала пламя страсти его взглядовъ, которыми онъ обжигалъ ее при каждой встрѣчѣ со дня ея вторичнаго вступленія въ магазинъ. Ея сердце забилося тревогой, точно готово было выскочить. Зачѣмъ-же онъ оскорбляетъ ее этой гадкой выставкой денегъ, когда ему стоитъ сказать одно дружеское слово, чтобы вызвать въ ней потокъ признательности? Продолжая шутить, онъ приблизился къ ней, но въ эту минуту вошелъ Бурдонкъ, чтобы сообщить патрону огромную цифру—семьдесятъ тысячъ человекъ—клиентовъ, посѣтившихъ въ этотъ день «Bonheur des Dames».

Она еще разъ поблагодарила его и поспѣшила выйти.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ФРАНЦУЗСКОЕ ДУХОВЕНСТВО НАКАНУНЪ ПЕРЕВОРОТА. *)

I.

Что такое представляло собою дореволюціонное духовенство во Франціи? Это было первое изъ привилегированныхъ сословій въ государствѣ, — сословіе самое богатое, самое могущественное и въ то-же время ненавистное для народа. Сильное своими несмѣтными богатствами, скопленными всевозможными неправдами, гордое своими безчисленными привилегіями, широко пользовавшееся чрезвычайно обширными и разнообразными правами, но совершенно свободное отъ какихъ-бы то ни было обязанностей, ни мало не заботившееся о благѣ страны, хлопотавшее исключительно только объ охраненіи своихъ узко-сословныхъ интересовъ, чуждое всякаго патриотизма, неспособное на принесеніе какихъ-бы то ни было жертвъ, проникнутое духомъ интриги, праздное, тунеядное, и къ тому-же невѣрующее,—оно тяжелымъ бременемъ лежало на плечахъ народа, насчетъ котораго жило и роскоествовало и по отношенію къ которому всегда являлось алчнымъ, бездушнымъ эксплуататоромъ. «Какъ доктрина, — это сводъ самыхъ безсовѣстныхъ искаженій; какъ общественное учрежденіе, — это воплощеніе бесполезности, негодности и анархіи; какъ сословіе, — это олицетвореніе всяческаго разврата; — вотъ чѣмъ оказывались эти пастыри душъ, эти представители духовной жизни, вотъ чѣмъ было духовенство передъ революціей...» (Lanfrey p. 87). Таковъ приговоръ, единогласно произносимый всѣми безпристрастными историками надъ этимъ «первымъ сословіемъ», служившимъ однимъ изъ краеугольныхъ камней «старого режима», — приговоръ

*) Источники: *Ch. Chassin* — «Les cahiers des curés», *H. Taine* — «Les origines de la France contemporaine», *Louis Blanc* — «Histoire de la révolution française», *Tocqueville* — «L'ancien régime et la révolution», *Rozet* — «Véritable origine des biens ecclésiastiques», *Maillieu* — «L'ancien régime en Lorraine et Barrois», *Lanfrey* — «Essai sur la révolution française», и др.

жесткій, суровый, но вполне заслуженный и справедливый. Ска-
завъ это, мы спѣшимъ оговориться, что приговоръ этотъ тяготѣлъ
только надъ извѣстною, и притомъ численно весьма небольшою,
частью тогдашняго духовенства, которое далеко не представляло
собой однороднаго цѣлаго. Въ нѣдрахъ его господствовало то-же
вопиющее неравенство, которое характеризовало собою и все «старое»
общество; между высшимъ классомъ духовенства и низшимъ суще-
ствовала такая-же глубокая пропасть, какая отдѣляла напр. сеньера
отъ пейзана. Высшее духовенство, — аристократическое, титулован-
ное, привилегированное, — сосредоточивало въ своихъ рукахъ всѣ
богатства церкви, всю силу и власть, являлось типичнымъ выра-
зителемъ и носителемъ духа «старого режима» и принимало дѣ-
ятельное участіе во всѣхъ его беззаконіяхъ; низшее, — шибейское, —
было принижено, забито, придавлено, жило впроголодь, нищенство-
вало, страдало отъ произвола и насилія своихъ главъ. Пышный
прелать и бѣдный деревенскій священникъ — это были два резко
обособленные типа, два противоположные полюса тогдашней дѣ-
ятельности, противоположные не только по вѣншности, но, — что
гораздо важнѣе, — по духу, стремленіямъ и уюваніямъ.

По тщательнымъ изслѣдованіямъ Тена (Т. I, р., р. 17530),
численность и составъ французскаго духовенства наканунѣ 1789
года представляются въ слѣдующемъ видѣ. Въ рядахъ *бывшаго ду-
ховенства* насчитывалось тогда 71,400 ч., изъ нихъ — 2,800 архи-
епископовъ, епископовъ, коадьюторовъ, генеральныхъ викариевъ
и кафедральныхъ канониковъ, 5,600 канониковъ коллегіальныхъ
церквей, 3,000 священниковъ безъ бенефицій и наконецъ 60,000
приходскихъ священниковъ или кюре съ ихъ викаріями. *Чужое
духовенство* состояло изъ 60,000 ч.; изъ нихъ — 37,000 монаховъ,
населявшихъ собою 1,300 монастырей, 20,000 монаховъ, принадле-
жавшихъ къ двадцати-восьми различнымъ орденамъ и распреде-
ленныхъ въ 2,489 общинахъ, и затѣмъ около 3,000 «отцовъ про-
повѣдниковъ», «братьевъ христіанской доктрины» и другихъ, за-
нимавшихся дѣломъ обученія. Изъ монашескихъ орденовъ наибол-
гѣе многочисленными были тогда: бенедиктинцы (4,338 ч.), капуцины
(3,720 ч.), реколлеты (2,238 ч.), корделеры (2,018 ч.), домин-
канцы (1,172 ч.), картезианцы (1,144 ч.), францисканцы, матрчи-
цы, премонстранцы, траписты и др. Большая часть этихъ орденовъ,
уничтоженныхъ въ 1792 году, возродилась въ послѣреволюціонную
эпоху, причѣмъ появилось и много новыхъ, обязанныхъ своимъ воз-
никновеніемъ главнымъ образомъ иезуитамъ, для которыхъ они
служили убѣжищемъ отъ преслѣдованій закона.

Нелишнимъ будетъ замѣтить здѣсь, что въ годы, непосред-
ственно предшествовавшіе революціи, монашествующая братія была

далеко не такъ многочисленна, какъ въ нѣсколько болѣе ран-
шею. Такъ, мы видѣли, что въ 1788 году чернаго духовен-
скаго пола, было не болѣе 60,000 человекъ, между тѣмъ
въ 1764 году, по даннымъ аббата Эксили, монаховъ и мо-
нашествывало 159,600 ч.,—другими словами, въ какую-
то четверть вѣка число ихъ уменьшилось болѣе чѣмъ на по-
лу. Такое огромное сокращеніе произошло отчасти подъ влія-
ніемъ философской и экономической пропаганды того времени, от-
части же вслѣдствіе правительственныхъ мѣропріятій. Полное забвѣ-
ніе строгихъ нравственной морали, самовольное измѣненіе и искаже-
ніе монастырскихъ уставовъ и регламентовъ, разбродъ монаховъ
и упадокъ многихъ обителей, перестававшихъ однакоже поль-
зоваться своими прежними доходами и привилегіями, праз-
дноты людей «не отъ міра сего»,— жизнь, полная всяче-
скихъ скандаловъ и безобразій, — все это сдѣлало монастыри
неудобными въ жилищѣ, дало Вольтеру право написать его извѣст-
ный трактатъ — *Essai sur les mœurs*, а Дидро—не менѣе из-
вѣстную *Religieuse*, породило живое чувство негодованія въ
всѣмъ обществѣ и наконецъ заставило правительство, подъ
вѣдомствомъ общаго мнѣнія, приступить къ урегулированію
монаховъ. Королевскимъ указомъ 1766 года была учреждена,
въ Парижѣ, «монашеская коммиссія» (*Commission des ré-*
formateurs), которая, совершенно игнорируя постановленія соборовъ
и не посоветовавшись съ папою рѣшила, въ виду ясно вы-
сказаннаго воли монарха, повисить возрастъ для произнесенія тор-
жественнаго монашескихъ обѣтовъ, обусловливавшихъ граждан-
скую свободу, и предписала закрыть всѣ монастыри, имѣвшіе ме-
нѣе двѣнадцати братій въ городахъ и менѣе двѣнадцати въ сель-
скихъ общинахъ. Въ силу этого рѣшенія, санкціонированнаго
королемъ, тогда, между прочимъ, были разомъ уничтожены целе-
бный и антонинскій ордена; въ то-же время болѣе 1,500 мо-
нашескихъ общинъ подверглись отчасти распущенію, отчасти-же
слились между собою. Для оправданія этихъ суровыхъ мѣръ, упо-
мянутой коммиссіею было доведено до всеобщаго свѣдѣнія о всѣхъ
неудобствахъ монашеской жизни, о всѣхъ вопіющихъ беззаконіяхъ,
существовавшихъ средѣ религиозныхъ корпорацій.

Въ послѣдствіи этой реформы число монашескихъ общинъ сильно умень-
шилось, но, какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго
взгляда, количество аббатствъ, монастырей, пріорствъ и т. д. въ 1789
оставалось почти то-же, что и прежде: въ официальном *Аль-*
phabétique по прежнему заносились: 1,100 мужскихъ и 678 женскихъ
монастырей, принадлежавшихъ «нищенствующимъ»
орденамъ, 8,810 капитуловъ и около 20,000 пустовавшихъ и не-

функционировавшихъ приорствъ и капелль. Странность эта объясняется однако-же весьма просто. Дѣло въ томъ, что титулы и доходы, связанные съ управленіемъ или, вѣрнѣе, съ владѣніемъ монастырями, аббатствами и т. д., остались неуничтоженными, несмотря на то, мало-ли было въ этихъ послѣднихъ монашествующихъ или даже не было совсѣмъ и поэтому обитель была фактически закрыта, — и служили, такъ сказать, ходячею монетою того времени. Подъ вліяніемъ куртизановъ и куртизанокъ, они раздавались епископамъ — аристократамъ, для увеличенія ихъ и безъ того уже непоимѣрно-большихъ состояній, и младшимъ членамъ знатныхъ родовъ, для обезпеченія имъ «приличнаго» и веселаго существованія. Такимъ образомъ, королевская реформа не уничтожила злоупотребленій, а только измѣнила характеръ ихъ: прежде въ томъ или другомъ обезлюдѣвшемъ монастырѣ тунеядствовала и жирѣла дюжина или полдюжины монаховъ, теперь-же, за распущеніемъ или переводомъ этихъ послѣднихъ въ другую обитель, на ихъ мѣсто становился и начиналъ жуировать насчетъ доходовъ несуществовавшего уже фактически монастыря какой нибудь великосвѣтскій баричъ, ради этого случая вдругъ превращавшійся, положимъ, въ аббата, но имѣвшій право причислять себя къ духовному сословію только по едва замѣтной тонзурѣ на головѣ да по обѣту безбрачія. Что выигрывало отъ такой «реформы» государство и общество, объ этомъ мы предоставляемъ судить самому читателю. Въ вопросѣ о монастыряхъ и монахахъ, какъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ государственной важности, тогдашняя власть могла только все путать, ничего не исправляя и въ то-же время дѣйствіями своими уничтожая въ умахъ гражданъ даже самое «понятіе о законѣ» (Tosqueville, p. 104).

Но оставимъ пока монаховъ въ сторонѣ и возвратимся къ духовенству, какъ цѣлому. Складывая вышеприведенныя цифры, мы получимъ численность этого цѣлаго равною 131,400 ч., что, при тогдшнемъ населеніи въ 25 милліоновъ, составляло $\frac{1}{20}$ проц. всего числа жителей Франціи. Посмотримъ-же теперь, какими матеріальными средствами обладало это ничтожное по численности населеніе.

Несмотря на настойчивыя требованія свѣтской власти, духовенство никогда не соглашалось давать полныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній объ имуществѣхъ и доходахъ церкви; оно тщательно скрывало отъ посторонняго глаза дѣйствительную величину своихъ богатствъ и скорѣе предпочитало даже, какъ это было напр. въ 1750 году, безпрекословно соглашаться на совершенно произвольную оцѣнку церковнаго имущества фискомъ, чѣмъ открывать свои карты. При старомъ режимѣ оно всегда ухитрялось обманывать и

свѣтскаго, и духовнаго главу, — и короля, которому оно волей-неволей должно было платить на государственныя нужды «*добровольный даръ*», и папу, который получалъ отъ него, подъ именемъ «*аннатовъ*», годовой доходъ отъ вакантныхъ бенефицій и отъ котораго зависѣло утвержденіе въ этихъ послѣднихъ новыхъ замѣстителей... Немудрено поэтому, что, при отсутствіи хоть сколько нибудь надежныхъ данныхъ, различные авторы, къ тому-же всегда болѣе или менѣе пристрастные въ ту или другую сторону, сильно расходятся въ оцѣнкѣ имуществъ и доходовъ тогдашняго духовенства. На трехъ «общихъ собраніяхъ» французскаго духовенства, происходившихъ въ промежутокъ времени между 1755 и 1765 гг., доходъ съ церковныхъ имуществъ опредѣлены были всего только въ 62 милліона (L. Blanc, Т. III, р. 311). Неккеръ, основываясь на официальныхъ (!) данныхъ, останавливается на цифрѣ 130 м., клерикаль Бонвале-Добрессъ насчитываетъ 124 м., бывший иезуитъ Черутти утверждаетъ, что общій годовой доходъ равняется 412 м., а неизвѣстный авторъ одной очень распространенной въ 1788 году брошюры («*Clergé dévoilé ou l'iniquité retombant sur elle-même*») полагаетъ, что онъ доказалъ, «какъ дважды два четыре», что общая сумма всѣхъ церковныхъ доходовъ была не менѣе 1 миллиарда 800 милліоновъ!... (Chassin, р. 30). Разница между первой и послѣднею изъ приведенныхъ цифръ не маленькая... Наибольшаго довѣрія заслуживаютъ данныя, приводимыя Теномъ, который, на основаніи тщательныхъ изслѣдованій и расчетовъ, оцѣниваетъ церковныя имущества того времени въ 4 миллиарда 200 милліоновъ, а ежегодный доходъ съ нихъ отъ 80 до 100 милліоновъ, причемъ оговаривается, что для расчета по теперешнему курсу эти цифры должны быть по-меньшей-мѣрѣ удвоены или даже утроены (р. 18—19). Слѣшимъ при этомъ замѣтить, что сюда не входятъ еще: во 1-хъ, десятина, дававшая 123 милліона и составлявшая, по самой умѣренной оцѣнкѣ, восемнадцатую часть валоваго дохода отъ земли, во 2-хъ, доходъ отъ феодальныхъ правъ, которыми представители высшаго духовенства пользовались индивидуально, а капитулы и монастыри коллективно, — которые, по словамъ Артура Юнга, поднимали поземельную ренту сеньера до $3\frac{3}{4}$ проц., вмѣсто $2\frac{1}{2}$ проц. при свободной собственности, и которые составляли болѣе 14% чистаго дохода земледѣльца; и, наконецъ, въ 3-хъ, доходы отъ церковныхъ требъ, отъ выдачи изъ церквей различныхъ актовъ, сборы добровольныхъ приношеній и т. д., — всего, по-меньшей-мѣрѣ, на сумму 25—30 милліоновъ. Подводя итоги, получаемъ слѣдующее: 124 м. отъ недвижимыхъ имуществъ, 123 м. отъ десятины, не менѣе 25—30 м. отъ требъ и сборовъ деньгами и натурою, плюсъ солидные доходы отъ пользованія феодальными

правами,—итого около 300 миллионъ годового дохода. Капитализируя этотъ доходъ, мы получаемъ: для недвижимыхъ имуществъ—болѣе 4 миллиардовъ, для десятины—болѣе 3½ миллиардовъ, для требъ, сборовъ и т. д., по-меньшей-мѣрѣ, ½ миллиарда;—итого 8 миллиардовъ!... Это въ ливрахъ, во франкахъ-же выйдетъ какъ уже замѣчено выше, вдвое или даже втрое больше. Таково было богатство дореволюціоннаго духовенства.

II.

И вотъ, на это-то золотое дно новый режимъ наложилъ свою тяжелую руку, эти-то имущества «святотатственно» дерзнулъ экспроприровать въ пользу государства!... «Это ни болѣе, ни менѣе, какъ грабежъ»,—говорилъ по поводу этого акта Буркъ,—и тѣмъ, кто оправдываетъ его, слѣдовало-бы отвѣчать не логическими доводами, а веревкою палача»... (L. Blanc, T. III, p. 299). Въ томъ-же смыслѣ говорили и говорятъ и другіе борники и сторонники дореволюціоннаго status quo; въ томъ-же духѣ говоритъ и талантливый реакціонеръ Тень. Какое право имѣла революція грабить духовенство?—спрашиваетъ онъ. Развѣ то, чѣмъ располагало это послѣднее, не составляло его законнѣйшей собственности? Развѣ право на эту собственность не завоевано имъ цѣною огромныхъ жертвъ и благодѣяній на пользу общую? Развѣ обладаніе дѣйствительно громадными богатствами не оправдывается еще болѣе громадными заслугами его передъ исторіею?... На всѣ эти вопросы извѣстный авторъ книги—«*Les origines de la France contemporaine*» отвѣчаетъ нѣсколькими краснорѣчивыми страницами, на которыхъ съ любовью и трогательнымъ умиленіемъ рассказываетъ, чѣмъ было, что представляло собою въ былое время духовенство, и въ заключеніе увѣчиваетъ это послѣднее лавровымъ вѣнкомъ.

«Въ теченіи двѣнадцати вѣковъ,—пишетъ, между прочимъ, Тень,—духовенство питало, охраняло и поддерживало людей, и по той щедрости, съ которою они вознаградили его за это, можно судить о глубинѣ ихъ благодарности... Его главы, папы, двѣсти лѣтъ были неограниченными властелинами Европы... Оно создало крестовые походы, оно низвергало королей съ ихъ троновъ, оно раздавало короны и царства... Его епископы, его аббаты дѣлались—здѣсь самостоятельными монархами, тамъ покровителями и истинными основателями династій... Въ его рукахъ сосредоточивалась треть всей земельной собственности, половина всѣхъ доходовъ, двѣ трети всего капитала Европы»... И неужели-же все это досталось ему даромъ? Неужели-же всѣмъ этимъ оно пользовалось

незаслуженно? Неужели на все это оно не имѣло нравственнаго права?.. О, конечно, нѣтъ... «Человѣкъ никогда не бываетъ признателенъ, не имѣя на то достаточныхъ основаній; никогда ни чѣмъ не поступаетъ и ничего не даетъ безъ уважительной причины;—онъ слишкомъ эгоистиченъ для этого... Современники, въ сорока поколѣнїяхъ наблюдавшіе и оцѣнивавшіе жизнь и дѣятельность духовенства, не могутъ быть, въ нашихъ глазахъ, плохими судьями... Они облакали его властью и дѣлились съ нимъ своими матеріальными благами соразмѣрно съ его заслугами; чрезмѣрностью ихъ признательности духовенству измѣряется и громадность благодѣяній и заслугъ послѣдняго». (Т. 1, р. 8—9).

Если вѣрить Тену, оно, это духовенство, обиженное революціею, за все время своего существованія ни на минуту не переставало быть яркимъ свѣточемъ истины, правды, добра; «двѣнадцать вѣковъ» оно только и дѣлало, что подвижничило, самоотвергалось, занималось социальнымъ устройтельствомъ, неустанно двигало впередъ человѣческую культуру и цивилизацію, служило охраною и прибѣжищемъ для всѣхъ угнетенныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ; «сорокъ поколѣнїй» вынесло оно на своихъ плечахъ служило имъ съ беззавѣтною преданностію, поддерживало ихъ своею вѣрою, наполняло ихъ сердца миромъ и надеждою, согрѣвало ихъ своею любовію... А они, эти «поколѣнїя», — опять-таки по тому-же Тену, — только въ свою очередь и дѣлали, что чувствительно изъявляли этому благодѣтельному духовенству свою глубочайшую признательность, и отъ избытка благодарныхъ чувствъ, въ явный ущербъ себѣ, добровольно отказывались въ его пользу отъ всѣхъ благъ земныхъ...

Ну, а чудовищный деспотизмъ католической церкви, — въ недоумѣніи спросить изумленный читатель, — а крайнее властолюбіе и нетерпимость духовенства, кровавыя религіозныя преслѣдованія и войны, костры инквизиціи, ожесточенное гоненіе всякой живой мысли, постоянная и систематическая борьба этихъ пресловутыхъ «свѣточей истины» съ наукою и знаніемъ; а вѣчныя интриги этихъ «миротворцевъ, повсемѣстное и неустанное сѣяніе и раздуваніе ими вражды и раздоровъ, безобразнѣйшее искаженіе и загрязненіе этими «чистыми» служителями алтаря великой христіанской докрина, наглая эксплуатація религіознаго чувства вѣрующихъ, беззастѣнчивый грабежъ и хищничество этихъ «самоотверженныхъ» и «кроткихъ» пастырей душъ, возмутительнѣйшія злоупотребленія и плутни этихъ «образцевъ добродѣтели», а праздность, тунеядство грязный развратъ этихъ «слугъ божїихъ»?!... Гдѣ-же все это и многое другое, сдѣлавшее изъ имени католическаго священнослужителя оскорбительную блячку?.. Да, все это было въ дѣйствительности,

все это вопіетъ къ суду потомства съ каждой страницы исторіи; но почему ничего подобнаго нѣтъ въ представленной выше умиленной картинѣ,—это секретъ Тена, хотя секретъ и не особенно глубокой. Тень представляетъ намъ совсѣмъ не то, чѣмъ было духовенство на самомъ дѣлѣ, а то, чѣмъ оно должно было-бы быть по своему положенію и по духу христіанскаго ученія. Какъ въ дѣйствительности оно во всѣхъ отношеніяхъ далеко было отъ идеала и какъ правъ былъ новый режимъ, круто расправившійся съ нимъ, объ этомъ мы еще будемъ говорить на послѣдующихъ страницахъ, опираясь на показанія историковъ и, между прочимъ, признанія того-же самаго Тена. Теперь-же посмотримъ, насколько вѣрно утвержденіе этого послѣдняго, что чрезмѣрныя богатства церкви образовались единственно путемъ добровольныхъ приношеній, даровъ и другихъ вещественныхъ выраженій «признательности» духовныхъ овецъ своимъ пастырямъ; посмотримъ, насколько дѣйствительно эти богатства могутъ быть названы законно и благоприобрѣтенными.

Какъ извѣстно, въ первыя времена христіанства церковь отождествлялась съ обществомъ вѣрующихъ, у которыхъ не было частной собственности, а все было общее. Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія христіанской церкви, духовное сословіе все болѣе и болѣе отдѣлялось отъ мірянъ, проникалось духомъ приобрѣтенія и завладѣвало церковными имуществами. Уже при Валентиніанѣ духъ этотъ былъ такъ силенъ и проявлялся въ такой неблагообразной формѣ, что понадобился законъ, объявлявшій недействительными всѣ дарственные записи, дѣлавшіяся женщинами въ пользу священнослужителей и монаховъ. Какъ быстро деморализировалось въ этомъ отношеніи духовенство, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ любопытный фактъ, что послѣ покоренія Галліи священники потребовали и получили свою долю военной добычи, что дало поводъ Клодвигу сдѣлать слѣдующее ироническое замѣчаніе: «Св. Мартинъ, какъ видно, не забываетъ своихъ друзей, но слишкомъ ужъ дорого заставляетъ онъ платить за свои муки»!..

Въ ту-же эпоху начали повсюду выростать и монастыри, постепенно обогащавшіеся щедротами королей и другихъ владѣтельныхъ особъ, находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства, которое усердно эксплуатировало ихъ грубыя суевѣрія. Св. Елигій, наприимѣръ, очень убѣдительно говорилъ королю Дагоберу: «государь, отдай мнѣ земли въ Солиньягѣ, чтобы я, при помощи ихъ, соорудилъ лѣстницу, по которой ты и я могли-бы взобраться на небо»... (Chassin, p. 33). «Сколько арпановъ земли дашь ты церкви, столько-же мѣста получишь ты и въ рай»,—не забывай, во вре-

мя крестовыхъ походовъ, внушать вѣрующимъ практичный св. Бернаръ, тотъ самый Бернаръ, который, по словамъ историковъ, пылалъ святымъ энтузіазмомъ и своимъ вдохновеннымъ глаголомъ жегъ сердца людей.. А разъ заполучивъ въ свои руки эти «арпаны», духовенство уже цѣлко держалось за нихъ и ревниво отстоявало ихъ отъ всякихъ внѣшнихъ посягательствъ. Такъ, когда Клотарь потребовалъ субсидіи отъ епископа турскаго, то получилъ отъ него слѣдующій суровый отвѣтъ: «если ты отнимешь то, что принадлежитъ Богу, то Богъ лишитъ тебя короны»... А нѣсколько позже одинъ изъ палъ, св. Григорій, писалъ монастырямъ: «если кто либо изъ королей или свѣтскихъ особъ осмѣлится посягнуть на нихъ (церковныя имущества и привилегіи), то да будетъ онъ лишень своего достоинства»... Карлъ Мартелль, какъ извѣстно, поплатился за подобное посягательство церковнымъ проклятіемъ послѣ своей смерти; духовныя-же владѣнія, розданныя имъ его военачальникамъ, послужили предметомъ упорной и ожесточенной борьбы между этими послѣдними и «ограбленнымъ» духовенствомъ, борьбы, окончившейся только при Карлѣ Великомъ, который утвердилъ спорныя имущества за дворянами, но зато обязалъ послѣднихъ содержать въ приличномъ видѣ церкви и монастыри и выплачивать десятину духовенству съ продуктовъ земли. Такимъ образомъ, мы видимъ, что сдѣлавшаяся впоследствии столь ненавистною для народа *десятина* лежала первоначально только на владѣніяхъ, отобранныхъ у Церкви и принадлежавшихъ небольшому числу дворянъ. Но мысль обобщить ее, сдѣлать обязательною повсемѣстно—была слишкомъ соблазнительна для духовенства, чтобы оно не попыталось привести ее въ исполненіе. Нисколько не задумываясь, «монахи сфабриковали подложный Законъ Иисуса Христа и, вооружась имъ, стали угрожать всѣмъ, кто не соглашался платить десятины, поразить бесплодіемъ ихъ поля, наслать на ихъ жилища крылатыхъ змѣй, которыя пожрутъ ихъ женъ и дѣтей.. Они даже дьявола заставили въ этомъ случаѣ служить себѣ службу... Проповѣдники ихъ кричали народу: «раскройте ваши глаза и смотрите: вѣдь это дьяволъ пожираетъ зерна въ колосьяхъ. Развѣ вы не слышите, какъ онъ съ ужаснымъ рычаніемъ оповѣщаетъ по деревнямъ, что истребить всѣхъ дурныхъ христіанъ, отказывающихъ въ уплатѣ десятины»?.. (Thouret, цитир. у Blanc, Т. III, р. 302—303). Это теовскіе-то, кроткіе, любвеобильные и самоотверженные подвижники!.. И нужно замѣтить, что такія угрозы и устрашенія дѣйствовали очень успѣшно: десятина все болѣе и болѣе входила во всеобщій обычай, а потомъ не замедлила получить и санкцію закона. Служа вначалѣ для удовлетворенія общецерковныхъ нуждъ и потребностей, она скоро была цѣлкомъ за-

хвачена духовными сенъерами въ свою личную пользу (Chassin, p. 33).'

Приращеніе духовныхъ имуществъ происходило не только путемъ выманиваній, угрозъ и застрачиваній, но также и путемъ прямого насильственнаго захвата и грабежа вооруженною рукою. Служители алтаря въ былое время такъ-же хорошо держали въ своихъ рукахъ мечъ, какъ и пастырскій посохъ, такъ же хорошо умѣли убивать, какъ и благословлять. Они предводительствовали войсками, давали сраженія, брали города приступомъ и возвращались подъ сѣнь храмовъ божіихъ обремененные награбленною добычею... Правда, папы неодобрительно относились къ пролитію крови лицами духовнаго званія; но... вѣдь можно было грабить, убивать и не проливая крови; такъ, исторія разсказываетъ намъ объ одномъ прелатѣ, который при помощи тяжелаго церковнаго ключа, послужившаго ему вмѣсто палицы, сумѣлъ въ одной битвѣ оглушить и отправить на тотъ свѣтъ семерыхъ враговъ... Немудрено, что, при такихъ способахъ благопріобрѣтенія, какой-нибудь Алкуинъ (въ IX в.), владѣвшій четырьмя аббатствами, насчитывалъ на своихъ обширныхъ земляхъ 20,000 крѣпостныхъ рабовъ, а аббатъ Сенъ-Дени, попавшій въ плѣнъ къ норманнамъ, могъ дать имъ въ видѣ выкупа 685 ливровъ золотомъ, 3,250 ливровъ серебромъ, лошадей, быковъ и очень много рабовъ, съ ихъ женами и дѣтьми... Упомянемъ здѣсь кстати ужъ и о томъ, что такіе-же, въ сущности, насильственные и кровавые способы обогащенія широко практиковались духовенствомъ и въ позднѣйшее время. Не слѣдуетъ забывать того, напримѣръ, поучительнаго факта, что имущество погибавшихъ отъ руки иневициіи еретиковъ (а число-же ихъ ты, Господи, вѣси!) поступали въ пользу церкви и что чудовищныя состоянія епископовъ лангедокскихъ самыхъ многочисленныхъ и самыхъ богатыхъ во всей Франціи, создались какъ разъ въ эпоху звѣрской войны противъ альбигойцевъ.

За все время своего существованія, духовенство не переставало эксплуатировать народное невѣжество и суевѣріе. Въ концѣ X вѣка оно усердно проповѣдывало повсюду о грядущемъ концѣ міра и въ то же время настойчиво твердило мірянину: «отдай свои имущества»... А мірянинъ слушался и отдавалъ. Насколько выгоднымъ оказался этотъ маневръ, объ этомъ, между прочимъ, можно судить по тому, что клюнійскіе аббаты, Бернонъ и Одонъ, получили за это время 188 дарственныхъ записей, однообразно начинавшихся торжественными словами: *«apprepinquantе mundi termino»* (въ виду приближающейся кончины міра...). Конецъ міра не наступилъ; духовенство-же удержало за собою то, что успѣло захватить.

Тяжкія преступленія и злодѣйства, каждая человѣческая слабость, каждое чувство, каждый актъ человѣческой жизни, начиная съ рожденія и кончая смертью, — всѣмъ этимъ пользовалось духовенство въ видахъ своего обогащенія, изъ всего этого умѣло извлекать для себя пользу. До какой безнравственности дошло оно въ дѣлѣ продажи индульгенцій, это извѣстно всѣмъ и каждому... Напр., грѣхъ изнасилованія дѣвушки отпускался за семь ливровъ и четыре су; убійство отца, матери, брата, сестры прощалось за шесть ливровъ; вручивъ «святѣмъ отцамъ» семь ливровъ и четыре су, со спокойною совѣстью можно было сжечь домъ своего ближняго; за семьдесятъ-шесть ливровъ и десять су давалось общее отпущеніе, безъ различія злодѣяній... («Taxe de la Sacrée Chancellerie», 1514, цит. у L. Blanc, Т. III, р. 308). Не ограничиваясь всѣмъ этимъ, оно ухищрялось облагать, — *ad majorem Dei gloriam*, надо полагать, — даже такое свободное чувство, какъ любовь: до начала XV вѣка (запретительный парламентскій актъ 1409 года) новобрачные не могли проводить вмѣстѣ трехъ первыхъ ночей, не купивъ на это право у епископа!.. Далѣе, тотчасъ послѣ обряда крещенія, ребенокъ привязывался къ алтарю и освобождался только послѣ уплаты его крестною матерью выкупа... Далѣе, присутствіе священника, — не безвозмездное, конечно, — при постели умирающаго было необходимо для законности составлявшагося послѣднимъ духовнаго завѣщанія; наложеніе печатей на имущество умершаго производилъ, — опять-таки за приличную мзду, — непремѣнно служитель алтаря; если человѣкъ, находившійся при послѣднемъ издыханіи, не отдавалъ въ даръ духовенству большей или меньшей части своего имущества, то ему угрожало лишеніе христіанскаго погребенія и вѣчное проклятіе... Для того чтобы имѣть право быть похороненнымъ на томъ или другомъ кладбищѣ, нужно было платить, и платить много; во время чумы въ Парижѣ, въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ ни одинъ покойникъ не былъ погребенъ на кладбищѣ «des Innocents», потому что метръ Дени требовалъ за погребеніе слишкомъ большую плату. Далѣе, въ нѣкоторыхъ церквахъ были, такъ называемые, «привилегированные алтари», на которыхъ красовались слѣдующія надписи: «Здѣсь каждую мессу души освобождаются изъ чистилища...» Во время богослуженія, изъ-за алтарей этихъ, монахи выпускали небольшія ракеты для нагляднаго представленія о томъ, какъ души, выходящія изъ чистилища, летятъ въ небо (L. Blanc. Т. III, р. 309). Но и этого всего оказывалось мало для французскаго духовенства, которое, ради увеличенія владѣній и богатствъ, въ широкихъ размѣрахъ практиковало поддѣлку завѣщаній, составленіе фальшивыхъ дарственныхъ записей, подложныхъ грамотъ; въ

аббатствѣ Сенъ-Медоръ даже организована была съ этою цѣлью обширная и правильно функционировавшая фабрика. Монахи, опытные въ поддѣлкѣ почерковъ, разъѣзжали по всѣмъ французскимъ монастырямъ и аббатствамъ и обогащали ихъ, снабжая подложными документами. Епископъ Эгидій былъ по суду обвиненъ въ такомъ преступленіи, а монахъ Гернонъ такъ даже на одрѣ смерти хвастался тѣмъ, что наградилъ такимъ образомъ помѣстьями и доходами всѣ монастыри своего ордена. По словамъ бенедиктинца Везьера, изъ 1,200 грамотъ, разсмотрѣнныхъ имъ въ аббатствѣ Лондевенекъ, въ Бретани, 800 оказались несомнѣнно фальшивыми, да подлинность и остальныхъ четырехсотъ осталась под вопросомъ (ibid.. p. 306).

Послѣ всего вышесказаннаго, мы уже, конечно, безъ всякаго удивленія будемъ читать у историковъ о «слезѣ Христа», приносившей 3—4000 ливровъ ежегодной ренты монастырю Charité; о скандальномъ спорѣ двухъ монашескихъ орденовъ въ Citeaux; о пяти или шести «подлинныхъ» головахъ Иоанна Крестителя, привлекавшихъ во столько-же различныхъ мѣстъ богомольцевъ съ приношеніями; о «святомъ пупѣ», эксплуатація котораго кончилась только послѣ того, какъ епископъ шалонскій вскрылъ ковчежець съ предполагаемою святынею и нашелъ его пустымъ и т. д. и т. д. (Rozet, chap. XXXVI). Въ виду такихъ образчиковъ монашеской изобрѣтательности и предприимчивости въ дѣлѣ наживы, организованная во всѣхъ монастыряхъ на широкую ногу торговля четками, наплечниками, образками, медалями, освященными сумочками, поясами и тому подобными предметами, а также монастырское производство на продажу такихъ несвященныхъ продуктовъ, какъ разные элексиры, дамскіе духи, варенье, бакалейные и аптекарскіе товары, спиртные ликеры и настойки и такъ далѣе въ томъ-же родѣ, — все это намъ покажется уже дѣломъ совершенно невиннымъ. О широкихъ коммерческихъ предпріятіяхъ и спекуляціяхъ «преподобныхъ» и иныхъ отцевъ, какъ о вещахъ, давнымъ давно всѣмъ извѣстныхъ, распространяться здѣсь излишне; для нашей цѣли совершенно достаточно будетъ только вскользь упомянуть о знаменитомъ дѣлѣ іезуита Лавалетто (въ половинѣ XVIII вѣка), при разборѣ котораго въ марсельскомъ судѣ впервые была обнаружена та громадная роль, которую люди, давшіе обѣтъ отреченія отъ благъ міра сего, играютъ во всемірной торговлѣ.

И такъ, вотъ какими, во всякомъ случаѣ неподобающими священному сану, приемами и средствами обогащалось духовенство, собравшее въ своихъ рукахъ имущество на чудовищно-громадную сумму восьми миллиардовъ.

Мы видѣли происхожденіе церковныхъ богатствъ; посмотримъ-же теперь, какъ распредѣлялись эти богатства въ средѣ духовенства, какое употребленіе это послѣднее дѣлало изъ нихъ и насколько служило ими государству и обществу.

III.

При старомъ режимѣ король, по вонкордату 1516 года, являлся главнымъ распредѣлителемъ церковныхъ имуществъ и доходовъ. Распредѣленіемъ этимъ онъ занимался при посредствѣ specialнаго распорядительнаго органа—*ministère de la feuille*, во главѣ котораго всегда стояла та или другая креатура двора. Въ 1789 году ненавистный для низшаго духовенства *feuille des bénéfices* находился въ рукахъ Марбева, архіепископа ліонскаго.

Опираясь на тотъ, дѣйствительно несомнѣнный, фактъ, что всѣ церковныя имущества приобрѣтены были въ былое время главнымъ образомъ представителями духовной аристократіи, упомянутое *ministère de la feuille* предоставляло исключительно одной знати не только наиболѣе выдающіяся и почетныя мѣста въ церковной іерархіи, но и всѣ, даже самые незначительныя, доходы, совокупность которыхъ давала возможность счастливымъ избранникамъ судьбы или, вѣрнѣе, короля округлять ихъ, и безъ того уже круглыя и крупныя, состоянія. У претендента на ту или другую церковную синекуру или бенефицію, на тотъ или другой титулъ и сопряженные съ нимъ доходы и преимущества никогда не спрашивалось объ его заслугахъ или нравственныхъ правахъ. «Ваше происхожденіе? Кто ваши предки? Какъ древень вашъ родъ?»— вотъ только на какіе вопросы требовалось дать удовлетворительный отвѣтъ, чтобы достигъ почестей и обладанія земными благами.

Жалованныя бенефиціи были двоякаго рода,—одна съ обязательствомъ, — фактивнымъ, конечно, — пасти духовныхъ овецъ (*à charge d'âmes*), другія безъ этого обязательства, такъ называемыя *комменда* *). Для занятія послѣднихъ достаточно было быть только дворяниномъ, принадлежать къ родовой знати; для полученія-же первыхъ требовалось, кромѣ того, окончить курсъ въ семинаріи и, въ случаѣ нужды, умѣть отслужить мессу. Посвящен-

*) Подъ словомъ *commende* въ старофранцузскомъ правѣ разумѣлось имущество или владѣніе, отданное кому-нибудь на храненіе. Владѣльцемъ комменды (*commendataire*), не налагавшей никакихъ обязанностей, могъ быть епископъ, кавалеръ мальтійскаго ордена и вообще всякій привилегированный носитель тонауры. Получить въ коммендное пользованіе монастырь или аббатство могло лицо, совсѣмъ и не принадлежавшее къ монашескому сословію.

нымъ въ епископы можно было быть по достиженіи двадцатисемилѣтняго возраста; исправлялъ посвящаемый раньше хоть какую-нибудь святительскую обязанность или нѣтъ,—въ расчетъ это совершенно не принималось. Достигнувъ двадцати-пяти лѣтъ и принявъ на себя нехитрое обязательство собирать приношенія вѣрующихъ и участвовать въ богослуженіи въ дни большихъ праздниковъ, благородный отпрыскъ дворянскаго рода могъ сдѣлаться аббатомъ или пріоромъ монастыря, «главнымъ священникомъ» (*curé primitif*) или «великимъ десятиникомъ» (*gros décimateur*) и получить вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное право пользоваться доходами съ недвижимыхъ имуществъ и почти всею десятиною прихода. Имѣя тѣ-же двадцать-пять лѣтъ, но уже не принимая на себя никакихъ духовныхъ обязанностей, можно было обратиться въ комменднаго аббата; четырнадцатилѣтній возрастъ давалъ возможность стать кафедральнымъ, а десятилѣтній—коллегіальнымъ каноникомъ; благодаря стараніямъ могущественнаго дядюшки или красивой маменьки, титулъ и доходы капеллана преподносились даже семилѣтнимъ ребятамъ!.. Знать занимала всѣ архіепископскія и всѣ, за исключеніемъ только пяти, епископскія мѣста; ей принадлежали 19 благородныхъ мужскихъ и 25 такихъ-же женскихъ капитуловъ, болѣе 260 командорствъ мальтійскаго ордена, доставлявшихъ 1.650.000 ливровъ годового дохода съ имуществъ, предназначавшихся въ былое время на освобожденіе Св. Земли... Всѣ женскія аббатства, приносящія болѣе 20,000 ливровъ дохода, заняты были аббатиссами изъ аристократическихъ родовъ; титулами и доходами 83 мужскихъ аббатствъ располагали придворные священники и капелланы, наставники и чтецы короля, королевы, принцевъ и принцессъ. Одинъ изъ такихъ баловней судьбы, аббать Вермонъ, получалъ съ бенефицій, въ видѣ прибавки къ своему жалованью, 80,000 ливровъ ежегоднаго дохода!.. Въ заключеніе замѣтимъ, что *ministère de la feuille* имѣло въ своемъ распоряженіи и раздавало людямъ, родившимся въ сорочкѣ, болѣе 20,000 духовныхъ синекуръ и что въ рукахъ аристократическаго духовенства оказывалось, благодаря этому, значительно больше половины всего имущества и доходовъ церкви!..

Для того, чтобы нелѣпность распредѣленія церковныхъ богатствъ при этомъ режимѣ выступила передъ читателемъ во всемъ своемъ безобразіи, мы приведемъ здѣсь кое-какія поучительныя подробности. 39 монаховъ премонтранскаго ордена, по ихъ собственной оцѣнкѣ, имѣли на 45 милліоновъ недвижимой собственности, которая приносила имъ болѣе милліона годового дохода. Тулузскіе доминиканцы, въ числѣ 236 чел., сами заявляли, что имѣютъ болѣе 208,000 ливровъ чистаго дохода, не считая тутъ

доходовъ съ ихъ колониальныхъ владѣній, съ неграми и другими
 людьми (!), стоимостью во много милліоновъ. Бенедиктинцы въ
 Энонн, въ числѣ 298 чел., получали 1.800,000, а въ Сень-Морѣ—
 472,000 ливровъ ренты; общій-же ихъ доходъ простирался до
 семи милліоновъ; на долю одного только бенедиктинскаго аббата
 въ Клерво приходилось отъ 3 до 400,000 ливровъ ренты... Въ
 Камбрези, изъ общаго числа дѣйствовавшихъ плуговъ (1700), выс-
 шее духовенство владѣло 1,400; въ Эно и Артуа ему принадле-
 жало болѣе ^{1/4}, а въ Руссильонѣ, Эльзасѣ и Франшъ-Конте бо-
 лѣе ^{1/3} всей земли; въ послѣдней изъ упомянутыхъ провинцій
 одинъ сень-кюдскій благородный капитулъ насчитывалъ на своихъ
 земляхъ болѣе 20,000 крѣпостныхъ... По *«Almanach royal»* за 1788 г.,
 доходъ 131 епископа и архіепископа простирался, въ общей слож-
 ности, до 5.600,000 ливр.;—это по официальному вычисленію, въ дѣй-
 ствительности-же по крайней мѣрѣ вдвое больше; такимъ образ.,
 на каждую епископскую душу приходилось до 50,000 или вѣрнѣе
 до 100,000 ливровъ. Эту послѣднюю цифру подтверждаетъ въ сво-
 ихъ *«Мемуарахъ»* и Феррьеръ, прибавляющій, что нѣкоторые изъ
 высокопоставленныхъ прелатовъ получали «200, 300 и даже до
 800,000 ливровъ». Не говоря уже о такихъ большихъ центрахъ,
 какъ Тулуза, Парижъ, Руанъ, Мецъ и т. д., — самые маленькіе
 провинціальныя города, въ округахъ которыхъ не насчитывалось
 200, 100, а иногда даже и 50 приходоу, имѣли епископовъ, по-
 лучавшихъ отъ 25 до 70,000 ливровъ или по 75—210,000 на
 деньги нашего времени. Чѣмъ больше были сами-по-себѣ епископ-
 скіе доходы, чѣмъ богаче былъ тотъ или другой прелатъ, тѣмъ,—
 по слову св. писанія: «имущему дастся»,—богаче были и аббат-
 ства, которыми онъ пользовался подъ видомъ коммента. Такъ,
 Жираръ, епископъ реннскій, получалъ такимъ образомъ добавоч-
 ныхъ 40,000 ливровъ; Марбефъ, архіепископъ ліонскій, 50,000;
 Люинъ, архіепископъ санскій, 82,000; Берни, альбійскій, 100,000;
 Даллонъ, нарбонскій, 120,000; Ларошфуко, руанскій, 130,000 лив-
 ровъ, и т. д. Извѣстный кардиналъ де-Бріеннъ, кромѣ своего ми-
 нистерскаго жалованья, имѣлъ дохода со своихъ бенефицій 678,000
 ливровъ; одна только рубка лѣса въ одномъ изъ его аббатствъ
 давала въ 1788 году болѣе милліона ливровъ!.. Но, по своему
 богатству, онъ занималъ только второе мѣсто среди французскихъ
 прелатовъ; первое принадлежало архіепископу страсбургскому, Ро-
 гану, которому зависѣвшія отъ него аббатства доставляли не 60,000,
 какъ сказано въ *«Almanach royal»*, а 400,000 ливровъ.

Такимъ чудовищнымъ богатствамъ и доходамъ вполне соотвѣт-
 ствовала и роскошь жизни высшаго духовенства. Вотъ, напр., пе-
 редъ нами пышное аббатство Клерво; глава его, донъ-Рокуръ, че-

ловѣкъ «очень вѣжливый и любезный съ мужчинами, но еще болѣе галантный съ дамами», держать у себя настоящій дворъ; онъ никогда не выѣзжаетъ иначе, какъ на четвергѣ лошадей, съ берейторомъ впереди... Настоятельница Картезианскаго монастыря Валь-Сень-Пьеръ обитаетъ въ роскошномъ дворцѣ, расположенномъ среди огромнаго и богатѣйшаго помѣстья... Аббатисса въ Ремиремондѣ владѣеть, на правахъ собственности, необъятными помѣстьями и ведетъ совершенно царскій образъ жизни: она носить золотой посохъ, въ церкви садится подъ бархатнымъ балдахиномъ, а въ нѣкоторые опредѣленные дни года самолично творить судъ и расправу; ѣздитъ она всегда въ коляскѣ, запряженной шестерью лошадей; послѣ ея смерти въ ста церквахъ, состоявшихъ подъ ея патронажемъ, торжественный похоронный звонъ раздается въ теченіи двадцатичетырехъ дней... Что-же касается до высшихъ представителей блага духовенства, то жили они еще болѣе пышно и роскошно. Каждое епископство представляло собою не что иное, какъ дворъ, съ настоящимъ царькомъ во главѣ. Тридцать-два прелата имѣли власть свѣтскихъ сеньеровъ надъ городами, округами, а иногда даже и надъ цѣлыми провинціями. Такъ, феодальная башня епископства сенъ-клюдскаго господствуетъ надъ всею Юрою; епископъ кагорскій есть въ то-же время и графъ Кагора; если ему приходится священнодѣйствовать въ торжественные дни, то онъ складываетъ на алтарь свою каску, кирасу, наручни и шпагу... Епископъ мандскій, сеньеръ округа Жеводанъ, оказывается настоящимъ царемъ въ своемъ діоцезѣ. Архіепископъ камбрейскій, въ качествѣ герцога, царитъ надъ всею провинціею Камбреза, въ которой насчитывалось 75,000 жителей; отъ него зависитъ назначеніе городскихъ головъ и почти всей администраціи, онъ предсѣдательствуетъ въ провинціальномъ собраніи и въ постоянномъ административномъ бюро, — короче, мало чѣмъ отличается отъ владѣтельной особы. Рядомъ съ нимъ, въ провинціи Эно, глава аббатства Сенъ-Аманъ владѣеть ^{7/8} всей территоріи округа, получаетъ всѣ сеньеріальныя ренты, барщину и десятину, назначаетъ судей и головъ, — однимъ словомъ является настоящимъ главою государства въ государствѣ. Въ Севернѣ Роганы, кардиналы и наслѣдственные епископы Страсбурга, по образу жизни, ни въ чемъ не уступаютъ крупнымъ владѣтельнымъ особамъ. Езъ замкъ ихъ насчитывается 700 кроватей, 180 лошадей, 14 метръ-д'отелей, 25 главныхъ лакеевъ, кромѣ цѣлой арміи мелкой дворцовой челяди: въ немъ могутъ свободно и комфортабельно расположиться неменѣе 200 гостей за-разъ. Каждый день тамъ можно бывало встрѣтить «отъ двадцати до тридцати самыхъ прелестныхъ и обворожительныхъ женщинъ провинціи», еъ которымъ

очень часто присоединяются великосвѣтскія дамы Версаля и Парижа. Каждый вечеръ, въ девять часовъ, весь этотъ beau-monde ужинаетъ подъ предѣдательствомъ самого кардинала, только-что принявшаго молочную ванну, облеченнаго въ великолѣпныя одежды и съ изысканною любезностію расточающаго своимъ гостямъ, вмѣсто благословеній, обворожительныя улыбки. Неизмѣннымъ девизомъ его высокопреосвященства было: «свобода, снисходительность». Въ своихъ владѣніяхъ онъ сплошь и рядомъ устраивалъ чисто царскія охоты; сотни крестьянъ сгонялись дѣлать облаву на звѣря, а приглашенные гости обоого пола размѣщались на постахъ. «Чтобы дамамъ не было при этомъ слишкомъ скучно, къ услугамъ ихъ предоставлялись кавалеры, наименѣе имъ противныя; а такъ какъ до сигнала никто не имѣлъ права трогаться съ мѣста, то охотничьимъ парамъ совѣмъ не угрожала опасность «быть захваченными врасплохъ». Послѣ полудня вся веселая компанія, все съ тѣмъ-же высокопреосвященствомъ во главѣ, собиралась гдѣ-нибудь на берегу ручья или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ и приступала къ роскошному обѣденному пиршеству. Къ вечеру — возвращеніе во дворецъ, всевозможныя увеселенія, танцы, музыка. Глубокою ночью всѣ расходились по отведеннымъ покоямъ. Случалось при этомъ, что покоевъ не хватало; тогда кардиналъ, со свойственною ему находчивостію и «снисходительностію», размѣщалъ на ночь кавалеровъ попарно съ дамами, и, какъ разсказываютъ хроникеры, никакихъ неудобствъ отъ этого ни для кого не возникало, никто не протестовалъ, а напротивъ всѣ оставались какъ нельзя болѣе довольными.

Образъ жизни и нравы, царившіе въ архіепископскомъ дворцѣ Рогановъ, вовсе не представляли собою чего-либо исключительнаго; такъ-же или почти такъ-же жила и вся духовная аристократія. Для примѣра укажемъ на архіепископа Диллона, славившагося своею крайне «свободною», роскошною и расточительною жизнію, на которую не хватало всѣхъ его громадныхъ доходовъ. — «Ваше высокопреосвященство, сказалъ ему однажды Людовикъ XVI, — говорятъ, что у васъ есть долги, и даже большіе...» — «Государь, отвѣтилъ на это прелать съ ироніею знатнаго сеньера, — я освѣдомлюсь объ этомъ у моего интенданта и тогда буду имѣть честь доложить вашему величеству...» Въ Грансельвѣ празднигъ св. Бернара праздновался цѣлыхъ двѣ недѣли, въ теченіи которыхъ охота, танцы, театральныя представленія не прекращались. Часть аббатства, предназначенная для помѣщенія приглашенныхъ дамъ, «была снабжена рѣшительно всѣмъ, что только нужно было для туалета»; злые языки утверждаютъ даже, что «дамамъ не было нужды приводить съ собою и своихъ кавалеровъ».

леровъ», роль которыхъ съ большимъ умѣньемъ разыгрывали опытные въ мірскихъ дѣлахъ отцы-бернардинцы. Жизнь этихъ послѣднихъ была нескончаемымъ праздникомъ; по словамъ аббата Монгальера, «они рисковали развѣ только разстройствомъ пищеваренія да апоплексією въ дамскихъ объятіяхъ...» Епископскій дворецъ въ Мансѣ получилъ широкую извѣстность, благодаря постоянному пребыванію тамъ красивыхъ женщинъ, помогавшихъ «очень весело» коротать время... Канзые, епископъ арасскій, будучи пойманъ въ ночное время въ апартаментѣхъ одной прелестной грѣшницы 'ея постояннымъ любовникомъ, гвардейскимъ офицеромъ, дерется съ этимъ послѣднимъ на дуэли, предварительно переодевшись въ свѣтскій костюмъ... Съ такими-же похождениями связана память и о главѣ аббатства Saint-Germain des-Prés, Клермонѣ, въ домѣ котораго открыто царил оперная танцовщица, мадемуазель Ледюкъ. Даже въ такомъ большомъ городѣ, какъ Бордо, на большихъ приемахъ у архіепископа Шампіона де-Сисе, роль хозяйки разыгрывала молодая и прелестная любовница послѣдняго... «Въ женскомъ капитулѣ Оттмарсгеймъ, въ Эльзасѣ, идутъ нескончаемые танцы, рассказываетъ Тень. Въ капитулѣ Аликсъ, близъ Ліона, канониссы отправляются въ церковь въ панье, одѣтыя какъ свѣтскія дамы, съ тою только разницею, что платье ихъ сдѣлано изъ чернаго шелка, а мантія подбиты горностаемъ... Канониссы Лутра, близъ Сарлуи, обѣдаютъ съ офицерами; и далеко не отличаются цѣломудріемъ...» На вечерѣ у министра Трюдена четыре епископа, съ нескрываемымъ восторгомъ, смотрятъ пьесу Колле—«*Accidents ou les Abbés*», которую самъ, —очень фривольный,—авторъ не рѣшился даже печатать: до такой степени она имѣла пранный характеръ... Жоржъ Зандъ рассказываетъ, что въ бумагахъ своей бабушки она нашла множество стихотвореній, до такой степени непристойныхъ, что она не могла дочитывать ихъ до конца, а между тѣмъ очень многіе изъ нихъ были написаны рукою извѣстныхъ аббатовъ...

По вышеприведеннымъ образчикамъ нравовъ, читатель можетъ уже и самъ догадаться, насколько религіозны были представители высшаго аристократическаго духовенства. Охоты, пиры, вино, танцы, «апоплексія въ дамскихъ объятіяхъ», обѣды и шалости монахинь съ офицерами и тому подобныя вещи плохо вяжутся съ представленіемъ о религіозности. И дѣйствительно, всѣ эти архіепископы и епископы, аббаты и аббатиссы, великіе викаріи, каноники и канониссы были людьми вполне невѣрующими. Донъ Колинъонъ, достопочтенный аббатъ въ Метлахѣ, обѣдавшій не иначе, какъ въ компаніи двухъ любовницъ, публично говорилъ о религіи, какъ объ общественномъ установленіи, предназначенномъ

для нравственнаго обузданія черни... Когда всемогущій Марбевъ, послѣ смерти Бомона, выставилъ Бриенна кандидатомъ на архіепископство въ столицѣ, то Людовикъ XVI нашелся вынужденнымъ возразить ему: «нужно было-бы по крайней мѣрѣ, чтобъ архіепископъ парижской, хоть въ Бога-то вѣрилъ!..» Однѣ изъ парижскихъ прелатовъ, на предложенный ему вопросъ о томъ, много-ли, по его мнѣнію, вѣрующихъ среди епископовъ, такъ часто указывающихъ другимъ на религію, откровенно отвѣтилъ: «едвали найдется больше четырехъ-пяти человѣкъ...» — «Священникъ, говоритъ Шамфоръ, — долженъ вѣрить хоть немного, — иначе его считаютъ лицебромъ; но онъ долженъ, въ то-же время, остерегаться слишкомъ усердно обнаруживать свои вѣрованія, — въ противномъ случаѣ, онъ рискуетъ заслужить репутацію человѣка нетерпимаго... Зато великій викарій можетъ улыбаться, выслушивая непочтительный отзывъ о религіи, а епископъ посмѣяться уже и совсѣмъ громко; кардиналу-же почти обязательно вставить при этомъ и свое насмѣшливое словцо...» Это остроумное замѣчаніе современника лучше всякихъ частныхъ примѣровъ дорисовываетъ намъ нравственную физиономію аристократическихъ «пастырей душъ» того времени... *)

Такъ жило высшее духовенство при старомъ режимѣ, такъ пользовалось оно богатствами церкви, своимъ исключительнымъ положеніемъ, своими широкими правами. Никакихъ обязанностей для него не существовало, или, вѣрнѣе, оно ихъ не признавало. Пользуясь всѣми привилегіями и правами феодальныхъ сеньеровъ, собирая въ свою пользу десятину и всевозможные другіе налоги и сборы, располагая барщиною и въ то-же время будучи почти совершенно свободно отъ какихъ-бы то ни было повинностей, — оно, это духовенство, систематически уклонялось отъ выполненія первѣйшей гражданской обязанности — поддерживать своими средствами государство. На нужды этого государства народъ, по его мнѣнію, долженъ давать деньги, дворянство — кровъ, а духовенство только молитвы. Вѣрное этому правилу, на жертвы оно шло только въ томъ случаѣ, когда ему нужно было добиться отъ власти той или другой новой привилегіи, того или другого новаго права, или-же вынудить правительство выступить на путь репрессивной политики по отношенію къ протестантамъ. Такъ, путемъ увеличенія «добровольнаго дара», оно добилось отмѣны параграфа за параграфомъ всего Нантскаго эдикта; такъ, путемъ единовременной прибавки къ тому-же «да-

*) Подробности объ образѣ жизни высшаго духовенства заимствованы нами у Chassin, Taine, Mathieu, L. Blanc.

„Дѣло“ № 4, 1883 г. I.

ру» двухъ или трехъ милліоновъ оно, почти до самой революціи, не переставало обрушивать на головы «еретиковъ» правительственныя преслѣдованія. Да и самый этотъ пресловутый «даръ» былъ, въ сущности, совершенно ничтоженъ, причемъ еще величина его постоянно уменьшалась изъ году въ годъ: въ 1788 году онъ равнялся всего 1.800,000 ливровъ, а въ 1789 году духовенство и совсѣмъ отказало въ немъ королю, — это въ тотъ самый годъ, когда для спасенія государства отъ неминуемаго банкротства необходимы были крайнія усилія и жертвы со стороны всѣхъ имущихъ элементовъ общества!..

Постоянно занятое преслѣдованіемъ своихъ эгоистическихъ цѣлей, остаивавшее всегда только свои узко-сословные интересы, духовенство вполне negliжировало своими обязанностями и по отношенію къ зависѣвшей отъ него и обогащавшей его казну паствы. Абсентеизмъ былъ общимъ явленіемъ въ средѣ духовенства; прелаты и ихъ викаріи почти постоянно жили или при дворѣ, или въ большихъ городахъ, въ епархіи-же свои заглядывали только изрѣдка, да и то на самое короткое время... Каноническое правило, по которому четверть церковныхъ доходовъ принадлежала бѣднымъ, было въ полнѣйшемъ забвеніи; за весьма рѣдкими исключеніями, владѣльцы духовныхъ бенефицій истрачивали на себя всѣ свои доходы, ничего не оставляя на нужды приходовъ... Коллежи, школы, больницы, приюты, получавшіе субсидіи отъ государственной или провинціальной казны и состоявшіе въ вѣдѣніи духовенства, находились въ самомъ плачевномъ положеніи... Дѣло воспитанія юношества, дѣло милосердія и помощи бѣднымъ, служившее въ былое время предлогомъ для обогащенія церкви, всецѣло оставлено было на произволъ судьбы... Какимъ бездушіемъ отличались аристократическіе представители духовенства въ то время, когда народъ буквально умиралъ съ голода, это, между прочимъ, прекрасно видно изъ слѣдующихъ примѣровъ, заимствуемыхъ нами у Шассена. «Послѣ смерти кардинала Субиза оказалось три милліона золотомъ, а между тѣмъ при жизни своей кардиналъ этотъ не пожертвовалъ бѣднымъ ни одного су!» «Въ моемъ приходѣ, — писалъ въ началѣ 1789 г. одинъ изъ беррійскихъ кюре, — есть шесть бенефицій, постоянно отсутствующіе владѣльцы которыхъ получаютъ болѣе 9,000 ливровъ. Въ виду ужасающихъ бѣдствій народа, я неоднократно умолялъ этихъ владѣльцевъ придти на помощь страждущимъ. Отъ одного изъ нихъ я получилъ всего два лундора; остальные-же не нашли нужнымъ даже и отвѣтить мнѣ...» «Во многихъ приходяхъ тулузскаго округа бенедиктинцы пользуются половиною взимаемой десятины, а между тѣмъ на бѣдныхъ даютъ не болѣе 10 ливровъ въ годъ... Архіепископъ,

великій десятинный провинціи, на тотъ-же предметъ удѣляетъ всего только 8 ливровъ... Въ Артуа было повсемѣстнымъ и неизмѣннымъ правиломъ, что владѣющій бенефиціею совсѣмъ не даетъ милостыни...» (р. 47—48). И такъ по всей Франціи. Были, конечно, и счастливыя исключенія, но они тонули, какъ капля въ морѣ...

IV.

Въ то время, какъ привилегированный и титулованный представитель высшаго духовенства, захватившій въ свои руки львиную долю изъ церковныхъ богатствъ и доходовъ, вволю наслаждался всѣми земными благами и весело, беззаботно, съ легкимъ сердцемъ прожилъ свою праздную, бесполезную жизнь при дворѣ или въ своей пышной резиденціи,—истинный пастырь душъ, бѣдный, приниженный, всѣми призираемый приходскій священникъ еле-еле влачилъ свое жалкое существованіе.

Число приходскихъ священниковъ или кюре, съ ихъ викаріями, «ректорами» или помощниками, какъ уже было замѣчено въ одной изъ предыдущихъ главъ, простиралось до 60,000. Общая сумма всѣхъ ихъ полученныхъ и доходовъ, по вычислениямъ Неккера, никоимъ образомъ не превосходила 40—45 милліоновъ; такимъ образомъ, на cadaго изъ этихъ скромныхъ служителей алтара приходилось, въ среднемъ счетѣ, отъ 670 до 750 ливровъ въ годъ. Если-же мы не примемъ въ общій расчетъ вновь присоединенныхъ французскихъ провинцій, въ числу которыхъ принадлежали тогда, между прочимъ, Эльзасъ и Лотарингія, и въ которыхъ положеніе низшаго духовенства было несомнѣнно лучше и обезпеченнѣе, чѣмъ въ остальной Франціи, и если затѣмъ откинемъ тѣ, правда, очень немногочисленные привилегированные приходы, въ которыхъ доходы священниковъ опредѣлялись весьма приличными суммами *), то вышеприведенная нами средняя цифра умалится еще болѣе.

Для того, чтобы получить приходъ, далеко не достаточно было быть природнымъ или натурализованнымъ французомъ, окончить курсъ въ семинаріи, съ двадцатидвухлѣтняго возраста служить въ качествѣ поддіакона или діакона и затѣмъ быть посвященнымъ въ священническій санъ. Всего этого оказывалось слишкомъ

*) Некоторые изъ этихъ приходовъ доставляли ихъ обладателямъ до 15,000 ливровъ въ годъ. Въ Парижѣ, кюре св. Сильвѣція и св. Евстахія получали по 10,000 ливровъ годового дохода. Въ провинціи Ко, обладавшей чрезвычайно производительною почвою, некоторые приходскіе священники живли въ своемъ распоряженіи всю десятину съ земли и, благодаря этому, располагали ежегоднымъ доходомъ до 20,000 ливровъ (Chassin, p. 58).

мало, если только искатель мѣста не давалъ себѣ труда обивать пороги у свѣтскаго или духовнаго патрона прихода, не умѣлъ расположить его въ свою пользу болѣе или менѣе крупною взяткою;—все это было въ порядкѣ вещей и нисколько не удивляло... Но разъ мѣсто, съ большимъ или меньшимъ трудомъ и пожертвованіями, было получено, — священникъ пользовался по крайней мѣрѣ привилегією несмѣняемости. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что привилегія эта, какъ и всѣ личныя права гражданъ, въ особенности такихъ маленькихъ какъ юре, въ большинствѣ случаевъ имѣла при старомъ режимѣ совершенно призрачный характеръ. Священнику, неугоднему епископу, свѣтскому сеньеру или кому либо изъ вліятельныхъ прихожанъ,—постоянно угрожала перспектива быть смѣщеннымъ, удаленнымъ съ мѣста, даже попасть въ тюрьму. Аббатъ Матье, въ своемъ сочиненіи—*«L'ancien régime en Lorraine et Barrois»*, рассказываетъ невѣроятную,—для современныхъ французовъ, конечно,—исторію объ одномъ юре, который, вслѣдствіе какого-то мелочнаго столкновенія съ епископомъ, по приказанію этого послѣдняго, былъ схваченъ, заключенъ на два года въ пріорствѣ Эриваль, затѣмъ взятъ оттуда и препровожденъ въ марсельскій смирительный домъ, гдѣ и былъ подвергнутъ жестокому тѣлесному наказанію (р. 119—123). Такія вещи совершались при помощи *«lettres de cachet»*, которыя въ изобиліи сыпались на низшее духовенство, между прочимъ, и по корыстнымъ разсчетамъ, такъ какъ епископъ пользовался всѣми доходами беззащитнаго юре.

Подавляющее большинство этихъ, несмѣняемыхъ *de jure*, но не *de facto*, приходскихъ священниковъ не пользовалось никакими бенефиціями и вынуждено было довольствоваться только своею жалкою *«portion congrue»*,—«приличною» или, — какъ обыкновенно выражались юре—публицисты 1789 года,—«неприличною» долею; отсюда и утвердившееся за ними, непереводаемое на русскій языкъ названіе *конгрюисты*. Эта *«portion congrue»* была ничѣмъ инымъ, какъ жалованьемъ, которое деньгами выдавалось священнику епископомъ или великимъ десятиникомъ и должно было, по королевскимъ законамъ и каноническимъ правиламъ, обеспечивать ему безбѣдное существованіе. На самомъ-же дѣлѣ, благодаря алчности и скарденности церковныхъ главъ, жалованье это было такъ ничтожно, что никакимъ обеспеченіемъ служить не могло. Почти вплоть до новаго режима оно во всѣхъ сельскихъ приходахъ равнялось 300 ливрамъ въ годъ и только въ 1786 году,—да и то не по инициативѣ титулованныхъ прелатовъ, а по королевскому декрету, вызванному, безконечными жалобами низшаго духовенства,

(что увеличено до 700 ливровъ для кюре и до 350 для ихъ викариевъ.

Кюре, впрочемъ, имѣли право выбирать между этою «portion congrue», представлявшею разъ навсегда опредѣленную сумму денегъ, и известною частью десятины, собиравшейся въ ихъ приходкахъ. Но отъ загибы первой второю, они выигрывали очень мало. Такъ какъ одновъ и тою-же церковною десятиною часто пользовались многие носители титуловъ и владѣльцы бенефицій, то десятинный приходской сборъ, благодаря этому, дробился до чрезвычайности, и на долю кюре приходилось изъ него только то, что оставалось по удовлетвореніи его болѣе счастливыхъ соперниковъ по раздѣлу. «Десятинная рига» (grange aux dimes), содержала иногда доли двадцати-четырехъ различныхъ десятиндиковъ!.. Даже въ самыхъ маленькихъ деревушкахъ десятина часто дѣлилась между пятью или шестью лицами (Chassin, p. 64). Понятно, что при такихъ порядкахъ, да въ тому-же при очень плохой производительности земли и почти повсемѣстной крайней бѣдности приходовъ, домъ священника менѣе всего походилъ на «полную шапу»... Нѣсколько иначе дѣло стояло въ новыхъ французскихъ провинціяхъ, гдѣ очень многіе кюре, помимо «portion congrue» или третьей части обычной десятины, имѣли въ своемъ распоряженіи еще болѣе или менѣе клочекъ земли, — которая обрабатывалась барщиною или сдавалась въ аренду, — и такимъ образомъ, въ общей сложности, получали болѣе или менѣе достаточныя средства для существованія. Но почти на всей остальной территоріи Франціи сельскіе священники оставались исключительно при одной «portion congrue», да и ея-то, — даже если она выплачивалась и регулярно, что вовсе не было общимъ правиломъ, — они пользовались далеко не сполна, такъ какъ и изъ этого-то нищенскаго содержанія высшее духовенство ухитрялось урывать весьма многое. По этому поводу одинъ изъ священниковъ, въ письмѣ къ Неккеру, жаловался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «папская канцелярія, грабительствующія и разоряющія насъ финансовыя компаніи, англичане въ Индіи, канныбалы и карибы на американскомъ континентѣ — оказываются несравненно менѣе алчными и хищными, чѣмъ тѣ длинношерстные звѣри, которые известны подъ именемъ великихъ десятиндиковъ (gros decimateurs — епископы, генеральные викарии, каноники, аббаты и т. д.) и которыхъ Жанъ Воденъ такъ заслуженно обозвалъ мошенниками и грабителями». (Ibidem, p. 65).

Изъ своей жалкой «portion» конгрюисты должны были выплачивать десятую часть или дециму (décime), т. е., свою долю того, что Церковь давала королю и папѣ. Ни подъ какимъ видомъ

не соглашались, ради уплаты «аннатовъ» и «добровольнаго дара», отчуждать что-бы то ни было изъ церковныхъ имуществъ или обременять платежами своихъ знатныхъ и богатыхъ членовъ, церковь или, вѣрнѣе, высшее духовенство прибѣгало къ займамъ, для погашенія которыхъ, а также для уплаты процентовъ по нимъ, и была учреждена децима, собиравшаяся со всего наличнаго духовенства. Нужно приэтомъ замѣтить, что, по словамъ одного публициста 1788 года, «добровольные дары» духовенства служили только предлогомъ для заключенія несоразмѣрно большихъ займовъ, одна часть которыхъ шла въ государственное казначейство, другая-же дѣвалась Богъ вѣдаетъ куда». Излишне, полагаемъ, и прибавлять, что какъ опредѣленіе величины этихъ займовъ, такъ и раскладка децимы между различными классами духовенства производилась безъ вѣдома и участія представителей духовенства низшаго. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется воиющая несправедливость въ распредѣленіи децимнаго налога, давившаго своею тяжестью главнымъ образомъ тѣхъ, кто, по своему положенію, имѣлъ наибольшее право быть изъятымъ отъ какихъ-бы то ни было поборовъ. Такъ, хотя общая сумма этого налога не превышала и двадцатой части дѣйствительныхъ доходовъ духовенства, но тѣмъ не менѣе изъ мизерныхъ полученій сельскихъ кюре въ громадномъ большинствѣ бралась, въ видѣ децимы, не двадцатая, какъ того слѣдовало-бы ожидать, а десятая часть!.. Зато, чѣмъ больше платили бѣдняки конгрюисты, тѣмъ меньше приходилось расходоватьсѣ владѣтелямъ богатыхъ бенефицій... «Картезіанци многихъ монастырей въ Бюжи облагались *всѣмъ вмѣстѣ* годовымъ взносомъ въ 400—500 ливровъ, между тѣмъ, какъ тамъ-же *каждымъ* изъ несчастныхъ кюре выплачивался налогъ въ 100 ливровъ». (Ib. p. 67). Въ другихъ мѣстахъ размѣръ децимы для священниковъ былъ еще больше, а именно: достигалъ до 120 ливровъ въ годъ. Прелаты-же и титулованные десятичники платили въ такой-же приблизительно пропорціи, какъ и только что упомянутые картезіанцы *), причемъ еще было въ обычаѣ посылать епископу, въ видѣ новогодняго подарка, квитанцію въ полученіи слѣдовавшей отъ него суммы налога. Такимъ образомъ, *de facto* епископы совсѣмъ освобождались отъ децимы, которая имъ дарилась; пополнять-же недоборъ, получавшійся вслѣдствіе «подарковъ», обязаны были тѣ-же конгрюисты, съ которыми при взысканіи налога совсѣмъ не церемонились: если кюре не платилъ его по первому требованію, то на должную имъ сумму насчитывалось

*) Известно, что большая часть каноникатовъ облагалась въ размѣрѣ $\frac{1}{100}$ изъ доходовъ, въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ децима составляла всего $\frac{1}{1000}$ дохода съ бенефицій!..

шесть процентовъ; если-же онъ не удовлетворялъ сборщиковъ и по второму приглашенію, то объявлялся ослушникомъ, а взыска-ніе съ него производилось тогда уже экзекуціоннымъ способомъ, причеиъ жертвъ экзекуціи каждый день обходился въ два ливра, изъ которыхъ одинъ шелъ въ пользу епископа, а другой въ пользу сборщика... Короче, децима въ конецъ раззоряла и безъ того уже еле влачившаго свое существованіе приходскаго священника и служила предлогомъ для наглаго, дневнаго грабежа неимущихъ членовъ церкви...

Помимо децимы, съ низшаго духовенства производилось еще много и другихъ поборовъ. Такъ, кюре обязательно должны были покупать въ епископской канцеляріи краткіе служебники, продававшіеся по 7—8 су за экземпляръ; такая продажа доставляла епископу 800—900 ливровъ годового дохода (Rozet, II, p. 168). Доставлять другіе предметы, необходимыя для приходскихъ священниковъ, какъ напр. требники, катехизисы, свѣчи, церковныя облаченія и т. д., было также привиллегіею епископа, который извлекалъ изъ нея немалую прибыль... Въ концѣ XVIII вѣка во многихъ епархіяхъ практиковалось еще, такъ называемое, «*droit de dépouille*». Въ силу этого права, жалкое имущество, остававшееся послѣ умершаго конгрюиста, обращалось въ пользу того-же епископа. Для того, чтобы имѣть возможность свободно завѣщать свою собственность родственникамъ или друзьямъ, священники иногда выкупали это «*droit*», выплачивая его преосвященству болѣе или менѣе значительную ренту; такъ, въ Родезѣ эта странная рента доходила до 200 франковъ (Chassin, p. 68)... Не имѣя возможности, по недостатку мѣста, распространяться здѣсь о другихъ, постоянныхъ и случайныхъ, поборахъ съ низшаго духовенства, замѣтимъ въ заключеніе, что нищій сельскій священникъ обязанъ былъ еще участвовать своими средствами,—виѣстѣ съ сеньеромъ или патрономъ прихода, десятинниками и сельскою общиною,—въ поддержаніи въ приличномъ видѣ и своей церкви. Такъ какъ ему, голодному, нечего было и помышлять о жертвахъ на украшеніе храма Божія, поименованные-же сейчасъ помощники его въ этомъ дѣлѣ, какъ того и слѣдовало ожидать, совершенно неглижировали своею обязанностію, то немудрено, что въ приходской церкви и священническомъ домѣ сплошь и рядомъ царяла мерзость запустѣнія; нерѣдко случалось, что новопривѣншій кюре не зналъ, гдѣ ему помѣститься, гдѣ служить мессу...

Понятно, что при такихъ условіяхъ,—со своими жалкими 700 ливрами, изъ которыхъ добрая доля, какъ мы видѣли, отнималась у него подѣ различными предлогами, — приходскій священникъ не только не былъ въ состояніи вести хоть сколько-нибудь

приличное своему сану существованіе, но не могъ даже и просто сводить концы съ концами; ему постоянно угрожала голодная смерть, чуть не въ буквальный смыслъ этого ужаснаго слова. Въ тяжкой борьбѣ за существованіе ему, лишенному какихъ-бы то ни было ресурсовъ, какой-бы то ни было поддержки, не оставалось ничего иного, какъ прибѣгать, въ свою очередь, къ поборамъ съ прихожанъ за совершаемыя имъ требы. Правда, на эти поборы онъ всегда смотрѣлъ какъ на дѣло противное вѣсь каноническимъ правиламъ, въ высокой степени безнравственное и унижающее его достоинство, но что-же ему было дѣлать?.. И вотъ, онъ заставлялъ платить себѣ за каждое церковное оглашеніе, за вѣнчаніе, за крестины, за причащеніе, за соборованіе, за погребеніе, за молебны, за каждую молитву, прочтенную имъ по требованію своей духовной овцы... «За все нужно было платить,—канонически замѣчаетъ аббатъ Вермонъ,—чуть не за каждое благословеніе, слово или шагъ священника!..»

Въ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ доходы отъ требъ были въ большинствѣ случаевъ весьма солидны, и положеніе городскихъ кюре, за небольшими исключеніями, представлялось вполне обеспеченнымъ. Но такихъ счастливицевъ въ компактной массѣ низшаго духовенства было чрезвычайно мало; подавляющее же большинство, сельскіе приходскіе священники, «благодаря невѣрью вѣка и бѣдственному времени, не получали доходовъ даже и за мессы...» (Chassin, p. 69). Среди бѣдствовавшаго населенія деревень злополучному служителю алтаря нечего было и помышлять о доборахъ деньгами, а приходилось вымогать натурой. Но можетъ-ли все это быть поставлено въ вину злополучному сельскому священнику, роковою необходимостью вынужденному отстаивать свое жалкое существованіе такими средствами?.. Конечно, нѣтъ, — отвѣчаетъ на это безпристрастная исторія, возлагающая всю отвѣтственность на головы тѣхъ, чья алчность и корыстолюбіе поставили представителей низшаго духовенства въ такое, но истиннѣ, невозможное положеніе.

Бѣдный, задавленный нуждою и лишениями, необезпеченный ни въ своихъ личныхъ правахъ, ни въ средствахъ къ существованію, низведенный до уровня какой-то общественной паріи, несчастный кюре со стороны своего духовнаго начальства не встрѣчалъ ничего, кромѣ гордаго, холоднаго презрѣнія... Въ епископскомъ дворцѣ, куда его приводило какое нибудь неотложное дѣло, онъ никогда не допускался далѣе передней, въ которой его заставляли дожидаться по цѣлымъ днямъ. Добиваться аудіенціи у его преосвященства удавалось, — да и то не иначе, какъ цѣлыми партіями, по три-четыре человѣка заразъ, — только тѣмъ изъ кюре.

«которые могли быть изъ благороднаго званія»; остальное-же «мужицье, обмочнутое въ чернила» *), — какъ съ барскимъ остроуміемъ называли прелаты своихъ сельскихъ собратій, — не удостоивалось даже и такой милости... О томъ, чтобы сѣсть за одинъ столъ со знатнымъ прелатомъ, кюре не дворянинъ никогда не могъ даже и мечтать... Когда епископъ возвращался изъ своихъ, — къ слову сказать, очень рѣдкихъ, — объѣздовъ епархіи, то, появляясь среди благороднаго общества, съ комическою серьезностію принимался отряхивать свое фіолетовое одѣяніе и шутовскимъ тономъ предупреждалъ окружающихъ: «messieurs, mesdames, ради Бога, не подходите ко мнѣ: отъ меня на цѣлую милю несетъ сельскимъ попомъ» (je rue le curé)... Немудрено, что при такихъ условіяхъ рѣчь священника, когда ему случалось подать голосъ, звучала безнадежнымъ отчаяніемъ, смѣшаннымъ со страстною злобою... «Мы, несчастные кюре-конгрюисты, о судьбѣ которыхъ воиютъ даже камни сельскихъ церквей и разваливающіяся стропила священническихъ домовъ, мы еще терпимъ всевозможныя униженія и отъ прелатовъ, которые сплошь и рядомъ таскаютъ насъ по судамъ за какую нибудь палку, срѣзанную въ ихъ лѣсу и служащую намъ единственною опорой въ нашихъ тяжелыхъ странствованіяхъ по приходу»... Такъ писалъ въ 1789 году одинъ изъ кюре, которымъ моментъ выборовъ въ генеральныя штаты далъ возможность публично излить накопившіяся въ ихъ сердцахъ чувства горечи и злобы. Но если такъ думали и чувствовали кюре, то что-же, спрашивается, должны были думать и чувствовать ихъ викаріи или помощники, которые стояли еще одною ступенью ниже, получали всего 350 ливровъ въ годъ и зачастую должны были, ради пропитанія, бродить по приходу и выпрашивать себѣ у поселянъ хлѣба и картофелю!...

И. Демисовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Намека на черную одежду.

ЗЛАЯ ВОЛЯ.

Повѣсть.

(Превращается Алевтинъ Алевтевичъ Крушевской).

... Нравственные дѣйствія людей суть не результатъ ихъ воли, но продуктъ предшествующихъ обстоятельствъ... Боже.

ГЛАВА I.

Землеѣрова семья.

Ихъ у родителей было только трое: Вѣра — самая старшая, Андриуша — худенькій малышъ съ огромной кудрявой головой и, наконецъ, Нина — подростокъ, въ то время еще едва видная отъ земли крошка, съ большими прозрачными глазами и вѣчно запачканнымъ улыбающимся ртомъ. Впрочемъ, года два тому назадъ, была еще у нихъ сестренка Маша, но она не долго маялась на свѣтѣ — померла, и теперь всѣ ее уже забыли. Да и при жизни-то ее никто не жалѣлъ и не любилъ: такая она была пискунья и хвора. Ноги и руки длинныя, а животъ большой, — настоящій паукъ, и притомъ вѣчно орала, никому не давая покоя. Только, бывало, и слышно: «Господи, хоть-бы ты умерла поскорѣй, окаянная!.. Хоть-бы прибралъ тебя Господь поскорѣе, измучила всѣхъ, негодная!..» А Маша еще пуще надсѣдается — кричить, и до того, наконецъ, докричится, что вся посинѣетъ и захлебнется... Пробовали ее, по совѣту деревенской бабушки — Терентьевны, лечить, не разъ «перепекали», т. е. на нѣсколько минутъ сажали на лопатѣ въ только-что истопленную печь; возили неоднократно въ лѣсъ и протаскивали сквозь разщепленное дерево, — ничто не помогало. Умерла Маша. Снесли ее въ досчатомъ гробикѣ на кладбище подъ сирени, на послѣднiя

деньги сварили кутью съ изюмомъ, купили пару селедокъ и полштофъ водки на поминки—и затѣмъ забыли о ея недолгомъ существованіи. Такимъ образомъ ихъ осталось трое. Въ сущности имъ казалось, что и во всемъ мірѣ ихъ было только трое,—дотого были они заброшены и одиноки, дотого чужда и непривѣтлива была окружающая ихъ обстановка. А между тѣмъ, они не были ни безпріютными сиротами, ни горькими пріемышами. У нихъ тоже были свои «родныя липы», своя семья...

Но странная была это семья. Откуда она явилась въ здѣшнихъ мѣстахъ и почему именно поселилась въ селѣ Алмазовѣ—никому доподлинно было неизвѣстно. Знали только, что прибыла она издалека, что глава семьи—Никандръ Васильевичъ Новиковъ,—занимался землемѣрствомъ, и что, какъ пріѣхалъ онъ въ Алмазово, такъ запилъ горькую и не переставалъ пить всѣ восемь лѣтъ, которыя онъ прожилъ въ Алмазовѣ. Постояннаго мѣста у него не было, и онъ вѣчно находился въ разъѣздахъ, то по помѣщикамъ, то по купцамъ—ездѣ, гдѣ только происходило какое-либо недоразумѣніе «насчетъ земли» и гдѣ являлась нужда въ полюбовномъ размежеваніи. Временами, «за услуги», Никандру Васильевичу перепали порядочныя куши, но въ общей сложности доходовъ этихъ не хватало для прокормленія семьи, и она часто бѣдствовала и голодала. Когда-же, случалось, въ дѣлахъ по размежеванію наставало затишье, Никандръ Васильевичъ не брезгалъ и кляузами. Онъ ссорилъ крестьянъ съ помѣщиками, помѣщиковъ съ арендаторами, строчилъ жалобы, кассациі и апелляціи, таскался по судамъ,—и опять его по цѣлымъ мѣсямъ не видно дома, въ Алмазовѣ. Рѣдко-рѣдко пріѣдетъ на день, на два, да и то не на радость, потому-что все время или въ кабаѣ просидитъ, или лежитъ связанный въ амбарѣ, такъ какъ весьма былъ бунтъ во хмѣлю. Поэтому семья его, въ ожиданіи пріѣзда главы дома, всегда находилась въ трепетѣ и страхѣ, а ребятишки даже часто прятались по закутамъ и огородамъ, едва только слышатъ вдали звукъ колокольчика.

— Палаша ѣдетъ... опять пьяный-распьяный... въ ужасѣ шептали они другъ другу, притаившись гдѣ-нибудь въ конплѣ или подъ сараемъ. И ни гостинцами, ни угрозами

нельзя было выманить ихъ оттуда до тѣхъ поръ, пока мать или бабка не объявляли имъ, что «спить».

Мать ихъ, Софья Петровна, была женщина худощавая, робкая на видъ, но какъ-то странно озлобленная. Она рѣдко жаловалась на судьбу своимъ сосѣдкамъ—простымъ деревенскимъ бабамъ, никогда не горланила на дѣтей, на мужа, чтобы въ брани отвести душу, но когда, выведенная изъ терпѣнія, она принималась бить дѣтей, на нее страшно было смотрѣть. Она была ихъ съ ожесточеніемъ, съ какою-то тупою нечеловѣческой злобой, была до того, что у нея у самой руки покрывались синяками, и часто требовалось постороннее вмѣшательство, чтобы отнять у нея окровавленную, истерзанную жертву. Тогда она какъ-бы приходила въ себя и начинала рыдать, рыдать такъ отчаянно, такъ безумно, что страшно становилось, и даже избитые ребятишки переставали плакать въ своихъ углахъ, съ ужасомъ прислушиваясь къ отчаянному рыданью матери.

— Экой идолъ, прости Господи! ворчала на нее бабка Лукинишна, мать Никандра Васильевича, горластая, бранчивая, но добродушно-веселая старуха. — Готова она убить ребенка, окаянная, а теперь, вишь, сама реветъ... А отчего, спроси? Отъ злости...

По странной случайности, обѣ онѣ, т. е. старуха—Лукинишна и Софья Петровна,—обѣ онѣ тоже выпивали. И шибко выпивали, не хуже «самого». Когда это началось—опять-таки никто хорошенько не знаетъ, но, вѣроятно, очень давно, потому-что Вѣра еще въ пятилѣтнемъ возрастѣ уже бѣгала по порученію матери въ кабакъ за косушкой. Но вначалѣ это случалось, лишь изрѣдка и понемногу, и дѣти помнятъ, что въ такихъ случаяхъ мать ихъ становилась противъ обыкновенія весела, разговорлива и даже ласкала ихъ. Она цѣловала ихъ, сажала на колѣни, покупала имъ дешевые гостинцы и рассказывала сказки. Много знала она этихъ сказокъ, и одна другой лучше... Но особенно дѣти любили, когда Софья Петровна начинала пѣть имъ пѣсни. Пѣла она замѣчательно хорошо, и все больше пѣсни малороссійскія; дѣти хотя и не понимали словъ этихъ пѣсенъ, но глубоко въ душу западали имъ эти заунывные, надрывающіе сердце звуки. Сидятъ они, бывало, въ сумерки, на лавкѣ, прижавшись къ матери, а надъ ними, словно колокольчикъ серебря-

ный, звенить и переливается чудная мелодія незнакомой пѣсни. И тоскуетъ, и плачетъ эта пѣсня, и жалуется на что-то, и вдругъ разсыплѣтся въ вышинѣ, разольется въ скорбныхъ рыданіяхъ, и замретъ...

Боже-жъ мій, Боже, Боже мій милій,
За що ты карашь...

Иногда, случалось, голосъ Софьи Петровны обрывался на высокой нотѣ, и она, не докончивъ пѣсни, вскакивала, бросалась на постель и заливалась неудержимыми рыданьями... А Лукинишна принималась ворчать:

— О, Господи, пошла теперь... Вспомнила опять свою Хохландію...

Но Софья Петровна не слышала ея воркотни и ея увѣщаній. Въ страшной тоскѣ заламывала она свои руки и все рыдала, рыдала, тщетно стараясь отогнать отъ себя вызванный знакомыми звуками сіяющій образъ родной Украины въ ея роскошной зеленой одеждѣ, убранной макомъ и цвѣтами...

Лукинишна тѣмъ временемъ послала за водкой. Водка помогала. Жгучая тоска смѣнялась шумомъ въ головѣ; сверкающій призракъ, увѣчанный цвѣтами, блѣднѣлъ и ступивался предъ безпорядочными, дикими видѣньями, родившимися въ хмѣльныхъ парахъ, и Софья Петровна засыпала тяжелымъ сномъ пьянаго человѣка.

А на утро—головная боль, тошнота, слабость во всемъ тѣлѣ... Физическія страданія заглушали сердечную боль. Водка требовалась все чаще; все рѣже Софья Петровна пѣла свои пѣсни и, наконецъ, совсѣмъ перестала. Въ трезвомъ видѣ она была молчалива, угрюма, придиралась къ Лукинишнѣ, била дѣтей; напившись—прямо валилась на постель и сейчасъ-же засыпала.

Никандръ Васильевичъ, разумѣется, зналъ о слабости своей жены. Сначала онъ пробовалъ ее бить, не давалъ ей денегъ, но, убѣдившись въ полной бесполезности этихъ средствъ, махнулъ на нее рукой и сталъ только рѣже приѣзжать домой. Повременамъ онъ даже забывалъ, что у него есть семья, и всѣ свои случайные доходы пропивалъ въ увѣдѣ, такъ-что бывали дни, когда у Новиковыхъ во всемъ домѣ буквально не было крошки хлѣба. Бойкой и тароватой Лукинишнѣ не разъ случалось хаживать съ мѣшкомъ по селу...

Въ селѣ этому удивлялись, презирали ихъ, но все-таки выручали, потому-что Никандръ Васильевичъ былъ человѣкъ нужный,—прошенье-ли кому написать, планы-ли провѣрить, да и дѣтишекъ жалъ было...

— Не помирать-же имъ, говорили сосѣди. — Что они смыслятъ, малы еще, глупеньки.. При отцѣ, при матери, а ровно сироты растутъ. Голодные, холодные, ажъ тошнешенько смотрѣть...

И дѣйствительно, на «землемѣровыхъ ребятишекъ», какъ называли ихъ въ селѣ, жалъ было смотрѣть... Вѣчно голодные, оборванные, дикіе, они росли одиноко, безъ призора, точно звѣрки. Тѣсно сжились онѣ въ какомъ-то особомъ своемъ міркѣ, внѣ семьи, и жили особою жизнью. Никакой другой жизни они не знали. Правда, у Вѣры, какъ у самой старшей изъ всѣхъ, сохранилось какое-то смутное воспоминаніе о томъ, что прежде жили они не такъ, какъ теперь, но воспоминаніе это было такъ неопредѣленно, образы такъ туманны, что яснаго представленія объ этой иной жизни никакъ нельзя было составить. Смутно, словно въ туманѣ, Вѣра вспоминала какіе-то большіе дома, висящія въ воздухѣ золотыя главы церквей, толпу разряженнаго, шумящаго народа, громадную, свѣтлую, какъ серебро, рѣку, но дальше этого не шли ея воспоминанія, и все остальное тонуло въ безграничной, всеобъемлющей тьмѣ. Можетъ-быть, это было сновидѣніе—не больше; можетъ-быть, это были случайно видѣнные ею образы, почему-либо особенно глубоко запавшіе въ ея дѣтскій мозгъ и преувеличенные сильнымъ воображеніемъ; во всякомъ случаѣ, трудно рѣшить, гдѣ тутъ кончается сонъ и начинается правда. Съ лѣтами-же и эта случайно схваченная картина прошлаго постепенно сглаживалась и забывалась, уступая мѣсто новымъ впечатлѣніямъ. По крайней мѣрѣ, Вѣра начала помнить себя уже здѣсь, въ Алмазовѣ, среди удручающей нищеты, отчужденія, среди безобразныхъ сценъ отцовскаго пьянства, драки изъ-за кусочки, изъ-за хлѣба... Деревенская жизнь, въ свою очередь, также давала имъ массу своеобразныхъ впечатлѣній и, такимъ образомъ, первымъ воспитателемъ заброшенныхъ, одинокихъ дѣтей явился Воровской переулочъ, въ которомъ онѣ обитали съ самаго приѣзда въ Алмазово.

ГЛАВА II.

Воровской переулочъ.

Тамъ, гдѣ рѣка Хоперь, огибающая Алмазово, вдругъ дѣлаетъ крутой поворотъ и, сжатая со всѣхъ сторонъ высокимъ глинистымъ обрывомъ, стремительно убѣгаетъ въ угрюмую чащу дубоваго лѣса, въ этомъ мѣстѣ нѣсколько избъ отдѣлились отъ чинно вытянутаго въ струнку деревенскаго порядка и беспорядочно раскинулись надъ обрывомъ. Современемъ бабы, ходившія подъ обрывъ мыть бѣлье, и лошади, которыхъ водили сюда-же на водопой, протоптали между избами широкую тропку, сбѣгавшую по кручѣ прямо къ рѣкѣ. Такимъ образомъ, беспорядочная кучка избъ превратилась въ узенькую улицу, которую алмазовцы прозвали сначала Воровскимъ угломъ, а потомъ уже Воровскимъ переулкомъ. Прозвали Воровскимъ потому, что подъ этимъ обрывомъ конокрады часто прятали лошадей, да и теперь еще въ этомъ переулкѣ жилъ солдатъ Кошкинъ, завѣдомый воръ, уличенный въ конокрадствѣ. Позади избъ, по ребру обрыва, тянулись огороды и коноплянники, тѣснились косматыя скирды и чернѣли хозяйскія гумна съ расчищенными токами. Далѣе обрывъ спускался все ниже и ниже и, наконецъ, переходилъ въ широкий песчаный мысъ, далеко вдававшійся въ рѣку. Алмазовскіе ребята очень любили этотъ мысъ, и въ лѣтнее время съ утра до вечера тамъ слышны были ихъ веселые выкрики, смѣхъ и плесканье. Здѣсь рѣка разстилалась широко и привольно, радостно играя серебряными струями въ лучахъ полуденнаго солнца, и славно въ ней было купаться, чувствуя подъ ногами гладкое песчаное дно... За то подъ кручей она была мрачна и бурлива. Угрюмый камышъ таинственно шуршалъ надъ нею; густо разросшіеся тальники, черемуха и шиповникъ обступили ее со всѣхъ сторонъ, и ихъ змѣистыя корни, обвитые розовыми жилками водорослей, далеко протянулись въ глубину, словно стараясь сдерживать ея стремительное теченіе. По ночамъ здѣсь было страшно... Синіе огоньки Ивановыхъ червячковъ осыпали землю, листья внятно шептались, серебряныя капельки со звономъ падали съ листьевъ ветлы въ воду, словно чьи-то невѣдомыя слезы, а внизу, между корнями, глухо ворчала и бурлила рѣка... Вотъ что-то вздохнуло... застонало... Въ воздухѣ

пронесся неясный трепеть... и сердце охватывается острым ужасомъ, а кровь холодѣтъ въ жилахъ... Даже днемъ—и то какъ-то жутко становилось въ этой чащѣ. Поэтому никто никогда не заглядывалъ сюда,—одни только конокрады не боялись лѣшихъ и русалокъ, пряча здѣсь краденыхъ лошадей.

А съ другой стороны надъ Хопромъ чернѣлъ молчаливый лѣсъ и глядѣлись въ воду зеленые великаны, кивая кудрявыми головами. Съ обрыва видно было, какъ лѣсъ зеленою толпою уходилъ все дальше и дальше и, наконецъ, черной полосой сливался съ горизонтомъ.

Хорошо было на обрывѣ! Такъ-бы все и глядѣлъ на этотъ лѣсъ, на эту серебряную рѣку, на эту тропинку, сбѣгающую внизъ мимо камышей и черемухи... А оглянешься назадъ,— все село какъ на ладони. Высоко въ небѣ сверкаетъ церковный крестъ, тѣсно жмутся другъ къ другу растрепанныя крыши избъ, машутъ крыльями неуклюжія вѣтрянки. И все это кругомъ потонуло въ зелени. Глядишь — и не хочется оторваться.

Но обитателямъ Воровскаго переулка некогда было любоваться этой роскошной картиной, открывавшейся съ обрыва. Все это былъ народъ хлопотливый, трудящійся день и ночь, не покладающій рукъ на работѣ. Вотъ въ этой крошечной избенкѣ съ однимъ оконцемъ живетъ Филатъ, сердитый, молчаливый мужикъ съ громадной рыжей бородой. Вѣчно ходитъ онъ въ одномъ и томъ-же дырявомъ полушубкѣ, вѣчно на лицѣ его лежитъ одна тупая забота,—гдѣ-бы хлѣбца перехватить? По буднямъ онъ безъ отдыха работалъ, а по праздникамъ напивался пьянъ и колотилъ жену свою, Федосью, печальную, блѣдную бабу. Рядомъ съ нимъ жилъ знаменитый солдатъ Кошкинъ, маленькій, юркій человѣчекъ съ злымъ лицомъ и лукавыми глазками, никогда не смотрѣвшими на васъ прямо. У него была куча ребятъ, малъ-мала меньше, и красивая, статная жена, Авдотья, которую алмазовцы почему-то считали вѣдьмой. По крайней мѣрѣ, сосѣдка ихъ, вдова Анна, божилась всѣми святыми, что не разъ видѣла огненного змѣя, летавшаго въ кошкинскую трубу, а однажды ночью, выйдя на крыльцо, повстрѣчала даже цѣлую толпу «коловертъ», которыя будто-бы вылѣзали изъ-подъ кошкинскаго крыльца. Далѣе шель цѣлый рядъ такихъ-же сѣренькихъ избенокъ, въ которыхъ ютились такіе-же сѣрые, рабочіе люди въ изорванныхъ

зипунахъ, съ мозолистыми руками, съ загорѣлыми лицами, на которыхъ вѣчная нужда и забота проложила глубокия раннія морщины.

Изъ всей этой невзрачной сѣрой толпы растрепанныхъ избъ, тѣснившихся въ Воровскомъ переулкѣ, выдѣлялись только три избы особенно щеголеватымъ своимъ видомъ и относительно красотою постройки. Одна изъ нихъ была даже крыта тесомъ; у всѣхъ-же подъ-рядъ были чистенькія крылечки съ рѣзными перилами, раскрашенныя ставни, прочныя ворота и тому подобныя хозяйственныя приспособленія, ясно говорившія о сравнительной зажиточности хозяина. И все это выглядѣло прочно, сановито, съ достоинствомъ; все это было сдѣлано не кое-какъ, не на мѣдные гроши, а основательно, съ затратою сотенныхъ капиталовъ.

И дѣйствительно, избы эти принадлежали одному изъ самыхъ богатыхъ крестьянъ Алмазова, Никитѣ Емельяничу Ярыгину.

Самъ Ярыгинъ въ это время былъ уже дряхлымъ старикомъ, лѣтъ за сто, но вся огромная семья его, человекъ въ тридцать, еще не распалась на отдѣльныя хозяйства и держалась около старика. Кромѣ общаго надѣла, по положенію, Ярыгину владѣли еще «вѣчною» землею и, имѣя возможность каждый годъ дѣлать большіе посѣвы, богатѣли изъ года въ годъ все болѣе и болѣе, такъ что старшій сынъ, Иванъ Никитичъ, недавно открылъ въ Алмазовѣ кабакъ и при немъ мелочную лавочку. Торговля пошла шибко, и Ярыгины еще болѣе полѣзли въ гору. Въ Алмазовѣ говорили, что, гляди, Иванъ Никитичъ и въ купцы запишется, но Иванъ Никитичъ намѣреній своихъ высказывать не любилъ и только молча улыбался себѣ въ бороду, когда до него доходили эти слухи.

Вотъ въ одной изъ этихъ-то красивыхъ ярыгинскихъ избъ и пріютилась за пять рублей въ мѣсяцъ землемѣрова семья.

Сначала, первые годы по пріѣздѣ въ Алмазово, землемѣровой семьѣ жилось сравнительно легче. За квартиру они платили аккуратно, обѣдали каждый день, ребятишекъ одѣвали чистенько, а у Софьи Петровны водились даже шелковыя платья и серебряныя ложки. Очевидно, прежде Новиковы имѣли деньги, и алмазовцы очень интересовались узнать прошлое этой странной заѣзжей семьи. Но Никандръ Васильевичъ о прошломъ своемъ почему-то говорить не любилъ, Софья Пе-

тровна тоже нравъ имѣла несоробительный, а отъ старой Лукиничны и вовсе нельзя было добиться толку. Развѣ только въ хмѣльномъ видѣ разболтается и пустится въ воспоминаія.

— Мы прежде хорошо жили... говорила она послѣ двухъ-трехъ рюмочекъ.—Быль у насъ свой домъ... корова... Помѣщики насъ уважали... Мой Никандръ Васильевичъ-то не изъ кое-какихъ,—ученый! Княжескіе дворовые мы были, такъ самъ князь его и въ ученье отдавалъ... Добрѣйшій былъ баринъ, царство ему небесное... (Тутъ старуха набожно крестилась и начинала всхлипывать).—Потомъ, какъ померъ онъ, пошло все хуже да хуже... Домъ продали... Семь лѣтъ прожили въ хохлахъ,—чтобъ имъ пусто было, проклятымъ... Наша Софья Петровна-то тоже изъ хохлушекъ взята... Онъ-то у меня такой своеобразный, а тутъ выпивать началъ... Ни туда, ни сюда... Я это ему говорю: что-жъ ты, говорю, дѣлать-то будешь, ежели такъ? Поздрами мухъ ловить, что-ли? А онъ-то все молчить, все молчить... О, Господи, и горюшко мнѣ съ ними...

Старуха принималась плакать, и слушатели, ничего не понявъ изъ ея безсвязной рѣчи, расходились недовольные. Подъ конецъ же и спрашивать даже перестали... Однако, все таки, къ нимъ относились еще съ уваженіемъ, и даже гордый алмазовскій попъ, о. Квинтиліанъ, не разъ приглашалъ ихъ къ себѣ на вечеринки, гдѣ собиралась вся знать села Алмазова.

Это было еще въ тѣ счастливыя времена, когда серебряныя ложки не были проданы, а Софья Петровна по праздникамъ наряжалась въ шелковое платье. Потомъ дѣла круто перемѣнились... Никандръ Васильевичъ по цѣлымъ мѣсяцамъ сталъ пропадать въ уѣздѣ; Софья Петровна перестала пѣть свои малороссійскія пѣсни; серебряныя ложки исчезли; шелковые платья были проданы тому-же о. Квинтиліану, и землемѣрова семья погрузилась въ самую мрачную нищету. Прежніе друзья совсѣмъ о нихъ позабыли, а о. Квинтиліанъ, при встрѣчахъ, даже забывалъ иногда раскланяться и какъ-то неловко торопился, подбирая свою коричневую рясу...

Дѣти сохранили самое смутное воспоминаніе о прежнихъ, лучшихъ временахъ. Въ памяти ихъ вѣзались только отдѣльныя сцены,—да и то больше сцены невеселыя. Наѣзды пьянаго отца... брань и неистовые крики... заунывыя пѣсни матери, прерываемыя безумными рыданьями... сидѣнье въ поть-

малъ на теплой печи, подъ лепеть бабушки-Лукиничны, аккомпанируемый свирѣпымъ завываньемъ вьюги на дворѣ... Но все это не оставило замѣтнаго слѣда въ ихъ дѣтскихъ умахъ и скорѣе было похоже на давнишній сонъ, какъ тотъ блестящій городъ, который когда-то видѣла Вѣра. Ясное сознание всего окружающаго наступило гораздо позднѣе, какъ разъ тогда, когда Софя Петровна и бабка начали пропивать послѣдніе остатки своего скуднаго имущества, а дѣти по цѣлымъ днямъ сидѣли голодные, надрываясь отъ слезъ.

Плачутъ-плачутъ и, наконецъ, устанутъ. День жаркій; мать и бабка спятъ въ чуланѣ съ пустой косушкой въ головахъ; тѣни отъ избъ бѣгутъ все дальше и растягиваются во всю улицу. Мухи тоскливо жужжатъ по стѣнамъ и бьются въ закоптѣныя рамы. Воровской переулочекъ спитъ смертнымъ сномъ.

— Андрюшка, а, Андрюшка! шепчетъ вдругъ Вѣра, озираясь по сторонамъ.

— А? откликается Андрюшка, всхлипывая и стараясь въ то же время поймать на стеклѣ огромную муху съ прозрачными золотистыми крыльями.

— Знаешь что? еще тише продолжаетъ Вѣра. — Теперь всѣ спятъ... и дѣдушка Ярыгинскій, небось, спитъ... Ты вѣдь вѣсть хочешь?

— Хо-чу-у! протягиваетъ Андрюша, и лицо его опять сморщивается, а слезы градомъ льются по щекамъ.

— Да ты не реви! съ досадою дергаетъ его за рукавъ сестра. — Ты слушай...

— Ну? мычить Андрюша, размазывая слезы по лицу и шепотомъ принимаясь за муху.

— Пойдемъ на огородъ... нарвемъ луку... и убѣжимъ въ Соли я достану!

Андрюша перестаетъ всхлипывать. Муха оглушительно жужжитъ въ его рукахъ.

— Динку не возьмемъ, она маленькая, разсуждаетъ важно Вѣра. — Мы ей послѣ дадимъ. А тамъ на огородѣ и горохъ есть, я видѣла. Мы и гороху...

Она хватаетъ брата за руку. Онъ выпускаетъ муху изъ рукъ и оба исчезаютъ. Кругомъ воцаряется тишина, только муха продолжаетъ жужжать на стеклѣ, оправляя измятыя крылья и прихрамывая...

Ребятишки на огородѣ. Они со страхомъ озираются на

шалашъ, гдѣ въ лѣтнее время обитаетъ дѣдушка-Никита, и крадутся между грядками моркови, капусты и величавыхъ подсолнуховъ. Вотъ и лукъ...

— Рви скорѣе! командуетъ Вѣра, врипадая къ землѣ.

Андрюша хватается за сочные стебли, спѣшить, дергаетъ съ корнями, задыхается. А сердце такъ и стучитъ, такъ и замираетъ...

— Ахъ вы, паршивые... раздается надъ ними чей-то густой, сердитый голосъ.—Ахъ вы, каторжные! Вы что это по чужимъ огородамъ-то лазяете, а? Гляди-ко,—это они лукъ воровать... Сволочь несчастная, — оголодали... Поменьше-бы съ матерью за косушками-то бѣгали! А?..

Долго ругается старикъ-Ярыгинъ на испуганныхъ воришекъ. А вечеромъ порка...

— Погоди-жь ты, шепчетъ Вѣра ночью, ворочаясь на своей постели подлѣ давно заснувшего Андрюши.—Погоди, старый чортъ! Я тебѣ оплачу... Ужь луку какого-нибудь поганого ему жалко... Проклятые... Дьяволы...

Наконецъ дѣвочка, истощивъ весь запасъ всѣхъ извѣстныхъ ей ругательствъ, засыпаетъ на мокрой отъ слезъ подушкѣ. И ей снятся хорошіе сны... Дѣдушка-Ярыгинъ совершенно уничтоженъ... У нихъ въ избѣ тепло и свѣтло... на столѣ стоитъ самоваръ, и они пьютъ чай съ кренделями... Андрюша въ красной рубашкѣ, точь въ точь какъ у попава сына, а у самой Вѣры розовое ситцевое платьѣ съ оборками, и она не босикомъ, а въ прюнелевыхъ ботинкахъ съ каблуками...

Но на другой день дѣти совершенно забываютъ о вчерашней обидѣ и вполне предаются новымъ впечатлѣніямъ, новымъ ощущеніямъ...

Опять жаркій день, опять тишина въ Воровскомъ переулкѣ. Народъ въ полѣ; одни ребята шумятъ на рѣкѣ, и ихъ звонкіе голоса далеко разносятся по Хопру, сливаясь съ гоготаньемъ гусей и таинственнымъ шумомъ лѣса. Землемѣрови дѣти тоже похлебали сегодня невкусной «баланды» *), которую сварила имъ Лукинишна, и убѣжали на задворки. Хорошо тамъ! Внизу, подъ обрывомъ, блеститъ Хоперь; въ его зеленой глубинѣ играетъ и плещется веселая стая мелкихъ серебряныхъ рыбокъ. Лѣсъ дремлетъ. Въ воздухѣ носится опя-

*) Вареная лебеда съ квасомъ.

няющей запахъ цвѣтущей конопли и медовой травки. Кузнечики стрекочутъ въ травѣ, бѣлокрылый ряполовъ вьется въ синей глубинѣ далекаго неба.

— Давайте въ кашу играть! предлагаетъ Вѣра.

— Давайте, давайте... подхватываютъ Андрюша и Нина.

— Только вѣдь канаться надо... рѣшаетъ Вѣра.—Пршлый разъ я водила, теперь будемъ канаться. Становитесь!

Дѣти становятся въ рядъ, и Вѣра, ударяя каждому по очереди въ грудь, начинаетъ:

— Тая-бая, что подъ вами, подъ желѣзными столбами, тынчикъ-бынчикъ, самъ-король, шпшель-вышелъ, вонъ пошелъ...

Андрюша съ торжествующимъ видомъ выходитъ вонъ... Вдругъ какой-то неопредѣленный шумъ доносится до нихъ съ улицы... Постепенно шумъ переходитъ въ настоящій ревъ... Слышатся пронзительные вопли... ругательства... борьба... Дѣти бросаютъ игру и устремляются на улицу.

Воровской переулкомъ полонъ народомъ. Мужики, только что вернушіеся съ поля, бросаютъ нераспряженныхъ коней и бѣгутъ туда-же; бабы, на ходу поправляя сбившіеся на сторону повойники, выбѣгаютъ на крыльцо; ребята съ включенными мокрыми головами, старухи въ сукманахъ, парни на разсѣданныхъ лошадяхъ... и все это стремится къ избѣ солдата Кошкина, все это шумитъ, перекликается, волнуется... Стоянь стоитъ надъ взбунтовавшимся переулкомъ.

Вѣра съ Андрюшей протискиваются въ самую середину. Нина пищитъ, стиснутая со всѣхъ сторонъ толпою. Но ея плача не слышать...

— Что здѣсь подѣялось-то? Съ чего поднялись? слышатся вопросы.

— Матюшку Кошкина бьютъ... Кошкинъ у Анны лошадь свель... Обулъ въ лапти и свель...

— По дѣломъ вору и мука... Лиходѣй-парень, одно слово...

— Ой, родимые, да будетъ вамъ... Глеко-сь, народищу-то...

Первое время рѣшительно ничего нельзя разобрать въ этой толпѣ разъяренныхъ мужиковъ. Видны только поднимающіеся кулаки, движущіяся плечи, растрепанныя бороды, налившіеся кровью глаза, и надъ всѣмъ этимъ оглушительный, страшный ревъ... дикій, звѣрскій ревъ...

Холодный ужасъ змѣю обвивается вокругъ сердца. На лбу выступаетъ потъ, ноги дрожать, въ глазахъ туманъ стелется...

Но вот толпа на мгновение разступилась. Дѣтей давятъ, толкаютъ, тѣснятъ. Они въ самой серединѣ и видятъ все... Видятъ, что всѣ эти тяжелые, красные кулаки, всѣ эти озвѣрѣвшіе косматые люди рвутъ и таскаютъ что-то по землѣ. Я говорю—«что-то», потому что ничего нельзя разобрать въ этой безформенной массѣ крови, грязи и изорванныхъ лохмотьевъ. Вотъ на минуту мелькнула рука... Вотъ будто волосы треплются по землѣ... вотъ лицо человѣческое... страшное, облитое кровью, съ остановившимися, засоренными пылью глазами... Потомъ все скрылось опять въ толпѣ.

— Бей его, душегуба! На клочки рви! слышатся хриплые, сдавленные выкрики. — Колоти его на умору, р-разбойника! Кишки чтобы вышли у проклятаго...—Чей-то пронзительный долгій вопль на минуту покрываетъ ревъ расходившагося народа. Расталкивая мужиковъ и бабъ, въ толпу ворвалась статная женщина и, вцѣпившись въ окровавленный трущъ солдата, упала въ пыли...

Дѣти въ ужасѣ бѣгутъ домой, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, забиваются на печь и долго не рѣшаются выглянуть на улицу. И всю ночь снится имъ кровь, снятся дикіе крики и угрозы, свирѣпыя лица, огромные кулаки. Съ плачемъ просыпаются они, хватаются другъ за друга и не скоро приходятъ въ себя, дико озираясь по сторонамъ.

Но кругомъ опять тишина. Переулокъ пустъ; обитатели его всѣ заняты дѣломъ, словно вчера не случилось ровно ничего необыкновеннаго. Бабы мирно стучатъ вальками на мосткахъ, переговариваясь между собою, ребята играютъ въ городки, старухи сидятъ на завалинкахъ, съ грудными младенцами на рукахъ, и громко судачатъ о какой-то «подлой Аришѣ». Вотъ мужикъ, болтая босыми ногами, неторопясь поѣхалъ на водопой.

Дѣти осторожно подкрадываются къ избѣ Кошкина. Но и тамъ все тихо. Ключекъ розоваго ситца валяется въ пыли.

— Небось и бо-о-льно ему было... шепотомъ говоритъ Андрюша, искоса поглядывая на то мѣсто, гдѣ вчера расходившіеся алмазовцы терзали конокрада.

Дѣти вздрагиваютъ и умолкаютъ. У маленькой Нины глазенки наполняются слезами.

Анна сидитъ и плачетъ на своемъ крыльцѣ. Глаза ея распухли отъ слезъ; платокъ сбился на сторону, на лицѣ тупое

отчаяніе. Старая пѣгашка была единственная ея лошадь. Сколько лѣтъ служила, поила, кормила... А теперь, когда еще соберется бѣдная Анна купить другую лошадь?

И Анна надрывается—плачетъ. Подойдетъ къ ней курица съ ласковымъ кудахтаньемъ,—она на минуту подыметъ голову, съ злостью пугнетъ глупую птицу—и опять заголоситъ, уткнувшись въ колѣни. «Свѣтъ ты моя пѣгашка»...

— Не нашли лошадь-то? робко спрашиваютъ ее дѣти.

Анна мутными глазами взглядываетъ и отрицательно мотаетъ головой.

— А Кошкинъ-то?

Лицо Анны внезапно искажается и въ глазахъ загорается страшная злоба.

— Что ему, подлецу, сдѣлается... Душегубъ эдакій! Живучъ, какъ кошка. Сидитъ теперь въ кабакѣ,—стариковъ виномъ поитъ. Пропала моя пѣганушка, золотая моя, родимая... Охъ, головушка ты моя горькая...

Дѣтскія сердчишки больно сжимаются отъ жалости, и вчерашняя кровавая сцена блѣднѣетъ предъ этимъ сокрушительнымъ горемъ ограбленной нищеты.

Дѣти долго разсуждаютъ объ этомъ событіи, лежа на своемъ любимомъ обрывѣ. Вѣра угрюма, и черные глазенки ея по временамъ вспыхиваютъ злымъ огонькомъ.

— За дѣло били, говоритъ она, наконецъ.—Его-бы еще не такъ надо... до смерти...

Посреди благодатной тишины деревенскаго лѣтняго дня, среди неподвижнаго, напоеннаго ароматомъ лѣса воздуха, дѣти скоро успокоиваются. Улегается злоба, высыхаютъ на глазахъ слезы, и всѣ эти острия, совсѣмъ не дѣтскія, ощущенія уступаютъ мѣсто новымъ, болѣе тихимъ и радостнымъ.

Въ глубинѣ, подъ обрывомъ, плеснула рыбка. Ужонокъ съ красной головкой юркнулъ, красиво извиваясь, подъ сухой тростникъ. Золотисто-зеленая мойка долго жужжала и кружилась надъ кустомъ шиповника и потомъ медленно опустилась въ самую середину розовой пахучей чашечки цвѣтка. Изловчился Андрюша, хотѣлъ-было ее поймать, но оступился и кубаремъ слетѣлъ подъ обрывъ, въ крапиву. Долго смѣются дѣти надъ разиней; у Андрюши слезы на глазахъ, но и онъ тоже смѣется. Въ этомъ смѣхѣ забыли и про обѣдъ, да Лукинична сегодня врядъ-ли и обѣдъ-то варила...

Между тѣмъ въ Воровскомъ переулкѣ опять шумъ и ругань. Ругается повитуха-Терентьевна съ молодухой солдата Трушкина. Обѣ онѣ, подтыкавъ подошвы, словно для какого дѣла, стоятъ каждая на своемъ крыльцѣ и, дѣлая руками самые воинственные жесты, честятъ другъ-друга на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Па-а-скуда ты эдакая... задыхаясь, кричить Терентьевна.— Вѣдьма, шлюха огородная... Ты меня позорить не смѣй,—я не таковская, а про тебя-то все село знаетъ... Ты не токмо-что къ дьячку на огороды лазаешь,—къ тебѣ по ночамъ змѣй летаетъ...

— Ну такъ что-жь, ну къ дьячку лазаю! бойко и нахально отзывается молодуха.—А тебѣ-то что,—завидно что-ли? Ты лучше за Дунькой-то своей смотри, вѣдьма старая! У тебя, у самой Дунька-то кажинный годъ по крапивамъ шлындаетъ...

Брань разгорается все пуще... На улицу высыпаютъ любопытные. Остановилась баба съ коромысломъ; ребятишки, съ ломтиками хлѣба въ рукахъ, глазѣютъ... На крыльцо, наконецъ, выходитъ «самъ» мужъ Терентьевны, степенный отставной солдатъ съ колючей сѣдой бородою и шрамомъ на лбу.

— Ахъ ты, щенокъ бѣлогубый! раздается его хриплый, внушительный басъ и на минуту покрываетъ визгливую бабью брань.—Да какъ ты, подлая, смѣешь мнѣ эдакія слова говорить? Я, можетъ, на сколько старше тебя-то...

— А хоть-бы тебѣ тыщу годовъ было... звонко откликается молодуха.

— Я, слава тебѣ Господи, ни отъ кого эдакихъ словъ не слыхалъ. Я двадцать-пять лѣтъ служилъ Богу и Государю, я Егорія имѣю, а ты, потаскуха...

— А плевать мнѣ на твоего Ягорія... перебиваетъ молодуха, показывая кукишь.

— Молчи, дура неповитая! съ негодованіемъ продолжаетъ басить почтенный воинъ.—Ты подумай, что говоришь... Я здѣсь восемьдесятъ годовъ живу... у меня раны... меня добрые люди уважаютъ... и теперича всякая послѣдняя...

Но тутъ бойкая молодуха залилась вдругъ такимъ потокомъ самой отборной ругани, такія слова начала произносить, что могучій басъ почтеннаго воина совершенно исчезъ въ этомъ хаосѣ звуковъ. Терентьевна, задыхаясь, грозила только

кулакомъ, а растерявшійся супругъ ея едва могъ выговорить въ отвѣтъ: «заткнись, заткнись»...

— Нѣтъ, я заткнуся, да и опять отомкнуся...

— Заткнешься!..

— И опять отомкнуся! задорно отвѣчала бабенка.

И долго еще переулокъ оглашался визгомъ двухъ звонкихъ бабьихъ голосовъ, долго на перебой сыплется съ обѣихъ сторонъ крупная брань. Незамѣтно подошелъ уже вечеръ; розовыя сумерки окутали село. Въ небѣ, словно въ безбрежномъ морѣ, запыряли звѣзды; съ Хопра туманъ подымается и съдыми клубами стелется по лугамъ. Пора спать.

По праздникамъ Воровской переулокъ нѣсколько измѣняетъ свой видъ.—Утромъ обитатели его принаряжаются въ лучшія одежды, малятъ головы и отправляются въ церковь. Веселый трезвонъ стоитъ надъ селомъ; плавно гудитъ большой колоколъ, и его бархатные, мелодичные звуки, упавъ въ зачерствѣлыя отъ вседневной работы и нужды сердца мужицкія, смягчаютъ ихъ и вызываютъ на загорѣлыхъ лицахъ улыбки. На душѣ становится легче; усталыя кости и мускулы навремя какъ-бы перестаютъ ныть; горе забывается. Мужикъ любитъ этотъ праздничный благовѣстъ: онъ примиряетъ землю съ небомъ и хотъ на мгновение заставляетъ измученнаго работой человѣка забыть свою печальную земную жизнь, напоминая ему о лучшемъ мірѣ «идѣ-же нѣсть печали и въздыханій»...

Послѣ обѣдни, на нѣкоторое время, улицы пустѣютъ. Народъ обѣдаетъ. Потомъ, мало-по-малу, село оживляется. Дѣвки въ яркихъ сарафанахъ высыпаютъ съ пѣснями на завалинки; парни собираются въ группы и затѣваютъ орлянку, мужики пароватъ пристроиться поближе къ красному флагу. Становится все шумнѣе и шумнѣе. Въ одномъ мѣстѣ дѣло дошло даже до драки, и народъ кучками повалилъ на шумъ.

— Орляночники подрались... сообщаютъ въ толпѣ.—Одинъ малый, что ни бросить.—то ему выдетъ. Что за диковина? Поглядѣли,—анъ у него монетка такая есть: и съ лица орель, и съ тылу орель. Его и взбучили...

Не успѣли орляночниковъ развести,—у Филата въ избѣ гомонъ поднялся. Народъ хлынулъ подъ окна, на завалину. Слышно было, какъ летѣли на полъ горшки, звенѣла разбиваемая посуда, что-то хрястнуло и крѣпко ударилось объ полъ, такъ что стекла въ окнахъ задребезжали... И затѣмъ раздался

женскій вой, невыразимо мучительный, дикій, съ захлебываньями, съ хриплыми стопами.

— Должно, Филатка опять свою бабу бьетъ... переговариваются зрители, тѣсясь ближе къ окнамъ. •

— И бьетъ... Страсть бьетъ! Сарафанишко весь изодралъ, да за косы, да гужомъ... Тамъ Богъ знаетъ что... вся въ кровищи какъ есть...

— Тетенька, а тетенька, за что бьетъ-то?

— Да кто-е-знаетъ. Пьяный... Бають, холсты послѣдніе хотѣлъ въ кабакъ тащить, а она не дала... Дѣло ихнее...

Вопли становятся все пронзительнѣе... Кажется, что чело-вѣка рвутъ на клочки, медленно тянуть изъ него жилы... Но вотъ дверь изъ избы растворяется настежь, и на улицу, вся въ крови, простоволосая, съ искаженнымъ отъ боли лицомъ, выбѣгаетъ баба и исчезаетъ подъ кручей. За ней, съ гужомъ въ рукѣ, выскакиваетъ Филать. Онъ блѣденъ, на лбу выступилъ потъ, зубы стиснуты...

— Гдѣ она, змѣя подколодная... убью! хрипитъ онъ и, выругавшись на толпу, уходитъ въ избу. Зрители равнодушно расходятся.

У ребятишекъ, при воспоминаніи объ ужасной сценѣ, на-вертываются на глазахъ слезы, а Вѣра злобно гровится кулакомъ на Филатову избу.

Послѣ этого дѣти возненавидѣли угрюмаго, молчаливаго Филата и всякій разъ прятались, завидя его на улицѣ.

Но когда, однажды, Филать подошелъ къ Ярыгинскому крыльцу, на которомъ, важно покуривая, возсѣдалъ Иванъ Никитичъ, и со слезами въ голосѣ, сталъ умолять Ярыгина отпустить ему въ долгъ пудикъ мучицы,—дѣти забыли свою злобу, и жгучая жалость проникла въ ихъ впечатлительныя сердечки. Филать умолялъ долго. Онъ валялся въ ногахъ, увѣрялъ, что ребятишки его сидятъ другой день не ѣвши, нѣсколько разъ отходилъ отъ крыльца и опять возвращался,—Иванъ Никитичъ былъ неумолимъ.—Тогда Филать осунулся еще болѣе, нахлобучилъ дырявую шапку на лобъ и медленно побрелъ домой. У дѣтей разрывалось сердце, и не разъ послѣ того во снѣ мерещилось имъ это блѣдное лицо съ помутившимися глазами, въ которыхъ свѣтилось самое безысходное голодное отчаяніе.

Лѣто проходило быстро. Незамѣтно въ воздухѣ начинало

свѣжѣть; по утрамъ земля покрывалась серебристымъ налетомъ; лѣсъ стоялъ облитый золотомъ, и надъ нимъ съ шумомъ носились черныя стаи воронъ. На токахъ день и ночь стучали цѣпы; по берегу курились овины; мельницы неустанно махали крыльями. Село убралось съ поля, и кое-гдѣ завязывались свадьбы. Ребятамъ деревенскимъ веселье. Они то подъ окнами слушаютъ заунывные свадебные напѣвы, то бѣгутъ въ перковы на вѣнчанье, то несутся на свадебныхъ тройкахъ, прилѣпившись гдѣ-нибудь на краешкѣ.

Землемѣровы дѣти и тутъ присматриваются и наблюдаютъ. Они побываютъ и на токахъ, гдѣ вспотѣвшіе отъ натуги мужики и бабы отбиваютъ цѣпами рожь, и въ старновкѣ поваливаются, за что въ иномъ мѣстѣ ихъ и подзатыльниками угостятъ, и на чужое веселье поглазѣютъ. Не разъ случалось имъ видѣть, какъ свадебное веселье неожиданно кончалось дракой, и породнившіеся вчера сваты и сватья, сегодня, тутъ же за столомъ, уставленнымъ пирогами и брагой, принимались таскать другъ друга за волосы и бороды. Рядомъ съ этимъ проходятъ предъ ихъ глазами и другія картины... Медленно тащатся по селу широкія, разлапистыя дровни, обильно устланныя свѣжею соломой. На нихъ, подпершись руками, лежатъ молодые новобранцы. Нѣкоторые изъ нихъ пьяны и горланятъ пѣсни; другіе угрюмы и апатичны. Вслѣдъ за дровнями плетутся бабы съ ребятами на рукахъ; старуха въ синемъ сукманѣ хрипло причитаетъ, по временамъ хватаясь за грудь и кашляя. А дровни ползутъ все дальше и наконецъ скрываются за околицей въ волнахъ сырого осенняго тумана, одѣвающего степь.

А вотъ идетъ молчаливая группа мужиковъ въ сопровожденіи десятскаго съ палочкой. Мужики угрюмо понурили головы и какъ-бы стараются не глядѣть другъ на друга; изрѣдка развѣ одинъ какой-нибудь изъ нихъ вдругъ схватится за шапку, почешется и отчаянно вздохнетъ: «вотъ, братцы... а-ахъ!» Ихъ ведутъ въ волостное «пороть за податя». И дѣти долго недоумѣваютъ: какъ это такъ можно пороть этихъ почтенныхъ, длиннородыхъ, съ сѣдиною въ головѣ, людей?..

Иногда обычная тишина сельскаго дня вдругъ пронизывалась мелодичнымъ звономъ колокольчика. Что-то властительное, угрожающее чуялось въ этихъ звукахъ; какой-то бѣдой грозили сельскому люду эти малиновые переливы. Улица при-

ходила въ движеніе... Хлопали растворямья ворота; бабы бѣгали на крыльцо и изъ-подъ руки взглядывались въ ту ную даль; мужики бросали работу и на «всякій случай» дѣвали зипуны. И вотъ колокольчикъ заливается уже въ измышленная тройка проносится по улицѣ прямо къ волости. На мужицкихъ дворахъ появляется приставъ съ цѣпью шеѣ въ сопровожденіи цѣлой толпы понятыхъ; волостной царь съ листомъ бумаги въ рукахъ почтительно семенитъ передъ становымъ; старшина, съ натянутой блѣдною улыбкою усиленно, безъ всякой надобности, сморкается въ полу зипуна и старается держаться къ писарю поближе. Мужики добро приводится въ наличность. Блеять овцы, ведаютъ мычатъ коровы, котормъ помѣшали жевать жвачку, клуцанья куры безтолково суются подъ ногами, ржутъ легкомысленные жеребята, выдѣлывая пируэты передъ грозною командой, и весь этотъ содомъ покрывается, наконецъ, ревомъ ребятишекъ и воемъ ихъ матерей.

Это «цѣнуютъ» скотину, чтобы продать ее за накопленную сѣ недоимку...

Зимою, когда деревню засыпали громадные снѣговые сугробы, когда страшныя степныя вьюги по цѣлымъ днямъ бѣшевали кругомъ, — дѣти закупоривались въ своей избѣ и въ некоторое время были разобщены съ деревенскимъ міромъ. Выходить на улицу имъ было не въ чемъ, и они только изъ окна своей квартиры или изъ разговоровъ заходившихъ къ нимъ бабъ узнавали о томъ, что дѣлается въ селѣ.

Слышали они, что Ярыгинъ другой кабакъ открылъ... что Оедька кузнецъ убилъ изъ ружья полѣсоваго, который зашилъ его въ лѣсу на мѣстѣ преступленія... что Варминъ опился у Калиночкина на свадьбѣ... что по селу ходитъ горячая и люди мрутъ, какъ мухи... Изрѣдка и доносился заунывный похоронный звонъ и сквовъ опущеннымъ оконца видѣли они печальную процессію, проводимую на погостъ бѣлый, тесовый гробъ, покрытый вылинявшимъ, потертымъ церковнымъ покровомъ. Еще кто-нибудь обитателей Воровского нереулка навсегда простился съ миромъ... Проводивъ его глазами, дѣти забирались на печь прижавшись другъ къ другу, съ трепетомъ прислушивались къ завыванью вьюги.

Такъ постепенно развертывалась передъ ними панорама

деревенской жизни. Непрерывною цѣпью тянулись предъ ними образы, картины, сцены... масса неясныхъ ощущеній, мимолетныхъ впечатлѣній мало-по-малу группировались, складываясь въ одно стройное, цѣлое... и сами они незамѣтно втягивались въ эту путаницу окружающаго ихъ міра. Дѣти подрастали...

Глава III.

Первые уроки.

Вѣрѣ рано пришлось лицомъ къ лицу столкнуться съ обидною дѣйствительностью. Въ то время, когда Андриуша и Нина еще играли въ коршуну или беззаботно ловили головастикомъ на берегу Хопра, Вѣрѣ уже приходилось думать о томъ, какъ бы такъ зашить Андриушѣ штанишки, чтобы они проносились хоть съ недѣлю, или гдѣ-бы достать на сегодняшній день хлѣба и соломы—истопить печь. Деньги всѣ вышли; отъ отца ни слуху — ни духу вотъ уже скоро два мѣсяца, материна шуба заложена, а сама мать и бабка куда-то ушли и навѣрное вернутся выпивши.

Голодная, угрюмая сидитъ Вѣра у окна и думаетъ, ковыряя пальцемъ стѣну. У Анны занять развѣ фунта два? — Аннѣ самой ѣсть нечего: она и такъ прошлый разъ послѣднее отдала. У Авдотьи Кошкиной просить не хочется, потому-что она всегда чуть не въ лицо швырнетъ хлѣбомъ, да еще заворчитъ. У Ярыгиныхъ... нѣтъ... Вѣра у Ярыгиныхъ ни за что просить не будетъ! Они гордые, скряги, богачи. Они хоть и дадутъ, да за то такъ взглянуть при этомъ, что уши загорятся.

Кипитъ и разгорается ея сердце. Она зла на всѣхъ, — даже на Андриушу и Нину, которые, наплакавшись отъ голода, убѣгаютъ на улицу играть и весело смѣются, забывъ на время свой голодь.

Приходить мать, сердитая болѣе обыкновеннаго, потому что нигдѣ не могла достать денегъ на косушку. Видъ голодныхъ, оборванныхъ дѣтей ее раздражаетъ; всѣ прорѣхи ихъ убогой жизни выступаютъ предъ нею ярче; въ умѣ, неотуманненномъ водкой, возникаютъ непрошенныя воспоминанія, мучительныя сожалѣнія о прошломъ. А тутъ еще является сознаніе, что отчасти сама во всемъ виновата... Софья Петровна въ тоскѣ мечется по избѣ и набрасывается на дѣтей.

— Господи, и что вы не издыхаете... Зачѣмъ вы родились, проклятые!

— Что-же, мы сами что-ли родились... Вы-же родим-то... ворчить Вѣра, продолжая ковырять стѣну.

— Что? Что ты сказала, мерзавка? Ты еще мнѣ грубить, дрянъ эдакая...

Мать схватываетъ Вѣру за ея волнистыя, черныя, какъ уголь, космы и принимается бить чѣмъ попало несчастную дѣвочку. Вѣра поднимаетъ неистовый крикъ... Сбѣгаютъ сосѣди... Андрюша и Нина заливаются слезами...

Послѣ такихъ сценъ Вѣра всегда забивалась куда-нибудь въ уголь и ни съ кѣмъ не говорила ни слова, думая про себя какую то думу. Прибѣгаль Андрюша, ковыляла на своихъ маленькихъ ножкахъ Нина, звали ее играть на Хоперь,—Вѣра молчала или наконецъ огрызалась на нихъ такъ, что они молча отходили прочь. Иногда она ихъ даже колотила... Маленькое сердце ея черствѣло и озлоблялось...

— Злая дѣвка будетъ! говорили о ней сосѣдскія бабы.— Такой назоль растетъ—и Господи ты Боже мой...

Вообще ее не любили. Во всѣхъ проказахъ она была первая; никого не слушалась, всѣмъ грубила. Характеръ выработывался гордый, упрямый, своевольный. Ее ругали, били,—это ожесточало ее еще болѣе.

Зато Нину съ Андрюшей въ Воровскомъ переулкѣ любили. Особенно Нину. Ее положительно таскали изъ двора во дворъ. Она такъ и жила въ людяхъ: тамъ и обѣдала, играла съ хозяйскими дѣтьми, и всѣ ее ласкали и гладили ея бѣловую головку. Лицо ея вѣчно было вымазано тѣстомъ и кулагой отъ обильнаго угощенія.

— Эко дите-то у тебя растетъ! сказала разъ Софья Петровна рябая Акулина, вторая невѣстка Ярыгина.—Затѣйница, игрунья, ласковая... Ты-бы мнѣ ее въ няньки...

У Акулины было уже семь человѣкъ дѣтей, и въ это время она тоже ходила уже на сносяхъ. Софья Петровна молчала.

— Да право-слово, продолжала между тѣмъ Акулина.—У меня вонъ сыночекъ,—семнадцатый мѣсяць ему пошелъ,—не отходить отъ нея. А мнѣ съ нимъ неколи,—вотъ-бы ты свою Нину-то ко мнѣ и приспособила. Я-бы ужъ тебѣ поблагодарила...

Софья Петровна колебалась... Все-таки Нина была-бы при

мѣстѣ, сыта, одѣта, обута; кромѣ того, въ перспективѣ рисовалась картина угощенія съ водкой. Но пріѣхаль Никаандръ Васильевичъ и, узнавъ о томъ, что пятилѣтнюю Нину нанимають въ няньки, рѣшительно этому воспротивился.

— Это что за новости? Чтобы моя дочь нянчила всякую дрянь? Ты дура послѣ этого, выругаль онъ жену.

Ярыгины долго послѣ того дулись на землемѣрову семью. Но Нина попрежнему оставалась всеобщемою любимицею, и также ее вездѣ пичкали и кулагой, и блинами...

Вѣра часто ее за это ругала.

— И такъ попрекають постоянно своимъ хлѣбомъ, а тутъ ты еще по дворамъ таскаешься. И правда, какъ нищяя... Не даромъ кусочниками зовутъ...

И дѣйствительно, часто дѣти слышали обидные попреки отъ сосѣдей, когда приходилось имъ занимать въ долгъ хлѣба. Отказывали имъ рѣдко, но дорого расплачивались дѣти за эти скудные кусочки.

Вотъ сидятъ они на крыльцѣ. Вѣра штопаеть Нинѣ чулки; Андрюша стругаетъ какія-то палочки; Нина съ любопытствомъ смотритъ на него своими свѣтлыми, какъ небо, глазенками. Къ крыльцу подбѣгаетъ Васѣнка Кошкинъ, черномазый забіяка, съ громаднымъ пастушьимъ кнутомъ въ рукахъ. Прежде всего онъ нѣсколько разъ оглушительно хлопаетъ кнутомъ передъ самымъ носомъ землемѣровыхъ дѣтей, что очевидно доставляетъ ему большое удовольствіе, потомъ, прыгая на одной ножкѣ, начинаетъ разговоръ.

— Вѣрка, а Вѣрка...

Вѣра молчитъ, сосредоточенно ковыряя иглой чулокъ, для удобства натянутый на круглую деревянную ложку.

— Вы чего ноне варили? продолжаетъ неугомонный Васѣнка.

— Ничего, сердито отвѣчаетъ наконецъ Вѣра, ожесточенно выдергивая иглу.

— Ни-че-го! А у насъ лапшу съ свиной варили. А у васъ-то, небось, нѣту... Вы, небось, опять ноне побираться ходили...

У Вѣры глаза загораются и сердце начинаетъ учащенно биться. Но она молчитъ, крѣпится... стоитъ-ли съ дрянью связываться?

— Ходили вѣдь? Я самъ видѣлъ... Много кусковъ-то на-

сбирали? Побир-ушки, мѣшочки, кусочки!.. затыгиваетъ Васенка, прыгая передъ крыльцомъ.

— Молчи, сволочь несчастная! кричитъ Вѣра, блѣдная. — Мы побирушки, — ну что-жь! А у тебя и вовсе отецъ воръ, во-оръ, конокрадь, лошадей крадетъ...

— А у тебя мать-пьяница! не смущаясь отвѣчаетъ Васенка. — Мой отецъ воръ, а чего онъ у тебя укралъ? У васъ и красть-то нечего. А твоя мать каждый день за водкой въ кабакъ посылаетъ. Пьяницы, побирушки, кусочки...

Вѣра бросаетъ чулокъ и, стиснувъ зубы, кидается на обидчика.

Она выше и сильнѣе Васенки. Васенка, неожиданный нападеніа, опрокинутъ; Васенка валяется на землѣ и оретъ, — не отъ боли, а такъ себѣ, чтобы произвести демонстрацію. На крикъ сбѣгаются ребята, изъ избы съ ухватомъ выскакиваетъ мать Васенки, Авдотья.

— Ахъ ты, косматый идолъ! кричитъ она, разнимая драку. — Приди ко мнѣ когда, я-те дамъ хлѣбца. Нищѣ, сволочь, безпаспортные!.. сыплетъ она, уводя домой орущего Васенку и мимоходомъ награждая его подзатыльниками. — Говорила тебѣ — не связывайся съ ними, съ демонами. Прямо сказать, — разбойники! Они убить готовы...

— Ступайте вонъ изъ нашего села! поддерживаютъ ее ребятишки, окруживъ грозной толпою крыльцо. — Какъ ты смѣешь, косматая эдакая, драться? Вотъ мы тебя, подлая... космыто оборвемъ. Землемѣрна тоже — нищенка...

Иногда Вѣра не выдерживала характера и, забывшись, кидалась на эту толпу, вооруженную палками, хворостинами, кнутами. Начиналась свалка. Андрюша и Нина бросались на помощь сестрѣ, но ихъ было трое противъ цѣлой толпы, и они всегда возвращались домой избитые, въ синякахъ, оборванные, исцарапанные. Больше всѣхъ, разумѣется, доставалось Вѣрѣ.

А дома ихъ встрѣчала мать.

— Опять съ мальчишками дрались? говорила она, при видѣ синяковъ и лохмотьевъ. — Только и дѣла вамъ, поганцамъ... И что изъ васъ выйдетъ только? Хоть-бы свиней пасти отецъ васъ отдалъ. Что? хорошо? Вотъ я еще вамъ подбавлю.

И мать, найдя гдѣ нибудь подъ лавкой хворостину, принималась «подбавлять» уличнымъ героямъ.

Дѣти убѣгали къ Хопрѣ, въ конопляники и долго рыдали, лежа въ травѣ, отъ обиды и горя. Но кругомъ царила благодатная тишина; пахло коноплей и огуречною травкой, тихонько шелестѣлъ вѣтеръ мохнатыми шапками конопли, въ Хопрѣ меланхолично квакала лягушка, а надъ огородомъ носился чибисъ съ тоскливымъ воплемъ: «чьи вы, чьи вы...» И дѣти мало-помалу успокаивались и со вниманіемъ начинали слѣдить за неровнымъ, беспокойнымъ полетомъ чибиса.

— Вѣдь это онъ дѣтей своихъ ищетъ! замѣчалъ Андрюша.— У него воронье дѣтей унесло, вотъ онъ и летаетъ все, и спрашиваетъ: «чьи вы, чьи вы?..»

— Отцовы да материнны! кричитъ онъ вслѣдъ улетающему чибису.

Чибисъ черкнулъ крыльями надъ самой коноплей, словно заглядывая въ ея темнозеленую пахучую чашу, и началъ забирать выше. Вотъ онъ уже мелькаетъ черною точкой въ вышинѣ, вотъ замерли въ воздухѣ послѣдніе отголоски его жалобнаго призыва, и наконецъ онъ пропалъ гдѣ-то далеко, утопая въ голубыхъ волнахъ сіяющаго неба.

Проводивъ чибиса глазами, дѣти опять вспоминаютъ о своихъ синякахъ и начинаютъ всхлипывать. Предъ ними снова съ поразительною ясностью встаетъ только-что пережитое ими оскорбленіе, и они снова чувствуютъ себя одинокими, заброшенными, безпомощными...

— Трогаемъ мы ихъ, что-ли? бормочетъ Вѣра въ промежуткахъ между рыданьями. — Кому мы помѣшали? Точно собаки мы какія... Подлецы! Да и мать тоже. Чѣмъ-бы заступиться, а она тоже бить. А изъ-за кого пьяницами-то насъ дразнить? По-одне...

— Нешто добрыхъ совѣтъ нѣту на свѣтѣ? неожиданно спрашиваетъ Нина.

Вѣра на минуту задумывается, потомъ категорически отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, должно быть нѣту. Всѣ такіе. Когда я выросту большая — всѣмъ отплачу. Достану мно-о-го денегъ, потомъ пойду и всѣмъ имъ въ морду брошу. На-те вамъ, скажу, жрите вашу хлѣбъ, подавитесь имъ... И плюну...

Слезы высыхаютъ на щекахъ у Вѣры. Ея огромные черные глаза блеснутъ, лицо горитъ, вся ея худенькая фигурка

дрожить и одушевляется отъ волнующихъ ее чувствъ. Нина смотритъ на сестру съ благоговѣнiемъ.

— А вотъ Анна... вѣдь она добрая... робко говоритъ наконецъ она.

— Анна? спрашиваетъ Вѣра — и снова задумывается. — Анна добрѣ всѣхъ... Оттого и ее всѣ обижаютъ. Это оттого, что она тоже бѣдная. Всѣхъ бѣдныхъ обижаютъ...

— Богу нужно молиться... перебиваетъ ее Нина. — Вотъ бабушка говоритъ—молись Боженькѣ побольше, онъ тебѣ все дастъ. Онъ добрый...

— Вотъ Машкѣ нашей хорошо, задумчиво вставляетъ Андрюша, молча копавшійся до сихъ поръ въ травѣ. — Мнѣ Терентьевна говорила, что она теперь на небѣ, съ ангелами, золотые яблоки ѣсть. Я видѣлъ ангеловъ-то...

— Врешь! говоритъ Вѣра. — Гдѣ ты ихъ видѣлъ?

— Ей Богу видѣлъ. Сначала въ церкви на образѣ, а потомъ живого видѣлъ. Проснулся разъ ночью, а онъ около меня стоитъ. Бѣ-ѣлый такой, а крылья какъ у голубя. И весь свѣтится...

— Отчего-жъ я никогда не видѣла? спрашиваетъ Вѣра, со вниманiемъ выслушавшая рассказъ Андрюши.

— Я молюсь каждый вечеръ. Мнѣ Терентьевна говорила тоже, что у всякаго человѣка есть ангель-хранитель и стоять всегда за плечами. И учила, какъ надо ему молиться. Вотъ я молился-молился, онъ ко мнѣ и пришелъ...

— И я буду молиться... Давайте всѣ вмѣстѣ каждый день молиться, чтобъ Богъ всѣхъ наказалъ, которые другихъ обижаютъ...

— Нѣтъ, лучше будемъ просить Боженьку, чтобъ онъ насъ всѣхъ къ себѣ взялъ, лепечетъ Нина. — Будемъ тамъ съ Машкой вмѣстѣ золотыя яблочки ѣсть...

Дѣти совершенно успокоиваются и каждый вечеръ, какъ только зайдетъ солнце, долго крестятся предъ образами, припадая къ холодному полу.

Но Вѣра была большая грѣшница. Ей хотѣлось, чтобы сразу всѣ просьбы ея были исполнены; ей надоѣдало ждать и терпѣть... Она вдругъ какъ-то переросла брата и сестру и стала мало-по-малу удаляться отъ товарищей своихъ дѣтскихъ игръ, дѣтскихъ радостей и горя. Андрюша и Нина жили еще дѣтскими сказками и фантазіями; они не могли принимать

близко къ сердцу всѣ житейскія невзгоды, потому что хорошо ихъ не понимали, а Вѣра... изъ Вѣры выработался уже взрослый человѣкъ, и она не могла безусловно вѣрить и прощать.

Тяжело жилось землемѣровымъ дѣтямъ. И рѣдко-рѣдко выпадали на ихъ долю свѣтлыя минуты, когда и они могли считать себя «не хуже другихъ» (такъ думала Вѣра). Это случилось обыкновенно тогда, когда отецъ возвращался изъ поѣздки, и возвращался съ деньгами. Тогда на нѣкоторое время въ семьѣ являлось нѣкоторое благосостояніе. За квартиру уплачивалось, и Иванъ Никитичъ почтительно улыбался, комкая въ рукахъ пачку сальныхъ, истрепанныхъ бумажекъ; въ печи варились щи съ говядиной и пеклись пироги съ рисомъ; дѣти щеголяли въ новыхъ башмакахъ и платьяхъ, а Вѣра даже приглаживала свои черныя космы, повязывая ихъ ленточкой. Сосѣди начинали относиться къ нимъ ласковѣе и почтительнѣе, и самолюбіе Вѣры на время было удовлетворено. Но счастье это длилось очень недолго... Къ обѣду и отецъ, и мать, и бабка напивались; отецъ начиналъ попрекать Софью Петровну косушками; мать въ свою очередь упоминала о какихъ-то таинственныхъ шляхахъ, бабка вступалась, и начиналась отчаянная брань, иногда кончавшаяся дракой. Дѣти разбѣгались, и Вѣра снова погружалась въ свои мрачныя думы.

Глава IV.

Тимоха Ярыгинъ.

Стояла холодная, снѣжная зима. Дѣти уже не могли бѣгать на берегъ Хопра, въ свои душистые коноплянники и больше сидѣли дома, на печи. Хоперь замерзъ и покрылся бѣлою пеленою; коноплянники опустѣли, и зеленые сочные стебли конопли высохли, почернѣли и превратились въ вонючіе «моченцы»; лѣсъ окутался саваномъ и застылъ въ мрачномъ покоѣ. На улицу нельзя носу показать,—такой морозъ, такая вьюга... Иногда, сквозь дикое завыванье и свистъ мятежн., слышатся унылыя, дребезжащія звуки колокола. За оклицей хрипло лаютъ собаки, почуявъ волка. Скорѣе-бы проглянуло солнце; скорѣй-бы дождаться яснаго денька...

Въ землемѣровой квартирѣ холодно и скучно. Дѣти шепчутся по угламъ; Софья Петровна ходитъ сердитая, бабка ворчитъ, ковыряя при тускломъ свѣтѣ зимняго дня громадный чулокъ изъ сѣрой овечьей шерсти.

— Господи, Господи... Заѣхалъ — и горюшка ему мало. Словно у него нѣту никого. Шляется, небось, по кабакамъ да по трактирамъ—и забылъ, что у него дѣти на плечахъ...

И опять молчанье; только чулочные спицы звякають, да по прежнему воетъ въ трубѣ вѣтеръ...

Софья Петровна выходитъ въ сѣни и вызываетъ бабку. Начинается какое-то шушуканье, которое длится иногда часа два и болѣе. Потомъ обѣ возвращаются. Софья Петровна ложится на лавку, укутываясь дыравымъ байковымъ одѣяломъ, а повеселѣвшая бабка садится снова за чулокъ. Но покраснѣвшія вѣки слипаются и безпрестанно моргаютъ; старческія руки дрожать, не попадая спицейъ въ петлю. Лукинична бросаетъ чулокъ и тоже лѣзетъ на печь.

— Бабушка, скажи намъ сказку, осмѣливается Андриуша.

— Какую тамъ еще сказку? Стара ужъ я стала... сказки-то рассказывать...

— Ска-а-жи! присоединяется и Нина.

Бабка долго ворчитъ, поправляя сбившійся на сторону повойникъ. Отецъ бросилъ... ѣсть нечего... а они съ сказкой...

— Ну, скажи-же... умоляютъ дѣти.

Бабка наконецъ смягчается.

— Ну, слушайте... Да какую вамъ сказку-то? Всѣ ужъ я забыла... Вотъ про «лыцаря» развѣ?

— А кто это такой «лыцарь»?

— А это царевичъ такой былъ... бла-ародный былъ въюношь и собой—красавецъ писанный. И прослышалъ онъ, что въ тридцатомъ царствѣ, за лѣсами, за горами, за сыпучими пещерами стоитъ дворецъ... весь изъ золота литой, брилліантами изукрашенный. И живетъ тамъ волшебникъ злой, — Черно-Рунице, Худеярище, и держитъ въ плѣну тридцать дѣвицъ, тридцать дочерей боярскихъ... И ни проходу туда доброму человеку, ни проѣзду... Собрался лыцарь младъ-въюношь царскій сынъ, осѣдлалъ коня вороного и поѣхалъ...

Бабка начинаетъ клеветать носомъ... Дѣти ее расталкивають, и опять дребезжить старческій голосъ, опять предъ дѣтьми

одна за другою начинают мелькать яркія сказочныя картины... рыцари на вороныхъ коняхъ... огненные змѣи... красавицы въ шелкѣ и бархатѣ... На минуту дѣти забываютъ и про голодь... Но вотъ старуха начинаетъ путаться... сказка переходитъ въ безсвязный лепетъ—и наконецъ бабка засыпаетъ на самомъ интересномъ мѣстѣ сказки.

Но дѣти не спятъ. Очарованные сидятъ они, близко прижавшись другъ къ другу, и грезится имъ на-яву волшебный міръ бабушкиной сказки. Мутныя зимнія сумерки куда-то уходятъ... не слышно бабушкина храпа и соннаго бреда пьяной матери... какіе-то таинственные нѣжные звуки несутся издалека... И подъ эти звуки воздвигаются хрустальные, сверкающіе огнями дворцы, плещутъ брилліантовые фонтаны, вьются и переплетаются причудливыя тѣни, то исчезая, то снова появляясь въ вихрѣ огненныхъ брызгъ волшебнаго каскада...

Фантазія дѣтей страшно разыгрывалась въ эти томительныя минуты долгихъ зимнихъ вечеровъ. Въ біеніи сердца чудился имъ топотъ рыцарскаго коня, подѣзжавшаго къ заколдованной горѣ волшебника-Худеяра; шумъ собственной взволнованной крови, горячей струей приливавшей къ вискамъ, казался имъ то шумомъ отдаленной битвы, то чудной музыкой, то жалобными воплями тоскующихъ плѣнницъ, а миллионы яркихъ точекъ, прыгавшихъ въ темнотѣ, складывались предъ ихъ глазами въ опредѣленныя, странныя формы. Сказка продолжалась на-яву, и дѣти сами изумлялись послѣ, откуда они узнали продолженіе и конецъ недосказанной бабушкой сказки?

Скоро они сами стали рассказывать другъ другу свои собственные, выдуманныя ими самими сказки. Въ сказкахъ этихъ они смутно выражали свои задушевные мечты и желанія, потому что героями ихъ были они сами. Вездѣ рисовали они себя сильными, могущественными, учеными, вездѣ сыпались на нихъ горы золота, и во всемъ везло имъ неслыханное счастье. При этомъ не забывали они и всѣхъ окружающихъ ихъ людей, а въ рассказахъ Вѣры непременно фигурировали и ея злѣйшіе враги—Ярыгинъ, Авдотья Кошкина и другіе, и всегда непременно въ самомъ жалкомъ, униженномъ видѣ. Она выдумывала имъ самыя ужасныя мученія, она терзала ихъ и топтала въ грязь, и чѣмъ болѣе ей это удавалось, тѣмъ сильнѣе она увлекалась своими фантазіями.

Но особенно отличался въ своихъ сказкахъ Андрюша. Не

было въ нихъ ни грубо-реальныхъ картинъ, которыми увлекалась Вѣра, ни дѣтскаго лепета. Нины объ овечкахъ и поросяткахъ, о маленькихъ дѣвочкахъ и мальчишкахъ, но за то они были иногда такъ искусно придуманы, блистали такими яркими образами, что Вѣра приходила въ изумленіе и никакъ не хотѣла повѣрить, чтобы мальчикъ самъ все это выдумалъ.

— Ты врешь, тебѣ ктонибудь рассказывалъ, говорила она.

— Ей-Богу не вру! съ жаромъ увѣрялъ Андрияша. — Я все это во снѣ видѣлъ, ей Богу. А то, бываетъ, лежишь ночью и до-олго не спишь, и все думаешь, думаешь...

— Врешь, врешь! восклицала Вѣра. — Это ты гдѣнибудь слышалъ, либо въ книжкѣ читалъ...

— Да вѣдь я не умѣю читать-то... съ грустью отвѣчалъ Андрияша и потомъ прибавлялъ: — эхъ, еслибы я умѣлъ, я-бы еще не такъ рассказывалъ. Я-бы тогда все это записалъ на бумагу...

Его рассказы почти всегда кончались сожалѣніемъ о томъ, что онъ «безграмотный», а то-бы «все записалъ». Мало-помалу сожалѣніе это перешло въ страстное желаніе выучиться читать, и къ мечтамъ мальчика присоединилась еще одна, — мечта о томъ, когда онъ выучится и будетъ въ состояніи прочесть ту толстую книгу въ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застежками, которая хранится на божницѣ у старика-Ярыгина.

— Вѣрно хорошая эта книга, говорилъ онъ. — Дѣдушка-Никита, когда ее читаетъ, всегда плачетъ... Вѣрно ужъ хорошо...

— Будя, будя вамъ, бездѣльники... вдругъ раздается среди этихъ разговоровъ ворчливый голосъ проснувшейся Лукиничны. — И все шепчутся, все у насъ ласы да баласы... Вѣрка! Ты-бы, шалаво, хоть самоварчикъ-бы разогрѣла...

— Чаю-то еще нѣту, — самоварчикъ тебѣ... огрызается Вѣра сердито.

— О, Господи, вотъ еще растутъ... Хоть-бы смерть поскорѣе!

Бабка, охая и вздыхая, слѣзаетъ съ печи. Она не въ духѣ; съ похмѣлья у нея голова болитъ и во рту горечь. Хочется выпить... Одна за другою чиркаютъ объ стѣну сѣрные спички, зажигается грошова лампа. Тусклый колеблющійся свѣтъ разливается по закопченнымъ стѣнамъ, усѣян-

нымъ проворными пруссаками, освѣщаетъ убогую рухлядь, наваленную на лавкахъ и полкахъ, играетъ по запушеннымъ инеемъ оконцамъ. Разбуженная шумомъ подымается и Софья Петровна. Бабка начинаетъ ворчать и на нее,—завязывается перебранка...

Сладкія, свѣтлыя грезы, родившіяся 'въ тишинѣ зимнихъ сумерекъ, разлетаются и исчезаютъ при тускломъ мерцаніи коптящей лампы. Дѣти словно спускаются съ неба на землю, и невыразимо горькое чувство беспомощности и одиночества сжимаетъ ихъ маленькія сердечки. И чѣмъ ярче были ихъ вымыслы, тѣмъ разительнѣе казался имъ контрастъ между этими грезами и дѣйствительностью, тѣмъ сильнѣе накопились горечь и недовольство.

Наконецъ Вѣра перестали утѣшать и эти невинныя дѣтскія мечты. Онѣ утѣшали ее пока она вѣрила, что онѣ сбудутся,—а ей хотѣлось, чтобы онѣ сбылись какъ можно скорѣе; между тѣмъ, жизнь сама по себѣ становилась все круче и безжалостно давила ихъ своею тяжелою рукою. Вѣра стала приходить въ отчаяніе. Повременамъ ей хотѣлось куда-нибудь скрыться, убѣжать подальше отъ этой кутерьмы, умереть что-ли,—однимъ словомъ ничего и никого не видѣть, не слышать. Иногда въ ея головѣ смутно мелькала мысль о самоубійствѣ. При этомъ ей вспоминались всѣ подходящіе рассказы и случаи... вспоминалось, напримѣръ, какъ одного мужа «изъ петли вынули», какъ молодуха-Аграфена въ Холперъ бросилась потому, что «матушка свекры поѣдомъ ѣла»... И много другихъ, которые рѣшили покончить съ собою отъ «тошной жисти». Мысли Вѣры принимали все болѣе и болѣе мрачное направленіе...

Однажды она совсѣмъ выбилась изъ силъ. Оказалось, что бабка снесла въ кабакъ единственное пальто Вѣры и, вымѣнявъ на него полштофъ водки, напилась вмѣстѣ съ Софьей Петровной до безчувствія. А между тѣмъ, хлѣба не было, дѣти сидѣли голодные и плакали. Избу тоже въ этотъ день не топили, потому-что солома вся вышла. Идти просить къ сосѣдямъ Вѣра не могла рѣшиться,—ей было стыдно и гадко. Вѣдь, навѣрное всѣ уже знаютъ, что сегодня бабка Лукинична пропала пальто... Вѣра сначала крѣпилась, изподлобья глядя на плачущихъ дѣтей и ругая спящую бабку, наконецъ тоже не выдержала. Что-то горячее вдругъ огнемъ

охватило ей сердце, сдавило горло, и она съ рыданьемъ убѣжала на дворъ.

Морозъ былъ страшный; гвозди съ трескомъ вылетали изъ стѣнъ; дыханье спиралось въ груди, и бѣлый паръ вносилъ осѣдаль на губахъ и глазахъ. Вѣра въ одномъ своемъ дырявомъ платишкѣ забилась подъ опрокинутой кверху лемехомъ сохой и рыдала навзрыдъ, твердо рѣшившись не возвращаться въ избу.

— Вотъ такъ и буду сидѣть, думала она.— Такъ и буду, пока не замерзну... Все равно ужь... лучше. Жалѣть-то некому. Имъ все равно, пьяницамъ проклятымъ...

На минуту она переставала плакать, представляя себѣ, какъ она замерзнетъ, какъ ее будутъ искать, какъ найдутъ потомъ и будутъ жалѣть... Но слезы снова горячей струей набѣгали на глаза, и Вѣра, припавъ головою къ сохѣ, снова принималась безутѣшно плакать.

Долго она рыдала. Руки у нея околѣли, зубы стучали, глаза щипало. Нѣсколько разъ до нея доносились жалобные зовущіе голоса Андрюши и Нины, — она притаилась и не откликалась. Наконецъ, все тѣло у нея оцѣмѣло, ноги затекли, вѣки напухли, а она все еще сидѣла и плакала.

— Эй, ты, чего орешь? Кто тамъ? раздался вдругъ подлѣ нея чей-то звонкій голосъ.

Вѣра вся вздрогнула отъ неожиданности и, всхлипывая, оглянулась.

Въ двухъ шагахъ отъ нея, сквозь щели плетня глядѣлъ на Вѣру мальчикъ лѣтъ четырнадцати-пятнадцати, въ новомъ дубленомъ полушубкѣ съ шнурками на груди, сытый, румяный, съ яркими, сѣрыми глазами, весело кругомъ поглядывавшими.

— А те-бѣ че-го? злобно отвѣтила Вѣра, однако ревѣть перестала.

— Какъ чего? Да такъ, съ удивленіемъ произнесъ мальчикъ.— Чего орешь, молъ, спрашиваю. Я вотъ стоялъ, слушаль-слушаль, ажъ сердце надорвалось.

— Убирайся ты къ чорту, еще злѣе выговорила Вѣра, дѣлая попытку вылѣзти изъ подъ сохи.

— Ну вотъ, убирайся... Нешто я тебя обижаю? Аль мать побила?

— Уйди, тебѣ говорить! крикнула Вѣра отчаяннымъ голосомъ.

Мальчикъ этотъ былъ также однимъ изъ ея злѣйшихъ враговъ. Онъ былъ сынъ Ивана Никитича Ярыгина; звали его Тимохой. Вмѣстѣ съ другими, онъ часто донималъ Вѣру въ уличныхъ стычкахъ, часто билъ ее и дразнилъ «кусочницей».

— Ишь ты какая! проговорилъ Тимоха и засмѣялся. —Туда-же вѣдь... Сама озябла, руки-то посинѣли всѣ. Чего-же серчаешь-то?

— Всѣ вы подлые... задыхаясь выговорила Вѣра. — Мы, вонъ, съ голоду околѣваемъ, а вамъ все равно. Ну, что-жь, и околѣемъ... Скорѣй-бы ужь...

Тимоха пересталъ смѣяться и съ изумленіемъ глядѣлъ на плачущую, посинѣвшую отъ холода дѣвочку. Свѣтлые, веселые глаза его потемнѣли.

— Нешто вы ноне ничего не ѣли? спросилъ онъ уже другимъ тономъ.

— А то ѣли, что-ль? Вонъ Нинка ажъ кричить... Проклятые вы всѣ,—подлые...

Вѣра опять заплакала.

— Что-жь вы къ намъ не пришли за хлѣбомъ-то? Мы бы дали...

— Не пойду... ни-за-что не пойду... захлебывалась Вѣра, кипи негодованіемъ.—Лучше издохну... Чтобъ послѣ кусочницей дразнили... нищенкой... не... не пойду...

Тимоха вдругъ проворно захрустѣлъ соломой и исчезъ. Потомъ снова возвратился и принялся возиться около плетня.

— Вѣрка. а Вѣрка... шопотомъ заговорилъ онъ, просовывая сквозь сдѣланную имъ дыру что-то большое, завернутое въ тряпку.

— Че-го, выговорила Вѣра, все еще сидя подъ сохой.

— На, вотъ, возьми, хлѣбца принеси. Да возьми, дура. Ей Богу, никому ребятамъ не скажу и смѣяться, вотъ тебѣ крестъ Господень, болѣ не стану. Наши семейскіе тоже не знаютъ,—я утайкой взялъ. Возьми-же, ну, Вѣ-ѣрка...

У Тимохи голосъ тоже дрожалъ, когда онъ совалъ ей въ руки этотъ мягкій, горячій, только-что изъ печи хлѣбъ.

— Не возьму, упорствовала Вѣра, стараясь не глядѣть на хлѣбъ, запахъ котораго раздражалъ ей ноздри и возбуждалъ болѣзненные судороги въ голодномъ желудкѣ.

— Ну, возьми-же... Побожился, что никто не знает... Возьми-и! право, ну...

— Не нужно, шептала Вѣра, а сама уже протягивала руку... Наконецъ не выдержала. Выхватила хлѣбъ и, еще не вытеревъ слезъ, опрометью побѣжала въ избу. Злоба, мысли о смерти — все было забыто предъ этимъ теплымъ кускомъ хлѣба... На другой день, утромъ, выйдя на дворъ, Вѣра услышала у плетня знакомый шорохъ и сдержанный зовъ:

— Вѣрка, а, Вѣрка!..

— Чего? нехотя откликнулась Вѣра, изподлобья поглядывая на Тимошку. Ей какъ будто стыдно было вчерашняго.

— Небось, подь-ка сюда.

Вѣра подошла.

— У васъ ноне избу-то топили?

— Нѣтъ.

— То-то. Ты выходи, мало сгодя, на огородъ, я тебѣ тамъ въ закутѣ соломы припасъ. А вотъ еще хлѣбца покуда принесъ... картошки... У насъ ноне блины пекли, — выходи, блиновъ принесу. Скрозь землю провалиться — никто не знаетъ...

Вѣра, уже не отказываясь, взяла хлѣбъ и пошла за соломой.

Съ этого времени у Тимохи Ярыгина съ землемѣровой Вѣрой возникли какія-то тайныя дѣла и завязалась тѣсная дружба. И Вѣрѣ не то лучше, но какъ-то легче стало жить. Она была уже не одна, у нея былъ другъ, съ которымъ можно было посоветоваться, которому можно было рассказать всѣ свои горести и печали и который могъ иногда оказать помощь въ трудныя минуты.

И Тимоха помогалъ. Приносилъ хлѣба, крупы, соломы; таскалъ въ карманахъ пряники и орѣхи изъ отцовской лавочки, снабжалъ чаемъ, сахаромъ, кренделями.

Иногда выручалъ и въ другихъ случаяхъ. Когда сельскіе ребяташки собирались у землемѣрова крыльца съ враждебными намѣреніями, — въ числѣ землемѣровыхъ дѣтей оказывался и Тимоха, и Вѣрѣ, подъ его покровительство, легче было справляться съ этой буйной толпой. Тимоха, какъ коренной житель села, лучше зналъ дѣла и положеніе каждаго изъ сельскихъ обывателей, и потому ему лучше было извѣстно, кого и чѣмъ можно хорошенько донять.

— Эй, Володька! кричалъ онъ какому-нибудь лохматому мальчугану, съ палкой налѣзавшему на Андрюшу. — Уйди прочь, дрянь эдакая! Я тебя вотъ лохматаго чорта... У тебя у самого мать-пьяница; забылъ нешто, какъ она у солдата мундиръ прошила...

Володька засовывалъ пальцы въ ротъ и на минуту прекращалъ свои военныя дѣйствія, потому-что вся остальная орава, при воспоминаніи о веселомъ эпизодѣ съ мундиромъ, пускалась въ подробные рассказы о томъ, какъ «она мундиръ въ горшокъ закинула, а солдатъ-то по улицѣ безъ мундира лупя...»

Кругомъ поднимался единодушный смѣхъ, и драка была забыта.

— А ты что, сволочь, лѣзешь!.. кричалъ Тимоха другому, который надеждался, крича: «кусочки, мѣшочки!» — У тебя, у самого, отца надъсь въ волостномъ пороли. И сами лонесъ въ кусочки ходили.

Когда землемѣровы дѣти кидались въ схватку и ихъ опрокидывали на землю, — Тимоха и тутъ являлся спасителемъ. Ударами своего здороваго кулака онъ разгонялъ толпу, приносилъ въ картузѣ воды, мочилъ дѣтямъ пробитыя головы и еще утѣшалъ ихъ, когда они заливались горючими слезами. Мало-по-малу, драки эти и вовсе прекратились. Деревенская дѣтвора, видя, что Тимоха Ярыгинскій крѣпко держитъ сторону землемѣровыхъ ребятъ, — совсѣмъ отступились отъ нихъ. Съ Тимохой шутить было нельзя; Тимоху всѣ знали и уважали за происхожденіе изъ богатой семьи и за силу. Ничего небожавшіяся, ничего не уважавшія деревенскія дѣти все-таки уже смутно понимали, какое значеніе имѣеть въ селѣ Ярыгинь, предъ которымъ отцы ихъ ломали шапки и сгибали свои изломанныя на работѣ спины...

Разумѣется, между новыми друзьями возникали иногда и ссоры. Случалось, что Вѣра, наплевавъ въ лицо Тимохѣ, выгоняла его вонъ, крича, чтобы онъ никогда не показывался ей на глаза; бывало и такъ, что Тимоха таскалъ за волосы Вѣру и клялся, что никогда больше не станетъ съ нею «водиться», но проходилъ день, другой, — и снова друзья были вмѣстѣ, снова Вѣра рассказывала Тимохѣ свои невзгоды, а Тимоха, въ утѣшеніе, приносилъ ей въ карманѣ своего новаго полушубка ватрушки съ творогомъ и конопляннымъ жмыкомъ

и лепешки съ грушею и макомъ. Дѣти искренно его любили, да и онъ привязался къ нимъ и по цѣлымъ вечерамъ просиживалъ въ землемѣровой квартирѣ. Дѣти рассказывали ему свои сказки, повѣряли завѣтныя мечты, а онъ, въ свою очередь, знакомилъ ихъ съ внутренней жизнью села, передавалъ имъ базарныя новости, дѣлился съ ними всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ когда-либо въ лавочкѣ, на улицѣ, въ семьѣ. Тимоха былъ немного грамотный и даже познакомилъ Андриюшу съ содержаніемъ той таинственной книги, которая лежала у дѣдушки Никиты на божницѣ и которою мальчикъ такъ интересовался.

— Это книга не простая, говорилъ онъ:— Библия называется. Въ ней про все есть. Какъ земля произошла, откуда люди явились и звѣри разные, какъ въ старину жили,— все это написано...

— Ты читалъ? съ воднемъ спрашивалъ Андрияша.

— Нѣтъ, я не читалъ,— дѣдушка не дастъ,— а вотъ дѣдушка читалъ сколько разовъ. Мудрено написано. А то у дѣдушки еще книжка одна есть,— тоже хорошая книжка. Тамъ про травы разныя написано, какая трава что означаетъ и отъ какой болѣзни можно лечиться ей. Дѣдушка много знаетъ...

— Ахъ ты, Господи, вздыхалъ Андрияша.— Кабы умѣлъ я читать,— все-бы прочелъ... И Андриюшу еще чаще стали тревожить по ночамъ загадочныя дѣдушкины книги. Казалось ему, что стоитъ только эти книги прочесть,— и все сразу измѣнится, и самъ онъ станетъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ...

Глава V.

Семень Осипычъ—учитель.

Передъ Рождествомъ пріѣхалъ, наконецъ, и Никандръ Васильевичъ.

По тому самодовольному виду, съ которымъ онъ расплачивался съ ямщикомъ, по множеству разныхъ свертковъ и ящичковъ, привезенныхъ имъ съ собою, можно было заключить, что землемѣръ находится въ этотъ разъ при деньгахъ. Истомившаяся, оголодавшая семья его пріободрилась и повеселѣла. Бабка Лукинична на время затаила свои жалобы и упреки и суетливо металась изъ угла въ уголь, не зная, чѣмъ-

бы хорошенько угодить сыну; Софья Петровна отрезвилась и стала разговорчивѣе; даже дѣти, всегда дичавшіяся отца, осмѣлились выглянуть изъ своихъ закоулковъ и тихонько пересмѣивались между собою. Никандръ Васильевичъ словно привезъ съ собою свѣтъ и радость въ ихъ томительно-однообразную, унылую жизнь.

Отпустивъ ямщика, Никандръ Васильевичъ прежде всего сходилъ въ баню, обязательно натопленную для него самимъ Иваномъ Никитичемъ, — который, нужно замѣтить, еще вчера ругательски-ругалъ землемѣра и грозился выгнать его семью на морозъ, — потомъ велѣлъ ставить самоваръ, послалъ за водкой и, наконецъ, приступилъ къ раздачѣ подарковъ. Онъ любилъ дѣлать это торжественно, всегда въ присутствіи нѣсколькихъ любопытныхъ сосѣдокъ, и ему очень нравилось, когда его благодарили. На этотъ разъ онъ былъ особенно доволенъ, потому что подарки, очевидно, всѣмъ припились по вкусу, и когда ящики всѣ были опорожнены, онъ, наконецъ, подзвалъ къ себѣ дѣтей.

Дѣти боялись идти, робко перешептываясь между собою.

— Ну, ну, будетъ шептаться-то! крикнулъ уже сердито отецъ. — Подите-ка ближе... я вамъ, дуракамъ, еще кой-что привезъ...

Вѣра рѣшилась первая. — Безпрестанно оглядываясь назадъ и потупивъ глаза въ землю, она степенно подошла къ столу, уставленному закусками и водкой, и остановилась въ почти-тельномъ отдаленіи.

— Ну, ну, поближе! командовалъ Никандръ Васильевичъ. — Небось, не укушу... вы ужъ и отца-то забыли. Ну, что, довольна подаркомъ, дура?

— Довольна, пробурчала Вѣра, пылая и въ душѣ желая только одного, — чтобы какъ можно скорѣе кончилась эта исторія.

— Дура! Ну, подожди, еще я вамъ привезъ одну штуку. По настоящему, плеть-бы вамъ надо, — вонъ мать жалуется на васъ... ну-да ужъ для праздника...

Онъ порылся въ своемъ мѣшкѣ и вынулъ что-то, тщательно завернутое въ бумагу.

— На, возьми. Да благодари, что-ли, дура! самодовольно произнесъ онъ, вручая Вѣрѣ таинственный пакетъ.

Вѣра пробормотала «покорно благодарю!» и осторожно

развернула бумагу. Тамъ оказался букварь съ ярко раскрашенными картинками и съ надписью на заглавномъ листѣ: «ученье—свѣтъ, а неученье—тьма», окруженною радужнымъ сияньемъ. Вѣра нерѣшительно мяла книжку въ рукахъ.

— Ну что, нравится? продолжалъ Никандръ Васильевичъ, очень довольный своимъ подаркомъ. — То-то! Учиться вамъ надо, будетъ балбесничать-то, — не мужицкія дѣти, съ гордостью прибавилъ онъ. — Еще вамъ съ Нинкой туда-сюда, а вотъ Андриушкѣ безъ грамоты никакъ невозможно. Учиться, учиться надо! торжественно заключилъ онъ и налилъ себѣ изъ графина водки.

— А кто-же насъ учить-то будетъ? основательно спросила Вѣра, сообразивъ наконецъ, въ чемъ дѣло.

— Кто? обернулся къ ней Никандръ Васильичъ и, въ недоумѣніи покрутивъ носомъ, затѣмъ прибавилъ рѣшительно:— Найду!

Вѣра съ букваремъ въ рукахъ отправилась на печку, гдѣ ее съ нетерпѣньемъ ожидали уже Нина и Андриуша. Они сейчасъ-же накинудись на книжку и съ восторгомъ принялись разглядывать картинки, отыскивая въ подписяхъ знакомыя имъ буквы, которыя показывалъ имъ разъ Тимоха. Вѣра отнеслась къ букварю хладнокровнѣе; ее больше занимало голубое шерстяное платье, подаренное ей отцомъ, и она уже мечтала о томъ, какъ она надѣнетъ его къ обѣднѣ и какъ ей будутъ завидовать дѣвчонки Кошкина.

Весь этотъ день прошелъ мирно. За обѣдомъ всѣ старшіе подвыпили, но скандаловъ никакихъ не произошло. Пришелъ Иванъ Никитичъ съ «нашимъ почтеніемъ» и, получивъ обычную пачку замасленныхъ ассигнацій, ушелъ, осклабяясь. Заходили сосѣди «проздравить» съ пріѣздомъ и спросить, нѣтъ ли въ уѣздѣ «какихъ слуховъ про землю», и тоже ушли, унося съ собою запахъ дубленыхъ полупшубковъ и дегтя.

Къ вечеру отправился куда-то и самъ Никандръ Васильевичъ и вернулся только на зорькѣ, мертвецки пьяный. Дѣти уже спали и ничего этого не слышали. Они были счастливы, и сладкіе сны снились имъ въ эту ночь.

На утро, когда они проснулись и выглянули изъ своего угла, Никандръ Васильевичъ уже всталъ и опохмѣлялся за утреннимъ самоваромъ. Бабка у печи пекла ватрушки съ творогомъ, а Софья Петровна мѣсила пироги. Солнце уже под-

нялось, и на разрисованных морозом окнах сверкали золотыя и розовыя искры.

Никандръ Васильевичъ былъ мраченъ, но увидѣвъ Вѣру, робко пробравшуюся къ ушату умываться, сейчасъ-же вспомнилъ про вчерашнее.

— Нашель я вамъ учителя, объявилъ онъ. — Вотъ сегодня вечеромъ онъ сюда зайдетъ, а послѣ Рождества — маршь къ нему учиться. Да хорошенько учитесь, не то драть...

Вѣра поспѣшила скрыться на палаты. «Какой это такой учитель?» шептались дѣти.

Въ то время школы въ Алмазовѣ еще не было, и ежели у кого изъ алмазовскихъ обывателей являлась вдругъ охота обучать своихъ птенцовъ всевозможной премудрости, то такую обрѣтали они у отставного солдата—Каюка, который между выпивкой и шитьемъ сапоговъ находилъ еще возможность преподавать юношеству разныя науки, или у стараго дьячка—Гаврилы Ѡадеича, который, кромѣ зубренія азовъ, заставлялъ еще своихъ учениковъ работать въ огородѣ. И послѣднее шло у него гораздо успѣшнѣе, чѣмъ первое, потому что ученики его года черезъ два, черезъ три читали такъ-же, какъ и до поступленія къ нему въ науку, т. е. совсѣмъ не умѣли читать, между тѣмъ какъ въ огородѣ Гаврилы Ѡадеича произрастали великолѣпныя овощи. Нельзя сказать, чтобы алмазовцы были этимъ довольны, но дѣлать было нечего и дѣти ихъ продолжали воздѣлывать огородъ Гаврилы Ѡадеича и ловить рыбу съ Каюкомъ.

Но не задолго передъ тѣмъ, какъ землемѣра осѣнила счастливая мысль учить своихъ дѣтей грамотѣ, въ Алмазовѣ, неизвестно откуда и къ величайшему неудовольствію старыхъ учителей, появился новый учитель. Пріѣхалъ онъ не одинъ, а съ женой, нанялъ себѣ квартиру и объявилъ, что за небольшое вознагражденіе можетъ обучать дѣтей не только грамотѣ и письму, но даже ариметикѣ, грамматикѣ и прочимъ наукамъ, о которыхъ Каюкъ и дьячокъ и понятія до сихъ поръ не имѣли. Алмазовцы обрадовались, и ребятишки толпами потекли къ новому учителю.

Вотъ этого-то учителя и нашель Никандръ Васильевичъ.

Тѣмъ-же вечеромъ онъ отправился къ нему для переговоровъ. Переговоры, очевидно, кончились полнымъ соглашеніемъ, потому-что часа черезъ два и землемѣръ, и учитель явились

вдвоемъ чуть «тепленькіе» и немедленно-же послали снова за водкой. Дѣти тѣмъ временемъ попрятались по угламъ и только Вѣра старалась какъ-нибудь поближе взглянуть на будущаго учителя.

За столомъ между тѣмъ шла пьяная бесѣда.

— Такъ вотъ какъ, Семень Осипычъ: восклицала земле-мѣръ, то и дѣло подливая въ рюмки. — Учи ты моихъ ребятъ, — учи хорошенько. М-мерзавцы эдакіе... я-ли о нихъ не забочусь? А? Отецъ я имъ иль нѣтъ, — а?

— Прямое дѣло, поддакивалъ Семень Осипычъ, простирая грязную съ трясущимися пальцами руку къ рюмкѣ.

— То-то и дѣло... Потому я отецъ... Поцѣлуй меня, сволочь эдакая... Я самъ ученъ на мѣдныхъ деньги, а все-же я понимаю. И ежели-бы средства, — я-бы сейчасъ въ университетъ... Меня швабра эта загубила... указалъ Никандръ Васильевичъ на жену. — А то-бы развѣ я сидѣлъ здѣсь? Сейчасъ-же въ университетъ...

— Отчего-же, и въ университетъ можно... бормоталъ Семень Осипычъ.

— Да! Покойный графъ и тотъ всегда мнѣ говаривалъ: способный ты человекъ, Никашка. И ежели-бы не эта швабра... да что! Плюнулъ-бы я на васъ на всѣхъ... Ты, напри-мѣръ. Да развѣ я-бы пошелъ тебѣ, скотинѣ, кланяться? Когда ты, можетъ, ни рожна не знаешь...

— Какъ такъ ни рожна не знаю? Позвольте... обидѣлся Семень Осипычъ.

— Да такъ и не знаешь. Ты гдѣ учился? Покажи дипломъ. Нѣтъ у тебя диплома.

— Дипломъ у меня есть, и я обучался... съ достоинствомъ возражалъ учитель.

— А я говорю, — нѣтъ у тебя диплома. И задачи, напри-мѣръ, ты рѣшить не можешь. Треугольникъ напримѣръ... Сдѣлай ты мнѣ изъ треугольника квадратъ...

Споръ разгорался. Семень Осипычъ тщетно старался преобразить треугольникъ въ квадратъ и не могъ. Тогда Никандръ Васильевичъ перешелъ въ область географіи и окончательно допекъ учителя вопросомъ: сколько странъ свѣта? Поставленный въ тупикъ Семень Осипычъ рѣшился наконецъ сказать, что странъ свѣта — четыре. Тогда землемѣръ окончательно возмущился и со словами «вотъ тебѣ четыре» — за́хватилъ

въ ухо учителю. Учитель отвѣтилъ тѣмъ-же, — завязалась драка. Полетѣли рюмки, стаканы, бутылки; послышались вопли: «караулъ!...» Дѣло кончилось тѣмъ, что землемѣръ свалился подъ столъ, увлекши за собою и скатерть, и тамъ заснулъ, а учитель, едва выйдя за ворота, привалился плечомъ къ веревѣ и вплоть до самаго утра простоялъ въ этой позѣ.

Въ квартирѣ землемѣра водворилась тишина.

— Ну, что, видѣла? спрашивали Вѣру дѣти, все время дрожавшія отъ страха въ самомъ темномъ углу палатей. — Страшный небось учитель-то? Мы страсть боялись, а какъ онъ заоралъ, — у насъ ажъ поджилки затряслись.

— Сволочь! рѣшила Вѣра, по своему обыкновенію лаконически, и больше не стала разговаривать.

Всѣ праздники въ домѣ землемѣра шла кутерьма, — пьянство, драка. Съ утра до ночи въ избѣ толклись пьяные мужики и бабы, лилась водка, слышались пѣсни и дугань. Софья Петровна нѣсколько дней крѣпилась, потомъ тоже запила горькую и первымъ дѣломъ спустила въ кабакъ шелковую шаль съ разводами, привезенную ей въ подарокъ мужемъ. Дѣти были забыты, и только неизмѣнный другъ, Тимоха, одинъ утѣшалъ ихъ, сдѣлавъ собственноручно салазки и катая дѣтей съ горы.

На Крещенье Никандръ Васильевичъ уѣхалъ, исколотивъ жену и мать за то, что онѣ вытащили у него изъ кармана рублевку, а съ понедѣльника дѣти начали ходить «на учобу» къ Семену Осипычу, получивъ строгій наказъ не лѣниться и стараться, такъ какъ за нихъ, за стервецовъ, заплочено цѣлыхъ восемь рублей.

Пріодѣтые, приглашенные, съ букваремъ и указкой подъ мышкой, явились они къ учителю на квартиру. Квартира была небольшая и состояла всего изъ двухъ комнатъ и кухни съ огромной русской печью, заселенной цѣлымъ полчищемъ пауковъ и таракановъ. Въ кухнѣ этой и происходили занятія. Когда дѣти пришли, здѣсь уже, за большимъ кухоннымъ столомъ, сидѣло человѣкъ шесть мальчиковъ и дѣвочекъ. Предъ каждымъ изъ нихъ лежало по букварю, но дѣти и не думали заглядывать въ нихъ, а занимались перешептываньемъ, игрою въ камешки и тасканьемъ другъ друга за волосы. Два мальчугана, — сыновья фельдшера, — притащили въ карманахъ жарен-

ный горохъ и устроили подъ столомъ торговлю. Учителя еще не было.

Землемъровы дѣти помолились на образъ и остановились въ нерѣшимости, не зная куда имъ дѣваться. Будущіе товарищи смотрѣли на нихъ съ любопытствомъ. Ихъ выручила десятилѣтняя Лиза, дочь создата Трушкина.

— Идите сюда, садитесь, пригласила она ихъ, очищая около себя мѣсто.

Дѣти сѣли. Вѣра изподлбья осматривалась кругомъ.

— Ты въ первой? спросила ее Лиза, предварительно осмотрѣвъ и ощупавъ на ней платье, сережки и платокъ.

— Въ первой. А ты?

— Я ужь третью недѣлю хожу. Гдѣ платочекъ-то покупали?

— Не знаю, это мнѣ папаша привезъ. А хорошо учитель-то учить?

— Ну ужь и хорошо... Охальникъ, одно слово. Тятя меня взять хочеть...

Не успѣла она еще передать Вѣрѣ своихъ впечатлѣній, — дверь въ кухню отворилась и вмѣстѣ съ облакомъ сѣдого морознаго пара вошелъ Семень Осипычъ.

— Тише вы, чего разорались! прикрикнулъ онъ хриплымъ, пересохшимъ съ похмѣлья голосомъ, хотя никто и не думалъ орать. — Тишка, поди-ка сюда... позовалъ онъ одного изъ сидѣвшихъ за столомъ мальчиковъ.

Тишка вылѣзъ, — изъ кармановъ у него посыпался горохъ. Бойкая Лиза прыснула.

— Я тебѣ, я тебѣ! погрозилъ ей учитель и вышелъ съ Тишкой въ сѣни, тщательно притворивъ за собою дверь.

Но несмотря на эту предосторожность, до дѣтей все-таки довольно явственно доносился хриплый шопотъ Семена Осипыча, приказывавшаго Тишкѣ «какъ можно осторожнѣе», а главное «какъ можно скорѣе» сбѣгать въ кабакъ и попросить у Никитича въ долгъ «одну косушечку».

— Да непременно чтобы... Семень Осипычъ молъ нынче же отдасть. Да смотри, чтобы тебя Машенька не видала, — чего Боже сохрани... И ради Господа, поскорѣе!..

Тишка безпрестанно отвѣчалъ: «хорошо-съ!»

— За водкой посылаетъ! шепнула Вѣрѣ Лиза. — Теперь налетѣтъ бѣльма-то, гнилой чортъ, и пойдетъ охальничать...

Семенъ Осипычъ между тѣмъ воротился и молча сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по кухнѣ. Его мучила кошачья тоска. Онъ то вздыхалъ, то плевался, то начиналъ судорожно кашлять, держась за грудь. Грудь у него была впалая, плечи узкія, спина согбенная. Когда онъ останавливался, руки и ноги у него какимъ-то особеннымъ манеромъ тряслись. Вообще, фигура у него была въ высшей степени непреставительная. Но лицо его было еще хуже фигуры. Оно было не то чтобы блѣдное, но какое-то синеватое, словно у утопленника, мокрое и кое-гдѣ усѣянное прыщами, струпами и лишаями. Глаза,—маленькіе, тусклые, съ красными, слезящимися вѣками, безъ рѣсницъ,—смотрѣли нагло и въ то-же время боязливо. Когда онъ взглядывалъ на васъ прямо этими глазами, у васъ являлось непреодолимое желаніе плюнуть въ нихъ... Жидкіе бѣлокурые волосы и борода, были у него не то потные, не то сальные, но всегда ужасно грязные. Изъ рта у него воняло... И весь онъ, кончая своей мятой, но непремѣнно накрахмаленной сорочкой, былъ ужасно грязный, такъ что одно привосновеніе его было въ состояніи вызывать ту нервную дрожь, которую испытываютъ нѣкоторые люди при видѣ лягушки или паука.

Пришелъ Тишка. Семенъ Осипычъ снова скрылся въ сѣняхъ и только минутъ черезъ десять вернулся въ кухню еще болѣе нетвердой походкой, но съ замѣтно повеселѣвшими глазами. Потирая руки, онъ остановился у стола.

— Никакъ новенькіе? пришурились и всматриваясь въ дѣтей, спросилъ онъ.—Чьи такіе?

— Землемѣровы, отвѣтила Вѣра.

— А-а-а... ну хорошо, хорошо... загнусилъ онъ, подвигаясь ближе къ дѣтямъ.—Учитесь у меня хорошенько;— гдѣ у васъ книжка?

Съ этими словами онъ наклонился къ Вѣрѣ и вдругъ, схвативъ ее своею потною, съ грязными ногтями, рукой за подбородокъ, приподнял лицомъ къ себѣ.

Вѣра вздрогнула и сильно повела плечами. На глазахъ у нея выступили слезы.

— Не трогайте... прошептала она. — Не трогайте, а то...

Семенъ Осипычъ отдернулъ руку, захихикалъ и закашлялся.

— А-а-а... ишь ты какая сердитая... Небось, милочка... а-а-а... дай сюда книжку... Онъ показалъ имъ двѣ начальныя

буквы, велѣлъ выучить къ обѣду и перешелъ къ другимъ. Остальные уроки были въ томъ-же родѣ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Семень Осипычъ еще разъ приказалъ дѣтямъ сидѣть смиренно и ушелъ.

— Туда тебѣ и дорога, гнилой чортъ, послала ему вслѣдъ Лиза, и дѣти, побросавъ книжки, принялись опять возиться и пересмѣиваться.

Часа черезъ два явился учитель, спросилъ уроки и отпустилъ учениковъ по домамъ.

Возвращаясь съ этого перваго урока, землемѣровы дѣти безъ умолеку болтали объ учителѣ и своихъ новыхъ впечатлѣнiяхъ. Одна Вѣра молчала, и только когда Нина обратилась къ ней съ какимъ-то вопросомъ, она неожиданно произнесла:

— А ужъ если онъ еще когда-нибудь вздумаетъ меня эдакъ тронуть, я ему въ морду дамъ. Ей-Богу, дамъ!..

Вечеромъ зашелъ къ нимъ Тимоха. Дѣти ему поспѣшили рассказать объ учителѣ.

— Только скучно у него больно, жаловался Андрюша.— Мы ужъ почти всѣ буквы знаемъ, а онъ опять ихъ учить заставляетъ. Кабы склады...

— Да какой онъ учитель! важно сказалъ Тимоха.—Ему только-бы за дѣвками гоняться... Совсѣмъ не настоящій. Вотъ въ Инясевѣ такъ учитель! Моло-оденькiй совсѣмъ, а знаетъ, говорятъ, много. И школу тамъ построили,—большушiй домище... Мы съ тятей за медомъ туда ѣздили, такъ я бѣгалъ глядѣть. Скамейки длинные, въ углу доска черная стоитъ, а по стѣнамъ все планты развѣшаны, а на плантахъ и моря, и окiаны, и земли разные нарисованы.

— Эхъ, вотъ-бы куда учиться-то! вздохнулъ Андрюша.— Отчего у насъ эдакую-же школу не выстроить?

— Мужики жмутся. Онамедни приѣзжалъ изъ города членъ какой-то, собралъ сходъ и говорилъ старикамъ, чтобы школу выстроили. Не хотятъ! Бають,—и такъ недоимка одолѣла, а тутъ еще школу... И безъ нея, бають, обойдемся.

— То-то они, мужики-то ваши... ядовито встала Вѣра, сидѣвшая до того молча.

Тимоха взглянулъ на нее и замолчалъ. Теперь онъ старался избѣгать съ нею споровъ.

Цѣлый мѣсяцъ землемѣровы дѣти довольно аккуратно посѣщали Семена Осипыча. Но ученье ихъ въ сущности подвиг-

галось очень туго, потому что учитель занимался больше выпивкой чѣмъ преподаваніемъ наукъ, или, зазвавъ къ себѣ одну изъ своихъ ученицъ постарше и посмазливѣе, угощалъ ее пряниками и балагурилъ съ нею. По этому поводу въ селѣ уже стали ходить какіе-то смутные слухи: говорили, что у Семена Осипыча происходитъ что-то неладное, что дѣвочки нѣсколько разъ прибѣгали домой въ слезахъ и рассказывали матерямъ возмутительныя исторіи объ учителѣ... но пока слухи эти не имѣли еще въ себѣ ничего опредѣленнаго, и Семенъ Осипычъ продолжалъ учительствовать.

Иногда учебныя занятія дѣтей прерывались и другими неожиданными эпизодами. Тайственная «Машенька», вѣчно скрывавшаяся отъ людскихъ взоровъ по причинѣ какой-то непонятной болѣзни, которою она была одержима, вдругъ, оставивъ своего одра, являлась въ кухню въ одной рубашкѣ, страшная, растрепанная, и съ яростью фури набрасывалась на мужа. Разыгрывалась ужасная сцена. Ухваты, кочерги, сковородники—все это шло въ дѣло; горшки, посуда летали по всѣмъ направленіямъ, со звономъ разбиваясь объ голову несчастнаго учителя; неистовые вопли и самая безобразная ругань наполняли скромное обиталище Семена Осипыча. Дѣти въ ужасѣ разбѣгались... Но на другой день Семенъ Осипычъ встрѣчалъ ихъ какъ ни въ чемъ не бывало, и только обязанная голова, да нѣсколько кровавыхъ ссадинъ на фізіономіи свидѣтельствовали о вчерашнемъ побоищѣ.

— Чего вы, дурачье, разбѣжались? накидывался онъ на дѣтей.—Вѣдь знаете, что Машенька—человѣкъ больной, раздражительный, ну и немудрено, что она немножко того... А вы бѣжать! Прямые ослы!

Но дѣтей очень мало успокоивали эти слова, и во время урока онѣ частенько поглядывали на роковую дверь, съ минуты на минуту ожидая появленія страшной «Машеньки» съ мелло въ рукѣ.

Къ Вѣрѣ Семенъ Осипычъ относился вѣжливо и сдержанно, называя ее даже по имени и отчеству. Только когда ему въ голову попадало болѣе обыкновеннаго, онъ становился съ нею особенно любезенъ, садился рядомъ, заглядывалъ ей въ лицо своими масляными, безъ рѣсницъ, глазами и называлъ ее «красавицей», «итальянкой» и «черноглазою плутовкой». Вѣра пока отмалчивалась.

Скоро дѣти заучили всѣ буквы русскаго алфавита, кончая вжицей, и съ грѣхомъ пополамъ принялись за склады. Болѣе всѣхъ отличалась Нина: она втихомолку уже разбирала слова и цѣлыя фразы по книжкѣ и довольно удовлетворительно могла передать содержаніе басни о волкѣ и лисицѣ, помѣщавшейся въ концѣ ихъ букваря. Они съ Андриюшей очень полюбили эту басню и по вечерамъ, сидя на печи, безпрестанно повторяли: «Лиса, курятинки накушавшись до-сыта»... При этихъ чтеніяхъ нерѣдко присутствовалъ и Тимоха и тоже очень одобрялъ содержаніе басни.

— Это вѣрно, говорилъ онъ, — Лиса — она, подлая, хитра, она и волка какъ разъ объѣдетъ. А волкъ энтотъ простецкій. Онъ хоша и злой, а хитрости въ немъ нѣту. Оттого ему болѣе всѣхъ и достается...

— Такъ ему и надо! воскликнулъ Андриюша. — Я не люблю волковъ...

— За что? спросила Вѣра, усердно вязавшая какой-то безконечный чулокъ.

— Волковъ-то? Какъ за что? Злые они очень. Овецъ, коровъ обдираютъ... вонъ на той недѣлѣ у Петрунина три овцы задрали.

— Ну что-жь задрали. А люди нешто не обдираютъ? Все равно — не волки, такъ люди обдерутъ...

Всѣ стали въ тупикъ и не знали, что отвѣчать. Наконецъ Тимоха нашелся возразить.

— Такъ то люди... небось овецъ-то не волкъ, а люди кормятъ. Вонъ Петрунины-то кормили-кормили, ухаживали-ухаживали за овцами-то, сами не ѣмши сидѣли, а волкъ пришесть — всѣхъ въ одну ночь сожралъ... Я-бъ его рогатиной! Не жри чужихъ овецъ...

— А ему очень нужно знать, чьи овцы. Небось, и онъ тоже, какъ и всѣ, жрать хочеть... Дѣти замолчали, а Тимоха ровыскалъ свою шапку и сталъ процѣпаться.

Такъ проходили у нихъ вечера. А утромъ, чуть забрезжетъ разсвѣтъ, дѣти наскоро умывались, съѣдали по ломтю хлѣба и, захвативъ съ собою уже порядочно замасленный букварь, тащились къ учителю и на разные лады твердили: бе-а, ба, ге-а, га и т. д. Но въ концѣ марта ученье ихъ вдругъ прекратилось самымъ неожиданнымъ образомъ.

Случилось это такъ. Въ одинъ изъ яркихъ весеннихъ дней,

когда съ крынь капало и ледяныя сосульки со звономъ падали на землю, Семень Осипычъ послѣ ученья любезно обратился къ Вѣрѣ съ просьбой остаться у него обѣдать.

— Машенька моя сегодня именинница, говорилъ онъ, и ей очень скучно одной, такъ-какъ, по болѣзни, гостей пригласить мы не можемъ. А вы, милочка, у насъ посидите, поболтаемъ, посмѣемся, все-таки ей, бѣдняжкѣ, повеселѣй будетъ...

Вѣра, было, отказалась, но когда Семень Осипычъ сдѣлалъ обиженное лицо и началъ распространяться о людской неблагодарности и о своихъ трудахъ, которыми *нѣкоторые* пренебрегаютъ, Вѣра вся вспыхнула и согласилась.

Обѣдъ дѣйствительно прошелъ весело. Свирѣпая «Машенька» сначала, было, довольно недружелюбно взглянула на Вѣру, очевидно, подозрѣвая здѣсь какія-то шашни, но потомъ постепенно успокоилась и развеселилась. Семень Осипычъ ласково надъ ней подшучивалъ, толкая Вѣру подъ столомъ колѣнкой, а Машенька била его за это ложкой по лбу; вообще все шло какъ слѣдуетъ. Послѣ обѣда Машенька задремала, а Семень Осипычъ предложилъ Вѣрѣ, чтобы не беспокоить больную, выйти съ нимъ покамѣстъ въ другую комнату и помочь ему до чаю размотать для Машеньки какой-то шелкъ. И онъ на цыпочкахъ, грозя Вѣрѣ пальцемъ и строя уморительныя гримасы, вышелъ изъ спальни. Вѣра послѣдовала за нимъ.

Неизвѣстно, что произошло затѣмъ между ними, но вскорѣ послѣ ихъ удаленія, въ той комнатѣ послышался какой-то шумъ, загремѣлъ упавшій стулъ, съ трескомъ распахнулись двери, и Вѣра, вся блѣдная, съ сжатыми кулаками, съ искаженнымъ лицомъ, выскочила изъ квартиры Семена Осипыча и опрометью бросилась домой, не захвативъ даже своей шубы.

Прибѣжавъ въ избу, она упала на кровать и залилась слезами. Андрюша и Нина въ недоумѣнннн стояли около нея, не зная, что съ ней дѣлать.

— Подлецъ... негодай, бормотала Вѣра, сквозь рыданія.— Я ему наплевала въ рожу—и еще наплюю... Паршивый чортъ... подлый... мерзавецъ эдакій...

Дѣти пробовали было ее расспрашивать, но она ни на какіе вопросы не отвѣчала. Такъ, было, они и рѣшили, что у Вѣры, по обыкновенію, произошла на улицѣ драка съ какимъ-нибудь сорванцомъ; но каково-же было всеобщее изумленіе,

когда на другой день Вѣра наотрѣвъ отказалась идти къ учителю, да и имъ приказала не ходить больше «къ этой сволочи».

— Что-жь, за васъ даромъ, что-ли, деньги-то заплатили... заворчала, было, мать.

— Ступайте къ нему сами! окрысилась Вѣра. — А я больше не пойду... А если онъ сюда придетъ, такъ я ему всю морду изуродую, — вотъ вамъ и сказъ...

Но Семень Осипычъ къ нимъ не пришелъ, а вскорѣ онъ и совсѣмъ исчезъ съ алмазовскаго горизонта. Одна за другою постепенно выплыли наружу всѣ его скверности, и родители, окончательно разочаровавшись въ новомъ учителѣ, перестали посылать къ нему своихъ дѣтей. Какюкъ и дьячекъ торжествовали, а Семень Осипычъ съ огорченія шибко запьянствовалъ и пилъ безъ просыпу цѣлый мѣсяцъ. Но окончательно доканало его еще одно обстоятельство. Пошелъ онъ къ Каюку заказывать сапоги и между прочимъ укралъ у него подметки. Какюкъ давно на него злобствовалъ, и теперь, воспользовавшись случаемъ, такъ избилъ несчастнаго своего соперника, что Семень Осипычъ недѣли двѣ никуда не могъ показаться, и какъ только излечился отъ побоевъ, — немедленно уѣхалъ изъ Алмазова съ своимъ убогимъ скарбомъ и заживо разлагающейся Машенькой.

А алмазовскіе ребятишки собрали свои буквари и снова поплелись къ дьячку полоть огородъ и къ солдату бродить рыбу.

Глава VI.

Чернична Настасья Филипповна.

Быстро пролетѣли весна и лѣто, — дѣти не замѣтили, какъ и время прошло. Цѣлыми днями пропадали они въ лѣсу, на Хопрѣ, ловили раковъ, собирали ягоду и грибы или просто, забравшись въ густую траву гдѣ-нибудь подъ развѣсистой ветлой, предавались самому блаженному созерцанію. Букварь на время былъ забытъ. Но когда на дворѣ снова завывла вьюга, взметая по степи снѣжные вихри, а лѣсъ одѣлся въ серебряную мантию и заснулъ надолго, дѣти шибко заскучали и вытаскили на свѣтъ божій знакомую истрепанную книжку. Они знали ее уже почти наизусть, и чтеніе ея не доставляло имъ

прежняго удовольствія... Тимоха, который теперь сталъ по-сѣщать ихъ гораздо рѣже,—притащилъ-было имъ старинный Часословъ, но дѣти не умѣли читать по-церковному и возвратили книжку назадъ.

— Такъ мы вѣрно неучеными и останемся! съ грустью говорилъ Андрюша.

Осенью по селу пошли, было, слухи о томъ, что «вотъ школу откроютъ». Говорили, что уже и учителя наняли, и избу сняли, но затѣмъ мало-по-малу слухи эти прекратились. Дѣти окончательно пріуныли.

Однако, имъ вѣрно на роду было написано выучиться.

Однажды въ сумерки зашла къ нимъ Терентьевна «провѣдать». Выложивъ весь запасъ обычныхъ деревенскихъ новостей, она, между прочимъ, вспомнила и о Семенѣ Осипычѣ.

— Вѣдь вотъ, мошенникъ эдакій, у Калинкина дѣвку-то совсѣмъ испортилъ!

— Что ты! ужаснулась Лукинична.

— Право-слово, дѣвушка! Тамъ такой алырникъ былъ—не приведи Господи! И я-то сдуру къ нему свою Лизутку послала. Сохрани Богъ, ежели-бы что случилось, на вѣкъ-бы дѣвчонку загубилъ. Вотъ они, учителя-то...

— Да, да,—поди вотъ, узнай ихъ. Вѣдь и наша къ нему ходила тоже.

— Вотъ видишь ты! А безъ грамоты тоже нельзя,—времена такія. Вонъ Лизутка моя на стѣну лѣзетъ—«учиться хочу». Что подѣлаешь съ ними. Ваши-то учатся тоже?

— Да нѣтъ, гдѣ-же! Мы, было, вотъ съ Петровной и думали такъ-то,—негдѣ.

— Да вы-бы къ черничкѣ ихъ послали, посовѣтовала Терентьевна.

— Къ черничкѣ? Къ какой это,—къ Глашкѣ, что-ли?

— Къ какой Глашкѣ! замотала головой повитуха.— Къ Настасьѣ Филипповнѣ, я говорю, что на выѣздѣ живетъ. А Глашка сволочъ...

— Настасья Филипповна... Чтой-то, кажись, я не слышала...

— Хоро-о-шая дѣвица! съ жаромъ сказала Терентьевна.— Степенная, кроткая, задушевная... И за ученье ничего не беретъ,—ни въ жизнь! Моя Лизка къ ней теперича ходитъ,—

такъ не нахвалится. А Глашка — это дрянб! Глашка — одно слово—тьфу и растереть...

И Терентьевна пустилась рассказывать о похожденияхъ Глашки.

Дѣти внимательно прислушивались къ этому разговору, и какъ только Терентьевна ушла, — они приступили къ матери съ просьбой отдать ихъ къ черничкѣ. Мать согласилась, и ребятишки черезъ нѣсколько дней съ трепетомъ отправились къ новой учительницѣ.

На самомъ выѣздѣ изъ села, около церкви, стоялъ маленькій, одинокій домикъ. Зимой его заносило сугробами, а лѣтомъ вокругъ него пышно зеленѣли вишни, черемуха и яблони и цвѣли гордые піоны, махровыя астры и пахучіе левкои. Въ этомъ-то домикѣ и жила знаменитая черничка, старая дѣвушка Настасья Филипповна. Теперь она рѣдко появляется изъ своего тихаго пріюта на свѣтъ Божій, но лѣтъ 20 тому назадъ Настасья Филипповна, или, какъ ее тогда называли, — Настюша, считалась первою красавицей въ селѣ Алмазовѣ и первою щеголихой и запѣвалой въ хороводахъ. Высокая, статная, гордая, она сводила съ ума всю сельскую молодежь, и женихи сватали ее наперебой, тѣмъ болѣе, что отецъ ея былъ человѣкъ зажиточный и Настюша слыла богатою невѣстой. Сватать ее пріѣзжали не только свои братья-мужики, но даже прикащики и купеческіе сыновья. Но Настя всѣмъ наотрѣзъ отказывала и попрежнему гуляла на волѣ, распѣвая пѣсни и щеголяя яркими нарядами. Не мало удивлялись этому въ селѣ, не мало корили Настю за чванство и гордость, но никто не зналъ, что у гордой дѣвушки, помимо всѣхъ жениховъ, была давно уже на сердцѣ зазноба... На бѣду свою, слюбилась она съ сыномъ алмазовскаго дьякона и во время тайныхъ свиданій съ нимъ получила отъ него перстенецъ и обѣщаніе жениться, какъ только кончитъ курсъ. Настюша вѣрила и ждала... Между тѣмъ годы шли, семинаристъ кончилъ курсъ и вернулся на родину. Но не пришлось Настѣ быть дворянкой: семинаристъ забылъ свои обѣщанія, женился на чухлѣй поповнѣ изъ сосѣдняго села и, получивъ вмѣстѣ съ нею богатое поповское мѣсто, навсегда уѣхалъ изъ Алмазова.

Страшно поразило это гордую деревенскую красавицу. Она словно околѣла, и мѣсяца три отъ нея никто не слышалъ слова. Суровая, неподвижная сидѣла она по цѣлымъ днямъ

гдѣ нибудь въ углу, не сводя глазъ съ одной точки, и на всѣ тревожные вопросы родныхъ отвѣчала молчаніемъ. Тогда домашніе рѣшили, что она испорчена и принялись ее лечить. Призывали знахарку, брызгали крещенской водой, поили съ уголька. Настя молчала. И только когда зазеленѣли въ степи курганы, когда жаворонки запѣли свои первыя весеннія пѣсни, а въ лѣсу зацвѣла черемуха и тернъ,—она очнулась и заговорила.

— Отпусти меня, тятя, на богомолье... были первыя ея слова.

Отецъ ни мало ей не перечилъ и пошелъ исправлять пашпортъ. Въ этотъ-же день все село узнало объ этомъ, и народъ толпами повалилъ къ нимъ въ избу взглянуть на очнувшуюся Настюшу. Алмазовцы были вполне увѣрены, что тутъ кроется какое-то чудо и смотрѣли уже на дѣвушку, какъ на святую.

Между тѣмъ Настя раздарила всѣ свои богатые наряды подругамъ, сама одѣлась въ черное платье и попросила отслужить молебенъ. Наканунѣ своего отъѣзда она одна ушла въ лѣсъ. Всѣ закоулочки исходила, со всякимъ деревцомъ простилась, потомъ вышла на берегъ Хопра и, снявъ съ руки завѣтный перстенецъ, съ размаху бросила его въ воду. А на утро, чуть зорька вспыхнула на небѣ, Настя покинула свой домъ. Алмазовцы всѣмъ селомъ проводили ее за околицу.

Пять лѣтъ объ Настѣ не было ни слуху, ни духу. Отецъ ея померъ, братья раздѣлились, и въ селѣ стали уже о ней забывать. Но на шестой годъ она вернулась, и никто не узналъ въ ней прежней Насти, черноглазой красавицы и веселой хороводницы. Предъ алмазовцами явилась совсѣмъ другая женщина. Молчаливая, блѣдная, съ глубоко впавшими задумчивыми глазами, съ тихимъ голосомъ и плавными движеніями, она казалась какъ-бы «не отъ міра сего» и производила странное впечатлѣніе на окружающихъ. Нѣкоторыхъ простодушныхъ алмазовцевъ, въ особенности бабъ, такъ поражала ея строгій, величавый видъ, что они не разъ подходили къ ней подъ благословеніе. Но Настасья Филипповна всегда одинаковымъ движеніемъ отстраняла подходящихъ и сама цѣловала у нихъ руки, чѣмъ приводила ихъ въ еще большее смущеніе...

Немедленно по возвращеніи, она выпросила себѣ позволеніе выстроить на церковной землѣ домикъ, сама обнесла его палисадникомъ, сама насадила въ немъ деревья и затво-

рилась въ своемъ новомъ жилищѣ. Изъ него выходила она рѣдко, и цѣлые дни, даже ночи, проводила въ молитвѣ. Предъ образами у нея вѣчно теплилась лампада, и въ зимнее время этотъ далеко-далеко мерцавшій огонекъ не разъ указывалъ сбившимся съ пути дорогу.

«Прямо сказать,—святая у насъ Настасья Филипповна,» говорили алмазовцы. Но репутація «святой» еще болѣе упрочилась за нею съ тѣхъ поръ, какъ Настасья Филипповна въ холерный годъ вышла изъ своей избушки и цѣлое лѣто переходила изъ избы въ избу, ухаживая за больными, обмывая мертвецовъ и читая надъ ними псалтырь. Много народу умерло у нея на рукахъ, но сама она оставалась все такою-же невредимою, спокойною и величавой. Съ этого времени она стала для алмазовцевъ положительно необходима. Стоило кому-нибудь въ семьѣ захворать,—шли къ Настасьѣ Филипповнѣ и глубоко вѣрили, что она непременно поможетъ. Умиралъ кто-нибудь,—опять призывали ее, потому что никто лучше ея не могъ снарядить покойника и прочесть съ такимъ чувствомъ псалтырь. Къ ней ходили совѣтоваться въ разныхъ трудныхъ случаяхъ жизни и приглашали разсудить какое-нибудь семейное недоразумѣніе. И Настасья Филипповна никогда не отказывала и во всякое время шла на призывъ. И все это дѣлала она какъ-то тихо, незамѣтно, никому не бросаясь въ глаза, безъ лишнихъ словъ, безъ всякой аффектаціи.

За то и уважали алмазовцы «свою» Настасью Филипповну,—уважали даже болѣе, чѣмъ попа и фельдшера. Ея простые слова, ея добровольная, хотя и малая, но всегда существенная помощь болѣе трогала ихъ мужицкія сердца, чѣмъ громкіе обѣщанія и большіе посулы.

Ярко сіяло зимнее солнце послѣ вчерашней вьюги и метели. Громадные снѣговые сугробы громоздились по обѣимъ сторонамъ улицы и, словно сказочные дворцы, сверкали разноцвѣтными огнями. Узенькая тропинка змѣилась между нихъ, и по ней весело бѣжали землемѣровы дѣти, направляясь къ церкви. Морозъ пощипывалъ имъ щеки и уши; сверкающій снѣгъ поскрипывалъ подъ ногами; въ голубоватомъ, прозрачномъ воздухѣ кружились золотыя искорки. Давно уже дѣти не

шли на улицу, и теперь, вырвавшись на волю из душ-
 тьсной хаты, они радовались и ликовали. Все ихъ за-
 но и веселило... Вотъ навстрѣчу имъ тянется длинный
 . Тяжелые, нагруженные кладью возы раскатываются на
 ахъ, медленно подвигаясь впередъ; скрипятъ полозья, про-
 по стѣгу глубокия лоснящіяся борозды; косматыя лоша-
 и, кивая головами, натуживаются всѣмъ тѣломъ и тяжело
 ать, оскаливая зубы. Отъ нихъ валитъ сизый паръ и мед-
 ваетъ въ воздухѣ... Извозчики лежатъ на возахъ, при-
 нис рогожей, и безучастно поглядываютъ вокругъ. Иные
 чить про себя пѣсню; иные, спрыгнувъ съ возовъ, бѣ-
 ридомъ, хлопывая рукавицами и прискакивая. Какой-то
 мужикъ въ огромной овчинной шапкѣ поровнялся съ
 и и остановился.

— Далеко? поинтересовался онъ, обращаясь къ длинному
 о, меланхолично шагавшему за обозомъ съ цыгаркой
 убахъ.

— На чугунку... неохотно бурчить тотъ, сплевывая въ
 му.

— Такъ-съ. А чего везете?

Дарьё долго молчалъ, усиленно дымя цыгаркой. Потомъ
 рилъ, поправилъ шапку и, еще разъ сплюнувъ, сердито
 шалъ.

— Что? Свиные рога, — вотъ чего...

Иными словами онъ загоготалъ на отставшую лошадь и
 добжалъ къ своему возу.

Дарьё, было, опѣшилъ, потомъ обернулся и пустил крѣп-
 руганъ вслѣдъ удаляющемуся обозу. Дѣтей это еще болѣе
 веселило, и они долго хохотали, повторяя извозничью фра-
 «свиныхъ рогахъ».

На дорогѣ попадались имъ и знакомые. Прошелъ Филип-
 ишкомъ подъ мышкой и съ выраженіемъ мучитель-
 на лицѣ («вѣрно, хлѣба пошелъ къ Ярыгину за-
 ть!»); церковный сторожъ, Акимычъ, жестикулируя, несъ
 абагъ пѣтуха, тщетно старавшагося протестовать противъ
 несправедливости, — и много другихъ. Дѣти и имъ рады
 и всю дорогу отъ дома до церкви между ними не умол-
 веселый разговоръ. Даже угрюмая Вѣра оживилась.

по мѣрѣ приближенія къ домику чернички ими посте-
 стала овладѣвать странная робость. Они примолкли и

у дверей долго перекорялись,—кому первому войти. Вѣра рѣшилась первая, и смѣло растворивъ двери, очутилась въ полутемной кельѣ Настасьи Филипповны. За нею робко проползли Андриюша и Нина.

Здѣсь сразу охватило ихъ душистымъ тепломъ, и что-то родное, задушевное повѣяло на нихъ изъ каждаго уголка этой низенькой комнатки съ крошечными подслѣповатыми оконцами. Въ углу слабо мерцала неугасимая лампада; по стѣнамъ висѣли пучки сушеныхъ травъ и цвѣтовъ; пахло ладномъ, шиповникомъ и богородскою травкой. На бѣломъ дубовомъ столѣ лежали четки и огромная развернутая книга, а у окна, низко нагнувшись надъ шитьемъ, сидѣла сама Настасья Филипповна. Дѣти сначала ее не замѣтили въ полумрагѣ... но вотъ она поднялась съ мѣста и пошла къ нимъ навстрѣчу.

— Миръ вамъ, дѣтки... привѣтствовала она тихимъ, нѣсколько глухимъ голосомъ. — Поучиться захотѣли... милости просимъ. Садитесь, дѣтки...

И она ласково и нѣжно провела рукою по кудрямъ Вѣры. Отъ этой ласки, — которой давно уже ни отъ кого не видала дѣвочка, — у Вѣры все сердце затрепетало и слезы невольно выступили на глаза...

Дѣти усѣлись за столъ, а Настасья Филипповна взяла съ полки книгу и медленно развернула ее на первой страницѣ.

Уже вечерѣло, когда дѣти возвращались домой. Солнце громаднымъ огненнымъ шаромъ опускалось среди безпредѣльной снѣжной равнины, и село съ одной стороны было словно охвачено заревомъ пожара, а съ другой—тонуло въ серебристыхъ сумеркахъ зимняго вечера. Надъ церковью заблестѣлъ молодой мѣсяцъ, ныряя въ голубомъ туманѣ... морозъ крѣпчалъ.

— Хорошо-то какъ у нея! выговорила, наконецъ, Нина, глубоко вздохнувъ, словно сожалѣя, что такъ быстро пролетѣлъ день, проведенный ею у чернички.

— Да-а... въ раздумьи произнесъ Андриюша.—Только... отчего она каменная какая-то?.. Бѣлая, и ходить такъ тихо—тихо, какъ не живая. Я на нее глядѣть боюсь...

— А я нѣтъ. Она добрая, съ убѣжденіемъ сказала Нина.— Знаешь, на кого она похожа? На святую, которая въ церкви на стѣнѣ нарисована. Ей-Богу!

Одна Вѣра молчала, но въ глубинѣ души ея шевелилось какое-то непонятное для нея, но невыразимо хорошее чувство. Она не могла забыть той теплой ласки, которую оказала ей эта блѣдная «каменная» женщина въ черномъ платьѣ...

Весь этот вечеръ у дѣтей только и рѣчей было, что про Настасью Филипповну. Они вспоминали ея лицо, голосъ, ея немногія слова, сказанныя во время урока, ея маленькую полутемную комнатку съ острымъ ароматомъ сушеныхъ травъ и слабымъ мерцаніемъ лампадки. Все это какъ-то сразу сдѣлалось имъ роднымъ, необыкновенно близкимъ и дорогимъ.

Ученье ихъ пошло гораздо успѣшнѣе, чѣмъ у Семена Осипыча. Черничка учила постаринному, съ азовъ и съ Часослова, но при этомъ она такъ умѣла обращаться съ дѣтьми, что они охотно принимались заучивать неуклюжія славянскія буквы и очень скоро усвоивали себѣ ту немногую мудрость, которую передавала имъ учительница. Но главнымъ образомъ все-таки на дѣтей необыкновенно благотворно дѣйствовала та обстановка, среди которой имъ приходилось заниматься. Послѣ семейныхъ дразгъ и неурядицы, послѣ тяжелыхъ домашнихъ невзгодъ, эта тихая комнатка какъ-то особенно умиротворяюще дѣйствовала на впечатлительную дѣтскую душу. Измученныя, вѣчно голодныя, вѣчно обиженныя дѣти отдыхали здѣсь, вполне отдаваясь этой чарующей тишинѣ и спокойствію...

...Вотъ сидятъ они за знакомымъ имъ дубовымъ столомъ. За окномъ злится и бушуетъ вьюга, стонетъ вѣтеръ, снѣжные хлопья кружатся надъ землею,—а въ этой кельѣ такъ тепло и уютно. Огромный бѣлый котъ мурлычетъ на запечкѣ, въ сладкой истомѣ вытягивая свои пушистыя лапы; сверчокъ чирикаетъ гдѣ-то въ углу свою томительно однообразную пѣсенку. Низко нагнувъ голову надъ шитьемъ, сидитъ Настасья Филипповна и только изрѣдка поднимаетъ на дѣтей свои задумчивые, глубоко впавшіе глаза, чтобы поправить ошибку или отвѣтить на вопросъ. Ея блѣдное, безъ морщинки лицо свѣтится глубокою думой. Глядятъ на нее дѣти,—и такъ тихо-тихо становится у нихъ на душѣ. Не слышно кругомъ ихъ обычной брани и колготни, и кажется имъ, что они совсѣмъ отдѣлились отъ своего прежняго міра, что далеко-далеко отъ нихъ копошится эта суетливая, исполненная дразгъ и неудовольствій, деревенская жизнь. Даже озлобленная Вѣра забывалась здѣсь, и ея рано накипѣвшее горечью сердечко усмиралось въ массѣ

новыхъ, тихихъ ощущеній. Крѣпко полюбили дѣти свою наставницу, а Нина просто чуть не молилась на нее.

Къ веснѣ дѣти уже порядочно читали по-славянски и познакомились съ Священной Исторіей, съ Четы-Минеей и съ Евангелиемъ. Первое чтеніе Евангелія произвело на нихъ потрясающее впечатлѣніе. Сначала, когда они сами по складамъ разбирали его, наполовину ничего не понимая, Евангеліе оставалось для нихъ мертвою книгойъ съ мудренными титлами и непонятными словами — только. Но когда однажды сама Настасья Филипповна взялась за эту книгу и своимъ тихимъ голосомъ, медленно, слово за словомъ прочла имъ нѣсколько эпизодовъ изъ жизни Христа,—дѣти многое поняли и были поражены...

«И одѣяша его хламидою червленою... и сплетше вѣнецъ отъ тернія, возложиша на главу его... и плюнувшѣ на нѣ и пріяша трость, бѣяху его по главѣ... и ведоша его на пропятіе»... «Идѣше-же во слѣдъ его народъ многъ людей, и жены, яже и плакахуся и рыдаху его»... «Иисусъ-же глаголаше: отче, отпусти имъ... не вѣдятъ бо, что творять»...

Нина, припавъ своей бѣлокурой головенкой къ столу, рыдала навзрыдъ, по дѣтски, съ всхлипываніями и захлебываніями; Андрюша плакалъ тихими слезами, отвернувшись въ сторону, а Вѣра,—эта ни во что доброе не вѣрящая, во всемъ сомнѣвающаяся Вѣра, даже она сидѣла вся дрожа, и изъ ея черныхъ, широко открытыхъ глазъ, одна за другою, скатывались и беззвучно падали ей на руки горячія, крупныя слезы. Лучезарный образъ кроткаго, всепрощающаго, любвеобильнаго Бога во всемъ величїи предсталъ предъ ихъ духовными очами. И тѣмъ ближе, тѣмъ понятнѣе былъ для нихъ этотъ Богъ, что сами они были изъ числа тѣхъ обиженныхъ и несчастныхъ, которыхъ любилъ Онъ при жизни и за которыхъ повлекли Его на крестъ

Дѣти плохо еще понимали Христовы притчи съ ихъ глубокимъ смысломъ; ихъ дѣтскій умъ еще не въ состояніи былъ проникнуть въ «идею» Евангелія, но за то конкретная сторона его была ими вполне усвоена и уяснена. Они не знали Христа-учителя съ Его вѣчными великими истинами,—и предъ ними только рисовались яркія картины Его земной жизни. Они видѣли Христа окруженнаго убогими, нищими, больными; они видѣли Христа, благословляющаго дѣтей, творящаго чудеса,

страдающаго человѣческими страданіями; наконецъ, Христось являлся имъ, какъ воскресшій Богъ, въ блескѣ и славѣ, и они любили его, молились ему, чувствовали заодно съ нимъ...

Чтеніе Евангелія стало для нихъ единственнымъ и любимымъ чтеніемъ. Они читали и перечитывали его по нѣскольку разъ въ недѣлю; Нина выучила его почти наизусть. Много слезъ было пролито надъ этими пожелтѣвшими, пахнущими церковью и ладономъ, страницами; много мыслей возникло въ дѣтскихъ головенкахъ, много было перечувствовано и переговорено надъ этой книгой. Потомъ, мало-по-малу, вся эта безпорядочная масса мыслей, ощущеній, представленій стала улегаться и принимать болѣе опредѣленныя формы. Явились выводы, обобщенія, взгляды...

ГЛАВА VII.

Дѣти и Евангеліе.

Весенній день догоралъ. Оттаявшія оконца снова затянулись тоненькой, какъ паутинка, кое-гдѣ сморщившеюся ледяною пленкой; прозрачныя сосульки изъ огненныхъ превратились въ голубыя; снѣговыя глыбы по улицамъ осѣли и подернулись сѣрою дымкой. Въ тихомъ воздухѣ дрожали протяжные, тягучіе звуки церковнаго благовѣста,—звонили ко всенощной.

Землемѣровы дѣти сидѣли въ уголку у окна; Нина своимъ пѣвучимъ тоненькимъ голоскомъ дочитывала вслухъ повѣствованіе Апостола Іоанна, а Андрюша и Вѣра, какъ и въ первый разъ, внимательно слушали чтеніе, не проронивъ ни одного слова. Но теперь они уже не плакали... Они думали, и въ ихъ маленькихъ головенкахъ роились странныя мысли.

— Подлые, подлые!.. выговорила, наконецъ, Вѣра вслухъ, когда чтеніе закончилось потрясающей картиной смерти Христа.—Не стоило для нихъ... Самъ Богъ пришелъ къ нимъ, самъ Богъ дѣлалъ для нихъ добро,—они и Его распяли. Подлые!

Въ голосѣ дѣвочки звучала недѣтская горечь и злоба:

— Ахъ, Вѣра, кака-ты! возразила Нина.—Развѣ всѣ они такіе? И добрые были, которые слушали Его и поступали такъ, какъ Онъ имъ велѣлъ. Они хорошіе были, жалѣли Его...

— А отчего-же они за Него не заступились, когда Его мучили?

— Потому что мало ихъ было, вступился Андриуша.

— То-то и есть, что мало. И подлые все-таки взяли верхъ. Измучили, надругались... гвоздями руки и ноги Ему прибивали,—и никто не заступился...

Вѣра вся дрожала отъ негодованія.

— Они грѣшныя были... ничего не понимали. Вѣдь Христось самъ сказалъ—не вѣдають, что творять... Вотъ Онъ и сошелъ на землю, чтобы сдѣлать ихъ добрыми...

— А они Его-же замучили! съ жаромъ воскликнула Вѣра.— Нѣтъ, для нихъ ничего не стоитъ дѣлать! Когда самъ Богъ— и то не могъ ихъ исправить, — значить, ужъ они и всегда такіе будутъ. Всегда, всегда, всегда... кричала она со страстью, не давая Нинѣ выговорить слова.

Нина и Андриуша умолкали и долго послѣ того шептались между собою въ уголку. Дѣти не понимали другъ-друга. И все чаще и чаще возобновлялись между ними жаркіе споры по поводу земной жизни Великаго Учителя.

Вѣра задумывалась, становилась мрачна, раздражительна; чтеніе Евангелія болѣе не дѣйствовало на нее умиротворяющимъ образомъ. Въ особенности она не могла выносить повѣствованія о послѣднихъ дняхъ Спасителя; вся эта вереница надрывающихъ душу картинъ мучила ее, жгла огнемъ ея сердце, доводила до отчаянія. Иуда-предатель, продавшій Учителя и друга своего за сребренники, грубые солдаты, бьющіе Христа въ лицо и насмѣхающіеся надъ Нимъ, старѣйшины и глухые, самодовольные фарисеи, любующіеся на мученія, толпа, безсмысленно вопіющая «распи, распи Его»... мерещились ей на яву и во снѣ, не давали ей покоя, и въ этомъ мрачномъ хаосѣ злобы и ненависти людской не видѣла она уже и совсѣмъ свѣтлыхъ образовъ Христа и Его послѣдователей. Все тонуло въ этомъ мракѣ... тоска ея доходила до болѣзненности...

— Замолчи, Нинка! кричала она отчаянно.— Не могу слушать этого. Будь я на мѣстѣ Христа,—я-бы совсѣмъ, совсѣмъ не такъ сдѣлала. Я-бы ихъ всѣхъ, проклятыхъ, громомъ убила... я-бы и людшекъ, и землю прахомъ разнесла, я...

— Онъ ихъ простилъ... робко вставляла Нина.

— А что-жь,—они лучше отъ этого стали? Они-же послѣ

апостоловъ мучили, жгли, распинали, они-же радовались, когда Христось умеръ... Молчи! кричала она на Нину. — Слушать ничего не хочу... не читай больше!

И она снова погружалась въ свои мрачныя думы, задавая все тѣмъ, безконечно мучившимъ ее вопросомъ: «гдѣ-же справедливость? Гдѣ добро?» Наконецъ, она стала даже возмущаться. Она не понимала этой покорности предъ мучителями, этой мольбы и смиренія предъ пощечинами и плевками. Лучшіе люди, отданные на мученія и всякія истязанія—съ одной стороны, и полное торжество зла—съ другой... Вѣра никакъ не могла представить себѣ Бога—униженнаго, оплеваннаго, съ терніемъ на челѣ. Она хотѣла-бы видѣть его торжествующимъ, карающимъ, уничтожающимъ, въ полномъ блескѣ своего величія; этотъ торжествующій Богъ былъ ей болѣе по душѣ... Она была вполне дитя земли и потому не могла найти себѣ утѣшенія въ мысли о какой-то туманной наградѣ «каждому по дѣламъ его» на небесахъ.

Вскорѣ она совсѣмъ охладѣла къ Евангелію. Она не нашла въ немъ прямого отвѣта на мучившіе ее вопросы, и свѣтлый образъ Христа постепенно ступшевался предъ нею. Вихрь новыхъ мыслей закружился въ ея головѣ.

Совсѣмъ другое творилось въ душѣ ея брата и сестры.

— Ахъ, Андрюшка! говорила Нина брату. — Когда мы вырастемъ большіе,—мы будемъ такъ жить, какъ жилъ Христось. Мы пойдемъ съ тобой по деревнямъ... будемъ всемъ читать Евангеліе, будемъ помогать бѣднымъ, больнымъ. Да, Андрюшка?

— Я въ лѣсъ уйду, отвѣчалъ Андрюша. — Выстрою себѣ шалашъ и буду совсѣмъ одинъ. Буду Богу молиться, надѣну вериги (Настасья Филипповна рассказывала имъ, что такое вериги), ничего ѣсть не стану. Хорошо въ лѣсу! Знаешь, Нинка, утромъ, когда солнышко чуть-чуть выглянетъ и всѣ деревья розовыя стоятъ. А птицы поютъ...

Нина на минуту задумывалась, потомъ рѣшительно проносила:

— Нѣтъ, я въ лѣсъ не хочу. Въ лѣсу очень страшно. И Христось не жилъ въ лѣсу. Онъ сказалъ: «идите и проповѣдуйте...» Я проповѣдовать пойду.

Теперь они читали уже Четы-Минеи. Игнатій-Богоносецъ, Теодоръ-Стратилать, Агафья-мученица, Варвара, Даниилъ—всѣ эти великіе мученики и страдальцы «за Христа»,

туманной вереницей проходили предъ ними, заставляя треметать удивленіемъ и восторгомъ ихъ впечатлительныя сердца. Костры, терніи и мечи; облокрылые ангелы съ виноградными лозами въ рукахъ; имя Христа, запечатлѣнное въ окровавленномъ человѣческомъ сердцѣ, вырванномъ изъ груди,—чудныя, полныя таинственной, завлекающей прелести легенды... И эти легенды открывали предъ дѣтьми цѣлый новый міръ; онѣ манили ихъ, увлекали въ свою глубину, раздражали ихъ нервы. Дѣти впадали въ восторженный мистическій бредъ, и грезы ихъ доходили до поразительной реальности...

— Знаешь, Нинка, шептала Андриуша сестренкѣ, указывая на образъ Божіей Матери, висѣвшій у нихъ въ углу рядомъ съ Николаемъ чудотворцемъ. — Гляди... гляди... Она живая... Она смотритъ. Видишь, она на насъ глядитъ и улыбается...

Нина во всё глаза глядѣла на образъ, освѣщенный колеблющимся пламенемъ лампадки,—и чудилось ей, что вправду Божія Матерь улыбается... поднимаетъ руку, киваетъ имъ. Дѣти крѣпко жмутся другъ къ другу, и сладкій ужасъ томительной дрожью охватываетъ ихъ съ ногъ до головы... Страшно и хорошо!

Но когда дѣти послѣ Четы-Миней брались снова за Евангеліе, — опьяняющій мистическій чадъ, въ которомъ они находились, мало-по-малу разсѣвался, и кроткій Христосъ съ своею проповѣдью міра и любви все ярче вырисовывался предъ ними, совсѣмъ заслоняя собою самоотверженныхъ, фанатическихъ героевъ Четы-Миней со всею ихъ кровавою обстановкою. Всѣ эти ужасы кровавой борьбы стараго отживающаго начала съ новымъ ученіемъ отодвигались на задній планъ, оставляя мѣсто всеохватывающей идеѣ Евангелія, которому Четы-Миней служили только дополненіемъ. Расходившіеся нервы успокоивались; начинала работать мысль, а не чувство.

Подолгу просиживали дѣти надъ Евангеліемъ. И часто Нина вдругъ глубоко задумывалась, облокотивъ свою русую головку на руку и глядя въ далекое синее небо. Тамъ Онъ, могущественный, добрый Богъ; тамъ свѣтъ и вѣчное спокойствіе. А здѣсь внизу живетъ и копошится толпа беспомощныхъ, жалкихъ, несчастныхъ людей; здѣсь страдаютъ, плачутъ, молятся, здѣсь любятъ, и ненавидятъ, и мечутся въ

разныя стороны, нигдѣ не находя себѣ счастья и покоя. Въ и здѣсь они, эти мятущіеся люди. Блѣдная, больная, голодная Анна; отупѣвшій отъ нищеты Федотъ, озлобленный солдатъ Кошкинъ, жирный Иванъ Никитичъ, вѣчно чѣмъ-то недольный, жадный, скупой; старуха Иваниха съ слезающимися глазами и мольбой о смерти—и много, много... И какая-то таинственная связь соединяетъ эту жалкую кучку людей съ прекраснымъ, чистымъ небомъ, несмотря на то, что оно такъ далеко... далеко отъ грязной маленькой земли. Всѣ они рвутся туда, ждутъ отъ него чего-то, надѣются и просятъ. Отъ чего?

Толпой тѣснятся мысли въ маленькой головкѣ. Толпой шивутъ кудравыя бѣлыя облачка по небу. А оно, безмолвное, холодное, прозрачное и таинственное, со всѣхъ сторонъ обняло землю и глядитъ, не давая отвѣта. Вѣчная загадка...

И вдругъ чудится задумавшейся Нинѣ, что небо спускается на землю... что Богъ здѣсь,—близко-близко отъ нея,—что Онъ въ ней самой. Сердце Нины начинаетъ сильно биться, кровь горитъ огнемъ... и дѣтская душа ея вдругъ переполняется такимъ восторгомъ, такой страстной любовью ко всему окружающему, что она бросается на колѣни и начинаетъ молиться...

«Господи, люблю тебя... всѣхъ людей люблю и буду любить. «Раздай все имущество твое и иди во слѣдъ мнѣ...» — если нѣтъ у меня ничего, что мнѣ отдать? Господи, научи меня, я все буду дѣлать... Пойду, куда велишь...»

Тисячу плановъ роились въ ея головѣ, но она глубоко держала ихъ пока про себя. Сколько разъ хотѣлось ей сказать Настасѣ Филипповнѣ, посоветоваться съ нею, но она почему-то все стыдилась, и только Андриуша одинъ былъ помощень въ ея мечты и предположенія. Они ничего не скрывали другъ отъ друга и были неразлучны. вмѣстѣ читали, вмѣстѣ думали, вмѣстѣ пѣли сочиненный Андриушею гимнъ, который оканчивался словами:

Слава Ему, слава Ему,
Слава Христу моему...

Вѣра надъ ними смѣялась...

В. Дмитриева.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

О, милый друг! какъ странно человѣкъ
Природой созданъ... Много насъ, я знаю,
Тоскующихъ, больныхъ, огнемъ любви согрѣтыхъ,
О, много насъ—клянущихъ зло, вражду,
За идеаль—принять готовыхъ муки,
А между тѣмъ...

Смотри, какъ день за день
Проходить сумрачно, какъ жизнь блѣдна, позорна!
И сами мы—на жизненномъ пиру,
Гдѣ въ каждой чашѣ сладостная капля
Есть капля крови или слезъ,—мы сами
Съ врагами истины пируемъ беззаботно..
И все твердимъ: «такъ стыдно, стыдно жить!»

П. Якубовичъ.

ПОТЕРЯ ИДЕАЛА *)

Романъ.

Мар. Торелли-Торриани (Маркизы Болоньи).

(Перев. съ итальянскаго).

IX.

Между тѣмъ кругъ знакомствъ Джіованни понемногу расширялся. Изрѣдка ему перепали кое-какія дѣла. Нѣкоторые изъ его товарищей, которые послѣ его рѣчей пришли въ восторгъ отъ его ума и таланта, вызывались представить его синьеру такому-то, кавалеру такому-то, — особамъ очень вліятельнымъ и извѣстнымъ.

Джіованни съ благодарностью принималъ такія предложенія. Но Боже! сколько мученій доставляли они ему! Приходилось покупать перчатки и галстуки, имѣть всегда наготовѣ тонкую, отлично крахмаленную рубашку и модный цилиндръ.

Въ результатѣ оказывался всегда нуль. Особа, которой усердствующій пріятель представлялъ его, перечисляя его достоинства, блестящій экзамень, умъ, краснорѣчіе, трудолюбіе и т. д. и т. д., неизмѣнно отвѣчала:

— Прекрасно, прекрасно! Мнѣ очень пріятно!

— При вашемъ вліяніи, подсказывалъ пріятель, вы, конечно, могли-бы облегчить ему первые шаги...— Такое прямое обращеніе заставляло особу придать своему лицу величественно-покровительственное выраженіе и бросить на вѣтеръ нѣсколько стереотипныхъ обѣщаній:

— О, конечно! Можете на меня положиться. Я буду имѣть въ виду...

Этимъ дѣло кончалось. Особа не подавала больше никакихъ

*) См. № 1 „Дзело“ 1883 г.

признаковъ жизни, и если кто-нибудь упоминалъ о высокомъ покровителѣ, то развѣ только другъ-радѣтель, напоминавшій отъ времени до времени, что Джіованни долженъ сдѣлать еще визитъ въ домъ, гдѣ былъ такъ хорошо принятъ.

Въ случаяхъ исключительно благопріятныхъ, съ нимъ совѣтовались по поводу какой-нибудь старой тяжбы или поручали ничтожное дѣло, не стоившее выѣденнаго яйца. Однако, онъ брался за все съ величайшимъ усердіемъ. Ему, какъ знакомому, платили немного меньше, чѣмъ слѣдовало-бы заплатить другому, и въ этомъ оканчивалось дѣло.

Имъ начинало овладѣвать отчаяніе. Въ то небольшое, что перепало на его долю, онъ вкладывалъ столько труда, знанія и усердія, что не могъ относиться къ этому легко. Онъ зналъ, что сдѣлалъ все, что могъ при своихъ способностяхъ, и потому невольно повторялъ: если при такихъ усиліяхъ мнѣ не удалось ничего добиться, то, стало быть, я никогда не добьюсь ничего?

И онъ принимался перебирать въ своей памяти весь длинный рядъ лишеній и никому невѣдомыхъ страданій, которыя приходилось выносить на каждомъ шагу. Онъ думалъ, что Рашель, не получая о немъ такъ долго никакихъ вѣстей, выйдетъ замужъ за другого,—и она уже проносилась передъ его глазами въ образѣ счастливой супруги, между тѣмъ, какъ онъ убиваетъ лучшіе годы жизни, чтобы только имѣть кусокъ хлѣба.

Однажды, послѣ весьма жестокой неудачи, онъ порѣшилъ: женщины всемогущи—отчего-бы мнѣ не обратиться къ ихъ содѣйствію?

И онъ добился приглашенія на вечеръ къ женѣ одного крупнаго желѣзнодорожника. Это была женщина независимаго образа мыслей, не пожелавшая прибѣгнуть ни къ какимъ церковнымъ или гражданскимъ обрядамъ для освященія своего союза съ богатымъ банкиромъ, равно какъ и съ предыдущими избранниками своего сердца. Джіованни былъ молодъ и красивъ и съ первой-же встрѣчи произвелъ самое лучшее впечатлѣніе на молодую львицу. Она обѣщала сдѣлать его главнымъ адвокатомъ мужа, извѣстнаго сутяги, который не пожалѣетъ денегъ, лишь бы имѣть хорошаго адвоката, и, конечно, предпочтетъ ея протееже всѣмъ прочимъ.

Но для этого нужно прежде всего бывать въ домѣ, позна-

комиться съ банкиромъ, зарекомендовать ему себя съ хорошей стороны и т. д. и т. д... Тысячи обѣщаній, изъ коихъ свѣтская красавица сдержала только то, которое давали ея черные глаза, такъ какъ это зависѣло исключительно отъ нея одной. Но черезъ недѣлю эта мимолетная любовь до такой степени надоѣла Джіованни, что онъ рѣшилъ не показываться больше на глаза своей покровительницѣ.

Нечего и говорить, что эта короткая связь ни на волосъ не измѣнила его чувствъ къ Рапели. Напротивъ—теперь она рисовалась ему огорченной, заплаканной, и ему казалось, что онъ любитъ ее еще больше за то горе, которое ей причинилъ. Оставаясь одинъ, онъ опускался на колѣни предъ вызваннымъ его фантазіей образомъ молодой дѣвушки, умолялъ ее о прощениі, разсыпался въ клятвахъ и увѣреніяхъ въ любви и плакалъ горючими слезами.

Послѣ этой первой своей измѣны, онъ впалъ въ какую-то апатію. Онъ не волновался болѣе, получая какое-нибудь новое дѣло. Иллюзіи его были разбиты, и онъ понималъ, что эти ничтожныя дѣлишки изъ-за клочка земли или снопа соломы никогда не выведутъ его на широкую дорогу къ извѣстности, о которой онъ мечталъ.

Какъ-бы то ни было, мелкихъ дѣлъ перепадало ему столько, что мало по малу онъ сталъ забывать объ изорванныхъ сапогахъ и скруткахъ съ продиравленными локтями и оставилъ каморку у сапожника. Но вмѣстѣ съ нищетою исчезли и мечты о величіи, уступивъ мѣсто печальному сознанію невозможности выдти когда-нибудь изъ прозаической посредственности.

— Я ошибся въ выборѣ карьеры, нерѣдко повторялъ онъ.

И онъ съ горечью думалъ, что послѣ трехлѣтнихъ упорныхъ трудовъ онъ заставилъ-бы презрительно улыбнуться владѣльца Фонтанетскаго замка, если-бы вздумалъ представиться ему въ качествѣ претендента на руку его дочери со своими жалкими тремястами лиръ въ мѣсяцъ.

Ему пришла въ голову эцентрическая мысль возвратиться къ экономіи своихъ первыхъ лѣтъ и со скопленными такимъ образомъ деньгами пуститься въ биржевую игру. Онъ слышалъ объ огромныхъ состояніяхъ, нажитыхъ такимъ путемъ въ самый короткій срокъ, и повторялъ: «чѣмъ чортъ не шутить»!

Къ лишеніямъ онъ привыкъ еще въ первый періодъ своей миланской жизни и теперь, одушевленный мыслью, что каж-

дая горсть серебра, которую онъ прибавлялъ къ своему сокровищу, приближаетъ его къ Рашели, онъ голодалъ и холодалъ съ энтузіазмомъ, наслаждаясь своими лишеніями какъ монахъ аскетъ, чающій за нихъ вѣчнаго блаженства.

Черезъ годъ у него было уже полторы тысячи лиръ, но какъ разъ въ это время онъ получилъ отъ отца слѣдующее письмо:

«Любезный сынъ! Я кругомъ въ долгахъ и не имѣю никакой возможности выпутаться изъ нихъ; съ тѣхъ поръ какъ потерялъ способность потѣшать здѣшнихъ тузовъ, они не приглашаютъ меня больше на обѣды, а ѣсть дома, ты знаешь самъ, очень дорого. Никогда не вѣрилъ я особенно ни въ челоуѣческое великодушіе, ни тѣмъ болѣе въ узы крови. Но я надѣюсь, что ты не допустишь отца идти по міру, такъ какъ это сильно повредило-бы тебѣ самому, и потому не откажешься поддержать меня въ послѣдніе годы жизни. Ты знаешь, что я не былъ нѣжнымъ отцомъ, но все-же до двѣнадцати лѣтъ кормилъ тебя, и очень мало вѣроятія, чтобы мнѣ пришлось оставаться на твоей шеѣ столько же времени».

Джіованни весь дрожалъ, читая это письмо. Ему казалось, что кто-то хватаетъ его за полу и тащитъ съ собою въ пропасть. Благодаря столькимъ лишеніямъ, ему удалось составить себѣ маленькій достатокъ; теперь его отнимали у него, и при томъ навсегда; онъ видѣлъ ясно, что его заработка едва хватитъ на содержаніе ихъ обоихъ. Давно уже онъ не плакалъ, но надъ этимъ письмомъ онъ рыдалъ какъ ребенокъ и рвалъ на себѣ волосы отъ бѣшенства. Отецъ ѣлъ, пилъ, веселился, тѣмъ временемъ, какъ онъ не разгибалъ спины надъ работою, чтобы приблизиться къ любимой дѣвушкѣ, и теперь отецъ имѣетъ право сказать ему: «откажись отъ своихъ надеждъ добровольно, не то я заставлю тебя отказаться отъ нихъ насильно, осраивъ тебя зрѣлищемъ своей нищеты».

Сердце его возмущалось противъ такой несправедливости. Когда онъ вложилъ всѣ свои деньги въ почтовый конвертъ, онъ не наслаждался сознаніемъ добраго дѣла, не жалѣлъ несчастнаго старика, а чувствовалъ только какую-то пустоту въ сердцѣ, безотчетный страхъ передъ будущимъ и безграничную скорбь о разбитыхъ надеждахъ. Съ раздраженіемъ прижимая печать къ расплавленному сургучу, онъ со злобой пробормоталъ: — «проклятіе!»

Дѣйствительно, точно какое-то проклятіе тяготѣло надъ нимъ, мѣшая ему выдвинуться впередъ и вынуждая, при всѣхъ его талантахъ и превосходствѣ, прозябать въ нищетѣ и неизвѣстности. Теперь, утомленный четырехлѣтней бесплодной борьбой, обезкураженный этимъ послѣднимъ ударомъ, онъ махнулъ на все рукой и уже ни на что болѣе не надѣялся. Онъ вспоминалъ о Рашели и о своихъ мечтахъ о славѣ, какъ о сладкомъ, но безвозвратно разрушенномъ снѣ. Съ ужасомъ прогонялъ онъ отъ себя мысль встрѣтить ее когда-нибудь подъ руку съ другимъ, и потому ему хотѣлось никогда не видѣть ее. Онъ чувствовалъ, что сгорить со стыда, лишь только она посмотритъ на него своими большими голубыми глазами. Вѣдь онъ не выполнилъ своихъ гордыхъ обѣщаній, онъ выказалъ себя самонадѣяннымъ мальчишкой, которому неудача доказала его бездарность. Въ глубинѣ души, болѣе чѣмъ когда-нибудь, онъ вѣрилъ въ противное, но не можетъ-же человѣкъ взобраться на крышу и крикнуть оттуда толпѣ: «послушайте, люди добрые, я гений, позвольте мнѣ только сдѣлать то-то и то-то и вы сами въ этомъ убѣдитесь!» Даровитѣйшій изъ людей можетъ выказать свои таланты лишь при благопріятныхъ обстоятельствахъ, между тѣмъ Джіованни послѣдняго именно и не доставало.

X.

Однажды патронъ Берти позвалъ Джіованни въ свой кабинетъ и предложилъ ему взять дѣло объ одномъ убійствѣ. Какой-то трактирщикъ въ дракѣ убилъ лакея. Это было самое заурядное убійство, не представлявшее никакого матеріала для блестящей защиты, и потому знаменитый адвокатъ не прочь былъ уступить его своему помощнику.

До сихъ поръ Джіованни не имѣлъ ни одного уголовного дѣла; разумѣется, онъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе и отдался этой защитѣ со всѣмъ жаромъ дебютанта. Отрицать виновность подсудимаго не было никакой возможности, такъ какъ фактъ убійства былъ не только констатированъ свидѣтельскими показаніями, но и подтверждался признаніемъ самого подсудимаго. Оставалось искать смягчающихъ вину обстоятельствъ. Но самъ подсудимый, казалось, менѣе кого-либо другого былъ расположенъ дать защитнику нужныя для этого указанія. Это былъ человѣкъ неразговорчивый, угрюмый, и

молодому адвокату приходилось вцепившись вытягивать изъ него каждое слово. Неподвижно сидѣлъ онъ въ самомъ темномъ углу своей кѣлки, опершись костлявыми локтями на колѣни, подпирая стиснутыми кулаками щеки, которыя своими морщинами закрывали ему глаза. Несмотря на свои пятьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ, онъ казался совершенно дряхлымъ старикомъ. Когда онъ опускалъ руки и начиналъ говорить, лицо его принимало раздражительное и злое выраженіе, а взглядъ становился жесткимъ и подозрительнымъ.

Разспросы защитника, повидимому, только надоѣдали ему. Когда Джіованни вошелъ въ первый разъ въ его камеру и заявилъ, кто онъ такой, старикъ только пожалъ плечами и проговорилъ:

— Этого человѣка я убилъ; я ни въ чемъ не забираюсь. Зачѣмъ-же мнѣ адвокатъ?

Сколько ни старался Джіованни, ему ничего не удалось въ этотъ разъ добиться. Однако, такая мрачная покорность судьбѣ показалась ему очень странной, и потому онъ обратился съ разспросами къ смотрителю и сторожамъ:

— Что говорить о своемъ дѣлѣ обвиняемый?

— Да ничего, потому что вообще отъ него не услышишь слова.

— Что-же онъ дѣлаетъ обыкновенно?

— Да сидитъ по цѣлымъ днямъ вотъ такъ, какъ вы его видѣли. Иногда читаетъ или пишетъ карандашомъ по стѣнамъ.

Джіованни попросилъ показать ему книгу, которую читаетъ арестантъ. Это оказалась старая, истрепанная, замасленная библия, которая сама открывалась на страницѣ, гдѣ разсказывается о богатомъ, имѣвшемъ сто овецъ и отявившемъ у бѣдняка его единственную овечку. На стѣнѣ онъ прочелъ нѣсколько сентенцій, взятыхъ частью изъ священнаго писанія, частью изъ народныхъ пѣсенъ и также направленныхъ противъ богатыхъ. На одной изъ дверныхъ половицъ было написано: «легче верблюду пройти сквозь игольное ухо, чѣмъ богатому войти въ царство небесное». Надъ изголовьемъ видѣлась слѣдующая надпись: «дьяволъ сажаетъ своихъ чертенятъ въ бѣлое тѣло богачей, чтобъ подзадорить ихъ мучить бѣдняковъ». А затѣмъ, немного пониже: «если ты человѣкъ высокаго рода и у тебя денегъ куры не клюютъ—наслаждайся плодами всѣхъ своихъ подлостей на этомъ, потому что на томъ свѣтѣ

тебя будутъ поджаривать на горячихъ сковородкахъ». Затѣмъ, съ боку видѣлись имена знаменитыхъ французскихъ дѣятелей, популярныхъ среди нашего простонародья: Марата, Робеспьера, Дантона. Сверху крупными буквами было выведено: «да здравствуютъ!» а внизу: «вѣчная слава!»

Прочитавъ эти странныя надписи, Джіованни спросилъ:

— Вамъ не нравятся наши порядки и вамъ хотѣлось бы перестроить ихъ на другой ладъ?

Старикъ схватилъ кружку съ водою, стоявшую около него, и съ яростью перевернулъ ее вверхъ дномъ, не обращая вниманія на воду, залившую весь полъ.

— Такъ-же точно хотѣлось-бы вамъ перевернуть и весь міръ? настаивалъ Джіованни.

— Эхъ! вздохнулъ старикъ и, пожавъ плечами, прибавилъ: какой-же теперь изъ этого прокъ?

— Скажите, не обидѣлъ ли васъ такъ или иначе какойнибудь богачъ? спросилъ адвокатъ.

Арестантъ вскочилъ съ своего мѣста и, вытянувшись во весь ростъ, съ негодованіемъ, почти съ угрозою, закричалъ:

— Никто меня не обидѣлъ! Я бѣденъ, но никому не позволю наступить себѣ на ногу—понимаете? Я убилъ человѣка—что-жь, судите меня, но въ обиду я никому не дамъся.

Джіованни не могъ ничего понять, потому что человѣкъ, убитый его кліентомъ, былъ простой лакей. Онъ вошелъ къ нему въ трактиръ и едва только успѣлъ потребовать вина, какъ старикъ бросился на него съ крикомъ:

— А, воръ, мошенникъ, холопъ, вотъ я тебѣ задамъ! погоди, я тебѣ задамъ! и съ этими словами онъ схватилъ съ прилавка ножъ и перерѣзалъ ему горло.

Пять человѣкъ, бывшихъ свидѣтелями преступленія, единогласно подтверждали случившееся, и самъ убійца не думалъ ничего отрицать.

Не смотря на всѣ свои усилія, Джіованни не могъ открыть ничего смягчающаго вину подсудимаго. Но самый фактъ казался ему на столько страннымъ, что онъ потребовалъ медицинскаго освидѣтельствванія обвиняемаго. Ненависть къ богатымъ была очевидно *idée fixe* этого человѣка. Медицинская экспертиза откроетъ невмѣняемость его кліента, либо укажетъ адвокату, куда онъ долженъ направить свои поиски, и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ ему время для новыхъ изслѣдованій.

Джіованни горячо принялся за дѣло. Во время совершенія убійства трактирщикъ не былъ пьянъ и, какъ оказалось по опросу сосѣдей, никогда не страдалъ чѣмъ-нибудь, напоминающимъ припадки бѣшенства. Было совершенно очевидно, что это внезапное и неожиданное преступленіе имѣло свои отдаленныя и глубокія причины. Съ своей стороны, обвиняемый заявилъ, что онъ убилъ этого человѣка только потому, что онъ былъ «холопомъ богачей». Но обычные посѣтители трактира позывали въ одинъ голосъ, что лакеевъ окрестныхъ богатыхъ домовъ въ трактиръ ходило нѣсколько человѣкъ, и старикъ Гальбусеро, хотя и былъ съ ними грубъ, никогда, однако, не оскорбилъ и не затѣялъ ссоры ни съ однимъ изъ нихъ. Не подлежало сомнѣнію, что онъ ненавидѣлъ именно убитаго имъ лакея и въ причинѣ этой ненависти можно было найти если не извиненіе его преступленія, то по крайней мѣрѣ обстоятельство, смягчающее его вину. Гальбусеро утверждали, однако, что онъ совершенно незнакомъ со своей жертвой и что ни разу не видалъ ее даже до роковаго дня. Нужно было исследовать все его прошлое, чтобы найти истинную причину, побудившую его на преступленіе. Но трактирщикъ такъ часто мѣнялъ квартиры въ послѣдніе годы, что его сосѣди по послѣднему мѣстожительству знали его всего нѣсколько мѣсяцевъ и рѣшительно ничего не могли сообщить о немъ. Джіованни сталъ розыскивать прежнія квартиры несчастнаго Гальбусера. Отъ Романскихъ воротъ онъ отправился къ Санъ-Чельсо. Здѣсь его клиентъ прожилъ шесть мѣсяцевъ, хотя трактиръ его оставался по-прежнему на Коцпадино. Затѣмъ адвокатъ долженъ былъ мчаться на противоположные концы города. Чѣмъ далѣе углублялся онъ въ прошлое, тѣмъ труднѣе становилось получать какія бы то ни было свѣдѣнія о Гальбусеро, потому что изъ его бывшихъ сосѣдей многіе перемерли, многіе разъѣхались въ разные города или переселились на новыя квартиры, и Джіованни приходилось устраивать за ними такое-же выслѣживаніе, какъ и за своимъ клиентомъ. Наконецъ, послѣ многихъ недѣль обысканій и разспросовъ, въ одной изъ лачугъ Тичинезе, гдѣ трактирщикъ жилъ много лѣтъ тому назадъ, Джіованни узналъ, что въ тѣ времена у старика была дочь. Они свѣхали квартиру неожиданно, не дождавшись даже срока,

нигдѣ не оставили послѣ себя долговъ и за квартиру было уплачено впередъ.

Что сталося потомъ съ дочкой Гальбусеро?

Джіованни отправился въ тюрьму, чтобы разузнать въ чемъ дѣло. При неожиданномъ вопросѣ адвоката, Гальбусеро вскопчилъ какъ ужаленный.

— Дочь моя умерла! вскричалъ онъ. — Я васъ прошу не вмѣшиваться не въ свое дѣло.

Онъ произнесъ эти слова съ такимъ возбужденіемъ, что Джіованни не трудно было догадаться, что тутъ задѣта какая-то очень чувствительная струна. Убитый навѣрное былъ обольстителемъ его дочери.

Медицинское освидѣтельствоваіе обнаружило между тѣмъ, что трактирщикъ не страдалъ рѣшительно никакимъ психическимъ расстройствомъ, и дѣло его было назначено къ слушанію на слѣдующей недѣлѣ.

ХІІ.

Когда въ газетахъ появилось извѣстіе, что дѣло объ убійствѣ, совершенномъ Амброджіо Гальбусеро, отложено, потому что его адвокатъ потребовалъ медицинскаго освидѣтествованія, нѣкоторые изъ хроникеровъ упомянули, что причиной, побудившей синьора Джіованни Мацца обратиться къ суду съ такой просьбой, была свирѣпая ненависть его кліента ко всѣмъ богатымъ и знатымъ. Этого было достаточно, чтобы обратить нѣкоторое вниманіе на процессъ, не возбуждавшій вначалѣ ни малѣйшаго интереса.

Интересъ этотъ возросъ въ громадной степени, когда внезапно распространилось извѣстіе, что въ процессѣ этомъ замѣшанъ нынѣшній глава одной изъ наиболѣе аристократическихъ фамилій Милана, извѣстный не только по своему богатству и историческому имени, но и по своимъ любовнымъ похожденіямъ, составлявшимъ часто предметъ городскихъ сплетенъ.

Хроникеры различныхъ газетъ другъ передъ другомъ старались дать своимъ читателямъ возможно болѣе подробныя свѣдѣнія о готовящемся крупномъ скандалѣ. Имя молодого защитника Джіованни Мацца было на всѣхъ устахъ вмѣстѣ съ именемъ патриція, вызываемаго въ качествѣ свидѣтеля со стороны защиты. Всѣ знали, что открытіе тайныхъ причинъ пре-

ступленія было исключительно результатомъ неутомимыхъ стараній и проникательности адвоката Мацца, и въ обществѣ начинали уже ходить преувеличенныя легенды относительно этого молодого человека, который, опираясь исключительно на свои силы, сумѣлъ перестроить все предварительное слѣдствіе и преодолѣть вліяніе различныхъ могущественныхъ особъ, силвившихся помѣшать обнаруженію истины.

Вотъ вкратцѣ исторія, рассказанная газетами и подтвержденная впоследствии судебнымъ слѣдствіемъ:

За двѣнадцать лѣтъ до преступленія, Гальбусеро жилъ у воротъ Тичинезе съ пятнадцатилѣтней дочкой, ходившей учиться мастерству къ одной швеѣ. Кучеръ маркиза Трестелле, Теодоръ Донадіо, началъ каждый вечеръ заходить въ трактиръ къ старику Гальбусеро, и вскорѣ всѣ замѣтили, что онъ ухаживаетъ за молоденькой дѣвочкой. Однажды отецъ отозвалъ его всторону и внушительно сказалъ, что въ его семьѣ всѣ женщины были всегда честными и въ этомъ заключается гордость его рода. Если намѣренія его чисты и онъ хочетъ жениться, то пусть объяснится; если же нѣтъ, то пусть перестанетъ ходить къ нимъ, потому что своими ухаживаніями онъ компрометируетъ молодую дѣвушку. Донадіо попросилъ нѣсколько дней на размышленіе и вскорѣ вернулся въ сопровожденіи табачника, жившаго неподалеку, который отъ его имени попросилъ у отца руки Магдалены Гальбусеро. Донадіо прибавилъ, что служить въ хорошемъ домѣ и получаетъ хорошее жалованье, достаточное для содержанія семьи. Гальбусеро поручилъ табачнику, которому довѣрялъ какъ старому знакомому, пойти къ маркизу Трестелле, хозяину Донадіо, и спросить, не водится-ли чего худого за кучеромъ и правда-ли, что, женившись, онъ не лишится своего мѣста.

Табачникъ не получилъ аудіенціи у маркиза, но былъ принятъ его секретаремъ, который, разспросивъ въ чемъ дѣло, на другой день самъ пришелъ къ табачнику съ отвѣтомъ маркиза. Синьоръ Трестелле очень хвалилъ Донадіо и одобрялъ его намѣреніе жениться. Бракъ былъ назначенъ въ день Св. Михаила, такъ какъ къ этому времени въ домѣ маркиза должны были очиститься двѣ мансарды, которыя управляющій обѣщаль отвести молодымъ супругамъ. Пять мѣсяцевъ, оставшіеся до вѣнца, были употреблены на шитье скромнаго приданаго. Къ тому-же Магдалена была такъ молода, что отецъ

обидовался даже, что брак откладывается на нѣсколько времени и дочь пойдетъ къ вѣнцу, когда ей исполнится по крайней мѣрѣ шестнадцать лѣтъ.

Какъ женихъ, Донадіо сталъ ходить каждый вечеръ къ швей за невѣстой. Нерѣдко онъ встрѣчалъ ее и по утрамъ и провожалъ до мастерской. За то въ трактиръ своего будущаго тестя онъ пересталъ заходить такъ часто и подъ конецъ совсѣмъ почти не показывался тамъ. Видааясь съ Мадаленой и безъ того каждый день внѣ дома, онъ не хотѣлъ чтобы трактирные гости ухаживали на него пальцемъ. Возвращаясь изъ мастерской, дѣвушка обыкновенно говорила:

— Теодоръ проводилъ меня до дому...

Но вдругъ—приблизительно за мѣсяць до свадьбы—Донадіо исчезъ. Прошла недѣля, другая—онъ не показывался у воротъ Тичинце и не давалъ о себѣ никакой вѣсти. Мадалена была печальна и отецъ замѣтилъ, что въ тихомолку она плачетъ. Очевидно, между молодыми людьми произошло что-то недоброе. Старикъ сталъ разспрашивать и та послѣ долгаго заперирательства, заливаясь слезами, призналась, наконецъ, во всемъ.

Вотъ что рассказала несчастная дѣвушка отцу:

Въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ обрученія, провожая ее домой, Донадіо встрѣтился съ хозяиномъ. На улицѣ онъ казался въ ту пору ни души и маркизь былъ такъ удивленъ, что заговорилъ съ ними. Онъ спросилъ у кучера, кто это, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, поздравилъ его и сказалъ Мадаленѣ нѣсколько комплиментовъ. Съ тѣхъ поръ они встрѣчались уже не разъ и при этомъ Донадіо всегда отходилъ назадъ и уступалъ свое мѣсто маркизу. Маркизь былъ очень красивъ, любезенъ и ему ничего не стоило очаровать бѣдную швею. Развѣ мало бывало случаевъ, что маркизы и графы женились на простыхъ дѣвушкахъ? Въ пятнадцать лѣтъ все кажется возможнымъ. Развѣ такъ общается ей это, какъ могла она не повѣрить ему? Но только маркизь говорилъ, что по причинѣ своего высокаго происхожденія онъ не можетъ объявить объ этомъ тотчасъ-же поэтому покамѣстъ нужно, чтобы всѣ думали, что она невѣста Донадіо... Тѣмъ временемъ по утрамъ маркизь выѣзжалъ городскую заставу и кучеръ, проводивши туда Мадалену, садилъ ее въ карету и уходилъ до вечера. Цѣлый день она ждала съ маркизомъ, а въ шесть часовъ, когда обыкновенно

венно кончалась работа въ мастерской, Донадіо снова приходилъ за ней и уводилъ ее домой.

За мѣсяць до дня св. Михаила и кучеръ и хозяинъ вдругъ исчезли оба. Дѣвушка стала ходить въ швейную мастерскую, гдѣ хозяйка и подруги смотрѣли на нее очень косо, потому что провѣдали какъ-то о ея связи съ маркизомъ. Дни между тѣмъ проходили за днями, а о Донадіо и маркизѣ не было ни слуху ни духу. Тогда Маддалена призналась во всемъ хозяйкѣ, которая работала на тетку маркиза и могла сообщить ей о немъ какія-нибудь свѣдѣнія. Дѣйствительно, та сказала ей, что двѣ недѣли тому назадъ, маркизъ Трестелле женился на дочери богатаго генуэзскаго банкира и послѣ брачнаго путешествія поселяется въ Генуѣ. Что-же касается кучера Донадіо, то Маддалена не могла узнать, куда онъ дѣвался; несомнѣнно только, что онъ исчезъ изъ Милана.

А между тѣмъ она почувствовала себя матерью.

Послѣ этихъ-то признаній дочери, Гальбусеро внезапно покинулъ квартиру у Тичинезе, чтобы скрыть свой позоръ. По рекомендаціи хозяйки мастерской, Маддалена уѣхала въ Монцу къ знакомой акушеркѣ, гдѣ могла оставаться никѣмъ не узнанной. Три мѣсяца спустя она умерла отъ несчастныхъ родовъ.

Десять лѣтъ Гальбусеро оставался одинъ со своимъ горемъ и со своимъ позоромъ, избѣгая старыхъ знакомыхъ, мѣняя квартиру каждый разъ, какъ въ немъ возникало опасеніе быть узнаннымъ, трепеща при мысли встрѣтиться когда-нибудь съ Донадіо или его хозяиномъ. Но однажды Донадіо самъ вошелъ къ нему въ трактиръ; тутъ-то старикъ и убилъ его.

ХІІІ.

Легко понять, какой интересъ долженъ былъ вызвать этотъ процессъ не только въ Миланѣ, но и во всей Италіи. Къ тому же время выдалось такое, когда политическія событія не представляли особеннаго интереса и потому газеты съ жадностью накинулись на эту драму. Духъ партій, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, только подлилъ масла въ огонь. Консервативныя газеты инсинуировали изъ-подъ-тишка, что весь этотъ процессъ не болѣе какъ махинація, нарочно подстроенная радикалами, чтобы бросить невыгодную тѣнь на высшія

слова, а пожалуй, чтобы по-просту вытянуть денег у маркиза Трестелле. Республиканскія газеты раздували дѣло Гальбусера, какъ знаменіе времени, стараясь представить его самого несчастной жертвой социальной несправедливости.

Сознаніе, что на него устремлены глаза всей страны, удесятерило силы Джіованни. Уже во время судебного разбирательства, при дебатахъ по поводу нѣкоторыхъ инцидентовъ, онъ самъ былъ удивленъ горячностью своей рѣчи и силою своей аргументаціи.

Засѣданіе-же, гдѣ появился въ качествѣ свидѣтеля маркизь Трестелле, было настоящимъ триумфомъ для молодого адвоката Джіованни Мацца, по искусству, съ какимъ онъ сумѣлъ вырвать у свидѣтеля полное признаніе въ своемъ недостойномъ поведеніи.

Его защитительная рѣчь, увѣнчавшая дебаты, превзошла ожиданія самыхъ горячихъ его сторонниковъ и долго приводилась въ Миланѣ, какъ образецъ судебного краснорѣчія. Это не была въ строгомъ смыслѣ юридическая защита. Она представляла собою скорѣе психологическій и социальный этюдъ, въ которомъ фигуры обвиняемаго, обольстителя и молодой дѣвушки были очерчены яркими и рельефными, но вмѣстѣ съ тѣмъ и широкими чертами. Вульгарный скандалъ, на который такъ падка скучающая публика, благодаря рѣчи адвоката Маццы, отодвинулся на задній планъ, и весь процессъ изъ пикантнаго превратился въ глубоко поучительный.

Когда утомленный двухчасовой рѣчью, Джіованни опустился на стулъ, президентъ не имѣлъ силъ сдержать громкихъ и всеобщихъ рукоплесканій. Выходя изъ залы всѣ находившіеся въ залѣ адвокаты, литераторы, репортеры сказали про себя: „взошла новая звѣзда на горизонтѣ“.

Торжество Джіованни было полнымъ. Приговоръ присяжныхъ хотя и не оказался вполне оправдательнымъ, отвергнулъ всякую предумышленность и признавъ „почти непреодолимую“ силу аффекта, сдѣлалъ наказаніе совершенно незначительнымъ. Адвокаты устроили въ честь товарища обѣдъ и Джіованни, слушая поздравленія, сыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ, вспоминалъ съ улыбкой о далекомъ обѣдѣ въ пять лиръ съ челоуѣка, стоявшемъ ему столькохъ униженій и лишеній.

Съ восторгомъ думалъ онъ теперь о возрожденіи своихъ надеждъ, которыя онъ считалъ безвозвратно погибшими. Те-

перь это были уже не надежды, а осязательная дѣйствительность. Разомъ, однимъ ударомъ, онъ достигъ извѣстности, казавшейся ему недостижимымъ сномъ. Онъ понималъ, что отнынѣ положеніе его обезпечено; передъ нимъ открывалась прямая дорога къ славѣ и уже отъ него одного зависѣло теперь показать, дѣйствительно ли онъ избранникъ природы, или только счастливецъ, подоброщенный случайно вверхъ колесомъ фортуны, чтобы на другой день погрузиться снова въ сѣрую посредственность. Джіованни зналъ, что выдержалъ пятилѣтній искусь не для того, чтобы сложить руки на другой день послѣ первой побѣды. Читая номера газетъ, полныхъ восторженныхъ похвалъ его рѣчи, онъ думалъ про себя: «это прочтеть Рашель; прочтеть и ея отецъ». Самъ собою, въ воображеніи его воскресалъ тотъ пасмурный осенній день, когда отвергнутый, униженный, проѣзжая мимо воротъ замка, онъ печально воскликнулъ: «И она туда-жѣ! Чтожь, увидимъ!» И вотъ теперь она видитъ на что онъ оказался способенъ.

«Да, думалъ онъ,—не легко мнѣ это было, но наконецъ я таки добился своего». И теперь онъ гордился не только своей побѣдой, но и своими лишеніями и страданіями.

XIII.

Послѣ процесса Гальбусеро для Джіованни началась новая жизнь, полная дѣятельности, движенія, возбуждающихъ ощущеній борьбы и торжества. Онъ не имѣлъ ни минуты покоя, потому что еслибъ у него было по сорока восьми часовъ въ сутки, то и тѣхъ не хватило-бы на сыпавшіяся къ нему дѣла. Число его кліентовъ быстро возрастало; одинъ изъ радикальныхъ клубовъ выбралъ его своимъ докладчикомъ на ближайшіе выборы; нѣсколько специальныхъ журналовъ пригласили его въ свои сотрудники. И Джіованни работалъ за четверыхъ, чтобы удовлетворить, если возможно, всѣмъ требованіямъ.

Вмѣстѣ съ возрастаніемъ его профессиональной извѣстности, измѣнилось, разумѣется, и его общественное положеніе. Въ теченіе своего пятилѣтняго пребыванія у адвоката Берти онъ ни разу не былъ представленъ женѣ своего принципала. Онъ видѣлъ ее мелькомъ, когда, шелестя шелковымъ платьемъ и распространяя вокругъ волны благоуханія, она заходила на минуту въ кабинетъ мужа. Иногда она бросала на него бѣглый взглядъ,

сквозь тюлевую вуалетку, но никогда не сказала ему ни слова.

На другой день послѣ знаменитаго дѣла Гальбусеро, Берти сказала Джіовани: «Жена моя желаетъ познакомиться съ тобой, заходи-ка вечеромъ, я тебя представлю».

Между ними никогда не существовало особенной интимности. Берти говорилъ ему «ты» какъ подчиненному, какъ молодому человѣку, а не другу. Однако, Джіованни успѣлъ приобрести достаточно свѣтской опытности, чтобы понять смыслъ этой внезапной фамиллярности, и онъ внутренне улыбнулся при мысли, что этотъ умнѣйшій человѣкъ, сталкивавшійся съ нимъ каждый день въ теченіи пяти лѣтъ, оцѣнилъ его лишь послѣ того, какъ о немъ высказались газетные репортеры и публика.

Когда онъ вошелъ въ салонъ знаменитаго адвоката, хозяинъ пошелъ ему навстрѣчу и, дружески взявъ подъ руку, повелъ его къ женѣ. Это была матрона, перевалившая за четвертый десятокъ, но замѣчательно сохранившаяся, благодаря постояннымъ заботамъ о своей наружности и комфорту, которымъ была окружена съ перваго дня замужества. Дѣтей, такъ безжалостно пожирающихъ молодящихся маменекъ, у нея никогда не было, и до сихъ поръ она продолжала наряжаться по послѣдней модѣ, декольтировать свои роскошные плечи, посѣщать балы и вечера.

Джіованни не могъ отдѣлаться отъ нѣкотораго волненія при мысли очутиться лицомъ къ лицу съ этой величественной свѣтской дамой, внушавшей ему до сихъ поръ чисто школьническую робость. Проходя по первой изъ заль, Берти проговорилъ въ полголоса:

— Будемъ говорить другъ другу «ты» — подружески. Здѣсь нѣтъ уже ни принципала, ни помощника. У себя въ домѣ я принимаю только друзей... — Затѣмъ, пожавъ ему еще разъ руку, онъ прибавилъ: — и собратьевъ по профессіи.

Онъ повторилъ Джіованни, что послѣ процесса Гальбусеро онъ разомъ попалъ въ число лучшихъ адвокатовъ Милана и принялся разбирать его оригинальный жанръ судебного краснорѣчія, сравнивая со своимъ, цитируя наиболѣе удачныя мѣста и указывая сильныя и слабыя стороны его аргументаціи.

Джіованни былъ тронутъ его участіемъ и отъ души пожалъ руку этому человѣку, котораго считалъ до сихъ поръ бездушнымъ риторомъ и только теперь замѣтилъ въ немъ искреннія

ноты. Берти не игралъ комедіи, произнося чувствительныя тирады, составившія ему славу; это былъ дѣйствительно чувствительный человѣкъ, сохранившій, не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, горячее сердце и пылкую, романтическую фантазію. Ему приходилось дѣлать надъ собою усилія, чтобы облачаться въ маску начальнической холодности въ обращеніи съ молодыми людьми, работавшими въ его конторѣ. Онъ любилъ молодежь съ ея увлеченіями и ея отзывчивой душой, и первыя защитительныя рѣчи Джіованни не понравились ему именно потому, что логическое, положительное краснорѣчіе молодого адвоката казалось ему слишкомъ холоднымъ рядомъ съ патетическими декламаціями, которыми онъ заставлялъ плакать дамъ и размягчаль сердца самыхъ суровыхъ присяжныхъ.

— У него нѣтъ крови въ жилахъ, говорилъ онъ. — Онъ не умѣетъ растрогать. Отъ его защиты кліенту ни тепло, ни холодно.

Но, услыхавъ въ процессѣ Гальбусеро рѣчь молодого адвоката, черпавшаго такую силу въ логичности, аргументаціи, въ простотѣ и ясности изложенія, онъ пришелъ въ искренній восторгъ и понялъ достоинства этой новой, болѣе правдивой и надежной ораторской манеры.

Радущіе, съ какимъ встрѣтила его синьора Берти, было не до такой степени искреннимъ и безкорыстнымъ. Ее мало интересовала личность адвоката и еще менѣе тотъ или другой жанръ его краснорѣчія; ей просто пріятно было видѣть въ своемъ салонѣ' человѣка, ставшаго такъ или иначе героемъ дня.

Весь вечеръ она почти не отпускала его отъ себя и представила всѣмъ бывшимъ у нея въ этотъ вечеръ дамамъ, которыя его засыпали приглашеніями. Синьора Берти сама отвѣчала за своего протеже:

— Хорошо, я приведу его къ тебѣ во вторникъ; а къ тебѣ въ воскресенье. Я беру его подъ свое крылышко, какъ ученика моего мужа.

Мало-по-малу Джіованни втянулся въ свѣтскую жизнь, представлявшую для него столько новизны и очарованія.

Однако этотъ новый образъ жизни имѣлъ и свои неудобства. Устройство собственной конторы и квартиры въ хорошей части города, изящный костюмъ, обѣды въ хорошемъ ресторанѣ—все это стоило очень дорого. Кромѣ того, Джіованни никогда не могъ отдѣлаться отъ безотчетнаго страха стать та-

кимъ-же паразитомъ, какъ и отецъ, или хотя бы дать поводъ сказать о себѣ: онъ сталъ такимъ-же лизоблюдомъ, какъ и Лекаренко. Во избѣжаніе этого, онъ не щадилъ денегъ на букеты, артистическія бездѣлушки, ложи въ театрѣ для семействъ, куда его приглашали обѣдать.

Все это обходилось не дешево. Какъ ни увеличились его заработки, но ихъ едва хватало, чтобы поддерживать себя съ достоинствомъ въ новомъ положеніи. Не смотря на цѣлый рядъ триумфовъ, онъ все еще былъ далекъ, очень далекъ отъ идеала зятя, какой былъ нуженъ синьору Педротти. Впрочемъ, мысль объ этомъ далеко не такъ огорчала его; хотя воспоминаніе о Рашели по прежнему шевелило въ немъ самыя чувствительныя струны души, но онъ думалъ о ней уже не такъ часто. Онъ оставался твердъ въ намѣреніи жениться на ней, это казалось ему ненарушимымъ обѣщаніемъ, даннымъ самому себѣ, чѣмъ-то вродѣ предопредѣленія судьбы, но его не мучило больше нетерпѣливое желаніе добиться этой цѣли какъ можно скорѣй; другія волненія и заботы отодвинули на второй планъ его бывшую *idée fixe*.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ избавился отъ утомительныхъ матеріальныхъ работъ и окружилъ себя ровнымъ и постояннымъ комфортомъ, жажда наслажденій проснулась въ немъ тѣмъ съ большой силой, что въ теченіи столькихъ лѣтъ ему приходилось подавлять ее въ себѣ. Его очаровывала вызывающая красота этихъ свѣтскихъ женщинъ, съ улыбкой пожимавшихъ его руку. Онъ пожиралъ глазами ихъ обнаженные плечи, когда онѣ показывались ему, и дополнял пылкимъ воображеніемъ красоту тѣла сквозь шелкъ и бархатъ пелеринокъ.

Его влекло изящество, красота этихъ нарядныхъ свѣтскихъ женщинъ, ихъ тонкое кокетство. Онъ жаждалъ бурнаго романа юности, рисовавшагося въ его разгоряченномъ воображеніи самыми заманчивыми красками.

Однажды на какомъ-то балу, когда онъ сидѣлъ скрытый цвѣтами, погруженный въ мечты о романѣ, предъ его глазами мелькнула обнаженная рука поразительной красоты и въ ухахъ раздался вѣжнѣй, взволнованный голосъ:

— Ради Бога, будьте моимъ кавалеромъ на эту кадрили. Мнѣ нужно было пройти въ уборную поправить волосы, а мой кавалеръ подумалъ, что я уѣхала и уѣжалъ...

Онъ всталъ, ошеломленный, не въ силахъ оторвать глазъ

отъ этихъ рукъ, этихъ чудныхъ плечъ, этого бюста и нѣжной розовой кожи свѣтлой блондинки, которая казалась ему живымъ воплощеніемъ его любовныхъ видѣній. Нѣмой, точно околдованный, пошелъ онъ вслѣдъ за красавицей и занялъ свое мѣсто въ ряду танцоровъ. Онъ путалъ фигуры кадрили, и не спускалъ все время упорнаго неподвижнаго взгляда со своей дамы.

А между тѣмъ эту женщину онъ встрѣчалъ не разъ и не два; онъ былъ съ ней знакомъ, бывалъ у нея въ домѣ, зналъ, что она хороша собою, но никогда не испытывалъ ни малѣйшаго волненія при встрѣчѣ съ нею. Между ними установились тѣ фамиліарно дружескія отношенія, которыя великосвѣтскія дамы часто позволяютъ себѣ съ молодыми людьми своего круга. Упоминая о ней, Джіованни нерѣдко говорилъ: «Она мнѣ нравится, потому что не имѣетъ претензій, чтобы за ней ухаживали. Съ ней можно разговаривать какъ съ пріятелемъ». Теперь-же, при томъ нервномъ возбужденіи, въ которомъ онъ находился, ему казалось, что эта красота создана именно для него, что внезапное появленіе этой красавицы вызвано силою его мечтаній, какъ фантастическія видѣнія вызываются магическими заклинаніями волшебника. Онъ не произносилъ ни слова и казался встревоженнымъ и несчастнымъ.

— Что съ вами, синьоръ Джіованни? спросила графиня.

— Вы такъ безумно хороши! отвѣчалъ Джіованни глухимъ и страстнымъ шепотомъ.

Графиня была ошеломлена. Она вздрогнула точно отъ неожиданнаго удара. Ей слѣдовало-бы разсердиться, оборвать рѣзкимъ отвѣтомъ слишкомъ смѣлаго кавалера, но дѣло въ томъ, что она вовсе не почувствовала себя обиженной. Она тоже испытывала что-то странное, и брошенные ей въ уѣоръ слова произвели на нее дѣйствіе электрическаго тока. Волненіе Джіованни передалось и ей. Они окончили кадрили среди того напряженнаго молчанія любви, которое краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

XIV.

Графиня Джемма Кастелани-ди-Монте была типичной свѣтской львицей. Дочь богатаго банкира, она привыкла съ дѣтства ни въ чемъ себѣ не отказывать. Но судьба наградила ея отца цѣлой полудюжиной дочерей; не разстраивая своихъ дѣлъ,

онъ не могъ дать за каждой изъ нихъ болѣе ста тысячъ лиръ приданого. А съ такой скромной суммой нечего было и думать о каретахъ и верховыхъ лошадяхъ. Умная дѣвушка поняла это очень рано, но не пришла въ отчаяніе: природа надѣлила ее рѣдкой красотой, которая, какъ извѣстно, при умѣнны обращать съ нею, можетъ замѣнить очень крупный капиталъ. Она не пожелала принести въ жертву своихъ честолюбивыхъ мечтаній различнымъ торговымъ агентамъ, адвокатамъ, мелкимъ собственникамъ, предлагавшимъ ей руку, сердце и скромную роль хозяйки буржуазной семьи. Она ждала большаго и равнодушно переносила упреки матери, грозившей ей, что такая разборчивость оставить ее на вѣки въ дѣвкахъ.

Но Джемма этого не боялась. На одномъ вечерѣ ей былъ представленъ отставной генералъ, обладавшій титуломъ графа, тридцатую сѣдыми волосками на макушкѣ и добрыми шестидесятью годами. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что онъ въ придачу миллионеръ, и красавица Джемма по секрету сообщила хозяйкѣ, что ни одинъ юноша не производилъ на нее такого хорошаго впечатлѣнія, какъ этотъ почтенный человекъ «съ такимъ благороднымъ и умнымъ лицомъ». Къ тому же онъ былъ совсѣмъ не старъ; на видъ ему никакъ нельзя дать болѣе пятидесяти лѣтъ, а въ эти годы мужчина еще въ полномъ цвѣтѣ силъ. Ей самой недавно минуло двадцать, но еслибы онъ попросилъ ея руки, она ни на минуту не задумалась-бы принять его предложеніе. По ея мнѣнію, мужъ долженъ обладать большимъ жизненнымъ опытомъ, чтобы стать надежнымъ руководителемъ молодой женщины. Она просто удивляется, какъ это можно довѣрить свою будущность и счастье какому нибудь юношѣ. Красавица Джемма знала съ кѣмъ имѣть дѣло. Хозяйка не замедлила передать этотъ разговоръ кому слѣдуетъ и черезъ нѣсколько дней сообщила молодой дѣвушкѣ о живѣйшей благодарности генерала, который, съ своей стороны, заявлялъ, что для него было-бы большимъ счастьемъ имѣть такую прелестную и благоразумную жену, но что въ его годы онъ не рѣшается просить ея руки изъ опасенія показаться смѣшнымъ.

— Я знаю, что онъ объ этомъ не думаетъ, какъ и я сама, отвѣчала Джемма.—Отецъ давно уже прочитъ меня за сына одного изъ своихъ товарищей, тоже банкира. За него-то я вѣроятно и выйду. Но признаюсь вамъ по секрету, еслибъ за

меня посватался этотъ серьезный человекъ, я бы пошла за него гораздо смѣлѣе.

Два мѣсяца спустя дочь банкира стала графиней и обладательницей миллионнаго состоянія.

Первыя семь лѣтъ брака прошли какъ сонъ. Графиня Джемма съ какой-то лихорадочной торопливостью спѣшила насладиться всѣмъ, что могло ей доставить богатство мужа. Балы слѣдовали за балами, туалеты ея отличались такою чудовищною дороговизною, что о нихъ ходили легенды. Ни у кого въ городѣ не было такихъ лошадей и экипажей; когда-же ей случалось посѣщать какіе-нибудь модные курорты, то о ея безумной роскоши сохранялась тамъ память втеченіи нѣсколькихъ сезоновъ.

Никакое богатство не могло выдержать подобныхъ тратъ. Мужъ, принявшій было за чистую монету слова Джеммы о руководствѣ, пробовалъ первое время умѣрить мотовство жены, но въ результатѣ были ссоры и непріятности. Въ концѣ концовъ генераль помирился съ своею участію, довольствуясь только ролью женинаго провожатаго. На водахъ Виши и Баденъ-Бадена, на всемірныхъ выставкахъ Лондона и Парижа, на придворныхъ балахъ и на первыхъ представленіяхъ въ Скарѣ, всюду старый солдатъ являлся вѣрнымъ оруженосцемъ и тѣлохранителемъ своей красавицы жены.

При такомъ образѣ жизни, пятьдесятъ тысячь годоваго дохода—сумма недостаточная. Пришлось дѣлать долги; когда же кредитъ истощился, началась распродажа помѣстій и угодій. Полное раззореніе было неминуемо, но тутъ сама Джемма опомнилась, сообразивъ, что все-же выгоднѣе сдержать свои капризы, чѣмъ похоронить себя года черезъ два, три въ какомъ-нибудь провинціальномъ захолустьи, въ скучномъ *tête-à-tête* со старикомъ мужемъ.

Тогда-то графиня рѣшилась покинуть аристократическій кругъ, гдѣ не могла уже ярко блистать, и спустилась въ кругъ богатой буржуазіи, гдѣ можно было оставаться звѣздою первой величины, имѣя всего одну карету и довольствуясь для верховой ѣзды лошадьми татарсала.

Графиня была всегда окружена роемъ поклонниковъ, но до сихъ поръ она еще не была знакома съ настоящей страстью. Самая ея роскошь и гордость держали въ почтительномъ разстояніи ея обожателей. Вдобавокъ она была слишкомъ себя-

любива и тщеславна, слишком поглощена заботой прослыть эlegantнѣйшей изъ миланскихъ львицъ, чтобы серьезно кѣмъ-нибудь увлечься. При ея красотѣ и молодости ей не зачѣмъ было прибѣгать къ кокетству, чтобы кружить головы самымъ неуязвимымъ мужчинамъ. Эта-то наружная простота и создала ей репутацію полной неприступности. Нужно было все безуміе внезапно вспыхнувшей страсти, чтобы заставить Джіованни, столь осторожнаго и осмотрительнаго, какъ всѣ люди, сами пробившіе себѣ дорогу, выговорить эти жгучія, какъ поцѣлуй, слова: «вы такъ безумно хороши!»

Графиня минуло двадцать семь лѣтъ, а между тѣмъ любовь была знакома ей только по ласкамъ стараго мужа. Страсть, таившаяся въ ея сердцѣ, вспыхнула пожаромъ при звукѣ этого голоса. Она не думала сопротивляться ея очарованію, точно такъ-же, какъ вообще никогда не думала сдерживать какого-бы то ни было изъ своихъ желаній. Ея эгоизмъ достигъ размѣровъ страсти; она ни въ чемъ не любила себѣ отказывать.

Въ эту ночь, вернувшись съ бала и оставшись одна въ своей спальнѣ, она плакала отъ радости и нетерпѣнія, вспоминая о пожатіяхъ Джіованни, объ его черныхъ, глубокихъ глазахъ. Гдѣ она его можетъ снова встрѣтить? Когда? Нельзя-ли завтра?.. Передъ ней открывалась новая жизнь, полная упоительныхъ и неизвѣданныхъ наслажденій. До сихъ поръ она гордилась своей красотой и своими побѣдами; теперь въ ней въ первый разъ заговорила несравненно болѣе интенсивная гордость, порождаемая сознаниемъ, что она любитъ и любима.

Джіованни неудержимо влекла эта женщина. Онъ искалъ ея встрѣчь, являясь всюду, гдѣ она бывала, пожиралъ ее страстными взглядами, крѣпко жаль руки, краснорѣчиво молчалъ, когда они оставались вдвоемъ, — словомъ, дѣлалъ то, что дѣлаетъ влюбленный, чувствующій восторгъ взаимности. Иногда передъ нимъ вставалъ грустный образъ Рапелли и онъ успокаивалъ себя увѣреніемъ, что эта мимолетная страсть къ замужней женщинѣ не болѣе какъ цвѣтокъ, который срывается по дорогѣ. Она ни къ чему не обязываетъ.

И ни за какія сокровища въ мірѣ онъ несогласился-бы оставить этотъ цвѣтокъ не сорваннымъ.

Но онъ не чувствовалъ потребности ускорить объясненіемъ развязку этого романа. Объясненіе должно было придти само собою. Онъ мечталъ о бѣдосѣжныхъ плечахъ, о стройномъ

станѣ, о бѣловурныхъ косахъ графини Джеммы; съ дрожью припоминалъ онъ ея лихорадочныя рукопожатія и долгіе влюбленные взгляды и весь горѣлъ при мысли назвать когда-нибудь эту женщину своею. Когда? Онъ этого не зналъ. Но онъ зналъ, что это случится, и голова кружилась у него отъ этого сознанія.

Однажды синьора Берти просила его зайти къ ней вечеромъ по очень важному дѣлу. Джіованни засталъ у своей пріятельницы жену банкира Ипсилона, подозрѣваемаго въ участіи при растратѣ государственныхъ суммъ, только что обнаружившейся. Подозрѣніе это явилось вслѣдствіе роковаго сходства почерка его съ подложнымъ почеркомъ, сдѣланнымъ отъ его имени, на одномъ изъ векселей.

Банкиръ былъ въ этомъ дѣлѣ невиненъ. Жена клялась въ этомъ головою дѣтей и обращалась къ Джіованни, знавшему лично ея мужа, съ просьбой взять на себя его защиту. Джіованни далъ слово, что употребитъ всѣ силы, чтобы спасти невиннаго человѣка отъ угрожающаго ему несчастія.

Онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Онъ заставилъ молчать даже свою страсть и на другой-же день, не простившись съ графиней Джеммой, уѣхалъ въ Неаполь собирать документы и искать свидѣтелей въ пользу своего кліента. Черезъ двѣ недѣли онъ вернулся и тамъ засталъ телеграмму отъ дона Серафино, приходскаго священника Фонтането, ожидавшую его около шести дней. Въ телеграммѣ этой извѣщали о смерти его отца.

Онъ принялъ безъ особой горести извѣстіе о смерти отца и такъ какъ похороны, очевидно, произошли безъ него, онъ рѣшилъ не ѣхать на родину. Къ чему? Онъ далеко не успѣлъ еще настолько разбогатѣть, чтобы имѣть возможность попросить не краснѣя руки Рашели. А до этого момента какой смыслъ являться на глаза синьору Педротти?

Всѣ эти соображенія были болѣе чѣмъ достаточны, чтобы заставить его отложить всякую мысль о поѣздкѣ въ Фонтането. На самомъ-же дѣлѣ его не влекло уже съ такою силою въ родной городъ. Пять лѣтъ тому назадъ, бракъ съ Рашелью казался ему вѣнцомъ всѣхъ его желаній и не было вещи, которой-бы онъ не сдѣлалъ, чтобы приблизить этотъ вождедѣльный моментъ; теперь-же онъ находилъ, что жениться ему слишкомъ рано. Въ тотъ-же вечеръ онъ телеграфировалъ въ

Фонтанетто, что извѣстіе о смерти отца пришло къ нему слишкомъ поздно и потому онъ не могъ присутствовать на похоронахъ, но что онъ увѣренъ, что Донъ Серафино устроилъ все, какъ слѣдуетъ, и онъ напередъ одобряетъ всѣ его мѣры.

Джіованни предался грустнымъ размышленіямъ о той жалкой жизни, не согрѣтой любовью и дружбой, не освѣщенной ни искрой возвышенныхъ стремленій, которую втеченіи тридцати лѣтъ влачилъ его отецъ. А между тѣмъ онъ обладалъ и недюжиннымъ умомъ и характеромъ. Несомнѣнно, что не для такого существованія готовила его природа. А вѣдь онъ его сынъ... Почему знать, не унаслѣдоваль-ли онъ зародыши отцовскаго характера? Почему знать, не таятся-ли въ его сердцѣ низкія страсти, погубившія отца, ожидая лишь минуты апатіи и малодушія?

Мысль эта привела его въ ужасъ и заставила пробудиться въ немъ съ удвоенной силой любовь къ труду, жажду славы, побуждающую къ подвигамъ, и стремленіе къ богатству, обезпечивающему независимость. Всю ночь до зари просидѣлъ онъ надъ своимъ процессомъ, готовясь къ предстоящимъ дебатамъ.

Дѣло банкира длилось цѣлую недѣлю и было новымъ триумфомъ для молодого адвоката. Теперь онъ былъ уже не первый встрѣчный. Его слово ожидалось съ нетерпѣніемъ, подхватывалось на лету и тотчасъ-же разносилось газетами. Одно извѣстіе, что онъ будетъ говорить, заставляло собираться въ залу засѣданія дамъ, стенографовъ и литераторовъ.

Каждый день онъ видѣлъ графиню, неизмѣнно приходившую его слушать. Она сверкала красотой и роскошью наряда, привлекая всѣ бинокли, но сама смотрѣла только на молодого защитника. Она являлась рано и когда онъ входилъ въ залу засѣданія, то уже заставлялъ ее на обычномъ мѣстѣ. Устремивъ на него свои сѣрые металлическіе глаза, она сидѣла неподвижно, ловя его взглядъ, когда онъ поднималъ голосу.

Во время защитительной рѣчи онъ нѣсколько разъ обмѣнивался съ ней взглядами; онъ былъ одушевленъ и взволнованъ и чувствовалъ потребность въ чьемъ-нибудь дружескомъ участіи. Она сидѣла все въ той-же позѣ, не спуская съ него глазъ, которые нѣсколько разъ затуманивались слезой. И она не скрывала ни своего волненія, ни своихъ слезъ, ни своего

лодой адвокатъ. На ея вечерахъ и званыхъ обѣдахъ онъ былъ неизмѣннымъ гостемъ какъ членъ семейства. Трудно было придти раньше его и уйти позже.

Съ своей стороны графиня не пропускала ни одного процесса, въ которомъ онъ принималъ участіе. Она знала распределение засѣданій не хуже судебного пристава и гордилась триумфами Джіованни точно собственными.

Эта первая любовь въ тридцать лѣтъ, въ апогеѣ физическаго развитія и женской опытности, выразилась въ графинѣ сперва въ формѣ бурной, демонической, необузданной страсти. Казалось, что ей хочется придать какъ можно болѣе публичности своимъ отношеніямъ къ Джіованни. Она выставила на показъ свою любовь, точно гордилась возможностью связать всѣмъ: «Смотрите: онъ мой».

Они почти не разлучались, и въ большомъ обществѣ ловили каждую минуту, чтобы обмѣняться въ полголоса двумя-тремя словами, прикоснуться другъ другу къ рукѣ, подавая чашку чая или читая вмѣстѣ газету.

Они отдавали лишь безусловно необходимое количество времени—онъ своимъ дѣламъ, она своимъ обязанностямъ свѣтской женщины—и при первой возможности снова стремились другъ къ другу, забывая обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ своей любви.

Нерѣдко поздно ночью, выходя изъ театра, они приказывали везти себя къ дальнимъ бастіонамъ. Нуова и, отославъ карету ждать у воротъ Санъ Челзо, сами дѣлами этотъ длинный конецъ пѣшкомъ по снѣгу, дрожа отъ холода, прижимаясь другъ къ другу, чтобы согрѣться, пускаясь отъ времени до времени бѣжать, обмѣниваясь лишь изрѣдка отрывочными фразами, наслаждаясь уединеніемъ и свободой среди таинственнаго мрака.

Если Джіованни долженъ былъ уѣзжать по дѣламъ изъ Милана, одновременно съ нимъ исчезала и графиня, появляясь лишь съ его возвращеніемъ. Она едва давала себѣ трудъ сочинить басню о какойнибудь дальней родственницѣ, которую надо навѣстить въ деревнѣ, нисколько не заботясь о томъ, вѣрятъ-ли ея выдумкѣ или нѣтъ.

Не разъ позволяли они себѣ тѣ продѣлки, которыя такъ любятъ рассказывать своимъ читателямъ модные журналы, скрывая имена истинныхъ героевъ подъ прозрачными псевдонимами. Вдвоемъ взбирались они на Монте-Роза, одѣтые въ костюмы

изъ одной и той-же сѣрой матеріи, въ одинаковыхъ галстукахъ, одинаковыхъ войлочныхъ шляпахъ съ перомъ и бѣлой вуалю, одинаковыхъ перчаткахъ. На горныхъ палкахъ, подъ числомъ и годомъ восхожденія, они вырѣзывали свой общій вензель, а по дорогѣ во всѣхъ гостинницахъ записывались молодыми супругами, совершающими свое брачное путешествіе.

Разъ они поѣхали въ Монте-Карло, гдѣ проиграли въ рулетку все до сантима, такъ что имъ пришлось остаться заложниками въ гостинницѣ, пока Джіованни не телеграфировалъ въ Миланъ и не получилъ денегъ на обратный путь.

Генераль, либо ничего не зналъ объ этихъ экскурсіяхъ жены, либо помирился со своей участью. Во всякомъ случаѣ ихъ отношенія ни для кого не составляли тайны. Да и сами любовники съ теченіемъ времени успокоились и, истощивъ весь репертуаръ страсти, стали любить другъ друга спокойно и ровно какъ супруги. Связь ихъ была слишкомъ свободна и открыта, чтобы создавать романтическія положенія; въ ней не было ни пивантной тайны, ни жгучаго страха быть пойманными. Все шло какъ по маслу въ этой откровенной интригѣ, не истощавшей своими прерывистыми перипетіями ни души, ни чувства и потому имѣвшей возможность продолжаться неопредѣленно долгое время.

Но только графиня Джемма, несмотря на видимую легкость этихъ отношеній, питала въ душѣ истинную страсть, соединявшую въ себѣ всю поэзію первой любви съ пыломъ зрѣлаго возраста; между тѣмъ какъ Джіованни, послѣ первыхъ мѣсяцевъ увлеченія, сталъ видѣть въ своихъ отношеніяхъ къ графинѣ лишь пріятное развлеченіе, дававшее ему возможность отдохнуть отъ своихъ работъ, не слишкомъ отвлекаясь отъ нихъ и сохраняя все необходимое спокойствіе духа и ясность души. Онъ былъ очень благодаренъ графинѣ за это ровное счастье, не нарушаемое никакими бурями и искренно привязался къ ней.

Отъ времени до времени онъ вспоминалъ о мечтѣ своей молодости—богатствѣ, чтобы вырвать у синьора Педротти согласіе на бракъ съ Рашелью. Теперь онъ сталъ богатъ; онъ зарабатывалъ пятьдесятъ тысячъ лиръ въ годъ. Сколько однако времени ушло на это! Счастье, что эта дѣвушка не вздумала ждать его. Теперь она конечно давно вышла замужъ и вѣроятно стала прекрасной матерью семейства. Въ особенно скучные и монотонные дни онъ тоже вздыхалъ о радостяхъ семей-

опустили случая посплетничать относительно новой связи знаменитого адвоката.

Графиня узнала объ этомъ и совсѣмъ потеряла голову отъ ревности. Она потребовала, чтобы Джіованни отказался отъ велеія этого дѣла. Она умоляла его объ этомъ во имя ихъ любви. Но Джіованни остался непреклоненъ. Ему надобли всѣ эти нелѣпныя претензіи и съ каждымъ днемъ онъ становился несговорчивѣе. Печаленъ былъ карнаваль этого года для бѣдной женщины, видѣвшей, что любимый ею человекъ ускользаетъ отъ нея, чѣмъ болѣе она силится удержать его при себѣ. Она вымѣщала свое недовольство мелкими сценами, раздражавшими ихъ обоихъ. Однажды она ушла изъ театра въ серединѣ представленія, потому что Джіованни раскланялся со своей кліенткой, сидѣвшей въ ложѣ напротивъ.

Постомъ взаимныя ихъ отношенія еще болѣе обострились. Всѣ театры были закрыты, и ей стало труднѣе слѣдить за Джіованни. Если онъ не приходилъ къ ней въ назначенный часъ, если она не встрѣчала его у общихъ знакомыхъ, она тотчасъ же воображала, что онъ долженъ непременно сидѣть у пѣвицы. Никакими доводами невозможно было разубѣдить ее въ этомъ. Джіованни потерялъ, наконецъ, терпѣніе и не сталъ уже больше оправдываться.

Тогда она начала настоящее гоненіе противъ ни въ чемъ неповинной артистки. По ея стараніямъ, въ различныхъ театральныхъ газетахъ помѣщались враждебныя ей рецензіи; она дошла до того, что стала писать анонимныя письма, обвиняя свою противницу въ томъ, что та выдумываетъ несуществующую тяжбу, чтобы имѣть случай завлечь въ свои сѣти богатаго адвоката.

Джіованни, которому пѣвица показала эти письма, былъ глубоко возмущенъ и оскорбленъ такимъ недостойнымъ поведеніемъ Джеммы и при свиданіи не могъ удержаться, чтобы не выразить ей этого.

Это былъ послѣдній ударъ, разорвавшій давно уже пошатнувшуюся связь.—Видя себя окончательно покинутою, Джемма, въ припадкѣ безумной ревности, задумала воскресить любовь Джіованни, возбудивъ ревность и въ немъ. Она стала являться на балахъ и гуляньяхъ въ сопровожденіи одного сильно ухаживавшаго за ней въ послѣднее время молодого человека,

позволяя себѣ съ нимъ такую фамиллярность, которая давала поводъ допускать между ними большую интимность.

Джіованни все это видѣлъ, но не почувствовалъ ничего, кромѣ отвращенія. Онъ не сталъ упрекать красавицу, не сталъ писать ей раздражительныхъ писемъ. Сердце его было и осталось холоднымъ.

Тогда графиня, раздраженная до бѣшенства, дѣйствительно бросилась въ объятія мальчишки, котораго не любила, по просту изъ мести, съ досады, изъ самолюбія, или по всѣмъ этимъ тремъ причинамъ, вмѣстѣ взятымъ. И не зная ни въ чемъ мѣры, приняла безумное рѣшеніе, о которомъ сама-же первая и сообщила Джіованни въ жестокомъ и сумасбродномъ письмѣ. Быть можетъ, и самое рѣшеніе было принято единственно для того, чтобъ написать это письмо.

„Я была о васъ слишкомъ хорошаго мнѣнія—оканчивала графиня рядъ язвительныхъ періодовъ. Вы не стояли моею любви. Пова вамъ нужно было имѣть связь въ высшемъ обществѣ, чтобы выдти въ люди, вы притворялись, что любите меня. Теперь же, разъ вы добились своей цѣли, вы сбрасываете маску и покидаете меня, какъ слѣдуетъ предателю. Но не подумайте, что вы очень огорчили меня своей измѣной, и что я проведу остатокъ дней, оплакивая вашу утраченную любовь: слишкомъ много чести. Если вы не находите больше, что я *безумно* хороша или даже просто хороша, то есть люди, готовые пожертвовать за мою любовь не только жизнью, но и положеніемъ и карьерою, чего вы, рабъ общественнаго мнѣнія, никогда не посмѣли-бы сдѣлать. Будьте-же счастливы со своей набѣленной и нарумяненной дѣвой; я-же постараюсь забыть въ любви благороднаго человѣка того, кто никогда ничего не зналъ, кромѣ своекорыстія...“

Прежде еще чѣмъ Джіованни получилъ это многословное и ядовитое письмо, во всемъ Миланѣ говорилось о бѣгствѣ графини Джеммы со своимъ новымъ любовникомъ.

Этотъ поступокъ окончательно уничтожилъ въ душѣ Джіованни все, что еще оставалось у него къ этой женщинѣ.

Самолюбіе его не допускало мысли, чтобы любимая имъ женщина могла такъ поступить. Когда-же безпощадный фактъ всталъ передъ нимъ во всей своей неотразимости, онъ усумнился во всѣхъ женщинахъ, лишь-бы не признать, что ему досталась худшая изъ нихъ.

Прекрасная бѣглянка уносила съ собою его послѣднюю иллюзію и ее-то онъ и оплакивалъ.

Онъ принялся отчаянно ухаживать за пѣвицей, своей клиенткой, какъ будто желая воскресить новой страстью или ея подобіемъ тѣ чувства, которыя такъ быстро поблекли въ его душѣ. Но молодая артистка до такой степени привыкла къ ухаживаніямъ, что не придавала никакого значенія всѣмъ его любезностямъ. Только когда онъ выказалъ свои намѣренія слишкомъ ясно, она объявила ему очень просто и вразумительно, что теперь у нея уже есть *сердечная связь*.

Не трудно было догадаться, что не будъ этого обстоятельства, она охотно приняла-бы его предложенія, даже въ томъ случаѣ, еслибы связь ихъ не могла быть сердечною.

Это была новая капля горечи для Джіованни. Онъ достигъ именно того момента, когда жизненный опытъ можно назвать полнымъ. Онъ испыталъ поэтическія иллюзіи молодости. Затѣмъ, онъ позналъ ихъ непрочность и научился смотрѣть на вещи глазами человѣка положительнаго, считающаго юношеской мечтой всѣ чистыя и безкорыстныя чувства и смотрящаго на вселенную съ вѣзъ призмъ легкаго и пріятнаго элликурензма.

Теперь-же онъ понялъ, что зрѣлый возрастъ какъ и юность имѣетъ свои заблужденія, и, взвѣсивши хорошенько тѣ и другія, пришелъ къ заключенію, что преимущества находятся, пожалуй, на сторонѣ молодости.

Съ грустью вспоминалъ онъ о благородномъ одушевленіи, съ какимъ онъ работалъ надъ своими первыми дѣлами, о бессонныхъ ночахъ, о лихорадкѣ розысковъ, о радости открытій. Теперь дѣла сыпались въ его студию, не доставляя ему ни малѣйшаго удовольствія, ни волненія. Онъ разсматривалъ ихъ холоднымъ и опытнымъ взглядомъ знатока, защищалъ ихъ равнодушно, иногда даже безучастно.

Онъ припоминалъ свой исходный пунктъ: крайняя бѣдность и великая любовь. Потомъ онъ припоминалъ конечную цѣль: слава и богатство все ради той-же любви.

Теперь онъ добился славы и богатства; но любовь онъ потерялъ по дорогѣ.

Быть можетъ онъ поспѣлъ-бы во время и Рашель досталась-бы ему, если-бы онъ явился за нею, какъ только добился приличнаго и почетнаго положенія въ обществѣ. Но тогда мо-

лодая кровь толкала его по другой дорогѣ. Тихая поэзія этой дѣвственной любви, миръ супружеской жизни, быть может, не дали-бы ему тогда счастья и онъ испортилъ-бы спокойствіе домашняго очага лихорадочными порывами своего молодого сердца.

Нужно было нѣсколько лѣтъ бурной свѣтской жизни съ ея интригами и ѣдкими наслажденіями запретной любви, чтобы удовлетворить его и вернуть ему миръ души. И теперь онъ чувствовалъ себя не только удовлетвореннымъ этой любовью, но даже пресыщеннымъ, разочарованнымъ. Онъ былъ недоволенъ собою, не вѣрилъ въ другихъ, одинокъ, безъ проблеска надеждъ впереди.

Это были самые печальные дни въ его жизни. Въ своемъ изящномъ кабинетѣ, въ аристократическихъ салонахъ, онъ съ завистью вспоминалъ о клѣтушкѣ башмачника съ щелями въ стѣнахъ. Въ биткомъ набитомъ залѣ трибунала, среди толпы друзей и поклонниковъ, осыпавшихъ его поздравленіями, онъ съ грустью вспоминалъ о своей первой рѣчи. Онъ съ радостью согласился-бы сдѣлаться снова бѣднымъ и безвѣстнымъ, лишь-бы вернуть надежду и вѣру въ тотъ успѣхъ, который теперь, будучи имъ достигнутъ, ничего не возбуждалъ въ немъ, кромѣ равнодушія.

Ему казалось, что онъ не совершилъ въ жизни ничего такого, за что могъ-бы серьезно упрекать себя. Молодой и свободный, онъ послѣдовалъ лишь влеченію своей натуры. Всякій на его мѣстѣ сдѣлалъ-бы тоже самое. Но ему было грустно, что таковыми оказались влеченія натуры. Слишкомъ поздно замѣтилъ онъ, что первый путь былъ лучше и онъ радъ-бы былъ вернуться на него, но возврата не было.

XVI.

На пасху онъ получилъ приглашеніе на балъ въ одинъ аристократическій домъ и по обыкновенію принялъ приглашеніе. Онъ настолько сдѣлался самъ свѣтскимъ человѣкомъ, что ему нужна была эта атмосфера.

Въ этотъ вечеръ ему было грустнѣе обыкновеннаго и онъ пустился разсуждать о политикѣ съ однимъ старымъ сенаторомъ. Въ самый разгаръ бесѣды о налогахъ на помоль, составлявшемъ тогда интересъ дня, сенаторъ кивнулъ издали голо-

вою какому-то молодому человѣку, который вскорѣ подошелъ поздороваться со старикомъ.

— Графъ такой-то—оди́нъ изъ нашихъ будущихъ дипломатовъ, сказалъ сенаторъ, представляя своему собесѣднику молодого человѣка лѣтъ двадцати-пяти.

Джіованни пробормоталъ одну изъ стереотипныхъ фразъ: «очень пріятно познакомиться».

— Но вѣдь мы съ вами давно познакомились, синьоръ Мацца, отвѣчалъ молодой человѣкъ;—по крайней мѣрѣ пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Джіованни пристально посмотрѣлъ на своего новаго знакомаго, но никакъ не могъ признать его.

— Не удивительно, что вы меня не узнаете; мнѣ вѣдь было тогда всего восемь лѣтъ, отвѣчалъ молодой графъ, улыбаясь. — Когда меня приглашали обѣдать, то сажали всегда за дѣтскій столъ...

Тогда Джіованни припомнилъ его имя и узналъ одного изъ своихъ сотрапезниковъ за столомъ у синьора Педротти. Вся сцена обѣда, лѣтній полдень, свѣжій плющъ, барскій столъ, старые, надутые деревенскіе тузы, прелестная бѣлокуро-рая дѣвушка съ парой добрыхъ бѣлокурыхъ глазъ, все это какъ живое встало въ его воображеніи. Крѣпко пожимая руку молодого человѣка, онъ повторялъ:

— Какъ я радъ! Какъ я радъ!

И онъ говорилъ правду. Ему доставляло большое удовольствіе это возвращеніе къ воспоминаніямъ дѣтства. Его тогдашняя застѣнчивость, свирѣпая ненависть къ надменнымъ меценатамъ, страхъ уронить свое достоинство, дѣлавшій его такимъ ежомъ—все это казалось ему теперь чѣмъ-то свѣтлымъ, трогательнымъ, невыразимо пріятнымъ.

Далекая деревенская сцена являлась пріятнымъ контрастомъ съ тѣми разочарованіями, которыя оставилъ ему десятилѣтній періодъ его свѣтской жизни. Онъ уже былъ не мальчишкой, не неотесаннымъ, всѣми презираемымъ семинаристомъ, какимъ былъ въ ту пору, а человѣкомъ зрѣлымъ, съ почетнымъ именемъ, прочнымъ положеніемъ и измученной, жаждущей покоя душой.

Въ сердцѣ его внезапно пробудилась теплая нѣжность къ родной деревнѣ съ ея патриархальными нравами, ея зелеными холмами, тѣнистымъ садомъ замка, окруженнымъ старыми по-

чернѣвшими стѣнами. Все это казалось ему теперь какъ нельзя болѣе живописнымъ и поэтическимъ и онъ думалъ, какъ было бы пріятно удалиться туда, въ этотъ мирный, тихій уголокъ.

Схвативъ подъ руку молодого дипломата, онъ весь вечеръ не отпускалъ его отъ себя, спрашивая его о Фонтанетто и о всѣхъ старыхъ знакомыхъ.

Графъ имѣлъ въ провинціи обширныя помѣстья и каждое лѣто ѣздилъ туда и потому былъ au courant всего.

Синьоръ Педротти умеръ отъ подагры нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а Рашель жила одинокою въ своемъ обширномъ замкѣ.

Ни при жизни отца, ни послѣ его смерти она ни за что не хотѣла выдти замужъ, упорно отвергая самыя блестящія партіи. Ей дѣлалъ предложенія инженеръ Ивезе ди-Маджіора, одинъ изъ первыхъ архитекторовъ Рима; потомъ сынъ банкира Ковалио, владѣвшаго большей половиной всѣхъ земель въ округѣ Фонтанетто. Затѣмъ въ деревню вернулся сынъ Тоньины-Мельничихи, нажившій себѣ огромное состояніе въ Америкѣ производствомъ скрипокъ. Онъ тоже предлагалъ свою руку, сердце, скрипки и миллионы синьоринѣ Педротти. Но она отказала имъ всѣмъ. Въ Фонтанетто одни говорили, что у нея какая-то тайная любовь, другіе-же считали ее ханжой.

При своемъ тогдашнемъ настроеніи Джіованни предпочелъ первое объясненіе. Въ самомъ дѣлѣ, отчего не допустить, что она его ожидаетъ? Когда онъ уѣзжалъ изъ Фонтанетто—она любила его несомнѣнно. Въ первое время она была залугана отцемъ и не посмѣла дать обѣщанія противнаго его волѣ. Но потомъ чувство взяло свое. Отвергнувъ первое предложеніе, она поняла, что имѣетъ возможность оставаться вѣрной любимому человѣку, не возмущаясь открыто противъ отцовской власти. Она знала, что любима, вѣрила въ постоянство любимого человѣка и осталась дѣвушкой, ожидая его прихода.

Въ этотъ вечеръ, возвращаясь въ свою богатоубранную квартиру, Джіованни внесъ туда съ собою всю поэзію прежнихъ своихъ двадцати лѣтъ.

Онъ вошелъ къ себѣ въ комнату твердой поступью съ высоко поднятой головой, улыбаясь какъ юноша, возвращающійся съ перваго любовнаго свиданія. Никакого опредѣленнаго рѣшенія у него не было въ головѣ; онъ просто наслаждался

преlestью навѣянныхъ на него мечтаній. Ему грезился зеленый, смѣющийся пейзажъ, полное уединеніе, ненарушимая тишина, среди которой онъ отдавался очарованію безконечной идилліи. Онъ улыбался окружающему его пространству, точно желая сказать: теперь и я нашелъ свой райскій уголокъ и въ этихъ стѣнахъ я уже не жилецъ.

Онъ опустился на кресло, стоявшее возлѣ кровати, и сталъ медленно раздѣваться, развлекаемый ежеминутно своими новыми мыслями. Отъ времени до времени взглядъ его съ любовью останавливался на немногихъ вещицахъ отцовскаго наслѣдія, которыя не были отправлены на чердакъ и каждая изъ нихъ вызывала въ его воображеніи какое нибудь дорогое лицо или сцену изъ давно минувшаго. Но теперь все это прошлое воскресало передъ нимъ безъ всякой тѣни той горечи, которая наполняла его въ былое время. Оно ожило лишь своими хорошими сторонами, отбросивъ все темное и некрасивое, подобно тому, какъ бабочки, вылупившись изъ кокона, покидаютъ отталкивающую форму пресмыкающагося червя.

Раздѣвшись, онъ взялъ въ руки книгу, которую читалъ на сонъ грядущій: то былъ сборникъ знаменитыхъ лондонскихъ процессовъ. Но на этотъ разъ ловкія продѣлки мошенниковъ великой столицы уже не занимали его.

Онъ всталъ съ постели и подошелъ съ поднятой свѣчей къ шкапу съ книгами, отыскивая что-нибудь между томиками, стоявшими на верхней полкѣ, гдѣ у него хранились литературныя и поэтическія произведенія, которыя далеко не составляли его любимаго чтенія.

Вдругъ взглядъ его остановился на довольно толстомъ томѣ въ красномъ сафьянномъ переплетѣ. Торопливо, съ радостной улыбкой на лицѣ, схватилъ онъ книгу, точно нашелъ дорогую, давно затерявшуюся вещь, и легъ снова въ постель, забывъ даже затворить дверцы шкапа.

Это было второе изданіе «Обрученныхъ», то самое, которое столько лѣтъ тому назадъ онъ давалъ читать Рапелли. За этой-то книгой онъ послалъ Матту передъ самымъ отъѣздомъ изъ деревни, въ надеждѣ найти между ея страницами слово надежды.

Если-бы это слово оказалось тамъ, то пріѣхавши въ Миланъ, онъ считалъ бы себя уже связаннымъ торжественнымъ обѣщаніемъ и тогда, получивъ возможность повторить пред-

ложеиіе, не опасаясь новых униженій, онъ тотчасъ-же помчался-бы къ своей невѣстѣ, и вся жизнь его потекла-бы иначе и ему не пришлось-бы узнать пошлой развязки, которую устроила графиня его первому роману.

Обо всемъ этомъ думалъ онъ, перелистывая книгу и рассматривая замѣтки и значки, сдѣланные имъ на поляхъ еще юношею.

Вдругъ, перевернувъ одну изъ страницъ, онъ увидѣлъ письмо, письмо немного запачканное, съ пожелтѣлыми чернилами, но въ конвертѣ съ печатью.

Онъ весь вздрогнулъ, сердце его забилося, точно предъ нимъ всталъ мертвецъ. Онъ тотчасъ-же узналъ почеркъ Рашели; то было письмо, о которомъ онъ молилъ когда-то; обѣщаніе, которое дало-бы совсѣмъ иное направленіе его жизни, если-бы онъ получилъ его тогда.

Взволнованный, едва помня себя, онъ вскрылъ дрожащими руками конвертъ. Ему казалось, что онъ возвратился къ тому давно минувшему времени и что съ замираніемъ сердца онъ дѣйствительно ждетъ приговора, который долженъ рѣшить для него вопросъ о жизни и смерти. Письмо состояло изъ нѣсколькихъ строкъ:

«Я не возстану противъ отца, чтобы сдѣлаться твоею—прости мнѣ эту слабость, но никогда не выйду я замужъ, ни за кого, кромѣ тебя. Клянусь тебѣ въ томъ.

Рашель».

Джіованни остелбенѣлъ. Онъ готовъ былъ прозакладывать голову, что письма этого не было въ книгѣ, когда ему передала его Матта.

— Ахъ, эта дура! воскликнулъ онъ, ударивъ себя рукою по лбу. — Навѣрное она вынула его изъ книги, чтобы поискать свое любимое *о* на адресѣ. Потомъ она положила его на мѣсто, но было уже слишкомъ поздно.

Съ поразительной ясностью предъ нимъ встало какъ на яву множество мелочей, на которыя онъ тогда не обратилъ вниманія. Внезапное бѣгство Матты, лишь только она его увидѣла на дорогѣ; ея смущеніе, когда онъ сталъ брать у нея книгу, усиленные просьбы позволить ей нести ее до дому; наконецъ послѣдняя сцена передъ отъѣздомъ, когда онъ засталъ ее въ своей комнатѣ съ той-же книгой въ рукахъ. Онъ представилъ себѣ теперь совершенно ясно, какъ было дѣло.

«Въ ту минуту, когда я вошелъ, она именно и вкладывала въ книгу вынутое ею письмо!..»

Онъ невольно задумался. Что было-бы теперь съ нимъ, если-бы мальчикомъ ему не пришла въ голову злополучная мысль обучать эту дуручку азбукѣ!..

Въ его воображеніи пронесся цѣлый идиллическій романъ съ нѣжной грустью разлуки, трогательной радостью свиданія, деревенской свадьбой и долгими годами тихаго безоблачнаго счастья... И какъ мало нужно было, чтобы все это случилось взаправду! Онъ думалъ объ этомъ такъ упорно, что мало-помалу утратилъ сознание дѣйствительности. Онъ останавливался и развивалъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ наиболѣе трогательныя сцены и эпизоды этой любви безъ бурь, безъ стыда и угрызений.

Онъ до такой степени погрузился въ этотъ міръ сладкихъ грезъ, до такой степени слился съ той ролью вѣрнаго влюбленнаго, которую бралъ на себя, что незамѣтно для него самого печаль о потерянномъ счастьи разсѣялась, и радость, вѣра, любовь снова проснулись въ его сердцѣ.

Въ самомъ дѣлѣ: развѣ не говорили ему не далѣе какъ сегодня вечеромъ, что Рашель отвергла всѣ предложенія. Онъ еще тогда подумалъ, что она это дѣлала изъ любви къ нему. Теперь-же въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Она исполняетъ свою клятву; она ждетъ его. Ну, что-жь? Вѣдь онъ свободенъ, онъ любитъ ее, какъ никогда не любилъ. Что за бѣда, что письмо не попало къ нему во время, что онъ не зналъ о ея благородномъ постоянствѣ? Дѣло отъ этого нисколько не измѣнилось. Ихъ счастье отодвинулось на нѣсколько лѣтъ и больше ничего.

Долго, долго не могъ онъ заснуть, думая о Рашели. Теперь она уже больше не дѣвочка. Она приблизительно однихъ лѣтъ съ графиней. Но Джемма все еще была очень хороша собою и навѣрное долго еще останется такою. Рашель тоже блондинка, какъ и она, только черты ея лица правильнѣе. Онъ не сомнѣвался, что теперь, въ полномъ развитіи женской красоты, она еще очаровательнѣе, чѣмъ прежде. Конечно, она должна быть немного выше, полнѣе, развязнѣе, чѣмъ прежде. Она всегда отличалась природной граціей и тонкимъ вкусомъ. Теперь она, конечно, развилась, утратила свою дѣвичью ди-

кость... Однимъ словомъ, изъ нея навѣрно вышла очаровательная женщина.

Послѣ такого долгаго промежутка времени, она, быть можетъ, уже не ждетъ его больше. Какъ-же она обрадуется ему! Это будетъ настоящая сцена изъ среднихъ вѣковъ, разыгранная хорошенькой современной дамой и свѣтскимъ львомъ. Онъ пожалѣлъ, что не можетъ подѣхать къ замку верхомъ, на конѣ, поднимая облако пыли...

Джіованни заснулъ среди этихъ розовыхъ мечтаній и сны его были полны поэзіи и любви.

На другой день онъ всталъ рано, горя нетерпѣніемъ лѣтѣть въ Фонтанетто, погрузиться снова въ этотъ романъ чистой юношеской любви и обрадовать своимъ неожиданнымъ появленіемъ вѣрную и преданную женщину, ожидавшую его столько времени.

Онъ освободился только къ полудню. На сколько времени онъ уѣзжаетъ? Онъ самъ этого не зналъ и не хотѣлъ связывать себя никакими обѣщаніями. Впереди его ждали такіа радости, что онъ хотѣлъ быть совершенно свободнымъ, считывая отдаться счастью беззавѣтно, не думая о времени, забывъ о дѣлахъ.

Въ Новаррѣ ему пришлось просидѣть цѣлый часъ, ожидая поѣзда въ Боргоманеро.

Онъ вспомнилъ, какимъ великолѣпнымъ казался ему когда-то кафе желѣзной дороги. Именно весною въ городѣ сѣзжались изъ окрестностей крестьяне, фермеры, мелкіе лавочники для закупки всего необходимаго для предстоящаго рабочаго сезона, и всѣ возвращались къ себѣ домой съ кучей рассказовъ о чудесахъ, видѣнныхъ въ городѣ, между которыми не послѣднее мѣсто занимало желѣзнодорожное кафе. Фонтанетцы, побывавшіе въ немъ, долго рассказывали, вернувшись во свояси, о роскошномъ убранствѣ залы, съ золотыми карнизами и большими зеркалами, о бархатной мебели, мраморныхъ столикахъ и громадномъ буфетѣ, полномъ всякой благодати.

Теперь Джіованни задыхался въ крошечной залѣ, оставшейся точь-точь въ такомъ-же видѣ, какъ была въ его время.

Плисъ, покрывавшій мебель, выцвѣлъ и во многихъ мѣстахъ вылѣзъ, какъ волосы на головѣ стариковъ. Золоченные карнизы почернѣли и покрылись пылью, не смотря на пожел-

тѣлую кисею, покрывавшую ихъ. Мраморные столики были покрыты безобразными фигурами и глубѣйшими надписями.

У прилавка стояла молодая дѣвушка; около нея стояли два парня, одѣтые не то крестьянами, не то горожанами, и отпускали самые недвусмысленные комплименты, принимаемые молодой буфетчицей, какъ должная дань ея красотѣ.

Она была до такой степени перетянута, что, казалось, съ трудомъ переводила дыханіе; лицо хранило явные слѣды дешевыхъ румянъ и бѣлиль, а голова украшалась пирамидой волосъ, торчавшей изъ-за двухъ пирамидъ сухарей, возвышавшихся по обѣ стороны прилавка.

Мало-по-малу публика начинала сходиться въ этотъ сборный пунктъ Новарскаго бомонда. Барышни шли впереди, въ яркихъ платьяхъ вычурнаго покроя и шляпкахъ, представлявшихъ каррикутуру на послѣднюю моду. Папеньки и маменьки шли въ нѣсколькихъ шагахъ. Молодые женщины съ множествомъ брелокъ, браслетовъ и колець, одѣтыя еще причудливѣе и безвкуснѣе, чѣмъ барышни, являлись со своими супругами. Изящные молодые люди, напоминавшіе парикмахерскія выѣски, незамѣтно кивали головой красивой буфетчицѣ, не снимая шляпъ, чтобы не обратить вниманія своихъ дамъ.

Это были, конечно, не сливки новарскаго общества, а мелкая буржуазія; лавочники, чиновники, мелкіе предприниматели. Но обѣ ихъ-то роскоши и изяществѣ и ходили расказы въ Фонтанетто, гдѣ слова «синьора изъ Новары» имѣютъ такое-же значеніе, какъ въ какой-нибудь деревушкѣ близъ Пуату слова: «дама изъ Парижа».

Джіованни наблюдалъ эти провинціальныя сцены и внутренно улыбался при воспоминаніи о томъ, въ какой восторгъ приводили его эти-же сцены въ дни его молодости.

Наконецъ, подошелъ поѣздъ. Джіованни взялъ себѣ отдѣльное купѣ, чтобы быть одному, и, откинувшись въ креслѣ, смотрѣлъ на обширную зеленую равнину, разстилавшуюся передъ его глазами. Онъ думалъ о Рашели, о ея любви, о предстоящей встрѣчѣ. Ему вспоминался ея величественный замокъ съ обширными сводчатыми залами, украшенными старинными барельефами. Рашель, какъ дѣвушка съ тонкимъ вкусомъ, навѣрное сумѣла сохранить за замкомъ его античный характеръ. Для себя она, конечно, устроила уютное гнѣздышко съ мягкой удобной мебелью, низенькими турецкими диванчиками,

маленькимъ рабочимъ столикомъ, съ фортепьяно и хорошенькой этажеркой для нотъ и любимыхъ книгъ. Среди этой обстановки онъ видѣлъ Рашель одѣтою въ одно изъ тѣхъ простенькихъ, но изящныхъ черныхъ платьевъ, которыя составляютъ идеалъ искусныхъ портнихъ; обнаруживая всю красоту и грацію фигуры, эти платья имѣютъ въ тоже время видъ совсѣмъ простаго наряда.

Такою воображалъ себѣ Джіованни Рашель. Онъ уже мечталъ, какъ, женившись на ней, увезетъ ее въ Миланъ, какъ введетъ ее въ кругъ избранныхъ женщинъ, какъ она раздѣлится въ этой живительной атмосферѣ послѣ деревенскаго уединенія.

Въ Боргоманеро онъ взялъ карету до Фонтанетто. Было воскресенье; когда онъ пріѣхалъ, уже прозвонили къ вечернѣ. На улицахъ ни души. Зѣмокъ, со своими высокими башнями и старой зубчатой стѣной, чернѣлъ вдали. Онъ сохранилъ тотъ-же суровый и угрюмый видъ. Всѣ окна его были открыты настежь, чтобы дать доступъ благоухающему весеннему воздуху. Мрачный и безмолвный, онъ казался необитаемымъ. И дѣйствительно, когда Джіованни, блѣдный отъ волненія, вышелъ изъ кареты и постучался у воротъ, садовникъ, отворившій ему калитку, сказалъ, что синьора ушла къ вечернѣ.

Джіованни рассчитался съ кучеромъ и направился къ церкви. Солнце уже закатилось, но ровный полусвѣтъ весеннихъ сумерекъ освѣщалъ окрестности. Поля сверкали яркой апрѣльской зеленью, наполняя воздухъ благоуханіемъ свѣжей травы. Однако, Джіованни чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко среди этихъ безмолвныхъ домовъ съ закрытыми дверями и окнами, придававшими деревнѣ видъ соннаго царства.

Подойдя къ церкви, онъ услышалъ громкое и нестройное пѣніе *Tantum ergo*. Служба, очевидно, приближалась къ концу. Онъ остановился поодаль. Маленькая церковь была биткомъ набита народомъ, и многіе изъ прихожанъ, явившись слишкомъ поздно, не могли протискаться во внутренность храма и стояли на колѣняхъ на паперти.

Джіованни такъ торопился выѣхать изъ Милана, что не позаботился о дорожномъ костюмѣ и явился городскимъ щеголемъ въ изящной жакеткѣ, въ сиреневыхъ лайковыхъ перчаткахъ. Едва только женщины, стоявшія на паперти, замѣ-

тили его, какъ тотчасъ-же начали оглядываться, толкать друг друга локтями, хихикать и пересмѣиваться. Мужчины, замѣресованные этимъ шушуканіемъ, оглядывались съ разинутыми ртами, съ любопытствомъ всматриваясь въ незнакомца, и указали въ его сторону хриплыми ноты, точно Джованни былъ самъ Господь-Богъ, у котораго они просили хорошаго грѣша на своей исковерканной, непонятной латыни.

Наконецъ, всѣ смолкли. Послышался голосъ священнаго пѣвшаго *Oremus*; потомъ всѣ наклонили головы; въ воздухѣ пронесся пріятный запахъ ладона, зашуршали ноги, и крестьяне начали потихоньку выходить. Ни одинъ изъ нихъ не забылъ смѣрить взглядомъ этого щеголя изъ Новары, который пришелъ во время службы и не помолился Богу, даже не перекрестилъ лба. «Эта Новара настоящая Гоморра. Теперь тамъ все нехристь на нехристь. Не даромъ, что ни годъ, то—либо засуха, либо градъ, либо ливни. Урожай плохъ, шелкомотные черви и того хуже. Помѣщики отступились отъ вѣры, и Богъ наказываетъ ихъ за грѣхи. Да только и бѣдныхъ крестьянъ черезъ нихъ ѣсть нечего; невинному приходится мучиться за грѣшника...»

Женщины, не углубляясь такъ далеко, перекидываясь замѣчаниями:

- А видала, какіе у него башмаки?
- Смотри, смотри—шелковые чулочки!
- Платочекъ съ кружевомъ, какъ у синьоры!
- А какъ хорошо отъ него пахнетъ!

И всѣ они хихикали, прятаясь другъ за друга.

Одни только мальчишки, не охотники церемониться, толпой стояли вокругъ него, заложивъ руки за спину, и поднимая вверхъ головы и не спуская съ него внимательныхъ и неподвижныхъ взглядовъ, точно онъ былъ выставленъ здѣсь нарочно имъ на забаву. По мѣрѣ того, какъ народъ выходилъ изъ церкви, толпа мальчиковъ все увеличивалась, и вновь прибывающіе, расталкивая своихъ товарищей, протискивались впередъ поближе къ диковинному гостю, и если кто-нибудь не позволялся, принимались кричать: «Дай-же и мнѣ посмотреть; и я тоже хочется! Ты уже видѣлъ».

Синьоры вышли послѣдними. Впереди шла жена аптекаря, маленькая, черномазая старушонка, до такой степени вышколенная, что время, казалось, уже не дѣйствовало на нее; за нею

ши секретарша, которую нельзя уже было назвать ни прекрасной, ни несчастной блондинкой, потому что волосы ея совсемъ посѣдѣли. Но она все еще держалась прямо и сурово, какъ солдатъ, и вела чувствительный разговоръ съ двумя молодыми дѣвушками, которыхъ Джіованни не узналъ. За ними показалась Рашель.

Она была въ черномъ шелковомъ платьѣ и черной вуали. Ея свѣтлый румянецъ принялъ слишкомъ яркую краску, какъ бываетъ у блондинокъ; она немного потолстѣла, и ея высокая, все еще красивая фигура утратила прежнюю стройность. Бѣлокурые, гладко причесанные волосы были надвинуты на виски и собраны въ узелъ на затылкѣ. Эта прическа, закрывая лобъ, отзывалась чѣмъ-то древнимъ. На ней была простая баска съ юбкой, безъ всякой отдѣлки; кружевной платокъ былъ завязанъ спереди простымъ узломъ, какъ генуэзская pezzola. Этотъ костюмъ обнаруживалъ полное отсутствіе какихъ-бы то ни было претензій на изящество и придавалъ ей старческій видъ.

Въ одно мгновеніе у Джіованни мелькнула мысль о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ эта дородная дѣвушка, одѣтая какъ богатая фермерша, среди нервныхъ, граціозныхъ миланскихъ дамъ, и неприятное чувство разочарованія охватило его. Въ эту самую минуту Рашель повернулась въ его сторону, устремивъ на него свои большіе спокойные глаза. Почти презрительное выраженіе этого холоднаго лица не ускользнуло отъ нея. Она тотчасъ-же узнала Джіованни, но и на нее его щегольской видъ произвелъ дурное впечатлѣніе, такъ какъ даль ей почувствовать пропасть, ихъ отдѣлявшую. Покраснѣвъ до края волосъ, она повернула голову въ другую сторону и прошла мимо, сдѣлавъ видъ, что не узнала его.

Живя среди деревенской глупи, она не умѣла научиться скрывать свои чувства подъ покровомъ дружеской развязности и, встрѣтившись съ человѣкомъ, заставившимъ трепетать все ея существо, не умѣла съ улыбкою протянуть ему руку и заговорить о предметахъ, совершенно постороннихъ тому, что ее такъ интересуешь.

Первой ея мыслью при видѣ Джіованни было броситься къ нему съ распростертыми объятіями и зарыдать на его груди отъ внезапно нахлынувшаго счастья. Но это продолжалось лишь одно мгновеніе. Въ слѣдующее она замѣтила неприятное

чувство, которое вызвала въ немъ, и безпредѣльное счастье вдругъ смѣнилось въ ней глубокой грустью.

Джіованни долго слѣдилъ за ней взглядомъ. Она шла медленной, ровной, крупной походкой. Она была красива и сильна и среди окружающаго ее деревенскаго пейзажа, среди этихъ горъ и луговъ, казалась совсѣмъ на мѣстѣ. Художникъ охотно избралъ-бы ее моделью для Юоны. Джіованни тоже находилъ, что она хороша собой, но не такую рисовалъ онъ себѣ свою будущую жену.

Ему захотѣлось мчаться снова въ Боргоманеро, сѣсть въ вагонъ и уѣхать въ Миланъ, не повидавшись даже съ Рашелью.

Однако, его тронула мысль объ этой доброй и благородной дѣвушкѣ, похоронившей себя въ своемъ старомъ замкѣ и погубившей лучшіе годы молодости для того, чтобы только остаться вѣрной ему.

Онъ вспомнилъ вечеръ у стѣны сада, когда со всѣмъ пыломъ молодой души онъ сказалъ ей: «Хочешь быть моею?» и дѣвушка, краснѣя, отвѣтила ему словомъ любви. Тогда, царапая себѣ руки, разрывая платье, онъ вскарабкался вверхъ по утесу, до периль балкона, схватилъ ножку дѣвушки и поцѣловалъ ее.

Съ этого дня онъ много выстрадалъ, много перенесъ трудовъ и лишеній—и все для того, чтобы достигнуть своего нынѣшняго положенія. Теперь-же онъ съ радостью отдалъ-бы всю прибрѣтенную имъ славу и богатство, чтобы только испытать ту безпредѣльную радость, которую онъ чувствовалъ тогда, сжимая и цѣлуя эту ножку.

Но радость эта умерла, умерла на-вѣки. Время убило ее. Достаточно было взглянуть на Рашель, чтобы убѣдиться, что жизнь превратила ее въ простую деревенскую дѣвушку. Она оставалась все той-же Рашелью, но она перестала быть его идеаломъ, и, при встрѣчѣ съ ней, сердце Джіованни только болѣзненно сжалось.

Онъ обошелъ церковь, чтобы дать толпѣ разойтись. Но мальчики продолжали слѣдовать за нимъ, громко стуча своими деревянными башмаками. Тогда онъ направился по берегу Сиссока къ тому мѣсту, гдѣ рѣка такъ близко подступаетъ къ стѣнѣ одного огорода, что по берегу нельзя идти иначе, какъ гуськомъ. Маленькіе дикаренки, не отличающіеся такой назой-

ливостью, какъ ихъ городскіе собратья, видя, что онъ хочетъ убѣжать отъ нихъ, остановились и понемногу стали расходиться.

Джіованни долго шелъ по берегу, гдѣ гулялъ когда-то погруженный въ свои мечты; потомъ онъ повернулъ назадъ и направился къ замку.

Теперь онъ уже не мечталъ ни объ изящныхъ будуарахъ, ни о красивыхъ бездѣлушкахъ, ни о цвѣтахъ, которыми онъ окружалъ недавно образъ своей прелестной отшельницы.

Начинало темнѣть. Холмы и окрестная долина одѣлись сѣрымъ покрываломъ, и съ луговъ стали подниматься бѣловатый туманъ. Крестьяне возвратились въ дома ужинать. Стрежовы умолкли; только изрѣдка шальной сверчокъ нарушалъ торжественное безмолвіе природы.

Джіованни взглянулъ на замокъ и увидѣлъ на перекидномъ мосту Рашель, наклонившуюся надъ перилами, какъ будто разсматривавшую что-то во рву.

«Ждетъ меня», подумалъ онъ. Но Рашель была такъ поглощена своими думами, что не замѣтила его приближенія. Только когда онъ сталъ подходить ко рву, она услышала его шаги и, вмѣсто того, чтобы идти ему навстрѣчу, съ испугомъ убѣжала въ замокъ.

«Какъ одичала!» подумалъ про себя Джіованни и, покачавъ головою, со вздохомъ вошелъ въ ворота. Во дворѣ онъ встрѣтилъ служанку, которая провела его въ гостинную замка. Но эта зала, до такой степени смутившая его своимъ великолѣпьемъ въ день его послѣдняго свиданія съ синьоромъ Педротти, теперь показалась ему смѣшною. Большіе пузатые кресла были стары, не будучи древними. Ихъ современная форма и ихъ набитыя шерстью подушки совсѣмъ не подходили къ средневѣковымъ барельефамъ и портьерамъ залы. На каминѣ стояли бронзовые золоченые часы съ двумя такими-же подсвѣчниками, прикрытыми, какъ и часы, стеклянными колпаками. Около стараго, покоробившагося фортепьяно виднѣлся круглый столикъ, съ кипой старыхъ нотъ. Нигдѣ не видно было ни книжекъ въ золотообрѣзномъ переплетѣ, ни газетъ, ни эстамповъ, ничею такого, что свидѣтельствовало-бы объ умственной жизни обитательницы этого замка. Вмѣсто благоуханія фіалокъ и жасминовъ, чувствовался затхлый и сырой запахъ нежилыхъ покоевъ. Залъ былъ отпертъ только по случаю его прихода,

такъ какъ въ замкѣ рѣшительно никто не бывалъ. Уединеніе Рашели вовсе не походило на то, о которомъ онъ мечталъ. Оно не прерывалось отъ времени до времени посѣщеніями немногихъ избранныхъ, вечерами въ кругу друзей, поддерживающими свѣжесть мысли и живость бесѣды. Это было настоящее уединеніе, настоящая оторванность отъ того міра умственной и артистической жизни, внѣ котораго существованіе казалось Джіованни невыносимымъ.

Рашель вышла сконфуженная; неловко поклонилась она ему и, со словами: «О, синьоръ Джіованни, какъ поживаете?», опустилась на диванъ.

Джіованни тоже было не по себѣ въ присутствіи этой молчаливой женщины. Но инстинктивно онъ все-таки обрадовался этому сдержанному приему: другая встрѣча смутила-бы его гораздо болѣе. Собравъ свое мужество, онъ протянулъ ей руку. Рашель подала ему свою, но тотчасъ-же отдернула ее.

— Я очень запоздалъ, Рашель, не правда-ли? проговорилъ онъ.

Она вспыхнула снова. Такъ, значить, онъ явился сюда, ради нея? Онъ помнитъ свое обѣщаніе? Не все еще кончено? Ей не вѣрилось такому счастью... Давно уже она привыкла къ мысли, что онъ забылъ ее и она никогда больше не выйдетъ замужъ... Отъ внезапной радости сердце ея забилося такъ сильно, что у нея почти захватывало дыханіе. Она молчала, потушившись. Смущенный ея молчаніемъ, Джіованни повторилъ:

— Такъ вы не сердитесь на меня, Рашель, за то, что я такъ запоздалъ?

— Лучше поздно, чѣмъ никогда, проговорила Рашель, не сознавая ясно смысла этихъ словъ въ примѣненіи къ данному случаю. Въ ея головѣ роилось слишкомъ много живыхъ, жгучихъ мыслей, захватившихъ ее совершенно врасплохъ. «Такъ, стало-быть, грезы ея юности не совсѣмъ еще разбиты; она думала, что уже состарѣлась для любви, и вдругъ оказывается, что это чувство снова улыбается ей. О, какъ оживило ея сердце! Но, возможно-ли, чтобы этотъ изящный синьоръ былъ тѣмъ самымъ Джіованни, котораго она знавала когда-то? Неужели онъ любитъ ее, какъ прежде? О, нѣтъ! Прежде, при взглядѣ на нее, глаза его наполнились-бы слезами или загорѣлись-бы любовью. Тѣ-же глаза; какими онъ на нее смот-

рѣль теперь, не были глазами влюбленнаго. Эти развязныя, самоувѣренныя манеры, этотъ спокойный голосъ, этотъ острый, пытливый взглядъ, считавшій, казалось, волосы на ея головѣ и искавшій морщинокъ на лицѣ,—ничего не имѣли общаго съ любовью. Этотъ красивый щеголь не любить ее. Такъ зачѣмъ-же онъ пришелъ? Зачѣмъ?»

И вотъ онъ самъ поспѣшилъ отвѣтить, точно угадавъ ея безмолвный вопросъ:

— О, конечно! Лучше поздно, чѣмъ никогда,—повторилъ онъ вслѣдъ за ней, и послѣ небольшой паузы, прибавилъ:— Такъ, стало-быть, вы думаете, что еще не слишкомъ поздно? «Слишкомъ поздно!»—вотъ объясненіе всему.

Онъ счелъ своимъ долгомъ вернуться къ ней, чтобы исполнить данное слово. Но пріѣхавъ, увидѣвъ ее, онъ замѣтилъ, что между двумя послѣдними ихъ свиданіями прошло двѣнадцать лѣтъ,—двѣнадцать лѣтъ, проведенныхъ среди грубыхъ, невѣжественныхъ людей и пустыхъ занятій. Въ эти двѣнадцать лѣтъ она состарѣлась, одичала, утратила все, что можетъ привлечь изящнаго и свѣтскаго человѣка.

«О, конечно, ужь слишкомъ поздно!» Красивая дѣвушка потеряла свою грацію, но сохранила на-столько здраваго смысла, чтобы понять это.

«Да, это правда. Мнѣ слишкомъ поздно думать о любви. Я ему больше не пара. Если онъ готовъ жениться на мнѣ, то только изъ чувства долга».

Сердце ея переполнилось невыразимой горечью. Подозрѣніе, мелькнувшее въ ней въ первую минуту встрѣчи, оправдалось; сердце ея замерло; она неподвижно сидѣла на диванѣ, держа руку въ рукѣ и опустивъ глаза на оборку платья.

Джіованни долженъ былъ заговорить снова. Это ему не особенно нравилось. Однако, избѣжать объясненія было невозможно. Ихъ взаимное положеніе, все ихъ прошлое требовало этого. Нужно было помириться со своей участью и заговорить во что-бы-то ни стало.

— Разумѣется, лучше поздно, чѣмъ никогда, повторилъ онъ.—Мы оба свободны и можемъ еще исполнить данное другъ другу обѣщаніе.

— О, Боже, не будемъ говорить о прошломъ! вырвалось у Рашели, чутко уловившей оскорбительную для нея холодность, которая звучала въ его голосѣ.

— Почему-же? спросил Джіованни ласково снисходительнымъ тономъ, какимъ говорятъ утѣшая дорогого человѣка, которому готовы многое простить.

— Потому-что для меня уже не время думать... о нѣкоторыхъ вещахъ...

Онъ слушалъ ее съ огорченнымъ видомъ и изъ вѣжливости сказалъ:

— Полноте! Вы еще молоды...

Но глаза его, съ состраданіемъ смотрѣвшіе на нее, казалось, говорили: «Увы, ваша правда! Какая жалость!».

— Нѣтъ, нѣтъ, повторила она. — Мы пошли разными дорогами...

Она начала говорить спокойно, но при первыхъ-же словахъ слезы подступили ей къ горлу, голосъ ея оборвался, и она чувствовала, что разрыдается, если вздумаетъ сказать то, что собиралась: «наши обѣщанія были ребячествомъ». При одной мысли произнести эти жестокія слова, сердце ея разрывалось на части.

Замѣтивъ ея волненіе, Джіованни всталъ и началъ прощаться.

— Подумайте объ этомъ хорошенько, Рашель, сказалъ онъ. — Я захватилъ васъ врасплохъ... Подумайте. Когда вы немного успокоитесь, я приду опять...

Въ Фонтанетто не было гостинницы, гдѣ-бы могъ остановиться порядочный человѣкъ, и потому онъ пошелъ пѣшкомъ до Боргоманеро.

— Проживу здѣсь нѣсколько дней, думалъ онъ, — тѣмъ временемъ она успѣетъ одуматься...

Путь былъ длинный. Ровная, прямая какъ стрѣла, дорога освѣщалась холоднымъ свѣтомъ луны. Онъ шелъ и думалъ, думалъ обо всемъ, что они сказали другъ другу тамъ, въ замкѣ. Что правда, то правда: эти двѣнадцать лѣтъ для Рашели стояли добрыхъ двадцати. Въ ней не осталось ничего, напоминающаго стройную, граціозную дѣвушку, какою онъ знавалъ ее. Для его самолюбія будетъ не особенно лестно представить своимъ миланскимъ знакомымъ эту зрѣлую супругу. Надъ нимъ станутъ смѣяться: скажутъ, что онъ женился изъ-за денегъ, потому что вѣдь Рашель очень богата.

Пока онъ мечталъ о хорошенькой дѣвушкѣ, ему въ голову не приходили эти злоязычные толки; теперь-же ему нужно было

найти предлогъ, чтобы оправдать свою нерѣшительность. Разъ у него мелькнула въ головѣ мысль, что вѣдь и надъ нимъ прошли эти двѣнадцать лѣтъ. Но развѣ мужчины старѣются? Онъ зналъ много примѣровъ, что мужчины въ тридцать-пять, сорокъ лѣтъ женились на восемнадцати и двадцатилѣтнихъ дѣвушкахъ и никто не находилъ этого страннымъ. Впрочемъ, не въ годахъ дѣло! Онъ былъ выше предрасудковъ. Его останавливало его общественное положеніе. Онъ видный адвокатъ; не сегодня завтра сдѣлается политическимъ дѣятелемъ. Ему нужна жена, которая умѣла-бы поддержать достоинство дома, умѣла держать себя въ обществѣ, могла принимать...

Рашель, какою онъ ее встрѣтилъ, неуклюжая, застѣнчивая, совершенно не годилась для этой роли. Она, впрочемъ, сама признала это, потому что всегда отличалась большимъ здравымъ смысломъ. Съ его стороны было-бы даже неделикатно настаивать долѣе и возобновлять, очевидно, крайне тяжелую для нея сцену. Это значило-бы оскорблять ея самолюбіе, потому что нѣтъ женщины, которой не было-бы горько признать, что время ея уже ушло.

Все это было грустно, очень грустно, но съ этимъ приходилось помириться. Объ этомъ онъ долго думалъ и ночью въ гостинницѣ, и на другой день, въ купе вагона, когда, обсудивъ дѣло со всѣхъ сторонъ, онъ рѣшился уѣхать назадъ, въ Миланъ, не повидавшись даже съ Рашелью. Думалъ онъ объ этомъ и въ Миланѣ, долго, постоянно. Но всегда онъ думалъ объ идеалѣ своей молодости—изящномъ, граціозномъ... Быть можетъ, онъ и встрѣтитъ его позднѣе на своемъ жизненномъ пути, но фонтанетская дѣвушка стала совсѣмъ другою и совсѣмъ не подходила къ его идеалу.

Рашель, оставшись одна, упала лицомъ въ вытертыя, полинялыя подушки стараго дивана и залилась самыми наудержимыми, отчаянными слезами. Она знала отлично, что Джіованни больше не вернется.

НОВЫЕ РОМАНЫ ГАЛЬДОСА.

I.

Читателю приятно, конечно, встрѣтиться съ именемъ Переса Гальдоса, не первый годъ пользующагося у насъ почетною извѣстностью. Знакомство наше съ этимъ писателемъ остается, впрочемъ, все еще весьма далекимъ, такъ какъ переводы двухъ, трехъ его романовъ, появившіеся у насъ, очень слабо представляютъ литературную дѣятельность этого плодовитаго беллетриста, обогатившаго испанскую литературу въ какія-нибудь четырнадцать лѣтъ почти тридцатью романами. Въ послѣдніе три года Гальдосъ заканчивалъ свою двадцати-томную серію «Национальных эпизодовъ», которые стали теперь выходить въ новомъ иллюстрированномъ изданіи, а въ самое недавнее время написавъ два новыхъ романа, обзоръ которыхъ я и намѣренъ сдѣлать въ настоящей статьѣ. Я начну съ вышедшаго въ мартѣ прошлаго года романа, носящаго заглавіе: «Другъ Мансо» — «*El amigo Manso*».

Въ романѣ этомъ Гальдосъ сохранилъ тотъ-же основной характеръ своей манеры, съ которымъ знакомы уже читатели «Золотога Фонтана», «Доньи Перфекты», «Волонтера» и другихъ произведеній Гальдоса, имѣющихъ въ русскомъ переводѣ. «Другъ Мансо» является представителемъ того здраваго реализма, который ничего общаго не имѣетъ съ «натурализмомъ». Я хочу сказать этимъ, что тотъ родъ беллетристики, къ которому принадлежитъ романъ Гальдоса, хотя и признаетъ великое значеніе за фактической стороною содержанія, не сводитъ, однако-же, всего значенія беллетристическихъ произведеній на одни факты. Рядомъ съ фактами здѣсь мы имѣемъ и ихъ объясненіе, которое, будучи усвоено нами, становится пониманіемъ ихъ. Объясненіе это не навязывается намъ какъ прописная мораль, но является необходимо - вытекающимъ изъ описанныхъ событій

выводомъ, неизбежно присущимъ имъ смысломъ, неразрывно связанною съ ними идеею. Это раскрытіе внутренняго смысла даннаго сплетенія событій всегда присутствуетъ въ романахъ Гальдоса и неизмѣнно направлено къ цѣлямъ просвѣтительнымъ, прогрессивнымъ, живительнымъ. Въ этомъ качествѣ реализма Гальдоса—вторая характеристическая черта его манеры, вторая его заслуга. Исслѣдуя и изображая жизнь, онъ жизни и служить, онъ ни единымъ словомъ не вноситъ въ нее мертвящихъ началъ обскурантизма, суевѣрія и застоя.

Доктрина натурализма не мало спутала въ послѣднее время понятіе истиннаго и здраваго реализма. Натуралисты ничего не хотятъ знать внѣ того конкретно-индивидуальнаго, которое видится и осязается въ романѣ; они полагаютъ, что когда «документы челоуѣчества» и «протоколы душевной жизни» ими доложены, то ничего болѣе и не остается дѣлать. Но, реализмъ голыхъ фактовъ—что бы тамъ ни толковали—есть реализмъ поверхностный. Факты въ романѣ—это только средство, которымъ пользуется художникъ для проведенія своихъ идей; въ широкомъ смыслѣ—это только форма романа. Никогда истинный талантъ не станетъ сводить все свое произведеніе на одну только форму. Для него содержаніе всегда останется основнымъ элементомъ произведенія, элементомъ первенствующимъ, и—само собою разумѣется—содержаніе получаетъ при этомъ условіи значеніе идейное, доступное только тому, кто не слѣпъ интеллектуально, чье умственное око открыто для созерцанія внутренняго смысла фактовъ, кто не осуждаетъ себя на одно только упражненіе зрѣнія, слуха, осязанія и обонянія.

«Документальная» и «протокольная» реальность никогда не была руководящею для великихъ писателей. Они всегда стояли выше ея, всегда дерзали переходить за ея грань, обязательную только для посредственностей. Сервантесъ, Шекспиръ, Гоголь... о ней и не думали; и никто не скажетъ, конечно, чтобы писатели эти не стояли твердо на почвѣ дѣйствительности, чтобы созданные ими образы были лишены жизни. Они сознавали, конечно, что, возводя дѣйствительность въ мысль, возстановляя жизнь при посредствѣ слова, они были обязаны не уподобляться мертвому аппарату камеръ-обскуры, но широко пользоваться силами своего творчества и смѣло проявлять эту силу. Оттого они и поставили судъ свой выше всѣхъ документовъ и протоколовъ, и этимъ высшимъ судомъ рѣшали, что должно было быть воссоздано и что должно было остаться. Оттого-то ихъ реализмъ не слѣдуетъ искать на поверхности ихъ произведеній, а надо умѣть находить въ самой сокровеннѣйшей ихъ глубинѣ.

Гальдось серьезно продумалъ эту задачу и съ рѣдкою провицательностью рѣшилъ ее. Ясное сознание ея нигдѣ, впрочемъ, не выразилось у него съ такою опредѣленностью, какъ въ этомъ послѣднемъ его романѣ. Какъ-бы желая показать, до какой степени онъ далекъ отъ мысли сплетать съѣтъ событій и рисовать характеръ дѣйствующихъ лицъ при помощи нагроможденія частностей и мелочей, онъ имѣетъ смѣлость объявить отъ имени своего героя своего романа о «несуществованіи» этого героя. «Я не существую—такъ начинается свое повѣствованіе Другъ Мако — я не существую... И если какой-нибудь упрямый скептикъ или зложелатель не вѣритъ этому искреннѣйшему моему увѣренію или если онъ требуетъ клятвы для того, чтобы вѣрить, то я готовъ поклясться и побожиться, что не существую, протестуя въ то-же время противъ всякой склонности или тенденціи считать меня облеченнымъ несомнѣнными и недвусмысленными атрибутами дѣйствительнаго существованія. Объявляю даже, что я и не портретъ кого-бы тамъ ни было, и общаю, въ случаѣ, если кто-нибудь изъ современныхъ провицательныхъ критиковъ станетъ искать сходство между моимъ безплотнымъ и безвостнымъ «я» и какимъ-бы то ни было индивидомъ, годнымъ для произведенія надъ нимъ опытовъ вивисекціи, — общаю выступить на защиту моихъ правъ, какъ мѣна, и представить доказательства, почерпнутыя откуда слѣдуетъ, что я не существую, не существовать и никогда существовать не буду.

«Я—для большей удопонятности выражаясь темно—я художественная конденсація, діавольское созданіе человѣческой мысли, которая стремится творить изъ слова то, что въ мірѣ физическомъ сотворили боги изъ матеріи; я новый экземпляръ тѣхъ фальсификацій человѣка, которыя съ поконъ вѣка выносятся на рынокъ людьми, слывущими у толпы подъ именемъ художниковъ и поэтовъ. Я химера, тѣнь тѣни, сновидѣніе сновидѣнія, намекъ на дѣйствительность... Услаждаюсь моимъ небытіемъ, я пребываю въ безвѣчномъ времени, тоска котораго ради самой неизмѣримости его становится для меня занимательною, и я задаюсь вопросомъ: не стоить-ли небытіе мое всебытія, не равнозначуще-ли мое наимѣнне индивидуальныхъ свойствъ обладанію свойствами существованія вообще?—Вопросы, которые я еще себѣ не выяснилъ, да и не дай Богъ, чтобы когда-нибудь выяснилъ, такъ какъ мнѣ не хочется разстаться съ той горделивой иллюзіей, которая всегда сматчааетъ для меня холодную скуку простора, обитаемаго идеями. И здѣсь, въ этомъ просторѣ, гдѣ обрѣтаетъ кончину даже и то, что никогда не существовало, и здѣсь есть также своя суета суеть... Дивное дѣло! и здѣсь существуетъ антагонизмъ, и здѣсь гнѣздится интри-

га! Здѣсь никогда не падаютъ: вѣковѣчное соперничество, привилегіи, заговоры, ниспроверженія! Сколько тутъ ни на-есть насъ мнѣ подобныхъ, всѣ мы—если-бы только существовали—могли-бы сказать, что существуемъ какимъ-то чудомъ».

«Но надо-же, наконецъ, мнѣ выскользнуть изъ лабиринта, въ которомъ я путаюсь, и выйти на прямую, торную дорогу обыденной рѣчи, которая даетъ мнѣ возможность объяснить, какимъ образомъ могу я говорить, не имѣя голоса, какимъ образомъ, не имѣя рукъ, писать эти строки, которыя—если найдется только кому читать—составятъ книгу. Если я и являюсь въ человѣческомъ образѣ, то приходится это потому, что нѣкто вызываетъ меня, что какимъ-то невѣдомымъ для меня искусствомъ облачаютъ меня въ тѣлесную оболочку и дѣлаютъ изъ меня какое-то подобіе или какую-то маску живой личности, — подобіе, маску, обладающія всѣми чертами и всею подвижностью личности. Совершаетъ все это нѣкій мой другъ»...

«Порядокъ, порядокъ въ повѣствованіи... У меня есть другъ, грѣхи котораго столь-же многочисленны, какъ песокъ морской, низвели на него кару писательства, подобно тому, какъ другихъ постигаетъ кара чтенія того, что онъ пишетъ. Вотъ этотъ-то другъ явился ко мнѣ нѣсколько дней тому назадъ, завелъ рѣчь о своихъ работахъ и сказалъ мнѣ, между прочимъ, что написалъ уже на своемъ вѣку до тридцати томовъ; обстоятельство это возбудило во мнѣ такое сожалѣніе, что я не могъ остаться равнодушнымъ къ его горячимъ мольбамъ. Упорствуя въ своемъ безобразномъ рѣшеніи писательства, онъ умолялъ меня о сообщничествѣ для добавленія еще одного тома къ тѣмъ, которые онъ уже произвелъ на свѣтъ. Онъ сказалъ мнѣ, что на этотъ разъ онъ хочетъ взяться за небольшую работу, и просилъ меня уступить ему тотъ пріятный и легкій сюжетъ, которымъ—какъ ему извѣстно—я владѣю. Я согласился. Что за іероглифы сталъ онъ тогда выводить передо мною, я и сказать не умѣю,—онъ просто таки навелъ на меня какое-то дьявольское навожденіе... Онъ, кажется, окунулъ меня въ чернила и подвергъ разнымъ пыткамъ, изъ которыхъ я вышелъ превращеннымъ въ смертную плоть. Чувство боли и скорби дало мнѣ понять, что я сталъ человѣкомъ».

Въ этихъ строкахъ, несмотря на нѣкоторую ихъ вычурность, очень хорошо характеризуется тотъ идейный реализмъ, представителемъ котораго является передъ нами Гальдосъ. Не говоря о томъ, что реализмъ этотъ нисколько не напоминаетъ то извращенную реалистическую манеру, которая нуждается чуть не въ формулярныхъ спискахъ и метрическихъ свидѣтельствахъ, какъ матеріалъ для характеристики своихъ личностей, и требуетъ топографическихъ

плановъ для изображенія видовъ мѣстности, онъ выясняетъ и еще одну сторону вопроса, о которую очень часто зацѣпляются беллетристы, особенно на первыхъ порахъ своей литературной дѣятельности. Я имѣю въ виду тѣ случаи, когда мы встрѣчаемся съ настаиваніемъ на *дѣйствительности* происшествія, взятого для повѣствованія, — съ подчеркиваніемъ того, что содержаніемъ рассказываемаго избрана *быль*. Если только увѣреніе это и подчеркиваніе не являются однимъ изъ приемовъ, долженствующихъ усилить иллюзію, а вытекаютъ изъ искреннаго убѣжденія писателя, то они, очевидно, обнаруживаютъ нѣкоторую недодуманность, такъ какъ выходитъ, что писателямъ этого пошиба не удалось еще поставить *быль* и *дѣйствительное происшествіе въ міръ мысли* выше были и дѣйствительныхъ происшествій матеріальныхъ и конкретно-индивидуальныхъ. Не очевидно ли, что однородныхъ дѣйствительныхъ происшествій—безчисленное множество; спрашивается: почему-же, взявъ одно изъ нихъ, необходимо отказаться отъ характерныхъ чертъ, мѣткихъ штриховъ, яркихъ красокъ, интересныхъ подробностей другихъ, и при томъ не только уже совершившихся тогда то и тамъ-то, но и вообще возможныхъ, самопобудительно возстающихъ и живущихъ въ мысли писателя? А если нѣтъ достаточнаго основанія отказаться отъ этого собирательнаго процесса, отъ этого конденсированія жизни, то и ясно, что этотъ процессъ и будетъ тою *былью къ міръ мысли*, которая должна превозмочь значеніе были въ мірѣ матеріальныхъ фактовъ, и что такимъ образомъ получится то «небытіе» Гальдоса, которое для мыслящаго писателя не только едва ли, но и несомнѣнно должно быть предпочтено конкретно-индивидуальному фактическому бытію. Завоевавъ право на это предпочтеніе, писатель становится владыкой творимаго имъ міра, и кто осмѣлится тогда требовать у него отчета? Тѣнь отца Гамлета и образъ Молчалина среди петербургскаго общества семидесятыхъ годовъ смущаетъ только наивныхъ!

Посмотрите теперь, въ какой мѣрѣ полно и законченно понятіе реализма у нашего автора. Полнымъ и законченнымъ реализмомъ называю я тотъ, который не отмежевываетъ себѣ ограниченную область личной жизни, не замыкаетъ себя въ границы исключительно психологическихъ темъ, но охватываетъ всю область жизни, какъ личной, такъ и коллективной, изучаетъ явленія психологическія въ связи съ явленіями социологическими и постоянно вращается въ широкомъ кругѣ общественныхъ отношеній. Гальдосъ придерживается именно этого полнаго и законченнаго, синтетическаго реализма и никогда не сводитъ интереса своихъ романовъ до мотивовъ исключительно - личной жизни. И хотя онъ

не всегда ставить социологический мотивъ центромъ дѣйствія своихъ повѣствованій, но повѣствованія эти зато всегда такъ тѣсно сплетаются съ общественными вопросами, что романы Гальдоса съ полнымъ правомъ могутъ считаться романами общественно-бытовыми, т. е. представителями типа вполне современнаго.

«El amigo Manso» тоже принадлежитъ къ этому типу, хотя преобладающій интересъ его и психологическій. Главное дѣйствующее лицо—Другъ Мансо—жизнью своею, развертывающеюся въ романѣ какъ въ самой чистосердечнѣйшей изъ автобіографій, не участвуетъ въ рѣшеніи никакого общественнаго вопроса, но жизнь эта такъ тѣсно сплочена съ перипетіями бурной жизни того времени, въ которое онъ вращается, что добрая половина романа оказывается посвященною изображенію перипетій парламентскаго карьеризма и характерныхъ проявленій буржуазнаго лицемерія, награждающаго крохами трудъ и нищету при такомъ громѣ трубъ и литавръ, что наивному созерцателю можетъ въ самомъ дѣлѣ показаться, будто передъ нимъ совершается нѣчто важное, чуть не великое.

Самъ Мансо—личность въ высшей степени скромная. Это одинъ изъ тѣхъ профессоровъ, которые, послѣ отличнаго ученія и отменно прекраснаго поведенія, оканчиваютъ съ медалью курсъ своей науки и затѣмъ съ усердіемъ и добросовѣстностью, но безъ мажнѣйшихъ признаковъ внутреннего огня, приступаютъ къ отправленію своей должности. Они пунктуальны, аккуратны, честны; они подчасъ служатъ не только съ мыслью не получаютъ даромъ жалованья, но являются дѣйствительно равнодушными къ правдѣ и добру; только все у нихъ такъ уравновѣшено, все такъ соразмѣрено, что тѣ гомеопатическія крупички блага, которыя они отпускаютъ въ своихъ выглаженныхъ и всегда нѣсколько шаблонныхъ лекціяхъ и рѣчахъ, пропадаютъ безслѣдно, какъ пересохшее зерно, погибающее на всякой почвѣ, на какую-бы ни занесъ его вѣтеръ. Если прибавить къ этому, что Мансо читалъ философію, т. е. такую науку, которую особенно легко оторвать отъ жизни и унести въ область безпечальнаго созерцанія, то ясно станетъ, что у такого человѣка должно было господствовать одно усерднѣйшее стремленіе: имѣть неоспоримое право утверждать, что его хата—съ краю, что его трансцендентальныя умозрѣнія, вращаясь въ сферѣ узаконеннаго положенія, должны служить «не для житейскаго волненія, не для корысти, не для битвъ».

Мансо, однако-же, не обскурантъ, не реакціонеръ, и еще менѣе дѣлецъ, который, подъ прикрытіемъ высокопарной фразы, предается всею душою житейской «практикѣ». Мансо стоитъ за науку, за прогрессъ, за просвѣщеніе, но такъ какъ онъ всецѣло погруженъ

въ кабинетныя занятія, въ книги, такъ какъ онъ видитъ жизнь сквозь метафизическіе очки и только изъ окна, то самыя добрыя его намѣренія укладываются въ его лекціяхъ какъ-бы дистиллированными до такой триплъ-эссенціи неопредѣленности и общности, что живой человѣкъ или возьметъ ихъ за тѣмъ, чтобы передѣлать по-своему, или пройдетъ мимо. Въ минуты увлеченія даже—если только такія минуты бывають у такого рода людей—ни, вѣрнѣе, въ тѣ минуты, когда онъ чувствуетъ себя въ ударѣ, что можетъ онъ сказать своимъ слушателямъ? Общія мѣста, довольно туманныя и расплывчатыя, съ перваго взгляда какъ-бы и дышашія благородствомъ чувствъ, но въ дѣйствительности только наивныя и вращающіяся среди призраковъ.

Но пусть судить самъ читатель:

«Человѣкъ—микрোকосмъ. Его природа заключаетъ въ себѣ въ удивительномъ сокращеніи весь разнородный организмъ вселенной».

«Во всецѣломъ развитіи жизни обнаруживается, что человѣкъ есть какъ-бы сведеніе всей природы къ сжатому очертанію, такъ что вся дѣятельность природы можетъ быть разсматриваема какъ-бы единый актъ, одинъ изъ тѣхъ актовъ, которые по важущемуся своему ничтожеству едва заслуживають вниманія».

«Между философіею и обществомъ существуетъ полнѣйшая связь. Дѣятельность философій въ обществѣ никогда не прекращается, и метафизика есть, именно та нравственная атмосфера, которую бессознательно дышетъ разумъ, какъ легкія воздухомъ».

«Иногда отдѣльно взятый фактъ изъ текущей жизни при тщательномъ анализѣ представляетъ собою универсальный синтезъ, подобно какому-нибудь обломку зеркала, отражающему небо-склонъ».

«Дѣятельность философій въ обществѣ облечена таинственностью. Философъ и есть именно скрытый машинистъ этого великаго зрѣлища. Его миссія—постоянное разысканіе истины».

«Философъ открываетъ истину, но не пользуется ею. Мы можемъ уподобить философію Христу, который претерпѣваетъ муки, умираетъ, но черезъ три дня воскресаетъ для того, чтобы править міромъ».

«Человѣкъ мысли открываетъ истину; но пользуется ею и прилагаетъ ея небесныя блага человѣкъ дѣйствія, мірянинъ, живущій въ средѣ частныхъ, условностей, въ средоточіи дѣлъ обиденныхъ».

«Разсматриваемая въ своемъ единствѣ философія есть медленное или скорое торжество разума надъ зломъ и невѣжествомъ».

«Въ концѣ концовъ, то, что должно быть—есть. Разумъ вещей торжествуетъ надъ всѣмъ».

Жрецъ разума, не знающій ни молодости, ни радостей, управляетъ изъ своего темнаго уединенія всѣмъ при посредствѣ существа ему таинственной силы. Онъ добровольно уступаетъ чело-вѣку міра, легкомысленному и лѣнивому мыслию, поверхностныя и проходящія блага; себѣ-же оставляетъ обладаніе глубокимъ и вѣчнымъ. Онъ становится на границѣ двухъ одинаково великихъ сферъ: внѣшняго міра и своего сознанія».

«Сознаніе обладаетъ силою творчества, оно смягчаетъ и возстановляетъ. Если мы сравнимъ его съ деревомъ, то надо будетъ сказать, что цвѣты этого дерева издають благоуханіе, превосходящее все, что только существуетъ вокругъ. Его плоды—не горькіе плоды эгоизма, но благодатная пища, доставляемая всякому ощущающему голодъ».

«Эти цвѣты и плоды возмѣщаютъ въ обществѣ отсутствіе принципа организаціи. Современное общество поэтому и страдаетъ недугомъ индивидуализма. У него нѣтъ синтеза. Конечная гибель была-бы неизбежна, если-бы не существовало возстановительнаго и вѣчно-бдящаго сознанія...»

Въ этихъ словахъ позади дѣтски-простодушнаго оптимизма,—то выпадающаго въ вульгарность, то, по испанскому обычаю, въ широкоевѣщательство,—есть, конечно, и свое зернышко правды, менѣе годное, впрочемъ, для характеристики профессора Мансо, чѣмъ оптимизмъ и краснорѣчіе. Если правдою счесть банальное указаніе на свойственную всѣмъ философамъ непрактичность, то въ этомъ указаніи окажется, кромѣ правды, еще и иронія,—иронія не самого Мансо, а того друга его, который призвалъ его изъ мрака зачернильнаго небытія въ свѣту по-типографскаго бытія. Дѣло въ томъ, что Гальдосъ заставляетъ Мансо держать свою высокопарную рѣчь именно тогда, когда крупица истины этой рѣчи могла стать очевидною даже и для ребенка, и именно послѣ цѣлаго ряда выяснившихся неудачъ и промаховъ. Пусть философы непрактичны, но бѣдныя Мансо является уже простакомъ даже и въ ихъ средѣ, и запоздалое признаніе съ кафедръ своего собственного пораженія, вмѣстѣ съ указаніемъ на таинственную силу и добровольную уступчивость, являются чертами, очень удачно дополняющими характеристику злосчастнаго ученаго неудачника. Рассказывать исторію этихъ неудачъ—значило-бы передавать все содержаніе романа, а такая передача нисколько не входитъ въ мои планы. Читатель, заинтересовавшійся «Другомъ Мансо», можетъ узнать о его бѣдахъ тогда, когда кому-нибудь вздумается перевести романъ.

Злоключенія профессора Мансо проходятъ, какъ я и сказалъ уже, въ тѣсной связи съ разнообразными перипетіями общественной жизни, которая бьетъ ключемъ въ такомъ мѣстѣ, какъ Мадридъ—городъ, гдѣ живетъ почтенный профессоръ, и въ такіе годы, какъ послѣднія десятилѣтія настоящаго вѣка—эпоха, отмѣченныя его невзгодами. Вращаться въ Мадридѣ въ новѣйшее время—значитъ быть свидѣтелемъ не какой иной кипучей дѣятельности, какъ буржуазной, стремящейся съ особенною горячностью отстаивать занятія позиціи и захватить возможно большее количество новыѣ. Деньги—какими-бы неправдами онѣ нажиты ни были—пролагаютъ въ этой сумятицѣ тѣ пути, по которымъ поднимаются самыя ничтожныя личности, волоча за собою свиту прихвостниковъ и прихлебателей, старающихся занять мѣста вокругъ захваченнаго куска. О принципахъ тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. такъ какъ всѣ вопросы разрѣшаются «практичностью», а сама «практичность» есть только названіе безнравственности, опирающейся на безстыдство и наглость. Всякій новый своего рода Деруновъ или Разуваевъ, пробивающій себѣ дорожку сперва къ депутатскимъ скамьямъ, а потомъ и къ министерскимъ кресламъ, стѣсняется одними только условными приличіями и обычаями, и только ради ихъ выставляетъ нѣчто въ родѣ руководящей идеи и иногда при томъ-же такое нѣчто, которое какъ нельзя ярче изображаетъ его-же собственное ничтожество. Но сила тутъ, конечно, не въ идеяхъ: искусственному созданію партіи необходима показная точка опоры; въ рѣчахъ, въ преніяхъ необходимо указывать на свое знамя или выкрикивать свой девизъ. Въ періодъ полнѣйшаго разложенія народнаго самоуправления и ужасающаго извращенія принципа народнаго представительства все сходитъ: нѣтъ такого вздорнаго афоризма, нѣтъ такой пустой фразы, которые не могли-бы послужить пунктомъ соединенія для горсти нахаловъ и не помогли-бы имъ сьорганизоваться и получить видъ партіи. Вотъ такое-то именно состояніе разложенія и броженія и такую-то именно фетишно-политическую партію и изображаетъ Гальдосъ, выводя на сцену депутатовъ, группирующихся вокругъ брата профессора Мансо—милліонера-помѣщика, разжившагося на своихъ кубанскихъ плантаціяхъ и пріѣхавшаго въ Мадридъ дѣлать карьеру.

Донъ Хосе Мансо организуетъ партію, полагая въ ея основаніе принципъ, выражаемый однимъ словомъ «сѣлка». По его понятію, это—чисто англійскій принципъ. Онъ пользуется имъ широко; нѣтъ такой противоположности, которой онъ имъ-бы не примирилъ; монархія и республика, церковь и свободное изслѣдованіе, аристократія и равенство, областничество и централизмъ,—все что

хотите онъ можетъ связать, слить, согласить. Для него всякая чистая идея есть уже крайность. Онъ разомъ разрѣшаетъ всевозможные вопросы однимъ восклицаніемъ: «не надо намъ ничего исключительнаго». По его мнѣнію, религія, философія, искусство должны быть очищены отъ идей чуждыхъ сдѣлки, компромисса. Всякая идея, согласно его взгляду, должна уступить часть своей силы и вліянія идеѣ противоположной. Сами основатели религіи его родины должны-бы были, во избѣжаніе крайности и исключительности, вступить въ сдѣлку съ ересіархами. Теперь ясно, что правила поведенія членовъ такой партіи вытекаютъ изъ основного ея положенія съ простотою и очевидностію, бьющею въ глаза; вся суть этихъ правилъ — «практичность», умѣніе находить среднія мнѣнія, угадываніе формулъ компромисса между теоріею и жизнью, между мыслью и дѣломъ. Въ концѣ концовъ всѣ эти разсужденія, необходимыя для преній на сходкахъ и раутахъ, на дѣлѣ сводятся къ умѣнію питаться на счетъ ближняго и къ обиранию всякаго, кого только возможно обобрать.

Галлерей личностей, составляющихъ ядро партіи, весьма недурна. Тутъ есть и звѣзды первой величины, которыя проводятъ идею компромисса съ докторальнымъ авторитетомъ и съ величіемъ Сивиллы, извѣстнѣйшіе негоди, уважаемые за ихъ практичность. Здѣсь-же видны и тѣ молчаливыя и вѣчно интригующія нечтожества, которыя, какъ язва, успѣли уже распространиться по всей странѣ, отъ бѣдныхъ поселковъ до палаты депутатовъ. Рядомъ съ ними блещутъ и пожиратели утопій, люди, считающіе вздоромъ все, чего они не понимаютъ, и въ практической жизни — отъявленные плуты. Наконецъ, къ партіи-же сопричислялся и представитель литературы, бездарный поэтъ и прихлебатель всѣхъ богачей. Такова-то стая жадныхъ волковъ, которая, благодаря миліонамъ Хосе Мансо, присоединилась къ многочисленнымъ другимъ стаямъ, давно уже прославившимся своими хищеніями. Неудивительно, если стая эта, организовавшись въ партію, не захотѣла отстать отъ другихъ и, соревнуя имъ, рѣшила осѣнить себя ореоломъ добродѣтели. Въ этихъ видахъ они учредили общество, въ которомъ партія ихъ и должна была просіяать ярче солнца и во имя котораго восхваленія и гимны ей должны были наполнить весь округъ своею трескотнею.

Нельзя не согласиться, что цѣль и характеръ всякихъ частныхъ «обществъ», помимо ихъ скрытныхъ намѣреній, всегда живо характеризуетъ время и людей. Какая разница въ колоритѣ, даваемомъ странѣ обществами: географическимъ, историческимъ, антропологическимъ, и такими обществами, какъ напримѣръ, общество взаимнаго страхованія отъ грабежей, или общество защиты дѣтей

какъ наприѣръ въ лицѣ кубанскихъ помѣщиковъ Гальдоса и т. п. Люди этого типа если и напоминаютъ иногда собою о существованіи интеллектуальныхъ интересовъ, то напоминаніе это всегда обязано своимъ возникновеніемъ ихъ безпредѣльному лицемерію и лживости; большею-же частью и этой фиктивной интеллигентности не бываетъ, и всецѣло царить одна культура, т. е. внѣшняя сторона цивилизаціи, и главнымъ образомъ ея погрѣмушки. Страсть къ пустякамъ наполняетъ всю ту часть жизни этихъ людей, которая остается имъ отъ разврата, чревоугодія, сплетень, дрязгъ, вляузъ и сосанія слабѣйшаго ближняго. Женщины въ особенности умѣютъ блистать на этомъ поприщѣ и нерѣдко доводятъ свое ничтожество до поразительности. Къ чему устремились, наприѣръ, кубанскія помѣщицы по прибытіи въ Мадридъ? Онѣ, принявъ при помощи модистокъ видъ столичныхъ щеголихъ, ринулись въ лавки и съ какимъ-то ожесточеніемъ стали покупать всякое тряпье и разнаго рода бездѣлушки. Всего этого въ короткое время накопилось столько, что можно было подумать, будто онѣ хотѣтъ открыть магазинъ въ своей квартирѣ. Въ такомъ-же количествѣ натаскали онѣ для себя и всякихъ сладостей. Масса конфетъ, варенья, фруктовъ всегда была готова для утоленія почти непрерывнаго къ нимъ позыва. Въ комнатахъ дамъ то и дѣло было слышно, какъ одна говоритъ другой: не поѣсть-ли мнѣ того или этого, не попробовать-ли вотъ этого, мнѣ хочется того-то. Звонки гремѣли ежеминутно, и прислуга постоянно сновала съ нагруженными подносами и тарелками. Ко всему этому надо прибавить, что сонливость этихъ дамъ была какая-то сверхъестественная: на нихъ лица человѣческаго не было, когда по пробужденіи онѣ выходили на-люди. Весь этотъ режимъ, уснащенный крикомъ и гамомъ дѣтей, приправленный вѣчнымъ сумбуромъ и неряшливостію, и уразнообразенный тасваньемъ за ухо маленькаго негрена-слуги, представлялъ картину того цѣлостно-культурнаго быта, которая теперь, какъ видно, процвѣтаетъ ужъ только на островѣ Кубѣ.

Представительницы городской буржуазіи, которыхъ выводитъ Гальдосъ, принадлежатъ также къ культурному роду, хотя, само собою разумѣется, ихъ обликъ не имѣетъ тѣхъ грубыхъ чертъ, которыя составляютъ принадлежность антильскихъ дамъ. Основная черта, общая тѣмъ и другимъ, заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что въ нихъ идея борьбы и труда одинаково убита праздноствіемъ; всѣ онѣ одинаково смотрятъ на жизнь, какъ на вѣчный праздникъ, и скорѣе готовы добывать себѣ средства къ жизни обманомъ и попрошайствомъ, чѣмъ работою. По смыслу этого основнаго жизненнаго мотива, это тѣ-же погибшія созданія, съ той

разницею только, что сжмообоьщение благопринчтвемъ и всѣми аппаратсами не даетъ имъ никогда и минуты горькаго сознанія паденія, не даетъ имъ и единой очистительной слезы. Гальдось показываеь намъ нѣскоьько разновидностей этого типа и весьма ярео и живо отбѣчаеь отсутствие въ немъ всякаго интеллектуальнаго мимента. Такия созданиа—а имя имъ въ Испании легионъ—не мало задерживають, конечно, успѣхи цивилизациа въ этой странѣ, такъ давно пробивающейя уже отъ мрака къ свѣту. Бытовны картинны Гальдоса выясняютъ многое въ этой бурной и назидательной историн.

Я упоминаль уже, что главный интересъ «Друга Мансо»—психологическй, а потому и нельзя не сказать хоть нѣскоьько словъ и объ этой его сторонѣ. Гальдось, вообще говоря, психологъ очень тонкй и проникательный, и всѣ психологическйя темы обработаны у него всегда превосходно. Онъ силенъ не въ однихъ только психологическыхъ описаниахъ, такъ часто сходящихъ за анализы у второстепенныхъ беллетристовъ, но и въ дѣйствительныхъ анализахъ, т. е. въ умѣнии разлагать сложныя психическйя явленя, находить среди ихъ элементовъ—руководящие и опредѣлять ихъ влиянйе на ходъ мыслей и дѣйствйй. Впрочемъ и описаниа Гальдоса никогда не переходяь въ скучныя и размазистыя перечни разныхъ душевныхъ состоянйй, а выставляють связь и взаимодействйе разныхъ моментовъ сознаня и, такимъ образомъ, служатъ необходимымъ дополненйемъ его анализовъ. Въ «Другѣ Мансо» особенно удачно вышло изображенйе всѣхъ перипетйй внутренней жизни самого героя. Основной элементъ самоимѣнйа схвачеь очень вѣрно, и прекрасно показано развитйе иллюзиа, получающей начало въ этой исходной точкѣ. Весьма недурно разработана также и психологическая характеристика брата профессора Мансо—Дона Хосе, сильно страдающего отъ той всепожирающей болѣзни, которая называется тщеславйемъ и которая, въ сплетенйи съ алчностью и стяжательностью, опредѣляетъ всю дѣятельность этого человека. Нельзя не остановиться также и на хорошо очерченномъ лицемѣрнйи героини романа Ирены и на изящно намѣченномъ сочетаннйи таланта и легкомыслия,—сочетаннйи чисто андалузскомъ—въ ученикѣ проф. Мансо Мануэлѣ.

Что касается исполненя всѣхъ этихъ прекрасно задуманныхъ и продуманныхъ общественныхъ и психологическыхъ темъ, то оно—какъ и всегда почти у Гальдоса—носитъ печать нѣскоьько слѣшвой работы,—печать нѣьотораго избытка вѣры въ свои силы. Можно бы указать нѣьоторыа длинноты, кое-какяа безполезныа отступленя и мелкйе промахи, явно обусловленные недосмотромъ;

но на всемъ этомъ я останавливаться не буду, такъ какъ это не входитъ въ предѣлы моей задачи.

Затѣмъ, мнѣ остается сказать о «Другѣ Мансо» развѣ только то, что романъ этотъ, хотя и не можетъ быть причисленъ къ лучшимъ романамъ перваго изъ современныхъ испанскихъ беллетристовъ, все-же представляетъ очень много такихъ достоинствъ, которыя и для русскаго читателя могутъ сдѣлать чтеніе этого романа интереснымъ.

II.

Романъ, который былъ разсмотрѣнъ мною въ предшествовавшей главѣ, вращается вокругъ мотива психологическаго, соприкасаясь съ интересами общественными лишь по столько, по сколько личная жизнь главнаго дѣйствующаго лица приходитъ въ столкновение съ тѣми или другими общественными группами. Такимъ образомъ построенный, романъ этотъ можетъ считаться исключеніемъ въ рядѣ романовъ Гальдоса, почти всегда ставящаго въ центральномъ пунктѣ дѣйствія какой-нибудь общественный мотивъ, которымъ и обусловливаются перипетіи, переживаемыя, какъ главнымъ дѣйствующимъ, такъ и ближайшими къ нему лицами. Въ романахъ этого послѣдняго рода принадлежить и тотъ, о которомъ я намѣренъ говорить теперь и который носитъ заглавіе «Обездоленная»—*La Desheredada*

Основные черты хода дѣйствія этого романа заключаются въ слѣдующемъ:

Жилъ-былъ въ Мадридѣ, въ началѣ шестидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія, нѣкій бѣдный чиновникъ по имени Томасъ де-Руфете, имѣвшій двоихъ малолѣтнихъ дѣтей: дочь—Исидору и сына—Мариано. Неудачи по службѣ рано заставили его выйти въ отставку и жить въ большой бѣдности. Онъ могъ поддерживать семейство лишь убогимъ заработкомъ корректора. Въ это время начали уже показываться у него первые симптомы помѣшательства, сосредоточившагося на мысли о собственномъ своемъ высшемъ значеніи. Втихомолку онъ сочинялъ уже какіе-то декреты, и когда умерла его жена—умственное разстройство его стало таково, что его пришлось помѣстить въ домъ умалишенныхъ.

Въ то время, когда горделивое помѣшательство де-Руфете находилось еще въ зачаточномъ состояніи и когда никто еще не замѣчалъ начинающагося поврежденія его умственныхъ способностей, у него возникла мысль о совершенно особенномъ устройствѣ счастья своихъ дѣтей,—мысль, которую онъ и успѣлъ привести въ исполненіе.

Возникновеніемъ своимъ мысль эта обязана была тому обстоя-

тельству, что де-Руфете случилось узнать о помѣщеніи у одного изъ жильцевъ дома, въ которомъ онъ жилъ, двоихъ дѣтей какого-то полковника, возрастомъ и поломъ соотвѣтствовавшихъ дѣтямъ самого де-Руфете. Мать этихъ дѣтей—единственная наслѣдница громадныхъ богатствъ маркизата де-Арансисъ—умерла около этого времени, и, кромѣ ея старухи-матери, никого изъ рода де-Арансисъ не оставалось въ живыхъ. Полковникъ, снабдивъ дѣтей надлежащими документами, уѣхалъ въ Гаванну, гдѣ вскорѣ и умеръ. Узнавъ обо всемъ этомъ, де-Руфете составилъ планъ присвоенія документовъ дѣтей полковника своимъ дѣтямъ. Онъ вошелъ въ сношеніе съ писцемъ нотариуса, составлявшего и хранившего эти документы, и посредствомъ подчистокъ и вытравливаній вставилъ, вмѣсто имени полковника и его дѣтей, свое собственное—и своихъ дѣтей, выкралъ эти документы, и сталъ выжидать благопріятнаго случая для ихъ предъявленія, но среди этихъ ожиданій помѣшался и попалъ въ больницу.

Гораздо ранѣе этого печальнаго происшествія, онъ сдѣлалъ довѣреннымъ своей тайны одного родственника, —нѣкоего каноника, жившаго въ провинціи,—человѣка до послѣдней степени простодушнаго и довѣрчиваго. Ему-же онъ поручилъ и дочь свою, а сынъ, послѣ помѣщенія де-Руфете въ больницу, попалъ къ сестрѣ своей матери, бѣдной женщинѣ, имѣвшей давку въ одномъ изъ предмѣстій.

Каноникъ, воспитывавшій Исидору, будучи твердо увѣренъ въ ея аристократическомъ происхожденіи, не считалъ, однако, удобнымъ разискивать права ея ранѣе, чѣмъ она достигнетъ такого возраста, который позволялъ-бы ей дѣйствовать самостоятельно. Онъ довольствовался только тѣмъ, что утверждалъ и въ ней ту увѣренность, которая была непоколебима у него самого, и затѣмъ терпѣливо ждалъ наступленія счастливаго дня.

День этотъ, наконецъ, насталъ. Исидора является въ ¹⁸Мадридъ и со всѣмъ пыломъ молодости и вѣры кидается на разрѣшеніе вопроса, въ зависимость отъ котораго она ставитъ все свое будущее. Всего прежде она ищетъ свиданія съ старой маркизой. Старуха съ спокойною увѣренностью объявляетъ, что ей слишкомъ хорошо извѣстна судьба ея внуковъ и что поэтому она не нуждается въ указаніяхъ постороннихъ людей.—«Надо вамъ знать»—говоритъ она—«что дѣвочка умерла уже давно, а мальчиговъ и теперь живетъ еще при мнѣ. Послѣ этого я не понимаю, чего вы хотите, чего вы добиваетесь?» Но и этотъ аффронтъ не обезкураживаетъ Исидору. Въ дѣйствіяхъ маркизы она видитъ обманъ и узурпацію. Необходимость 'разоблачить обманъ и положить конецъ узурпаціи представляется ей столь-же очевидною, какъ и

законною. И вотъ она обращается къ помощи суда. Начинается процессъ, длинный, предлинный и премногосложный. Дядюшка — каноникъ между тѣмъ умираетъ, наслѣдство его скоро прожигается, а жить какъ-нибудь надо. Работы никакой найти не удастся, да и работать не хочется, а между тѣмъ блага грядущаго богатства такъ заманчивы, такъ сильно хочется ихъ предвосхитить... Долго-ли до грѣха! Сперва Исидора пользуется средствами того, кого полюбила. Къ несчастью для нея, первая ея любовь падаетъ на одного изъ великосвѣтскихъ шалопаевъ, который ее обманываетъ. Затѣмъ, она идетъ уже на содержаніе: живеть на деньги челоуѣка, который ей антипатиченъ, и постоянно тѣшить себя мыслью, что вотъ — выиграется процессъ, и тогда... Но процессъ разрѣшается не только не въ пользу мнимой маркизы, но еще и обнаруживаетъ подлогъ. Несчастной Исидорѣ приходится отсидѣть въ тюрьмѣ, и затѣмъ, съ разбитыми надеждами, безъ средствъ къ жизни, съ привычкоу лѣни и тунеядства — очутиться среди той именно столичной суетоуки, гдѣ она рассчитывала блистать маркизоу и миллионщицеу. Въмѣсто всѣхъ воздушныхъ замковъ, такъ долго лелѣянныхъ, довелось ей пасть еще ниже, чѣмъ когда-либо: содержателемъ ея является уже представитель того городского отребья, которое ведетъ жизнь темную и добываетъ деньги путями загадочными... Затѣмъ, и это положеніе оказывается непрочнымъ: ссоры, понои, разладъ, — и въ перспективѣ — нищета или публичный домъ. Исидора выбираетъ послѣдній, какъ единственное средство вырвать у жизни хоть подобіе цотерянныхъ наслажденій. Авторъ не проникаетъ за нею въ эту область безусловнаго мрака; онъ доводитъ повѣствованіе до этой нравственной смерти своей героини и заканчиваетъ ею романъ.

Я передалъ содержаніе жизнеописанія «Обездоленной» не только столь кратко, сколь было возможно, но еще именно въ томъ порядкѣ, въ которомъ значительная часть событій предполагается совершавшеюся, а не въ томъ, въ которомъ они раскрывались. Само собою разумеется, что Гальдосъ держится не этого элементарнаго литературнаго приѣма. У него загадочность происхожденія Исидоры остается неизбежноу въ теченіи всего почти повѣствованія, и лишь только на послѣднихъ страницахъ разоблачается подлогъ и разъясняется мистификація. Интересъ положеній и таинственность ходовъ и переходовъ въ судьбѣ героини сохраняется неизмѣнно во все протяженіе весьма объемистаго тома и, конечно, можетъ удовлетворить вполне любителей этого рода чтенія.

Въ послѣдней, заключительной главѣ Гальдосъ счелъ нужнымъ высказать нравоученіе, вытекающее, по его мнѣнію, изъ разсказанной имъ печальной исторіи. «Если ты стремишься достигъ трудно-

достижимой крутой высоты», говорить онъ,—«не возлагай надежды на искусственныя крылья, а старайся выростить натуральныя; если-же, какъ то доказываютъ безчисленные примѣры, стараніе твое останется безплоднымъ, то, мой совѣтъ,—запасись всего лучше лѣстницей».

Чтобы судить, въ какой мѣрѣ такое нравоученіе дѣйствительно вытекаетъ изъ событій, разсказанныхъ въ романѣ, въ какой мѣрѣ оно согласуется съ истиннымъ смысломъ этихъ событій, намъ нужно ближе ознакомиться съ тѣми двумя личностями, которыхъ сопоставленіе имѣется въ виду въ приведенной нравственной сентенціи: съ одной стороны съ Исидорой, тщетно добивавшейся богатства и знатности, съ другой—съ маркизой, пользовавшейся тѣмъ и другимъ на основаніи неоспоримыхъ, при данныхъ условіяхъ, правъ. Только тогда, когда мы узнаемъ руководящіе принципы жизни той и другой, будемъ мы въ состояніи судить о дѣйствительномъ различіи и соотносительномъ достоинствѣ «искусственныхъ крыльевъ» и «лѣстницы»,—получимъ возможность рѣшить, въ какой степени гармоничны между собою Гальдосъ—художникъ и Гальдосъ—мыслитель.

Когда Исидора выростала въ домѣ дяди-каноника, она только и слышала разглагольствія о томъ, что ей предстоитъ сдѣлаться маркизой, жить въ роскошныхъ палатахъ, держать экипажи, лакеевъ, окружить себя роскошью и богатствомъ, чудесами тысячи и одной ночи... Благодаръ дѣдъ поучалъ ее, что ей не слѣдуетъ работать, а надо ожидать всего отъ наслѣдства. Онъ навѣвалъ на нее мечты о будущемъ величіи и возбуждалъ въ ней страстную любовь ко всевозможнымъ фантазмагоріямъ. Онъ не переставалъ наполнять голову ея ужасающимъ легкомысліемъ и постоянно развивалъ въ ея созерцаніи такой порядокъ вещей, который совсѣмъ не соответствовалъ дѣйствительности. Когда она уставала, онъ напоминалъ ей, что у нее будутъ экипажи; когда ей приходилось заказывать себѣ платье, онъ приговаривалъ: «у тебя будетъ двадцать модистовъ къ твоимъ услугамъ». Нерѣдко она слышала отъ него восклицаніе: «твой дворецъ—что за великолѣпіе!» или что-нибудь въ этомъ родѣ, всегда неизмѣнно-направленное къ разжиганію тѣхъ страстей, которыми она жила и дышала. Но и всего этого было мало, и какъ-бы для того, чтобы возбуждающій голосъ его продолжалъ раздаваться даже и тогда, когда его самого не будетъ уже на свѣтѣ, онъ оставилъ ей, умирая, не-то письмо, не-то завѣщаніе, въ которомъ съ полною обстоятельностью распространялся объ излюбленномъ сюжетѣ. Въ курьезномъ документѣ этомъ онъ называетъ ее племянницей, всегда прибавляя въ скобкахъ «или нѣчто въ этомъ

родѣ» и еще разъ подробно напоминаетъ ей все то, о чемъ толковалъ ей въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ. Онъ съ увѣренностью говоритъ о сходствѣ ея съ умершей молодой маркизой и дѣлаетъ надежду о признаніи ея старухой. Затѣмъ, на случай неудачи съ этой стороны, настоятельно совѣтуетъ обратиться къ суду и выражаетъ увѣренность въ благопріятномъ его рѣшеніи. Наконецъ, какъ-бы считая уже цѣль вполне достигнутою, онъ даетъ ей множество совѣтовъ: о томъ, какъ она должна избрать себѣ мужа, непременно князя или герцога, которые еще — благодаря Бога — не перевелись на этомъ свѣтѣ; какъ она должна остаться доброю католичкою, — умѣть пользоваться своимъ богатствомъ, не отказывая въ помощи бѣднымъ, какъ она должна дополнить свое образованіе — преуспѣть въ изяществѣ великосвѣтскихъ манеръ, изловчиться во всѣхъ тонкостяхъ житейской практики... Онъ не упускаетъ даже такой подробности какъ умѣніе обращаться съ вѣромъ и т. п.

Нечего и говорить, что дочь человѣка, страдавшаго горделивымъ помѣшателствомъ, принимала безъ напряженія совѣты такого рода и съ необыкновенною легкостью прилагала ихъ къ жизни. Она, правда, не могла охватить своею практикою всю ихъ полноту, она не додѣлывала того, что относилось къ области всякаго рода добродѣтелей, или, вѣрнѣе, благопріличій, но на этомъ пунктѣ помѣхою было не столько отсутствіе доброй воли, сколько неблагоприятное вліяніе среды и трудность борьбы съ такими препятствіями и соблазнами, которые или вовсе не встрѣтились-бы ей, еслибы она была маркизой въ явь, или, еслибы и встрѣтились, могли-бы быть устранены или обойдены безъ особенныхъ усилій. Такъ, она не имѣла-бы, конечно, нужды идти на содержаніе, особенно-же къ кому ни попало, а могла-бы сама содержать всякаго, кто-бы на то пошелъ, и, само собою разумѣется, никогда не спустились-бы до подонковъ общества, такъ какъ всегда и во всякомъ случаѣ сумѣла-бы сохранить всѣ наружные признаки добродѣтели и до тонкости могла соблюсти всѣ аппарасы и конвенасы.

Обратимся теперь къ подлинной маркизѣ.

Еслибы Гальдосъ ставилъ вопросъ именно такъ, какъ то требуется имъ-же формулированнымъ правоученіемъ, то онъ почелъ-бы себя обязаннымъ сдѣлать очеркъ маркизы совершенно параллельно очерку соискательницы ея титула и богатствъ. Къ сожалѣнію, мы не встрѣчаемъ такой строгой послѣдовательности у нашего романиста: давъ намъ обстоятельное представленіе о той сторонѣ обоснованія морали, которая относится къ «искусственнымъ крыльямъ», онъ не является щедрымъ по отношенію къ

«дѣстницѣ». О маркизѣ мы знаемъ очень мало: она жила почти постоянно въ Парижѣ и Лондонѣ, иногда гдѣ-то въ Бретани, на морскомъ берегу, а на родинѣ бывала лишь изрѣдка и посѣщала свои обширныя владѣнія только мелькомъ. Богатства ея были громадны, окружена она была многочисленною, частью иностранною, прислугою и всякою роскошью. Какъ богатая и избалованная барыня, она способна была на самодурства; такъ, напримѣръ, она заперла на ключъ комнату, гдѣ умерла ея дочь и безъ всякого резона не открывала ее цѣлыхъ девять лѣтъ. Въ столбовеніи съ Исидорой вела себя съ важностью, но сдержанно и съ достоинствомъ, какъ особа вполне увѣренная въ неприкосновенности своихъ правъ. Затѣмъ мы ровно ничего о ней не знаемъ. Объ умѣ ея и сердцѣ, о ея образованіи и взглядахъ авторъ не рассказываетъ намъ ровно ничего.

И однако-же, несмотря на всю скудость этихъ свѣдѣній, едва ли можно сомнѣваться, что маркиза и Исидора вполне стояли одна другой. То, что твердили маркизѣ смолоду, едва ли могло существенно отличаться отъ того, что постоянно слушала Исидора, и—я полагаю—нѣтъ основанія думать, что-будь маркиза носительницей высшихъ идеаловъ, она не нашла-бы себѣ дѣла на родинѣ и всю жизнь только-бы и знала, что переѣзжать изъ Парижа въ Лондонъ или жить гдѣ-нибудь за границей. «на купаньяхъ». Можетъ-ли подлежать сомнѣнію, что и ей, такъ-же какъ и ея конкуренткѣ, твердили съ дѣтства о ея титулахъ, о ея богатствѣ, о почестяхъ, которыя ее ждутъ, при чемъ не приходилось и распространяться много о роскоши, лакеяхъ, экипажахъ и т. п., а стоило только сказать: «взгляни вокругъ себя; всѣмъ, что видишь, всѣмъ этимъ ты будешь распоряжаться, надъ всѣмъ этимъ ты будешь госпожа, и, какъ теперь твой отецъ и твоя мать дѣлаютъ, что хотятъ: живутъ въ чужихъ краяхъ, переѣзжаютъ изъ одной иностранной столицы въ другую и тратятъ деньги сколько имъ вздумается,—такъ и ты». Пожалуй, что отецъ, дѣдъ или кто-нибудь другой изъ родни могли возвысить эти толки до морализированья объ обязанностяхъ доброй католички, хорошей жены, благотворительницы бѣдныхъ и т. п.; но вся эта прописная мораль, очевидно, не могла производить надлежащаго дѣйствія. во-первыхъ, въ силу наследственности, во-вторыхъ, благодаря заразительности примѣровъ. Если какая-нибудь маменька или тетюшка водилась въ Парижѣ съ парикмахерами и затѣмъ ѣхала на купанья для того, чтобы разнобразить интриги, то какое значеніе могло имѣть для дочери разное морализированіе? По крайней мѣрѣ, молодая маркиза, предполагаемая мать Исидоры, сумѣла эмансипироваться отъ строгостей католичества и выбрать себѣ какого-то полковника... Гдѣ-

же самомагійшіе признаки того, чтобы такъ называемое восхожденіе по лѣстницѣ существенно отличалось отъ попытокъ летать на искусственныхъ крыльяхъ? Надо имѣть очень наивное представление о современномъ культурномъ обществѣ, чтобы усматривать тутъ какое-нибудь различіе. Что-же до различія результатовъ, то чего ради обращать его на субъектовъ и зачѣмъ выводить нравоученіе на такомъ болѣе чѣмъ шаткомъ основаніи?

Основаніе нравоученія, придуманнаго Гальдосомъ, собственно говоря, безнравственно. Успѣхъ или неуспѣхъ ничего еще не говорятъ о качествѣ тѣхъ стремленій, попытокъ, усилій, дѣйствій вообще, коимъ они служатъ завершеніемъ. Въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе поразительно, что Исидора потратила массу энергій на достиженіе титула и богатства, нисколько и не подозрѣвая подлога, а маркиза плыла по теченію, не задаваясь никакими задачами. Если-бы Гальдосъ оставилъ въ сторонѣ личный вопросъ каждаго изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ и припомнилъ-бы и этотъ разъ, что жизнь этихъ лицъ проходитъ въ обществѣ, обусловливающимъ въ значительной степени такой или иной ея оборотъ, то онъ, конечно, воздержался-бы отъ привлеченія къ отвѣту бѣдной примѣнительницы искусственныхъ крыльевъ, виновной не болѣе счастливой ея соперницы, спокойно стоящей на верхней площадкѣ лѣстницы: онъ возвысилъ бы голосъ свой не противъ нихъ, а противъ общества. Если бы онъ подумалъ о томъ, что самъ писалъ въ своемъ «Amigo Manso» объ этомъ искусственно-построенномъ обществѣ, въ которомъ все—ложь и грязь, онъ не окуталъ-бы величавымъ спокойствіемъ одну изъ выведенныхъ имъ женщинъ и рядомъ съ ней не втопталъ бы въ грязь другую.—до того тождественную ей въ нравственномъ отношеніи, что всякій послѣдовательный наблюдатель долженъ признать обѣихъ за своего рода двойниковъ. Эта капитальная сторона вопроса была опущена этотъ разъ Гальдосомъ, и нравоученіе его по этой причинѣ и вышла такъ безобразно.

Гальдосъ, какъ это бываетъ нерѣдко съ художниками его пошиба, очень и очень часто «творить» бессознательно: яркіе образы, поразительныя сочетанія событій, драмы и трагедіи проходятъ передъ его умственными очами, но далеко не всѣхъ ихъ онъ понимаетъ, далеко не всѣхъ можетъ онъ опредѣлить цѣну и значеніе. Въ настоящемъ случаѣ, сопоставивъ Исидору и маркизу, онъ думалъ, что этимъ примѣромъ онъ поучаетъ «правильнымъ», «закономѣрнымъ», «основательнымъ» восхожденіемъ. Точно онъ забылъ имъ-же самимъ характеризуемое общество, для того, чтобы создать такіа иллюзіи! Факты, къ счастью, остались вѣрны: жизнь воспроизведена правдиво, изложеніе не пострадало отъ ложнаго сужденія. Исидора воспитывается какъ воспитывалась и маркиза,

и Исидора гибнетъ. Каково-же должно быть правдивое правоученіе? Въ чемъ вся суть міровоззрѣнія обоихъ субъектовъ? Не работай, наслаждайся жизнью, купайся въ роскоши, дѣлай что тебѣ вздумается и отплачивайся за все соблюденіемъ обрядовъ и конвенансовъ. Исидора производитъ передъ нами опытъ приложенія міровоззрѣнія маркизы на свой страхъ и при такихъ условіяхъ, при которыхъ можетъ быть приложено понятіе прямо противоположное; она какъ-бы хочетъ заставить чужеродное растеніе жить и развиваться тамъ, гдѣ жизнь для него невозможна, на вольномъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, тогда какъ маркиза въ своей теплицѣ преуспѣваетъ на славу. Итакъ, въ драмѣ, изображенной Гальдосомъ, рѣчь идетъ о нравственномъ значеніи труда въ общественной жизни, а вовсе не объ оцѣнкѣ средствъ поднятія на какую-то фиктивную высоту.

Таково главное теченіе событій въ исторіи «Обездоленной». Въ непосредственной связи съ этой исторіей идетъ другая — брата Исидоры, несчастнаго Маріано. Исторія эта не составляетъ необходимой, органической части романа; безъ нея—это слишкомъ ужъ объемистое произведеніе много-бы выиграло даже: судьба героини осталась-бы неизмѣнною, но развернулась-бы среди обстоятельствъ не столь многосложныхъ, достигла-бы конца путемъ болѣе простымъ и легкимъ. Но какъ-бы то ни было, а въ томъ видѣ, въ какомъ мы читаемъ теперь сказаніе о злоключеніяхъ Маріано, сказаніе это, помимо своего спеціальнаго назначенія—служить въ повѣсти Исидоры усугубляющими несчастія ея обстоятельствами — представляетъ отдѣльную, самостоятельную исторію. Здѣсь ложное истолкованіе фактовъ воздѣйствуетъ ужъ на самую передачу ихъ, и поэтому царитъ полнѣйшая путаница. Маріано, какъ мы уже знаемъ, былъ отданъ въ дѣтствѣ не къ дядѣ-канонику, а къ теткѣ-лавочницѣ, торговавшей на окраинѣ города. Тутъ бѣдняга рано познакомился съ нуждою и въ тринадцать лѣтъ несъ непосильную работу на заводѣ. Потрясающіе ужасы эксплуатаціи дѣтскаго труда очерчены Гальдосомъ очень рельефно и колоритно: изнурительная работа, голодовка, безсердечное, черствое обращеніе надсмотрщиковъ, отсутствіе самаго намека на образованіе и воспитаніе,—все это проходитъ передъ глазами читателя во всей своей непривлекательной наготѣ. Мальчикъ, по природѣ раздражительный и самолюбивый, ставился такими условіями на край испытанія, доступнаго его возрасту, и подвергался самымъ серьезнымъ опасностямъ. Нельзя еще возражать автору, пока онъ рисуетъ все это, нельзя еще и тогда, когда онъ изображаетъ уличное столкновеніе Маріано съ его сверстниками и рассказываетъ намъ объ убійствѣ, совершенномъ имъ въ пылу драки. Все это идетъ еще

въ порядкѣ вещей, въ томъ вопіющемъ порядкѣ, который не хочетъ признавать никакихъ обязанностей по отношенію къ людямъ, находящимся въ положеніи Маріано, и противъ фактовъ, неотвратимо развивающихся изъ данностей этого порядка, имѣть одну только мѣру — кару закона по отношенію къ людямъ, которые прежде всего являются жертвами не ими созданнаго общественнаго зла. Послѣ убійства, для Маріано слѣдуетъ тюрьма и всѣ ея неизбѣжныя послѣдствія по выпускѣ: отвѣчка отъ работы, лѣнь, тяготѣніе къ жизни бродяжнической и разгульной. Паденіе Маріано подъ давленіемъ того, что имъ было пережито, представляется натуральнымъ, и если-бы Гальдосъ такъ и довелъ его до конца по пути уголовныхъ преступленій—это было-бы вполне объяснимо, но тутъ-то именно и встрѣчается камень преткновенія. Совершенно непонятнымъ представляется тотъ поворотъ въ дѣятельности несчастнаго брата Исидоры, который внезапно начинаетъ толкать его въ сторону достиженія совсѣмъ не тѣхъ цѣлей, которыя обыкновенно имѣются въ виду подобными ему погибшими людьми. Вполнѣ неожиданнымъ для всякаго, опредѣлившаго его характеръ по представленнымъ авторомъ даннымъ, представляется выступленіе его на совсѣмъ новое поприще, ради одной только мысли—заставить говорить о себѣ всѣхъ, весь Мадридъ, всю Испанію. Чтобы оправдать возможность такого перехода во внутреннемъ мірѣ юноши, авторъ напоминаетъ о наслѣдственности горделиваго помѣшателства и, какъ-бы находя, что этого мало, привлекаетъ еще и внѣшнія вліянія, представителемъ которыхъ является нѣкій Хуанъ Боу, барселонскій рабочій, пріобрѣтшій незадолго передъ тѣмъ временемъ, въ которое совершаются эти событія, мастерскую въ Мадридѣ, гдѣ работалъ урывками Маріано. Въ концѣ концовъ смѣсь противорѣчій и несообразностей до того запутываются въ опредѣленіи личности этого несчастнаго мальчика, что распутать ихъ едва-ли и возможно: съ одной стороны, стяжательность, празднолюбіе и склонность къ тунеядству толкаютъ его къ добыванію денегъ безъ разбора средствъ, при чемъ нужда, голодъ, отсутствіе воспитанія, вліяніе тюрьмы, сообщество подонковъ населенія являются вѣрными союзниками этихъ основныхъ побужденій; съ другой—честолюбіе и тщеславіе, граничащія съ горделивымъ помѣшателствомъ, влекутъ его къ совершенію чего-нибудь неслыханнаго,—выходящаго изъ ряду вонъ, чего-нибудь такого, что-бы прославило его, сдѣлало громкимъ его имя, и такимъ образомъ эти новыя страсти уносятъ его въ сторону прямо-протувуоложную той, по которой манитъ его къ себѣ даровая нажива. Какъ примирить онъ эти противуположности? Въ силу чего отдастъ предпочтеніе одной изъ нихъ, если они непримиримы.

мы? Какъ разыграется въ немъ процессъ этой роковой борьбы?— Такихъ вопросовъ нѣтъ и слѣда. Въ глазахъ автора оба фазиса психической жизни Маріано переходятъ одинъ въ другой незамѣтно, сливаются до безразличія. И вдругъ передъ нами подъ именемъ Маріано возникаетъ историческая личность Монкуси! Но вѣдь жизнь Монкуси въ главныхъ чертахъ извѣстна: она ни однимъ штрихомъ не напоминаетъ того, что Гальдосъ рассказываетъ о Маріано... Прибавимъ къ этому, что въ числѣ элементовъ, осложняющихъ окончательное рѣшеніе Маріано, имѣетъ мѣсто и эпилепсія. И такъ, если для объясненія поступка Маріано достаточно наследственнаго честолюбія, бесѣды Хуана Боу и упоминанія отъ эпилепсіи, то спрашивается: зачѣмъ понадобилась вся его прошедшая исторія, не имѣющая никакой аналогіи въ исторіи его прототипа? Ужели и безъ этой исторіи характеристика Маріано не могла удовлетворить не только Гальдоса, но и всякаго гораздо болѣе требовательнаго въ вождельніяхъ такого рода?

Хуанъ Боу представленъ фатальнымъ человѣкомъ въ жизни Маріано. Бесѣды Боу направили мысли юноши на ту стезю, вступивъ на которую, онъ съ прямолинейною послѣдовательностью доходитъ до конца. И однако-же, Боу изображенъ человѣкомъ себѣ-на-умѣ, малообразованнымъ и тщеславнымъ, умѣющимъ нажить деньгу и припрятать ее. Бесѣды его имѣютъ характеръ праздно болтовни, чесанья языка и вранья. Въ противорѣчій изливается его даже слушающій однимъ ухомъ Маріано. Какая-же тутъ убѣдительность и доказательность? Но важно то, что если Боу, несогласующій свои слова и дѣйствія, представляетъ изнанку той группы людей, отъ имени которыхъ онъ говорить, то неизбѣжно должны быть въ ней и такіе, которые согласуютъ теорію и практику, притомъ-же обладаютъ большими знаніями, чѣмъ Боу, и высказываютъ поэтому убѣжденія свои опредѣленно, ясно и безъ противорѣчій. Почему-же Гальдосъ не показалъ намъ этихъ людей, почему онъ не взглянулъ прямо въ глаза доктринѣ, которую онъ отвергаетъ? Вѣдь осмѣивъ Хуановъ Боу, онъ ни на шагъ не подвинулся впередъ въ разъясненіи вопроса! А между тѣмъ не бросается-ли въ глаза, что самъ Гальдосъ въ значительной степени принадлежитъ именно къ числу тѣхъ, которыхъ онъ принимаетъ за враговъ: онъ считаетъ современное испанское общество олигархическимъ, держащимся на искусственномъ компромиссѣ, забывающимъ свои основныя обязанности по отношенію къ обдѣленнымъ, подобнымъ Маріано, неудержимо саморазлагающемуся подъ бременемъ своихъ тяжкихъ грѣховъ. Еслибы Гальдосъ съ полною ясностью имѣлъ въ мысли эти воззрѣнія не только тогда, когда онъ писалъ исторію Мансо (разсмотрѣнную мною въ первой главѣ), но

и тогда, когда онъ изображалъ судьбу Маріано, онъ, конечно, не остановился-бы на полдорогѣ и дерзнулъ вывести все, что само собой слѣдуетъ изъ его послылокъ. Тогда онъ и не посвятилъ-бы своей книги школьному учителю, отъ котораго, какъ ему думается, зависитъ теперь «спасеніе» такихъ людей какъ Маріано; онъ вспомнилъ-бы, что судьба Маріано опредѣляется всею совокупностью общественныхъ условий, тою совокупностью, въ которой, какъ капля въ морѣ, исчезаетъ дѣятельность индивидовъ, которая создаетъ дѣятельность всякой частной группы и заправляетъ ею, которая, слѣдовательно, не можетъ подчиняться тому направленію, которое вздумаютъ придавать ей школьные учителя или иные люди, задающіеся мыслью направлять общественныя теченія, а не разгадывать и предвидѣть ихъ. Самъ Гальдосъ видитъ значительную часть прецедентовъ того процесса, который въ данномъ случаѣ предстоитъ понять и предусмотрѣть, но въ пониманіи и предвидѣніи его есть предѣлъ, полагаемый известными предрасудками и предвзятими воззрѣніями; однако-же онъ не можетъ не знать что о томъ-же предметѣ разсуждаютъ не одни только Хуаны Боу. Это онъ игнорируетъ и проявляетъ такимъ образомъ ту умственную aberracію, которая не только разрушаетъ гармонію между Гальдосомъ-художникомъ и Гальдосомъ-мыслителемъ, но и извращаетъ перваго вторымъ. Въ этомъ и заключается то ограниченіе значенія литературной дѣятельности Гальдоса, благодаря которому сфера вліянія этого писателя имъ самимъ осуждается на размѣры, совершенно не соотвѣтствующіе силѣ его художественнаго таланта.

Въ той части исторіи Маріано, въ которой не замѣчается еще вліянія предубѣжденій, Гальдосъ намѣчаетъ съ полною правдивостью то вопіющее социальное зло, потрясающія послѣдствія котораго онъ потомъ пытается переложить съ больной головы на здоровую. Остановимся хоть на изображеніи сцены убійства, совершеннаго тринадцатилѣтнимъ Маріано въ пылу драки, возникшей вслѣдъ за уличной ссорой изъ-за какого-то ничтожнѣйшаго повода. Представимъ себѣ нервнаго, раздражительнаго, вспыльчиваго мальчика, вырвавшагося на какой-нибудь часъ на улицу послѣ самой ужасной, изнурительной работы. Это еще довольно крѣпкій и сильный мальчишка: работа не успѣла еще надломить его, но несообразность ея съ его силами уже очень повредила ему, до послѣдней степени возбудила его воспріимчивость. Онъ мчится по улицѣ, ища свободной самостоятельной дѣятельности, и натывается на только-что разыгравшееся столкновеніе: товарища его обидѣли какіе-то чужіе мальчишки. Какъ не всгуститься? Онъ выдается на обидчика—негодяя-Сарапикоса, и ему удается свалить его на землю.

«Плохо приходилось Сарапикосу, какъ вдругъ ему посчастливилось и онъ схватилъ Мариано зубами за палецъ. Съ какимъ наслажденіемъ стиснулъ онъ челюсти! Мариано отчаянно вскрикнулъ и отскочилъ какъ раненный пѣтухъ. Противникъ его поднялся на ноги; его лицо выражало смѣсь боли и стыда, оно было покрыто грязью, размытою его слезами, его смѣхъ былъ смѣхомъ сквозь слезы. Мариано какъ-бы ослѣпъ, онъ ровно ничего не могъ видѣть и стоялъ неподвижно, ухватясь за веревку, которой поддерживались его брюки. Послѣднія оскорбленія, которыми они обмѣнялись, относились къ ихъ матерямъ. Когда вся грязь, которою они забрызгали одинъ другого, была исчерпана,—они схватились за послѣднюю обиду, какая еще оставалась, и плюнули на колыбель, которая такъ недавно ихъ качивала.—Твоя мать—такая-то и такая.—А твоя—то-то и то. — Мариано не сказалъ болѣе ни слова и ничего болѣе не слышалъ; онъ выхватилъ изъ-за пояса складной ножикъ и бросился на Сарапикоса. Отъ перваго-же удара несчастный зашатался и упалъ. Всѣ замерли какъ околѣнные; тишина настала ужасающая, хотя въ первую минуту никто еще и не понималъ до чего дошло дѣло. Когда-же, наконецъ, стало ясно,—одни принялись бѣжать, въ испугѣ, во всѣ стороны,—другіе стали плакать, болѣзненно рыдая... Видно было, что вся глубина совершившагося бѣдствія стала сознаваться. Уже это была не шалость. Пятна на платьѣ Сарапикоса были не отъ краски, которой мальчишки иногда намазываются потѣхи ради, а кровь, кровь! Сарапикосъ не прикидывался мертвымъ; его тѣлодвиженія не были рассчитаны на возбужденіе смѣха; онъ жалобнымъ голосомъ звалъ свою мать не для того, чтобы комедіанничать: онъ умиралъ въ самомъ дѣлѣ... Дрожащій, блѣдный, ужасный, не сознающій ясно того, что онъ совершилъ. Мариано швырнулъ ножикъ, бывшій до этого времени игрушкой, и, слѣдуя инстинктивному побужденію, сталъ спасаться бѣгствомъ.

«Въ одно мгновеніе вся часть города, гдѣ произошло это событіе, пришла въ движеніе. Женщины высыпали съ крикомъ на улицу, нѣкоторыя—не успѣвъ даже убрать своихъ волосъ. Мужчины тоже подняли бѣготню. Городовые, будка которыхъ находилась по близости, направились къ мѣсту происшествія, и даже сеньоръ совѣтникъ вѣдомства благотворительности, выбравшій неподалеку вмѣстѣ съ комиссаромъ мѣсто для школы, поспѣшилъ бѣгомъ сюда-же... Ужасъ, скандалъ! Женщины вопили, поднимая руки къ небу, мужчины ворчали, тетка-лавочница выбѣжала изъ лавки полумертвая отъ ужаса и стыда... Со всѣхъ сторонъ слышалось: «Мариано, Мариано»... Вся окрестность наполнилась народомъ. Одни бѣжали звать судью; другіе говорили, что судья ужъ не за-

станеть раненаго въ живыхъ; со всѣхъ сторонъ слышались голоса, дававшіе совѣтъ снести его въ пріемныя покои, и кругомъ случилось все то-же имя Маріано».

Прибѣжалъ лавочникъ съ настоємъ арники и съ бандажами, и тоже упоминалъ имя Маріано. Совѣтникъ, въ сопровожденіи комиссара слѣдуя за толпой, высказывалъ свои соображенія о поступкѣ, который, при всей своей необыкновенности, не былъ уже новостью въ лѣтописяхъ Мадрида. — «Это ужъ шестой случай этого рода, замѣтилъ комиссаръ. — Ужасенъ убійца вообще, но убійца въ тринадцать лѣтъ... Какъ назвать его? — Что за страна! — Въ самомъ дѣлѣ, что за страна! — Въ Малагѣ такіе случаи не рѣдкость. — Да и въ Мадридѣ тоже. — А мы занимаемся школами! Тюрьмы — вотъ что намъ необходимо. — Пенитенціарныя школы или учебныя тюрьмы — вотъ моя тема».

Когда обѣ эти особы, представлявшія все что только есть самого почетнаго у новѣйшихъ народовъ, достигли мѣста катастрофы, они остановились и обмѣнялись слѣдующими восклицаніями: — «Ого ужасно! — Сердце разрывается при видѣ такого злодѣйства. — Школы. — Тюрьмы. — А я твержу: фребелевскіе сады. — А я настаивалъ на необходимости желѣзныхъ учителей, которые дѣйствовали-бы не розгой, а рэммингтоновскимъ ружьемъ. — Но что-же? Его уносятъ! — Онъ, кажется, еще не умеръ, но совсѣмъ плохъ... — Ловкій ударъ, проговорилъ какой-то чуло *), стоявшій поблизости. — Не гдѣ-же убійца, гдѣ убійца? кричитъ совѣтникъ, авторитетно поглядывая на толпу. — Городовые, ищите-же убійцу!.. Что за страна!.. Однакоже, городовые... да гдѣ-же это они... гдѣ городовые?..»

«Суматоха, начавшаяся на мѣстѣ происшествія, сдѣлалась всеобщей и въ городѣ, когда на другой день газеты помѣстили свѣдѣнія своихъ репортеровъ и когда совѣтникъ передаетъ въ своемъ кругу подробности, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ. Со всѣхъ сторонъ послышались самыя энергическія восклицанія на тему нравственнаго и умственнаго состоянія страны; приведены были соотвѣтственныя происшествія въ Мадридѣ, Валенсіи и Малагѣ, и, въ заключеніе, было рѣшено единогласно, что настоятельно необходимо сдѣлать что-либо. Что-либо, непременно! Необходимо посвятить много времени и много денегъ для излеченія общественнаго организма. Поднявшаяся на ноги пресса агитировала въ теченіи цѣлаго ряда дней, слѣдовавшихъ за происшествіемъ, не безъ результата: образовались комитеты, собрались комиссіи, въ свою очередь назначившія подкомиссіи, которыя стали «вырабатывать» разныя проекты... Начались «прочувствованныя рѣчи»,

*) Чуло (Chulo, pl. Chulos) — одинъ изъ участниковъ въ бозъ быковъ.

«окрываемыя аплодисментами»... и засіяли ораторы. Многие, издавшіе при случаѣ сдѣлать имена свои извѣстными, приобрѣли ледяную славу, ускользнувшую, впрочемъ, отъ нихъ. И вся эта дѣятельность, вся эта болтовня, всѣ эти проекты школы, колоній для малолѣтнихъ преступниковъ, всѣ эти планы тюремъ, одинокихъ, общихъ, смѣшанныхъ,—все это въ одинъ прекрасный день точно провалилось, исчезло, какъ исчезаютъ у дѣтей игрушки подъ вліяніемъ иллюзіи новой забавы. Новая-же забава тѣхъ дней заключалась въ проектѣ, поданномъ городскому управленію,—проектѣ столь-же практичномъ, какъ и выгодномъ. Имъ, этимъ проектомъ, занялись и комитеты, и коммисіи, и на этотъ разъ выработали его такъ удачно, что въ самомъ скоромъ времени на одной изъ городскихъ площадей возвысилось грандіозное, задорно-вышнее и монументальное, новое, красное и свирѣпое зданіе для боя быговъ.

Если къ тому поразительному общественному легкомыслію, которое изображено въ предшествовавшихъ строкахъ, мы присоединимъ еще другое, не менѣе гибельное зло,—зло бюрократизма подобно паутиѣ опутавшее всю страну, то, вмѣстѣ съ описаннымъ въ первой статьѣ растлѣвающимъ вліяніемъ буржуазнаго парламента и порчей народнаго представительства, мы получимъ цѣлый рядъ могущественныхъ причинъ, задерживающихъ развитіе несчастной страны и производящихъ аномальныя явленія въ ея жизни. Гальдосъ очень хорошо видитъ бюрократическую извѣсть, и въ своемъ романѣ есть цѣлая глава, посвященная характеристикѣ типичнаго ея представителя. Для нѣкотораго усиленія освѣщенія ряда непослѣдовательностей, о которыхъ я говорилъ выше, я буду теперь существеннѣйшія черты этой характеристики, изложенной юмористически,—въ формѣ похвального слова. «Тысяча разъ счастлива, говорится тутъ, наша Испанія, зачавшая въ нѣдрахъ своихъ и произведшая на свѣтъ такого человѣка какъ донъ-Анхель-Хосе-Рамонъ-дель-Песъ, свѣтило администраціи, маякъ парламентаріи, звѣзда второй величины въ политикѣ, отецъ мѣроуменія, сынъ своихъ дѣлъ, братъ двухъ братствъ, зять своего деда, синьора донъ-Хуана-де-Пипаона, непремѣнный членъ комитета, неизбѣжный участникъ комитетовъ, первая голова для разбора запутанія доказательствъ, лучшія руки для начертанія плана займа, тончайшій носъ для пронюхиванья гешефта, покорный слуга самого себя и всѣхъ, энциклопедія политическихъ фактовъ, неутомимый апостолъ той почтенной рутинѣ, на которой состоитъ благородное зданіе нашей національной апатіи, машинка для выработки законовъ, редактированія регламентацій, изложенія указовъ и формулированія инструкцій,—однимъ словомъ, чело-

вѣкъ, котораго и вы, и я—знаемъ какъ свои пять пальцевъ, потому что онъ болѣе чѣмъ человѣкъ, онъ—поколѣніе, эра, каста, племя... онъ, полъ-Мадрида, сосредоточенное отраженіе полъ-Испаніи».

«Теперь ему уже около пятидесяти лѣтъ. Отъ ногтей юности онъ уже состоялъ на службѣ въ нашей любвеобильной, какъ нѣжная мать, администраціи. Еще ребенкомъ онъ нашелъ себѣ убѣжище у другихъ Пэсовъ, у старшихъ, и у Пипаоновъ, которые по женской линіи были тоже Пэсы. Нѣсколько позже онъ сталъ на свои ноги и, съ нѣкоторыми промежутками, такъ какъ нѣтъ ничего совершеннаго на семь свѣтѣ,—занималъ видныя мѣста. Онъ пользовался репутаціей честнаго чиновника, но честность, какъ всякій знаетъ, понятіе относительное. О его политическихъ принципахъ говорить не стоитъ. И то не важно, что эти принципы—буде они у него имѣлись—всею прежде отличались такою изумительною приспособляемостью, что ихъ можно сравнить съ жидкостью, принимающею форму и цвѣтъ того сосуда, въ которомъ она помѣщается. Эти принципы были жидки, но помнить надо, что жидкое состояніе не есть еще предѣлъ силы сцѣпленія: бываютъ и принципы газообразные. Что до характера дона-Пэса, то если характеръ вообще можетъ выработаться весь изъ одной и той-же субстанціи, съ устраненіемъ всѣхъ остальныхъ, какъ чисто орнаментальныхъ, то придется сказать, что характеръ нашего героя состоялъ изъ одного цѣльнаго и однороднаго свойства—уголовности всему свѣту, съ предпочтеніемъ, согласно закону соціальнаго тяготѣнія, во власти сущихъ. Пла молва, что не существовало такого вопроса человѣческой юрисдикціи, который хоть косвенно не состоялъ-бы въ зависимости отъ Пэса; по этой причинѣ, Пэсъ, въ эту пору, находился въ своемъ апогеѣ и былъ непомерно обремененъ рекомендаціями. Рекомендація у насъ—второе providѣніе; она равнозначуща тому, что у другихъ, не столь находчивыхъ народовъ называется судьбою, фортуною. При помощи рекомендаціи можно у насъ достигъ степеней извѣстныхъ: она отверзаетъ пути обыкновенно закрытыя для труда и таланта. Мы обязаны фаворитизму этой административной формой подкупа».

Таково-то печальное положеніе вещей, о которомъ мы составляемъ понятіе по указаніямъ Гальдоса. Послѣ этого нельзя не настаивать на странности его увѣренія, будто спасенія можно ожидать лишь отъ школьнаго учителя. Гальдосъ придалъ такъ много значенія этому тезису, что я считаю себя въ правѣ сказать о немъ еще нѣсколько словъ. Я думаю, что задержки общественнаго развитія, такъ-же какъ и ихъ эквиваленты—порывы, выражающіе стремленіе вырваться изъ противорѣчащаго закону развитія пагубнаго положенія, обусловлены такими глубокими соціальными мо-

тивами, столь общими причинами, что все частное должно неизбежно передъ нимъ ступеньваться. Школы-же, отдѣльно взятая, отроженныя отъ общаго поступательнаго хода жизни, выдѣленныя изъ общаго роста ея какъ-бы въ какой-то спасительный сосудъ, изъ котораго «во благовременіи» должна разлиться живая вода спасенія на всю страну,—и представляютъ одну изъ такихъ частныхъ, а потому и должны считаться не болѣе какъ иллюзіей тѣхъ наивныхъ людей, которые возлагаютъ на нихъ все свое упованіе вплоть до того момента, когда новое проявленіе силы общаго закона развитія не заставитъ кинуться ихъ на новое средство. Въ сценахъ, которыя рисуетъ Гальдосъ, общественное мнѣніе колеблется между школами и тюрьмами. Это очень вѣрно и весьма знаменательно. Такъ всегда было и иначе и не можетъ быть въ отсталыхъ обществахъ. Здѣсь живо чувствуется и долго еще будетъ чувствоваться недостатокъ людей, которые могутъ благотворно вліять на общественное мнѣніе и поддерживать въ немъ упорство въ добрѣ, отклоняя умы отъ вздорнаго пристрастія къ «переживаньямъ». Здоровая идея, свѣжая мысль, живительное воззрѣніе, конечно, могутъ проникнуть въ любое европейское общество, такъ какъ въ любомъ найдется хоть нѣсколько головъ способныхъ понять и оцѣнить эти мысли, идеи и воззрѣнія; но для того, чтобы эти мысли идеи, и воззрѣнія стали всеобщими, необходимы многія счастливыя условія, которыя не всегда обрѣтаются въ наличности и которыхъ въ Испаніи вовсе нѣтъ. Несчастливая исторія этой злополучной страны отняла у нея очень и очень многое, и, между прочимъ, и значительную часть тѣхъ благъ, которыя вытекаютъ изъ закона вѣдственности. Гений, талантъ, способность къ умственному развитію не падаютъ на людей съ неба; они—капиталъ, скопленный цѣлымъ рядомъ поколѣній.

Сдѣланныя мною замѣчанія достаточны, какъ я смѣю думать, для того, чтобы убѣдить читателя въ весьма многихъ капиталныхъ недостаткахъ разсмотрѣннаго теперь романа. Романъ тенденціозенъ въ худшемъ смыслѣ этого слова, полонъ противорѣчіями и натяжками и весьма не чуждъ извращенія смысла нѣкоторыхъ весьма важныхъ вопросовъ. Что-же касается обработки его внѣшней стороны, то и она оставляетъ желать многого. Всего прежде романъ непомерно длиненъ; заѣмъ, части его неравномѣрны, не слиты въ однородное гармоническое цѣлое и обременены сценами, которыя не подвигаютъ дѣйствія, а задерживаютъ его (какъ на примѣръ, прекрасная сама-по-себѣ сцена посвѣщенія матерью комнаты умершей дочери), и, наконецъ, изложеніе страдаетъ отъ нестрашней его смѣси формы повѣствовательной и драматической. При всемъ обилии превосходныхъ отдѣльныхъ частей, «La Deshera-

dada» должна быть причислена къ слабѣйшимъ произведеніямъ Гальдоса, который, быть можетъ, и обладаетъ данными для того, чтобы когда-нибудь заслужить тѣ высокія похвалы, которыми иногда расточаютъ (напр. Le Livre, 82, № 9; De-Gubernatis, Dizionario biografico degli scrittori contemporanei), но которые едва имѣютъ право считать ихъ уже заслуженными.

Вл. Лесевичъ.

ПРИВАЛОВСКІЕ МИЛЛІОНЫ.

Романъ.

Посвящается М. Я. А--вой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XVII.

Поведеніе Привалова составляло для Хіоніи Алексѣевны неразрѣшимую загадку: никакъ она не могла примѣниться къ нему. Такой ужь человѣкъ «не суразный» выдался, ничего съ нимъ не сообразишь. Эпизодъ съ мельницей, когда Хіонія Алексѣевна обсудила его хладнокровно, не только не противорѣчилъ ея планамъ, но былъ ей какъ-разъ на-руку; но послѣдовавшее затѣмъ примиреніе Привалова съ Бахаревымъ и его частые визиты въ бахаревскій домъ опять разрушили бодрое настроеніе почтенной дамы. Однако, идти сейчасъ-же къ Бахаревымъ она не хотѣла; выжидая время, она разчитывала на визитъ самой Марьи Степановны или, по крайней мѣрѣ, Надежды Васильевны, но визитъ не былъ сдѣланъ, и Хіонія Алексѣевна имѣла полное основаніе быть недовольной Бахаревыми.

— Зазнались ужь больно, ворчала она.—Погодите, голубушка, походите за мной...

Кромѣ того, Хіонію Алексѣевну очень озабочивали визиты Привалова къ Половодову и Ляховскому, тѣмъ болѣе, что она никакъ не могла навести необходимыхъ справокъ о результатахъ этихъ визитовъ. Эта невозможность просто бѣсила почтенную даму, и она долго и напрасно ломала голову надъ вопросомъ, какъ выйти изъ такого затруднительнаго положенія.

— У Половодовыхъ былъ два раза, соображала про себя

Хіонія Алексѣевна, слѣдившая за каждымъ шагомъ Привалова:—Въ первый разъ обѣдалъ, во второй, кажется, просто напился кофе... Агриппинѣ Филиппьевнѣ обѣщаль пріѣхать на одинъ изъ ея четверговъ, и не пріѣхалъ; у Ляховскихъ былъ разъ, завтракалъ. Кажется, собирается на заводы, но почему-то все откладываетъ... Вообще, чортъ его разберетъ, что у него на умѣ!..

Иногда на Хіонію Алексѣевну нападало просто отчаяніе: всѣ ея планы разлетались дымомъ, оставляя въ головѣ тяжелое похмѣлье... Въ самомъ дѣлѣ, какъ все было хорошо сначала, а тутъ и пошла городьба... Викторъ Николаичъ воспользовался случаемъ и часто поддразнивалъ жену:

— А я слышалъ, Хина, что Приваловъ-то женатъ... Ей-Богу! Жена у него за-границей живетъ.

— Молчи, дуралей. Развѣ ты можешь что-нибудь понять...

— Даже очень хорошо понимаю и вижу все насквозь! пила-бы собака молоко, да рыло коротко... Хи-хи!..

Вмѣсто отвѣта, Хина бросала въ мужа первой попавшейся подъ руки вещью и принималась, вѣроятно, для очищенія взволнованной совѣсти, ругать Матрешку. Наконецъ, ей пришла въ голову счастливая мысль, которая уже не разъ выручала ее изъ мрака неизвѣстности: Хіонія Алексѣевна призвала къ себѣ Матрешку, обругала ее еще разъ вообще и въ частности, за прошедшія, настоящія и будущія провинности, а затѣмъ объявила:

— Ты, кажется, когда-то на-дняхъ будешь справлять день своего рожденія, такъ можешь взять комнату внизу. Вотъ тебѣ три рубля на расходы... Поняла?

Рожденіе Матрешки было покрыто глубокимъ мракомъ неизвѣстности, но она въ экстренныхъ случаяхъ «справляла» его, т. е. покупала нѣсколько бутылокъ сквернѣйшей наливки, орѣховъ, пряниковъ и приглашала прислугу знакомыхъ домовъ. Этимъ простымъ путемъ Хіонія Алексѣевна узнавала такія новости, какихъ не добыть-бы, кажется, ни за какія деньги.

Итакъ, на другой-же день Матрешка справляла день своего рожденія. Въ подвалѣ домика Заплатиной двѣ небольшихъ комнаты были освѣщены самымъ яркимъ образомъ. Въ этихъ комнатахъ размѣстился все знакомый народъ: Пальва, Ипать,

Лука, Игорь, кучеръ Илья, лакей внушительной наружности отъ Половодова, лакей Веревкиныхъ, швейцаръ изъ «Магнита» — Михѣичъ. Женскій персоналъ представлялъ тоже богатый выборъ: горничная Ляховскихъ, кормилица Веревкиныхъ, дѣвушка Бахаревыхъ и еще нѣсколько вертлявыхъ особъ въ бѣлыхъ накрахмаленныхъ передникахъ съ розовыми бантами на всѣхъ пунктахъ, гдѣ ихъ присутствіе было только необходимо, въ видахъ фиксированія вниманія. Эта разнообразная публика, при помощи Матрешки, размѣстилась такимъ образомъ, что рѣшительно никому не было обидно и ничья амбиція не страдала. Самымъ щекотливымъ вопросомъ, было то, какъ устроить Илью, потому что онъ не состоялъ, какъ другіе, «при горничныхъ», но Матрешка ловко обошла это затрудненіе, помѣстивъ его въ самый дальній уголь. Своимъ счастьемъ присутствовать на этомъ праздникѣ Илья былъ обязанъ маніи Матрены Поликарповны (она-же въ обыкновенное время Матрешка) устраивать счастливые браки, какъ это практиковала ее госпожа. Кучеръ Илья уже третій годъ присматривался къ кормилицѣ Веревкиныхъ, разбитной вдовѣ солдаткѣ; это уже было не первое *tête-à-tête*, и каждый разъ Илья держалъ себя самымъ страннымъ образомъ: упрется глазами въ кормилицу, какъ быкъ въ стѣну лбомъ, и молчитъ. Кормилица въ это время бойко щелкала кедровые орѣхи и постоянно ощипывалась, какъ насѣдка-курица.

— И чего ты смотришь эку страсть на меня? спрашивала кормилица не безъ кокетства, ощупывая мишурный галунъ на своемъ голубомъ сарафанѣ. — На мнѣ, вѣдь, надписей не написано... Ты-бы ужь лучше, Илья, хошь рассказалъ што-нибудь, а то тошненько этакъ сидѣть-то съ тобой. Подумають, что мы въ молчанку играемъ.

— Это отъ той причины, Акулина Власьева, объяснялъ Илья, выходя изъ своего разслабленнаго состоянія: — что нашъ, братъ, кучеръ, больше въ конюшнѣ, около лошадей... Я вотъ руками чего хочешь изломаю, а на счетъ разговоры въ комнатахъ сумлѣваюсь. Ежели съ бариномъ, такъ у насъ такіе разговоры, такіе разговоры... Смѣху!..

Въ этой комнатѣ, гдѣ сидѣлъ Илья съ своей кормилицей, собралась молодежь, которая вела себя какъ всякая благовоспитанная молодежь: кавалеры рисовались, говорили тяжелоуслѣнные комплименты, рассказывали дамамъ анекдоты двусмыс-

леннаго содержанія и старались побольше ущипнуть, въ видѣ любезности; дамы кокетничали и смѣялись неестественнымъ смѣхомъ, многозначительно переглядывались между собой и безъ всякой видимой причины начинали цѣловать одна другую. Очевидно, эта компанія составляла только декоративную сторону праздника, являясь нѣкоторымъ увеселительнымъ балластомъ; Матрена Поликарповна мало обращала на нее вниманія, потому что находилась уже въ томъ возрастѣ, когда знаютъ настоящую цѣну даже самымъ пикантнымъ анекдотамъ. Она ограничивала свое участіе къ этой компаніи только нѣсколькими замѣчаніями, спеціально относившимися къ Игренькѣ, который, покуривая украденную у барина сигару и постоянно встряхивая волосами, вралъ съ особеннымъ азартомъ. Между прочимъ, онъ успѣлъ рассказать, что его молодой баринъ, т. е. Викторъ Васильевичъ, недавно подарилъ одной актрисѣ громаднѣйшій букетъ изъ сторублевыхъ ассигнацій.

— И все-то ты врешь, Игренька! говорила Матрешка, толкая рассказчика въ бокъ кулакомъ.— У васъ съ молодымъ бариномъ запласть не достанетъ, чтобы актрисамъ подарки дѣлать. Спроси вотъ у Ипата Ананьича, сколько твой баринъ занялъ у его барина, когда обѣдалъ вмѣстѣ съ Веревкинныиъ.

— Не вѣрь, мнѣ что! обиженно отвѣчалъ Игорь.— Ежели я самъ этотъ букетъ носилъ къ актрисѣ... Рыженькая такая, небольшого росту; сначала жила съ Лепешкиныхъ, а теперь съ новымъ прокуроромъ живетъ.

Публика подняла Игоря на смѣхъ и обратила все вниманіе на Михѣича; Михѣичъ былъ теперь просто швейцаромъ въ «Магнитѣ», но, какъ можно было понять изъ нѣкоторыхъ очень тонкихъ намековъ, питалъ слабую надежду занять постъ буфетчика. Все это придавало ему значительный вѣсъ между горничными.

— Нѣтъ, я вамъ вотъ что расскажу лучше, ораторствовалъ Михѣичъ, обращаясь собственно къ однѣмъ дамамъ.— Третьяго дня у насъ такое сраженіе было, такое сраженіе... Подобно какъ Севастополь или Варшава! И все это Лепешкинъ съ Иваномъ Яковличемъ... Истинно можно сказать: чудотворцы! Ломтевъ съ Иваномъ Яковличемъ обыграли ирбитскихъ купцовъ, а мы ужъ знаемъ ихнюю политику: какъ выиграли—сейчасъ къ намъ, въ «Магнитъ». Марья Митревна ужъ на-чеку держать себя—все у ней готово, а тутъ нарочно

швею привезла изъ какого-то магазина: такъ гѣсни поетъ, въ родѣ какъ скрипка или гитара. Ей-Богу! Ну, вечеромъ, извѣстно, и прїѣзжаютъ всѣ: сначала, натурально, Иванъ Яковличъ съ Ломтевымъ, потомъ Лепешкинъ съ Викторомъ Васильичемъ да съ молодымъ баричемъ Ляховскимъ, анжнеры... набралось, однимъ словомъ, народу густо! Хорошо, Гости ужинаютъ, арфистки гѣсни зажариваютъ. А Ивану Яковличу все мало, все имъ помудренѣе надо; сдѣлали этакъ, головку на бокъ, усмѣхнулись и говорятъ Марьѣ Митревнѣ: «скучно»... Марья Митревна, обыкновенно, понимаетъ и сейчасъ арфистокъ по рукамъ. А Иванъ Яковличъ сидитъ за столикомъ, ручки потираютъ, усмѣхаются, да какъ подмигнуть Виктору Васильичу, тотъ на столъ, да по столу сначала на рукахъ, а потомъ колесомъ... Натурально, все со стола на гостей: кушанье, вино, пиво. Крикъ такой пошелъ, точно на поминкахъ. Ну, Иванъ Яковличъ за эту штуку сторублевый билетъ выложилъ Марьѣ Митревнѣ, а что было залито виномъ да соусами платьевъ на арфисткахъ — то особымъ счетомъ пошло. А подъ конецъ, Лепешкинъ двѣ сторублевыхъ бумажки съѣлъ подъ соусомъ: велѣлъ зажарить въ маслѣ, да съ лукомъ и съѣлъ.

Центръ тяжести всего праздника помѣщался въ слѣдующей комнатѣ, гдѣ за бутылкой съ коньякомъ сомнительнаго происхожденія бесѣдовало самое избранное общество, т. е. Палька, Лука, Ипатъ и лакей внушительной наружности. Горничная Ляховскихъ, выцвѣтшая полька Жозефина съ злыми глазами, ходила все время подъ руку съ Матреной Поликарповной. Это былъ въ своемъ родѣ *chef-d'oeuvre* Матрешкиной стратегики: Жозефина была настолько высокаго о себѣ мнѣнія, что не могла унизиться до общества Михѣича и лакея Веревкиныхъ, а съ другой стороны ей неловко было оставаться одной во второй комнатѣ, гдѣ сидѣли одни «мущины». По этому Матрена Поликарповна и таскала на своей рукѣ спѣсивую гостью изъ одной комнаты въ другую. Героемъ дня былъ, конечно, Ипатъ, который то начиналъ горько жаловаться на свою судьбу, то принимался рассказывать о томъ, какъ отлично они жили съ бариномъ въ Петербургѣ.

— У васъ, Ипатъ Ананьичъ, отличный баринъ, заявлялъ Лука, который былъ сильно шокированъ двусмысленнымъ поведеніемъ приваловскаго слуги.

Ипать жмурился, дѣлалъ кислое лицо и махалъ рукой, какъ человѣкъ, у котораго впереди не оставалось ни одной надежды.

— И такой скромный, вставляла свое слово Матрешка,— не то что наши баричи: проходу не даютъ.

— Скромный-то онъ дѣйствительно скромный, глубококомленно соглашался Ипать, дѣлая такую гримасу, точно онъ чѣмъ подавился: — и богатъ... А вотъ, чтобы угодить ему—и одинъ человѣкъ въ свѣтѣ не угодить!

— Что-же, онъ бранить васъ? любопытствовала Жоффина.

— Если-бы бранилъ, такъ это еще ничего—можно-бы жить, а то хуже...

— Неужели онъ... дерется? ахнули дамы разомъ.

— И не дерется, а молчитъ. Хорошо сдѣлалъ—молчитъ, худо сдѣлалъ—молчитъ. Другой разъ просто жизни не радъ: страшно вдругъ сдѣлается. Точно онъ все сердится... и никакъ ты къ нему не принаровишься.

Лука былъ огорченъ коварствомъ приваловскаго слуги и горячо вступился за барина.

— Нѣтъ, я вамъ прямо скажу: вы цѣны своему барину не знаете, докторальнымъ тономъ заявилъ Лука, придерживая одной рукой свою задиравшую ногу.—Смотрѣть, такъ кажется, что всѣ господа равны, какъ деревья въ лѣсу, а еще по-смотрѣлъ, такъ и вышла разница. Взять, примѣрно, Ивана Яковлича или Александра Павлыча—господа, нечего сказать, а сравнить съ Игнатѣемъ Львовичемъ или съ Василиемъ Назарычемъ и выйдетъ: то да не то... Сужетъ одинъ, а церемонія разная. А ежели теперь взять Сергѣя Александрыча, тутъ опять свой разговоръ пойдетъ: тутъ прерода... Да!

— Конечно, прерода первое дѣло, подтвердила Матрешка.—Это не то что наша Хина, голь перекатная, треплется, треплется какъ оглашенная день-то деньской, а къ вечеру и поужинать нечего... Ей Богу! А про барина и говорить нечего: дашь ему поѣсть—поѣсть, не дашь—и такъ износить.

Къ необъяснимымъ особенностямъ Матрешки принадлежала странная способность ругать барина и барыню за глаза; вѣроятно, она выкупала этимъ то состояніе невмѣняемости, когда являлась въ рукахъ Хіоніи Алексѣвны такой-же безотвѣт-

послушной, какъ мертвое тѣло въ рукахъ моющаго его человека.

— Про вашу Хину что и толковать, согласился Лука.— По настоящему, ее въ хорошіе дома и пускать не слѣдовало бы, потому сколько она одного вина вытрескаетъ.

— Пьеть, страсть пьеть, увѣряла Матрешка съ азартомъ: — и въ гостяхъ, и дома—какъ дудка пьеть. Я такъ думаю, что отъ этого ее у Ляховскихъ не принимаютъ и у Половодовыхъ тоже.

— Невозможно, коротко отвѣчалъ Палька, съ хрипомъ насасывая свою коротенькую трубочку; онъ успѣлъ порядкомъ нализаться, пока Ипать жаловался на свою судьбу, Лука защищалъ Привалова, а лакей внушительной наружности внимательно ихъ слушалъ въ качествѣ публики.

— Такъ вотъ я и говорю, продолжалъ Лука, пользуясь наступившей паузой:—что господа одинъ къ другому не подходятъ. Когда приѣхалъ къ намъ Сергѣй Александрычъ, вечеромъ я пошелъ къ барину—у насъ съ нимъ одна болѣзнь, и дохтуръ одинъ лечитъ, и мазь одна!—сталъ эго натирать ему ножку мазью, а онъ этакъ взглянулъ на меня да и говорить: „Лука... а Лука? Вѣдь Приваловъ-то не намъ съ тобой чета. Дѣды-то у него столбы были, да еще какіе столбы,—этакихъ и людей больше не осталось“.

— А какъ вы думаете, Лука Авдѣичъ, перебила Матрешка разглагольствованія Луки:—женится Приваловъ на вашей барышнѣ или нѣтъ?

— Ишь ты, востра больно! Легко сказать: женится... Да разѣ такія дѣла промежду господъ зря дѣлаются? По вашему поигралъ какой-нибудь парень на гармоникѣ, намазалъ себѣ чолку помадой, и дѣло въ шляпѣ. Еще наша-то барышня пойдетъ либо нѣтъ... У насъ Марья-то Степановна вонъ какая карахтерная, а барышня въ нее пошла; промежду себя подымутъ споръ какой: Марья Степановна говорить такъ, а барышня „не хочу“.

— А я слышала, что Привалову очень понравилась барышня Ляховская, продолжала испытаніе Матрешка, перемигиваясь съ Жозефиной:—Какъ-бы на ней не женился...

— Это ужъ кому какъ божеское произволеніе, резонировалъ Лука.—Софья Игнатьевна барышня первый сортъ. Богъ

счастья пошлетъ, такъ и почище жениха найдеть; за генерала выйдеть.

— А вы какъ, Ипать Ананьичъ, думаете? приставала Матрешка къ Ипату.—На комъ вашъ баринъ женится: на Ляховской барышнѣ или на Бахаревой? Обѣ красавицы, обѣ богатыя..

— Ужъ гдѣ намъ жениться, уныло отвѣчалъ Ипать:—ни, вѣдь, не какъ другіе люди...

— Все-таки... Вѣдь, у барина, навѣрно, была какая-нибудь зазноба въ Петербургѣ? Ну, тамъ экономка, горничная или на сторонѣ кто-нибудь.

— Нѣтъ, у насъ этого заведенья, чтобы женскій полъ въ домѣ держать—ни ни!.. Такъ, разный народъ бывалъ; графы, князья, отъ кавалеріи, химики, а чтобы относительно женскаго полу... баринъ хотъ и простъ на видъ, а онъ строго себя содержать.

— Можетъ быть приносили барину записочки, не унымалась Матрешка.—Или онъ васъ посылалъ къ кому-нибудь съ записочкой, съ букетомъ?..

— Да отважитесь вы, стрекозы! вступился наконецъ Лука за Ипата, который только хлопалъ глазами.—Все у васъ одиѣ глупости на умѣ... Ипать Ананьичъ, вы не обращайте на нихъ вниманія. Дѣло извѣстное, волосъ долгъ.. Хе-хе!..

Какъ слуга старой школы, Лука необыкновенно галантно относился къ женщинамъ вообще и если позволялъ себѣ шуточку, то непременно приправлялъ ее самой любезной улыбкой, какъ умѣютъ улыбаться одни старые слуги.

— Мнѣ что, пусть женится, уныло соглашался Ипать.—Только я впередъ скажу, что ужъ если я не умѣю угождать барину, такъ гдѣ-же женѣ съ нимъ справиться? Пусть женится, мнѣ все равно.

Ипать, какъ ни былъ глупъ, но все-таки повялъ, что отъ него что-то хотятъ вывѣдать, и поэтому съ самой добродушной рожей понесъ такую околесную, что любопытныя женщины должны были, наконецъ, отступить отъ него. Когда онѣ ушли въ другую комнату, Палька завладѣлъ общимъ вниманіемъ и долго рассказывалъ про «забавки», какія устраивало въ Польшѣ «родовитѣ паньство, шляхетство и гонорове рыцарство».

— Я буду говорить прямо: отлично жили! ораторствовалъ Палька, покручивая свои щетинистые усы.—Такія забавки да

мазуречки строили, что вспомнишь жалко... От-то время было! А какъ пани Марина танцевала. Пхе!.. Развѣ нынче умѣютъ такъ танцевать? Жозефина, какъ эту моду называли, когда панянки въ однихъ рубашкахъ на балахъ танцевали?

— Это была мода маркизы Люлли, объяснила Жозефина, слышавшая эти рассказы тысячу разъ.—Тогда панянки одѣвались въ греческія тюники съ золотымъ поясомъ, а на ногахъ носили сандалин... Чулокъ не надѣвали и на пальцахъ ногъ носили кольца. У Пани Марины остался такой костюмъ.

— О, пани Марина, пани Марина! вздохнулъ Палька, впадая въ меланхолю:—Вотъ танцевала... Самъ крутоусый Сангушко выходилъ съ ней въ мазуркѣ въ первой парѣ!.. А паня? Налей море сантуринскимъ или венгерскимъ, все-бы выпили паня... Отлично было!

На другой день утромъ Матрешка сдѣлала Хіонію Алексѣевнѣ подробѣйшій докладъ обо всемъ, что успѣла вчера выѣдать отъ своихъ гостей, и Хіонія Алексѣевна имѣла удовольствіе узнать, что Приваловъ совсѣмъ помирился съ Бахаревыми, по вечерамъ играетъ въ преферансъ съ Марьей Степановной и часто подолгу разговариваетъ со старшей барышней. У Ляховскихъ сама барышня угощала Привалова завтракомъ; Игнатій Львовичъ сначала ссорился съ нимъ и даже кричалъ, какъ на Альфонса Богданыча, а потомъ повелъ по всему дому, показывалъ всѣ комнаты и даже велъ въ спальню Зоси.

Можно себѣ представить впечатлѣніе, какое произвелъ на Хіонію Алексѣевну отзывъ о ней Луки, переданный Матрешкой съ нѣкоторыми поэтическими дополненіями.

— Такъ вотъ какъ!.. едва могла она проговорить, закусивъ синія губы.

Конечно, черезъ полчаса она уже была у Агриппины Филиппьевны и съ видомъ угнетенной невинности говорила:

— Нѣтъ, какъ это вамъ понравится: я трескаю у нихъ вино... А?... И послѣ этого еще есть у людей совѣсть... Да чтобы я теперь поѣхала къ Марьѣ Степановнѣ... Ха-ха!... Агриппина Филиппьевна, вы знаете мой характеръ: я могу очень долго терпѣть, но если я увижу ложь или обманъ,—все кончено!..

— Успокойтесь, Хіонія Алексѣевна, отвѣчала Агриппина Филиппьевна, очень довольная въ глубинѣ души, что Хину

порядочно смазали:—хочется вамъ обращать вниманіе на всякій вздоръ... Мало-ли что болтаетъ прислуга.

— Нѣтъ, извините, Агриппина Филиппьевна: вы, значитъ, совсѣмъ не понимаете моего характера... Чтобы я .. чтобы моя нога когда-нибудь перешагнула порогъ бахаревского дома: никогда!!.. Налпюйте мнѣ въ лицо, Агриппина Филиппьевна, если это не правда...

Когда Хіонія Алексѣевна возвращалась отъ Агриппины Филиппьевны на свое пепелище, она долго что-то соображала и рассчитывала про себя и, наконецъ, сказала кучеру:

— Къ Бахаревымъ...

Марья Степановна приняла Хіонію Алексѣевну сухо и холодно, строго подобравъ губы оборочкой. Гостья сразу почувствовала, откуда дуетъ вѣтеръ, и держала себя все время самымъ глупымъ образомъ.

— Ахъ, душечка Марья Степановна, а я все время была такъ больна, такъ больна! трещала она, улыбаясь блудливой, заискивающей улыбкой.—И знаете отчего?.. Представьте себѣ: по городу разнесли слухъ, что Приваловъ разсорился съ Василиемъ Назарычемъ изъ-за какой-то мельницы, и даже будто Василій Назарычъ выгналъ Привалова изъ своего кабинета... Вѣдь все это, конечно, вздоръ, и я всѣмъ говорила: «Вздоръ! Совершенная нелѣпность».—Но меня эти сплетни такъ взволновали, что я слегла въ постель: кровь горломъ, сердцебиеніе, невралгія... Едва со мной отводились, милая Марья Степановна! Я только тогда и отошла, какъ услышала, что Приваловъ опять бываетъ у васъ и проводитъ цѣлые вечера...

Марья Степановна не слушала этой болтовни и внутренно казнила себя, казнила за свое непростительное легкомысліе въ первый визитъ Привалова, когда она позволила Хинѣ обойти себя кругомъ. Гордая старуха не могла простить своей ошибки этой проклятой Хинѣ и теперь отплачивала ей ледяной холодностью.

— А я такъ рада за васъ, такъ рада... не переставала Хина.

— Не чему радоваться-то, Хіонія Алексѣевна, сухо замѣтила Марья Степановна. — Пустое это дѣло, наши съ вами разговоры... Такъ, зря болтаемъ!

Хіонія Алексѣевна окончательно обидѣлась. Ее опять взорвала человѣческая неблагодарность, но она еще разъ перело-

мила себя и сдѣлала видѣ, что не поняла рѣзкаго отвѣта Марьи Степановны,

— А гдѣ у васъ Вѣрочка? освѣдомилась она съ участіемъ стараго друга дома.

— Ей что-то нездоровится...

— Мнѣ можно заглянуть къ ней въ комнату?

— Нѣтъ, она спитъ...

Хіоніи Алексѣевнѣ ничего неоставалось, какъ только распрощаться съ негостепріимной хозяйкой. Когда она садилась въ свой экипажъ, въ саду мелькнуло голубое платье Вѣрочки, а Хіонія Алексѣевна проговорила: «А... такъ вы вотъ какъ!.. Ну, Марья Степановна, будете вы меня помнить»... Къ довершенію всѣхъ непріятностей, она, выѣзжая изъ воротъ, носомъ къ носу встрѣтилась съ Викторомъ Васильевичемъ, который на всю улицу весело закричалъ ей:

— А, Хіонія Алексѣевна... ходите почаще мимо-то, безъ васъ веселѣе!..

XVIII.

— Ну, что, какъ вы нашли Ляховскаго? спрашивалъ Веревкинъ, явившись къ Привалову черезъ нѣсколько дней послѣ его визита.— Не правда-ли, скотина во всѣхъ отношеніяхъ? Ха-ха! Воображаю какого шута гороховаго онъ разыгралъ предъ вами для перваго раза...

Приваловъ подробно рассказалъ весь ходъ своего визита и свои занятія съ Ляховскимъ; эпизодъ съ сигарами и метлами вызвалъ самый неистовый хохотъ Веревкина, который долго громкимъ эхомъ раскатывался по всему домику Хіоніи Алексѣевны и заставилъ Виктора Николаича вздрогнуть и замѣтить: «Экъ, подумаешь, разобрало этого Веревкина!»

— Такъ и есть, по всѣмъ правиламъ своего искусства, значить, велъ дѣло, заговорилъ Веревкинъ, вытирая выступившія отъ смѣха на глазахъ слезы.— Дайте время, онъ начнетъ прикидываться глухимъ и слѣпымъ. Ей-Богу! Мерзавецъ такой, что съ огнемъ поискать. У него есть здѣсь въ Узлѣ нѣсколько домовъ, конечно купленныхъ при случаѣ, за безцѣнокъ. Вотъ однажды одинъ изъ этихъ домовъ загорѣлся: Что-бы вы думали: набать, народъ бѣжить со всѣхъ сторонъ, и Ляховскій трусцой задуваетъ вмѣстѣ съ другими, а пожаръ на другомъ

концѣ города. Видите-ли, извозчикъ запросилъ съ Ляховскаго пятачкѣ, а онъ давалъ гривенникъ. Такъ въ пятачкѣ и разошлось. Послѣ говорятъ Ляховскому: «какъ-же это вы, Игнатій Львовичъ, пятачка пожалѣли, а цѣлаго дома не жалѣете?» А онъ: «что-же я могъ сдѣлать, если-бы десятью минутами раньше пріѣхалъ, — все равно, весь домъ сгорѣлъ-бы и пятачекъ напрасно-бы истратилъ». Замѣтите, выдержка какая дьявольская. О, съ нимъ нужно ухо остро держать! Какія онъ вамъ бумаги далъ, — посмотримъ.

— Вотъ всѣ здѣсь, отвѣчалъ Приваловъ, вынимая изъ папки цѣлую кипу взятыхъ у Ляховскаго бумагъ.

Веревкинъ съ сигарой въ зубахъ самымъ комфортабельнымъ образомъ помѣстился въ креслахъ и вооружилъ свой носъ старымъ пенсне. Замѣтивъ, что Ипать принесъ и поставилъ около него на подносѣ графинчикъ съ водкой и закуску на стеклянной тарелочкѣ, онъ только улыбнулся; вниманіе Привалова къ его жаждѣ очень польстило Веревкину, и онъ съ особеннымъ усердіемъ принялся рыться въ бумагахъ, швырялъ ихъ по всему столу и дѣлалъ на поляхъ краснымъ карандашемъ самыя энергичныя *nota bene*. На первый разъ трудно было разобратъ въ такой массѣ цифръ, и Веревкинъ половину бумагъ сложилъ въ свой объемистый портфель съ оборванными ремнями и сломаннымъ замкомъ.

— Да тутъ чортъ ногу сломить, батенька, проговорилъ онъ послѣ часовой работы. — По меньшей мѣрѣ, недѣли двѣ придется высидѣть надъ ними. Этотъ Альфонсъ Богданчъ — видѣли? — такого, я думаю, туману напустилъ... Ну, да мы ихъ проберемъ и всѣхъ узловъ завяжемъ. А вотъ что, совершенно другимъ тономъ прибавилъ Веревкинъ, отваливая свою тушу на спинку кресла: — я заѣхалъ собственно везти васъ къ Полодову... Мы отлично пообѣдаемъ тамъ, а вы кстати пощупаете Александра Павлыча, какъ онъ себя чувствуетъ. Ссориться съ ними — намъ, во всякомъ случаѣ, не приходится, потому что этимъ только затынемъ дѣло: вѣдь бумаги всѣ у нихъ въ рукахъ. Да я и не люблю ссориться съ своими противниками.

Привалову совсѣмъ не хотѣлось ѣхать къ Полодову. Онъ пробовалъ сопротивляться, но Веревкинъ былъ неумолимъ и даже отыскалъ шляпу Привалова, которую сейчасъ-же и надѣлъ ему на голову.

— Нѣтъ, батенька, ѣдьте, продолжалъ Веревкинъ. — Кстати, Тонечка приготовила такой ликерчикъ, что пальчики оближете. Я вѣдь знаю, батенька, что вы великій охотникъ до такихъ ликерчиковъ. Не отпирайтесь, былъ молодцу не укорь. Ѣдемъ сейчасъ-же, время скоротечно. Эй, Ипать! Подай барину одѣваться скорѣе, а то баринъ разсердится.

Всю дорогу Веревкинъ болталъ какъ школьникъ. Это веселое настроеніе подѣйствовало заразительно и на Привалова. Только когда они проѣзжали мимо бахаревского дома, Привалову сдѣлалось какъ-то немного совѣстно,—совѣстно безъ всякой видимой причины. Онъ заранѣе чувствовалъ на себѣ полный нѣмого укора взглядъ Марьи Степановны и мысленно сравнилъ Надю съ Антониной Ивановной, хотя это и были несравнимыя величины.

Обѣдъ у Половодова прошелъ скучнѣе, чѣмъ можно было предполагать, и Приваловъ былъ очень недоволенъ, что послушался Веревкина. Антонина Ивановна сегодня держала себя очень холодно, даже немножко грустно, какъ показалось Привалову. Анна Павловна, какъ всегда, оставалась при своемъ «высокомъ давленіи» и говорила мало. Никто ни слова не говорилъ о Ляховскихъ, какъ ожидалъ Приваловъ, и ему оставалось только удивляться, что за странная фантазія была у Веревкина тащить его сюда, смотрѣть, какъ лакей внушительной наружности подаетъ кушанья, а хозяинъ работаетъ своими челюстями. Привалову, конечно, и въ голову не пришло бы никогда подумать, что Веревкинъ дѣйствовалъ по просьбѣ Антонины Ивановны, а между тѣмъ это было такъ. Веревкинъ для такого сорта порученій былъ самый золотой человекъ, потому что, несмотря на величайшія затрудненія и препятствія при ихъ выполненіи, онъ даже не задавалъ себѣ вопроса, для чего нуженъ былъ Антонидѣ Ивановнѣ Приваловъ, нуженъ именно сегодня, а не въ другое время. «Женская фантазія», говорилъ обыкновенно Веревкинъ, если отъ него непременно требовали объясненій. Обѣдъ былъ точно такой-же, какъ и въ прошлый разъ: рѣдкія, художественно исполненныя кушанья съѣдались съ рѣдкимъ вниманіемъ и запивались самыми рѣдкими винами. Сейчасъ послѣ обѣда Половодовъ увелъ Привалова къ себѣ въ кабинетъ.

Пока въ кабинетѣ шла дѣловая бесѣда, Веревкинъ успѣлъ

немного придти въ себя послѣ сытнаго обѣда, поймалъ сестру и усадилъ ее за рояль.

— Тонечка, голубушка, спой эту пѣсню про Волгу, умолялъ онъ.—Уважь единоутробнаго брата... а?... Привалова не стѣсняйся, онъ отличный малый, хоть немножко и того (Вережкинъ многозначительно повертѣлъ около лба пальцемъ), понимаешь — славянофилъ своего рода. Ха-ха!.. Ну, да это пустяки: всякій дуракъ по-своему съ ума сходитъ.

— А ты, кажется, сегодня порядочно утѣшился за обѣдомъ? спрашивала Антонида Ивановна, съ нѣжностью глядя на «единоутробнаго» братца.

— Что-же, я только въ своей стихіи — не больше того. Шьянь, да два угоды въ немъ... Видишь, начинаю завираться. Ну, спой, голубчикъ!

Антонида Ивановна взяла нѣсколько аккордовъ и заплѣла небольшимъ, но очень чистымъ контральто проголосную русскую пѣсню:

Широка Волга разливалась,
Съ крутымъ бережкомъ поравнялася...

Эта заунывная пѣсня полилась съ тѣмъ простымъ, вѣтавшимъ за душу выраженіемъ, съ какимъ поетъ ее простой народъ и никогда не поютъ на сценѣ. Антонида Ивановна умѣла вытянуть ту заунывную, щемящую нотку, которая неизмѣнно слышится во всѣхъ проголосныхъ русскихъ пѣсняхъ: глухія слезы и смертная тоска по какой-то волѣ и неизвѣданномъ счастьѣ, казалось, стояли въ этой пѣснѣ. Вережкинъ сидѣлъ на низенькомъ диванчикѣ, положивъ свою громадную голову въ ладони рукъ, какъ вещь совершенно для него лишнюю. Спутанныя шелковыя кудри свалились къ нему на лобъ и закрывали глаза, но онъ не поправлялъ ихъ, отдавшись цѣликомъ тому подмывавшему чувству, которое, какъ набѣжавшая волна прилива, тихо поднимала и несла куда-то въ даль. Приваловъ что-то хотѣлъ отвѣчать Половодову, когда раздалась первая слова пѣсни, да такъ и остался съ открытымъ ртомъ на своемъ горнемъ мѣстѣ, куда усадилъ его Половодовъ.

— Это Тонечка, отвѣчалъ Половодовъ на нѣмой вопросъ Привалова.—Она порядочно поетъ русскія пѣсни, когда бываетъ въ ударѣ.

Половодовъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Яковlichemъ, всему на свѣтѣ предпочиталъ французскія шансонетки, но, въ качествѣ славянофила, онъ считалъ своимъ долгомъ непременно умилиться каждый разъ, когда пѣла жена. У Привалова тихо закружилась голова отъ этой пѣсни, и онъ закрылъ глаза, чтобы усилить впечатлѣніе. Въ глубинѣ души что-то тихо-тихо запыло. Предъ глазами смутно, какъ полузабытый сонъ, проносились картины густого лѣса, широкій разливъ рѣки, надъ которымъ тихо садится багровое солнце; а тамъ уже потянуло и холодомъ быстро наступающей лѣтней ночи и тихо зашелестѣла прибережная осока, гнущаяся подъ напоромъ рѣчной струи.

— Въ женщинѣ прежде всего — кровь, порода, говорилъ Половодовъ, раздвигая ноги циркулемъ. — На востокѣ женщина любить припадками и какъ-то ужъ слишкомъ откровенно все дѣло сводится на одну животную сторону. Совсѣмъ другое дѣло европейская женщина. Въ ней нѣтъ этой грязи, распущенности, лѣни; въ ея присутствіи всѣ нервы въ пріятномъ напряженіи, чувства на-сторожѣ, а глаза невольнo отдыхаютъ на стыдливо прикрытыхъ формахъ. Часто женщину принимаешь за дѣвушку. Здѣсь все построено на пикантныхъ неожиданностяхъ, вездѣ заманчивая неизвѣстность, и часто подъ опущенными стыдливо глазками, подъ дѣтски несложившимися формами кроется самая знойная страсть. Вамъ которая изъ Бахаревыхъ больше нравится? Неожиданно спросилъ Половодовъ.

Приваловъ совсѣмъ не слушалъ его болтовни и теперь смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, не понимая вопроса; впрочемъ, Половодовъ сейчасъ-же вывелъ его изъ затрудненія, проговоривъ:

— Мнѣ Вѣрета больше нравится; знаете, въ ней есть что-то такое нетронутое, какъ переходъ отъ вчерашней дѣвочки къ завтрашней барышнѣ. Тогда пиши пропало все, потому что начнется это жеманство да кривлянье. Пойдемте въ гостиную, прибавилъ онъ, подхватывая Привалова, по своей привычкѣ, подъ руку.

Въ гостиной Половодовъ просидѣлъ недолго. Попросивъ жену занять гостя, онъ извинился предъ Приваловымъ, что оставить его всего на нѣсколько минутъ.

— Ты, Александръ, подвергаешь Сергѣя Александрыча

ничѣмъ незаслуженному испытанію, — проговорила Антонида Ивановна, оставляя роаяль.

— Вы несправедливы ко мнѣ, Антонида Ивановна, могъ только отвѣтить Приваловъ.—Я считаю за счастье...

— А?.. Чего?.. спрашивалъ Веревкинъ, который спалъ на своемъ диванчикѣ и теперь только проснулся.—А я такъ расчувствовался, что вздремнулъ подъ шумокъ... Вы тутъ комплименты, кажется, говорите?

Подъ смѣхъ, вызванный этимъ маленькимъ эпизодомъ, Половодовъ успѣлъ выбраться изъ комнаты, и Приваловъ остался съ глазу на глазъ съ Антонидой Ивановной, потому что Веревкинъ ушелся въ кабинетъ—«додернуть», какъ онъ вырзился.

— Почему вы думаете, Антонида Ивановна, что я избѣгаю вашего общества? спрашивалъ Приваловъ.—Наоборотъ, я съ такимъ удовольствіемъ слушалъ ваше пѣніе сейчасъ... Могу сказать откровенно, что никогда ничего подобнаго не слышалъ.

Антонида Ивановна внимательно посмотрѣла на Привалова, накинула на плечи оренбургскій платокъ изъ козьяго пуха и проговорила съ лѣнивой улыбкой:

— Я не понимаю, какъ это хочется мужчинамъ говорить вѣчно одно и то-же... Неужели нельзя обойтись безъ комплиментовъ?

Они прошли въ знакомую Привалову голубую гостиную, но на этотъ разъ Антонида Ивановна сѣла очень далеко отъ своего гостя.

— Вы не рассказали мнѣ еще о своемъ визитѣ къ Ляховскимъ, заговорила хозяйка, вздрагивая и кутаясь въ свой платокъ.—А впрочемъ, нѣтъ, не рассказывайте... Впередъ знаю, что и тамъ такъ-же скучно, какъ вездѣ!.. Не правда-ли?

— Я не понимаю, что вы хотите сказать этимъ?

— Ахъ, самую простую вещь, Сергѣй Александрычъ... Посмотрите кругомъ, —вездѣ мертвая скука. Мужчины убиваютъ время, по крайней мѣрѣ, за картажи, а женщинамъ даже и это плохо удается. Я иногда завидую своему мужу, который бѣжитъ изъ дому, чтобы провести время у Зосі. Надѣюсь, что тамъ ему веселѣе, чѣмъ дома, и я нисколько не претендую на него...

Приваловъ заговорилъ что-то объ удовольствіяхъ, о чтеніи,

о занятіяхъ, но Антонида Ивановна неожиданно прервала его рѣчь вопросомъ:

— Послушайте, когда ваша свадьба?

— Какая свадьба?

— Да вѣдь вы женитесь на Nadine Бахаревой. Это рѣшительно всѣмъ въ городѣ извѣстно, и я, право, отъ души рада за васъ. Nadine отличная дѣвушка, серьезная, образованная... Она рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ нашихъ барышень.

— Послушайте, Антонида Ивановна, серьезно заговорилъ Приваловъ. — Я, дѣйствительно, глубоко уважаю Надежду Васильевну, но относительно женитьбы на ней у меня и мысли не было.

— Неправда.

— Совершенно серьезно говорю.

— О, это пустяки. Всѣ мужчины обыкновенно такъ говорятъ, а потомъ преспокойнѣйшимъ образомъ и женятся. Вы не думайте, что я хотѣла что нибудь выпытать о васъ, нѣтъ, я отъ души радуюсь вашему счастью, и только. Обыкновенно завидуютъ тому, чего самимъ не достаетъ,—такъ и я... Мужъ отъ меня бѣжитъ и развлекается на сторонѣ, а мнѣ остается только радоваться чужому счастью.

— Вы ошибаетесь, Антонида Ивановна, увѣряю васъ. Есть обстоятельства, которыя... Однимъ словомъ, я никогда не женюсь.

Антонида Ивановна долгимъ, внимательнымъ взглядомъ посмотрѣла на Привалова, но ничего не отвѣчала и только плотнѣе, вмѣстѣ съ шеей, укуталась въ свой платокъ. Приваловъ еще никогда не видалъ Половодова такой красивой. Въ его ухахъ еще стояла давешняя пѣсня, а тутъ этотъ странный тонъ разговора... Приваловъ почувствовалъ себя какъ-то жутко-хорошо около Антонида Ивановны и съ особеннымъ удовольствіемъ испытывалъ на себѣ теплоту ея пристального лѣниваго взгляда. Невольная грусть, которая слышалась въ ея разговорѣ, отвѣчала невеселому настроенію Привалова, и онъ горячо пожалъ Антонидѣ Ивановнѣ на прощаньи руку.

Вечеромъ этого дня, когда Антонида Ивановна вошла въ спальню своей маман, она имѣла самый утомленный и жалкій видъ. Тяжело опустившись на ближайшій стулъ, она съ замѣтнымъ усиліемъ едва могла проговорить:

— Бревно этотъ вашъ Приваловъ, и больше ничего.

Агриппина Филиппьевна пытливо и вопросительно по-смотрѣла на дочь, а потомъ спокойно отвѣтила:

— Нужно имѣть терпѣніе, мой другъ...

— Александръ былъ зѣбсь?

— Былъ. Представь себѣ: захватилъ съ собой Оскара, и вмѣстѣ отправились къ Ляховскому. Оказывается, что это уже не первый ихъ визитъ туда.

— Рѣшительно ничего не понимаю, патапа...

— И я тоже; но все-таки, согласись, что очень и очень странно. Что можетъ дѣлать этотъ идиотъ Оскаръ у Ляховскаго?

Почтенная дама только пожала плечами и сдѣлала презрительную гримасу.

XIX.

Въ послѣднее время Надежда Васильевна часто бывала у Ляховскихъ; Приваловъ встрѣчался съ ней тамъ, когда въ свободное отъ занятій время съ Ляховскимъ заходилъ на половину Зоси. Тамъ собиралось шумное молодое общество, въ которому примкнулъ и дядюшка Оскаръ Филипповичъ, необыкновенно смѣшно рассказывавшій самые невинные анекдоты.

— Мы васъ всѣ будемъ называть дядюшкой, Оскаръ Филиппычъ, говорила Зося.

— И отлично... соглашался дядюшка — Я буду очень любить такую племянницу, какъ вы.

Дядюшка, въ качествѣ любезника старой школы, почтительно цѣловалъ каждый разъ руку Зоси и забавно шаркалъ ножкой. Половодовъ служилъ коноводомъ и былъ неистощимъ въ изобрѣтеніи маленькихъ лѣтнихъ удовольствій: то устраивалъ ночное катанье на лодкахъ по Узловкѣ, то маленький пикникъ куда-нибудь въ окрестности, то иллюминировалъ старый приваловскій садъ, то садился за рояль и начиналъ играть вальсы Штрауса, подъ которые кружилась молодежь въ высокихъ залахъ приваловскаго дома. Викторъ Васильевичъ былъ правой рукой Половодова и слушался, какъ собака, каждое его движеніе. Особенно смѣшилъ всѣхъ дядюшка, который боялся лошадей и воды и такъ забавно танцевалъ вальсъ въ два па, какъ его танцуютъ только старики.

Это шумное веселье было неожиданно прервано появленіемъ

ніемъ новаго лица. Однажды, когда Приваловъ занимался съ Ляховскимъ въ его кабинетѣ, старикъ, быстро сдвинувъ очки на лобъ, проговорилъ:

— Вы видѣли Лоскутова? Максима Лоскутова?

— Нѣтъ...

— Ну, такъ вы, батенька, ничего не видали: это unicus въ своемъ родѣ... Да, да. Нашъ докторъ отыскалъ его... Замѣчательная голова: философъ, ученый, поэтъ—все что хотите: чортъ его знаетъ, чего онъ только не училъ и чего не знаетъ! Въ высшей степени талантливая натура. Я очень благодаренъ доктору за этотъ подарокъ.

Приваловъ разсмѣялся.

— Чего вы смѣтаетесь? Конечно, подарокъ, а то какъ-же? Мы, сидя въ Узлѣ, совсѣмъ заплѣсневѣли, а тутъ вдругъ является совершенно свѣжій человѣкъ, съ громадною эрудиціей, съ оригинальнымъ складомъ ума, съ замѣчательнымъ даромъ слова... Вы только послушайте, какъ Лоскутовъ говорить...

Ляховскій сдѣлалъ кислое лицо и какъ-то по-жидовски разставилъ руки.

— Для насъ этотъ Лоскутовъ просто находка, продолжалъ развивать свою мысль Ляховскій.—Наши барышни, если разобрать хорошенько, въ сущности и людей никакихъ не видали, а тутъ смотри, учись и стыдись за свою глупость. Хе-хе... Посмотрѣли-бы вы, какъ онѣ притихнуть, когда Лоскутовъ бываетъ здѣсь: тише воды, ниже травы. И понятно: какія-нибудь провинціальныя курочки, этакіе цыплятки и вдругъ настоящій орелъ... Да вы только посмотрите на него: настоящая Азія, фаталистъ и немного мистикъ.

— Вы такъ много насаждали про Лоскутова, Игнатій Львовичъ, что я даже немного начинаю бояться его, пошутилъ Приваловъ.

— Я самъ его боюсь... Да!..

Старикъ поднялся со своего кресла, на ципочкахъ подбѣжалъ притворить двери кабинета, еще разъ оглядѣлся кругомъ и, наклонившись къ самому уху Привалова, шопотомъ говорилъ:

— Лоскутовъ былъ въ чемъ-то замѣшанъ... Понимаете: замѣшанъ въ одной старой, но довольно громкой исторіи!.. Да... Былъ въ административной ссылкѣ, потомъ объѣхалъ

всю Россію, и теперь гостить у насъ. Онъ открылъ свой приискъ на Уралѣ и работаетъ довольно счастливо... О, если бы такой человѣкъ только захотѣлъ разбогатѣть, ему это рѣшительно ничего не стоитъ...

— А самъ-то по себѣ кто такой, этотъ Лоскутовъ?

— Да Богъ его знаетъ... Кажется полутатарскаго происхожденія, какъ рассказывалъ докторъ. Позвольте, дайте припомнить: былъ татарскій князекъ, Лоскутъ, который бродилъ съ разбойничьей шайкой между Дономъ и Волгой,—вотъ этотъ Лоскутовъ потомокъ разбойника Лоскута. Онъ, кажется, служилъ въ военной службѣ раньше... Я иногда, право, боюсь за моихъ дѣвочекъ: молодо-зелено, какъ-разъ и головка закружится, только докторъ все успокоиваетъ... Докторъ при самой страшной опасности та, которая подкрадывается къ вамъ темной ночью, тишкомъ, а тутъ все и всѣ налицо. Дѣвочкамъ, во всякомъ случаѣ, хорошій урокъ... Какъ вы думаете?..

Не дождавшись отвѣта Привалова, Ляховскій вдругъ громко захохоталъ и даже, схватившись за животъ руками, забѣгалъ, какъ сумасшедшій, по кабинету. Приваловъ такъ привыкъ къ выходкамъ этого страннаго человѣка, что даже не обидѣлся на такой странный оборотъ разговора. Задыхаясь отъ смѣха, Ляховскій нѣсколько разъ раскрывалъ ротъ, чтобы что-то сказать и объяснить Привалову, но только махалъ безнадежно руками и опять начиналъ хохотать. На его лбу очки такъ и прыгали, на вискахъ вспухли толстыя синія жилы, и изъ глазъ катились слезы; только приступъ удушливаго кашля остановилъ этотъ гомерическій смѣхъ, и Ляховскій мало-помалу успокоился.

— Сергѣй Александрычъ, извините меня... Ха-ха... заливался старикъ, вытирая глаза платкомъ.—Вы только представьте себѣ картину... О-ха-ха!.. Охъ, задохся!.. Вы представьте себѣ... Половодовъ... ха-ха-ха!.. Вѣдь вы знаете, что за человѣкъ Половодовъ: дѣлецъ въ нынѣшнемъ вкусѣ и бонвиванъ раг ехелленсе, и вдругъ онъ встрѣчается съ Лоскутовымъ... Ха-ха-ха!.. Ничего подобнаго въ жизни своей не встрѣчалъ... Все равно, что свести волка съ собакой, такъ и Лоскутова съ Половодовымъ.. Александръ Павлычъ, бѣдняжка, совсѣмъ утратилъ всѣ свои достоинства и снизошелъ до послѣдней степени униженія: началъ сердиться на Лоскутова,

за то видите-ли, что тотъ въ тысячу разъ умнѣе его... А у дѣвочекъ такъ глазки и разгорѣлись: вѣдь, поняли, въ чемъ дѣло, безъ словъ поняли. Это, батенька, цѣлая школа: одинъ такой урокъ на цѣлую жизнь хватить... Да! И представьте себѣ: этотъ самый Александръ Павлычъ, милый и обязательный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, глубоко убѣжденъ, что Лоскутовъ жалкій авантюристъ, какъ сказочная ворона, щеголяющій въ павлиньихъ перьяхъ...

— А Лоскутовъ давно живетъ на Уралѣ?

— Да какъ вамъ сказать: годъ... можетъ быть, полтора и никакъ не больше. Да пойдете, я васъ сейчасъ познакомлю съ Лоскутовымъ, предлагалъ Ляховскій:—онъ сейчасъ сидитъ у Зоси...*

Приваловъ испытывалъ нѣкоторое волненіе, когда они входили въ гостинную Зоси; оттуда доносились громкіе голоса. Ляховскій бѣжалъ трусцой и нѣсколько разъ взбилъ свой кокъ на головѣ. Когда они вошли въ гостинную, Приваловъ въ первую минуту не замѣтилъ, кого искалъ глазами. На синемъ атласномъ диванѣ съ тяжелыми шелковыми кистями сидѣла Зося; рядомъ съ ней, на такомъ-же атласномъ стулѣ, со стеганой квадратами спинкой, помѣщалась Надежда Васильевна; докторъ ходилъ по комнатѣ, съ сигарой въ зубахъ, заложивъ свои большія руки за спину. На столѣ передъ диваномъ въ беспорядкѣ стояли чашки съ простывшимъ недопитымъ кофе и лежала раскрытая книга.

— Максимъ Лоскутовъ... проговорилъ Ляховскій съ особенной крикливой ноткой въ голосѣ.

Изъ низкаго голубого кресла поднялся средняго роста господинъ и протянулъ Привалову руку. Это и былъ Максимъ Лоскутовъ. На видъ ему можно было дать лѣтъ тридцать-пять; узкое блѣдное лицо съ небольшой тощей бородкой было слегка тронуто оспой, густыя сросшіяся брови и немного вздернутый носъ дѣлали его положительно некрасивымъ. Только большой бѣлый лобъ, прикрытый спутанными мягкими темными волосами, да усталый, точно надломленный взглядъ большихъ глазъ съ приподнятыми внѣшними углами придавали этому лицу характерный отпечатокъ. Такія лица не забываются. Небольшая, но плотная фигура Лоскутова, съ медленными усталыми движеніями, обличала большую силу и живучесть; короткая кисть мускулистой руки отвѣчала Привалову крѣп-

кимъ пожатіемъ, а свѣтло-каріе глаза, того особеннаго цвѣта, какой бываетъ только у южанъ, остановились на немъ долгимъ, внимательнымъ взглядомъ. Темная визитка Лоскутова, покрытая кое-гдѣ пылью и пухомъ, и смятая сорочка свидѣтельствовали о вкусахъ своего хозяина, который, очевидно, и перемѣнилъ костюма съ дороги.

— Ну, я не буду вамъ мѣшать, торопливо заговорилъ Ляховскій.— У меня бездна дѣлъ...

Въ гостиной воцарилось на минуту принужденное, тазеломолчаніе. Приваловъ чувствовалъ себя лишнимъ въ этомъ интимномъ кружкѣ и напряженно молчалъ.

— Хотите кофе? предлагала Ляховская.

Приваловъ отказался.

— Мы сейчасъ только разбирали здѣсь теорію Шопенгауэра о взаимномъ отношеніи половъ, объяснила Ляховская вопросительно взглядывая на доктора.

— Я просилъ-бы васъ продолжать вашъ прежній разговоръ, замѣтилъ Приваловъ.— Если только я не мѣшаю...

— Нѣтъ, зачѣмъ-же мѣшать, отвѣтилъ Лоскутовъ просто и свободно, повертывая въ рукахъ суконную черную фуражку.

Онъ въ короткихъ словахъ резюмировалъ Привалову ходъ предшествовавшихъ разсужденій и сейчасъ-же перешелъ къ тому, на чемъ они остановились. Лоскутовъ говорилъ съ мягкими интонаціями въ голосѣ, съ гортаннымъ южнымъ акцентомъ и мягкимъ произношеніемъ буквы *r*. Теорія Шопенгауэра была знакома Привалову изъ пятого въ десятое, и онъ съ особеннымъ вниманіемъ вслушивался въ разговоръ. Но его интересовалъ больше самъ Лоскутовъ, чѣмъ излагаемая теорія Шопенгауэра; Приваловъ напрасно старался освободиться отъ предвзятаго мнѣнія относительно оратора. Слова Ляховскаго не выходили у него изъ головы, двоя впечатлѣніе. Приваловъ пожалѣлъ, что не можетъ теперь отнестись къ Лоскутову совершенно безпристрастно, какъ къ всякому другому незнакому человѣку. Только чѣмъ дальше говорилъ Лоскутовъ, тѣмъ съ большимъ удивленіемъ Приваловъ замѣчалъ, что и самъ онъ много разъ думалъ о томъ-же, только эти мысли носили слишкомъ неопредѣленный характеръ, а теперь онѣ являлись въ цѣльной грандіозной системѣ.

— Мнѣ остается только повторить одну избитую мысль, что всѣ великія открытія, во всѣхъ областяхъ человѣческой

дѣятельности, отличаются замѣчательной простотой, говорил Лоскутовъ, точно отвѣчая на мысль Привалова.—Каждому изъ насъ, вѣроятно, приходили въ голову мысли, какія развиваетъ Шопенгауэръ, и большинство фактовъ, которые онъ приводитъ въ подтвержденіе своей теоріи, носятъ слишкомъ ежедневный обыденный характеръ. Заслуги Шопенгауэра, какъ и всѣхъ другихъ оригинальныхъ мыслителей — въ углѣ зрѣнія, подъ которымъ онъ разсматриваетъ эти факты, въ томъ освѣщеніи, которое онъ бросаетъ на нихъ и, наконецъ, въ замѣчательной послѣдовательности мысли и желѣзной безопадности логики, при помощи которой онъ создаетъ свою философскую систему. Насъ даже пугаетъ та ясность, съ какою освѣщаетъ Шопенгауэръ дѣйствительность, и въ глубинѣ души у каждого человѣка таится живое желаніе сохранить хоть частичку той мишуры и самообмана, какими мы привыкли прикрывать дѣйствительныя явленія дѣйствительной жизни.

— Мнѣ кажется, что Шопенгауэръ слишкомъ увлекается своими логическими построеніями и во многихъ мѣстахъ доводитъ свою мысль до абсурда, возразилъ докторъ, продолжая ходить по комнатѣ:—Я приведу аналогичный примѣръ. Возьмите человѣческое тѣло съ анатомической точки зрѣнія, и тогда это тѣло явится предъ вашими глазами изумительно организованной машиной, подавляющей умъ грандіозностью архитектурнаго плана и непостижимой тонкостью отдѣлки микроскопическихъ частей и ихъ комбинацій. Для ученаго это дѣло является предметомъ научнаго изслѣдованія, и онъ не думаетъ о той божественной красотѣ, которая поражаетъ въ немъ художника и поэта. Такъ и Шопенгауэръ: онъ разсматриваетъ явленія нравственнаго міра съ ученой точки зрѣнія и подкладываетъ подъ каждое проявленіе психической дѣятельности его матеріальную подкладку. Повторяю: съ научной точки зрѣнія, въ его теоріи много слишкомъ рѣзкой правды, но онъ доводитъ свою мысль до абсурда, когда начинаетъ утверждать, что кромѣ зоологической правды, въ данномъ случаѣ, ничего нѣтъ...

— Докторъ—эстетикъ, объясняла Зоя Привалову съ задумчивой улыбкой:—и неможко поэтъ... Ему не по силамъ разстаться съ своимъ художественнымъ багажемъ.

— Вѣдь Шопенгауэръ пропагандистъ силы, отвѣчалъ докторъ:—а каждую силу мы можемъ признать только по ея

вышнимъ проявленіямъ. Поэзія — великая сила, какъ въ этомъ мы можемъ убѣдиться на каждомъ шагѣ, и поэтому мы можемъ говорить о ней съ такою-же увѣренностью, какъ и о многообразныхъ проявленіяхъ зоологической правды.

— Вы, докторъ, стрѣлите въ пространство, вмѣшалась опять Зося:— Лоскутовъ тоже поэтъ и немного мистикъ...

— Совершенно вѣрно, согласился Лоскутовъ, разсматривая свои руки.

Приваловъ еще въ первый разъ слышалъ терминъ: «зоологическая правда»—и онъ заставилъ его задуматься. Это слово слишкомъ смѣло коснулось того, что онъ чувствовалъ теперь и о чемъ иногда боялся думать даже наединѣ съ самимъ собой. Неужели вся жизнь сводится только на эту зоологическую правду, и лучшія проявленія человеческой души служатъ только въ интересахъ и грубыхъ цѣляхъ природы? Что-же тогда останется отъ того, что мучить людей, заставляетъ ихъ страдать, истекать кровью?.. Что его привело, на примѣръ, въ эту комнату часъ назадъ? Что заставляло ходить по вечерамъ въ старое бахаревское гнѣздо? Что явилось въ его планахъ послѣднимъ рѣшающимъ словомъ и сдѣлало смѣшными и жалкими сомнѣніями все то, надъ чѣмъ онъ раньше такъ мучился?.. Неужели и онъ, тотъ онъ, который вотъ сидитъ теперь въ этомъ мягкомъ креслѣ и испытываютъ такую напряженную полную всѣхъ чувствъ, является въ материнскихъ рукахъ природы лишь жалкой и слѣпой игрушкой, имѣющей значеніе настолько, насколько это отвѣчаетъ интересамъ продолженія вида?

«Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ»... застонало что-то въ глубинѣ души Привалова, точно тамъ билась смертельно раненая птица.

Съ другой стороны, для Привалова сдѣлалось яснымъ все то, чего онъ раньше не понималъ въ Надеждѣ Васильевнѣ, а также и то, что рядомъ съ Лоскутовымъ, этимъ исключительнымъ человекомъ, онъ, Приваловъ, со всѣми своими планами и широкими замыслами, самый заурядный простецъ. Послѣдняя мысль точно придавила Привалова, и онъ жалко съежился въ своемъ креслѣ.

XX.

Пока въ гостиной Зоси происходилъ вышеприведенный философскій диспутъ, въ кабинетѣ Ляховскаго, повидимому ве-

село и дружелюбно, бесѣдовали съ хозяиномъ Половодовъ и «дядюшка». Особеннымъ оживленіемъ отличался сегодня Половодовъ. Онъ фамильярно трепалъ дядюшку по плечу и старался разогнать въ Ляховскомъ тѣ минуты сомнѣнія, которыя оставляли на его лбу глубокія морщины и заставляли брови плотно сдвигаться. Ляховскій, очевидно, не рѣшался на что-то, чего домогался Половодовъ; дядюшка держался въ сторонѣ и только напряженно улыбался, сохраняя свой розово-херувимскій видъ.

— Да ужъ вы, Игнатій Львовичъ, не безпокойтесь, объяснялъ Половодовъ, широко разставляя свои длинные ноги, точно послѣднее было самымъ неопровержимымъ аргументомъ.

— Я и не безпокоюсь... Нѣтъ, не безпокоюсь, отвѣчалъ Ляховскій, ерзая въ своемъ ободранномъ креслѣ.

— Оскаръ Филипычъ знаетъ *все*... проговорилъ, наконецъ, Половодовъ, любившій однимъ ударомъ разрѣшать всѣ недоумѣнія.

— Какъ все? Что такое все? какъ-то жалко залепеталъ Ляховскій, испытующе переводя глаза съ Половодова на дядюшку. — Кажется, между нами нѣтъ никакихъ особенныхъ секретовъ...

Половодовъ неестественно захохоталъ, запрокинувъ голову назадъ, а потомъ самымъ беззаботнымъ голосомъ проговорилъ:

— Не безпокойтесь и не сомнѣвайтесь, дорогой Игнатій Львовичъ. Вы можете быть совершенно откровенны съ Оскаромъ Филипычемъ: я объяснилъ ему все относительно приваловской опеки...

Эти слова для Ляховскаго были ударомъ грома, и онъ только бессильно съежился въ своемъ креслѣ, какъ проколотый пузырь. Дядюшка принялъ серьезный видъ и вытянулъ губы.

— Прежде чѣмъ объяснять *все* всякому постороннему чело-вѣку, вамъ не мѣшало-бы посовѣтоваться со мной, Александръ Павлычъ, глухо заговорилъ Ляховскій, подбирая слова. — Можетъ быть, я не желаю ничего посторонняго вмѣшательства... Можетъ быть, я не соглашусь посвящать никого въ мои дѣла! Можетъ быть... наконецъ...

— Э, батенька, перестаньте ломать комедію! съ сердцемъ перебилъ его Половодовъ, дѣлая злые глаза. — Вы меня знаете, и я васъ хорошо знаю... Что-же еще представляться!

— Вы слишкомъ много себѣ позволяете, Александръ Павлычъ... я... я...

— Послушайте, Игнатій Львовичъ, настойчиво продолжалъ Половодовъ. — Если я довѣрился Оскару Филиппичу, слѣдовательно, вы можете ему довѣрять, какъ мнѣ самому...

«Дуракъ, дуракъ и дуракъ!» съ бѣшенствомъ думалъ Ляховскій, совсѣмъ не слушая Половодова. — «Первому попавшемуся на глаза нѣмчуркѣ все разболталъ... Это безуміе!! Охъ, не вѣрю я вамъ, никому не вѣрю, ни одному вашей слову... Продадите, обманете, подведете...»

— Я ничего не знаю и умѣю молчать... заявилъ съ своей стороны дядюшка, прерывая общее тяжелое молчаніе.

— Мнѣ до васъ рѣшительно никакого нѣтъ дѣла!.. рѣзко отозвался Ляховскій, вскакивая съ кресла. — Будете вы говорить или молчать—это меня нисколько не касается! Понимаете: нисколько!..

— Однако, такъ нельзя вести дѣло, Игнатій Львовичъ, уговаривалъ Половодовъ:—Я васъ предупреждалъ, и вы сами согласились...

— Вы лжете!.. Я ни на что не соглашался и не могъ согласиться.

Половодовъ только засвисталъ, а Ляховскій бросился къ креслу и враждебнымъ взглядомъ смѣрилъ дядюшку съ ногъ до головы. Беззвучно пожевавъ губами и поправивъ кокъ на головѣ, Ляховскій быстро обратился къ дядюшкѣ:

— Ну, а вы, что-же молчите? Какую такую пользу вы можете принести нашему дѣлу? На что вы надѣтесь?

— О, отлично надѣюсь...

— «Отлично надѣюсь!» передразнилъ Ляховскій.—Вы говорить-то сначала выучитесь по-русски... Не сегодня-завтра Веревкинъ отправится хлопотать по опежѣ, ну, на что-же вы надѣтесь, позвольте полюбопытствовать?

— Конечно, не на себя, Игнатій Львовичъ, дѣловымъ топомъ отвѣчала нѣмецъ. — Я — маленькій человекъ, и вы, и Александръ Павлычъ—всѣ мы маленькіе люди... А гдѣ маленькія мухи запутываются въ паутинѣ, большія прорываютъ ее.

Ляховскій пожевалъ губами, потеръ лобъ рукой и проговорилъ:

— А вы знаете, что большія мухи любятъ брать большіе куски?

— Изъ двухъ золъ нужно выбирать меньшее: или лишиться всего, или пожертвовать одной частицей...

— Что-же вы думаете дѣлать?

— Для васъ прежде всего важно выиграть время, невозмутимо объяснялъ дядюшка: — пока Веревкинъ и Приваловъ будутъ хлопотать объ уничтоженіи опеки, мы устроимъ самую простую вещь: затынемъ дѣло. Видите-ли, есть въ Петербургѣ одна дама... Она не куртизанка, какъ принято понимать это слово, но только имѣетъ близкія сношенія съ тѣми сферами, гдѣ...

— Короче: у ней бываютъ большіе люди? перебилъ Ляховскій, нетерпѣливо ежа свои острые плечи...

— Именно.. Если она возьмется за это дѣло, тогда можно все устроить, рѣшительно все!..

— Но, вѣдь, ей нужно платить, этой вашей дамѣ... застоналъ Ляховскій, хватаясь за голову: — понимаете: пла... тить!!..

— Она беретъ, извѣстный процентъ съ предпріятія, смотря по обстоятельствамъ: пять, десять... Вообще неодинаково!.. Придется, конечно, сдѣлать небольшой авансикъ, пустяки—какихъ-нибудь пятнадцать-двадцать тысячъ единовременно.

— О-о!.. завопилъ Ляховскій, точно у него вырывали зубъ. — Нѣтъ, благодарю васъ... У меня и денегъ такихъ нѣтъ! Довольно, довольно...

— Игнатій Львовичъ, что-же вы въ самомъ дѣлѣ? вступился Половодовъ. — Дайте хоть рассказать хорошенько, а тамъ и неистовствуйте, сколько душѣ угодно!

— Я согласенъ, что двадцать тысячъ довольно круглая цифра, невозмутимо продолжалъ дядюшка, потирая руки. — Но за то, въ какой безобидной формѣ все дѣлается... У ней, собственно, нѣтъ официальныхъ приемовъ, а чтобы получить аудіенцію, необходимо прежде похлопотать черезъ другихъ дамъ...

— Которымъ тоже нужно платить!! вскричалъ Ляховскій, скрипя зубами.

— Да, тысячи три-четыре...

— Да за что-же? За что?

•Дѣл. № 4, 1883 г. I.

— Какъ за что? удивился дядюшка. — Да вѣдь это не кія-нибудь шлюхи, а самыя аристократическія фамиліи. Домъ въ лучшей улицѣ, карета съ гербами, въ дверяхъ трехъ-аршинный гайдукъ, мраморныя лѣстницы, бронза, цвѣты. Согласитесь, что такая обстановка чего-нибудь да стоитъ?..

— Стоить, стоить... Ужасно много стоить! стоналъ Ляховскій.

Ляховскій дотога неистовствовалъ на этотъ разъ, что съ нимъ пришлось отваживаться. Дядюшка держалъ себя въ столько невозмутимо, что даже превзошелъ самого Альфонса Богданыча. Онъ ни разу не повысилъ тона и даже не замолчалъ, какъ это дѣлалъ въ критическіе моменты Альфонсъ Богданычъ.

— Да скажите-же ради Бога: вы изъ папье-маше, что-ли, сдѣланы? кричалъ Ляховскій, тыкая дядюшку пальцемъ.

Послѣ страшной борьбы, Ляховскій, наконецъ, согласился съ теоріей дядюшки «затянуть дѣло», но все приставалъ съ вопросомъ:

— А какъ я могу васъ провѣрить, Оскаръ Филиппичъ? Ну, скажите: какъ?

— Я вамъ представлю росписки отъ самой, невозмутимо отвѣчалъ дядюшка.

— Вы сами напишете?!..

Выйдя отъ Ляховскаго, дядюшка тяжело вздохнулъ и отеръ лобъ платкомъ: Половодовъ тоже представлялъ изъ себя самый жалкій видъ и смотрѣлъ кругомъ помутившимися глазами.

— Это самъ дьяволъ, а не человѣкъ, проговорилъ, наконецъ, дядюшка, когда они вышли изъ подъѣзда.

— Хуже дьявола... согласился Половодовъ, шаркая ногами. — А все-таки на нашей улицѣ будетъ праздникъ...

— Но чего это стоитъ!.. вздохнулъ дядюшка; онъ былъ блѣденъ и жалко мигалъ глазами.

Основной планъ дѣйствія Половодовъ и дядюшка, конечно, не открыли Ляховскому, а воспользовались имъ только для перваго шага, т. е. чтобы затянуть дѣло по опеку.

XXI.

Вечернія посѣщенія бахаревскаго дома Привалову уже не доставляли прежняго удовольствія. Та-же Павла Ивановна

съ своимъ вѣчнымъ вязаньемъ, та-же Досифей, та-же Марья Степановна съ своими воспоминаніями, когда люди жили «по-истовому». Это однообразіе нарушалось только появленіемъ Вѣрочки, которая совсѣмъ привыкла къ Привалову и даже вступала съ нимъ въ разговоръ, причемъ сильно краснѣла каждый разъ и не знала куда дѣвать руки. Привалову нравилось разговаривать съ этой свѣжей, нетронутой дѣвушкой, которая точно заражала своей молодостью даже степенные покои Марьи Степановны.

— У насъ скучно... говорила Вѣрочка, несмѣло взглядывая на Привалова.

— Почему скучно?

— Да такъ... Никого не бываетъ почти.

— А знакомые?

— Да кто у насъ знакомые: у папы бывають золотопромышленники только по дѣламъ, а мама знаетса только со старухами да старцами. Два-три дома естъ, куда мы ѣздимъ съ мамой иногда; но тамъ еще скучнѣе, чѣмъ у насъ. Я замѣчала, что вообще богатые люди живутъ скучнѣе бѣдныхъ. Право, скучнѣе ..

— А вѣдь это вѣрно, засмѣялся Приваловъ. — А если-бы вамъ предложили устроить все по-своему, вы какъ-бы сдѣлали?

Вѣрочка не ожидала такого вопроса и недовѣрчиво посмотрѣла на Привалова; но его добродушный видъ успокоилъ ее, и она наивно проговорила:

— Я-бы устроила такъ, чтобы всѣмъ было весело... Да!.. Мама считаетъ всякое веселье грѣхомъ, но это неправда. Если человѣкъ работаетъ день, отчего-же ему не повеселиться вечеромъ? Напримѣръ, театръ, концерты, катанье на тройкахъ... Я люблю шибко ѣздить, такъ, чтобы духъ захватывало!

— Вы развѣ не бываете въ театрѣ?

— Очень рѣдко... Вѣдь мама никогда не ѣздитъ туда, и намъ приходится всегда тащить съ собой папу. Знакомыхъ мало, всѣ смотрять, шепчутся, а потомъ пріѣдешь домой — мама дня три дуется и все вздыхаетъ. Зимой у насъ бываетъ балъ... Только это совсѣмъ не то, что у Ляховскихъ. Я въ прошломъ году въ первый разъ была у нихъ на балу: весело, прелесть! А у насъ больше купцы бывають и только пьютъ...

Мало-по-малу Приваловъ вошелъ въ тотъ міръ, въ какомъ

жила Вѣрочка, и онъ часто думалъ о ней: «какая она славная»... Надежда Васильевна рѣдко показывалась въ послѣднее время, и если выходила, то смотрѣла усталою и скучающею. Прѣжнихъ разговоровъ не поднималось, и Приваловъ ушелъ съ собой изъ бахаревскаго дома тяжелое, непріятное рѣденье.

Разъ, когда Приваловъ тихо разговаривалъ съ Вѣрочкой въ синей гостиной, издали послышались тяжелые шаги Василия Назарыча. Дѣвушка смутилась и вся вспыхнула, не зная что ей дѣлать. Приваловъ тоже почувствовалъ себя не особенно пріятно, но всѣхъ выручила Марья Степановна, которая какъ разъ вошла въ гостиную съ другой стороны и встрѣтила входившаго Василия Назарыча. Старикъ, замѣтивъ Привалова, какъ-то немного растерялся, а потомъ съ улыбкой проговорилъ:

— Ну, ты что-же ко мнѣ-то не заходишь?

— Да въ все были заняты, Василій Назарычъ...

— Занятъ-то, занятъ—это вѣрно, а ты заходи.

Старикъ остался въ гостиной и долго разговаривалъ съ Приваловымъ о дѣлахъ по опекамъ и его визитахъ къ опекунамъ. По лицу старика Приваловъ замѣтилъ, что онъ неловко чѣмъ-то, но сдерживаетъ себя и не высказывается. Вообще, весь разговоръ носилъ сдержанный, натянутый характеръ, хотя Василій Назарычъ и старался казаться веселымъ и пріятнымъ попрежнему.

— А гдѣ Надя? спросилъ старикъ Марью Степановну.

— Да ей нездоровится что-то... подобралъ губы, отвѣтила Марья Степановна. — Все это отъ вашихъ книжекъ: читать, читать, ну, и попричитается что ни-на-есть.

Бахаревъ разсмѣялся и, взглянувъ на Вѣрочку, проговорилъ:

— Ну, а ты, коза, въ книжку не читаешь?..

— Оставь ты ее, ради-Христа, вступилась Марья Степановна за свою любимицу, которая до ушей вспыхнула самымъ яркимъ румянцемъ.

Послѣ этой сцены Приваловъ заходилъ въ кабинетъ Василию Назарычу, гдѣ опять все время разговоръ шелъ по опекамъ. Но, несмотря на взаимныя усилія обоихъ разговаривавшихъ, они не могли попасть въ прѣжній хорошій и добродушный тонъ, какъ это было до размолвки. Когда Приваловъ

разсказалъ все, что самъ узналъ изъ бумагъ, взятыхъ у Ляховскаго, старикъ недовѣрчиво покачалъ головой и задумчиво проговорилъ:

— Все это не то... нѣтъ, не то! Ты бы вотъ на заводы-то самъ съѣздилъ поскорѣе, а повѣреннаго въ Моховъ послалъ, пусть въ дворянской опекаѣ наведетъ справки... Все же лучше будетъ...

— Ну, а что твоя мельница? съ натянутой улыбкой спрашивалъ Василій Назарычъ на прощаньи.

— Пока еще на планѣ только существуетъ. Вотъ по первопутку поѣду мѣсто искать...

— Такъ... протянулъ Василій Назарычъ, что-то стараясь припомнить.— Ужь если ты дѣйствительно мельницу хочешь, такъ тебѣ одному за незнакомое дѣло приниматься неловко: ошибешься. Надо подыскать какого-нибудь хорошаго человѣка... Понимаешь?... У меня много было знакомыхъ изъ мучниковъ... Ахъ, да, вотъ и вспомнилъ: Илья Гаврилычъ Нагибинъ. Отличный старикъ... Вотъ прямо и ступай къ нему, такъ и скажи ему, что я тебя послалъ.

— Очень вамъ благодаренъ, Василій Назарычъ...

— Ну, поблагодаришь послѣ, когда муку свою будешь молоть. Ты спроси его, Илью-то Гаврилыча, у кого-нибудь изъ мучниковъ: всякій его знаетъ.

У Ляховскаго тоже было довольно скучно. Зося хмурилась и капризничала. Лоскутовъ жилъ въ Узлѣ вторую недѣлю и часто бывалъ у Ляховскихъ. О прежнихъ увеселеніяхъ и забавахъ не могло быть и рѣчи; Половодовъ показывался въ гостиной Зоси очень рѣдко и сейчасъ-же уходилъ, когда появлялся Лоскутовъ. Онъ не переваривалъ этого философа и дѣлалъ равнодушное лицо.

— Отчего вы не любите Максима? допытывалась Зося, но Половодовъ только поднималъ плечи и издавалъ неопредѣленное мычаніе.

Скоро Приваловъ замѣтилъ, что Зося относится къ Надеждѣ Васильевнѣ съ плохо скрытой злобой. Она постоянно придиралась къ ней въ присутствіи Лоскутова, и ея темные глаза метали искры. Докторъ, съ тактомъ истинно свѣтскаго человѣка, предупреждалъ всякую возможность вспышки между своими ученицами и смотрѣлъ какъ-то особенно задумчиво,

когда Лоскутовъ начиналъ говорить. «Тутъ что-нибудь кроется думаль—Приваловъ.

Сейчасъ за домою Привалова тянулся громадный старинный садъ, походившій на настоящій англійскій паркъ. Онъ занималъ цѣлый кварталъ, и по его широкимъ аллеямъ изъ березъ, пихтъ и тополей Зося часто гарцевала на своемъ скакунѣ. Приваловъ полюбилъ этотъ старый, заброшенный садъ и уходилъ сюда подышать свѣжимъ воздухомъ. Особенно онъ любилъ укромное мѣстечко на берегу круглаго пруда, затанцованнаго зеленой плѣсенью. Здѣсь росла группа вѣковыхъ деревьевъ, бывшихъ, вѣроятно, еще остаткомъ того лѣса, который когда-то росъ на мѣстѣ теперешняго сада.

Забравшись въ зеленую, запущенную глушь, куда-нибудь въ полуразвалившуюся бесѣдку, Приваловъ проводилъ здѣсь тихіе часы въ созерцательномъ настроеніи, которое онъ особенно любилъ и котораго здѣсь ничто не нарушало. Дышать этимъ воздухомъ, напоеннымъ острымъ, смолистымъ запахомъ пихты безъ конца смотрѣть на море темной зелени, слушать птичій беззаботный гамъ—все это было такъ необходимо для него въ виду стараго приваловскаго дома, который каждый разъ нагонялъ на него тяжелую тоску... Сюда-же приходилъ Приваловъ свою наболѣвшую думу о Надѣ, той Надѣ, о которой онъ какъ-то боялся даже думать. Онъ любилъ ее тихой созерцательной любовью, которая всецѣло наполняла все его существо, привязывая каждое движеніе, каждую мысль къ завѣтной муми имени. На самомъ днѣ души Привалова, какъ свѣтлякъ въ густой зеленой травѣ, тихо тлѣло и свѣтилось счастливое молодое чувство, которымъ въ состояніи были согрѣться даже пустыя стѣны полуразвалившагося дома и историческій хламъ, который скопился въ немъ. Приваловъ чувствовалъ, что въ его жизни пробивается теплой струйкой новая сила, и имя этой силѣ: Надя!.. Можетъ быть, вотъ этотъ самый старый домъ съ ненавистными для Привалова воспоминаніями сдѣлается къ нему любовью его счастья, тѣмъ болѣе, что Приваловъ чувствовалъ, что именно здѣсь, въ этомъ домѣ, для него все должно выстроиться и разрѣшиться. Въ разгоряченномъ мозгу уже вставала одна за другой, самыя заманчивыя картины: весь домъ перестроенъ заново, для себя оставилъ онъ только небольшой уголокъ, а все остальное помѣщеніе занято хлѣбными складами, конторой, школой, мастерскими. Какая жизнь закипитъ здѣсь

смѣнная теперешнюю пустоту и мерзость заустѣнія!.. «А если она не захочетъ принимать участіе въ осуществленіи этого счастья?» вставала въ головѣ Привалова мысль, и онъ переживалъ всѣ тѣ муки, какія создавало его разстроенное воображеніе.

Перебирая свои воспоминанія, Приваловъ напрасно искалъ въ нихъ хотя проблеска чувства къ нему Нади... Правда, она относилась къ нему съ большимъ участіемъ, любила говорить о его планахъ, но и только. Дальше этого дѣло не подвигалось. Но думать о Надѣ, какъ думаютъ вообще о любимыхъ дѣвушкахъ, Привалову казалось просто пошлостью... Развѣ она походитъ на тѣхъ женщинъ, какихъ встрѣчалъ Приваловъ, за исключеніемъ можетъ быть одной миссъ Строттеръ? Холодная, слишкомъ эффектная красота Зоси только лучше вытѣняла въ глазахъ Привалова образъ Нади, этой единственной дѣвушки, безъ сомнѣнія. Даже самое слово «любовь» какъ-то совсѣмъ не подходило къ тому, что переживалъ Приваловъ. Вѣдь всякая любовь выстроена на самомъ грубомъ эгоизмѣ, а любовь мужчины къ женщинѣ пропитана такимъ эгоизмомъ отъ начала до конца въ особенности. Это и была та «зоологическая правда», о какой Приваловъ просто боялся думать. Нѣтъ и нѣтъ, въ Приваловѣ какъ-то все возмущалось противъ такой «зоологической правды»; онъ хотѣлъ видѣть въ Надѣ человекѣ, лучшую часть самого себя, то неизмѣримое, чего ему не доставало и чѣмъ вся его жизнь сдѣлается полной и глубоко счастливой. Зачѣмъ-же такая любовь, зачѣмъ этотъ эгоизмъ жизни, зачѣмъ грязь и холодъ человѣческаго существованія? «Ты моя»,—вотъ та роковая формула, въ которую укладывается любовь мужчины къ женщинѣ, и наоборотъ. Такимъ образомъ, въ другомъ человекѣ каждый любить прежде всего и больше всего только самого себя и приносить въ жертву собственному эгоизму свои лучшія побужденія, лучшія чувства и самыя свѣтлыя минуты существованія.

Однажды, въ серединѣ іюля, въ жаркій лѣтній день Приваловъ долго и безцѣльно бродилъ по саду, пока не усталъ и не забрался въ глубину сада, въ старую обвалившуюся бесѣдку. Онъ долго мечталъ здѣсь, не замѣчая, какъ бѣжало время. Тихій разговоръ вывелъ его изъ задумчивости. Кто-то шелъ по узенькой аллеѣ прямо къ нему. Едва онъ успѣлъ сообразить всю невыгодность своей позиціи, какъ изъ-за

шпалеры темно-зеленыхъ пихтъ показалась стройная фигура Надежды Васильевны; она шла рядомъ съ Лоскутовымъ. Приваловъ хотѣлъ выйти изъ своей засады, но почему-то остался на мѣстѣ и только чувствовалъ, какъ встрепенулось у него въ груди сердце.

— Сядемъ здѣсь, Максимъ... Я устала, слышала голосъ Надежды Васильевны, и затѣмъ она сейчасъ-же прибавила:—Я не желала-бы встрѣтить Привалова.

— Почему? спрашивалъ Лоскутовъ, усаживаясь прямо на траву.—Онъ мнѣ нравится... Очень хорошій человекъ!

Приваловъ очутился въ нѣкоторой засадѣ, изъ которой ему просто неловко было выйти. «Сядемъ»,—рѣзнуло его по уху своимъ слишкомъ дружескимъ тономъ, какимъ говорятъ только съ самими близкими людьми.

— Приваловъ, дѣйствительно, хорошій человекъ, соглашалась дѣвушка:—но намъ съ тобой онъ принесъ не мало зла. Его появленіе въ Узлѣ разрушило всѣ планы. Я цѣлую зиму подготавливала отца къ тому, чтобы объявить ему... ну, что мы...

Надежда Васильевна тихо засмѣялась, и до Привалова долетѣлъ звукъ поцѣлуевъ, которыми она награждала философа. Вся кровь бросилась въ голову Привалова, и онъ чувствовалъ, какъ все закружилось около него...

— Я все-таки не понимаю, чѣмъ тутъ провинился Приваловъ, сказалъ Лоскутовъ.

— А тѣмъ и провинился, что отецъ и мать сходятъ съ ума отъ одной мысли породниться съ Приваловымъ...

— Да вѣдь отецъ, кажется, разошелся съ нимъ?

— Разошелся... Но, вѣдь, ты не знаешь совсѣмъ, что за человекъ мой отецъ. Теперь онъ дѣйствительно очень недоволенъ Приваловымъ, но это еще ничего не значитъ. Приваловъ, все-таки, остается Приваловымъ.

— Именно?

— Именно? повторила Надежда Васильевна вопросъ Лоскутова. — А это вотъ что значитъ: что-бы Приваловъ ни сдѣлалъ, отецъ всегда проститъ ему все, и не только проститъ, но послѣднюю рубашку съ себя сниметъ, чтобы поднять его. Это слѣпая привязанность къ фамилии, какое-то благоговѣніе предъ именемъ... Логика здѣсь бессильна, а человекъ поступаетъ такъ, а не иначе потому, что *такъ нужно*. Дѣти такъ же дѣлаютъ...

— Но вѣдь это не дѣти, Надя...

— Разница въ томъ, что у этихъ дѣтей всѣ средства въ рукахъ для выполненія ихъ *такъ нужно*. Но вѣдь это только со стороны кажется страннымъ, а если стать на точку зрѣнія отца—пожалуй, смѣшного ничего и нѣтъ. Самый звукъ словъ: Гуляевы и Приваловы для нихъ имѣлъ съ дѣтства магическое значеніе. Это своего рода рабство, но рабство очень тонкаго свойства, потому что съ нимъ связано слишкомъ много самыхъ дорогихъ воспоминаній. Этимъ рабствомъ пропитано и связано цѣлое міросозерцаніе. У матери это выражается проще и рельефнѣе: она создала культъ этимъ двумъ фамиліямъ и живетъ въ немъ; отецъ старается стать выше своего воспитанія, выше гуляевскихъ и приваловскихъ идеаловъ, и это иногда удается ему. Но въ отцѣ нѣтъ уже этой цѣльности, поэтому онъ и опаснѣе, какъ человѣкъ, который подъ впечатлѣніемъ минуты можетъ надѣлать что угодно. Онъ, напримеръ, любитъ Привалова, а между тѣмъ при первомъ противорѣчій оттолкнулъ его...

— Самодуръ...

— Хотя и тяжело сознаться въ этомъ, но это такъ... печально проговорила Надежда Васильевна.

— Если отецъ самодуръ, тогда ему ничего не значитъ помириться съ нами. Сначала, конечно, посердится, а потомъ и стихнетъ. Отчего ты не хочешь, чтобы я самъ переговорилъ съ нимъ обо всемъ?

— Ахъ, какой ты глупый человѣкъ... засмѣялась Надежда Васильевна.—Вѣдь я-же тебѣ объясняю, что именно этимъ ты все дѣло испортишь. Все равно, что дразнить медвѣдя раскаленнымъ желѣзомъ, такъ и тебѣ говорить съ отцомъ. Зимой какъ-то онъ былъ въ очень хорошемъ настроеніи и очень ласкалъ меня. Мы долго проговорили съ нимъ о разныхъ разностяхъ, а я между прочимъ и спросила его: «А что, говорю, папа, ты сказалъ бы мнѣ, если-бы я вышла за Лоскутова?» Онъ даже поблѣднѣлъ весь, а потомъ и сказалъ: «Надя, я не для того тебя выростилъ, чтобы выдавать за сумасшедшаго...» Понялъ?

Молодые люди весело засмѣялись.

— Но, вѣдь, эти люди — люди факта, они преклоняются предъ фактомъ, заговорилъ Лоскутовъ.—Разъ явится убѣжде-

ніе, что дѣла не поворотить по-своему, тогда остается только помириться съ фактомъ.

— Все-то у тебя теоріи въ головѣ, Максимъ, съ любовнымъ укоромъ отвѣчала дѣвушка. — Ты на людей смотришь какъ на какія-то математическія выкладки... А ты представи себѣ, что въ самомъ простомъ арифметическомъ дѣйствіи въ какомъ нибудь сложении, каждая цифра не только имѣетъ свою волю, но эта воля еще окрашена тысячью предразсудковъ, предубѣжденій и симпатій. Вѣдь тогда-бы самый гениальнѣйшій математикъ потерялъ голову... Такъ и теперь: смотришь на нихъ съ своей точки зрѣнія и поэтому жестко заблуждаешься.

— Но вѣдь мы все-таки, надѣюсь, имѣемъ дѣло съ разумнымъ существомъ, одареннымъ такимъ-же умомъ, какъ и всѣ другіе люди.

— Все это вѣрно, все это такъ... въ теоріи. Но представь себѣ, что ты совсѣмъ «не ко двору» Бахаревымъ, и ты есть являешься фальшивой нотой въ тысячѣ тѣхъ мелодій, изъ которыхъ сложилась жизнь этого дома. Помирится-бы ты когда-нибудь съ собственнымъ больнымъ зубомъ въ собственной своей челюсти? Нѣтъ? А тутъ требуешь, чтобы люди помирлись съ чужимъ больнымъ зубомъ, какимъ ты явишься для нихъ. На каждой вещи въ домѣ, на каждой привычкѣ, въ каждой мысли есть извѣстный отпечатокъ, свой характеръ, наконецъ, если хочешь, свой запахъ... Вѣдь это цѣлый міръ, маленькій, но все-таки міръ, къ которому люди прирости какою-то каплей крови, и вдругъ этотъ міръ, эта наружная оболочка семьи, должна разрушиться въ одно прекрасное утро. Ты только представь себѣ, что тебѣ пришлось-бы разстаться съ твоимъ завѣтнымъ, дорогимъ для тебя міромъ своихъ собственныхъ симпатій къ извѣстнымъ людямъ, мыслямъ, явленіямъ, наконецъ, просто, симпатій къ неодушевленнымъ предметамъ, — разстаться во имя совершенно посторонней причины, которую, вдобавокъ, ты и не любишь, и считаешь сумасшедшею.

— Я понимаю, что тебѣ жаль отца, Надя... И мнѣ жаль, но я все-таки не понимаю этого страннаго міра, въ которомъ люди хотятъ жить наперекоръ всему на свѣтѣ. Надя милая Надя, прибавилъ Лоскутовъ ласковымъ шепотомъ: — попала между двумя мірами, которые не могутъ никогда и

мириться между собой, а между тѣмъ ты любишь ихъ и разрываешь себя... Это дѣйствительно страшная вещь!

— Ужъ такая видно наша бабья доля, ласкалась дѣвушка.— Но, милый мой, хорошій... Я съ однимъ тобой только счастлива и около тебя только спокойна!

— А какъ хорошо теперь, Надя, на приискѣ... Только и недостаетъ тебя, мое счастье!

— Да? А какъ я скучаю безъ тебя... Вѣдь это глупо, если посмотрѣть со стороны, а между тѣмъ такая тоска, такая тоска... А тутъ еще изъ головы не выходитъ мысль, что я должна однимъ словомъ испортить отцу остатокъ жизни. Вѣдь онъ теперь особенно нуждается въ уходѣ, въ спокойствіи, а тутъ... Нѣсколько разъ я шла къ нему въ кабинетъ, съ мыслью, что скажу ему все. Но какъ онъ начнетъ меня ласкать, обрадуется мнѣ — такъ и пожалѣю его опять и замолчу. Послушай, мы съ тобой порядочно заболтались... Нужно идти. Тутъ еще этотъ Приваловъ. Онъ какой-то странный такой всѣ эти дни, я его просто иногда боюсь... А между тѣмъ въ немъ есть что-то такое, совершенно особенное, чего въ другихъ нѣтъ.

— Тебѣ онъ нравится, Надя?

— Д-да... нравится тѣмъ, что не походитъ на другихъ, а такъ, самъ по себѣ. Есть что-то въ немъ...

Молодые люди ушли, а «этотъ Приваловъ» остался въ своей засадѣ, подъ столѣтней елью.

— Все кончено... все!.. тихо проговорилъ Приваловъ, чувствуя, какъ его охватывала какая-то мертвая пустота.

Въ темной зелени ели, надъ самой головой Привалова, звонко заливалась какая-то птичка; солнце давно уже стояло надъ головой; на пруду широкими полосами вспыхивала легкая рябь.

— Куда теперь? спрашивалъ самого себя Приваловъ, оглядываясь кругомъ; послѣ короткаго раздумья, онъ, пошатываясь какъ пьяный, побрелъ въ сторону приваловскаго гнѣзда, но потомъ остановился въ раздумьѣ, махнулъ рукой и съ глухими рыданіями повалился на зеленую траву.

Д. Сибирякъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Характеристики современныхъ дѣятелей.*)

І. М. Е. САЛТЫКОВЪ.

І.

Русская литература можетъ съ справедливою гордостью оглянуться на свое прошлое. Въ ея рядахъ дѣйствовали люди, которые могли-бы явиться украшеніемъ какого угодно общества. Ея исключительно посвящали все свои силы такіе умы и таланты, которымъ были легко доступны всякія другія дороги и карьеры. Въ ея исторіи записано много славныхъ побѣдъ надъ невѣжествомъ, косностью, мракобѣсіемъ, много завоеваній, плодами которыхъ пользуемся мы, современники, и будутъ пользоваться наши дѣти и внуки. Униженіе хуже гордости. Это униженіе — тѣ лохмотья, въ которые одѣвался древній философъ и въ которыхъ другой философъ усмотрѣлъ только особаго рода тщеславіе. Намъ, людямъ настоящаго времени, неучаствовавшимъ въ славныхъ битвахъ нашего слова, когда оно только пробивало себѣ дорогу и завоевывало себѣ право на существованіе, на признаніе, на уваженіе, намъ, какъ людямъ постороннимъ, можно и должно открыто заявить объ

*) Подъ этой общей рубрикой я желалъ-бы предложить читателямъ «Два» рядъ портретовъ или, выражаясь не столь претенціозно, нѣсколько очерковъ чисто литературнаго (не публицистическаго, не полемическаго и даже не критическаго) содержанія, имѣющихъ цѣлью представить въ общихъ чертахъ умственную и нравственную эволюцію наиболее видныхъ и вліятельныхъ изъ современныхъ литературныхъ дѣятелей нашихъ. Послѣ характеристики Салтыкова имѣютъ послѣдовать характеристики гг. Толстого и Достоевскаго, котораго никто, разумется, не отнесетъ въ настоящее время къ дѣятелямъ отжившимъ, не «современнымъ». Дальше загадывать я не рѣшаюсь, памятуя, что русскій литераторъ предполагаетъ, а обстоятельства располагаютъ.

общественныхъ заслугахъ нашей литературы. Это необходимо не ради отвлеченной справедливости, исторической правды, но ради собственныхъ интересовъ нашихъ.

Мы слишкомъ часто слышимъ кругомъ себя выраженія горькаго недовѣрія къ нашей литературѣ, къ ея вліянію и значенію, въ настоящее время до того часто, что у насъ уже и языкъ не поворачивается на защиту и руки опускаются, и не только наша собственная, положимъ, слабая и неумѣлая работа, но и труды нашихъ предшественниковъ и учителей начинаютъ представляться чѣмъ-то эфемернымъ, безсильнымъ и давно отжившимъ. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, защищать сферу дѣятельности, лучшіе, даровитѣйшіе работники которой кончаютъ иногда, подобно гр. Толстому, почти совершеннымъ разочарованіемъ въ ней? Но это только малодушіе, совершенно неизвинительное. Всѣ идеи, составляющія умственное богатство современнаго русскаго общества, всѣ, безъ исключенія, идеалы, за которые мы боремся,—все это прежде всѣхъ добыто и разработано литературою, всегда далеко опережавшею дѣйствительность. Это не мнѣніе наше, это фактъ.

Время словъ, говорить намъ, прошло; наступило время живого дѣла. Чрезвычайно пріятно слышать это. Но нужно условиться. Безъ всякаго сомнѣнія, мысль, не переходящая въ дѣйствіе, представляетъ собою мертвый, бесполезный капиталъ. Но дѣйствіе, не руководимое, не освѣщенное мыслью, есть нѣчто гораздо худшее, прямо ведущее къ разоренію и банкротству. А вѣдь что-же такое литература, по самой своей сущности, какъ не производитель и не хранитель общественной мысли? Она ставитъ цѣли; она же указываетъ идти, учить дѣйствію. Мы понимаемъ и даже раздѣляемъ то нетерпѣливое чувство, подъ вліяніемъ котораго непосредственно-практическое значеніе литературы начинаетъ представляться совершенно ничтожнымъ, даже вовсе не существующимъ, и охотно признаемъ безчисленные факты, доказывающіе относительную справедливость такого взгляда. Ея воздѣйствіе на общество не механическое, а органическое, она дѣйствуетъ на наше сознаніе, а не на порядки и формы нашей жизни. Оттого-то именно результаты ея усилій видны не всякому и не всегда могутъ быть указаны пальцемъ. Мы развиваемся, очищаемъ мало-по-малу свое міросозерцаніе отъ застарѣлыхъ предвзсудковъ и ошибокъ, усваиваемъ себѣ здоровыя умственныя привычки, приобретаемъ навыкъ къ анализу, и вся эта огромная и несчислимая по своимъ результатамъ работа совершается въ тиши ашего угла, въ тайникахъ нашего внутренняго міра, внѣ сферы историческаго наблюденія. Смѣлыя рѣшенія, подвиги самоотверженнаго любви къ людямъ и т. п. являются не какъ результаты по-

рывовъ прекраснаго, но слѣпнаго чувства, а какъ результаты сознательнаго *убѣжденія*, яснаго пониманія.

Посмотрите на современное русское общество и на русское общество двадцать-тридцать лѣтъ назадъ. Это—два различныхъ общества, между идеалами, стремленіями, идеями и чувствами которыхъ только съ трудомъ можно установить кое-какую ответственную связь. Чтобы оставаться на почвѣ чисто литературныхъ примѣровъ и доказательствъ, вспомнимъ, какой шумъ, какое годованіе, озлобленіе, недоумѣніе и пр. возбудили въ свое время «рѣзкія» выходки и «крайнія» идеи Базарова, оказавшіяся дѣйствительно не по плечу большинства тогдашняго общества... Историческіе недуги упорны и излечиваются не вдругъ. Какъ прежде такъ и теперь, мы не знаемъ себѣ цѣны. На авторитеты мы перестали полагаться, но все еще нетвердо и неясно сознаемъ, что авторитетъ—это мы.

Всѣ эти грѣхи наши не подлежатъ сомнѣнію и слишкомъ общеизвѣстны, чтобы о нихъ нужно было особенно распространяться. Они привиты къ намъ исторіей, переданы намъ какъ печальное наслѣдіе стараго времени, и перевоспитаться мы не имѣли еще ни времени, ни, главное, средствъ. За всѣмъ тѣмъ, нашъ прогрессъ въ сферахъ теоретической мысли не можетъ быть оспариваемъ. Я говорю не о какихъ-нибудь философскихъ или научныхъ теоріяхъ, а просто о развитіи элементарнаго политическаго смысла, об успѣхахъ нашего самосознанія. Чему мы обязаны этими успѣхами? Первоначальный толчокъ общественной мысли былъ, конечно, данъ извнѣ, въ видѣ крымскаго погрома, въ дребезги разбившаго и люзію нашей силы и нашего «благополучія», но затѣмъ развитіе этой мысли совершалось спонтанейно, органически, какъ развивается изъ зерна растеніе. И литература наша играла въ этомъ великомъ процессѣ если не исключительную, то несомнѣнно первенствующую роль.

Она ставила и формулировала вопросы; она обращала вниманіе общества на темныя и слабыя стороны его жизни; она не давала читателю (т. е. обществу) погрузиться въ прежнюю самодовольную китайщину, указывая ему на иные порядки, иные формы жизни, выработанныя болѣе зрѣлыми обществами. Ни одна изъ нихъ при этомъ Америкъ литература, разумѣется, не открыла потому-что это вовсе и не входитъ въ кругъ ея вѣдѣнія, долгъ свой передъ страной исполнила хорошо и добросовѣстно, заключающійся именно въ томъ, чтобы упражнять и тѣсамымъ укрѣплять мысль и сознаніе общества.

Въ наше время, общественная роль литературы значительно измѣнилась. Она перестала быть «пророкомъ», который «гл

ломъ жжетъ сердца людей», и стала просто совѣтникомъ, собесѣдникомъ, конфидентомъ читателя. Мнѣ не разъ приходилось высказать въ печати убѣжденіе въ благотворномъ и важномъ значеніи этого переворота. Я видѣлъ и вижу въ немъ симптомъ возмужалости общества, которое перестало уже нуждаться въ какихъ-бы то ни было помочахъ—между прочимъ и въ литературныхъ. Между писателемъ и читателемъ различіе теперь только профессиональное. Писателю уже незачѣмъ заботиться о томъ, чтобы быть какъ слѣдуетъ понятымъ, нѣтъ надобности поребачески присюсюкивать, косноязычествовать, говорить читателю: «душенька-агу!» Онъ говоритъ со взрослымъ, съ равнымъ себѣ по развитію человѣкомъ. Въ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ» г. Тургенева есть одно, озаглавленное «Два четверостишія», которое удобно вспомнить здѣсь для иллюстраціи. Юній продекламировалъ передъ своими сограждами четверостишіе и былъ освистанъ и осмѣянъ. Юлій продекламировалъ, спустя нѣкоторое время, почти буквально то-же четверостишіе и былъ вознагражденъ триумфомъ. «Юній, замѣтилъ огорченному поэту одинъ мудрецъ, ты сказалъ свое—да не во время; а тотъ не свое сказалъ—да во время. Слѣдовательно, онъ правъ—а тебѣ остаются утѣшенія собственной твоей совѣсти».

«Слѣдовательно, онъ правъ» — совершенно вѣрно, а правѣе всѣхъ толпа, которой нѣтъ дѣла до права литературнаго первенства, но очень большое дѣло до того, что ее «утѣшили въ ея печали, въ ея горѣ великомъ». Роль современнаго писателя-журналиста—роль этого Юлія.

II.

Едва-ли въ нашей литературѣ есть другой писатель, который бы былъ болѣе близокъ, болѣе понятенъ и родственъ нашему обществу, нежели Салтыковъ. «Властителемъ думъ», какъ бывало выражались у насъ, Салтыковъ никогда не былъ и не могъ имъ быть не только потому, что время такихъ «властителей», вообще говоря, миновало, но и по самымъ свойствамъ своего таланта. Салтыковъ—не новаторъ, и даже не учитель. Его идеи—элементарны; его мораль общеизвѣстна; все его міросозерцаніе—обыкновенное міросозерцаніе простого «средняго» человѣка, но однако-жъ такого человѣка, который сохранилъ въ себѣ всѣ лучшія человѣческія свойства. Салтыковъ—писатель для толпы, и въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ. Болѣе полнаго, яркаго и талантливаго выразителя общей думы и общаго чувства мы не имѣемъ и никогда не имѣли. Онъ не ведетъ и не претендуетъ.

вести за собою общество, онъ идетъ вмѣстѣ съ нимъ, раздѣляя всѣ тревоги и невзгоды пути, и вся роль его состоитъ только въ томъ, чтобы живымъ образомъ, мѣткимъ словомъ, удачно и шуткою возобновить въ насъ тѣ идеи, которыя давно извѣстны всѣмъ намъ, какъ отвлеченныя положенія, но которыя, однажды же, далеко еще не срослись съ нами органически и постоянно нуждаются въ поддержкѣ, въ напоминаніи. Его вліяніе на общество нисколько не идейное, а исключительно нравственное. Какъ всѣ мы, онъ, не созидая ничего самостоятельнаго въ сферѣ теорій, просто примыкалъ къ тѣмъ идеямъ, въ которыхъ въ данную минуту сосредоточивался смыслъ жизни, которыя исполняли прогрессивную роль, но—и въ этомъ все дѣло—онъ, во-первыхъ, проникался этими идеями глубже, отдавался имъ полнѣе, нежели кто либо, а, во-вторыхъ, умѣлъ и популяризировать и, въ особенности, защищать ихъ. Онъ популяризировалъ ихъ не тѣмъ только, что, благодаря своему блестящему таланту, успѣвалъ находить для ихъ выраженія все новыя и разнообразныя формы,—этимъ путемъ можно только привлечь вниманіе, но, еще нельзя возбудить сочувствіе. Салтыковъ—странно сказать это о сатирикѣ—могуще и естественно дѣйствуетъ на читателя, покоряя его своею любовью, своею искренностью, преданностью своему нравственному идеалу, который, въ силу своей элементарности, есть въ то-же время непремѣнно идеалъ и самого читателя. Онъ говоритъ съ читателямъ языкомъ, но безъ всякой задней мысли, всегда чистосердечно и прямодушно, а иногда даже съ тою грубою прямою, которая естественна и понятна между близкими людьми. А читатель близокъ и дорогъ ему, какъ и онъ читателю. Заодно они думаютъ заодно чувствуютъ, такъ что задача писателя сводится только къ тому, чтобы полнѣе и рельефнѣе выразить эти думы и чувства.

Но легко сказать это «только». Не богъ знаетъ какая заслуга со стороны писателя—уловить одинъ какой-нибудь текущій моментъ и найти то слово, ту формулу, въ которой-бы для всѣхъ было понятно и осязательно выразился смыслъ этого момента. Но десятки лѣтъ стоятъ въ передовыхъ рядахъ, ни разу не давши обогнать себя; десятки лѣтъ отзываться на быстро смѣняющіяся «задачи дня», оставаясь въ то-же время неизмѣнно вѣрнымъ своему нравственному идеалу; десятки лѣтъ кипѣть въ самой суетою жизни и журналистики, не брезгая даже черною работою въ роли полемики съ какими-нибудь «Помоями»,—все это заслуги, которыя не забываются. Отдѣльной личности слишкомъ трудно угоняться за обществомъ, составъ котораго непрестанно измѣняется приливомъ новыхъ, свѣжихъ силъ, несущихъ съ собою и новыя требованія, и новые идеалы. Какимъ образомъ удалось это Салтыкову?

Я говорю пока не о томъ, что чисто литературный талантъ Салтыкова развернулся во всей своей силѣ въ такую пору, когда обыкновенно писатель начинаетъ переписывать самого себя. Это явленіе, разумѣется, рѣдкое, но не исключительное: достаточно вспомнить хотя-бы, на примѣръ Достоевскаго, художественное дарованіе котораго сохранило до конца весь свой яркій блескъ. Но какимъ образомъ, несмотря на быстрыя смѣны у насъ поколѣній и руководящихъ тенденцій, Салтыковъ могъ, не измѣняя самому себѣ сохранить симпатіи своихъ безчисленныхъ читателей? Его нельзя приурочить ни къ какой изъ пережитыхъ имъ эпохъ и ни къ одному изъ прошедшихъ передъ нимъ поколѣній: онъ столько-же человѣкъ 40-хъ, сколько и 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ, и каждое поколѣніе можетъ по праву считать его «своимъ». Какъ могло это случиться? Очень просто. «Неизмѣннымъ предметомъ моей литературной дѣятельности, говоритъ Салтыковъ въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ произведеній, всегда былъ протестъ противъ произвола, двоедушія, лганья, хищничества, предательства, пустомыслія и т. д. Ройтесь сколько хотите во всей массѣ мною написаннаго, ручаюсь, ничего другого не найдете». На этой почвѣ—почвѣ элементарной политической и нравственной порядочности—очевидно, могутъ сойтись въ симпатіяхъ люди довольно различныхъ направленій. «Произволъ, двоедушіе, лганье, хищничество, предательство» и пр.—все это такія свойства, такія явленія, «протестъ» противъ которыхъ всегда современенъ и всегда симпатиченъ всѣмъ порядочнымъ людямъ, которые и составляютъ главный контингентъ читателей Салтыкова. Въ идейномъ смыслѣ этотъ протестъ, очевидно, не представляетъ собою никакого интереса: кому-же неизвѣстно, что предательство, хищничество и лганье не достоинства, а грязные пороки? Но нравственное значеніе его можетъ быть громадно, если условія жизни таковы, что представляютъ широкій просторъ практикованію такихъ и подобныхъ имъ свойствъ. Отсюда-же и общественно-политическое значеніе этого протеста. «Лганье», «хищничество», «предательство» и пр. не только преступленія противъ нравственнаго закона—они, кромѣ того, крупныя общественныя язвы, первымъ шагомъ къ изцѣленію которыхъ служить именно, горячій и талантливый протестъ.

Весь смыслъ и все содержаніе литературной дѣятельности Салтыкова исчерпываются этими двумя словами: борьба и протестъ. Борьба противъ всего, что является препятствіемъ къ упорядоченію жизни, протестъ во имя нравственныхъ интересовъ чело-вѣческой личности. Эти рамки до того широки, что охватываютъ собою самыя разнообразныя сферы жизни и общества, потому что въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-же нѣтъ лганья, предательства и т. п.? Пом

падуры и кабатчики, филантропы - барыни и корреспонденты Тряпичины, помѣщики - кулаки и помѣщики - неудачники, редакция газеты «Помой» и ежедневно пишущіе на всѣхъ и на вся доносы «батюшки», наконецъ, даже французская буржуазія и нѣмецкій милитаризмъ («За рубежомъ»), — всевозможныя гнѣзда всевозможныя рыцари «хищничества», «предательства» и «двоедушія» клеймятся Салтыковымъ. Его упрекають въ однообразіи, онъ самъ принимаетъ этотъ упрекъ и оправдывается только тѣмъ, что указываетъ на однообразіе самой нашей жизни. Но это напрасное оправданіе. Тема, разрабатываемая Салтыковымъ, съ точки зрѣнія и его идеаль дѣйствительно остаются неизмѣнными, но сюжеты его такъ-же разнообразны и многочисленны, какъ разнообразны виды и роды человѣческой глупости и человѣческой подлости. «Торжествующая свинья» остается грязнымъ животнымъ при всякихъ обстоятельствахъ, но свинства ея могутъ, по формѣ и по обстановкѣ, очень разниться другъ отъ друга.

Чуткость Салтыкова ко всякому нравственному и общественному безобразію доходитъ почти до нервности, до болѣзненности. Какъ извѣстно, въ нашей литературѣ репутацію особенной чуткости ко всякимъ общественнымъ вѣяніямъ и теченіямъ пользуется г. Тургеневъ. Дѣйствительно, г. Тургеневъ тщательно подстерегаетъ (или подстерегалъ) всякаго рода «новы» въ общественной жизни и немедленно даетъ намъ ея художественное воспроизведеніе свѣдѣтельствующее, что авторъ въ самомъ дѣлѣ слышалъ какую-либо звонъ. Такой чуткостью Салтыковъ, дѣйствительно, не обладаетъ, вѣрнѣе, не обладаетъ той смѣлостью, благодаря которой человѣкъ берется за какое угодно дѣло, лишь было-бы выгодно, а писатель за какую угодно тему, лишь было-бы эффектно. Онъ пишетъ только о томъ, что знаетъ твердо, и оттого вы никогда не подмѣтите въ его рѣчи того двусмысленнаго вилянья, которое неизбѣжно въ людяхъ, не сумѣвшихъ или не успѣвшихъ разобраться въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. Салтыковъ знаетъ, что любить и что ненавидѣть, его идеаль слишкомъ ясенъ, чтобы допустить хоть только возможность какого-нибудь компромисса.

Все это не значить однакоже, что Салтыковъ говоритъ во имя личной морали, что его идеаль — идеаль индивидуалистическій. Общественная жизнь слишкомъ сильно бьется въ немъ, чтобы онъ могъ удовлетвориться проповѣдью личной порядочности и личнаго самосовершенствованія. Онъ изобличаетъ не лица, онъ не довольствуется даже изображеніемъ типовъ, онъ клеймитъ принципы ложные и фальшивые.

Въ этихъ основныхъ свойствахъ дарованія Салтыкова мы находимъ объясненіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ создавшихъ Салты

кову совершенно исключительное положеніе въ нашей литературѣ. Прежде всего бросается въ глаза та странность, что писатель съ огромнымъ вліяніемъ на общество, касающійся всегда самыхъ жгучихъ темъ, писатель, въ полномъ смыслѣ слова «боевой», такъ мало возбуждаетъ и дружественную, одномыслящую и враждебную критику. Объ Островскомъ, о Тургеневѣ, о Гончаровѣ написано безъ всякаго сравненія больше, нежели о Салтыковѣ, хотя общественное значеніе ихъ литературной дѣятельности, что-бы ни говорили ихъ поклонники, безъ всякаго сравненія меньше. На это обстоятельство съ злорадствомъ не разъ указывали противники Салтыкова, какъ на доказательство эфемерности, «фельетонности» его работъ. Но дѣло объясняется болѣе правдоподобнымъ образомъ. Салтыковъ — писатель, наименѣе нуждающійся въ комментаріяхъ. Его идеалъ до такой степени элементаренъ (потому что онъ не что иное какъ простая человѣчность), его тенденціи до того ясны (потому что эти тенденціи—основныя требованія всякаго сколько-нибудь сноснаго человѣческаго общежитія), самые литературныя приемы его, наконецъ, дотого тверды и рѣзки, что относительно его не можетъ быть мѣста никакимъ недоразумѣніямъ. По поводу произведеній, напр., г. Тургенева критики одного и того-же лагера могли отчаянно полемизировать между собою, потому что въ этихъ произведеніяхъ дѣйствительно можно найти что угодно и истолковывать ихъ возможно хоть на сто различныхъ манеровъ. У Салтыкова не то. Онъ и дружить, и враждуетъ открыто. Это человѣкъ партіи въ полномъ смыслѣ слова, при томъ партіи, въ рядахъ которой, безъ всякаго преувеличенія говоря, соединено почти все, что есть даровитаго и энергичнаго въ нашемъ обществѣ, стало быть такой партіи, программа которой разработана полно и всесторонне. Кто знаетъ чего хочетъ эта партія—а это знаютъ все—тотъ знаетъ, за что борется Салтыковъ. Что тутъ дѣлать, что тутъ разъяснять критикѣ? Что-же касается того, почему Салтыковъ не вызываетъ ожесточенныхъ нападеній со стороны его литературныхъ противниковъ, то это, разумѣется, ихъ дѣло, а мы лично объясняемъ это очень прозаически: Салтыковъ столь-же неудобный противникъ, сколько драгоценный союзникъ, и для того, чтобы бороться съ нимъ съ надеждой на успѣхъ, нужно много ума, таланта и главное—искренняго убѣжденія...

За свою любовь къ жизни, за свою преданность насущнымъ общественнымъ интересамъ, за свое сердечное, интимное общеніе съ читателемъ Салтыковъ вознагражденъ достойнымъ образомъ. Его талантъ не старѣется и не ослабѣваетъ, а точно молодѣетъ и развивается съ годами. Его вечерняя заря безъ всякаго сравненія ярче утренней. Въ нашей литературѣ, свѣтила которой обык-

новенно очень скоро тускнѣютъ или вовсе меркнутъ—это явленіе чрезвычайно рѣдкое. По свойствамъ нашей жизни, всякая общественная дѣятельность, а литературная въ особенности, встрѣчаетъ на своемъ пути слишкомъ много препятствій, требуетъ отъ человѣка слишкомъ много жертвъ и усилій, чтобы ей можно было надолго и безраздѣльно отдаться. Она не сожигаетъ, но быстро истощаетъ и изнашиваетъ человѣка. Благодаря чему Салтыковъ избѣгъ этой почти всеобщей участи? Оставляя въ сторонѣ его субъективныя свойства, которыя, безъ сомнѣнія, должны имѣть свое значеніе въ этомъ дѣлѣ, намъ кажется, Салтыковъ обязанъ этимъ самой жизни, неистощимой въ своихъ безконечно разнообразныхъ явленіяхъ. Салтыковъ сохранилъ юношескую чуткость и отзывчивость къ жизни—въ этомъ его заслуга, но въ этомъ и его слабіе, его спасеніе, потому что жизнь, въ свою очередь, давала ему и импульсъ, и содержаніе для его работъ. Ему незачѣмъ было сочинять. Ему достаточно было только формулировать, нужно было только оставаться самимъ собой. Онъ не далъ зачерствѣть своему сердцу, не притупилъ своей впечатлительности, и въ этомъ ужъ заключалась надежная гарантія, что ему всегда будетъ что сказать и чѣмъ подѣлиться съ читателемъ, не рискуя наскучить повтореніями. Радости тетенки — его радости, ея горе — его горе. Онъ живой человѣкъ и честный гражданинъ, и этого достаточно, потому что вопросъ о литературной формѣ—вопросъ даже не таланта, а литературной техники, сохранить которую вовсе не затруднительно. Развѣ, напр., позднѣйшія произведенія г. Тургенева—«Клара Миличъ» и «Стихотворенія въ прозѣ»—не блещутъ мастерствомъ внѣшняго изложенія? Написаны они неизвѣстно для кого, неизвѣстно зачѣмъ, неизвѣстно о чемъ, но написаны превосходно. Не въ технику, стало быть, дѣло, а исключительно въ томъ, сохранилъ или не сохранилъ писатель «душу живу», способность любить людей и сострадать имъ. Салтыковъ никогда не былъ олимпійцемъ. Въ то время какъ его сверстники величаво, съ деревянною неподвижностью, свойственною идоламъ, взирали и взирать на нашу общественную жизнь, Салтыковъ сражался, какъ заурядный солдатъ.

III.

Дѣятельность Салтыкова можно раздѣлить на три періода, амбюющихъ довольно мало общаго между собою по своему идейному содержанію. Послѣ крымской кампаніи возникла у насъ, какъ извѣстно, обличительная литература, какъ высшее выраженіе того покаяннаго настроенія, которое естественно овладѣло обществомъ

немедленно вслѣдъ за погромомъ. Салтыковъ явился главнѣйшимъ дѣятелемъ этой отрасли литературы, и его «Губернскіе очерки» если не создали особой школы, то во всякомъ случаѣ послужили образцомъ для беллетристовъ—обличителей *). Но покаяніе наше, живое и совершенно искреннее, было довольно поверхностно. Оно не шло далѣе конкретнаго факта, не возвышалось до критики принципа. «Законы святы, да исполнители лихіе супостаты» — такъ всѣмъ казалось тогда, и вотъ наше обличеніе направилось на «исполнителей», на личности. Тѣмъ-же путемъ пошелъ и «надворный совѣтникъ Щедринъ». Его «очерки» выдѣлялись изъ массы безцвѣтныхъ обличеній яркостью красокъ, глубиною психологическаго захвата и вообще талантливостью, но только этимъ однимъ, и выдѣлялись. Общественная подкладка ихъ, тенденція, сказывавшаяся въ нихъ, была, въ сущности, такъ-же узка и одностороння, какъ и у послѣдняго изъ обличителей. Все дѣло сводилось почти къ тому, что если-бы вмѣсто безчестнаго Ивана Иваныча посадить добродѣтельнаго Петра Петровича—все пошло-бы прекрасно. Для синтеза, очевидно, не наступило еще тогда время, и общественная мысль, которой Салтыковъ былъ только вѣрнымъ выразителемъ, путалась въ частностяхъ и подробностяхъ. Разочарованіе было всеобщее. Вспомнимъ хотя-бы тогдашній генеральный походъ противъ взяточничества и взяточниковъ. Это было курьезнѣйшее зрѣлище. Общество, еще не развязавшееся съ крѣпостнымъ правомъ, представлявшее собою одного колоссальнаго дармоѣда, воспитанное въ привычкахъ легализированной эксплуатаціи и т. д.—это общество вдругъ возстало на одинъ, говоря относительно, изъ наиболѣе невинныхъ видовъ хищничества и шаромыжничества! Несчастныи «барашекъ въ бумажкѣ» сдѣлался козлищемъ отпущенія, а бѣдняки становые, городничіе, исправники и проч. должны были разыграть роль того вода басни, котораго за увороваанныи клокъ сѣна было рѣшено, для умиловивленія боговъ, ввалить на костеръ. За что, спрашивается? Почему человекъ долженъ былъ являть собою лучезарное исключеніе изъ общаго правила, почему онъ, одинъ онъ долженъ былъ изображать собою безсребренника, когда все общество было организовано на принципѣ заѣданія чужого труда? Струсившій подъ градомъ укориэны

*) Я пропускаю самые первые литературные шаги Салтыкова, хотя и въ нихъ мы могли-бы найти доказательство его чуткости къ требованіямъ и запросамъ жизни. Салтыковъ вступилъ въ литературу, когда въ ней преобладало гуманистическо-реальное направленіе, смыслъ котораго заключался въ реабилитаціи попоранной и униженной человѣческой личности. Салтыковъ дебютировалъ тогда повѣстью „Запутанное дѣло“, тенденціи которой тѣ же самыя, какія мы находимъ и въ „Шинели“ Гоголя, и въ „Бѣдныхъ людяхъ“ Достоевскаго.

и насмѣшекъ, бѣднякъ оправдывался «женою» и «дѣтьми», и совершенно напрасно. Вмѣсто всякихъ оправданій, онъ могъ-бы спросить: «а судьи кто?». И если-бы эти «судьи» взглянули на дѣло пошире, если-бы они въ глубинѣ своей совѣсти спросили себя *своей* общественной роли, объ источникахъ *своего* существованія и благоденствія—они сконфузились-бы жестоко. Они увидѣли-бы, что взяточникъ-чиновникъ дѣлаетъ то-же и пребываетъ тамъ-же гдѣ и они.

Но чиновникъ имѣлъ несчастье быть больше другихъ на виду и первые удары самобичевавшаго общества естественно припали на его долю. Это было несправедливо, но въ этомъ была своя логика, и наше обличеніе было тою переходною ступенью, благодаря которой явилась возможность достигъ болѣе широкихъ обобщеній. Въ этихъ обличеніяхъ вообще и въ обличеніяхъ Салтыкова въ особенности коренился зародышъ будущей *современной* имѣющей дѣло съ самыми нормами жизни, а не съ частными обличеніями отъ этихъ нормъ. Этотъ періодъ обличеній сыгралъ свою роль въ исторіи нашего развитія и наполнилъ собою цѣлую полосу въ литературной дѣятельности Салтыкова, который, какъ въ эту эпоху, такъ и гораздо послѣ, шелъ вмѣстѣ съ обществомъ, впереди его, но однимъ и тѣмъ-же путемъ. За періодомъ чистаго покоянія наступило время болѣе сознательной критики, *время* зарожденія и обособленія партій, формированія положительныхъ идеаловъ. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права, въ жизни осталась какой-то огромный пробѣлъ, какая-то непривычная пустота, которую надо было наполнить какимъ-нибудь содержаніемъ. Какимъ именно? На это могла отвѣтить только практика жизни, отвѣтить въ будущемъ, а пока общество переживало періодъ того «мутнаго броженія», изъ котораго должно было произойти «свѣтлое вино», обновленія. Старыя отношенія были порваны, новыя еще не закрепились; центры тяжести общественныхъ механизмовъ были перемѣщены, но равновѣсіе еще не установлено. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова переходный періодъ, о результатахъ котораго можно было гадать и такъ и эдакъ, съ такимъ-же правомъ надѣяться, какъ и отчаяваться. Смута умовъ вполне отвѣчала неурядицѣ жизни.

Я говорю о началѣ шестидесятыхъ годовъ. Какъ отразилось это хаотическое состояніе общественной мысли на дѣятельности Салтыкова? Прежде всего—онъ покончилъ съ голымъ обличеніемъ, время котораго дѣйствительно миновало. Но въ то-же время онъ былъ еще далекъ отъ сатиры, для которой жизнь и не представляла пока матерьяла. Осмѣивать можно только положительное зло, и если въ замутившихся волнахъ общественной жизни ничего не

видно, необходимо обождаѣть и съ ироніей и съ восторгами, и съ нападеніемъ и съ защитой. Эта неопредѣленность теченія жизни наложила яркую печать на весь этотъ періодъ дѣятельности Салтыкова, періодъ, хотя отрицательно, но въ высшей степени наглядно доказывающій, что такому писателю какъ Салтыковъ необходима вполне твердая почва, точныя и недвусмысленныя указанія жизни. Въ этотъ періодъ (61—66 годы) Салтыковъ писалъ много, но пусть читатель припомнитъ хотя-бы только заглавія этихъ статей: помнитъ-ли онъ ихъ? Навѣрное, нѣтъ, точно такъ-же какъ навѣрное онъ твердо помнитъ и «Дневникъ провинціала», и «Благонамѣренныя рѣчи», и «Исторію одного города». Разказы Салтыкова въ этотъ періодъ были дѣйствительно «невинными разказами», и Писаревъ не совсѣмъ былъ не правъ, находя въ нихъ не болѣе какъ «цвѣты невиннаго юмора», юмора безразличнаго, безпредметнаго. Возмужавшій талантъ требовалъ себѣ пищи, сюжетовъ, а ихъ въ наличности не оказывалось, и Салтыковъ, вмѣсто «горькаго смѣха», каковымъ сами пророки не считали ниже себя «посмѣяться», предавался именно какому-то хихиканью, не регулируемому никакой идеей. Онъ, за отсутствіемъ въ только-что складывавшихся явленіяхъ жизни опредѣленнаго содержанія, схватывался за ихъ внѣшніе, совсѣмъ несущественные признаки, подмѣчалъ въ нихъ комическія черты и выставлялъ на позорище. Толпа смѣялась, потому-что талантъ всегда возьметъ свое, да и дѣйствительно нельзя не улыбнуться, когда предъ вами рисуютъ картину будущаго, въ которомъ напр. «милая нигилистка, разсыкая безстрастною рукою трупы, будутъ пѣть: ни о чемъ я, Дуня, въ свѣтѣ не тужила».

Не въ укоръ и не въ осужденіе Салтыкову припомнилъ я здѣсь эту старую исторію, давно отошедшую въ область преданія, а лишь для поддержанія одной изъ идей нашихъ относительно основныхъ свойствъ его великаго дарованія. Салтыковъ—въ этомъ состоитъ доказываемая мною идея—пишетъ хорошо только подъ диктовку жизни тѣмъ лучше, образнѣе, колоритнѣе, чѣмъ явственнѣе раздается ея «божественный глаголь», говоря поэтическимъ выраженіемъ. Переходный періодъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, продолжался не долго. Жизнь вошла въ опредѣленное русло—въ то самое, которымъ она благополучно и по настоящую минуту слѣдуетъ—недоразумѣнія разъяснились, и сатира Салтыкова, наконецъ, прочно стала на ноги. Для нея представился удивительный по качеству и количеству матерьялъ, которымъ Салтыковъ и воспользовался достойнымъ образомъ. Крупный художникъ, съ замѣчательною способностью къ психическому анализу и къ живописи характеровъ, онъ безъ всякихъ колебаній оставилъ служеніе «искусству» и посвятилъ

себя исключительно «злюбѣ дня», непосредственнымъ интересамъ жизни. Я не знаю другого, болѣе яркаго доказательства въ пользу такъ называемой «тенденціи» въ искусствѣ, какъ этотъ рѣшительный поворотъ Салтыкова, поворотъ совершенно добровольный. Ничто не мѣшало ему углубиться въ живописаніе различныхъ психологическихъ тонкостей и запутанностей, и не только ничто не мѣшало, а наоборотъ, многое усиленно приглашало: этому занятію можно было предаваться, безъ опаски и безъ помѣхи, безъ риска раздражить гусей. Сверхъ того, такія произведенія, имѣющія объектомъ вѣчную человѣческую личность, а не какихъ-нибудь Удавовъ, Деруновыхъ, Разуваевыхъ несравненно долговѣннѣе, нежели импровизаціи на текущія темы. Все это однакоже не остановило Салтыкова, потому-что слишкомъ живой человѣкъ онъ для того, чтобы предаваться «безпечальному созерцанію», въ то время, когда кругомъ происходитъ борьба. Повторяю, онъ не олимпіецъ, онъ—человѣкъ, которому ни что человѣческое не чуждо. Объ увѣковѣченіи своего имени, хотя-бы только на страницѣ хрестоматій, о благодарности отдаленнаго потомства онъ, очевидно, не заботится, понимая, вѣроятно, что потомство наше будетъ поумнѣй насъ и будетъ устраивать свои дѣла не по нашему, а по своему. Каждому поколѣнію только-что въ пору рѣшить свою задачу, и довлѣть дневи злоба его. Какъ-бы то ни было, русское общество осталось въ чистыхъ барышахъ отъ того, что Салтыковъ отдалъ себя «фельетону», какъ язвительно выражаются сотрудники разныхъ столичныхъ и провинціальныхъ «Помоевъ». Такіе «фельетоны», какъ напр. «Письма къ тетенькѣ», оставляютъ въ общественномъ сознаніи болѣе глубокой слѣдъ, чѣмъ какіе угодно полновѣсные романы и прилизанныя повѣсти. Они не вносятся, еще разъ соглашаемся, никакого «новаго свѣта», но они поддерживаютъ въ насъ Божью искру гуманныхъ чувствъ и честныхъ мыслей и безкорыстныхъ стремленій.

Но дѣло въ томъ, что упрекъ Салтыкову за «фельетонность» его работъ—не болѣе какъ полемическій приѣмъ разозлившагося Поздрева. Въ своихъ «выполненныхъ» художественныхъ произведеніяхъ Салтыковъ является настоящимъ сатирикомъ, точно такъ-же какъ въ своихъ сатирическихъ очеркахъ, онъ является настоящимъ художникомъ. Въ этомъ мы не замедлимъ убѣдиться.

IV.

Въ художественномъ дарованіи Салтыкова мы находимъ чрезвычайно счастливое сочетаніе элементовъ, крайне рѣдко сопрвождающихъ другъ друга, — комическаго и трагическаго. Въ по-

слѣдемъ отношеніи, какъ психологъ и патологъ, онъ мало извѣстенъ, безъ всякаго сравненія меньше, чѣмъ сатирикъ. Между тѣмъ, одного такого произведенія, какъ «Господа Головлевы», совершенно достаточнo, чтобы упрочить за писателемъ извѣстность замѣчательнаго аналитика и крупнаго художника бытописателя. Правда, это не романъ, не повѣсть, а какая-то отрывочная хроника безъ всякой фабулы и безъ всякаго движенія, — рядъ какихъ-то бѣглыхъ набросковъ. Но все это только формальные недостатки. Отсутствие внѣшняго единства и внѣшней стройности съ избыткомъ выкупается отчетливостью основной идеи, проходящей черезъ всѣ эти «наброски», и удивительно выдержанностью общаго тона, — важнаго, серьезнаго и печальнаго. Смѣха въ этихъ очеркахъ нѣтъ и слѣда, нѣтъ даже ироніи, — одна только неприхвѣсная горечь и неутѣшная печаль о человѣкѣ.

«Человѣкъ» этотъ не отвлеченный образъ, не какой нибудь «всечеловѣкъ» Достоевскаго — это русскій культурный гражданинъ, нашъ современникъ, принимающій свою долю участія въ нашихъ дѣлахъ. Правда, герои Салтыкова — не общественные дѣятели въ обычномъ значеніи этого слова. Они живутъ почти исключительно личною жизнью, но дѣло въ томъ, что эта ихъ жизнь, какъ и вся вообще нравственная личность ихъ, обезображена не случайнымъ стеченіемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, а вслѣдствіе причинъ, можно сказать, историческаго свойства. Ничего стихійно-злодѣйскаго въ этихъ людяхъ нѣтъ и ни въ чемъ они неповинны, кромѣ «пустомыслія, пустословія и пустоутробія». Тѣмъ не менѣе, они отравляютъ жизнь десяткамъ людей, они доводятъ другихъ до пьянства, до проституціи, до самоубійства; они не просто копятъ небо, а лишаютъ другихъ солнечнаго свѣта — и все это съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ въ правотѣ и справедливости своихъ поступковъ.

Васъ охватываетъ какое-то нравственное удушеніе, когда вы вступаете въ эту семью, вся «мерзость заустѣнія» которой освѣщается Салтыковымъ яркимъ свѣтомъ. Что тутъ такое творится, отъ тупоумія или отъ безчеловѣчности совершаются всѣ эти «умертвія» — трудно разобрать. Передъ вами люди, живущіе въ человѣческомъ, въ нашемъ обществѣ, но рѣшительно внѣ всякихъ человѣческихъ цѣлей. Они скопидомствуютъ, усчитываютъ всякій ломанный грошъ, ведутъ статистику «кускамъ», самихъ себя мучать лишеніями — спросите ихъ для кого или для чего они это дѣлаютъ? Они религіозны и поминутно призываютъ имя Божіе, но призываютъ всуе, и ихъ религіозность — отвратительное ханжество. Религіозное чувство, какъ стремленіе къ идеалу, какъ проникновеніе нравственными началами, какъ просвѣтленная любовь, имъ

вовсе неизвѣстно, и они знаютъ только обрядность и мертвый догматъ. Они лицемѣрятъ, никого не обманывая. Все у нихъ есть и ничего имъ, въ сущности, не нужно, потому что у нихъ нѣтъ главнаго: смысла въ жизни, цѣли для существованія. Ихъ жизнь—какая-то безконечная ванитель, какое-то прозябаніе, тягостное для другихъ, прѣсное и безвкусное для нихъ самихъ. Чувствъ у нихъ нѣтъ, а есть только привычки. Они даже не эгоисты, потому что эгоизмъ — все-таки программа, хотя и ложная, а у нихъ только рутина и закоснѣлость. Они никого не любятъ, быть можетъ потому, что ихъ самихъ никто не любилъ и сердце ихъ покрылось пепломъ, а вѣрнѣе всего потому, что любовь налагаетъ обязательства, что любить человѣка—значитъ входить въ его жизнь, заботиться о его счастьи и при этомъ неизбѣжно ограничивать свою личность,—а это неудобно, безпокойно, хлопотливо и очень часто убыточно. И при всемъ этомъ они самодовольны и прячутся въ своемъ самомнѣніи, какъ улитка въ раковинѣ, и никакія доказательства, никакіе уроки жизни не въ силахъ переубѣдить ихъ. Они образцовые христіане, потому что не пропускаютъ ни одной службы и аккуратно служатъ панихиды по своимъ, отъ холода и голода пропавшимъ, дѣтямъ; они образцовые граждане, потому что не совершаютъ дѣйствій, наказуемыхъ писаннымъ закономъ, а благонамѣренностью своихъ взглядовъ превзойдутъ какого угодно урядника; они, наконецъ, высоконравственные люди, потому что живутъ «согласно съ строгою моралью». Совѣсть ихъ чиста и миръ души ихъ невозмутимъ, какъ невозмутима зеленая вода застояшагося пруда. Если они дѣлаютъ мерзости, такъ непременно прикрываясь авторитетомъ или закона («не я хочу—законъ приказываетъ»), или даже самого Господа Бога, какъ Іудушка, который, желая соблазнить свою родную племянницу, представилъ ей записку такого содержанія: «сегодня я молился и просилъ боженьку, чтобъ онъ оставилъ мнѣ мою Анниньку. И божинька мнѣ сказалъ: возьми Анниньку за поленькую тальицу и прижми ее къ своему сердцу». Худшаго кощунства, болѣе подлаго извращенія и униженія религіозной идеи, разумѣется, не придумаешь.

Это-ли еще все не трагизмъ? Я держался общихъ опредѣленій, но у Салтыкова всѣ эти черты изображены въ живыхъ образахъ и яркихъ краскахъ. Впечатлѣніе получается просто удручающее. Мы были-бы спокойнѣе, если-бы Салтыковъ изобразилъ намъ настоящихъ злодѣевъ, для которыхъ зло — потребность, страданія другихъ—наслажденіе. Аномалія и уродство существуютъ вездѣ и общество за нихъ не отвѣтственно. Но Салтыковъ даетъ намъ типы. Онъ изображаетъ людей, и по умствен-

нымъ и по нравственнымъ способностямъ совершенно заурядныхъ и въ то-же время обладающихъ огромной силой на зло, которое они бессознательно и разливаютъ кругомъ себя. Оттого-то я и замѣтилъ выше, что хроника «Господа Головлевы», отличаясь всѣми свойствами и достоинствами истинно-художественнаго произведенія, поражая выдержанностью характеровъ и глубиной анализа, въ то-же время заключаетъ въ себѣ широкій общественный смыслъ, какъ великолѣпная бытовая сатира. Въ чемъ сила Арины Петровны Головлевой или ея достойнаго сына Порфирія Владимірыча — Іудушки тожь? Прежде всего въ ихъ самоувѣренности, въ непоколебимомъ сознаніи своей правоты, въ убѣжденіи, что они — лучшіе люди, праведники, цѣлой бездной отдѣленные отъ грѣшныхъ мытарей. А откуда эта увѣренность? Да они черпаютъ ее изъ самой жизни, изъ отношеній къ нимъ окружающихъ! Вѣдь это общее правило: человѣкъ гордъ и самодоволенъ и уважаетъ себя только тогда, когда чувствуетъ за собой поддержку общественнаго мнѣнія, т. е., въ частныхъ случаяхъ мнѣнія того кружка, той среды, въ которой онъ спеціально вращается. Лишите его этой поддержки, дайте ему понять, что его поступки возбуждаютъ въ васъ не уваженіе, а омерзѣніе къ нему, и отъ его самодовольства не останется и слѣдовъ. *Ваше* презрѣніе, можетъ быть, не исправить, а только озлобитъ его противъ васъ. Онъ можетъ взглянуть на васъ или какъ на ничего не понимающаго чудака, или, еще проще, какъ на завистника, которому досаденъ его лучезарный блескъ, и онъ успокоится на этомъ и его самомнѣніе только еще болѣе укрѣпится. Но съ общественнымъ мнѣніемъ распорядиться такъ невозможно. Его нельзя объяснять личными и пристрастными мотивами, нельзя презирать, равно какъ и некуда скрыться отъ него. Почему купецъ развязно похваляется тѣмъ, что онъ ловко обошелъ своихъ кредиторовъ, или биржевикъ тѣмъ, что онъ спалъ отличный кушъ, или синекуристъ, что у него пропасть свободнаго времени и т. д.? Потому-что все это встрѣчаетъ одобреніе и сочувствіе въ ихъ средѣ. Почему студентъ гордится своимъ трудолюбіемъ, писатель — своей независимостью, мужикъ — своимъ хорошо устроеннымъ хозяйствомъ? По той-же самой причинѣ. Центръ тяжести всего дѣла заключается, стало быть, не столько въ личныхъ наклонностяхъ и въ личной нравственности человѣка, сколько въ тѣхъ нравственныхъ идеалахъ, которые господствуютъ въ окружающей его средѣ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, понятія о добрѣ и злѣ не прирождены-же человѣку, они вырабатываются постепенно, уроками жизни, примѣромъ и вліяніемъ окружающихъ.

Обратимся теперь къ Аринѣ Петровнѣ и къ Іудушкѣ. Арина Петровна говоритъ, напр., о себѣ: «у меня, голубчикъ, деньги-то

не шальныя; я не танцами, да не курантами приобрѣтала ихъ, а хребтомъ, да потомъ! Я какъ богатства-то достигала? Какъ за паченьку-то я шла, у него только и было, что Головлево, сто одна душа, да въ дальнихъ мѣстахъ, гдѣ двадцать, гдѣ тридцать — душъ съ полтораста набралось! А у меня, у самой-то, и всего ничего! И, нутко, при такихъ-то средствахъ, какую машину выстроила! Четыре-то тысячи душъ — ихъ вѣдь не скроешь! И хотѣла-бы въ могилку съ собой унести, да нельзя! Какъ ты думаешь, легко мнѣ онѣ, эти четыре тысячи душъ достались? Нѣтъ, другъ мой любезный, такъ не легко, такъ не легко, что, бывало, ночью не спишь, все тебѣ мерещится, какъ бы такъ дѣльцо умненько обдѣлать, чтобъ до времени никто и прѣнховать объ немъ не могъ! Да чтобъ кто-нибудь не перебилъ, да чтобъ копѣчки лишнейкой не истратить! И чего я не попробовала! и слякоть-то, и распутиц-то, и гололедицу-то — всего отвѣдала! Это ужъ въ послѣднее время я въ тарантасахъ-то роскошничать начала, а въ первое-то время соберуть, бывало, тележонку крестьянскую, кибиточочку кожаную на нее навязуть, пару лошабочекъ запрягутъ — я и плетусь трюхъ-трюхъ до Москвы! Плетусь, а сама все думаю: а ну, какъ кто-нибудь имѣнье-то у меня переберетъ! Да и въ Москву прѣдешь, у Рогожской на постояломъ остановишься, вони да грязь — все я, друзья мои, вытерпѣла! На извозчика, бывало, гривенника жаль, на своихъ на двоихъ отъ Рогожской до Солянки прѣ! Даже дворники — и тѣ дивятся: барыня, говорятъ, ты молоденькая и съ достаткомъ, а такіе труды на себя принимаешь! А я все молчу да терплю».

Это говорится съ гордостью, это преподается какъ урокъ, это ставится какъ примѣръ для подражанія. И гордость эта законна. Намъ съ вами, читатель, людямъ иныхъ сферъ, иныхъ понятій, Арина Петровна можетъ показаться смѣшна или жалка: изъ чего она билась? Приобрѣтеніе ради приобрѣтенія, безцѣльная и неутолимая алчность, пожирающая сама себя, сожалѣніе о томъ, что нельзя взять въ могилу своихъ богатствъ, дрожаніе надъ копѣйкой — какая мелочность, какая ограниченность, какое невѣдѣніе ни истиннаго счастья, ни истиннаго достоинства!

Все такъ; но вѣдь это мы съ вами разсуждаемъ такимъ образомъ, мы, на которыхъ Арина Петровна, въ свою очередь, тоже посмотрѣла бы съ состраданіемъ и мнѣніе которыхъ для нея равно ничего не значить. Всѣ-же люди, которые составляютъ ея обычное общество, и та среда, вѣрованія и понятія которой являются въ глазахъ Арины Петровны авторитетомъ, даютъ ей полное и безусловное одобреніе, въ которомъ она и почерпаетъ свою силу. Она «не растратила», а «приумножила»; этого достаточно, чтобы

завоевать Аринѣ Петровнѣ уваженіе другихъ Аринъ Петровнъ, а слѣдовательно и самоуваженіе. Тамъ не спрашиваютъ: *какъ* приумножила? Еще того менѣе: *зачѣмъ*? «Приумноженіе» есть идеаль, по отношенію къ которому вопросы о средствахъ и цѣляхъ не имѣютъ смысла. Съ точки зрѣнія *этой* морали Арина Петровна права, когда въ видахъ все того-же «приумноженія» безжалостно обираетъ и обманываетъ своего старшаго сына, точно также, какъ правъ и Іудушка, перехитрившій Арину Петровну и въ свою очередь обобравшій ее. Это не простая зоологическая борьба за существованіе — средствъ къ существованію у всѣхъ этихъ борцовъ болѣе чѣмъ достаточно, — это нѣчто высшее: борьба за идеаль или по крайней мѣрѣ нѣкоторое состязаніе въ ловкости и практичности.

Въ личности Іудушки все это «пустомысліе» и «пустоутробіе» выразилось еще гораздо ярче, нежели въ личности его матери. Іудушка не только приобрѣтатель, онъ кромѣ того моралистъ, онъ теоретикъ и философъ того житейскаго ученія, которое исповѣдуются въ его средѣ. Даже самыя «приумноженія» и «округленія» своего состоянія онъ дѣлаетъ не изъ алчности, а какъ-бы изъ принципа, по чувству гражданской обязанности. Что ему какой-нибудь просроченный мужикомъ трехрублевый долгъ? Но онъ взыскиваетъ его съ настойчивостью истинно-поразительною, онъ поднимаетъ на ноги судъ, пишетъ просьбы, всякія апелляціи и кассаціи и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не восторжествуетъ «правда», какъ онъ ее разумѣетъ, т. е. пока въ его бухгалтерскихъ книгахъ, въ соотвѣтственной графѣ, не будетъ отмѣчено: «взятыя заимообразно деньги 3 р. такимъ-то уплачены тогда-то». Іудушка — фанатикъ формы, для которой онъ пожертвуетъ какимъ угодно содержаніемъ, даже элементарнѣйшими человѣческими чувствами. Пусть мать по міру на законномъ основаніи (не иначе) онъ не боится, но проклятія ея трусить — не того дѣйствительно страшнаго проклятія, которое посылаютъ жертвы своимъ мучителямъ, а проклятія обрядоваго, формальнаго. «Въ праздномъ его умѣ, говоритъ Салтыковъ, на этотъ случай цѣлая обстановка сложилась: образа, зажженные свѣчи, маменька стоитъ среди комнаты, страшная, съ почернѣвшимъ лицомъ... и проклиняетъ! Потомъ: громъ, свѣчи потухли, завѣса разодралась, тьма покрыла землю, а вверху, среди тучъ, виднѣется разгнѣванный ликъ Іеговы, освѣщенный молніями». Во имя той-же формальной морали, онъ довелъ одного своего сына до самоубійства, другого — до Сибири. Безсмысленная и холодная жестокость этой морали превосходно обрисована Салтыковымъ въ сценѣ Іудушки съ сыномъ, часть которой мы приведемъ здѣсь.

— Я, папенька, казенными деньгами проигралъ, разомъ и какъ-то туго сказалося Петенька.

Иудушка ничего не сказалъ. Только можно было замѣтить, какъ дрогну у него губы. И, вслѣдъ затѣмъ, онъ, по обыкновенію, началъ шептать.

— Я проигралъ три тысячи, посвявилъ Петенька: — и, ежели послѣ завтра изъ не внесу, то могутъ произойти очень непріятныя для меня послѣдствія.

— Чтожь, внеси! любезно молвилъ Порфирій Владиміровичъ.

Нѣсколько туровъ отецъ и сынъ сдѣлали молча, Петенька хотѣлъ обѣяться дальше, но чувствовалъ, что у него захватило горло.

— Откуда-же я возьму деньги? наконецъ проговорилъ онъ.

— Я, любезный другъ, твоихъ источниковъ не знаю. На какіе ты источники рассчитывалъ, когда проигрывалъ въ карты казенныя деньги — изъ такса и плати.

— Вы сами очень хорошо знаете, что въ подобныхъ случаяхъ люди об источникахъ забываютъ!

— Ничего я, мой другъ, не знаю. Я въ карты никогда не игрывалъ — только вотъ развѣ съ маменькой въ дурачки сыгравъ, чтобъ потѣшить старушку. И, пожалуйста, ты меня въ эти грязныя дѣла не впутывай, а вотъ дѣмъ-ка лучше чайку попьемъ. Попьемъ да посидимъ, можетъ и поговоримъ о чемъ-нибудь — только ужъ, ради Христа, не объ этомъ.

И Иудушка направился-было — къ двери, чтобы юркнуть въ столовую, но Петенька остановилъ его.

— Позвольте, однако-жь, сказалъ онъ: — надобно-же мнѣ какъ-нибудь выйти изъ этого положенія!

Иудушка усмѣхнулся и посмотрѣлъ Петенькѣ въ лицо.

— Надо, голубчикъ, согласился онъ.

— Такъ помогите-же!

— А это... это ужъ другой вопросъ. Что надобно какъ-нибудь выйти изъ этого положенія — это такъ, это ты правду сказалъ. А какъ выйти — это ужъ не мое дѣло!

— Но почему-же вы не хотите помочь?

— А потому, во-первыхъ, что у меня нѣтъ денегъ для покрытія твоихъ дрянныхъ дѣлъ, а во-вторыхъ — и потому, что вообще это до меня не касается. Самъ напуталъ, самъ и выпутывайся. Любишь кататься — люби и саночки возить!

Негодуйте, злобствуйте, громите, если есть охота. Только помните, что это дѣло бесполезное и несправедливое — *несправедливое*, повторяю я. Мы были свидѣтелями злодѣянія, но злодѣя мы не видѣли. Дѣйствія Иудушки сознательны, болѣе того — они систематичны, я не только признаю это, но и настаиваю на этомъ. все-таки передъ нами нѣтъ подсудимаго. Преступникъ тотъ, кто попираетъ нравственный законъ — а развѣ мы можемъ обвинить въ этомъ Иудушку? Свои нравственныя правила Иудушка блюдетъ такъ, что можетъ служить образцомъ послѣдовательности и неизменной твердости, а если эти правила приводить на практикѣ почти къ дѣтоубійству — такъ ужъ это не его, а этихъ самыхъ «правильныхъ вина, вина усвоенной имъ морали. «Самъ напуталъ, самъ и выпутывайся»; «любишь кататься — люби и саночки возить»: чѣмъ-

это не принципы? Мы можемъ возставать противъ ихъ внутренняго значенія, оспаривать и осмѣивать ихъ идейное содержаніе, но не можемъ отрицать ихъ регулирующей роли для извѣстнаго класса людей, не можемъ, потому что эта роль — существующій фактъ. Я иду дальше: я не обинуюсь назову сыноубійцу Іудушку героемъ. Что, въ сущности, онъ сдѣлалъ? Онъ заклалъ своего сына на алтарь своей морали. Да развѣ можетъ быть большій героизмъ, развѣ торжество идеи, убѣжденія, можетъ выразиться рѣшительнѣе? А что Іудушкой управляло именно убѣжденіе, вошедшее въ его плоть и кровь до того, что онъ даже представить себѣ не могъ идеи другого характера и порядка — это не подлежитъ сомнѣнію. Авторъ не изображаетъ его ни Гарпагономъ, ни людодомъ изъ любви къ людодству. Для Іудушки важны были не несчастныя три тысячи, которыми онъ могъ спасти своего сына, ему дорогъ былъ принципъ, — гнусный, близорукій, безчеловѣчный и бессмысленный, но въ который Іудушка вѣрилъ, которымъ онъ исключительно жилъ!

Салтыковъ смотритъ иначе на своего героя и, по моему крайнему разумѣнію, смотритъ неправильно. Онъ говоритъ:

«Не надо думать, что Іудушка былъ лицемеръ въ смыслѣ, напримеръ, Тартюфа или любого современнаго французскаго буржуа, соловьемъ разсыпавшагося по части общественныхъ основъ. Нѣтъ, если онъ и былъ лицемеръ, то лицемеръ чисто русскаго пошиба, то-есть—просто человекъ, *лишенный всякаго нравственнаго мѣрила и не знающій иной истины, кромѣ той, которая значится въ азбучныхъ прописяхъ.* Онъ былъ невѣжественъ безъ границъ, сутяга, лгуноу, пустословъ и, въ довершеніе всего, боялся чорта. Все это—такіи отрицательныя качества, которыя отнюдь не могутъ дать прочнаго матеріала для дѣйствительнаго лицемерія. Во Франціи лицемеріе вырабатывается воспитаніемъ, составляетъ, такъ сказать, принадлежность «хорошихъ манеръ» и почти всегда имѣетъ яркую политическую или соціальную окраску. Есть лицемеры религіи, лицемеры общественныхъ основъ, собственности, семейства, государственности, а въ послѣднее время, народились даже лицемеры «порядка». Мы, русскіе, не имѣемъ сильно окрашенныхъ системъ воспитанія. Насъ не муштрують, изъ насъ не вырабатываютъ будущихъ поборниковъ и пропагандистовъ тѣхъ или другихъ общественныхъ основъ, а просто оставляютъ расти, какъ крапива растетъ у забора. Поэтому, между нами очень мало лицемеровъ и очень много лгуновъ, пустосвятовъ и пустослововъ. Мы не имѣемъ надобности лицемерить ради какихъ-нибудь общественныхъ основъ, ибо никакихъ такихъ основъ не знаемъ и ни одна изъ нихъ не прикрываетъ насъ. Мы существуемъ совсѣмъ сво-

бодно, т. е. прозябаемъ, лжемъ и пустословимъ сами по себѣ, безъ всякихъ основъ».

Это объясненіе противорѣчитъ фактамъ, которые дагь намъ въ руки самъ-же Салтыковъ, а главное противорѣчитъ самому себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны Іудушка «лишенъ всякаго нравственнаго мѣрила», съ другой стороны—Іудушка «не знаетъ иной истины, кромѣ той, которая значится въ прописяхъ». Не вѣдь въ томъ-то и дѣло, въ томъ-то и главнѣйшая черта Іудушки, что нравственнымъ мѣриломъ служить для него прописныя истины, мертвыя правила, окаменѣлыя афоризмы. Не въ томъ его горе, что онъ не имѣетъ нравственности, а въ томъ, что онъ имѣетъ фальшивую нравственность. Его «невѣжество безъ границъ»—та общая почва, на которой выросло его нравственное уродство. Онъ—«сутяга», потому что считаетъ долгомъ отстаивать свое «право», о которомъ его афористическая мораль говоритъ: «чужого не возьму и своего не упушу». Онъ «лгунъ»—потому что вся его мораль—одна сплошная ложь. Онъ «пустословъ», потому что неистощимъ запасъ его афоризмовъ. Онъ пустосвятъ, потому что смѣшиваетъ содержаніе съ формой, чувство съ обрядомъ. Всѣ его поступки—какъ это повидимому ни странно сказать объ Іудушкѣ—отличаются нѣкоторымъ идеалистичекимъ отгѣнкомъ, они являются какъ-бы исполненіемъ долга. Онъ не жестокой человѣкъ, а какой-то деревянный манекенъ, у котораго въ груди, вмѣсто сердца,—сборникъ сентенцій копѣчной морали. Но за этотъ сборникъ онъ держится крѣпко. Онъ для Іудушки—и критерій для нравственности, и матерьялъ для мысли, и предметъ для безконечныхъ разговоровъ. Объясненіе Салтыкова вредитъ больше всего его собственному произведенію, служиваетъ его значенію. Если-бы Іудушка былъ до такой степени лишенъ всякаго внутренняго содержанія, какъ это утверждаетъ Салтыковъ (т. е. Салтыковъ—комментаторъ, а не Салтыковъ—художникъ), хроника «Господа Головлевы» не имѣла-бы теперешняго горькаго, карающаго, высоко-сатирическаго смысла. Пустыхъ людей очень много, но далеко не всѣ они имѣютъ интересъ и значеніе для общества. Хлестаковъ и Ноздревъ—вотъ настоящіе «пустые» люди. Это типы, въ то-же время, чисто комическіе, по поводу которыхъ обществу нѣтъ особенныхъ причинъ беспокоиться и печалиться. Пустота Хлестакова не идетъ дальше безшабашнаго вранья, совершенно невиннаго, потому что—кому-же въ самомъ дѣлѣ вредъ отъ того, что Хлестаковъ утверждаетъ, будто онъ департаментомъ управляетъ и «Юрія Милославскаго» сочинилъ? Іудушка—совсѣмъ другое дѣло. Это человѣкъ принципа. Его хладнокровная жестокость, его деревянная безчувственность происходятъ не отъ его только личныхъ

свойствъ—скуности, эгоизма и т. п.—а главнымъ образомъ отъ того, что Іудушка вооруженъ теоретическими «сентенціями», санкціонирующими его образъ дѣйствій. Салтыковъ, въ лицѣ Іудушки, представилъ намъ крайняго, наиболѣе полнаго представителя ходячей морали и тѣмъ самымъ покаралъ и осмѣялъ ее. Въ этомъ все значеніе его произведенія, значеніе огромное, потому что на мѣсто отжившаго идеала выдвигается новый, болѣе человѣчный. Такая смѣна руководящихъ нравственныхъ идеаловъ, какъ въ живой личности такъ и въ жизни обществъ, ведетъ къ кризисамъ, приносящимъ людямъ обновленіе и спасеніе. Вспомнимъ крупнѣйшій историческій примѣръ этой категоріи. Въ мѣрѣ растлѣвающаго рабства, политическаго деспотизма, чудовищнаго неравноправія, безумной роскоши и убійственной нищеты внезапно раздалась проповѣдь о равенствѣ, объ искупленіи всѣхъ людей, о любви къ ближнему какъ къ самому себѣ, о ничтожествѣ земныхъ благъ, о великомъ грядущемъ судѣ, на которомъ первые очутятся послѣдними, а послѣдніе первыми и пр. Произошелъ великій нравственный переворотъ, который, разрастаясь все шире и шире, привелъ къ коренному измѣненію всѣхъ соотношеній общественныхъ силъ.

Салтыковъ заканчиваетъ свою эпопею какъ моралистъ—торжествомъ высшей нравственной правды. Онъ реабилитируетъ Іудушку въ нашихъ глазахъ, онъ заставляетъ его оплакивать жгучими слезами позднаго раскаянія свою безмысленно и безчеловѣчно прожитую жизнь. Лучшія свойства человѣческой природы, такъ долго подавляемыя всяческой традиціонной мертвечиной, берутъ наконецъ верхъ—слишкомъ поздно, чтобы обновить человѣка, но достаточно во время, чтобы заставить его искупить страданіями все причиненное имъ зло. «Всякій эпизодъ, всякое воспоминаніе прошлаго растравляли какую-нибудь язву, и всякая язва напоминала о повой свитѣ Головлевскихъ увѣчій. Какое-то горькое, мстительное наслажденіе чувствовалось въ разоблаченіи этихъ язвъ, въ ихъ расцѣнѣ и даже въ преувеличеніяхъ. Ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ не оказывалось ни одного нравственнаго устоя, за который можно-бы удержаться. Ничего, кромѣ жалкаго скопидомства, съ одной стороны, и безмысленнаго пустоутробія — съ другой. Вмѣсто хлѣба—камень, вмѣсто поученія—колотушка. И, въ качествѣ варианта, паскудное напоминаніе о дармоѣдствѣ, хлѣбогадствѣ, о милостынѣ, объ утаенныхъ кускахъ... Вотъ отвѣтъ, который получало молодое сердце, жаждавшее привѣта, тепла, любви». Іудушка *помялъ*: «надо меня простить! говорить онъ. За всѣхъ... И за себя... и за тѣхъ, которыхъ ужъ нѣтъ... Что такое! Что такое сдѣлалось?! почти растерянно восклицалъ онъ, озираясь кругомъ: гдѣ... *естъ?!...*»

Въ художественномъ, въ психологическомъ смыслѣ это ственное просвѣтлѣніе Іудушки обосновано превосходно. самый эпизодъ съ Любинькой и Анненькой, эпизодъ, съ котораго по трагической силѣ изображенія, въ нашей литературѣ очень немного можетъ стать на ряду, является въ глазахъ читателя достаточно сильнымъ психологическимъ мотивомъ, чтобы дѣйствовать даже на Іудушку. Но... но не страдаетъ ли Іудушка отъ правды жизни, точнѣе — правды *прозы* жизни, правды сѣрой и реальной дѣйствительности? Увы! Въ этой дѣйствительности Іудушка чаще всего до послѣдняго издыханія сохраняютъ увѣренность въ своей правотѣ, не мучатся никакими угрызениями, не видятъ своего изголовья никакихъ призраковъ и умираютъ «спокойно и мирно», имѣя въ перспективѣ лоно Авраамово. Легко бы было жить на свѣтѣ, если-бы преступленіе заключало въ себѣ казнь и возмездіе себѣ. Читатель закрываетъ книгу Салтыкова и чувствуетъ разочарованный и умиленный, но дѣйствительная жизнь даетъ не такіе впечатлѣнія и не такіе результаты.

Этихъ замѣчаній нашихъ недостаточно, конечно, чтобы вполнѣ охватить и разъяснить все богатство содержанія чисто-художественнаго произведенія Салтыкова, но ихъ, думаю, достаточно, чтобы указать на характеръ направленія этихъ произведеній — въ чемъ и состоитъ моя главная цѣль. Обратимся теперь къ характеристикѣ Салтыкова какъ сатирика, въ тѣсномъ значеніи этого слова.

М. Протопоповъ.

Петербургъ по переписи 1881 года.

Общественная жизнь такихъ большихъ центровъ, какъ Петербургъ, не смотря на нивелирующее вліяніе общихъ условий, отличается многими своеобразными чертами, изученіе которыхъ представляетъ не малый интересъ. Жизненные процессы совершаются здѣсь иначе, чѣмъ въ массѣ остальныхъ не только деревенскихъ, но и большей части городскихъ поселеній, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что раздѣленіе труда доведено въ нихъ до степени неизвѣстной въ другихъ поселеніяхъ. Соціальныя отношенія теряютъ здѣсь тотъ рѣзкій сословный или вѣрнѣе классный характеръ, который до сихъ поръ свойственъ общественной жизни провинціальныхъ городовъ, хотя, конечно, Петербургу далеко еще до свободныхъ отношеній западныхъ городовъ. Въ сферѣ экономической мы встрѣчаемся здѣсь съ такими сложными явленіями, которыя представляютъ полный контрастъ съ монотонной хозяйственной дѣятельностью нашихъ деревень и городковъ. Какъ центръ общественной жизни, Петербургъ, не смотря на существованіе Москвы, Одессы, до сихъ поръ занимаетъ исключительное положеніе. Нельзя поэтому не удивляться, что условія петербургской жизни до послѣдняго времени «слѣдовались какъ-то вскользь и по частямъ, и только, въ прошломъ году была сдѣлана попытка въ «Статистическомъ ежегодникѣ С.-Петербурга» собрать «въ одно цѣлое весь статистическій матеріалъ, въ которомъ отражается общественная и хозяйственная жизнь городского населенія».

Въ этомъ отношеніи Петербургъ отсталъ отъ большихъ городовъ западной Европы на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Въ Парижѣ, по почину графа Шаброля, еще въ 1821 году было сновано статистическое бюро для города и департамента Сены, давшее не мало

замѣчательныхъ изслѣдованій; по примѣру Парижа, лѣтъ 15 назадъ были основаны статистическія бюро въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Бернѣ и друг. городахъ, издающія ежегодно результаты своихъ работъ. Относительно полноты и качества матеріала ежегодникъ Петербурга во многомъ уступаетъ такимъ-же изданіямъ на Западѣ. Этотъ недостатокъ только отчасти можно объяснить непродолжительностью времени, какимъ располагали составители ежегодника для разработки матеріала, добытаго переписью 1881 г.; коренная причина его кроется въ неудачно составленной программѣ самой переписи, въ которой, напримѣръ, вопросы о профессіяхъ, о мѣрахъ заработка и т. п., можно сказать, совершенно отсутствовали. Кромѣ того и изъ добытаго матеріала составители не нашли нужнымъ опубликовать, какъ увидимъ далѣе, свѣдѣнія наиболѣе важныя, между тѣмъ какъ менѣе существенные вопросы, напр. о времени зачатій и смертей по мѣсяцамъ, разработаны чрезвычайной подробностью.

Пространство, занимаемое Петербургомъ по отношенію къ населенію, болѣе чѣмъ недостаточно. Вместе съ водою, оно занимаетъ 9,540 десятинъ 751 кв. саженью. На этомъ клочкѣ земли размѣстится 861,920 человекъ, такъ что на каждаго жителя приходится 21,8 кв. сажень. Но отношеніе окажется еще менѣе благоприятнымъ, если отбросить острова и пустынные окраины Обводного канала и взять лишь пространство между этимъ каналомъ и Невой, т. е. собственно «городъ». Здѣсь на 1 человека приходится всего 8,2 кв. сажени, а въ нѣкоторыхъ участкахъ какъ наприм. въ 1-мъ уч. Нарвской части, цифра эта падаетъ до 7,0, во 2-мъ уч. даже до 5, между тѣмъ какъ въ Берлинѣ приходилось въ 1880 г. на жителя около 11 кв. саж. По сравненію съ 1869 г. населеніе возрасло на 29,08 проц., что составляетъ 2,42 проц. въ годъ, а пространство на 1 жителя уменьшилось съ 28,2 кв. саж. (въ 1869 г.) до 21,8 (въ 1881). Петербургъ очевидно принадлежитъ къ числу быстро прогрессирующихъ городовъ по возрастанію населенія и въ такой-же степени быстро прогрессирующихъ относительно санитарныхъ условій, изъ которыхъ самое важное—достаточное количество мѣста и воздуха.

Посмотримъ теперь, какъ размѣщается петербургское населеніе по своимъ жилищамъ. Свѣдѣнія «Ежегодника» объ этой стороне дѣла не отличаются желательной полнотой. Онѣ ограничиваются цифрами о числѣ дворовыхъ участковъ, о числѣ строенныхъ каменныхъ, деревянныхъ, числѣ дворовыхъ мѣстъ съ садами, съ проведенной водою, съ проведеннымъ газомъ, съ жилищными помывочными машинами, съ жилищными чердаками. Не обращено никакого вниманія въ такія важныя особенности петербургскихъ помѣщеній, какъ чис-

этажей въ домахъ, число квартиръ съ окнами на улицу и во дворъ, пространства помѣщений къ числу лицъ ихъ занимающихъ, не обращено никакого вниманія на отношеніе квартиръ къ промыслу. Если-бы были приведены эти данныя, мы были-бы, вѣроятно, поражены, какая громадная масса жителей должна взбираться въ свои жилища по лѣстницамъ, мало уступающимъ лѣстницамъ колокольни Ивана Великаго, мы узнали-бы далѣе, что наиболѣе занятая часть петербуржцевъ принуждена жить въ надворныхъ строенияхъ, окна которыхъ выходятъ на дворы, замкнутые со всѣхъ сторонъ стѣнами и потому темныя и сырныя, мы узнали-бы затѣмъ какъ велико число тѣхъ квартиръ, гдѣ приходится въ одной комнатѣ и работать и спать и готовить пищу нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ. Этихъ драгоценныхъ данныхъ нѣтъ въ Статистическомъ Ежегодникѣ. Но и то, что есть въ немъ, свидѣтельствуешь о крайне неправильномъ удовлетвореніи насущнѣйшей потребности человѣка въ жилищѣ.

Деревянные дома повсюду уступаютъ мѣсто каменнымъ, и въ 23 участкахъ, изъ всѣхъ 38, каменные составляютъ теперь болѣе 50 проц. Городъ отъ такой перемены несомнѣнно выигралъ въ красотѣ и безопасности отъ пожаровъ, чему можно было-бы только порадоваться, если-бы не одно обстоятельство. По строительному уставу, въ видахъ предупрежденія пожаровъ, опредѣлено для постройки деревяннаго дома извѣстное пространство двора именно 10 саж. на лицо и столько-же внутрь. Предупреждая пожары, эта мѣра ставила препятствія скученности населенія, и обывателямъ остается нѣкоторый просторъ, возможность передохнуть свѣжимъ воздухомъ, выпустить на волю ребятишекъ. Для каменныхъ домовъ никакихъ ограниченій относительно размѣра дворовъ не существуетъ и, благодаря этому, на ничтожныхъ клочкахъ тѣсняются бокъ-о-бокъ громадныя казармы, биткомъ набитыя сверху до низу живыми людьми, пользующимися свѣтомъ и воздухомъ съ миниатюрныхъ дворовъ, болшею частію зловонныхъ, такъ какъ по нимъ проходятъ водосточныя трубы и люки и почти всегда запертыхъ съ четырехъ сторонъ стѣнами, что придаетъ этимъ дворамъ видъ колодцевъ.

Объ этихъ «неудобствахъ» петербургскихъ жилищъ, какъ сказано, «Ежегодникъ» умалчиваетъ. Но за то тамъ много говорится объ «удобствахъ»: проведенной водѣ и газѣ. Безспорно, оба эти нововведенія представляются въ высшей степени цѣнными. Какой недостатокъ въ водѣ терпѣли-бы жильцы верхнихъ этажей и какъ дорого-бы обошлось-бы имъ это «даровое» благо природы, если-бы не было водопроводовъ, повять не трудно. Но прежде всего, даже въ каменномъ Петербургѣ водопроводы устроены во всѣхъ

домахъ подрядъ только въ двухъ участкахъ Спасской части; остальныхъ центральныхъ частяхъ города процентъ домовъ проведенной водой колеблется отъ 77 до 99 проц. Разумѣется, чѣмъ дальше къ окраинамъ, тѣмъ процентъ этотъ понижается, падая на краяхъ до 1 проц. и до 0. Въ всемъ городѣ домовъ водопроводами 4,299, что даетъ 44,1 проц, т. е. менѣе половины.

Въ «Ежегодникѣ» говорится лишь объ устройствѣ водопроводовъ на дворовыхъ мѣстахъ. Но для уясненія пользы этого нововведенія было бы важнѣе знать число *квартиръ*, снабженныхъ проведенной водой, и притомъ отдѣльно: въ домахъ выходящихъ на улицу и во дворъ. Сплошь и рядомъ можно встрѣтить, что то время какъ въ переднемъ зданіи воды вволю, жильцы надворныхъ строеній принуждены добывать ее или изъ грязныхъ чановъ расположенныхъ подъ открытымъ небомъ среди дворовъ, или отъ водовозовъ, а лѣстницы, за отсутствіемъ клозетовъ, пропитаны зловоніемъ, превосходящимъ всякую мерзость. Теперь о газѣ. Онъ еще менѣе, чѣмъ водопроводъ, доступенъ большинству петербургскихъ обывателей. Это большинство знаетъ о немъ лишь по уличнымъ фонарямъ, да по блестящимъ рожкамъ магазиновъ. Газовое-же освѣщеніе лѣстницъ составляетъ принадлежность квартиръ лишь незначительнаго меньшинства. Въ цѣломъ Петербургѣ газъ проведенъ всего въ 1954 домахъ, конечно въ самомъ центрѣ города и, по всей вѣроятности, только въ лицевыхъ частяхъ домовъ; жильцы-же надворныхъ зданій принуждены, какъ и прежде, довольствоваться жалкими коптилками, именующимися почему-то лампами, по одной или по двѣ на 4—5 этажей.

Въ концѣ концовъ, водопроводъ и газъ представляютъ лишь слабое вознагражденіе за тотъ просторъ, свѣтъ и воздухъ, котораго лишены теперь петербуржецъ, благодаря казарменнымъ постройкамъ. Что касается до другихъ архитектурныхъ улучшеній, каковы, наримѣръ, водяное, паровое, амосовское, колориферное отопленіе и т. п., то они скорѣе свидѣтельствуютъ о большой изобрѣтательности домохозяевъ въ добываніи барышей, чѣмъ о ихъ желаніи улучшить условія жизни квартирантовъ. Цѣны опредѣляются, какъ извѣстно, отношеніемъ спроса къ предложенію. Цѣны на квартиры съ отопленіемъ подчиняются тому-же закону и понятно, что чѣмъ дешевле отопленіе дома сравнительно съ дровянымъ, тѣмъ больше прибыли остается въ пользу домовладѣльца, догадавшагося ввести «улучшенную» систему отопленія. Что касается до жильцовъ, то было-бы интересно изсѣдовать сколько жизни сократила, сколько здоровья попортила сухая, то колодная, то черезчуръ жарная атмосфера квартиръ съ водянымъ и друг. системами отопленія. Но объ этомъ любопытномъ

вопросъ въ «Ежегодникѣ» въ сожалѣнію совсѣмъ умалчивается, конечно по отсутствію данныхъ. Та-же погоня за наживой привела еще въ другому результату, не менѣ вредному въ гигиеническомъ отношеніи. Тѣ небольшія садики возлѣ домовъ, когда-то радовавшіе взглядъ небогатыхъ петербуржцевъ, не имѣвшихъ средствъ выѣзжать на дачи и дававшіе ихъ дѣтямъ возможность поиграть на волѣ и подышать свѣжимъ воздухомъ, исчезаютъ съ непомѣрной быстротой. Въ «Ежегодникѣ» нѣтъ свѣдѣній о пространствѣ садовъ, по которымъ только и можно было-бы составить точное представленіе о сокращеніи ихъ площади, но и по цифрѣ убывающихъ садовъ можно судить о быстротѣ, съ какою происходитъ ихъ исчезновеніе. Въ теченіи 12 лѣтъ съ 1869 по 1881 годъ число садовъ сократились: въ александроневской съ 349 до 273, въ литейной съ 235 до 130, въ рождественской съ 266 до 238. Небольшое увеличеніе числа садовъ въ адмиралтейской, казанской и спасской частяхъ далеко не уравниваетъ ихъ уменьшенія въ другихъ частяхъ города. Чифра садовъ и огородовъ значительно возросла лишь на петербургской и выборгской сторонахъ, отчасти на васильевскомъ островѣ, гдѣ и такъ довольно свободнаго пространства. Но и здѣсь это увеличеніе, какъ замѣтилъ и составитель «Ежегодника», произошло вслѣдствіе дробленія имущества, такъ что весьма возможно, что и въ этихъ частяхъ общая площадь садовъ сократилась. Да и можетъ-ли быть рѣчь о сохраненіи садовъ при той громадной цѣнѣ, какой достигли теперь дворовые участки: квадратная сажень на окраинѣ стоитъ по 40—50 руб., а въ центрѣ она колеблется между 150 и 1,000 р. Домовладѣлецъ, дорожающій садомъ, или разводящій новый, рискуетъ теперь возбудить общій-хохоть всего околотка и прослыть чудачкомъ. «Этакая можно сказать благодать—цѣна, а онѣ кусты, прости Господи, дрянн этакую держить», говорятъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ сосѣди. Можно было-бы написать очень пламенную статью на тему «цивилизациа и гигиеническія условія», если-бы пестрый сбродъ петербургскихъ домовладѣльцевъ имѣлъ что нибудь общее съ цивилизаціей. Въ «Ежегодникѣ» нѣтъ данныхъ о составѣ этого достопочтеннаго класса, но всѣмъ извѣстно, что наибольшій процентъ его составляютъ разжившіеся кулаки изъ торговцевъ, подрядчиковъ, землевладѣльцевъ, воздвигающихъ въ кредитъ на мѣстѣ двухъ этажныхъ домовъ своихъ отцовъ роскошныя палаццо для сдачи скверныхъ квартиръ и торговыхъ заведеній. Заглянемъ теперь внутрь этихъ палаццо. Большинство домовъ въ центрѣ Петербурга представляетъ такой видъ: внизу подвалы, окна которыхъ ниже или наравнѣ съ поверхностью мостовой, затѣмъ идутъ 4—5 этажей квартиръ и на самомъ верху

въ крышахъ жилые чердаки. Нечего и говорить, что и подвалы и чердаки представляютъ въ гигиеническомъ отношеніи полнѣйшее безобразіе. Между тѣмъ въ этихъ-то логовищахъ скопилось относительно наибольшая масса обитателей. Деревенская изба, какъ-бы она ни была дрянна, по количеству свѣта и воздуха не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ этими норами. Днемъ еще туда сюда. Но ночью, когда собираются всѣ обитатели съ работъ, видъ подваловъ представляетъ поистинѣ нѣчто ужасное. Впрочемъ достаточно взглянуть на блѣдныя лица дѣтей, познакомиться съ ихъ болѣзнями чтобы судить о вліяніи этихъ жилищъ на человѣчскій организмъ. Въ 1881 году жилыхъ подваловъ въ Петербургѣ было 26,8 проц. Но среднія цифры о такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, не даютъ никакого представленія о распредѣленіи подвальныхъ и чердачныхъ этажей по городу. Наибольшая часть ихъ сосредоточена въ фешенебельныхъ кварталахъ столицы, спаской, адмиралтейской, литейной и казанской частяхъ. На окраинахъ, гдѣ каменныхъ домовъ мало, нѣтъ и подваловъ. За то деревянные дома окраинъ изобилуютъ чердаками и холодными кѣтушками, сбитыми изъ досокъ или барочнаго лѣсу, и открытыми вліянію всѣхъ вѣтровъ. Всего болѣе домовъ съ чердачными помѣщеніями въ частяхъ: нарвской, рождественской, коломенской и московской. Статистика не даетъ намъ свѣдѣній о числѣ жильцовъ, такъ что мы не можемъ судить о размѣрахъ ихъ переполненія. Но если положить, что 6 человѣкъ на 1 комнату средней величины представляютъ крайній предѣлъ нормальнаго населенія, то можно съ увѣренностію сказать, что большая часть чердаковъ и подваловъ переполнены жильцами выше этой мѣры. Перейдемъ теперь къ болѣе удобнымъ «квартирамъ». Сравненіе переписи 1869 и 1881 года показываетъ, что въ Петербургѣ произошло значительное уменьшеніе маленькихъ дешевыхъ квартиръ. Число квартиръ въ 1, 2, 3, 4 и 5 комнатъ равное въ 1869 г. 78 проц. всѣхъ квартиръ, въ 1881 г. составляло только 74,2 проц., въ то же время число квартиръ въ 6—10 комнатъ увеличилось съ 18 проц. до 21,9 проц. Что касается до цѣны квартиръ, то она повысилась. Какъ объяснить такое повышеніе цѣнъ. Значитъ-ли это, что населеніе сдѣлалось зажиточнѣе? Но такому предположенію противорѣчитъ все, что мы знаемъ о петербургской жизни, гдѣ жалобы на недостатокъ средствъ сдѣлались общими. Или можетъ быть квартиры стали лучше? Нѣтъ. По однимъ голыми цифрамъ о числѣ квартиръ безъ отношенія ихъ къ числу населенія нельзя сдѣлать никакихъ опредѣленныхъ выводовъ. Достоверно лишь то, что число комнатъ не даетъ понятія о помѣстительности квартиръ. Достаточно сравнить любой старыи домъ съ домомъ новой

постройки, чтобы убѣдиться, какъ уменьшилась вмѣстимость комнатъ. Сплошь и рядомъ подъ именемъ комнатъ слывятся клѣтушки, съ низкими потолками, въ одну, полторы сажени въ квадратѣ. Очень жаль, что при переписи не собиралось свѣдѣній, хотя бы о числѣ оконъ; тогда представленіе о вмѣстимости квартиръ было бы всетаки полнѣе. По мнѣнію г. Янсона, уменьшеніе маленькихъ квартиръ означаетъ, «что въ Петербургѣ стало больше богатыхъ людей, но трудно стало бѣднякамъ, потому что число помѣщений для нихъ уменьшилось относительно вдвое». Для характеристики удобствъ квартиръ было бы важно сопоставить ихъ помѣстительность съ проц. смертности, но объ этой сторонѣ дѣла также не находимъ ничего въ «Ежегодникѣ». Точно также нѣтъ свѣдѣній о состояніи хозяйствъ: изъ кого состоятъ жильцы квартиръ, изъ однихъ-ли членовъ семьи или членовъ семьи и прислуги. Затѣмъ было бы важно знать сколько квартиръ съ жильцами, съ ночлежниками и т. п. Но хотя бы, наконецъ, приведена была цифра населенности домовъ—и этого нѣтъ. Эти цифры собраны переписью и непомѣщеніе ихъ въ «Ежегодникѣ» можно объяснить лишь тѣмъ, что составители его не придали имъ особаго значенія. Въ какія бы, однако, подробности не входила статистика она не можетъ дать понятія о всѣхъ неудобствахъ петербургскихъ жилищъ. Представьте себѣ читатель семьянина, занимающаго съ женой и дѣтьми на высотѣ 60—100 ступенекъ, квартиру въ 4 комнаты, отдѣленные другъ отъ друга и отъ сосѣднихъ квартиръ досчатыми переборками, черезъ которыя проникаетъ чадъ и слышится говоръ, вдыхающаго смраднѣйшій воздухъ двора и испаренія изъ нижнихъ квартиръ, не знающаго куда въ продолженіи дня дѣвать дѣтей, которымъ негдѣ побѣгать ни дома, ни во дворѣ, — постоянно враждующаго съ верхними жильцами изъ-за стука, передвижанья мебели, и вы поймете, что какъ мало свободы и удобствъ даетъ совмѣстная жизнь въ петербургскихъ казармахъ и какъ далеко въ этомъ отношеніи превосходятъ ихъ отдѣльные дома небольшихъ городовъ, гдѣ одна—двѣ семьи живутъ полными хозяевами.

Обратимся къ питанію и вообще потребленію петербуржца. Количество и качество потребляемыхъ предметовъ на жителя и, еще важнѣе, на члена каждаго отдѣльнаго общественнаго класса дало бы наиболѣе вѣрное представленіе о благосостояніи петербургскаго населенія. Но статистика потребленія находится пока въ эмбриональномъ состояніи. Еще можно найти кое-какія свѣдѣнія о потребленіи того или другого продукта, но по нимъ можно судить о степени довольства лишь съ большою осторожностью и только принимая во вниманіе взаимное отношеніе всѣхъ важнѣйшихъ предметовъ потребленія. Уменьшившееся потребленіе хлѣба

не всегда равнозначуще съ голодомъ, такъ какъ недостатокъ новаго хлѣба могъ быть пополняемъ суррогатами: картофелемъ и т. п. Но имѣя постоянно въ виду это, можно придти къ вѣрнымъ выводамъ и изъ свѣдѣній о размѣрѣ потребленія этихъ продуктовъ. Важнѣйшіе предметы потребленія, какъ извѣстно, хлѣбъ, мясо, соль, сахаръ, чай, кофе, спиртные напитки и т. д. Какое-же количество этихъ продуктовъ падаетъ на средняго петербуржца? По тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, какія собраны изъ разныхъ, иногда довольно сомнительныхъ, по сознанию самого автора, источниковъ, можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ. Относительно хлѣба Петербургъ поставленъ въ полную зависимость отъ привоза изъ хлѣбородныхъ губерній. Окружающая мѣстности на далекое пространство отъ Петербурга производятъ такъ мало хлѣба, что сами постоянно нуждаются въ подвозѣ хлѣбѣ. Хлѣбъ привозится водой, и по Невѣ, и по Николаевской хлѣбной дорогѣ, Варшавской, Балтійской и Финляндской, или сухо, и же привозятъ, сколько и увозятъ, или только вывозятъ хлѣбъ изъ Петербурга для продовольствія мѣстностей по нимъ лежащихъ. Въ 1881 годъ былъ однимъ изъ неблагопріятныхъ по отношенію къ снабженію петербургскаго рынка хлѣбомъ. Пшеницы, напримѣръ, привезено было въ этомъ году сравнительно съ 1879 г. на 17,833,000 пудовъ менѣе, а сравнительно съ 1880 даже на 2,283,863 пудовъ менѣе—14,668,719 пудъ, а сравнительно съ 1880—на 7,038,375 пудовъ. Также уменьшился привозъ ржаной муки и крупы, идущихъ исключительно на мѣстное потребленіе. Чистый привозъ ржаной муки былъ въ 1881 г. меньше привоза въ 1879 на 7,593,847, а въ 1880 и пшеничной муки привезено меньше, чѣмъ въ 1880 году. Остатокъ непомѣрное вздорожаніе хлѣба, бывшее злобой дня въ продолженіи 2 лѣтъ и остающееся ею отчасти до сихъ поръ. Въ концѣ года стало замѣтно ослабленіе цѣнъ. Мука ржаная въ началѣ 1881 года за кулъ продавалась 16,50 р., а въ концѣ года 12,75 и 13 р. Точно также пали цѣны на муку крупитчатую и крупу прешутскую. Только цѣны на овесъ остались прежнія. Вычитая изъ привоза въ Петербургъ, получаемъ количество, остающееся въ Петербургѣ. Но идетъ ли этотъ остатокъ весь на мѣстное потребленіе или часть остается для вывоза—объ этомъ судить по даннымъ Ежемѣсячнаго годника нельзя. По этому было-бы напрасной тратой времени измерять количество оставшагося хлѣба на число жителей. Цѣны, полученные такимъ способомъ, не дали-бы вѣрнаго понятія о размѣрахъ потребленія на человѣка, но несомнѣнно, что размѣры были ниже нормальныхъ. Конечно, богатые люди ѣли, какъ и всегда, столько, сколько хотѣли, но люди не только низшаго, но даже средняго достатка терпѣли недостатокъ или ѣли хлѣбъ съ разл.

ними примѣсами. Что касается до потребления мяса, то объ этомъ вопросъ, г. Янсону благодаря сочувственному отношенію смотрителя светопригоннаго двора, удалось добыть довольно цѣнныя данныя. Изъ нихъ видно: 1) что количество крупнаго скота, поступающаго на убой, *постоянно уменьшается*, и 2) что потребление черкаскаго скота все болѣе и болѣе замѣняется потреблениемъ русскаго и ливонскаго, т. е. мясомъ худшаго качества. Въ три года съ 1878 и 1881 количество продажнаго скота вообще уменьшилось на 12 проц., а черкаскаго на 27 проц. Этотъ недостатокъ восполняется постоянно возрастающимъ подвозомъ битаго мяса. Вообще всякаго мяса битаго въ Петербургѣ и подвознаго петербуржцами потребляется приблизительно 4.727,423 пуд., что составляетъ въ годъ на 1 жителя около 5 п. 3 ф. Какъ распредѣляется потребление мяса между общественными классами, неизвѣстно, но съ каждымъ годомъ этотъ продуктъ становится бѣднымъ менѣе доступнымъ. Цѣны на мясо возрастаютъ быстро. Въ 1878 средняя цѣна пуда черкаскаго мяса была 3,91 р., а въ 1881 г. — 5,41, русскаго 3,24, а въ 1881 г. 4,04 р. Оразмѣрахъ потребления остальныхъ продуктовъ на голову по Ежегоднику нельзя составить даже приблизительно понятія. Но вообще цѣны на все дорожаютъ и первыя потребности удовлетворяются хуже.

Посмотримъ теперь, откуда добываютъ петербуржцы средства къ существованію, чѣмъ они занимаются? Разнообразіе занятій составляетъ отличительную черту города отъ деревни, населеніе которой знаетъ въ большинствѣ случаевъ почти одинъ, много два, три рода труда. Это разнообразіе сферъ труда открываетъ каждому нѣкоторую возможность выбора занятія сообразно своимъ наклонностямъ и способностямъ. Отсюда умственная подвижность городского населенія, его наклонность къ перемѣнамъ, большая терпимость къ другимъ, составляющія противоположность умственной лѣни, привязанности къ обычаямъ, предрасудкамъ и традиціонному образу жизни деревенскихъ жителей. Отсюда же рядъ безобразнѣйшихъ нравственныхъ явленій, проистекающихъ изъ борьбы за выгодный промыселъ, совокупность которыхъ именуется однимъ словомъ «ловкость», другими — «подлость». Важное значеніе «занятія» для характеристики городской жизни привело западныхъ статистиковъ замѣнить собираніе свѣдѣній по промысламъ, такъ называемую «промышленно-торговую статистику» статикой профессій (Berufstatistik). Различіе между ними по Энгелю (Die Reform der Gewerbestatistik in deutschen Reich) заключается въ томъ, что центръ тяжести при промышленной статистикѣ лежитъ въ мастерскихъ (Betriebsstätten), между тѣмъ какъ при статистикѣ профессій онъ переносится на лица. Статистика профессій, обыкновенно

соединяемая съ переписью, даетъ все болѣе полное и вѣрное представление о хозяйственной дѣятельности населенія. Но она представляетъ большія затрудненія. Трудность классификаціи профессій еще преодолима. Но затѣмъ остается рядъ затрудненій, происходящихъ отъ того, что одно и тоже лицо, какъ это часто бываетъ, занимается въ одно время нѣсколькими промыслами, и что члены семейства часто не принимаютъ активного участія въ производствѣ главы семейства и для нихъ его промыселъ служитъ лишь источникомъ средствъ къ существованію; наконецъ, большія трудности проистекаютъ отъ неопредѣленности границъ между промыслами. Въ городахъ, правда, раздѣленіе труда рѣзче, и такого соединенія профессій, какъ въ деревнѣ, гдѣ земледѣлецъ нерѣдко занимается извозомъ, рыбной ловлей, торговлей — не встрѣчается, но здѣсь существуютъ зато цѣлые классы, которые не могутъ быть причислены ни къ какимъ опредѣленнымъ профессіямъ. Для членія выраженія «поденщикъ», либеральная профессія, «чернорабочій» не даютъ никакого понятія о родѣ занятія людей, къ которымъ эти выраженія относятся, если точно не обозначено — какомъ рода работой занимается то или другое лицо. Трудности профессиональной статистики, очевидно, не малы, хотя онѣ все-таки непреодолимы, но только она одна можетъ дать понятіе о томъ, какъ распредѣлять трудъ между составными элементами населенія. Добиться этого результата тѣмъ болѣе важно, что, какъ извѣстно, родъ занятій опредѣляетъ социальное положеніе лица. Въ «Ежегодникѣ» мы не находимъ, впрочемъ, даже и намековъ на какую-либо статистику профессій. Извѣстно, что въ программу переписи 1881 года не было вовсе включено вопросовъ о профессіи. Руководитель переписи и составитель «Ежегодника», г. Янсонъ, справедливо жалуется, что, не смотря на множество органовъ, собирающихъ свѣдѣнія о промыслахъ, промышленная статистика Петербурга находится въ самомъ плачевномъ состояніи. Тѣмъ болѣе нужно было позаботиться при переписи о лучшей организаціи ея. Между тѣмъ, теперь приходится довольствоваться жалкими отрывками, которые къ тому-же сгруппированы въ «Ежегодникѣ» по старой неудовлетворительной системѣ «статистики промысловъ». Понятно, что картина промышленно-торговой дѣятельности Петербурга выходитъ далеко не полна. Недостаетъ наиболѣе характерныхъ данныхъ.

Въ 1881 году считалось въ Петербургѣ 22,139 промышленныхъ и ремесленныхъ заведеній, изъ нихъ 6,675 относятся къ отдѣлу обрабатывающей промышленности. Остальные заведенія — торговныя. Наибольшій проц. ремесленно-промышленныхъ заведеній (безъ фабрикъ и заводовъ сосредоточенъ въ центральной части Петербурга:

въ Спасской 21 проц., Московской — 16,4 проц., Литейной — 10,5 проц. Изъ таблицъ, касающихся крупныхъ (работающихъ болѣе чѣмъ 20-ю рабочими) предпріятій узнаемъ, что такихъ заведеній въ городѣ и пригородныхъ участкахъ было 386 съ 741,626 рабочихъ. Узнаемъ, что между работниками 6,787 малолѣтнихъ (9 проц.). Изъ числа этихъ предпріятій 368 съ 64,698 рабочими, между которыми 9,2 проц. малолѣтнихъ, принадлежатъ частнымъ лицамъ, и 18 (4,7 проц.) съ 9,428 рабочими, между которыми малолѣтнихъ 7,8 проц. — казнѣ. Казенныя фабрики по числу рабочихъ относятся къ крупнымъ предпріятіямъ, большинство частныхъ, именно около $\frac{2}{3}$, занимаютъ каждое не болѣе 100 рабочихъ. На среднее частное предпріятіе приходится 176 рабочихъ; на среднее казенное 523. Что касается до участія малолѣтнихъ, то оно наиболѣе сильно въ крупныхъ предпріятіяхъ, гдѣ число рабочихъ достигаетъ 500—2000 человекъ. Это объясняется тѣмъ, что большинство крупныхъ предпріятій приходится на долю обрабатывающихъ волокнистыя вещества (хлопокъ) и на табачныя фабрики.

По роду производствъ всѣ предпріятія могутъ быть сведены въ слѣдующія группы: 1) чугуно-литейное и механическое производства занимаютъ 62 завода, съ 16,708 рабочими (16,8 проц. предпріятій и 25,8 проц. рабочихъ); 2) хлопчатобумажнаго — въ которомъ на 30 фабрикахъ работаютъ 16.418 рабочихъ (25,3 проц.); 3-ю группу составляютъ заводы табачныхъ издѣлій, пиво-медоваренные, водочные. Всѣхъ заводовъ и фабрикъ этого рода 59 съ 11,701 рабочими. За этими тремя главными группами, занимающими 69,2 проц. всѣмъ рабочимъ, слѣдуютъ менѣе значительныя группы заводовъ химическихъ производствъ, для обработки земель металловъ, волокнистыхъ веществъ, для механической обработки дерева, бумажнаго и обойнаго производствъ, экипажнаго производства.

Этими данными и ограничиваются всѣ свѣдѣнія «Ежегодника» о фабрикахъ. Нѣтъ цифръ ни о размѣрахъ производствъ, ни о величинѣ заработной платы. Изъ другихъ промысловъ «Ежегодникъ» обращаетъ вниманіе лишь на извозный промыселъ. Свѣдѣнія о немъ разработаны по листкамъ, выдаваемымъ полиціей извозникамъ, для полученія этими послѣдними жестянокъ по уплатѣ налога въ городское казначейство. Извозники въ Петербургѣ трехъ разрядовъ: легковые, каретные и ломовые. За исключеніемъ каретнаго промысла, весь извозный промыселъ въ рукахъ мелкой промышленности. Изъ 7,288 человекъ, выѣзжавшихъ въ легкой извозъ — 4,304 одиночекъ-хозяевъ и 2,505 работниковъ; въ каретномъ и ломовомъ отношеніе менѣе благоприятно; въ первомъ, конечно, вслѣдствіе дороговизны экипажа, совсѣмъ нѣтъ одиночекъ. во-второмъ они составляютъ нѣсколько болѣе $\frac{1}{3}$: изъ 5,055 изво-

щиковъ-хозяевъ всего 1,478, рабочихъ 3,541. Но вообще въ извѣстномъ промыслѣ нѣтъ крупныхъ предпріятій. Число хозяевъ, имѣющихъ болѣе 10 рабочихъ, составляетъ всего 2, 3 проц. общаго числа извозчиковъ. Что касается до сословія извозчиковъ-хозяевъ, то большинство ихъ принадлежитъ къ крестьянамъ, но есть дворяне, купцы, мѣщане. Большинство крестьянъ изъ Петербургской губерніи, затѣмъ слѣдуютъ извозчики изъ губерній Рязанской, Тверской и Калужской.

О размѣрахъ заработковъ извозчиковъ мало извѣстно. Но несомнѣнно, онѣ теперь меньше, чѣмъ въ прежніе годы. Въ послѣднее время появился опасный для нихъ конкурентъ въ видѣ конножелезныхъ дорогъ. Число пассажировъ, перевозимыхъ конножелезными дорогами, измѣняется десятками милліоновъ. Въ 1881 году, впрочемъ, замѣтно уменьшеніе пассажировъ; между тѣмъ, какъ въ 1879 г. по линіямъ 2-го общества перевезено 33¹/₂ милліоновъ лицъ, въ 1881 г. уже только 29 милліоновъ.

Мѣстъ торговли: лавокъ, магазиновъ и проч. по переписи 1881 года оказалось 13,482. Самыя торговныя части города: Спасская, Адмиралтейская, Казанская, Рождественская и Васильевская. Заведеній съ продажей крѣпкихъ напитковъ болѣе всего въ частяхъ: Коломенской, Александровской и Петербургской. Вотъ и все, что мы узнаемъ изъ «Ежегодника» о занятіяхъ петербургскихъ обывателей. Мы не узнаемъ ни о количествѣ лицъ, живущихъ личными услугами: лакеевъ, кухарокъ и т. п., ни о числѣ лицъ, занятыхъ леченіемъ и вообще услугами больнымъ, воспитаніемъ и обученіемъ, искусствами, литературой, ни о численности духовенства, разныхъ видовъ военныхъ и гражданскихъ служащихъ, рентьеровъ, пенсіонеровъ, ни о числѣ, самостоятельно живущихъ женщинъ, лицъ безъ опредѣленныхъ занятій, и т. п. Наконецъ, было бы не лишне для характеристики соціальной жизни собрать полныя свѣдѣнія о развитіи проституціи. Число браковъ представляетъ постоянное, хотя сравнительно медленное возрастаніе. На 1,000 жителей въ 1869 г. приходилось 6,4, въ 1880 г.—6,5, а въ 1881 г.—6,6 или одинъ бракъ на 150 жителей. Въ цѣлой Россіи въ 1871—72 годахъ, на 1,000 жителей приходилось 10,2 браковъ. Такая громадная разница между Петербургомъ и Россіей объясняется своеобразными отношеніями половъ въ Петербургѣ, ровно какъ и общими условіями петербургской жизни. Прежде всего, женщины здѣсь меньше, чѣмъ мужчины. Правда, въ послѣдніе годы разница значительно сгладилась: въ 1879 г. на 100 мужчинъ приходилось всего 76,8, въ 1881 г.—уже 81,4, но все-же перевѣсъ мужчинъ великъ до сихъ поръ. Въ «Ежегодникѣ» нѣтъ никакихъ свѣдѣній о распредѣленіи половъ по возрастамъ, такъ что мы

не знаемъ численнаго отношенія мужчинъ и женщинъ въ годы половой зрѣлости. Надо думать, однакожь, что отношеніе это не въ пользу женщинъ. Трудность устроить домашній очагъ при дороговизнѣ жизни, большая независимость женщинъ, имѣющихъ возможность существовать самостоятельно (фабричными работами и т. п.); наконецъ, невозможность для однихъ (солдатъ) вступить въ бракъ въ силу прямого запрещенія со стороны закона, развитіе проституціи — всё эти обстоятельства должны, конечно, не мало вліять на уменьшеніе численности браковъ. Лучшую часть «Ежегодника» составляетъ отдѣлъ о населеніи.

Петербургъ принадлежитъ къ числу быстро растущихъ городовъ. Въ теченіе столѣтія съ 1765 по 1865 годъ населеніе его увеличилось приблизительно на 259 проц. Болѣе точныя данныя о быстротѣ роста населенія получаются изъ сравненія переписи 1869 г. съ 1881 г. Въ теченіе 12 лѣтъ, раздѣляющихъ эти годы, число жителей возрасло на 29,8, что составляетъ 2,42 проц. въ годъ. Но если взять естественную смертность, то Петербургъ несомнѣнно представляетъ вымирающій городъ. Умираетъ здѣсь гораздо больше, чѣмъ рождается. Въ теченіе 13 лѣтъ, съ 1868 по 1881 г., естественная убыль, происходящая отъ перевѣса смертей надъ рожденными, равнялось 30.001 чел., т. е. 4,5 проц. населен. 1869 г., или въ средній годъ 0,35 проц. Есть основаніе думать, что цифра эта ниже дѣйствительной. «Такимъ образомъ, если населеніе Петербурга приростаётъ, то исключительно на счетъ пришлаго населенія».

Обращаясь къ детальному анализу факторовъ движенія населенія замѣтимъ прежде всего, что эта часть разработана г. Янсономъ особенно тщательно, даже ^{еще} въ излишнихъ подробностяхъ. Православные начинаютъ и кончаютъ вступать въ бракъ раньше, чѣмъ лица другихъ исповѣданій: православныхъ мужчинъ старше 60 лѣтъ вступаетъ въ бракъ меньше, чѣмъ протестантовъ въ этомъ же возрастѣ.

Было-бы въ высшей степени любопытно изслѣдовать, какъ такая запоздалость браковъ вліяетъ на счастье супруговъ, объ этомъ можно было-бы судить по цифрѣ разводовъ официальныхъ и неофициальныхъ, но въ «Ежегодникѣ» нѣтъ даже голыхъ цифръ. Любопытно было-бы также уяснить, не въ этой-ли запоздалости браковъ лежитъ причина ихъ слабой плодовитости.

Что касается до распредѣленія браковъ по семейному состоянію, то, по общему мнѣнію, благоприятнымъ признакомъ считается большая пропорція первыхъ браковъ. Въ этомъ отношеніи въ Петербургѣ замѣчается большое сходство съ тѣмъ, что наблюдается въ Россіи вообще: преобладающими являются здѣсь пер-

вне браки, т. е. между холостыми и дѣвцами:—такихъ браковъ въ 1-й половинѣ 1881 г. было 76,4 проц. (въ 1871 г. во всей Россіи 765,6, въ 1872—751,9, на 1,000, въ большей части западныхъ странъ пропорція выше).

Весьма важное значеніе для характеристики соціальной жизни имѣетъ вопросъ о возрастѣ вступающихъ въ бракъ. Россія страна раннихъ браковъ: около 68,31 проц. всѣхъ брачующихся моложе 25 лѣтъ (въ Англіи такихъ 51,90 проц., во Франціи 26,99, въ Италіи 26,27 проц.). Въ 1872 г. изъ каждаго 1,000 мужчинъ, вступившихъ въ бракъ, 365,6 были 20-ти лѣтъ и моложе, 307,1 отъ 21 до 25 лѣтъ. Женщины вступаютъ въ бракъ въ эти возрасты еще болѣе: изъ 1,000 вступившихъ въ бракъ въ 1882 г., 560,6 были моложе 20 лѣтъ, 287,7 отъ 21 до 25. Сравнительно болѣе поздняя зрѣлость петербургскихъ юношей и дѣвицъ, трудность устроиться, обиліе лицъ брачнаго возраста, поступающихъ въ высшія школы, причина того, что въ Петербургѣ раннихъ браковъ меньше, чѣмъ въ Россіи вообще. До 20 лѣтъ петербуржецъ рѣдко устраивается семьей. Чаще всего вступаютъ въ бракъ мужчины въ 26—30 лѣтъ, а женщины въ 21—25 лѣтъ; за этою группою слѣдуютъ менѣе многочисленныя группы браковъ мужчинъ 21—25 лѣтъ съ женщинами 20—25 лѣтъ, потому идутъ болѣе поздніе возрасты. Отношенія, очевидно, совершенно отличныя отъ существующихъ въ цѣлой Россіи. Вѣроисповѣдныя различія также вліяютъ на возрастъ брачующихся.

Рождаемость петерб. населенія разработана съ наименьшими подробностями, чѣмъ брачность, но и здѣсь на наиболѣе важныя стороны дѣла не обращено никакого вниманія. Тамъ ничего не говорится о вліяніи на рождаемость экономическаго положенія, рода занятій и квартиръ и не сдѣлано также ни малѣйшей попытки уяснить связь между цѣнами на продукты потребленія и рождаемостью. Зато много говорится о распредѣленіи рожденій по мѣсяцамъ, что само по себѣ представляетъ мало интереса, о вліяніи возраста матери на чадородіе, на полъ новорожденныхъ, о двойныхъ и тройныхъ. Въ 1881 г. коэффициентъ рождаемости, т. е. число рожденій на отношенію ко всему населенію былъ 30,5 на 1,000 (въ 1869, 28,1). Изъ всего числа рожденныхъ (26,312 об. п.) 72° законнорожденныхъ и 27,2 проц. незаконнорожденныхъ. На 100 дѣвочекъ родилось 107,0 мальчиковъ.

Что касается до мертворожденныхъ, то въ 1881 году изъ каждаго 100 новорожденныхъ 4,2 были мертворожденные; какъ и вездѣ; процентъ мертворожденій выше для незаконныхъ рожденій, именно 6,1, тогда какъ для законныхъ отъ 4,2 проц. Точно такъ-же,

какъ и повсюду, въ Петербургѣ больше родится мертвыхъ мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ.

Но данныя о рождаемости получаютъ значеніе лишь при сравненіи ихъ съ цифрами смертности. Движеніе населенія можетъ быть одинаково при различной смертности: напр., перевѣсъ рожденій на 2 проц. надъ смертями можетъ быть одинаковъ, будетъ-ли на 100 живущихъ ежегодно приходится 4 рожденія и 2 случая смерти, или на 100 живущихъ—6 рожденій и 4 смертныхъ случая. Города вообще славятся большой смертностью, русскіе-же въ особенности; но впереди всѣхъ стоитъ Петербургъ. Въ 1881 г. здѣсь умерло изъ 1,000 мужчинъ 42,1 или 1 изъ 23 чел.; изъ 1,000 женщинъ 33,1. Для обѣихъ половъ коэффициентъ смертности равнялся 38,2 (къ сожалѣнію, г. Янсонъ не объясняетъ, какую цифру населенія взялъ онъ для вычисленія, вѣроятно, цифру 1881 года). Смертность 1881 г. была велика даже для Петербурга. Сравнительно съ средней предшествующаго трехлѣтія, мужчинъ умерло болѣе на 12,2 проц., женщинъ на 8 проц. Это повышеніе смертности произошло отъ совокупнаго дѣйствія многихъ мелкихъ причинъ, изъ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ усиленіе скарлатины и дифтерита, отчасти тифа. Это доказываетъ, что общія условія петербургской жизни стали менѣе благоприятны. Смертности, конечно, какъ и вездѣ, была особенно сильна въ мѣстностяхъ, населенныхъ фабричнымъ и вообще бѣднымъ людемъ, какovy: оба берега Невы, покрытые фабриками, мѣстность между линіями желѣзныхъ дорогъ Балтійской и Николаевской, по взморью, острова и проч. Мужчинъ, какъ и вездѣ, въ Петербургѣ умираетъ больше, чѣмъ женщинъ, но въ нѣкоторыхъ участкахъ наблюдалось обратное: на примѣръ, въ Выборскомъ 2-мъ участкѣ на 100 м. умерло 186 женщинъ, приблизительно тоже въ Александровскомъ 3-мъ, рождественскомъ 3-мъ.

Отъ инфекціонныхъ болѣзней смертность между мужчинами сильнѣе, чѣмъ между женщинами и въ большемъ отношеніи, чѣмъ смертность вообще, а именно коэффициентъ общей смертности мужчинъ относится къ коэффициенту общей смертности женщинъ, какъ 114, къ 100; для смертности-же отъ инфекціонныхъ болѣзней это отношеніе будетъ 161,8 къ 100 (7,9:5,5). Г. Янсонъ общается при работѣ послѣдней переписи выяснитъ причины всѣхъ различій и особенностей городскихъ участковъ въ отношеніи общей смертности, смертности отдѣльныхъ половъ, въ значеніи смертности отъ инфекціонныхъ болѣзней—причины, лежащія главнымъ образомъ въ составѣ населенія по возрастамъ, занятіямъ, въ жилищныхъ отношеніяхъ населенія и т. п. Но «при всемъ томъ останется неизвѣстнымъ одинъ очень важный факторъ—количество пришлого

населенія и его смертность, и оно несомнѣнно отличается иномъ силою и инымъ характеромъ, чѣмъ смертность постоянного населенія». Что касается до причинъ смертности вообще, то на 1-мъ мѣстѣ стоятъ инфекціонныя и заразныя болѣзни: они дали въ 1881 г. 8,91 умерш. на 1000 жит., затѣмъ слѣдуетъ чахотка легкиихъ (6,04), желудочно-кишечныя разстройства—5,89, и острія воспаленія дыхательныхъ путей—4,07 на 1000 жителей. Это главныя бичи петербург. населенія: они дали въ совокупности такой коэффициентъ смертности (24,91 на 1000), который превосходитъ всю смертность не только многихъ большихъ городовъ Европы, но и нѣкоторыхъ государствъ. Затѣмъ слѣдуютъ: врожденная слабость, болѣзни мозга и пр. Что касается до вліянія возврата, то въ «Ежегодникѣ», кромѣ данныхъ о смертности возрастныхъ группъ отъ различныхъ болѣзней, не находимъ ничего по этому вопросу. Этотъ недостатокъ объясняется прежде всего отсутствіемъ данныхъ о возрастномъ составѣ теперешняго населенія. Но, во всякомъ случаѣ, не сомнѣнно, что дѣтскій возрастъ и старческій подвержены въ Петербургѣ большей смертности, чѣмъ въ Россіи вообще.

Изъ временъ года самое тяжелое для петербуржцевъ весна, когда перемены температуры всего рѣзче. Извѣстно, что человѣческому организму нуженъ извѣстный срокъ, чтобъ привыкнуть къ болѣе низкой или болѣе высокой температурѣ, и онъ страдаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣзче и внезапнѣ переходъ отъ холода къ теплу. Изъ 32,956 умерш. въ 1881 году 10,475 падаетъ на весну, точно также максимумъ смертности приходится на весну въ предыдущіе годы. Это одинаково относится ко всѣмъ возрастамъ.

Съ весны идетъ пониженіе смертности вплоть до осени, когда смертность наиболѣе слаба.

Вліяніе пола на смертность въ Петербургѣ также очевидно, какъ и въ другихъ мѣстахъ: женщины умираютъ здѣсь менѣе, чѣмъ мужчины. Но по временамъ года мужская и женская смертность слѣдуетъ одинаковому закону.

О вліяніи національности, кознейственныхъ условій, вообще и въ частности, бѣдности и богатства, равно какъ о вліяніи рода занятій, службы въ войскахъ, тюремнаго заключенія, въ «Ежегодникѣ» не говорится совсѣмъ; точно такъ же какъ отсутствуетъ отдѣлъ насильственныхъ смертей въ ихъ зависимости отъ образованія и общественнаго положенія преступниковъ.

Убийственныя вліянія петербургской жизни отражаются не только на сильной смертности, но съ неменьшой силой проявляются въ физическую слабость и заболѣваемость населенія. Болѣе половины юношей призывнаго возраста (21 года) оказывается неудовлетворяющей требованіямъ воинской службы, и изъ этой половины

болѣе 40 проц. были забракваны во время призывовъ 1874—81 годовъ по слабости тѣлосложенія, выражающейся въ узости грудной кѣтки, чахоточности и золотушности. Ростомъ петербуржецъ значительно отстаетъ отъ провинціаловъ, особенно южанъ. Средній ростъ рекрутовъ въ 1874—79 г. былъ 2 аршина 4,79 верш., въ 1880—81 г.—2 арш. 5,17 верш. Между другими причинами, разрушающими здоровье петербургскаго обывателя, выдвигаются фабричныя работы, влекуція, кромѣ общаго разстройства организма, слюшь и рядомъ еще и увѣчья. Легко представить, какъ сильно должно быть расположено это слабое населеніе къ заболѣваемости. Даже по тѣмъ неполнымъ свѣдѣніямъ, какія были въ распоряженіи г. Янсона, дѣло представляется въ болѣе чѣмъ неудовлетворительномъ видѣ. Въ теченіи 1881 г. въ 51 больницѣ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ перебивало на излеченіи 119,154 человекъ, т. е. около 13 проц. всего петербургскаго населенія. Изъ нихъ умерло 12 проц., выздоровѣло 80,2 проц. Но вѣдь не мало больныхъ лечилось у врачей, въ лечебницахъ, или вовсе не лечилось, а умираю на ходу, напр. одинъ рабочій, страдавшій брюшнымъ тифомъ, умеръ, выкачивая воду изъ барки. Вообще, приведенную выше цифру заболѣваемости можно, не рискуя впасть въ ошибку, удвоить.

По сравненію съ прошлыми годами, заболѣваемость усилилась. Въ то время какъ архитектура изощряется въ искусствѣ довести вышній видъ города до полнаго изящества, въ то время какъ городское управленіе употребляетъ всѣ усилія для введенія новыхъ усовершенствованій, петербургскія палаццо все чаще и чаще высылаютъ своихъ обитателей въ больницы. Число прибывающихъ въ больницы увеличивается съ каждымъ годомъ: въ 1875 г. ихъ было 106, въ 1880—114, въ 1881—111 тысячъ. Смертность въ больницахъ повышается: въ 1879 году умираю изъ больныхъ 10 проц. въ 1880—11,6, въ 1881 - уже 12,8 проц. Далѣе число больныхъ инфекціонными болѣзнями растетъ съ поразительной быстротой: въ 1879 г. они составляли 15 проц. общаго числа прибывшихъ въ больницы въ 1880 г.—24,6 проц., а въ 1881 г. уже 26,6 проц. Прогрессируетъ также и смертность отъ нихъ, хотя и незначительно. Заболѣваніе тифомъ усилилось противъ 1879 г. въ 2 раза, возвратной горячкой, крупомъ и дифтеритомъ въ 2^{1/2} раза, причемъ смертельный исходъ въ послѣднихъ двухъ болѣзняхъ былъ въ 2^{1/2} раза чаще, чѣмъ въ 1879 году. Особенно свирѣпствуетъ сифилисъ: въ 1881 г. число больныхъ доходило до 10,604, нѣсколько болѣе чѣмъ въ 1880 г. и менѣе чѣмъ въ 1881 г. Главная причина такой заболѣваемости лежитъ въ отвратительныхъ санитарныхъ условіяхъ петербургскихъ домовъ. Есть цѣлыя участки, гдѣ инфекціонныя бо-

дѣзни свили себѣ постоянныя гнѣзда. Таковъ 3-й участокъ Спаской части, заключающій въ себѣ Апраксинъ переулокъ, часть Горной, Сѣнную площадь и пр.; мало уступаетъ 3-му участку и 4-й, гдѣ находится Маковъ и Щепеной переулокъ, Средняя Подъяческая и т. д.

Число такъ называемыхъ «несчастныхъ случаевъ» (увѣчій и смертей и т. п.) также прогрессируетъ. Въ 1871 году ихъ было 14, чѣмъ въ 1880, на 14 проц. Эти цифры всего лучше доказываютъ неосновательность общаго мнѣнія о несомнѣнномъ уменьшеніи безопасности отъ разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей. Какъ и вездѣ, несчастными въ данномъ случаѣ являются болѣе всего мужчины (80,5 проц.), чѣмъ женщины (19,4 проц.), проводя большую часть времени дома. Одно это обстоятельство заставляетъ думать, что несчастные случаи бывають преимущественно во время работы внѣ дома. Особенно часто страдаютъ отъ нихъ фабричныя рабочіе: въ то время, какъ на 10.000 всѣхъ жителей Петербурга приходится 21,88 всякихъ собственно несчастныхъ случаевъ, на 10.000 рабочихъ приходится 34,0, и по большей части тѣхъ же самыхъ случаевъ.

Такова неприглядная картина петербургской жизни. На долго ли она останется такой? До сихъ поръ всѣ усилія были направлены на украшенію города, не пора-ли позаботиться, наконецъ, объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей населенія въ здоровомъ жилищѣ, дешевой и питательной пищѣ, въ болѣе безопасности отъ несчастныхъ случайностей?

А. Г.

НОВЫЯ КНИГИ.

Въ дали. (Изъ прошлаго). Разсказы изъ вольной и невольной жизни. *Минла.* (М. И. Орфанова). Съ предисловіемъ *С. В. Максимова.* Москва 1883 г.

«Предлагаемая книга, говоритъ авторъ въ предисловіи, представляетъ собою не что иное, какъ сборникъ прежде печатавшихся въ различныхъ журналахъ и газетахъ нашихъ разсказовъ о Восточной Сибири, Цѣль наша — познакомить «русскихъ» съ «Сибирью» и лишній разъ обратить, хотя небольшое, вниманіе ихъ на взрослую падчерицу Россіи, которая, однако, до сихъ поръ ходитъ еще въ дѣтскомъ платьицѣ».

Это довольно скромно сказано. Правда, никакого такъ-называемаго «новаго свѣта» книга г. Орфанова на предметъ не проливаетъ, но вниманія она все-таки заслуживаетъ не «небольшого», какъ выражается авторъ, а довольно тщательнаго. Книга г. Орфанова, написанная безъ особенныхъ претензій, тѣмъ не менѣе книга обстоятельная и добросовѣстная. Съ другой стороны, предметъ ея — Сибирь все болѣе и болѣе заинтересовываетъ собою общество и не даромъ: этотъ громадный и заброшенный край, съ его — мало сказать дореформенными, но допотопными порядками, служить для насъ какъ-бы урокомъ и предостереженіемъ. Господи, что это, какъ послушать компетентныхъ людей, за жизнь, что за существованіе, какое царство произвола, насилія и всяческой неправды! Сибирь можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ нашихъ блестящихъ колонизаторскихъ и цивилизаторскихъ способностей. Почему Сибирь — это «золотое дно», какъ его зоветъ народъ, стала для Россіи «падчерицей» и «ходитъ въ дѣтскомъ платьицѣ», какъ выражается г. Орфановъ? Почему, кѣмъ и какъ тормазятся реформы, на необходимость которыхъ давнымъ давно указывала и продолжаетъ указывать литература, о которыхъ ходатайствуютъ сибиряки, въ пользу которыхъ свидѣтельствуетъ общественное мнѣніе, противъ которыхъ, наконецъ, ничего не имѣетъ, въ принципѣ, и

само правительство? Этого мы не знаемъ, а знаемъ только, что «возъ и нѣтъ тамъ». Въ газетахъ сообщалось, что напр. относительно сибирской желѣзной дороги *три раза* состоялось высочайшее повелѣніе—и тѣмъ не менѣе этой дороги нѣтъ и неизвѣстно когда она будетъ. Это уже просто какой-то злой рокъ, тяготящій надъ Сибирью.

Между тѣмъ «падчерица Россіи» имѣетъ всѣ права даже на особенное къ ней вниманіе. По своей роли — это отчасти громадная тюрьма, а отчасти—огромный золотой мѣшокъ; но эта роль вовсе не свойственна Сибири. Это громадный край, интересный и для натуралиста, и для этнографа, и для социолога, наконецъ, край, который населенъ такими-же людьми, какіе живутъ и въ Россіи и, стало быть, можетъ претендовать на вниманіе къ себѣ не только въ качествѣ матеріала для разныхъ изслѣдованій и экспериментовъ, но и въ качествѣ активнаго участника въ общей жизни страны. Тѣмъ не менѣе «сибирская жизнь» вошла въ пословицу и хорошій знатокъ Сибири—г. Орфановъ—не даетъ намъ никакихъ утѣшеній на этотъ счетъ и только подтверждаетъ своими свидѣтельствами общее мнѣніе. Къ сожалѣнію, книга г. Орфанова лишена всякой системы, болѣе того — не имѣетъ никакой общей идеи, которая-бы помогла читателю ориентироваться. Г. Орфановъ даетъ рядъ замѣтокъ и очерковъ, обнаруживающихъ въ немъ внимательнаго и толькоаго наблюдателя, но не даетъ фактамъ почти никакого освѣщенія. Съ этимъ обстоятельствомъ, впрочемъ, было-бы легко примириться, потому что сообщаемые г. Орфановымъ факты говорятъ сами за себя, но трудно помириться съ нѣкоторою случайностью, отрывочностью и бѣглостью наблюденій г. Орфанова. Что видѣлъ авторъ, то онъ и описалъ, а видѣлъ онъ то, что могъ видѣть въ качествѣ сибирскаго чиновника и обывателя, т. е. всего по-немножку. *Изученія* какой-нибудь стороны сибирской жизни въ книгѣ г. Орфанова было-бы напрасно искать. Изученіе предполагаетъ идею и ужъ во всякомъ случаѣ намѣреніе, а таковаго у автора очевидно не было. Если его знакомство съ Сибирью нельзя назвать «шапочнымъ» знакомствомъ, все-таки оно и не изъ самыхъ короткихъ, потому что произошло, повторимъ, совершенно случайно. Таково, по-крайней-мѣрѣ, впечатлѣніе, даваемое книгой г. Орфанова.

Въ формальномъ отношеніи книга г. Орфанова раздѣляется на два отдѣла, изъ которыхъ въ одномъ описывается «жизнь и служба» въ Сибири, а во второмъ—«тюрьма и каторга». Г. Орфановъ сообщаетъ много фактовъ о дѣятельности — почти совершенно безконтрольной—сибирской администраціи, фактовъ совершенно однороднаго характера, такъ какъ и дѣятельность эта довольно однообразна и вполне можетъ быть охарактеризована девизомъ педринскаго гра-

дона начальника: «раззорю и не потерплю». Для образца приведемъ одинъ фактъ, имѣвшій мѣсто сравнительно въ недавнее время. Г. Орфановъ рассказываетъ о «страшномъ и памятномъ для каторги времени, когда еще каторжные находились въ завѣдываніи горнаго начальства и когда управляющимъ на Карѣ былъ горный инженеръ Разгильдѣевъ, взявшійся утронуть или учетверить количество добываемаго на Карѣ золота, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ его не стѣсняли въ его дѣйствіяхъ, и дѣйствительно добившійся этого блестящаго результата, но какою цѣной?..

Положимъ, это фактъ исключительный, но только въ какомъ отношеніи? Отнюдь не въ качественномъ, а только въ количественномъ. Но великій Разгильдѣевъ представлялъ собою большой корабль, которому нужно большое и плаваніе, но плавалъ-то онъ все на той-же водѣ, на которой носились и всѣ мелкія суда, до крохотныхъ лодоченокъ включительно. Разгильдѣевъ только дальше другихъ ушелъ, но шелъ онъ по общему торному пути, пробитому мѣстной администраціей. Разгильдѣевъ требовалъ, чтобъ «его не стѣсняли въ его дѣйствіяхъ» — требованіе типичное, вовсе не составляющее личнаго изобрѣтенія Разгильдѣева.

Обращаясь къ жизни «невольныхъ» обитателей Сибири, авторъ сообщаетъ факты, комментарія къ которымъ такъ и просятся на языкъ, хотя факты сами по себѣ даже слишкомъ недвусмысленны. Описываетъ, напр., г. Орфановъ этапныя «камеры». «Такъ какъ партіи бывають, почему-то, далеко не одинаковой численности, то иногда, и даже большей частью, тѣснота въ камерахъ доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ, ибо въ иныхъ, могущихъ приютить у себя человѣкъ 100—150, скучиваются отъ 300 до 500 и болѣе арестантовъ, не исключая женщинъ и дѣтей. Нужно видѣть «партіи» утромъ, когда отпирають камеры! Измученные, блѣдные, всѣ, наперерывъ, стремятся на дворъ, чтобы вдохнуть сколько-нибудь того, что ничего никому не стоитъ, и чего имъ, однако, не дали въ эту ночь — воздуху. Самые отчаянные, «заправскіе бродяги», которымъ приходилось на своемъ многотрудномъ вѣку чортъ знаетъ что испытывать, и тѣ не могутъ безъ ужаса вспомнить объ этихъ «пріютахъ». Уже что можетъ быть черствѣе и грубѣе людей, какъ этапные начальники, которымъ всю жизнь приходится наблюдать эти сцены, но намъ лично и отъ нихъ приходилось выслушивать, напр., такія вещи, что будучи не въ силахъ хладнокровно смотрѣть и слушать такіе ужасы, они, вопреки инструкціямъ, отпирали на ночь всѣ двери, рискуя поплатиться за это удаленіемъ отъ службы.

Подобная уступка была сдѣлана однажды бывшимъ начальникомъ кимильтейскаго этапа, Балаганскаго округа, Иркутской гу-

бернія, поручикомъ Др...шевымъ, теперь лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія и сосланнымъ на поселеніе въ Якутскую область, «за жестокое обращеніе съ нижними чинами вѣренной ему команды и за истязаніе волостнаго писаря», которому онъ далъ свыше 600 розогъ!.. Если подобный субъектъ, вопреки инструкціямъ, сжалился надъ арестантами и выпускалъ ихъ ночью на дворъ, то каково же, въ самомъ дѣлѣ, было положеніе несчастныхъ? Добавьте къ этимъ чисто вѣшнымъ неудобствамъ неограниченный произволъ этапнаго и партіоннаго начальниковъ, людей, какъ выше сказано, крайне невѣжественныхъ и грубыхъ, и вамъ вполне обрисуются тѣ сцены, которыя приходится переживать пересыльнымъ арестантамъ» (211—212).

Хороши, какъ видитъ читатель, эти этапные пріюты, пребываніе въ которыхъ только одинъ изъ эпизодовъ жизни каторжника, но бываетъ еще хуже: «условія жизни на Сахалинѣ несравненно тяжелѣе» (268). Но и самый Сахалинъ еще не послѣдняя ступень: значительно выше его стоятъ «централки», о которыхъ, говоритъ г. Орфановъ, «всѣ безусловно, кто только тамъ побывалъ, отзываются съ невыразимымъ ужасомъ» (268). «Централки» такимъ образомъ являются самымъ верхомъ совершенства.

Не всѣмъ, впрочемъ, живется въ Сибири худо. Тамъ можно устроиться прекрасно, даже ссыльнымъ, для чего требуется только не «гордыбачить», да помнить пословицу, что съ волками жить — по волчьему выть. Г. Орфановъ встрѣтилъ, напр., сосланнаго на каторгу бывшаго студента московскаго университета Данилова, убившаго ростовщика и кухарку. «Этого каторжнаго, рассказываетъ г. Орфановъ, мы встрѣтили въ совершенно неожиданномъ для насъ видѣ: ѣдущимъ въ прекрасной пролетѣ на парѣ отличныхъ лошадей (все это его собственное) и ѣдущимъ съ *визитомъ* къ управляющему, гдѣ мы съ нимъ встрѣтились и, благодаря хозяину, познакомились» (219). Собственно о Даниловѣ авторъ не сообщаетъ какими средствами, какими заслугами онъ достигъ своего привилегированнаго положенія. Но читатель можетъ сдѣлать надежащее заключеніе на основаніи другаго примѣра, слѣдующаго: «всѣмъ еще памятно убійство въ С.-Петербургѣ нѣкоего фонъ-Зона, трутъ котораго былъ отправленъ въ чемоданѣ изъ Петербурга въ Москву. Въ числѣ убійцъ было нѣсколько дѣвицъ легкаго поведенія; между прочимъ, двѣ извѣстныя подъ именами «Сашка большая» и «Сашка малая». Объ участи второй я свѣдѣній не имѣю, а о первой знаю, что когда ее на каторгѣ увидалъ одинъ изъ проѣзжихъ помпадуровъ, то плѣнился ею, выпросилъ ее у тогдашняго завѣдующаго вѣжется, М—ва, себѣ, якобы для услуженія, и увезъ съ собой въ Амурь, гдѣ она жила, а можетъ быть и еще проживаетъ. самичъ

шикарнымъ образомъ, имѣя даже значительное вліяніе на службу несчастныхъ чиновниковъ, «страха ради іудейска» почтительно ухаживающихъ за ней. Катается она въ коляскѣ, принимаетъ даже мѣстныхъ барынь (но не всѣхъ), а молодежь постоянно у нея пируетъ» (351).

Свѣжія силы народнаго ума и народнаго чувства однако-же не заглохли и не въ конецъ выродились подъ гнетомъ туземнаго режима. Въ чрезвычайно любопытномъ очеркѣ «Не наши» г. Орфановъ сообщаетъ отрывочныя, неполныя, бѣглыя, но все-таки убѣдительныя данныя, свидѣтельствующія объ успѣхахъ народнаго сознанія. Эти успѣхи, что особенно дорого, исполнѣ самостоятельныя, являются продуктомъ собственной трудной умственной работы и отъ того позволяютъ рассчитывать на ихъ устойчивость и дальнѣйшее развитіе. Отсылаемъ читателя къ самой книгѣ г. Орфанова.

Впередъ. Романъ изъ событій послѣдней турецкой войны. *В. И. Немировича-Данченко.* Спб. 1883.

Г. Немировичъ—самый неудобный и неблагодарный писатель для рецензентовъ. Прочтешь какой-нибудь его «романъ» страницъ въ семьсотъ, убьешь на это цѣлый день, а потомъ спрашиваешь себя: что такое я дѣлать? Что-то такое читалъ, какія-то безконечныя слова, слова, слова, не оставившія въ васъ другого впечатлѣнія. кромѣ чисто-физическаго утомленія. Чтобы такъ «легко» писать, нуженъ особый талантъ, которымъ г. Немировичъ и обладаетъ въ высшей степени. Кромѣ того, г. Немировичъ, вопреки пословицѣ, съ одного вола деретъ семь шкуръ. Такимъ несчастнымъ воломъ служить для него послѣдняя наша кампанія, о которой онъ написалъ можно сказать цѣлую библиотеку. Естественно, что какъ ни изобрѣтателенъ г. Немировичъ, какъ ни силенъ полетъ его фантазіи, ему волей-неволей приходится повторяться, переписывать самого себя. Въ предлагаемомъ романѣ онъ такъ именно и поступаетъ, т. е., добравшись до описанія какой-нибудь атаки и т. п., заявляетъ: «я ничего не найду лучше какъ привести здѣсь цѣликомъ мѣсто» (659) изъ собственныхъ прежнихъ своихъ писаній, и затѣмъ преспокойно цитируетъ самого себя. Вотъ упрощенный художественный приемъ, за открытіе котораго всѣ выдохшіеся и исписавшіеся романисты должны быть очень благодарны г. Немировичу!

Дѣйствительно, никакого «романа» въ романѣ г. Немировича не имѣется и авторъ является въ немъ все тѣмъ-же корреспондентомъ, какимъ мы давно его знаемъ. Такая ужъ бѣда г. Немировича: его корреспонденціи напоминаютъ собой романы, а рома-

ны—корреспонденціи. Существеннаго элемента романа—психическаго анализа—въ «романѣ» г. Немировича нѣтъ и слѣда; характеровъ—никакихъ; самая фабула прилежена чисто механически и состоитъ... въ чемъ бишь она состоитъ? Сколько помнится, въ любви какого-то доктора къ какой-то турчанкѣ, которая, если не ошибаемся, попала къ намъ въ плѣнъ, а потомъ очутилась въ банѣ... или сначала попала въ баню, а потомъ уже въ плѣнъ... что-то въ родѣ этого, однимъ словомъ. Можемъ ручаться за одну не смотря ни на какія препятствія, доктору удалось соединиться съ предметомъ своей страсти, съ турчанкой Айшей, которая не только красавица, но, какъ оказалось, изрядная стилистка, хорошій риторъ. «Романъ» заканчивается такими словами Айши, обращенными къ счастливцу-доктору: «я любила тебя все время... Я осталась вѣрна тебѣ. Пусть-же твой Богъ будетъ моимъ Богомъ, твоя мать—моею матерью, твоя родина—моей родиной... Возьми меня, скорѣй возьми меня отсюда...» (739). Экая умища эта Айша! Даже фигуру «единоначатія» знаетъ, хотя и не бывала въ семинаріи.

Что касается до «событій послѣдней войны», то въ описаніи ихъ г. Немировичъ остается вѣрнѣе себя: все тѣ же преувеличенія, та-же погоня за дешевыми эффектами, то-же дурного тона остроуміе или, точнѣе, востроуміе, та-же, скажемъ безъ обиняковъ, неправда, которая отличала и отличаетъ всѣ рассказы г. Немировича. Приведемъ примѣры. Казаку хочется добыть турецкую лошаадь.

«Не ожидая позволенія, донецъ далъ своему коню нагайку и ривнулся впередъ... Не смотря на густой огонь, онъ почти ворвался въ массы отступающихъ турокъ, поймалъ потерявшаго своего всадника коня и тутъ-же, подъ пулями, давая его пересылывать... Бѣжалъ мимо турокъ—донецъ стегнулъ его нагайкой такъ, для проформы... Другой турокъ приложился было въ него...

— Что ты бритая твоя башка, въ живаго человека стрѣляешь!... Нешто я тебя трогаю?... Одно слово—мусульманъ невѣрный... Что тебѣ чужаго коня жаль стало? заоралъ онъ весьма убогидительно на него.

Тотъ помоталъ головой, опустилъ ружье и двинулся впередъ.

— Такъ-то лучше: бормоталъ донецъ, вскакивая въ сѣдло... А то то-же стрѣлять! Гололобые!...» (614).

Что это—правдивый рассказъ о дѣйствительномъ событіи или отрывокъ изъ «Не люблю—не слушаю, а врать не мѣшай»? Пусть судить читатель. Другой примѣръ. Наши солдаты окружили домъ въ которомъ спряталось нѣсколько человекъ турокъ.

— Неладно это,—замѣчаютъ солдаты около.

— Онъ насъ оттуда до пропасти сколько забьетъ... А что ты съ нимъ подѣлаешь, когда отсель онъ не выйдетъ?..

Наши залегая въ лѣсъ и давай стрѣлять въ окна деревянной есры.

Вонъ нѣсколько человекъ поршительнѣе побѣжали прямо къ ней, припадавъ по пути къ землѣ и мѣняя направление... Къ самой стѣнѣ привалились такимъ образомъ.

— Ивановъ!—оретъ одинъ изъ нихъ.

Длинный солдатъ съежился подъ сѣнгомъ и сторожить дуломъ ружья — не высунется-ли кто оттуда.

— Давай ихъ въ окна бить!

— Давай...

Отползли къ дереву и оттуда открыли огонь въ окна...

Нѣсколько пуль впились въ корявую поверхность старой вишни... Одна сорвала шапку съ Иванова.

— Теперь я безпремѣнно долженъ съ него ээеску эту самую снять... Потому онъ мнѣ испортилъ шапку...

И Ивановъ прехладнокровно пошелъ, уже не прячась, къ окну.

Одна пуля свистнула у самого уха...

— Ладно!.. И Ивановъ почти въ упоръ застрѣлилъ высунувшагося въ окно турка.

— Теперь, братъ, наша возьметъ... Шалишь!..

Трупъ такъ и остался въ окнѣ, перевѣсившись сюда... Ивановъ сорвалъ съ него еску и торжественно надѣлъ ее на себя. (617).

Элементарнѣйшее литературное чутье должно подсказать вамъ, что все это—плоды празднои фантазіи автора и не больше. Г. Немировичъ или очень мало развитъ, или слишкомъ плохого мнѣнія о читателѣ. Если онъ искренно думаетъ, что подобныя рассказы что-нибудь изображаютъ, кого-нибудь характеризуютъ и, главное, могутъ внушить къ себѣ довѣріе—это значить, что авторъ... какъ-бы выразиться? очень наивенъ. Если-же онъ думаетъ, что читатель не замѣтитъ его погони за эффектомъ, грубѣйшей анекдотичности его рассказовъ—это значить, что онъ дурного мнѣнія о читателѣ, что онъ предполагаетъ въ немъ непремѣнно или купеческаго прикащика, или портерщика, пламенѣющаго «патреотизмомъ». Въ послѣднемъ, впрочемъ, г. Немировичъ, можетъ быть и не ошибается...

Въ довершеніе всего, г. Немировичъ обуреваются благородными чувствами. Онъ—особенно преслѣдуетъ воровъ — воровъ вообще, а въ особенности тѣхъ, которые подвизались въ нашей арміи. Вполнѣ сочувствуя благородству побужденій г. Немировича, нельзя все-таки не пожелать ему побольше логики въ его изблеченіяхъ. А то, напр., онъ вотъ что пишетъ:

«...Жиду этому, который вотъ такую дѣтскую обутику на нашихъ страстотерпцевъ поставилъ, поглядите-ко, послѣ войны всякій почетъ будетъ...»

— Да развѣ онъ виноватъ?

— Вона!

— Развѣ мошенникъ можетъ стать честнымъ человѣкомъ въ его годы. Помилуйте, всю жизнь подличалъ, и тутъ вдругъ! Кто принималъ — вотъ настоящій злодѣй. Вотъ гдѣ корень всякихъ мерзостей!..

— Да тамъ разсуждайте какъ хотите!> (121).

Не странно-ли это? Жидъ невиновать потому, что «не можетъ стать честнымъ человѣкомъ въ его годы», а вотъ интендантъ—тотъ дѣйствительно виноватъ... Да каковы «годы» интенданта? Можетъ быть и онъ можетъ оправдаться правомъ давности? Эхъ, добрыйшій г. Немировичъ...

Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные черниговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ при губернской земской управѣ. Т. V. Козелецкій уѣздъ, съ двумя картами и приложеніями. Къ этому тому прилагается „Подворная Опись“.
Изд. черниг. губерн. земства. Черниговъ, 1882.

Земская статистика, существующая у насъ безъ году недѣля, успѣла уже нажить себѣ враговъ и гонителей среди земскихъ-же представителей дворянства. Лѣтъ пять тому назадъ, черниговское статистическое бюро, послѣ очень краткаго дебюта, закрыто было со скандаломъ восторжествовавшей партіей обскурантовъ и хотя теперь, къ счастью, оно снова восстановлено, но мудрено сказать, долго-ли оно проработаетъ въ тишинѣ и спокойствіи. Затѣмъ, въ самое послѣднее время, какъ извѣстно, вѣроятно, читателямъ изъ газетъ, какой-то рязанскій дворянинъ, явившійся, безъ сомнѣнія, выразителемъ довольно вліятельной клики, обнаружилъ столько татарскаго мракобѣсія и диваго озлобленія противъ статистика, что исторія, конечно, надолго сохранитъ воспоминаніе о немъ и его курьезномъ подвигѣ публичнаго растерзанія сборника цифръ и таблицъ, скромно и безстрастно повѣствовавшаго и житейскихъ порядкахъ его родного угла. Наконецъ, есть очень много земствъ, гдѣ боязнь статистики, а паче всего рациональной, т. е. наиболѣе правдивой, хотя и не выражается въ такихъ уродливыхъ формахъ, существуетъ, однако, самымъ несомнѣннымъ образомъ; въ такихъ земствахъ чуть не ежегодно дѣлаются предложенія организовать статистику на правильныхъ началахъ, но земства неизмѣнно отвѣчаютъ на это дружнымъ отказомъ. Откуда, спрашивается, такая чувствительность дворянъ-земцевъ къ статистикѣ чѣмъ она ихъ пугаетъ и что имъ чудится въ ней? Рязанскій дворянинъ, рвавшій и топтавшій статистическій сборникъ, громогласно

мотивировалъ свою ненависть къ нему тѣмъ, что онъ составленъ якобы пристрастно и тенденціозно, и нѣтъ сомнѣнія, что и другія земства боятся статистики потому, что ждуть отъ цифръ всякихъ обидъ себѣ. Со стороны этихъ земствъ вполнѣ естественно уклоняться отъ введенія правильно организованной статистики, но удивительно, что рязанскіе земцы, изъявившіе желаніе имѣть у себя такую статистику, могли воображать, что она покажетъ имъ совсѣмъ не то, что она показала въ дѣйствительности, что статистики, которыхъ они пригласили для изученія ихъ уѣзда, обидуть въ угоду имъ самыя крупныя, всѣмъ извѣстныя и всѣмъ намозолившія глаза факты нашей экономической дѣйствительности. Хороша была-бы статистика, которая вздумала-бы говорить намъ о цвѣтущемъ и счастливомъ состояніи мѣстностей, голодающихъ изъ года въ годъ и пустующихъ все болѣе и болѣе отъ усиливающихся переселеній. Вѣдь знали-же господа земцы, затѣявшіе у себя статистику, что она должна прежде всего и главнѣе всего повести рѣчь о крестьянскомъ хозяйствѣ и отношеніи къ нему помѣщичьяго землевладѣнія, даже болѣе, они не могли не знать заранѣе и того, что крестьянское землевладѣніе находится въ несомнѣнномъ упадкѣ, настолько рѣзкомъ, что этого шила никакъ не утаишь въ мѣшкѣ; даже администрація знала объ этомъ, по крайней мѣрѣ она не нашла въ вышепомянутомъ злополучномъ сборникѣ ничего неожиданнаго, никакихъ злоумышленныхъ извращеній истины, и потому разрѣшила его печатаніе. Но если рязанскіе земцы знали о печальномъ состояніи ихъ уѣзда, откуда могло у нихъ взяться курьезное требованіе пріятныхъ имъ фактовъ процвѣтанія крестьянскаго хозяйства подъ сѣнью помѣщичьяго землевладѣнія? Очевидно, надо было-бы лгать самымъ чудовищнымъ образомъ, лгать безъ зазрѣнія совѣсти для того, чтобы удовлетворить ихъ странному, если не нахальному, запросу и не подать имъ повода къ обвиненіямъ въ тенденціозности. Но, просматривая статистическія изданія земствъ за послѣднее время, мы видимъ, что, въ отличіе отъ нашей официальной статистики, они не только не лгутъ, но даже возможность намѣреннаго лганья затруднена для нихъ въ высшей степени, такъ что и съ этой стороны трудно помочь господамъ земцамъ, трудно и очень хлопотливо стряпать для нихъ уснокоительную ложь, вмѣсто горькой и обидной правды. Изъ объясненій составителя сборника матеріаловъ для оцѣнки земельныхъ угодій Козелецкаго уѣзда видно, что даже самимъ крестьянамъ, отъ которыхъ отбирались свѣдѣнія для подворной описи, весьма затруднительно извращать истину систематически и во всѣхъ деталяхъ, у нихъ и поползновенія къ этому нѣтъ, благодаря отчасти тому, что они не составили себѣ опредѣленнаго

понятія о цѣляхъ переписи. Мнѣнія у крестьянъ были на это счетъ разныя; кто предполагалъ, что перепись преслѣдуетъ фискальныя цѣли, а кто, наоборотъ, ждалъ отъ нея разныхъ благоденствій для населенія, въ одномъ-же мѣстѣ народъ какъ-то ухитрился связать ее съ предсказаннымъ на ноябрь 1881 года страшнымъ судомъ. «Чаще-же всего, говоритъ составитель, приходилось слышать почти вѣрное опредѣленіе цѣли»: «начальство хоче знать какъ мы живемъ», и далѣе составитель замѣчаетъ: «багодаря такому неустановившемуся отношенію къ описи, а частью и благодаря или менѣе правильному пониманію ея цѣли, населеніе находило наиболѣе удобнымъ показывать правду» (стр. XI). Кромѣ той достовѣрности свѣдѣній, заключающихся въ подворной описи, гарантируется еще многими другими обстоятельствами. Такъ, составитель прибѣгалъ къ провѣркѣ первоначальныхъ показаній и опрашивалъ того или другого крестьянина въ присутствіи его сосѣдей. Последняя мѣра вполне цѣлесообразна и, сколько намъ известно, она практиковалась и другими земскими статистиками. Составитель лежащаго предъ нами сборника говоритъ, что наѣбревно живыя показанія давались крайне рѣдко и всегда настолько неумѣло, что сейчасъ-же разоблачались. «Скроетъ кто-нибудь нѣсколько десятинъ земли или лошадей, а изъ заднихъ рядовъ раздастся голосъ: «а щоже ты ту землю не показываешь. що за жінкой взять?», или «а пята коняку хйба ты продалъ? Уличенный показатель конфузится и начинаетъ оправдываться, — жемной землей недавно сталъ пользоваться и забылъ про нее, а пятая лошадь такъ плоха, что ее вовсе и считать-бы не слѣдовало и т. д.» (стр. XI). Къ числу достоинствъ принятой составителемъ системы полученія данныхъ для подворной описи принадлежатъ, конечно и то, что первоначальное собраніе ихъ поручалось за плату грамотнымъ мѣстнымъ жителямъ, но не иначе, какъ послѣ предварительной, довольно обстоятельной подготовки ихъ, а затѣмъ, собранные такимъ путемъ факты провѣрялись, хотя, повѣрно, не сплошь и не по всѣмъ деревнямъ, самимъ составителемъ.

Все это мы говоримъ лишь затѣмъ, чтобы показать, что въ статистическихъ изданіяхъ, къ типу которыхъ относится, между прочимъ, и растерзанный разанскими дворянами сборникъ, все направлено къ полученію правды въ самомъ неподкрашенномъ, голубиномъ видѣ. О чемъ она говоритъ? Это уже вопросъ другой. Въ сущности она сводится вездѣ въ Россіи къ одному и тому-же нескончаемому и печальному повѣствованію о нуждахъ и безрадостномъ будущемъ крестьянскаго землевладѣнія. Какъ и во всемъ малорусскомъ краѣ, въ Козелецкомъ уѣздѣ, къ которому относятся разсматриваемыя нами «Матеріалы», положеніе крестьянскаго хо-

зайства особенно невыгодно. Здѣсь земля является исключительнымъ источникомъ существованія, но здѣсь-же поэтому она гораздо менѣе доступна нуждающемуся люду, вслѣдствіе своей высокой цѣнности. Наибольше сильную нужду въ землѣ испытываютъ бывшіе помѣщичьи крестьяне, надѣлы которыхъ крайне скудны; о степени этой нужды мы *отчасти* можемъ судить по количеству арендуемой крестьянами земли. Такъ у козаковъ собственной земли пахотной и сѣнокосной считается 71,479 десятинъ, а арендуется 15,513 десятинъ; у государственныхъ крестьянъ, хозяйство которыхъ находится въ такихъ-же сравнительно благоприятныхъ условіяхъ, какъ и казацкое, собственной земли (пахотной и сѣнокосной) 13,382 десятины, а арендуется 2194 десятины; между тѣмъ у крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ на 24,577 десятинъ собственной земли арендуется 13,599 десятинъ, т. е. больше половины всей надѣльной земли. Мы здѣсь не приняли въ расчетъ, что крестьяне не только берутъ, но и отдаютъ въ аренду нѣкоторое количество своей земли, но это не существенно измѣняетъ вышеуказанныя отношенія. Спрашивается, восполняется-ли у помѣщичьихъ крестьянъ этимъ громаднымъ количествомъ арендуемой ими земли недостаточность ихъ надѣловъ? Нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ частныхъ случаяхъ эта аренда недоступна крестьянамъ по ихъ бѣдности, къ арендѣ прибѣгаютъ крестьяне не только нуждающіеся въ землѣ, но и имѣющіе возможность справиться съ ней, обладающіе скотомъ, достаточнымъ количествомъ рабочихъ душъ и хотя-бы такимъ количествомъ собственной земли, чтобы стоило приращать ее для обработки. Это ясно видно изъ таблицъ, помѣщенныхъ въ разсматриваемомъ нами сборникѣ «Матеріаловъ». Особенно замѣчательна таблица, помѣщенная въ концѣ этого сборника; составленная чрезвычайно тщательно и съ большимъ критическимъ смысломъ, она заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ изучающихъ крестьянскій бытъ. Таблица эта позволяетъ производить во всевозможныхъ направленіяхъ сочетанія важнѣйшихъ элементовъ крестьянскаго хозяйства, именно: земли, скота и рабочихъ силъ; она относится, однако, только къ одному черноземному району Козелецкаго уѣзда. Въ другихъ статистическихъ изданіяхъ, къ которымъ прилагались подворные описи, намъ не приходилось встрѣчать подобныхъ таблицъ, но было-бы очень желательно видѣть ихъ въ послѣдующихъ статистическихъ трудахъ. Смыслъ этихъ таблицъ заключается въ томъ, что онѣ совмѣщаютъ заразъ комбинацію нѣсколькихъ элементовъ хозяйства и даютъ возможность сопоставлять между собою эти комбинаціи, тогда какъ обыкновенныя таблицы позволяютъ судить о хозяйствѣ въ данное время только по одному какому-либо признаку, а затѣмъ, чтобы принять

въ расчетъ другой элементъ, данныя распредѣляются въ новомъ порядкѣ, при чемъ слѣды прежней группировки совершенно исчезаютъ. Таблицы, о которыхъ идетъ рѣчь, весьма полезны въ томъ отношеніи, что онѣ предохраняютъ отъ одностороннихъ и ошибочныхъ заключеній объ упадкѣ или процвѣтаніи крестьянскаго хозяйства, потому что заставляютъ обращать вниманіе не на одну, а на нѣсколько возможныхъ причинъ этого упадка или процвѣтанія. Каждый изъ упомянутыхъ нами элементовъ, т. е. земля, скотъ и рабочіе силы, вліяетъ на хозяйственное положеніе семьи иногда въ одинаковой почти степени; но у насъ, обыкновенно, для оцѣнки положенія крестьянскаго хозяйства берется одинъ только критерій — земля, а остальные факторы игнорируются, и во всякомъ случаѣ недостаточно взвѣшиваются. Но, какъ справедливо замѣчаютъ составители этихъ таблицъ, въ дѣйствительности часто приходится видѣть, что хозяйство, поставленное въ самыя благопріятныя условія по размѣрамъ землевладѣнія, находится въ явномъ упадкѣ, не держитъ рабочаго скота, обрабатываетъ свою землю наймомъ или отдаетъ ее въ аренду, запускаетъ постройки и т. д. и все это потому лишь, что въ немъ недостаточно рабочихъ силъ и отношеніе ихъ къ нерабочимъ членамъ семьи невыгодно. Точно также встрѣчаются и обратные случаи, когда дворъ, не смотря на скудный надѣлъ, пользуется сравнительнымъ благосостояніемъ, благодаря счастливому распредѣленію рабочихъ силъ.

Кромѣ этихъ таблицъ, мы находимъ въ «Матеріалахъ» массу самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о пространствахъ и населеніи, о полеводствѣ, урожайности, о различныхъ видахъ аренды, сѣновосахъ, лѣсныхъ угодьяхъ и пастбищахъ. Особенное вниманіе останавливаютъ на себѣ данныя о средней урожайности полей. Не мѣшало-бы, однако, побольше свѣдѣній о частно-владѣльческихъ имѣніяхъ. Совсѣмъ нѣтъ данныхъ о стороннихъ промыслахъ крестьянъ, но это можетъ быть вовсе не входило въ задачу составителей сборника, хотя подворная опись даетъ весьма удобный случай собрать на этотъ счетъ самыя полныя и достовѣрные факты. Весьма не лишни были-бы также и свѣдѣнія о крестьянскихъ платежахъ; свѣдѣнія эти обыкновенно заносятся въ подворныя описи.

По вопросу о нашей торгово-промышленной политикѣ (внѣшней и внутренней) въ связи съ вопросомъ о прогрессѣ и регрессѣ въ дѣлѣ сельскаго и лѣснаго хозяйства. Докладъ Я. Л. Бороховича. Спб., 1883.

Старую, всѣмъ надоѣвшую гѣснь тянетъ г. Бороховичъ въ своей брошюрѣ. Онъ весьма недоволенъ состояніемъ нашей про-

мышленности и ея антинациональнымъ направлениемъ. Фабричная промышленность наша въ глубокомъ застоѣ, сельское хозяйство и торговля хищнически расточаютъ жизненныя силы страны, народъ бѣднѣетъ, а западъ на нашъ счетъ наживается, властно хозяйничая на нашихъ рынкахъ, которые онъ очищаетъ отъ нашего сырья и запруживаетъ своими фабрикатами. Къ этому клонитъ рѣчь свою г. Бороховичъ. Во многомъ онъ, безъ сомнѣнія, правъ; экономическое положеніе наше безотраднo и съ каждымъ годомъ все больше запутывается и осложняется. Но когда г. Бороховичъ отъ констатированія фактовъ переходитъ къ ихъ причинамъ, то хоть святыхъ выноси. У него всему виновата господствующая у насъ система свободной торговли и спасеніе отъ всѣхъ бѣдъ онъ видитъ единственно въ охранительныхъ тарифахъ. Не въ этомъ, однако, оригинальная нелѣпность разсужденій г. Бороховича; въ этомъ откошеніи онъ является очень зауряднымъ и скучнымъ хористомъ, тнущимъ въ униссонъ съ кликой нашихъ самобытниковъ. Но онъ постарался крайними преувеличеніями довести общій принципъ своей партіи до абсурда и самыхъ невѣроятныхъ нелѣпостей. Свободная торговля отвѣчаетъ у него не за однѣ только экономическія неурядицы и бѣдствія, а рѣшительно за все, что творится въ нашемъ отечествѣ... Въ нравственномъ отношеніи, говоритъ онъ, упомянутая торгово-промышленная политика обнаруживается въ постоянно возрастающемъ процентѣ разнаго рода преступленій и пороковъ въ народѣ (!), въ его невѣжествѣ и въ развитіи въ немъ, напримѣръ, такихъ пороковъ, какъ пьянство, или такихъ преступленій, какъ конокрадство, лѣсокрадство и пр. (стр. 24) На этомъ не останавливается смѣлая мысль г. Бороховича. «Не отсюда-ли, спрашивается, всѣ эти *вдругъ* (?) народившіеся, словно грибы послѣ дождя, и столь обострившіеся «вопросы», какъ *переселенческіе, сврейскіе, питейные* (курс. въ подл.) и т. под. вопросы» (стр. 41). Если всѣ эти вопросы дѣйствительно выдвинуты свободной торговлей, то какъ могли они явиться *вдругъ*, когда у насъ въ сущности никогда не было того, что наши самобытники называютъ покровительствомъ отечественной промышленности и торговлѣ? Такое-же замѣчаніе можно сдѣлать г. Бороховичу и по поводу другого его, не менѣе смѣлаго, сближенія. Онъ спрашиваетъ: «Не вслѣдствіе-ли продолжающагося у насъ *анти-экономическаго* (?) порядка вещей въ торговлѣ и промышленности, о которыхъ мы говорили выше, народился у насъ и этотъ чудовищно-безобразный социализмъ!» (стр. 44). Можно-ли молоть такой вздоръ? Въ одномъ уже словѣ г. Бороховичъ обнаруживаетъ печальное состояніе своей логики. Что это за анти-экономическій порядокъ? Вся эта гора нелѣпостей достойно вѣнчается

новымъ удивительнымъ выводомъ, будто свобода-же торговли новата въ «портѣ нашего климата» и въ разныхъ повальныхъ (мѣлкихъ) (ib.). Какъ послѣдовательно разсуждаетъ г. Бороховичъ, можно видѣть, напр., изъ того, что выше онъ приписываетъ къ достоинству свободной торговлѣ, а затѣмъ черезъ нѣсколько страницъ онъ совѣтуетъ въ видахъ покровительства отечественной промышленности содѣйствовать развитію мелкаго винокурения (стр. 25). Вотъ первый дебютъ покровительственной системы, и умѣющей придумать никакого иного назначенія для того количества хлѣба, которое перестанетъ вывозиться за границу. Это, конечно, мелочь, характеризующая только личный взглядъ г. Бороховича, но не доктрину покровительственной системы. Въ этой доктринѣ есть болѣе важная недодуманность, и обстоятельное выясненіе ея было-бы очень кстати въ настоящее время, когда защитники охранительныхъ тарифовъ все извощивше глѣзуютъ въ слаботелы отечества. Короткая замѣтка, разумѣется, совсѣмъ не подходящее мѣсто для такихъ разъясненій. Можно только сказать, что настоящей свободной промышленности въ широкомъ смыслѣ, а не въ специально-техническомъ никогда не было у насъ прежде, нѣтъ и теперь, и пусть совсѣмъ прегражденъ будетъ доступъ къ намъ иностраннымъ фабрикатамъ, пусть все наше сирѣе до зернушка останется у насъ, ничего не шелохнется отъ этого въ нашемъ отечествѣ.

Поль Бэръ. *Николай Вагнеръ.* Очеркъ зоологіи, съ французскаго учебника Поля Бэра, переработанный для русскихъ дѣтей и школъ Николаемъ Вагнеромъ, почетнымъ членомъ и заслуженнымъ проф. Спб. Университета. Съ 523 рисунками, взятыми изъ лучшихъ иллюстрированныхъ изданій. Спб. Изданіе *Н. П. Вагнера.*

Поль Бэръ. Первые понятія о зоологіи. Со множествомъ рисунковъ въ текстѣ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей проф. *И. И. Мечникова.* Къ переводу присоединены три дополнительныхъ очерка: Развитие животнаго міра, Общественная жизнь животныхъ и Великая роль ничтожныхъ созданий.

Embarras de richesses! Съ одной стороны Н. Вагнеръ, заслуженный профессоръ и почетный членъ Спб. Университета, переработалъ и издалъ учебникъ Поля Бэра, съ другой стороны Мечниковъ, хотя и незаслуженный профессоръ и не почтенный Спб. Университета, но, смѣемъ думать, зоологъ не менѣе

ный, редактировалъ переводъ книги Поля Бэра, изданный Ф. Павленковымъ. Положеніе затруднительное для рецензента! Г. Вагнеръ—извѣстный ученый и г. Мечниковъ—извѣстный ученый, кому «честь и жѣсто» за дѣтскимъ столомъ дома и въ школѣ?

Г. Вагнеръ ухитрился прекрасную книгу Поля Бэра передать такимъ слащавымъ языкомъ, что становится жаль не Поля Бэра, конечно, а русскихъ дѣтей, которымъ даже такую здоровую пищу, какъ естествознаніе, безъ сладостей въ родѣ «дѣтокъ», «крылошекъ», «травокъ», даже и заслуженные профессора и почетные члены университета преподносить не осмѣливаются.

Г. Павленковъ не обсахарилъ книжку Поля Бэра (переводъ очень хорошъ), но увн! прибавилъ къ ней воды г. Л. К. Попова. Такихъ водянисто-скучныхъ очерковъ, какъ очерки г. Попова, намъ не приходилось встрѣчать ни въ одномъ изъ изданій г. Павленкова. Только послѣдняя статья «Великая роль ничтожныхъ созданій» написана не дурно; очевидно она болѣе по плечу г. Попову, чѣмъ «Развитіе» и «Общественная жизнь».

Что касается до самой книги, написанной по программѣ, принятой во Франціи для преподаванія зоологіи въ низшихъ классахъ, то она превосходна. Вмѣсто того, чтобы издѣваться надъ дѣтьми, какъ часто дѣлаютъ наши педагоги, рассказывая дѣтямъ о томъ, что у лошади четыре ноги, два уха, два глаза, одна голова, одинъ хвостъ, что она покрыта волосами, а не перьями и яицъ не несетъ, Поль Бэръ рассказываетъ дѣтямъ о различіи животныхъ и растений, о различіи между тѣлами мертвыми и живыми, о самыхъ большихъ и самыхъ малыхъ животныхъ, о животныхъ вредныхъ и полезныхъ, о фаунѣ родной и иностранной, о ростѣ и превращеніяхъ животныхъ, объ охотѣ и рыбной ловлѣ, о сходствѣ и различіи животныхъ, т. е. объ основахъ классификаціи. И рассказываетъ такъ живо и увлекательно, что невольно вѣрится ему, когда онъ говоритъ въ предисловіи: «Когда я писалъ эти страницы, я все время представлялъ себѣ внимательныя личики дѣтей, съ большими веселыми проницательными глазами, которыя слушаютъ меня неподвижно, затаивъ дыханіе, какъ бы вкладывая въ слухъ душу. Если мое перо запутывалось иногда въ извилинахъ фразы или въ дебряхъ названій и если мнѣ казалось, что мои маленькія слушатели переводили свои взгляды на окно, сквозь которое ихъ манило на свѣжій воздухъ, къ солнцу, къ ласточкамъ, къ свободѣ, я сейчасъ-же останавливался, одумывался и старался повести рѣчь по другому, если это было возможно».

Оба перевода хороши, оба изящно изданы, рисунковъ у г. Вагнера больше, но они сдѣланы хуже, грубѣе, чѣмъ у г. Павленкова. Описки, недосмотры и опечатки у Вагнера подъ рисунками въ осо-

бенности встрѣчаются довольно-таки часто *); въ изданіи г. Павленкова, по крайней мѣрѣ при бѣгломъ чтеніи, ошибокъ незаметно. Конечно, не отъ небрежности г. Вагнера и не отъ его незнанія зависитъ нѣкоторая беспорядочность изданія, а отъ причинъ совсѣмъ иного рода. Ради конкуренціи съ г. Павленковымъ, разразившейся даже по почину г. Вагнера газетнымъ споромъ, г. Вагнеръ поспѣшилъ и поспѣшность отозвалась даже нѣкоторымъ «Gedrucker Unsinn», какъ говорятъ нѣмцы: «когда я говорилъ объ орлахъ и грифахъ, которые уносятъ маленькихъ дѣтей. то это единственные хищныя изъ птицъ, которыя питаются и притомъ очень рѣдко человѣческимъ мясомъ...» Или: «Табуны поде-нонь...» У г. Вагнера вставлена глава о русской фаунѣ и глава о классификаціи переработана. И вставка и переработка очень удачны, по языку болѣе удачны, чѣмъ текстъ.

Однако, Богъ съ ними съ конкуренціями, съ удачами и неудачами гг. переводчиковъ. Самъ учебникъ Поль Бара имѣетъ недостатки—слишкомъ описательный характеръ и слишкомъ отрывочно-описательный. Въ теченіи всего курса дѣти не слышатъ ни единого слова о томъ, что такое скелеть, мясо, мозгъ, нервы, что такое кровь и кровообращеніе, не слышатъ ни единого слова о томъ, что тѣло животныхъ состоитъ изъ клѣтокъ, изъ производныхъ протоплазмы. Между тѣмъ передать это дѣтямъ вовсе не такъ трудно, и даже въ нашей злосчастной дѣтской литературѣ есть нѣсколько попытокъ, на эту тему весьма удачныхъ.

Гимнастика для взрослыхъ. Игра въ мячъ. Домашнія гимнастическія упражненія для людей, ведущихъ сидящій (?) образъ жизни, преимущественно для военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Съ 18 гравиров. полтипажами. А. Л. Шмидтъ. С.-Петербургъ, 1883.

Весьма кстати, какъ разъ къ сезону переживаемого нами дѣтства, пришла въ голову г. Шмидту счастливая мысль заставить насъ играть въ мячикъ. Эта забава невинной юности есть въ то же время очень милое дополненіе къ репертуару нашей жизни. Не все-же, подобно героямъ щедринской сатиры, спать, закусывать и набивать папироски. «Вотъ вамъ въ руки мячикъ», говорить, г. Шмидтъ, «выставьте одну ногу на полшага передъ другою», бросьте его въ стѣну, и ловите себѣ съ Богомъ, не тревожа себя тоскливымъ вопросомъ: «можно-ли». Это даже должно, и этого

*) Напр., левъ муравейникъ, моголяки, корабликъ, вмѣсто муравьиный левъ, моголяшки, аргонавтъ и т. п.

требуетъ краснорѣчивыми устами г. Шмидта гегіена; мало того, изъ объясненій его мы узнаемъ, что игра въ мячъ освящена за-вѣтомъ классической древности. У римлянъ мячъ пользовался и особымъ почетомъ, и даже суровый Катонъ считалъ нужнымъ для поддержанія своего здоровья, ежедневно играть въ мячикъ. Если такъ, то и говорить нечего; есть французская поговорка: «такъ хочетъ женщина», но у насъ существуетъ другая поговорка: «такъ хотятъ римляне», и этого довольно. Утѣшительно и даже отраднo думать, что, начавъ прыгать и метаться по комнатамъ, залѣзая подъ стулья, подъ шкафы и подъ диваны, мы отнюдь—не будемъ воспроизводить первобытное состояніе дѣтства, что уподобимся до нѣкоторой степени дивнымъ римлянамъ и Катону, можетъ быть даже самому Цицерону, если онъ имѣлъ слабость въ мячику. Впрочемъ, шутки въ сторону; дѣло это серьезное, касающееся всей сидящей части чловѣчества и стоившее г. Шмидту много-лѣтняго опыта, который довелъ его до убѣжденія, что игра въ мячикъ очень весела, пріятна и, разумѣется, полезна (стр. 10), въ особенности для чиновниковъ. Всею силою своего краснорѣчія убѣждаетъ г. Шмидтъ чиновниковъ полюбить мячикъ, смотрѣть на него въ родѣ, какъ на неразлучнаго спутника жизни, и даже захватывать его съ собою на службу, вмѣстѣ съ портфелемъ. Г. Шмидтъ говоритъ объ этомъ такъ: «Лица, ведущія сидячую жизнь, какъ чиновники, сдѣлаютъ очень хорошо, если будутъ носить мячикъ съ собою въ карманѣ и, найдя нѣсколько свободныхъ минутъ между своими занятіями, воспользуются ими для продѣлыванія *нѣсколько* (?) упражненій мячикомъ, для разгибанія согнутой спины и усиленія кровообращенія» (стр. 15). Эта либеральная, даже радикальная для согнутыхъ спиныхъ мѣра имѣла-бы несомнѣнно самое благотворное вліяніе на теченіе государственныхъ дѣлъ, и какъ ни странно было-бы зрѣлище, которое представляли-бы изъ себя скачущіе и пляшущіе съ растопыренными руками вицмундиры и весь этотъ бѣдный, геморроидальный міръ ассесоровъ и совѣтниковъ, г. Шмидтъ все-таки очень и очень правъ и дальновидѣнъ. Жаль, что, кромѣ гегіены, для осуществленія идеи требуется еще иная санкція. Зато дома, конечно, можно сколько угодно и на какіе угодно лады наслаждаться этой работой. Начинается она идеально торжественно и даже таинственно. «При игрѣ въ мячъ, говоритъ г. Шмидтъ, не должно допускать присутствія прислуги, дѣтей и домочадцевъ» (стр. 71). Къ чему-бы это? удивляетесь вы. На это г. Шмидтъ отвѣчаетъ: «Въ случаѣ паденія мячика на полъ присутствующія лица сочтутъ своимъ долгомъ нагнуться, поднять мячикъ и подать его играющему. Между тѣмъ, въ игрѣ это *строго* (sic) запрещается, и играющій долженъ самъ

нагнуться и даже лазить самъ подъ мебель, чтобы оттуда достать упавшій мячикъ, что для него весьма важно (1)» (стр. 17). Резонно, конечно, и даже глубокомысленно. Затѣмъ, выгнавъ всѣхъ изъ комнаты, вы обязаны предпринять путешествіе на стѣну и если хватить хитрости, то и на самый потолокъ. Это, вѣроятно, снова изумитъ васъ, но дѣло разъясняется, опять столь-же глубокомысленно: «Предъ началомъ игры полезно привѣсить или нарисовать маленькій кружокъ на томъ мѣстѣ стѣны или потолока (?!), въ которое намѣрены бросать мячикъ, для того чтобы мячикъ постоянно падалъ въ одно «опредѣленное мѣсто, а не какъ случится» (стр. 16). Послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ, вы, наконецъ, беретесь за мячикъ, становясь въ самые разнообразныя позы, которыя изображены г. Шмидтомъ весьма живо и наглядно, въ величинахъ. Вотъ, напр., сухопарый чиновникъ, съ чѣмъ-то въ родѣ пряжки на груди и огромной лысиной, съ ожесточеніемъ бросающій объ полъ мячъ, который ловить стоящая vis-a-vis также тощая и изможденная миссъ, или напр. этотъ халатъ, восторженно воздѣвшій руки еверху и очень картинно отражающій на своей физиономіи радостный моментъ удовольенія мячика. Нѣсколько далѣе вы видите почтеннаго джентльмена, смиренно ползущаго на четверенькахъ и пытающагося залѣзть подъ комодъ, чтобы самому достать мячикъ и въ точности исполнить предписаніе г. Шмидта. Все это, должно быть, изображенія «чиновниковъ и служащихъ въ разныхъ учрежденіяхъ, а также дамъ, не занятыхъ ни какимъ особеннымъ дѣломъ» (5), потому что для нихъ собственно предназначается г. Шмидтомъ игра въ мячъ, какъ это у него объяснено. Обидно нѣсколько, что г. Шмидтъ ни единымъ словомъ не поминаетъ пишущей братіи. Можетъ быть, молчаніе это не безъ цѣли, и г. Шмидтъ желаетъ въ особомъ трактатѣ специально разработать примѣненіе къ нуждамъ и удовольствіямъ этой братіи какой-нибудь другой дѣтской игры, напр. скань на одной ножкѣ, игры въ лошади и т. п. Можно, напр., на ту самую палочку, которая набрасываетъ теперь эти строки, съѣсть и поѣхать, не дальше, конечно, чѣмъ уѣдешь на ней, въ наше время, на бумагѣ, по непроѣзжей дорогѣ слова.

ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ

Съ какими поправками программа «Руси» годилась-бы для Россіи. — Аграрный вопросъ, какъ историческое явленіе. — Поучительность ирландскаго движенія. — Безсиліе «національнаго самосознанія» въ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ. — Насколько выгодно наше положеніе. — Община. — Докладъ г. Роличева. — Мнѣнія газетъ. — Почему «самобытники» замалчиваютъ этотъ вопросъ, но за то рьяно обрушиваются на Финляндію. — Какъ «Русь» разрѣшаетъ аграрныя недоразумѣнія. — Пустота послѣ отиѣны «ста тысячъ» полиціймейстеровъ. — Чѣмъ она заполнилась. — Урядники. — Проектъ кахановской комисіи объ ихъ уничтоженіи.

И такъ, «Русь» находитъ, что было-бы величайшей ошибкой заключать, будто у насъ «все обстоитъ благополучно», что нуженъ энергическій починъ «къ точному уразумѣнію нашихъ общественныхъ золь», что нужно воспользоваться «застоемъ», чтобы отдаться работѣ мысли въ направленіи «національнаго самосознанія» — и «не наступила-ли пора повліять снизу вверхъ духу земли русской, русской народности, русской исторіи».

Если въ этой программѣ, вмѣсто «національнаго», поставить «народное», вмѣсто «самосознанія», просто «сознаніе», а «русскую исторію» и совсѣмъ исключить, вмѣстѣ съ желаніемъ пользоваться «застоемъ», то мы съ нашего невскаго берега могла-бы протянуть руку къ московскому берегу, и идти съ «Русью» вмѣстѣ. Конечно, наше предложеніе сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ программѣ «Руси» напоминаетъ нѣсколько гоголевскую невѣсту, хотя, съ другой стороны, русскія противорѣчія не такъ глубоки, какъ это кажется, если предположить, что мы всѣ одинаково желаемъ, чтобы Россія представляла нѣчто болѣе растущее, умнѣющее, развивающееся и богатѣющее, чѣмъ какою она является теперь.

Надъ русской мыслию до сихъ поръ тяготѣетъ печать какой-то косности, лишашей людей, желающихъ руководить общественнымъ мнѣніемъ, мужественной смѣлости и самостоятельности, безъ которыхъ нельзя подняться на высоту общихъ принциповъ. Умственные вожди общества изъ лагеря славянофиловъ и самобытниковъ все еще цѣпляются за гнилыя подпорки историческихъ традицій, неумѣя ни въ исторіи Европы, ни въ нашей исторіи

почерпнуть урокъ мудрости и найти руководящія общія указанія. Эта робость и несамостоятельность мысли сбиваетъ только общество и, вмѣсто того, чтобы помогать росту общественнаго сознанія—тормозить его.

А между тѣмъ, общество и народъ — и въ Европѣ, и въ Россіи, и въ Америкѣ, и въ Австраліи вездѣ одинаковы. Имъ нужно жить и пользоваться благами жизни; имъ нужны не теоріи, а факты, не разсужденія и газетныя передовицы, а дѣло. Какія-же мы дѣлаемъ дѣла и зачѣмъ, для чего, почему г. Аксаковъ предлагаетъ отдаться еще работѣ мысли и непремѣнно въ направленіи «національнаго самосознанія». Одно изъ двухъ: или «Русь» желаетъ отложить все въ «долгій ящикъ» или она не замѣчаетъ собственнаго противорѣчія. Будемте думать послѣднее. «Русь», какъ и «самобытники», смѣшиваютъ два порядка понятій и такимъ образомъ сами себя прижимаютъ къ стѣнѣ. Извѣстно — и это законъ человѣческой мысли — что въ каждомъ человѣкѣ существуетъ ничѣмъ неустранимая потребность составить себѣ законченное міровоззрѣніе, извѣстную полную систему отношеній сознанія къ явленіямъ индивидуальной и общественной жизни. И каждый человѣкъ подобную систему себѣ и слагаетъ. Также поступилъ и г. Аксаковъ. Затѣмъ онъ разсуждаетъ такъ: если подобный законъ существуетъ для каждаго отдѣльнаго человѣка, то онъ долженъ существовать для цѣлаго народа. Поэтому если всѣ отдѣльныя воззрѣнія народа привести карточной системой въ стройный порядокъ, установить воззрѣнія его на собственность, наслѣдство, семейныя отношенія, религію и т. д., то получится полное и безошибочное гражданское и уголовное народное уложеніе, разрѣшающее всѣ случаи жизни. Ясно, что если подобный кодексъ можетъ примирить всѣ споры и недоразумѣнія и дать жизни стройное теченіе, то, не путаясь въ потемкахъ, какъ это мы дѣлаемъ теперь, раскидываясь въ случайныхъ ищракахъ, нужно пріостановиться, подумать, собрать въ одно цѣлое народныя мысли и затѣмъ двинуться стройно и торжественно, цѣлой громадой и какъ одинъ человѣкъ, по пути, освѣщенномъ сознаніемъ, къ счастью. Къ сожалѣнію это прекрасное идеальное желаніе совершенно неосуществимо только потому, что исторія идетъ совершенно обратно. Еслибы правительства Англіи, Франціи, Испаніи, Россіи, Германіи занялись-бы составленіемъ кодексовъ «національнаго самосознанія», а на все остальное закрыли-бы глаза, то изъ этого могли-бы возникнуть такія прагматическія послѣдствія, которыхъ менѣе всего желала-бы сама «Русь».

Жизнь гораздо проще, чѣмъ это кажется, г. Аксакову и сторонникамъ «національнаго самосознанія». Если пользоваться ея

указаніями и дѣлать-то, что требует простое чувство справедливости, то не потребуются никакого «національнаго самосознанія» и его указаній. Посмотрите, что дѣлается въ Европѣ. Возьмите Испанію, возьмите Ирландію.

Можетъ быть еще никогда «вопросы желудка» не играли такой роли въ исторіи и никогда народы Европы такъ не бѣдствовали, какъ нынѣ. Народная нужда повсюду растетъ съ невообразимой быстротой, но что-же дѣлается для ея устраненія? «Когда капитанъ-генералы (генераль-губернаторы) доносили въ Мадридъ о возрастающей народной нуждѣ, пишетъ корреспондентъ «Н. В.» изъ Испаніи, правительство разсылало строгія предписанія алькадамъ, усиливая жандармерію, грозило примѣненіемъ закона противъ разбойничества и провозглашеніемъ осаднаго положенія, но никакихъ мѣръ къ устраненію причинъ недовольства не принимало. Тѣмъ временемъ нужда росла, недовольство народа принимало все большіе размѣры и, наконецъ, въ концѣ прошлаго года, разразилось опаснымъ анархическимъ движеніемъ въ южныхъ и юговосточныхъ провинціяхъ королевства. Корень этого движенія кроется въ невыносимо ужасномъ положеніи крестьянскаго населенія, говоритъ корреспондентъ. Напримѣръ, въ Андалузіи, гдѣ и возникло анархическое движеніе, земля принадлежитъ всецѣло крупнымъ помѣщикамъ, которые не живутъ въ своихъ помѣстьяхъ. Крестьяне, которыхъ болѣе 90 проц.—всѣ безъ исключенія батраки и получаютъ за обработку помѣщичьихъ земель самую ничтожную плату. Этотъ жалкій и обездоленный народъ живетъ мѣстами въ пещерахъ и совсѣмъ одичалъ... Теперь испанское правительство очень энергически преслѣдуетъ разбойниковъ и членовъ «Черной руки». Тюремы заполнены лицами, подозрѣваемыми въ насильственныхъ мѣрахъ. Весьма вѣроятно, что правительству удастся овладѣть движеніемъ и подавить его, хотя до сихъ поръ это еще не удалось; но приметъ ли затѣмъ оно мѣры для разрѣшенія аграрнаго вопроса и уничтоженія аграрной неурядицы?..

Еще болѣе поразительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Англія. Съ какой энергіей, съ какой поистинѣ ангельской кротостію и нечеловѣческимъ терпѣніемъ ирландцы, чуть-ли не цѣлое столѣтіе, пытались улучшить свое положеніе и выдти изъ кабалы землевладѣльцевъ. Но никакія легальныя усилія не вели ни къ чему. Передъ ними стояла несокрушимая стѣна коалиціи крупныхъ землевладѣльцевъ, настолько, сильная въ парламентѣ, что, съ одной стороны, объ нее разбивались всѣ самыя справедливыя требованія ирландцевъ, а съ другой — предложенія правительства объ улучшеніи ихъ положенія. И вотъ, когда всѣ усилія ирландцевъ, оказались бесплодными, повторяется явленіе, анадо-

гичное съ анархическимъ движеніемъ Испаніи. А когда это движеніе явилось и фѣніи, не ограничиваясь отдѣльными убійствами, задумали взорвать парламентъ,—тѣ самые консерваторы, которые довели ирландскій аграрный вопросъ до такого остраго состоянія, теперь обвиняютъ правительство Глостона въ слабостяхъ и уступкахъ. Въ настоящее время ирландскіе недовольцы распадаются на двѣ фракціи: одна надѣется достигнуть своей цѣли легальными средствами, другая утверждаетъ, что легальными средствами, которые были уже всѣ испробованы, достигнуть ничего нельзя.

«Русь» предлагаетъ пользоваться уроками исторіи, искать указаній въ самопознающемъ «народномъ духѣ» и въ «національномъ самосознаніи». Къ сожалѣнію, и въ «исторіи», и въ «самопознающемъ народномъ духѣ», и въ «національномъ самосознаніи», каждый читаетъ, что ему хочется..

Въ странахъ, не связанныхъ никакимъ единствомъ интересовъ, возникаютъ независимо одинаковыя требованія, одинаковыя стремленія, одинаковыя идеи. Американецъ Генри Джоржъ, не издавшій ни одной русской деревни, является толкователемъ ея стремленій, и «аграрный вопросъ» становится историческимъ вопросомъ современной исторической эпохи для всѣхъ культурныхъ народовъ независимо отъ ихъ степени образованія, національных особенностей и формъ правленія. Этотъ вопросъ сложился исторически послѣдовательнымъ рядомъ экономическихъ отношеній, имѣвшихъ чисто міровой, международный характеръ, а не національный. Въ развитіи его, въ его созданіи, не принимали никакого участія тѣ противуправительственные или анархическіе элементы, противъ которыхъ направлены теперь усилія европейскихъ правительствъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія или точнѣе въ первой его половинѣ зрѣлъ собственно «фабричный вопросъ», вопросъ городского пролетарія, теперь-же вопросъ этотъ, обхватившій болѣе широкую сферу отношеній, выросъ въ вопросъ аграрный. Слѣдовательно, приходится считаться не съ лицами, а съ исторіей, съ тѣмъ назрѣвающимъ повсюду народнымъ сознаніемъ, которое, вмѣсто одного исторически сложившаго порядка аграрныхъ и другихъ экономическихъ отношеній, желаетъ положить основаніе другому порядку отношеній, къ сознанной необходимости котораго народы пришли тоже историческимъ путемъ. Однимъ словомъ, передъ нами, современниками, стоятъ два порядка отношеній—одинъ заживающаго историческаго процесса и другой—возникающаго. Какъ первый порядокъ не былъ никѣмъ выдуманъ, такъ и новый, возникающій процессъ, тоже не выдуманъ и современные ученые и люди не являются лишь его толкователями. Идеальная сущность настоя-

процесса заключается въ томъ, чтобы сознаніе его исторической неустрашимости сдѣлалось достояніемъ законодательныхъ сферъ и нашло-бы свое осуществленіе въ положительномъ законодательствѣ. Процессъ этотъ уже и намѣчается, хотя-бы въ тѣхъ робкихъ мѣрахъ, которыя предпринялъ кабинетъ Гладстона.

«Русскія Вѣдомости» по поводу аграрныхъ недоразумѣній Англіи замѣчаютъ: «Чѣмъ-бы ни кончилась борьба англичанъ съ ирландцами, она составляетъ страшный урокъ, преподанный исторіей въ назиданіе другимъ народамъ. Ни высокая культура ни громадныя богатства, ни обаяніе англійскаго могущества, ни искреннее желаніе просвѣщеннаго правительства достигнуть справедливаго рѣшенія споровъ, ни отвращеніе его отъ жестокихъ мѣръ для подавленія волненій, ничто, повидимому, не въ состояніи удовлетворить Ирландію. Въмѣсто умиротворенія, вызывается гражданская война, въ которой обѣ стороны прибѣгаютъ къ жестокостямъ, способнымъ довести взаимную ненависть до полной безопасности, и кончатся крушеніемъ не только господствующей поземельной, но и политической и соціальной системы. Подобная опасность, если англійскій народъ и успѣетъ ее предотвратить, заслуживаетъ того, чтобы другія страны позаботились заблаговременно о ея предупрежденіи у себя дома». Фактъ прискорбный и именно въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ, какъ еще слабо въ европейскомъ обществѣ историческое сознаніе, какъ еще недалеко ушла теперешняя Европа отъ Европы средневѣковой и какъ слаба государственная мудрость правящихъ сословій Англіи; а вѣдь уже кажется въ этой странѣ, какъ нигдѣ, развито «національное самосознаніе». И что-же, оно-то именно становится поперекъ справедливаго удовлетворенія Ирландіи, а это послѣдняя опять, въ свою очередь, тоже въ «національномъ самосознаніи» ищетъ силы для разрѣшенія «старого спора». И уже, конечно, не «національное самосознаніе», какъ думаетъ «Русь», заключаетъ въ себѣ умиротворяющую силу; оно хорошо только, какъ источникъ вражды, а не какъ источникъ для разрѣшенія накопившихся историческихъ несправедливостей.

Для насъ разрѣшеніе аграрнаго вопроса легче. «Ходъ исторіи, ведшій на западъ все къ большому и большому обезземеленію народа, не успѣлъ захватить насъ, прежде чѣмъ не выяснились роковыя послѣдствія этого историческаго процесса, говорятъ тѣ-же «Р. В.». Мы предупреждены своевременно и можемъ предупредить зло, которое породило столько бѣдствій и угрожаетъ неслыханными потрясеніями почти всему цивилизованному міру. Удачный результатъ нашихъ усилій тѣмъ вѣроятнѣе, что рѣчь идетъ не о радикальной перестройкѣ, а лишь о сохраненіи стараго. Сохране-

ніе общины и закрѣпленіе за нею принадлежащей ей земли—этой пунктъ національной политики, который хотя и принятъ либеральную программу и отвергается консерваторами, за исключеніемъ эпитоновъ славянофильства, но въ нашей странѣ сохраняетъ глубоко консервативный характеръ». «Русскія Вѣдомости» указываютъ на опасность, которая грозитъ нашей общинѣ въ окончательнаго выкупа надѣловъ, когда и у насъ можетъ начаться роковой процессъ обезземеленія. Какими-же мѣрами оградить общину отъ игры случайностей, которой она теперь уже поддается?»

Въ «національномъ самосознаніи» нечего искать отвѣта на этотъ вопросъ и едва-ли для разрѣшенія его пригоденъ речень «Руси», предполагающей, что отвѣтъ мы найдемъ въ «защото». Вопросъ этотъ теоретически можно считать у насъ почти рѣшеннымъ и теперь задача времени лишь въ томъ, какъ въ сферѣ теоретическаго разрѣшенія перейти ему въ сферу практическую и найти законодательное закрѣпленіе. Еще разъ приходится заговорить «Руси», что вопросъ объ общинѣ былъ разработанъ не «національнымъ самосознаніемъ», и даже община была открыта намъ иностраннымъ-нѣмцемъ Гакстаузенемъ. Защитниками общины и людьми, изучившими ея подробности, были тоже не «націоналисты». Все это шло отъ людей другого лагеря, людей, которые черпали уроки для Россіи въ идеяхъ Европы, въ ея историческомъ опытѣ и въ тѣхъ движеніяхъ новой исторической жизни Европы, которыя именно выстраиваютъ все узко-національное. Теперешняя жизнь ищетъ указаній въ міровомъ и въ солидарномъ ростѣ международныхъ идей, исходящихъ изъ идеала равенства и чувства справедливости, которое только въ этомъ идеалѣ и находитъ свое удовлетвореніе. Конечно, г. Аксаковъ не станетъ спорить, что такой идеалъ Московской Руси былъ неизвѣстенъ и потому «національное самосознаніе», направленное на отысканіе идеала справедливости, бесплодно-бы тратило свои силы на исканіе въ Московской Руси того, чего въ ней не было.

Вопросъ объ общинѣ, о которомъ мы заговорили, былъ возбужденъ на этихъ дняхъ въ вольно-экономическомъ обществѣ въ кладомъ г. Родичева. И любопытно, что ни «Русь», ни другие органы нашей печати, культивирующіе идею «національнаго самосознанія», не удѣлили этому вопросу того вниманія, которое заслуживаетъ по своей исторической важности и по тому какую ему предстоитъ сыграть въ судьбѣ нашего земледѣлія. А между тѣмъ вопросы вполне ничтожныя вызвали горячія спорныя статьи, точно Россія гибнетъ отъ ихъ неразрѣшенія. Такъ «М. В.» и «Н. В.» обрушились на Финляндію за то, что

ную границу и усмотрѣли въ ней погибель чуть-ли не всей русской промышленности. Одна изъ финляндскихъ газетъ совершенно справедливо замѣтила, что тутъ повторяется басня о волкѣ и агненкѣ, и что Россія, по отношенію къ Финляндіи, играла всегда роль волка, жалующагося, что агненокъ мутитъ воду и его обижаютъ. Въ доказательство того, что нужно уничтожить таможенную черту, отдѣляющую Финляндію отъ Россіи, «Н. В.» ссылается на вредное вліяніе, которое Финляндія имѣетъ на русскую кожевенную промышленность. «Въ послѣднее время, разсуждаетъ «Н. В.», пошлина на привозныя кожи почти не измѣнилась въ нашемъ тарифѣ, между тѣмъ пошлина на предметы, служащіе для обработки кожи, очень повзрослала, напримѣръ, необходимое дубильное вещество, каштановый экстрактъ, не платившій ничего, обложенъ съ прошлаго года по 2½ рубля съ пуда, т. е. 20% съ цѣны. Въ то время, какъ наши фабриканты вынуждены, такимъ образомъ, платить болѣе, они узнаютъ, что изъ Финляндіи кожи идутъ къ намъ свободно, между тѣмъ, въ Финляндіи привозъ американскихъ сырыхъ кожъ безошлинный, а дубильныхъ веществъ сколько угодно». Затѣмъ «Н. В.» указываетъ на то, что одинъ изъ финляндскихъ заводовъ сбываетъ въ Петербургѣ безошлинно своихъ издѣлій почти на полмилліона, что, вѣроятно, въ Финляндіи устроится множество заводовъ для наводненія Россіи безошлинными издѣліями, и заключаетъ вопросомъ: «неужели мы все будемъ смотрѣть на это спокойно?» Просто не постижимая аргументація, по которой «Н. В.» остается вѣрнымъ. Оно и по поводу обложенія заграничныхъ паспортовъ обнаружило ту-же логическую послѣдовательность. «Мужикъ, разсуждаетъ «Н. В.», обложенъ массой платежей, онъ платитъ и за паспорта, слѣдовательно, нужно обложить паспорта заграничныя». По истинѣ аргументація волка. «Наши кожевенные заводчики съ прошлаго года платятъ за каштановый экстрактъ 200% съ цѣны и не въ состояніи производить дешевыхъ кожъ, слѣдовательно, нужно обложить пошлиной финляндскія кожи». Но вѣдь если въ Финляндіи производство кожъ развивается потому, что находится въ благоприятныхъ условіяхъ, а русское производство не развивается потому, что обложено пошлиной, то казалось-бы, что единственное средство для поднятія русскаго кожевеннаго производства должно заключаться въ уравненіи условій; но, по логикѣ «національнаго самосознанія», оказывается не то: «мужицкіе паспорта обложены пошлиной, это несправедливо,—слѣдовательно, должны быть обложены и заграничныя паспорта»; «русское кожевенное производство стѣснено пошлиной на дубильныя вещества, въ Финляндіи этихъ пошлинъ нѣтъ—слѣдовательно нужно затруднить ввозъ финлянд-

ворить, что «для крестьянъ, какъ для цѣлаго класса населенія, но не отвлеченное право собственности на землю, которое да имъ выкупомъ, а важныя гарантіи сохраненія за ними постояннаго права и возможности пользованія землею. Если превращеніе выкупныхъ платежей въ оброчную подать обезпечиваетъ это право и не имѣетъ никакой несправедливости въ томъ, что не община, а государство будетъ считаться собственникомъ земли. Напротивъ при этомъ условіи, дѣло ставится такъ, что крестьяне будутъ совершенно свободны въ пользованіи землею, развѣ что они уплачиваютъ за нее положенную оброчную подать. Весь вопросъ состоитъ въ томъ, что размѣръ оброчной подати и размѣры выкупныхъ платежей и, слѣдовательно, крестьяне, жившіе до сихъ поръ по расчету выкупа въ известное число лѣтъ переплатили много лишняго, сравнительно съ тѣмъ, что они внесли-бы въ государственное казначейство, если-бы съ самаго начала была установлена оброчная подать. Но, вѣдь, и это, по существу дѣла, не имѣетъ никакого значенія. Развѣ было бы необходимо выкупить у помѣщиковъ, землю, отходившую имъ надѣль крестьянамъ.—крестьяне, такъ или иначе, должны бы были выплатить эту сумму, а стало-быть, если-бы и не было выкупныхъ платежей, съ нихъ выбиралось-бы все то, что было необходимо для этого и что они вносили и вносятъ въ формѣ выкупныхъ платежей... Что касается того возраженія, что государство, состоя собственникомъ земли, можетъ всегда отобрать ее у крестьянъ и дать ей другое назначеніе, то оно еще менѣе справедливо. Государство всегда является верховнымъ собственникомъ земли и всегда имѣетъ право и возможность давать землѣ любое назначеніе, какого требуютъ, въ данный моментъ, интересы общества. На этомъ основано право экспроприаціи частной собственности, хотя-бы, напр., для проведенія желѣзныхъ дорогъ. Государство надо представлять себѣ организованнымъ народомъ, интересъ котораго являются интересами всѣхъ и каждого».

«Московскій Телеграфъ» по поводу того-же вопроса говоритъ: «Община хотя и представляетъ собою учрежденіе вполне бытовое, но она подлежитъ воздѣйствію новыхъ экономическихъ факторовъ и не можетъ не разложиться въ борьбѣ съ ними. Даже тамъ, гдѣ она еще существуетъ,—она все-таки оказывается при известныхъ условіяхъ не въ состояніи сильной предохранить крестьянина отъ обезземеленія. Отсюда вытекаетъ, что для государства является существенной задачей, съ одной стороны, предотвратить возможность обезземеленія массы крестьянства, а с другой—освободить личность крестьянина, не привязывая ее исключительно къ землѣ, но въ то-же время и не подвергая его опасности обезземелиться поневолѣ. Предложеніе г. Родичева право и справедливо».

къ разрѣшенію этой задачи. Разъ земля представляетъ собою не собственность общины, а собственность государства и, въ то-же время, предоставляется въ пользованіе крестьянъ за опредѣленную оброчную подать, — нѣтъ возможности, нѣтъ риска, чтобы земля эта, если только государство правильно понимаетъ свою задачу, сдѣлалась предметомъ усвоенія ея частными лицами настолько, чтобы это грозило обезземеленію массы. А тогда не только крестьянинъ, но и каждое лицо, желающее приложить свой собственный трудъ къ землѣ, имѣетъ полную возможность взять въ пользованіе опредѣленное количество земли съ уплатою оброчной подати».

«Русскія Вѣдомости» думаютъ, что если общинные порядки сохраняются даже въ такихъ случаяхъ, когда, по обстоятельствамъ, въ глазахъ противниковъ общины такой порядокъ пользованія землей представляется чистѣйшимъ абсурдомъ, то это конечно свидѣтельствуемъ о несомнѣнной живучести общиннаго духа среди крестьянъ и служить ручательствомъ, что община, предоставленная сама себѣ, будетъ долго сопротивляться разложенію. Но есть факты и противоположнаго свойства и факты довольно частые, когда покупная земля дѣлится на пай. И причина этого понятна. Для покупки земли нужны деньги, и они скорѣе найдутся у отдѣльныхъ зажиточныхъ крестьянъ, чѣмъ у деревенской голытьбы. Поэтому тотъ, кто вноситъ больше денегъ, требуетъ себѣ и большаго земельного пая. Въ такихъ случаяхъ на помощь могъ-бы явиться земельный банкъ, который-бы и устранилъ излишній перевѣсъ болѣе богатыхъ членовъ общины. Но пока этого нѣтъ, и капиталы на покупку земли образуются изъ личныхъ средствъ, земля, конечно, будетъ покупаться скорѣе на паяхъ, чѣмъ на общинномъ началѣ.

Теперь является очень важный вопросъ: выдержатъ-ли общинный духъ нашего крестьянства то испытаніе, которое наступитъ съ выкупомъ надѣловъ, спрашиваютъ «Р. В.» Наблюденія настоящаго времени не могутъ дать отвѣта на этотъ вопросъ. Пока крестьяне не видятъ вокругъ себя ничего, чтобы нарушало складъ представленій благоприятныхъ общинъ, личный интересъ едва-ли и можетъ приобрести преобладающее значеніе; но съ выкупомъ надѣловъ личному началу будетъ представляться болѣе случаевъ противопоставлять свой интересъ интересу мірскому. А какъ только надѣлы станутъ переходить въ руки болѣе сильныя — разложеніе общины пойдетъ быстро. Начало этому уже положено и «кадры для будущихъ преемниковъ уже готовы: это кулаки и кабатчики, которые не преминутъ взяться за осуществленіе идеала противниковъ общиннаго владѣнія».

Ссылка на права отдѣльныхъ лицъ, «приобрѣтенныя внесеніемъ крупныхъ платежей, какъ и указаніе на закрѣпощеніе крестьянъ

общинѣ, а общины казнѣ не составляютъ, по мнѣнію «Р. В.», серьезнаго возраженія г. Родичеву. Если требуется только юридическое объясненіе, то право собственности можетъ считаться за общиною; отдѣльными-же лица будутъ пользоваться правомъ наслѣдственнаго пользованія. Что-же касается закрѣпощенія общины казной, то прежде всего не слѣдуетъ смѣшивать казну съ государствомъ. Государство, во всякомъ случаѣ, сохранить за собою вековное право распоряженія землею, но право ограниченное, и напримѣръ отнять землю отъ общины, чтобы дать ей другое назначеніе, государство будетъ не въ силахъ. Но, конечно, государство, какъ собственникъ земли, можетъ поощрять разложеніе общины, и въ этомъ смыслѣ получаетъ значеніе мнѣніе, высказанное председателемъ В. Э. Общества, чтобы право собственности было признано за общиною. Значитъ весь вопросъ сводится къ государственной власти, которая закрѣпила-бы общину своей санкціей и не устанавливала законоположеній, неблагоприятныхъ общинному землевладѣнію.

Я приводилъ мнѣнія отдѣльныхъ органовъ печати для того чтобы показать, насколько аграрный вопросъ, являющійся для Европы такимъ трудно-разрѣшимымъ вопросомъ, что, напримѣръ въ Англіи онъ вызываетъ гражданскую войну и грозитъ страшной политической распаденіемъ, у насъ является очень мирнымъ и настолько уже законченнымъ теоретически, что община, какъ юридическое учрежденіе, не подвергается никакимъ сомнѣніямъ и дѣло сводится лишь къ тому, чтобы государство приняло участіе въ законодательномъ разрѣшеніи этого вопроса. Крестьянскій миръ и общество — на сторонѣ общины, споры о ней никого не волнуютъ, печать разрѣшаетъ частности вопроса «какъ одинъ человекъ»; моментъ, когда слѣдовало обратить вниманіе на этотъ вопросъ, выбранъ наиболѣе удачный, и казалось-бы, что именно въ этотъ-то моментъ и должна пробудиться вся энергія пропагандистовъ «національнаго самосознанія» и «правды историческаго инстинкта», и что-же мы видимъ? Въ то время, когда аграрное движеніе Европы въ спокойныхъ и разсудительныхъ людяхъ вызываетъ общественно-государственное мышленіе, люди, мнящіе себя представителями «правды историческаго инстинкта», лишаются послѣдняго остатка разума и впадаютъ въ какое-то лунатическое состояніе. Не понимая причинъ, создавшихъ теперешнее ненормальное состояніе Европы, г. Аксаковъ обрушивается на «западный индивидуализмъ, которому вольготно тамъ въ умахъ и душахъ, сформированныхъ воспитаніемъ до года отъ всякаго живаго смысла действительности, или всякой непосредственной связи съ живію и истиннымъ своимъ народомъ, съ его прошлымъ и настоящимъ, отъ всякаго...

ложительныхъ національныхъ идеаловъ, отъ всякихъ завѣтовъ народности и старины». Превосходно! хотя нѣтъ ни одного слова правды и видно лишь незнаніе исторіи, да непониманіе социальноекономическаго смысла современнаго броженія европейскаго рабочаго населенія. Объяснивъ аграрный вопросъ Европы, какъ простое слѣдствіе «опорожненія душъ и умовъ», «Русь» пророчески вѣщаетъ, что не этимъ «пустопорожнимъ» душамъ сказать міру новое слово. «Не они сыны свободы. Они лишь бунтующіе рабы, и честь сказать новое и послѣднее слово выпадетъ на долю другихъ». Въ чемъ-же ихъ «новое слово»? «Новое и послѣднее слово есть то старое вѣчное слово спасенія, которое возвѣщено человѣку въ божественномъ откровеніи. Послѣднія страницы современной исторіи обращаютъ невольню мысль къ первымъ страницамъ человѣческаго бытописанія, къ священному библейскому сказанію о грѣхопадении... Вкусивъ, съ нарушеніемъ заповѣди Божіей, отъ древа *познанія добра и зла*, человѣкъ, въ концѣ концовъ, вновь отвергнувшись Бога, утрачиваетъ способность распознавать добро и зло, различая только пользу и вредъ; возмнивъ горделиво быть *яко боги* — возгарается страстнымъ неопредѣленнымъ вождельніемъ—быть *яко скоти*».

Такъ разрѣшаетъ г. Аксаковъ европейскій аграрный вопросъ. Предположите, что г. Аксаковъ членъ англійскаго парламента и что послѣ рѣчей другихъ сочленовъ о мѣрахъ для устраненія аграрныхъ недоразумѣній Ирландіи, г. Аксаковъ, грозный какъ пророкъ Іезекииль, читаетъ свою передовую статью изъ 6 № «Руси». о грѣхопадении... Нѣтъ, въ англійскомъ парламентѣ г. Аксаковъ не сказалъ-бы ничего подобнаго; можно говорить такія вещи только въ Москвѣ, да и въ Москвѣ лишь въ одной «Руси». Брайтъ, конечно, не хуже г. Аксакова знаетъ дѣла Англій, и однако онъ обвинилъ во всемъ несправедливую и своекорыстную политику Англій—и никого больше.

Это образчикъ «правды историческаго инстинкта», какъ его понимаетъ г. Аксаковъ. Настоящая-же «правда историческаго инстинкта», та правда, которая въ лицѣ Башкина стремилась уничтожить всякую кабалу, чтобы людямъ можно было свободно жить и дышать, эта правда г. Аксакову и людямъ его идеала неизвѣстна; но они знаютъ другую правду, правду Іосифа Волоколамскаго—правду преслѣдованія и нетерпимости, правду проклятія и осужденія. Истинные, прямые продолжатели традицій Московской Руси они совершенно безсильны видѣть и понимать нужды настоящаго и тѣ прискорбныя послѣдствія, которыя возникаютъ оттого, что самыя справедливыя стремленія и желанія нуждающихся и обездоленныхъ бѣдняковъ не находятъ себѣ удо-

влетворенія. Ихъ «правды историческаго инстинкта» миновала и община, именно въ сей-то моментъ и нуждающаяся въ наиболее энергической пропагандѣ; но за то они отправляются ко временамъ грѣхопаденія и все современное зло видятъ въ томъ, что Адамъ и Ева вкусили отъ древа познанія добра и зла. Нечего сказать—проницательно. Понятно, что при такой проницательности самыя обыденныя явленія текущей жизни ускользаютъ отъ вниманія этихъ людей, очень похожихъ на хемницеровскаго метафизика, вѣчно сидящаго въ ямѣ.

Не одна «община» стоитъ теперь на очереди у русской думы. Не закончившееся освобожденіе крестьянъ вызываетъ много вопросовъ, особенно въ области общественной нравственности, входящейся еще подъ господствомъ традиціи и застарѣлыхъ обычаевъ. Русофильствующая печать и печать проповѣдующая «бурность духа» обходятъ эти вопросы, а между тѣмъ жизнь видѣгаетъ каждый день факты такого упадка общественныхъ нравовъ такой безобразной распущенности и такого безначалія, что обществу слѣдуетъ серьезно напомнить объ его обязанностяхъ относительно самого себя, ибо если оно не найдетъ средствъ для борьбы съ этимъ зломъ въ себѣ—его не спасетъ никто. Теперь только судъ борется съ проявленіями этого зла, выхватывая то, что вытолкнетъ случай, но почва, производящая эти цвѣты, и атмосфера, ихъ питающая, стоятъ внѣ власти суда...

Къ категоріи какихъ фактовъ причислить, напрямѣръ, слѣдующій фактъ, сообщаемый «Недѣлей»? Нѣсколько времени тому назадъ, каменецъ-подольская полиція обратила вниманіе на одну появившуюся въ городѣ особу, которая на всѣ вопросы о письменномъ видѣ упорно отмалчивалась. Женщину задержали, и она оказалась глухо-нѣмой. Письменныхъ отвѣтовъ отъ нея тоже не добились. Дѣйствительно ли она не умѣла писать или не хотѣла—осталось неизвѣстнымъ. Начали доискиваться ея происхожденія, наводили справки, спрашивали старожиловъ—никто ничего не могъ о ней сказать. Одинъ изъ полицейскихъ, неизвѣстно изъ какихъ источниковъ, утверждалъ, что глухо-нѣмая привезена въ Мезени какими-то неизвѣстными людьми, вскорѣ въ Каменецъ-же и умершими. Показанію этому придали вѣру и несчастную глухо-нѣмую отправили по этапу въ Мезень, для удостовѣренія личности. Болѣе семи мѣсяцевъ шла бѣдняга по этапу, наконецъ пришла—во и въ Мезени никто ее не призналъ. Что-же съ ней дѣлать? Гнать назадъ по этапу? Подумали власти и хотя понимая, что это жестоко, но, какъ пишетъ корреспондентъ, есть слухъ, что власти заставляютъ ее еще разъ пройти въ Каменецъ-Подольскъ. Что-же это такое? Сдѣлала глухо-нѣмая какое-нибудь преступле-

ніе? Нѣтъ. За что-же это мытарство, за что это этапное патанье, эта ненужная безжалостная пытка, это полное неуваженіе къ личности?

Или другой фактъ, сообщаемый «Новостями». Астраханскій мѣщанинъ Андреевъ, тиранившій свою жену 20 лѣтъ, наконецъ добивается того, что ее помѣщаютъ въ сумасшедшій домъ. Все это сдѣлалось тайно и секретно. Узнавъ объ этомъ, однако, судебный слѣдователь и вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачомъ явился внезапно въ домъ умалишенныхъ. Тамъ имъ представилась поистинѣ ужасающая картина. Андрееву они нашли лежавшею въ кровати безъ движенія; пѣлый мѣсяць она уже больна, и во все это время ей не давали почти никакой пищи и не перемѣняли на ней бѣлья, вслѣдствіе чего атмосфера въ комнатѣ, въ которой находилась Андреева, была невыносима. Последняя, увидѣвъ врача, вскрикнула: «батюшка, помоги мнѣ, несчастной!» Врачъ, полагая, что больная дѣйствительно умалишенная, началъ предлагать ей разные вопросы; но каково-же было его удивленіе, когда больная оказалась психически здоровою! Андреева просила врача не пускать къ ней сидѣлку, которая, вмѣсто того, чтобы принести хлѣба, — бьетъ ее. По освидѣтельствованію больной, оказалось, что тѣло ея все въ синякахъ. 19-го февраля, товарищъ прокурора, вмѣстѣ съ докторами Егоровымъ и Опатовичемъ, вторично произвелъ осмотръ Андреевой; на этотъ разъ она была въ халатѣ, безъ рубахи! «Сидѣлки и фельдшера показали, что скорбнаго листа не было и лекарство никуда не записывалось. На вопросъ: «часто-ли посѣщала больную докторъ?» — одна сидѣлка сказала, что вотъ уже два года, какъ она служитъ, а «дохтура» еще не видѣла, а вторая показала, что докторъ былъ только тогда, когда привезли больную, т. е. слишкомъ мѣсяць тому назадъ. На вопросъ: «почему больная безъ рубашки?» — полученъ былъ отвѣтъ: «бѣлья нѣтъ!»

Въ этихъ фактахъ, подлежащихъ сужденію уголовной власти, конечно не найти «правды нашего историческаго инстинкта», хотя въ нашихъ внутреннихъ отношеніяхъ именно факты этого рода и составляютъ обычное явленіе. Но удивительно не это. Удивительно то, что глашатаи правды, умѣющіе такъ возмущаться чуждымъ намъ поведеніемъ феніевъ, совсѣмъ не видятъ домашняго зла и не понимаютъ, какъ низко долженъ быть нравственный уровень общества и его чувство личнаго достоинства, если подобныя факты никого не задѣваютъ, никого не возмущаютъ и не вызываютъ никакого протеста. Въ «Руси», кажется, нѣтъ и отдѣла, чтобы слѣдить за этой стороной явленій русской жизни, сдѣланшейся въ последнее время дотого богатой отрицательными фактами, что ихъ и печатаютъ и читаютъ съ такою-же безразличностію, какъ извѣ-

стія о погодѣ или о биржевомъ курсѣ нашего рубля. Напримѣръ въ «Р. В.» я читаю: «Въ *Юридическомъ Обзорѣ*» напечатано слѣдующее характерное извѣстіе: «Въ сел. Арамло, Борчалинскій уѣзда, одинъ поселянинъ, котораго хотѣлъ, по какому-то поводу арестовать земскій урядникъ, оказалъ сопротивленіе и жестоко пострадалъ за это: онъ былъ убитъ на мѣстѣ. По донесенію урядника, мѣстное населеніе не только не оказывало никакой помощи ему, уряднику, но и относилось къ сопротивлявшемуся съ видимымъ сочувствіемъ. Обстоятельство это принято уѣздной полиціей за бунтъ, и въ селеніи поставлена экзекуція изъ 25-ти казаковъ».

И затѣмъ не прибавлено ни слова.

Екатерина II говорила про помѣщиковъ: «это мои сто тысячъ полиціймейстеровъ». И дѣйствительно, каждый помѣщикъ былъ полиціймейстеромъ своей деревни. Въ смыслѣ государственной организаціи и цѣлостности, крѣпостное право было институтомъ вполнѣ законченнымъ и слитымъ съ центральной властью. Помѣщики были даровой силой, превосходно служившей цѣлямъ и намереніямъ правительства. Съ отміной крѣпостнаго права, «сто тысячъ полиціймейстеровъ» остались за штатомъ и мѣсто ихъ оказалось пустымъ. Хотя вначалѣ крупные землевладѣльцы и пытались провести мысль о вотчинной полиціи, съ тѣмъ, чтобы имъ быть деревенскими полиційместерами, но идея эта шла слишкомъ въ разрѣзъ съ освобожденіемъ крестьянъ и принята быть не могла. Правда, на смѣну помѣщиковъ явилось земство, но оно есть органъ чисто хозяйственный, а не полицейскій. Въ такомъ видѣ дѣла шли, пока Макову не пришла мысль ввести урядниковъ. Думали ли Маковъ заполнить ими пустое мѣсто, оставленное помѣщиками, или руководствовался соображеніями иного свойства, печати неизвѣстно. Но во всякомъ случаѣ урядники, заполнивъ пустоту, явились такой силой, о которой скоро заговорила вся Россія, и деревенская, и не деревенская. И это и должно было такъ случиться. У помѣщика была связь съ крестьяниномъ не исключительно матеріальная; для правительства помѣщикъ, можетъ быть, былъ и исключительно полиціймейстеромъ, но самъ себя онъ считалъ выше. Онъ былъ опекуномъ, попечителемъ и охранителемъ крестьянина. Самъ онъ могъ выжимать сокъ изъ своего крестьянина, но другому онъ этого не позволялъ. Бывали помѣщики, въ имѣніе которыхъ становой не смѣлъ показаться носу, и всякое полицейское требованіе шло черезъ помѣщиковъ. Подобная организація была и у государственныхъ крестьянъ, попечителями которыхъ были окружной начальникъ. Во многихъ случаяхъ окружные и помѣщики оказывались худшими попечителями, но рѣчь не объ томъ, а о томъ, что для крестьянина существовала извѣстная инстанція,

юридическая обязанность которой заключалась въ томъ, чтобы оберегать крестьянскіе интересы. Съ освобожденіемъ крестьянъ эта инстанція исчезла, и деревня оказалась открытой для вполне свободной полицейской практики, единственнымъ регуляторомъ которой являлось лишь моральное чувство исполнителей. Насколько гарантія моральнаго чувства оказалась недостаточной, обнаружилось очень скоро, и нѣкоторые изъ земствъ вошли даже съ ходатайствами объ уничтоженіи института урядниковъ. Правительство, конечно, не оставалось равнодушнымъ или невнимательнымъ къ общимъ жалобамъ, но одни судебныя преслѣдованія виновныхъ оказывались далеко недостаточными. Послѣднія газетныя извѣстія убѣждаютъ, что, несмотря на все желаніе правительства парализовать полицейскій произволъ урядниковъ, борьба съ ними оказывается далеко не такой простой и легкой. Напримѣръ, изъ Мезени пишутъ въ «Рус. Курьеръ», что «въ нѣкоторыхъ волостяхъ урядники, пользуясь совершенною безконтрольностью свыше, обложили населеніе данью, причѣмъ раскладка этой дани строго сообразована съ количествомъ душъ каждаго двора. Эта новая повинность взимается неукоснительно, какъ вполне законная и неподлежащая сомнѣнію. Преимущественно вниманіе гг. урядниковъ обращено на домашніе припасы, которые собираются самолично или черезъ сборщиковъ». Такому порядку вещей, какъ пишетъ корреспондентъ, много способствуетъ отдаленность этихъ областей. Если этотъ фактъ и преувеличенъ, то самая возможность преувеличенія показываетъ, что въ немъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Но вотъ фактъ вполне достовѣрный. Нѣсколько парней с. Мариничъ, Кишиневскаго уѣзда, какъ-то зимой, пьянствуя въ кабакѣ, нечаянно разлили вино и подмочили мѣшки, лежавшіе въ кабакѣ. Еврей-хозяинъ подалъ заявленіе уряднику, а тотъ, заарестовавъ парней, продержалъ ихъ до полуночи въ холодномъ сараѣ. Затѣмъ, боясь, чтобы они не замерзли, выпустилъ на ночь, а на утро опять заперъ въ сарай, обѣщавъ имъ дать свободу, если каждый изъ нихъ внесетъ по 5 р. 20 к. Парни сперва было не соглашались, но потомъ дали обѣщаніе внести выкупъ. Деньги были собраны мѣстными сборщиками податей и вручены уряднику при свидѣтеляхъ. Подобная продѣлка урядника уже не первая, и крестьяне рѣшили на него пожаловаться. Урядникъ преданъ суду.

Читатель мнѣ позволить, для краткости, не приводить болѣе фактовъ. Я-бы могъ найти ихъ много, но дѣло не въ ихъ количествѣ, а въ ихъ характерѣ. Характеръ-же ихъ вполне ясенъ: въ основѣ они всѣ стязательныя, а насиліе, къ которому прибѣгаютъ урядники, есть только одно изъ средствъ ихъ ни чѣмъ не контролируемой и не сдерживаемой власти.

И помѣщикъ могъ произвольничать, и онъ могъ быть несправедливъ, но ужь, конечно, при всемъ произволѣ онъ не сталъ-бы брать съ крестьянъ взятки. Пашки и револьверы, которыми вооружены урядники, не мало тоже сообщаетъ имъ импозантности и какъ-бы прямо указываютъ на средство, которымъ они могутъ пользоваться. Безъ этого развѣ было-бы возможно, чтобъ, за сопротивленіе при арестѣ, урядникъ убивалъ крестьянина? Наши народные нравы и безъ того не отличаются мягкостію; припомните случаи самоубида, нынче сдѣлавшагося довольно обычнымъ явленіемъ, и ужь конечно, пашка и револьверъ урядника, являющагося въ деревню, точно въ непріятельскій лагерь, не способны ни урядникамъ, ни крестьянамъ сообщать дружелюбнаго и мирнаго настроенія. А то, что продѣлывалъ г. Свирятинъ, у котораго чувства достоинства власти совсѣмъ не имѣлось — уже и совсѣмъ не шло для воспитанія народа въ гуманности, кротости и справедливости. Въ газетахъ напечатанъ слухъ, что Кохановская коммисія предложила замѣнить урядниковъ полицейскими, которые будутъ находиться подъ вѣдѣніемъ исправниковъ, и что землевладѣльцамъ будетъ разрѣшено держать на свой счетъ особыхъ полицейскихъ, но въ прямой зависимости отъ исправниковъ. Это извѣстіе слишкомъ коротко, чтобы можно было сдѣлать оцѣнку предстоящей перемѣны. Изъ нея лишь видно, что деревенская полицейская стража будетъ называться не урядниками, а полицейскими, а судя потому, что землевладѣльцы будутъ имѣть право держать своихъ полицейскихъ, нужно думать, что сельской полицейской стражѣ будетъ приданъ охранительный, а не боевой характеръ. Что полиціанты, состоящіе на жалованьи землевладѣльцевъ, будутъ и въ дѣйствительности ихъ охранителями — не подлежитъ никакому сомнѣнію; но какія отношенія установятся между полиціей и крестьянами и какую роль они будутъ играть въ деревняхъ? Мы, русскіе, уже, кажется, достаточно богаты разнымъ видовъ опытомъ, чтобы не полагаться на однѣ моральныя гарантіи; все, что совершается теперь передъ нашими глазами: факты хищенія казенныхъ денегъ, и факты банковыхъ хищеній, и невозможность довѣрять общественныхъ интересовъ людямъ, выдѣляющимся изъ обыкновеннаго уровня — фактовъ этого рода набралось за послѣднее время достаточно — все это окончательно должно убѣдить въ недостаточности моральныхъ гарантій и въ необходимости дополнить ихъ какими-нибудь другимъ гарантіями.

Вопросъ объ общественной нравственности при современныхъ общественныхъ условіяхъ остается открытымъ и неразрѣшеннымъ, и уже, конечно, не въ аьсаковской «правдѣ историческаго инстинкта» лежитъ его разрѣшеніе. Вотъ, на примѣръ, свѣжій фактъ,

подтверждающій еще разъ, что нашей общественной нравственности не выбиться къ свѣту, пока она будетъ воспитываться старыми традиціями. Въ «Рус. Кур.» пишутъ изъ Курска: «10-го марта, въ подгородной Ямской слободѣ, происходили выборы волостнаго старшины на новее трехлѣтіе. Должность эту въ послѣднее время временно исправлялъ кр. Вѣтровъ, человекъ очень хорошій и состоятельный. Не смотря на то, что Вѣтрову пришлось служить сравнительно немного, онъ успѣлъ заслужить общее уваженіе, въ особенности среди бѣдняковъ, которымъ, по его предложенію, общество рѣшило съ прошлаго года выдавать вспоможеніе, чего прежде не было. Кромѣ того, умѣлымъ отношеніемъ къ имуществу общества, онъ значительно увеличилъ его состояніе. На сходѣ огромное большинство, поэтому, было подготовлено въ пользу его избранія. Между тѣмъ, къ выбору старшины прибылъ уѣздный предводитель дворянства, онъ-же и предсѣдатель уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, г. Анненковъ. По окончаніи молебна, приступили къ выборамъ. Только-что Анненковъ сѣлъ, какъ неподалеку отъ него усѣлся и Вѣтровъ. Попытка Вѣтрова отдохнуть до того возмутила «начальство», что всѣ участвующіе на сходѣ крестьяне не на шутку перепугались, въ особенности виновникъ этого страха — самъ старшина. Усматривая со стороны послѣдняго явное, якобы, неуваженіе къ своей особѣ, г. Анненковъ счелъ нужнымъ, въ присутствіи лучшей части ямскаго общества, сдѣлать старшинѣ Вѣтрову строжайшій публичный выговоръ. Вѣтровъ сталъ просить извиненія, но поздно. Волостнымъ старшиною избрано другое лицо».

Пустота, оставшаяся послѣ освобожденія крестьянъ отъ «статскихъ полиціймейстеровъ», и ихъ помощниковъ, не осталась не заполненной. Всегда находили, что вліяніе помѣщичьей власти, деморализируя и помѣщиковъ, и народъ было бессильно воспитать въ тѣхъ и другихъ чувство гражданскаго достоинства и поднять уровень общественной нравственности. На эту тѣму много писалось статей въ эпоху освобожденія. Но новыя вліянія, заполнившія пустоту, встали-ли въ уровень съ идеей освобожденія и насколько въ состояніи воспитать народъ въ чувствахъ общественной справедливости и гражданскаго достоинства, ради которыхъ и свершилось освобожденіе? Вотъ, казалась-бы, превосходная тѣма для современной гражданской скорби «Руси» и тѣхъ органовъ печати, которые истощаютъ свой пылъ на защиту нашей самобытности и противъ обидъ, которыя намъ будто-бы учиняются извнѣ. Сами мы себя обижаемъ да еще и отводимъ глаза публики отъ правды.

Въ послѣднемъ № «Новостей» напечатано опроверженіе извѣстій «Нов. Вр.» и «Мос. Вѣд.» относительно финляндскаго ввоза.

Эти двѣ почтенныя газеты вѣроятно воспользовались кое-какими обрывками правительственныхъ свѣдѣній, и съ усердіемъ, едва-ли заслуживающимъ какого-нибудь поощренія, обрушились на скромно-живущую Финляндію, за то, что она пожелала отдѣлиться отъ Россіи таможенной чертой. Скромное желаніе Финляндіи будетъ вполне понятно читателю, если онъ обратитъ вниманіе на то, что финляндскій курсъ своею наравнѣ съ европейскимъ, а нашъ на 40 проц. ниже. Финляндцы имѣютъ полное право желать, чтобы за ихъ марку давали имъ 25 коп. «Нов. Вр.» и «Моск. Вѣд.» желаютъ, напротивъ, чтобы финляндская марка стоила 15 к. Казалось-бы что финляндская умѣлость хозяйничать, должна-бы въ этихъ двухъ названныхъ патріотическихъ органахъ возбудить желаніе, чтобы насъ захватила финляндская граница и подняла-бы курсъ нашего рубля, а не навыворотъ. Но мы хотимъ разсуждать «самобитно» и желаемъ что-бы всѣмъ было такъ-же худо, какъ намъ. Далѣе оказывается что свѣдѣнія «Нов. Вр.» и «Мос. Вѣд.» невѣрны фактически, и никакого подавленія Финляндіей нашихъ производствъ не существуетъ. Такъ въ 1881 г. изъ Россіи въ Финляндію вывезено мануфактурныхъ и всякихъ другихъ товаровъ на 68.356,241 марку и въ томъ числѣ *кожевенныхъ издѣлій*, на 1.792,851 марку; а изъ Финляндіи въ Россію—на 49.891,877 марокъ и кожевенныхъ издѣлій на 245,175 марокъ. Слѣдовательно ввозъ русскихъ товаровъ превзылъ ввозъ финляндскихъ на 18.464,562 марки, и не финляндцы подавили насъ своими кожами, а мы ихъ. Что-же пошло «Мос. Вѣд.» и «Нов. Вр.» поступить такъ, какъ поступили «Новости», и прежде, чѣмъ отводить публикѣ глаза, справиться въ таможенныхъ отчетахъ? Имъ, конечно, ничто и не мѣшало; но имъ было нужно не то. Да, съ такими руководителями, воспитателями и «политиками» Россіи никогда не сдѣлаться ни умной, ни богатой.

Н. В.

СИЛУЭТЫ ПРЕТЕНДЕНТОВЪ.

(Политическая и социальная хроника).

Король умеръ, да здравствуетъ король! Но который? Вотъ въ чемъ вопросъ, ибо претенденты на наслѣдство Гамбетты весьма многочисленны и права ихъ заслуживаютъ принятія въ свѣдѣнію. Одинъ изъ нихъ—потомокъ Лудовика Святого; другой происходитъ отъ Филиппа Эгалите, вотировавшаго смерть Лудовика XVI; третій рекомендуетъ себя вниманію публики своимъ корсиканскимъ профилемъ и сходствомъ съ первымъ Наполеономъ. Я полагаю, что есть не мало и другихъ, такъ какъ не одному французу приходила, вѣроятно, мысль, что корона съ такимъ же успѣхомъ могла бы красоваться на его собственномъ челѣ, какъ и на головѣ Плонцлона, а что касается величія, то онъ могъ-бы даже одолжить его графу Парижскому. Но такъ какъ нѣтъ возможности говорить о всѣхъ, то на этотъ разъ я ограничусь только что названными лицами, какъ наиболѣе выдающимися и располагающими наибольшими шансами на управленіе своими согражданами.

I.

Начнемъ съ перваго по старшинству и наиболѣе оригинальнаго по своей фізіономіи. Къ тому-же права его... эти права могутъ быть даже названы неотъемлемыми до такой степени, что, не впадая въ ересь, невозможно допустить, чтобы графъ Шамборъ на единую минуту переставалъ царствовать надъ французами, наперекоръ всякимъ революціямъ, септенатамъ, президентствамъ, конституціонной монархіи и такъ далѣе. Правительства, имѣвшія претензію замѣнить его, были лишь простыми интермедіями, а долгое изгнаніе—выѣздомъ на дачу.

Такъ говоритъ исторія, не та, конечно, которую преподають въ Сорбоннѣ или нормальной школѣ, а та, которая зависитъ отъ

доброй воли короля. Тѣ, кто отрицають это — невѣрные, а кто это неизвѣстно—тѣ круглыя невѣжды.

Приходилось-ли вамъ читать сочиненіе, озаглавленное: «Тридцать первыхъ лѣтъ жизни Гейнриха V Возлюбленнаго, короля французскаго и новаррскаго?» Незнакомство съ этимъ произведеніемъ можете найти себѣ извиненіе развѣ только въ томъ, что названная книга до послѣднихъ дней пребывала на чердакѣ Фирма Дантю. Къ счастью, неизвѣстная рука только что извлекла ее изъ пыли. Это во многихъ отношеніяхъ любопытное повѣствованіе: оно проливаетъ яркій свѣтъ на очевидно мало-извѣстное многими изъ нашихъ современниковъ время. Оно начинается 1820-мъ годомъ. Герцогъ Ангудемскій вступилъ на престолъ и царствуетъ подъ именемъ Лудовика XIX. Онъ преуспѣваетъ во всемъ. Десница Божія караетъ всѣхъ его противниковъ; она послѣдовательно истребляетъ ихъ, или посылаетъ на нихъ разнообразныя наказанія. Прежде всего, погибъ убитый на дуэли герцогъ Деказь, затѣмъ Манюэль и Лафайетъ утонули. Бенжаменъ Констанъ отдѣлался выколотымъ глазомъ. Ламартинъ пишетъ трагедію «Оттоя», которая освящена въ театрѣ. Фушэ попалъ въ печь для обжиганія извести. Грегуаръ, находясь въ ваннѣ, сварился въ ней, такъ какъ не могъ завернуть кранъ съ горячей водой. Лафиттъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ, а «виконтъ» де Баррасъ, катаясь съ горъ въ Россіи, вмѣстѣ съ г-жею Рекамье, переламываетъ себѣ спинной хребетъ и давить свою престелную спутницу.

Скоро у монархіи не остается ни одного врага. Франція «примирена благоразуміемъ и энергіей своихъ королей»: 1829 и 1830 годы въ особенности проходятъ въ полномъ спокойствіи». Въ 1835 г. Турція вычеркнута изъ карты Европы; доблестью Лудовика XIX предѣлы Франціи расширены, и герцогъ Бордосскій соединяется бракомъ съ племянницей русскаго императора».

Такимъ путемъ мы доходимъ до 1849 года. Проявляется попытка бунта. Столица объявлена въ осадномъ положеніи. Сто орудій разставлено по высотамъ, окружающимъ Парижъ. Нѣсколько дней спустя король покидаетъ столицу и поселяется въ Туръ. Вся Франція ликуетъ... Лудовикъ XIX, ослабѣвъ отъ преклонныхъ лѣтъ, скончался въ концѣ того-же года, съ радостнымъ сознаніемъ того, что своимъ отважнымъ Coup d'Etat подготовилъ своему преемнику счастливое царствованіе.

«Наконецъ Генрихъ V вступаетъ на престолъ и свершаетъ сдѣланное его дядею. Онъ созываетъ новую палату, которая открываетъ свою сессію въ 1850 г. Вскорѣ замѣчаютъ, какое благоприятное впечатлѣніе произвело перенесеніе столицы и т. д.»

На этомъ и мы прекратимъ свои выдержки. Эти немногія строки

впрочемъ, вполне достаточны для того, чтобы понять всю цѣнность подобнаго сочиненія и дать точное понятіе не только о прошедшемъ, но и о настоящемъ положеніи дѣлъ. Заслуга автора тѣмъ болѣе велика, что онъ писалъ въ 1820 году, съ котораго и начинается его разсказъ и что, слѣдовательно, этотъ разсказъ имѣетъ все значеніе пророчества.

И такъ это рѣшено. Мы знали уже по отцу Лорикэ, что французская революція 89 года есть малозначущій эпизодъ; что-же касается до Наполеона I, то онъ существовалъ лишь въ качествѣ генеральнаго лейтенанта королевства, въ царствованіе славнаго короля Лудовика XVIII. Дальнѣйшія открытія показываютъ намъ Лудовика XIX, наследующаго Лудовику XVIII, а затѣмъ появляется и Генрихъ V, прозванный Возлюбленнымъ. Послѣ этого становится несомнѣннымъ, что французская республика низводится на степень простого мѣа, а тѣмъ, кто вздумалъ-бы сомнѣваться въ томъ, стоило-бы только взглянуть на катехизисъ, имѣющій обращеніе въ Бретани и который дѣти должны заучивать наизусть, какъ Евангеліе. Упомянувъ о родителяхъ, какъ о лицахъ, которымъ обязаны уваженіемъ, авторъ, который не кто иной, какъ мѣстный епископъ, прибавляетъ: «какіе другіе начальники, которыхъ мы должны почитать?»—Отвѣтъ: «Папа, епископы и всѣ духовные; *король* и тѣ, которымъ онъ удѣлилъ свою власть». Другой вопросъ: «Обязаны-ли мы повиноваться королю, когда онъ повелѣваетъ?»—Отвѣтъ: «Да, потому что власть его отъ Бога».

Послѣ всего этого, возможно-ли сомнѣваться, не будучи послѣднимъ изъ невѣрующихъ? Впрочемъ, истина мало-по-малу обнаруживается, и съ каждымъ днемъ мы получаемъ новыя разъясненія дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Въ настоящую минуту, правда, резиденціей Генриха V служитъ не Парижъ и даже не Франція. Но если онъ жительствоетъ въ Фрондорфѣ, а не въ Тюльерійскомъ дворцѣ, то единственно вслѣдствіе собственнаго желанія, и отъ него зависитъ, еслибы онъ захотѣлъ, вытащить изъ музея тронъ своихъ предковъ и возсѣсть на немъ. Въ одной изъ прежнихъ статей, мы видѣли, впрочемъ, что экипажи, багажъ, папа, вѣрныя, однимъ словомъ—все было готово для его принятія; мы присутствовали вмѣстѣ съ читателемъ при томъ, какъ всѣ взяли за оружіе или, вѣрнѣе, за вилы и ножи, въ честь короля, и если на пресловутомъ пикникѣ, происходившемъ на островѣ Камарго, его королевское величество не явился во время десерта, то не по недостатку привѣтственныхъ кликовъ и заявленій о скоромъ его прибытіи, со стороны восьми тысячъ собравшихся тамъ вѣрныхъ.

Насъ тревожилъ, однако, слѣдующій вопросъ. Мы спрашивали

время, столица насчитывает не менѣе восьми тысячъ приверженцевъ короля. Они организованы на военный ладъ и дѣлятся на роты. Офицеры назначены, сборный пунктъ также, формула призыва известна каждому изъ нихъ. Въ видахъ подогрѣванія усердія чтобы не отвыкали отъ дѣла, назначаются собранія всегда въ разныхъ мѣстахъ и всегда въ тайнѣ. Порою случаются и страшныя ошибки, въ родѣ той, на примѣръ, по милости которой одинъ извѣстный социалистъ, Дейно, очутился на одномъ изъ этихъ соборовъ, что и подняло тревогу.

«Приходите въ четвергъ, 9-го числа текущаго мѣсяца, въ 8½ часовъ на Avenue Noche, № 32, гдѣ и спросите меня.» Подписано «Silence». Таковъ текстъ записки, полученной въ одинъ прекрасный день Дейно изъ рукъ его консьержа. Въ аристократическомъ кварталѣ, по которому проходитъ названная выше улица, рабочая партія насчитываетъ немного сторонниковъ, и Дейно, состоящій ея членомъ, напрасно ломалъ себѣ голову, стараясь угадать происхождение и свойство приглашенія. Но именно это-то и заставило на него отвѣтить. Въ назначенный часъ онъ стоялъ предъ № 32, великолѣпнымъ домомъ съ обширнымъ и хорошо освѣщеннымъ дворомъ, какъ это дѣлается въ дни большихъ вечернихъ приемовъ. Нѣсколько каретъ стояло у воротъ и какой-то человѣкъ, дѣлавшій видъ, что бесѣдуетъ съ кучерами, казался поставленнымъ для того, чтобы оглядывать посѣтителей. Дейно спросилъ г. «Silence» у старой привратницы, явившейся на первый «звонокъ». — «Въ первомъ этажѣ, направо, по большой гѣстницѣ», отвѣчала старушка. Въ первомъ этажѣ ливрейный лакей почтительно отступаетъ при имени г. «Silence»'а, отворивъ дверь въ переднюю, гдѣ стоялъ другой лакей. Посѣтитель повторяетъ волшебное слово, и снова отворяется дверь, на этотъ разъ въ большую гостиную, гдѣ толпилось множество гостей, не вшедшихъ себѣ мѣста въ обширной залѣ, гдѣ должно было происходить собраніе. Поиславъ глазами знакомыхъ лицъ и не найдя никого, Дейно обратился къ сосѣду и еще разъ спросилъ «Silence»'а: «Вотъ онъ», отвѣчали ему, указывая на особу съ воинственною фizioноміей и аристократическимъ видомъ. Тогда, показавъ пригласительную записку, гость проситъ представить ея автору приглашенія. «Съ удовольствіемъ», былъ отвѣтъ, и е подвели къ проходившему въ ту минуту воинственному и аристократическому господину:

«— Г. баронъ де-Шареттъ», сказали ему. — «Какъ Шареттъ генераль шуановъ, племянникъ короля?» — «Совершенно вѣрно, сударь... Могу узнать, съ кѣмъ имѣю честь?» — «Я Дейно, членъ рабочей партіи и редакторъ газеты «Пролетарій». — Можете

дой коллективистъ показываетъ свое письмо. Генераль разсматриваетъ и вертитъ его во всѣ стороны, подходитъ къ лампѣ, чтобы перечитать, и, наконецъ, не безъ смущенія, говорить:

«— Это мистификація!» Затѣмъ, такъ какъ посѣтитель старался разъяснить себѣ дѣло, баронъ признался въ заключеніе, что онъ не у себя, что ему пришлось прибѣгнуть къ салонамъ пріятели, такъ какъ онъ долженъ съ подобающею торжественностью принимать юнаго... «канадца».

Юнаго канадца! И это не было просто случайностью въ устахъ генерала. Канада играетъ важную роль въ дѣлахъ монархистовъ. Восемь мѣсяцевъ тому назадъ, самъ глава шуановъ ѣздилъ въ Канаду, съ цѣлю перенесенія туда центра роялистской лиги, иначе говоря—«Католическаго союза». Утверждаютъ, что тамъ собрана цѣлая флотилія, въ виду высадки; оттуда, какъ увѣряютъ, доставляется оружіе и пушки. Легионъ канадскихъ папскихъ зуавовъ держится тамъ наготовѣ ко всякимъ случайностямъ.

Склады оружія на первый случай существуютъ также и во Франціи. Въ то время какъ производилось преобразование въ вооруженіи французской пѣхоты, воспользовались продажей упраздненныхъ ружей стараго образца. Не забыли и о динамитѣ. Еще недавно складъ этого вещества находился въ одномъ домѣ близъ озера Сень-Фаржо. Уже и теперь розданы участникамъ кинжалы. Нѣсколько недѣль тому назадъ образецъ такого кинжала показывали другъ другу въ Бурбонскомъ дворцѣ и въ залѣ Des Pas Perdus. Форма кинжала крайне оригинальная. Вложенный въ ножны, онъ походитъ на большое манашеское распятіе. «Это внушаетъ желаніе пропѣть второе дѣйствіе «Гугенотовъ», говорилъ Клемансо, созерцая странное оружіе, которое, какъ увѣрили, издано въ количествѣ двухъ-сотъ тысячъ экземпляровъ и изготовленіе котораго окружено было глубокою тайной. Сверхъ того, озаботились и покупкою лошадей. Шестьсотъ штукъ уже находятся въ конюшняхъ лиги. Изъ этого видно, что мы имѣли основаніе говорить о настоящей арміи, обмундированной и организованной, снабженной всѣмъ необходимымъ, въ томъ числѣ и командирами. Въ настоящее время она должна насчитывать тридцать-два легиона, по тысячѣ человекъ въ каждомъ. Слѣдовательно, общая цифра пѣхоты и кавалеріи должна равняться тридцати-двумъ тысячамъ человекъ.

Прибавимъ, что рассчитываютъ на сообщничество нѣкотораго количества офицеровъ и генераловъ французской арміи, принявшихъ на себя обязательства во время септемата маршала Макъ-Магона. Особенно значительный контингентъ офицеровъ всѣхъ чиновъ представляетъ, какъ полагаютъ, кавалерія. Они ждутъ

только сигнала отъ главнокомандующаго роялистской арміи еще не сказали, кого прочили для этой роли. Существовалъ въ подходящій человѣкъ, который, къ сожалѣнію, недавно ушелъ. Это былъ генераль Дюкро, который предъ самою смертію выразилъ сожалѣніе по поводу того, что не успѣлъ обнажить шпагу за короля. Остаются Кателино и Шареттъ. Первый считался между своими за либерала и представляетъ собою роялистскую демократію. Шареттъ, напротивъ, чистокровный аристократъ-клерикалъ въ душѣ, что даетъ ему двойное право на званіе графа Шамбора; кромѣ того, онъ его племянникъ, хотя и съ одной стороны. Поэтому король и назначилъ его генералисимусомъ и весь шумъ, который съ нѣкоторыхъ поръ окружаетъ его, имѣетъ цѣлью доставить ему во Франціи извѣстность, соответствующую той роли, къ которой онъ призванъ.

Таково положеніе внутреннихъ дѣлъ. Говорить-ли о международныхъ? И здѣсь условія не менѣе благопріятны. Обеспечивъ собою доброе расположеніе державъ составляло предметъ постоянныхъ заботъ короля. Къ несчастію, онъ долгое время вынужденъ былъ вѣстивать на систематическую оппозицію Бисмарка. Это обнаружено было громкимъ процессомъ князя Савойскаго. Не менѣе враждебно относилась и Италія, и кавалеръ Франціи. Но теперь дѣлалъ изъ этого тайны. Теперь вѣтеръ перемѣнился. Германская Франція, въ глазахъ Бисмарка, грозитъ серьезными затрудненіями, и онъ доброжелательнѣйшимъ окомъ смотритъ на французскія затѣи. Во время послѣдняго свиданія германскаго и австрийскаго императоровъ, много говорено было о Франціи, и послѣдній разговоръ остался неизвѣстнымъ, то общій смыслъ его извѣстился нѣкоторыми вскорѣ послѣдовавшими затѣями. Известно, между прочимъ, что 20 сентября прошлаго года австрийскій императоръ отправился въ Триэсть, австрийскій императоръ отправился въ Фрошдорфъ, съ многочисленною свитой, въ полнѣйшей формѣ, чтобы посѣтить графа Шамбора. Францъ-Иосифъ лично всегда питалъ дружбу и уваженіе къ этому французскому государю. До тѣхъ поръ, однако-же, оба государя видѣлись только въ частныхъ людяхъ, безъ свиты, наединѣ, или въ обществѣ друзей своего дома. Въ первый разъ это посѣщеніе приняло характеръ, что Францъ-Иосифъ явился къ своему кузену-королю австрийскому императору. Содержаніе ихъ бесѣды было еще знаменательнѣе, какъ можно судить о томъ по письму Шамбора къ Бисмарку, написанному вскорѣ вслѣдъ затѣи и сообщенному главнымъ представителемъ легитимистской партіи. Австрийскій императоръ сообщилъ своему родственнику, что не только не будетъ выказывать оппозиціи ни со стороны германскаго императора, ни съ его стороны.

ной, но что, напротивъ, онъ можетъ рассчитывать на ихъ нравственную поддержку и что ихъ агенты будутъ дѣйствовать во французскихъ политическихъ кружкахъ и на государственныхъ людей. Что касается короля Гумберта, то онъ не менѣе князя Бисмарка опасается республиканской Франціи, и легитимистская комбинація была-бы ему настолько-же пріятна, какъ и германскому канцлеру. Не въ правѣ-ли мы послѣ этого сказать, что все готово для возвращенія короля? И союзники, и все до послѣдней пуговицы. Однако, все-таки остается нерѣшеннымъ вопросомъ о томъ, когда-же именно его величество найдетъ удобнымъ сѣсть на коня и совершить свой вѣздъ въ столицу. День и часъ зависятъ исключительно отъ его доброй воли. Но когда-же это будетъ? Вотъ въ чемъ тайна. Можно замѣтить только, что терпѣніе подданныхъ короля неистощимо, какъ неистощима и ихъ преданность. Подвѣтка ожиданія, до двадцати пропущенныхъ удобныхъ случаевъ не могли измѣнить ихъ довѣрія. Въ 1848 году генераль де-Кастеллонъ, главнокомандующій войсками въ Лионѣ, отвѣчалъ князю де-Леону: «если графъ Шамборъ явится сюда и объявить себя королемъ, я послѣдую за нимъ, а за мною пойдутъ и всѣ мои войска». Короля ждали—онъ не пришелъ. Въ 51-мъ году Шангарнье въ свою очередь подготовилъ coup d'état въ пользу графа Шамбора. Ждали король, но онъ не явился, и его обогналъ Луи Наполеонъ. Въ 71-мъ году приглашали графа Шамбора высадиться въ Бордо. Еслибы собраніе не превозгласило его королемъ, полкъ Корайонъ Латура долженъ былъ разогнать собраніе. Но я на этотъ разъ ожидаемый король не двинулся съ мѣста. Послѣ коммуны, Шангарнье снова появляется на сценѣ. «Теперь» сказалъ онъ Тьеру, «надо похоронить негодяйку». Подъ негодяйкой разумѣлась республика. Король отказался хоронить. Послѣ того, не разъ, въ 1873 и 76 г., возвѣщалось приближеніе короля, но онъ, попрежнему, не показывался. А между тѣмъ, упованіе его вѣрныхъ не только не охлаждается, но, напротивъ, повидимому, растетъ при каждой неудачѣ. Я знавалъ легитимиста, который, здороваясь съ кѣмъ-нибудь, неизмѣнно говорилъ: «На будущей недѣлѣ все рѣшится». Онъ разумѣлъ возвращеніе короля. Нѣсколько лѣтъ сряду онъ повторялъ все ту-же фразу и умеръ, повторяя ее. «Мечтатель!» сказали его пріатели. Они, напротивъ, не довольствуются мечтаніями. Въ прошедшемъ году, въ сентябрѣ, развернувъ «Gazette de France», я прочелъ въ ней цѣлую диссертацию, стремившуюся доказать на основаніи календаря и теченія луны, что республикѣ остается просуществовать только два мѣсяца. Два мѣсяца прошло. Въ назначенный день, десятого ноября, въ знаменательный день св. Юста, собравшіеся вѣрные ждали съ

оружіемъ въ одной рукѣ и стаканомъ въ другой. А такъ какъ король не ѣдетъ, то они, до нынѣшняго дня, продолжаютъ кричать съ возрастающимъ убѣжденіемъ: «Онъ будетъ здѣсь! Онъ скоро будетъ здѣсь!».

II.

Перейдемъ къ орлеанистской партіи. Здѣсь среда имѣетъ совершенно иной характеръ. Простодушное довѣріе, слѣбая вѣра, безразсудная отвага здѣсь не въ обычай. Орлеанистъ трусливъ, скептически, коваренъ и жаденъ. Въ предъидущей главѣ мы имѣли предъ собою Донъ-Кихота, вооруженнаго съ ногъ до головы, преслѣдующаго безумную мечту. Теперь-же мы видимъ профиль Шейлока. Въ каждомъ орлеанистѣ сидитъ еврей. Господствующая страсть у него—страсть къ деньгамъ, любимое оружіе—пятифранковикъ. Когда легитимисты составляютъ заговоры, знакомъ воссоединенія служатъ для нихъ шуанскій султанъ. Генералиссимусъ орлеанистовъ есть Ротшильдъ; ихъ крѣпость—биржа.

И это различіе въ темпераментѣ не произвольное, а историческое. Во всѣхъ событіяхъ, гдѣ дѣйствуютъ Орлеаны, деньги всегда играютъ первую роль. Ничто не можетъ сравниться съ неясною алчностью этихъ принцевъ, для которыхъ, говоря словами Корменена, Франція была лишь богатою мизою для эксплуатаціи, тронъ—выгоднымъ предпріятіемъ, а корона удачною спекуляціей. Алчные до хищничества, они въ видахъ урванія изъ бюджета все новыхъ и новыхъ сокровищъ, пускали въ ходъ всѣ способы интриги, дипломатіи и спекуляціи; они не отступали предъ безчестіемъ и подлогомъ, составляли заговоры противъ всѣхъ, играя, смотря по обстоятельствамъ, роль то принцевъ, то демократовъ; они выривали милліоны у монархіи и плутовали съ революціей, чтобы добиться трона. Поглощая громадныя богатства, они два раза, и въ ущербъ Франціи, воссоздавали громаднѣйшее изъ царственныхъ состояній. Честь собственныхъ дѣтей, несчастія страны, низости ихъ паредворцевъ, иностранныя интриги,—все служило имъ источникомъ барышей. Въ 1872 году вышло въ свѣтъ цѣлое сочиненіе о происхожденіи ихъ богатства. Невозможно представить болѣе омерзительнаго и скандальнаго разсказа. «Скандальный бракъ регента, его спекуляціи съ финансистомъ Лоу—вотъ начало; ирванныя у Лудовика XVIII и Карла X дарственные, затѣмъ драматическая трагедія въ Нельи и Сенъ-Ле—таковъ конецъ», говоритъ поучительная книга.

Въ настоящую минуту, когда орлеанскіе принцы кичатся своего рода буржуазною честностью, особенно любопытнымъ пред-

ставляется напоминаніе публикѣ о кровавыхъ драмахъ, между прочимъ о той, развязкою для которой служила смерть принца Бонда, найденнаго повѣшеннымъ въ своей спальнѣ. Это таинственное дѣло было, какъ, извѣстно, затушено правительствомъ Луи Филиппа, а слѣдствіемъ его было то, что герцогъ Омальскій наследовалъ послѣ престарѣлаго любовника г-жи де-Фетеръ.

Беззащитность этого семейства могла сравняться разве только съ умѣньемъ его выходить изъ самыхъ критическихъ положеній, да еще и извлекать изъ нихъ для себя выгоду. Стоять только посмотрѣть, какъ они разыгрывали изъ себя гражданъ во время первой революціи, надѣясь пріобрѣсти нѣсколько лишнихъ милліоновъ въ награду за свою низость и лицемеріе. Поэтому, въ 1790 г., между тѣмъ какъ, въ силу новаго закона, каждый изъ принцевъ, владѣвшихъ удѣлами, получалъ, въ видѣ вознагражденія, по милліону ежегодной ренты, герцогъ Орлеанскій получалъ два милліона пятьсотъ тысячъ ливровъ, кромѣ милліона содержанія. Сверхъ того, Пале-Рояль былъ исключенъ изъ числа отрѣшенныхъ удѣловъ и такимъ образомъ Филиппъ Эгалитѣ выигралъ еще около 25 милліоновъ. Этотъ Пале-Рояль былъ обильнымъ источникомъ доходовъ, такъ какъ стараніями герцога превратился въ ярмарку, въ рынокъ. И какой рынокъ! Все, что можетъ содѣйствовать порчѣ нравовъ,—игорные дома, всякаго рода притоны,—были скучены здѣсь во множествѣ.

Кто не помнитъ, наконецъ, что на другой день послѣ несчастливыхъ бѣдствій 1871 г., когда Франція истекала кровью, чтобы уплатить подавляющій пятимилліардный выкупъ, Орлеанскіе принцы не постыдились потребовать сумму въ сорокъ два милліона, въ видѣ вознагражденія за конфискованныя государственнымъ переворотомъ 1851 г. имѣнія свои. Въ настоящее время, эти милліоны, приложенныя къ многимъ другимъ, служатъ потомкамъ Филиппа Эгалитѣ, какъ мы увидимъ далѣе, для заговора противъ республики, для вербовки приверженцевъ орлеанистской реставраціи или омальскаго штатгалтерства.

Изъ всѣхъ заговоровъ, о которыхъ шла рѣчь, за послѣднее время вниманіе публики приковывалось преимущественно орлеанистской конспираціей. Въ чемъ-же она заключается и какіе виды имѣютъ ея вожди? На первый взглядъ, дѣло представляется весьма мало яснымъ, такъ какъ извѣстно, что орлеанистская партія заявила о своей покорности законному королю. Кстати будетъ сказать здѣсь слова два объ этомъ важномъ событіи, именуемомъ *слияніемъ* и скрѣпившемъ сближеніе двухъ враждебныхъ вѣтвей: младшей и старшей. Это сближеніе было вполне естественно, такъ какъ старшей вѣтви предстояло угаснуть вмѣстѣ

съ графомъ Шамборомъ. Правда, этотъ послѣдній успѣшилъ исполнить первый долгъ короля, то есть взять себѣ жену, въ видахъ обезпеченія потомства. Но въ подобныхъ дѣлахъ не всегда бываетъ достаточно одной доброй воли. Судя по весьма распространенному слуху, слѣдуетъ винить въ этомъ обстоятельствѣ несчастный случай на охотѣ, причинившій серьезное поврежденіе особѣ графа Шамбора. Друзья графа отвергаютъ эту легенду, говоря, что причину слѣдуетъ искать въ другомъ обстоятельствѣ, и для большей убѣдительности увѣряютъ даже, что существуютъ на свѣтѣ два прекрасныхъ и молодыхъ дворянина, которыхъ сама природа даетъ неоспоримое право на ношеніе бурбонскаго герба.

Какъ-бы то ни было, младшей вѣтви принадлежитъ королевское наслѣдіе, и при такихъ условіяхъ, всякое соперничество должно было исчезнуть между обоими семействами, такъ какъ интересы ихъ сдѣлались тождественными. Соединительнымъ звеномъ послужилъ герцогъ Немурскій, который, впрочемъ, всегда былъ сторонникомъ законности, даже въ царствованіе своего отца. Сообщаютъ, что однажды, послѣ рѣзкой сцены, Луи Филиппъ сказалъ своему сыну: «Вы забываете, ваше высочество, что говорите не только съ отцемъ, но и съ королемъ вашимъ». — «Ваше величество» отвѣчалъ принцъ. «мой настоящій король находится въ изгнаніи». Послѣ смерти Луи Филиппа, герцогъ Немурскій пытался примирить обѣ вѣтви. Переговоры близились къ успѣшному окончанію, такъ какъ Луи Бонапартъ еще не совершалъ своего *coup d'état*, и монархисты, соединивъ свои силы, могли съ успѣхомъ оказать ему противодѣйствіе. Шангарнье и Ламорисьеръ конспировали въ этомъ именно смыслѣ, и большая часть орлеанской партіи, видя, что глава ея восемнадцатилѣтній юноша, казалась вполне расположенной къ слиянію. Нѣкоторыя неожиданныя противодѣйствія испортили дѣло въ послѣднюю минуту. Возобновленная въ 1873 году попытка, наконецъ, оказалась удачной. Съ той пори подчиненіе главы младшей линіи законному представителю Бурбонскаго дома сдѣлалось совершившимся фактомъ, а слѣдовательно и признаніе графомъ Шамборомъ правъ графа Парижскаго на наслѣдованіе послѣ него французскаго престола. Представимъ-же читателю будущаго короля.

«Это нѣмецъ по характеру и темпераменту», такъ опредѣляя своего сына герцогиня Орлеанская, когда ему было двадцать лѣтъ. Портретъ сохраняетъ свое сходство и теперь. Графъ считается прекраснымъ человѣкомъ, буржуазная внѣшность котораго плохо вяжется съ ролью «дофина» и королевскими каретами. Ему въ

настоящее время сорокъ-восемь лѣтъ. Послѣ путешествій по Европѣ и на Востокѣ, онъ попробовалъ свои силы на военномъ поприщѣ во время американской войны между Сѣверомъ и Югомъ, но безъ большого успѣха. Какъ публицистъ, онъ извѣстенъ своими изслѣдованіями объ «англійскихъ рабочихъ союзахъ» («*Etudes sur les Trades Unions*») и «Исторіей послѣдней американской войны», напечатанной въ «*Revue des deux mondes*».

Сторонники сліянія, съ графомъ Парижскимъ во главѣ, не могли увлечь за собою партію принцевъ во всемъ ея составѣ. Значительная часть ея рѣшительно отказалась за ними слѣдовать и сплотилась вокругъ герцога Омальскаго, врага сліянія. Въ противность графу Парижскому, герцогъ—изящный аристократъ, съ артистическими и утонченными вкусами, богатый средствами обольщенія и умѣющій весьма ловко ими пользоваться. Со смерти Луи-Филиппа онъ стремится сдѣлаться главою орлеанистской партіи.

Его резиденція Orleanshouse, близъ Твикенгейма, становится центромъ, куда герцогъ приглашаетъ своихъ друзей и гдѣ даетъ имъ свой mot d'ordre. Въ 1851 г. именно его энергическая оппозиція была причиною неуспѣха плановъ герцога Немурскаго. Въ 1861 году онъ лично выступаетъ противъ имперіи, на которую нападаетъ въ своемъ знаменитомъ «Письмѣ объ исторіи Франціи». Въ 1871 году онъ, чтобы быть выбраннымъ депутатомъ, не побоялся сказать узскимъ избирателямъ: «Конституціонная монархія могла отвѣчать на законныя стремленія демократическаго общества; но если Франція желаетъ основать республиканское правительство, то я готовъ преклониться предъ ея верховною властью.»

Назначенный корпуснымъ командиромъ, затѣмъ генеральнымъ инспекторомъ, онъ увидѣлъ въ положеніи, которымъ наградила его республика, средство распространенія своего вліянія въ рядахъ арміи.

Подъ предлогомъ охоты, приемовъ, праздниковъ, онъ привлекалъ къ себѣ возможно большее число офицеровъ всякаго оружія и чина.

Приглашенія были не личныя, а присылались на имя цѣлаго полка и въ такомъ, напримѣръ, видѣ: «Г. полковнику такого-то полка и господамъ офицерамъ. Охота въ Шантильи, по понедѣльникамъ и пятницамъ, отъ 6-го ноября 1882 до 26-го февраля 1883 г. Начало въ 11¹/₂ часовъ. (Отъ герцога Омальскаго.)»

Человѣкъ двадцать пять—тридцать получили подобныя приглашительныя билеты; во многихъ гарнизонахъ ихъ читали одновременно съ дневными приказами. Всѣ парижскіе генералы получили личныя приглашенія. Но не однихъ военныхъ принимаютъ въ Шантильи, и штафиркамъ назначенъ день. Поѣздки туда депутатовъ и

сенаторовъ весьма перѣдѣи, и многимъ изъ нихъ, носившимъ республиканскій ярлыкъ, знакома кухня замка.

Роль посредника играетъ въ этомъ случаѣ Жюль Симонъ, при содѣйствіи Бошэ.

Какую-же цѣль имѣютъ эти дѣятельные происки? Возвести герцога Омальскаго на престолъ? Объ этомъ умалчиваютъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе считаютъ время къ тому близкимъ.

На-дняхъ мы съ удивленіемъ узнали, что одна провинціальная газета «l'Echo lorrain» открыто ставила кандидатуру герцога Омальскаго на королевское наследіе. Въ то-же время называя 53 другія провинціальныя газеты, сочувствіе и содѣйствіе которыхъ обезпечено.

Герцогъ Омальскій нашелъ проектъ несвоевременнымъ и объявилъ, что не имѣетъ ничего общаго съ этою фантазіей слишкомъ усерднаго сторонника. Дѣйствительно, тронъ мелькаетъ предъ нимъ въ настоящую минуту въ туманномъ далекѣ, перескочить къ которому однимъ прыжкомъ онъ находитъ безумнымъ. Но на этомъ пути есть и первая станція, которая можетъ значительно сократить разстояніе: это постъ президента республики, который онъ преобразовалъ-бы согласно со своими требованіями.

Управлять въ качествѣ штатгальтера, диктатора или президента—такова мечта герцога, и всѣ усилія его приверженцевъ направлены къ ея осуществленію. Въ отябрѣ прошедшаго года, въ Шантильи собирався большой семейный совѣтъ, на которомъ присутствовали наиболѣе вліятельные члены партіи, и между прочимъ Ротшильдъ и Леонъ Сэ. На этомъ тайномъ соборѣ рѣшено было цѣлѣй планъ кампаніи въ только что указанномъ нами смыслѣ, и тогда-то и были разосланы въ полки приглашенія на охоту.

Однако, осторожность орлеанистовъ, которой они никогда не измѣняютъ, заставляеть ихъ и къ президентскому креслу подойти не сразу. Какъ люди практическіе, они поняли, что общественное мнѣніе должно быть подготовлено и что поспѣшивъ съ выставленіемъ кандидатуры герцога Омальскаго, можно испортить все дѣло. Имъ необходимо было найти лице извѣстное въ политическомъ мірѣ, вліятельное и уважаемое, представляющее гарантію успѣха и согласное прикрыть своею популярностью герцога Омальскаго. Генералъ Шанзи признанъ былъ вполне подходящимъ членомъ. Что-бы ни говорили, между герцогомъ и генераломъ состоялось полное соглашеніе. Оно состоялось въ истекшемъ годѣ, во время маневровъ въ Шалонскомъ лагерѣ. Шанзи, выступивъ кандидатомъ на президентство послѣ смерти Гревя, долженъ былъ подготовить пути герцогу Омальскому.

Смерть Гамбетты вызвала новый семейный совѣтъ, собравшійся въ Парижѣ, у самого Ротшильда. Представители крупнаго финансоваго міра высказались въ пользу Омальскаго заговора; они обѣщали свое дѣятельное содѣйствіе, то-есть деньги для будущей кампаніи.

Къ несчастію и для Шанзи пробилъ послѣдній часъ. Это была незамѣнимая утрата. Послѣ похоронъ, герцогъ Омальскій собралъ генераловъ, на которыхъ онъ могъ рассчитывать, въ томъ числѣ былъ и Галлифѣ, остававшійся для совѣщаній съ герцогомъ долгое время спустя по отъѣздѣ остальныхъ. Новыя рѣшенія пока остаются тайнѣ.

III.

Рядомъ съ предъидущими, тотъ, о которомъ намъ остается сказать, представляетъ довольно жалкую фигуру. Онъ не богатырь по своей доблести и въ кошелькѣ у него пусто. Со стороны храбрости онъ достаточно показалъ себя въ Крыму и на равнинахъ Италіи.

Но если у него нѣтъ ни мужества, ни денегъ, то, по крайней мѣрѣ есть-ли у него партія? Увы! Откуда-же ему было-бы взять ее? Франція презираетъ его, а бонапартисты отрекаются отъ него. И это не потому, что онъ не готовъ пойти на всякую сдѣлку. Въ былое время онъ выдавалъ себя за республиканца, теперь мы видимъ его имперіалистомъ; онъ считалъ себя либераломъ, теперь онъ авторитаристъ; онъ ненавидѣлъ «испанку»; теперь онъ у ея ногъ; онъ громко заявлялъ о своемъ свободомысліи, но мы вѣроятно не замедлимъ увидѣть его превращеніе въ клерикала. И все это нисколько не помогаетъ ему; каждое отреченіе его возбуждаетъ лишь улыбку и всѣ проходятъ мимо, не заботясь о немъ болѣе. Послѣдній зѣвака не идетъ на его удочку; на другой день въ кассаньяковскомъ «Raус» и въ «Petit Caporal» Жюля Амига появляется новое ругательство, присоединяемое къ длинному уже списку прежнихъ, которыми его тамъ награждали, и все кончено. Ни единой души не удалось ему завербовать; онъ получалъ только лишній шлепокъ.

Между тѣмъ, происки его соперниковъ—орлеанистовъ и легитимистовъ не даютъ ему покоя. Ему хотѣлось-бы по крайней мѣрѣ ввести въ обманъ публику. Въ одинъ прекрасный день распространяется слухъ, что и онъ нашелъ себѣ генерала, да еще и знаменитаго—однаго изъ самыхъ выдающихся сотрудниковъ де-

кабрьскаго переворота, однимъ словомъ маршала Конробера. Дѣйствительно, съ нѣкоторыхъ поръ, принцъ не разставался съ маршаломъ; онъ преслѣдовалъ его своими любезностями и приглашеніями. А такъ какъ генераль охотно принималъ и то и другое, то Плонплону и пришла однажды мысль, что можетъ быть настала минута, когда можно извлечь и нѣкоторыя выгоды изъ предложенныхъ завтраковъ и лести, которой осипалъ онъ маршала. Но Канроберъ принималъ участіе въ битвахъ при Альмѣ и нѣкоторыхъ другихъ сраженіяхъ, гдѣ могъ смѣрить на свой аршинъ и героичество принца. Онъ отвѣчалъ отказомъ.

Въ другой разъ съ шумомъ и трескомъ объявляютъ, что будетъ основано, и въ одинъ и тотъ-же день разослано по всѣмъ концамъ Франціи сорокъ шесть плонплонскихъ газетъ. Этотъ проэктъ возникъ на другой день послѣ собранія въ Ваграмской залѣ, которое обратило на себя нѣкоторое вниманіе. Сильно задѣтый тѣмъ, что въ этотъ день, его, безъ перемоніи, лишали правъ на имперію, въ пользу его сына Виктора, принцъ задумалъ планъ обширной и дѣятельной пропаганды. Руководящій комитетъ былъ уже назначенъ, города указаны, программа установлена. Газеты должны быть *виктористскими*, но въ томъ смыслѣ, какъ то разумѣлъ принцъ, то есть, что царствованіе Виктора будетъ подготовлено и обезпечено царствованіемъ его отца. Подъ такимъ условіемъ, Плонъ-Плонъ объявлялъ себя болѣе виктористомъ, чѣмъ самъ сынъ его.

Откуда-же достали денегъ? спрашивали себя, и на увѣренія, что ихъ долженъ былъ доставить принцъ, не могли не отвѣчать нѣкоторымъ скептицизмомъ. Такъ какъ ему уже приходилось однажды основывать газету, то онъ хорошо зналъ во что это обходится и все-таки не могъ спасти ее отъ преждевременной гибели. И вдругъ теперъ онъ уже не довольствуется одною, но хочетъ завести цѣлыя сорокъ шесть газетъ. На какіе новыя перувіанскіе рудники удалось ему напасть? Какъ-бы то ни было, въ указанный день, 5-го декабря 1882 г., всѣ сорокъ шесть газетъ дѣйствительно вышли въ свѣтъ. Когда миновало удивленіе ими вызванное, замѣтили, что всѣ эти газеты, выпущенныя съ различными заглавіями: «Quatrième dynastie», «Aigle des Pyrenées», «Victoire», «Patriote champenois» и т. д. были, въ сущности, одною и тою-же газетою, редактированою и изготовленною въ Парижѣ, въ типографіи Ипполита Оливье, въ Монружѣ, и на всѣхъ значилась подпись того-же Оливье, какъ отвѣтственнаго агента. Одна страница была оставлена незанятою, для мѣстныхъ дѣлъ. Это напоминаетъ тѣ арміи, которыя проходятъ предъ зрителями въ театрѣ, когда все тѣ-же люди проходятъ и возвращаются, изображая нѣсколько

тысячъ человѣкъ. Однако, какъ не остроумна была выдумка, и она оказалась недолговѣчной.

Послѣ столькихъ жалкихъ неудачъ, что могъ еще изобрѣсти принцъ Наполеонъ? Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ о немъ ничего не было слышно и стали уже думать, что онъ истощилъ свои изобрѣтенія. Между тѣмъ, роялистская агитація росла; банкеты возобновлялись подѣ всевозможными предлогами; вербовка зуавовъ принимала неожиданные размѣры. Омальское золото производило внушавшія тревогу опустошенія, а шантильскіе фазаны разстраивали ряды республиканцевъ. Шареттъ находился въ Парижѣ съ 1,500 своихъ зуавовъ, выбранныхъ изъ самыхъ рѣшительныхъ людей, между тѣмъ какъ Ротшильдъ, этотъ хозяинъ биржи, собирался уморить съ голода республику. Дѣйствовать, становилось необходимою. Пробыть часъ послѣднихъ рѣшеній. Неужели наслѣдникъ Наполеона одинъ останется безсильнымъ и празднымъ, среди этого общаго приступа противъ республиканскаго правительства?... Немногіе изъ оставшихся вѣрными сторонниковъ держали совѣтъ и, послѣ долгихъ совѣщаній, приняты были важныя рѣшенія. Какія же? Это было неизвѣстно. Но публика не могла не испытывать, по этому поводу, нѣкоторой тревоги. Съ одной стороны ее успокоивала всѣмъ извѣстная трусость принца; съ другой говорили себѣ, что никогда не слѣдуетъ доводить человѣка до послѣднихъ предѣловъ отчаянія, что въ этомъ случаѣ, самый трусливый изъ людей становится способнымъ на отчаянный шагъ. Не возобновить ли онъ, и быть можетъ съ большимъ успѣхомъ, страсбургскую попытку или булонскую высадку покойнаго императора, держа на рукѣ прирученнаго орла? Такіе вопросы задавалъ себѣ каждый, не находя на нихъ отвѣта.

Прежде всего рѣшено было ждать возвращенія князя Виктора, отправлявшаго свою годовую волонтерскую службу. Но возбужденіе принца росло съ каждымъ днемъ при видѣ монархическихъ интригъ и онъ не могъ болѣе ждать. Собравъ снова своихъ вѣрныхъ, онъ объявилъ имъ о своемъ рѣшительномъ намѣреніи приступить къ дѣйствию на слѣдующій же день.

Ложась спать въ этотъ вечеръ, парижане ужъ конечно, не ожидали, какого рода сюрпризъ приготовленъ для нихъ на слѣдующее утро. На другой день, 17-го января, спѣша къ обычнымъ занятіямъ, они увидѣли стѣны столицы покрытыми разноцвѣтными афишами: желтыми, синими, фіолетовыми, зелеными; изъ нихъ однѣ были небольшого размѣра, другія очень большія и съ огромными литерами. На всѣхъ значилось въ заголовкѣ: «Манифестъ принца Наполеона». Многіе протирали глаза, желая убѣдиться, что не во снѣ, а на яву видятъ эту дивовинку. Проходя по одному изъ ра-

бочихъ кварталовъ, я остановился около кучки людей; одинъ изъ нихъ читалъ вслухъ, прерываемый смѣхомъ и остротами остальныхъ. Когда чтеніе было кончено, какой-то рабочий сказалъ: «ловко поддѣлано!» Эту мысль раздѣляла вся группа, разошедшаяся съ полнымъ убѣжденіемъ, что манифестъ не можетъ быть подлиннымъ.

Къ тому-же ничто на улицахъ не обличало особаго волненія. Никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности со стороны властей, ни единого вывороченнаго камня на мостовой; всѣ кіоски стоятъ въ цѣлости, а конки совершаютъ обычные рейсы. Никакихъ признаковъ вооруженной попытки, или сопротивленія. Даже репортеры заподозрѣли мистификацію. Для очистки совѣсти, они отправились на Avenue d'Antin № 20, мѣстожительство принца. Домъ имѣлъ обычный видъ. Входъ свободенъ. Лакеи спокойно равнодушны. Безъ труда можно было добраться до небольшой гостиной, гдѣ, окруженный нѣсколькими близкими, принцъ спокойно лежалъ на диванѣ, покуривая папирску. Манифестъ исходить отъ него и онъ справлялся о томъ, какъ его приняло население. Немного позднеѣ, онъ позавтракалъ, а затѣмъ сѣлъ, не на лошадь, а въ экипажъ, чтобы прокатиться по Елисейскимъ полямъ.

Съ какимъ презрѣніемъ, съ какою ироніей отнеслись газеты всѣхъ оттѣнковъ къ плонплонскому объявленію — легко себѣ представить. Вся республиканская печать слилась во взрывъ громаго, дружнаго смѣха. Роялисты оказались болѣе жестокими. «Union» назвала принца претендентомъ-авантюристомъ, непопулярнымъ и презираемымъ. Его обращеніе поставлено было ему ни во что кьервалами «Défense» и «Univers». Мѣсто «касавшееся конкордата» показалось имъ только «смѣшнымъ», исходя изъ-подъ пера претендента, о прежнихъ антирелигіозныхъ подвигахъ котораго еще не забыли. Особенно любопытны были мнѣнія бонапартистскихъ газетъ. «Patrie» спрашиваетъ себя, какую пользу можетъ принести манифестъ, въ чемъ будетъ заключаться его практическая санкція, а такъ какъ ничего подобнаго не оказывается, то газета признается, что не усматриваетъ мотива, заставившаго дѣйствовать принца и сожалеетъ «объ этомъ новомъ прискорбномъ взрывѣ нетерпѣнія» съ его стороны. «Le Petit Caporal» соглашается, все-таки, принять къ свѣдѣнію заявленія принца. «Онъ рассказываетъ, замѣчаетъ этотъ органъ, онъ публично сжигаетъ то, чему поклонялся и поклоняется тому, что хотѣлъ сжечь». Но достаточная-ли эта причина для того, чтобы бонапартистская партія «простила» принцу? Во всякомъ случаѣ, прощеніе могло-бы быть обусловлено только однимъ, а именно отреченіемъ. Но манифестъ, повидимому, вовсе не имѣлъ такой цѣли.

Оцѣнка иностранной печати совпадаетъ съ той, которая была

сдѣлана французскими газетами. Она признаетъ, что принцъ Наполеонъ менѣе чѣмъ кто-либо можетъ рассчитывать на сплоченіе вокругъ своей особы торжествующей партіи. Его манифестъ могъ перестать казаться смѣшнымъ только опираясь на содѣйствіе нѣсколькихъ полковъ... или же, можно было-бы прибавить, на содѣйствіе республиканскаго правительства. Последнее, какъ это ни мало правдоподобно, избавило его отъ окончательнаго посмѣянія. Извѣстно, какимъ образомъ принца арестовали.

Послѣ этого вся бонапартистская партія завопила благимъ матомъ. Осмѣлились поднять руку на Наполеонида! Какая гнусность! Можно сказать, что ссылка перваго Бонапарта на островъ Св. Елены не поднимала такого протеста. Вчерашніе оскорбители сплели заключенному мученической вѣнецъ. Самыя трогательныя повѣствованія наполнили столбцы газетъ.

Семейство принца было неутѣшно. Принцесса Клотильда (которая терпѣть не можетъ мужа и не скрываетъ этого), упала въ обморокъ, при извѣстіи объ его арестѣ. Принцесса Летиція убита горемъ. Итальянскій король, враждебный принцу, какъ извѣстно, поспѣшилъ телеграфировать принцу, что его правительство и самъ онъ лично будутъ ходатайствовать у президента республики. Со всѣхъ концовъ летѣли заявленія соболъзнованія. Наконецъ, сама императрица Евгенія плыла изъ Англіи и явилась въ Парижъ, чтобы засвидѣтельствовать о своемъ сочувствіи.

Между тѣмъ французское правительство, немедленно послѣ арестованія принца, съ замѣшательствомъ спрашивало себя, что будетъ оно дѣлать со своею добычею. «Temps», газета, имѣющая репутацію весьма серьезной, высказала слѣдующее ниспровергающее признаніе: «Свойство обвиненія, тяготящаго надъ принцемъ, еще не установлено окончательно». Сперва арестуемъ, а затѣмъ увидимъ по какой причинѣ. Затѣмъ созвали множество наиболѣе свѣдущихъ юристовъ, чтобы выискать въ сводѣ законовъ преступленіе, въ которомъ можно было-бы обвинить узника. Долго колебались юристы. Приговорить-ли его къ смертной казни, или-же къ двумъ франкамъ штрафа? Отправить-ли его на остатокъ дней, за нѣсколько тысячъ миль и дальнія моря, подобно «славному родственнику», на наслѣдіе котораго онъ заявляетъ претензію, или-же просто отослать домой въ его отель Avenue d'Antin? За немѣнѣемъ могущихъ обвинить его судей, остановились на послѣднемъ рѣшеніи.

Затѣмъ, какъ будто только что полученная правительствомъ пощечина казалась ему недостаточною, оно немедленно подставило и

другую щеку, для получения второй. На этотъ разъ, для разнообразія, оно попросило этой маленькой услуги у сенаторовъ-орлеанстовъ. Исключительный законъ, имѣвшій въ виду преимущественно орлеанскихъ принцевъ, былъ представленъ на разсмотрѣніе и лать, и, какъ и слѣдовало ожидать, сенатъ поспѣшилъ отвергнуть его значительнымъ большинствомъ. Никогда еще, можно сказать, христіанское милосердіе не проявлялось въ болѣе трогательной формѣ.

IV.

Такой поощряющій образъ дѣяствій со стороны правительства, не могъ не принести новыхъ плодовъ. Если ему такъ пріятно быть богатымъ, то почему не доставить ему такого удовольствія? Оно было-бъ полезно и пріятно для всѣхъ. Эта мысль, естественно, должна была прійти въ голову каждому. Подносить правительству ежедневную порцію березовой каши,—вотъ тактика, которая сплотила вокругъ себя различныя партіи, враждебныя республикѣ.

Оставалось узнать, кто теперь захочетъ взять на себя этотъ трудъ. Послѣ судей и сената, за кѣмъ очередь? Парижскій народъ такой добрякъ, что не могли не подумать о немъ сейчасъ-же, и такимъ-то образомъ возникъ проектъ первыхъ дней республики.

Минута была выбрана удачно и положеніе вещей какъ нельзя болѣе тому способствовало: Дѣла въ застоѣ; мастерскія закрываются; въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности всеобщая безработица.

Въ первыхъ числахъ марта, одна анархистская газета «Le Citoyen et la Bataille» напечатала слѣдующее воззваніе къ лишнимъ заработка рабочимъ:

«Большой митингъ подъ открытымъ небомъ, на эспланадѣ Дома инвалидовъ, въ пятницу 9-го марта 1883 года въ два часа пополуночи.

Порядокъ собранія: приглашеніе правительства къ принятію безотлагательныхъ мѣръ для доставленія занятій,—хлѣба, тѣмъ, кто ихъ не имѣетъ».

По истинѣ неожиданно-удобный случай, который хваталъ на лету. Планъ заключался въ томъ, чтобы дать возможно-большую огласку манифестаціи, затѣмъ заставить ее отклониться отъ предмета собранія, и если возможно, вызвать столкновеніе, за которое, естественнымъ образомъ поплатится одинъ народъ.

«Figaro» и «Clairon» специально взялись пустить дѣло въ ходъ. Ихъ репортеры вошли въ сношенія съ организаціоннымъ комитетомъ, который принялъ ихъ самымъ радушнымъ образомъ и сообщалъ имъ изо дня въ день о ходѣ своихъ преній. «Расчитываютъ», передаетъ первая изъ названныхъ газетъ, въ своемъ номерѣ отъ 6-го марта, «собрать по крайней мѣрѣ сто тысячъ человѣкъ, и эта цифра не преувеличена. Шестьдесятъ тысячъ рабочихъ—столаровъ изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, по крайней мѣрѣ сорокъ тысячъ рабочихъ разныхъ строительныхъ ремеслъ, имѣвшихъ занятія при постройкахъ многочисленныхъ домовъ въ новыхъ кварталахъ и неполучившихъ расчета».

«Не рисуя положенія дѣлъ слишкомъ черными красками», представляетъ почтенная газета, «можно однакоже сказать, что оно серьезно. Допуская, что цифра ста тысячъ манифестантовъ преувеличена, позволительно предположить, что и двадцать тысячъ человѣкъ, собравшихся на большой парижской площади, могутъ причинить прискорбные беспорядки.

«Если эта манифестація и не дойдетъ до вторженія въ палату депутатовъ, тѣмъ не менѣе, она можетъ имѣть неприятыя послѣдствія». Конецъ статейки можетъ назваться истинною жемчужиною: «Если революціонныя газеты не говорятъ о митингѣ, то это потому, что желаютъ избѣжать мѣръ, которыя могло-бы принять правительство». Дѣйствительно, органы печати, которыхъ «Фигаро» называетъ революціонными и которые представляютъ собою всю скалду непримиримыхъ или радикальныхъ мнѣній, начиная съ «Justice» и «Lanterne» и кончая «Intransigeant» и «Pro-létaire», органомъ рабочей партіи, всѣ безъ исключенія, не только съ самаго начала хранили молчаніе по поводу манифестаціи, но и отрезались отъ нея потомъ, съ общаго согласія, находя ее или несвоевременной, или порожденной реакціонными происками.

Итакъ, 9-го марта, послѣ полудня, я находился у пріятеля на лѣвомъ берегу Сены, когда чрезъ полуотворенное окно до меня долетѣлъ тотъ особенный шумъ, который производитъ толна народа издали. Вскорѣ, въ концѣ улицы появилась движущаяся черная масса, усѣянная бѣлыми пятнами,—нѣсколько блузъ, на фонѣ черныхъ сюртуковъ. Прохожіе останавливались; затѣмъ, испуганные, ускоряли шагъ. Экипажи не смѣли ѣхать далѣе и возвращались; окна поспѣшно затворялись. Толпа человѣкъ въ пятьсотъ была на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ.

Впереди шли уличные мальчишки и пѣли какіе-то куплеты, не слышно было что именно, между тѣмъ, какъ изъ толпы явственно раздавался крикъ:

«Работы или хлѣба!» Надъ толпою развѣвалось черное знамя. Его несетъ женщина. Она вся въ черномъ, съ красными цвѣтами на шляпкѣ. Это Луиза Мишель.

Проѣзжаетъ омнибусъ, къ нему подбѣгаетъ гаменъ, дѣлая видъ, что желаетъ его опрокинуть. До сихъ поръ, мятежъ носить, рѣшительно, ребяческій характеръ. Между тѣмъ, нѣкоторые, завидѣвъ булочную, бросаются къ ней и требуютъ хлѣба. Имъ его даютъ. Они удаляются. Далѣе, каждая булочная, которая попадалась на пути, подавала поводъ къ такого-же рода сценѣ. Затѣмъ, уже не спрашиваютъ, а берутъ, и не входя въ дверь, а разбивая оконныя рамы.

Я узналъ изъ газетъ, что около двадцати тысячъ манифестантовъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, собралось на эспланадѣ Инвалидовъ.

Съ перваго взгляда было ясно, что почти всѣ принадлежали къ числу простыхъ гуляющихъ. Поэтому и полиціи не стоило никакого труда ихъ разсѣять. Менѣе двухъ тысячъ сплотились снова; изъ нихъ одни направились къ Елисейскому, другіе къ Бурбонскому двору и затѣмъ къ Сень-Жерменскому бульвару. Первые напрасно требовали Гриви, который поспѣшилъ взять шляпу и палку и уйти. Вторыхъ, почтившихъ своимъ посѣщеніемъ булочныя, мы видѣли выше. Въ заключеніе замѣчу только, что, какъ и слѣдовало ожидать, республиканскій элементъ всѣхъ оттѣнковъ, какъ революціонный, такъ и либеральный, какъ буржуазный, такъ и рабочій, остался вполнѣ чуждымъ этимъ манифестаціямъ. Самъ Лиссагаръ, который первый возвѣстилъ о собраніи 9-го марта, находился во время манифестаціи въ сосѣднемъ ресторанѣ и занимался поглощеніемъ нѣсколькихъ дюжинъ устрицъ. За-то реакціонный главный штабъ былъ въ полномъ составѣ. Изъ бонапартистовъ замѣчали гг. Робера Митчеля, Паскаля, Даримана, Дэно (депутата). Сенаторъ де-Лоржериль, депутатъ Піэрръ и герцогъ Брольи явились представителями партіи короля, а бывшій полицейскій prefectъ Кератри—конституціонной монархіи. Первый закричалъ, приглашая въ Елисейскій дворецъ, нѣкто Шентоль, одинъ изъ редакторовъ «Фигаро». Разграбленіемъ булочныхъ руководилъ одинъ изъ редакторовъ «Clairon»'а, и когда его арестовали, у него нашли сумму въ 70 франковъ, десятифранковыми монетами. Не замечательно-ли это? Въ той-же шайкѣ узнали нѣсколько членовъ Жюкей-Клуба,—обстоятельство достаточно объясняющее, почему послѣ прохождения «голодныхъ», разграбленный хлѣбъ былъ на-день, по большей части, на мостовой или въ канавкахъ.

Вотъ чѣмъ былъ первый день. Я избавлю читателей отъ описанія втораго (12-марта), театромъ котораго была площадь ратуши,

а-единственными актерами — ковная и пѣшая муниципальная стража, парадировавшая тамъ до поздней ночи, въ ожиданіи, что и другіе манифестанты раздѣлятся съ нею уединеніе.

На 18-е марта намъ была обѣщана уже не простая манифестация, а настоящая революція. Эспланада предъ домомъ Инвалидовъ оказывалась уже недостаточно обширною, — выбрали мѣстомъ дѣйствія Марсово Поле. Увы, не только зѣваки остались на этотъ разъ у себя дома, но даже сама полиція не явилась, боясь сдѣлаться посмѣшищемъ.

Жизнь.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Недоставленные письма.

Письмо I.

Сельцо Починки. Марта 2 дня, 1883 г.
Высота барометра 29,25. По Реомюру—4°.

Милостивый Государь

Сергій Иліодоровичъ!

Почтенное письмо Ваше, равно какъ и книгу сочиненія господина Любимова, подъ заглавіемъ: «Противъ теченія», получилъ своевременно. Приношу чувствительнѣйшую благодарность за доброжелательныя строки и за любезное обѣщаніе напомнить, при удобномъ случаѣ, его высокопревосходительству. Лъщу себя надеждой, что князь не изволилъ забыть бывшаго своего подчиненнаго; въ-которое время я имѣлъ честь служить въ канцеляріи подъ непосредственнымъ начальствомъ его сіятельства и пользовался лаской его благорасположенія. Если князю, угодно будетъ вспомнить стараго сослуживца, то при его настоящемъ положеніи не трудно будетъ что-нибудь для меня сдѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, вождите, Сергій Иліодоровичъ, въ мое положеніе. Прослуживъ на разныхъ служебныхъ поприщахъ, и притомъ занимая отвѣтственныя мѣста, свыше тридцати-пяти лѣтъ и чувствуя въ то-же время себя настолько бодрымъ и сильнымъ, чтобы быть употребленнымъ на пользу Отечества и Престола,—неволью скорбиль душою при мысли, что желаніе послужить родиѣ остается неудовлетвореннымъ, несмотря на неоднократныя мои о томъ просьбы. И тѣмъ тяжелѣе, Сергій Иліодоровичъ, находится въ вынужденномъ бездѣйствіи именно въ настоящее время, когда бѣдное отечество наше, доведенное до настоящаго положенія рядомъ прежнихъ, такъ называемыхъ либеральныхъ, мѣръ, не соответствующихъ ни духу нашего народа, ни

степени приготовленности общества, болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ людяхъ рѣшительныхъ, честныхъ и просвѣтленныхъ истинно русскимъ духомъ.

Въ послѣднемъ письмѣ я предоставилъ Вашему любезному благо-
смотрѣнію выборъ мѣста, такъ какъ вполне понимаю, что не всегда возможно получить занятіе, способностямъ и склонностямъ человѣка соответствующее; тѣмъ не менѣе считаю не лишнимъ напомнить Вамъ, что опытность моя по хозяйственной части, пріобрѣтенная на службѣ по интендантству, могла-бы служить въ нѣкоторомъ родѣ точкою опоры. Впрочемъ, не смѣю предрѣшать; съ неменьшей охотой я бы принялъ и административную должность, такъ какъ и въ семь родѣ службы имѣлъ достаточно опытности, прокомандовавъ 5 лѣтъ оренбургскимъ линейнымъ баталіономъ. Наконецъ, если-бы понадобились мои свѣденія по слѣдственной части, пріобрѣтенныя въ бытность мою въ 1853 г. ассесоромъ при полевомъ судѣ, и знаніе людей, добытое опытомъ жизни, то я готовъ съ удовольствіемъ посвятить свои силы и такимъ занятіямъ. Короче говоря, всякое приличное мѣсто будетъ принято мною съ благодарностью и съ ручательствомъ за добросовѣстное исполненіе оной. Не боги горшки лѣпили, Сергій Илюдоровичъ, и для русскаго человѣка, не лишенаго здраваго смысла, нѣтъ должности, на которую-бы онъ, подъ высшимъ административнымъ руководствомъ, не былъ пригоденъ. Такъ думаю я, пройдя въ теченіи тридцати-пяти лѣтъ разные роды службы. Начавъ оную въ военной службѣ, я въ чинѣ подполковника перешелъ въ вѣдомство народнаго просвѣщенія при князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ, за сѣмъ былъ цензоромъ московскаго цензурнаго комитета, откуда перешелъ полиціймейстеромъ въ городъ Сызрань. Послѣ отставки, вынужденной болѣзнію, я имѣлъ честь служить въ коннозаводствѣ и наконецъ по интендантству. Какъ видите, опытность пріобрѣтена достаточная.

Не нахожу словъ, чтобы благодарить Васъ за присылъ почтеннаго труда господина Любимова. (Слышалъ будто авторъ состоитъ въ чинѣ тайнаго совѣтника? Правда-ли это?). Среди безчинствъ и пашквилей современной литературы чтеніе присланной Вами книги является какъ-бы оазисомъ, на которомъ отдыхаешь душой. Здравость понятій и необыкновенная прозорливость автора касательно многихъ сюжетовъ, а равно и поученіе, выносимое при внимательномъ чтеніи хода описываемыхъ событій—превыше всякихъ похвалъ. Притомъ, мнѣ еще и потому было пріятно книгу сію читать, что и я, въ разсужденіи многихъ событій, всегда былъ одинаковаго мнѣнія съ авторомъ, хотя по недостатку повѣствовательнаго таланта и не рѣшался мысли свои предавать тисненію.

Не подлежит никакому сомнѣнiю, что Лудовиѣ былъ жертвой собственной слабости и подлаго поведенiя своихъ коварныхъ со-вѣтниковъ. Прими онъ своевременно рѣшительныя мѣры, и—смѣю думать—ходъ исторiи былъ-бы иной; никакихъ революцiй не было бы, все пошло-бы надлежащимъ порядкомъ. Случай, бывшiй у меня въ оренбургскомъ линейномъ баталiонѣ, въ 1838 году, какъ нельзя лучше убѣждаетъ меня въ этихъ мысляхъ. Трое солдатъ, люди порочные, забывшiе святость присяги, вздумали однажды роптать на порядки, заведенные мною въ баталiонѣ, и паче всего на пищу. Немедленная, нещадная порка трехъ зачинщиковъ (изъ нихъ двое умерли черезъ три дня послѣ бани) и порка, такъ сказать предупредительная, пятого солдата изъ баталiона въ самомъ корнѣ остановила проявленiе своевольства и доставила мнѣ благодарность ближайшаго начальства. А что, спрашиваю я Васъ, если-бы, по нонѣшнему, вмѣсто скорой расправы, начальникъ былъ бы обязанъ обращаться къ суду, тогда какъ самое главное не пропустить момента? Нѣтъ, Сергiй Илюдоровичъ, пора, давно пора вернуться къ доброй старинѣ.

Въ письмѣ Вашемъ Вы изволите, между прочимъ, спрашивать, въ какомъ положенiи жизнь въ провинцiи. Долженъ откровенно Вамъ сказать, что въ Петербургѣ Вы не вполне знаете то, что происходитъ здѣсь. Съ прискорбiемъ взираю я вокругъ и задаю себѣ вопросъ: что же будетъ дальше? Гдѣ религiя, гдѣ семья, гдѣ почитанiе родителей, гдѣ уваженiе къ начальствующимъ? Увы! Растлѣвающiй, паскудный духъ, не встрѣчающiй надлежащихъ препонъ, дѣлаетъ быстрые успѣхи. Всякъ нынѣ лѣзетъ съ критикой; всякъ непрѣмѣнно ссылается на законъ, всякъ осуждаетъ начальство, хотя бы оно дѣлало все отъ него зависящее для обывателей. Дворянство нашей губернiи, обѣдѣвшее, почти обнищавшее, можно сказать, съ каждымъ днемъ теряетъ прежнее значенiе. Слово «дворянинъ» сдѣлалось пустымъ звукомъ. Патрiотическiя чувства тлѣютъ подъ пеломъ, и въ заботахъ о хлѣбѣ насущномъ дворянство теряетъ прежнiй славный духъ свой, влеча печальное существованiе. Горько смотрѣть на стариковъ, но каковы дѣти!! Вотъ самое больное мѣсто, Сергiй Илюдоровичъ, всякаго благонамѣреннаго родителя... Говорю это съ тѣмъ болѣе тяжелымъ чувствомъ, что знаю по опыту каковы дѣти!! У меня три сына и дочь, но я синокъ, совсѣмъ синокъ, и если-бы не добрая Арина Степановна, ключница, замъ извѣстная, то кто призрѣлъ-бы старика, кто успокоилъ-бы закатъ его дней лаской и уходомъ? Хотя дочь живетъ въ деревнѣ со мной, но отъ нея я не вижу никакого утѣшенiя, а впереди прозрѣваю одни огорченiя. Нынче вѣдь они считаютъ себя умнѣе родителей! Вмѣсто благодарности за заботы, за образование—чего оно стоило!—

видишь одну непочтительность, слышишь разсужденія съ чужого голоса.. Какъ ни тяжело, Сергій Иліодоровичъ, признаваться, но оно такъ... Вотъ хоть-бы дочь Елизавета! Представьте себѣ, воображаетъ, что, по случаю совершеннолѣтія, она можетъ поступать, какъ ей вздумается, и забрала себѣ въ голову видти замужъ противъ моего желанія, себѣ на гибель.. Господинъ учитель гимназіи, вскружившій ей голову, молодой человѣкъ неблагонамѣреннаго образа мыслей, безъ всякихъ средствъ, кромѣ жалованья, — достойный, видите-ли, мужъ, и она объявила мнѣ, что выйдетъ за него не смотря ни на что, такъ-таки и объявила, нисколько не пожалѣвъ старика.. Само собой разумѣется, что негодяй этотъ не смѣетъ переступить порогъ моего дома, но кто поручится мнѣ, что они не видятся тайкомъ, кто нынче вступится противъ нападенія такихъ разбойниковъ? Я сообщилъ уже конфиденціально, куда слѣдуетъ, насчетъ этого господина, но это ни къ чему не привело.. Хитрая каналья, онъ, разумѣется, хорошо хоронить концы и ничего предосудительнаго не обнаруживаетъ, хотя въ то-же время несомнѣнно сочувствуетъ всему недостойному и не такъ давно еще рекомендовалъ дочери прочесть одну статью «Голоса»...

Да, Сергій Иліодоровичъ, дожили мы подъ старость до хорошаго времени, нечего сказать.. Хорошее направленіе давали въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ! Сынки мои, вмѣсто того, чтобы служить, какъ слѣдовало-бы, вышли въ отставку. Видите-ли, они въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ не получили настоящаго образованія—такъ надо докончить его... Къ чему все это приведетъ!? И какъ не обратить вниманія на гимназіи и университеты; они въ ихъ настоящемъ видѣ, зараза, одна зараза.. Этотъ учитель—университетскій.

Простите, Сергій Иліодоровичъ, этотъ крикъ наболѣвшаго родительскаго сердца... Я рѣшился нести крестъ свой съ христіанской твердостью и въ то-же время не быть дѣтямъ своимъ потатчикомъ. Будь, что будетъ! На то Его святая воля, но я объявилъ дочери и сыновьямъ, что они не получаютъ отъ меня ничего—правда и состоянія у меня нѣтъ, такъ кое-какія крохи, бережливостью скопленные—если захотятъ жить по своему.

При семь препровождаю нумеръ «Современныхъ Извѣстій» и позволю обратить ваше вниманіе на отчеркнутую статью, внутреннюю университетскими безпорядками, не перестающими смущать общество. Мысль, высказанная доброжелательнымъ авторомъ, кажется мнѣ весьма трезвенна и практична. Въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ-ли отдавать студентовъ, вздумавшихъ своевольствовать, въ солдаты, съ записаніемъ ихъ въ разрядъ штрафованныхъ?.. Мѣра сія, сама по себѣ не слишкомъ суровая, въ

то-же время могла-бы оказать пользу. Въ руках браваго и опытнаго ротнаго командира молодые люди могли-бы исправиться и через нѣсколько времени сдѣлаться полезными слугами отечества!.. Но не сочтется-ли эта мѣра «нелиберальной»? Ахъ, ваше превосходительство, Сергій Илюдоровичъ! Боюсь я, что многія здравыя мѣры кажутся неумѣстными, а между тѣмъ время не терпитъ... Люди нужны рѣшительные!

Раньше я изложилъ вамъ въ общихъ чертахъ настроеніе нашей губерніи... Гдѣ, въ какихъ классахъ, искать того здороваго духа, коимъ исконибѣ отличалось наше отечество? Земство—это сбродъ говоруновъ, желающихъ отстаивать какія-то права и только мѣшающихъ полезной дѣятельности администраціи. Интриги изъ-за мѣстъ, покровительство своимъ, желаніе при каждомъ удобномъ случаѣ выказать духъ недовольства — вотъ вамъ духъ земскихъ дѣятелей. Недавно меня забаллотировали въ гласные на томъ основаніи, что я гнушаюсь сближеніемъ съ ихними боноводами. И полюбуйтесь! Они забаллотировали меня, человѣка извѣстнаго своимъ честнымъ образомъ мыслей, и выбрали людей завѣдомо неблагонамѣренныхъ. Однимъ изъ постановленій собранія было, между прочимъ, выраженіе удовольствія по случаю сохраненія женскихъ курсовъ. Изволите чувствовать это? И честный элементъ безсиленъ среди этого духа; людей порядочныхъ еще оскорбляютъ, смѣются надъ ними, разные мерзавцы пишутъ лживыя корреспонденціи. Такъ, недавно, про меня какой-то негодяй (я подозреваю, впрочемъ, его), подъ покровомъ измѣненной фамиліи, написалъ, будто-бы я приобрѣлъ состояніе во время послѣдней войны. И гдѣ найти защиту противъ клеветы? Что дѣлать порядочному человѣку?.. Въмѣсто защиты, вездѣ встрѣтишь фальшивое участіе или, и того хуже, злорадную насмѣшку... Повсюду, повторяю, проникла эта язва осужденія... Купечество, то самое, которое на нашихъ глазахъ не смѣло пикнуть, теперь тоже толкуетъ вкривь и вкось. «Торговля плохо идетъ, то, другое...» Прежде бывало, этого подлеца всякій порядочный начальникъ за бороду, а нынче, какъ можно... Они—сила! Они распорядители городского хозяйства, отъ нихъ многое [зависитъ]. Къ сожалѣнію, и простой народъ сталъ портиться. Нѣтъ въ немъ прежней исконной добродѣтели. И тамъ духъ критики, перейдя отъ высшихъ классовъ, свиль себѣ гнѣздо. И они, видите-ли, многимъ недовольны и подчасъ высказываютъ надежды, которыя, къ сожалѣнію, вызваны разными толками. Такъ, напримѣръ, мнѣ не разъ приходилось слышать отъ мужиковъ надежды на увеличеніе имъ надѣловъ. Откуда сіи надежды, возбуждающія только мечтанія невѣжественнаго ума?..

Я не смѣю, Сергій Илюдоровичъ, осуждать, но не могу не выразить своего мнѣнія, что устройство крестьянскихъ банковъ едва-ли не возбудить мыслей далеко не желательныхъ. Во-первыхъ, всѣ эти толки о бѣдности крестьянъ не болѣе какъ выдумки журналовъ и газетъ — понятно какія цѣли имѣлись тутъ въ виду, а во-вторыхъ, говоря по совѣсти, не нуждаются-ли сперва дворяне въ правительственной помощи? Устраивать-же специально мужицкій банкъ, не значить-ли покровительствовать мечтаніямъ? Теперь онъ на покупку земли получить ссуду, но кто поручится, что завтра мужикъ не вообразить, что и безъ ссуды онъ можетъ приобрести землю, что она его собственность... А между тѣмъ, съ другой стороны, наши здѣшніе молодцы и такимъ крестьянскимъ банкомъ недовольны! Онъ, видите-ли, не достигаетъ цѣли. Ссуды, выдаваемые лично, пойдутъ на пользу булакамъ и разнымъ аферистамъ, которые будутъ прятаться за престыжнѣе. Будутъ свершаться разныя фиктивныя сдѣлки. Такія рацеи, какъ слышалъ я, изволилъ разводить въ клубѣ господинъ учитель гимназіи, рассчитывающій быть моимъ зятемъ, и его не только никто не остановилъ, но, напротивъ, многіе слушали его слова съ одобреніемъ...

Но не довольно-ли... Всего не перескажешь, и не передашь всей скорби истиннаго патриота, принужденнаго въ бездѣйствіи созерцать злословіе окружающаго. Не мнѣ, разумѣется, выступать съ совѣтами, кои однимъ государственнымъ умамъ предоставлены, тѣмъ не менѣе воздержаться отъ дружескаго сообщенія мыслей не могу, а посему, въ заключеніе сего длиннаго письма, рѣшаюсь начертать краткій перечень мѣръ, настоятельно необходимыхъ, по моему разумѣнію и по опыту долговременной моей жизни, для быстраго и радикальнаго излеченія нашего отечества и для возврата его къ тому состоянію величія, могущества и благодатнаго въ умахъ спокойствія, коихъ мы были счастливыми свидѣтелями во времена нашей молодости. Для удобства изложу свои предположенія въ пунктахъ, а именно: 1) Усилить мѣры строгости вообще и вести ускоренное судопроизводство по всѣмъ экстреннымъ дѣламъ. 2) Судъ присяжныхъ упразднить. 3) И мировой судъ тоже упразднить. 4) Земскія учрежденія раскассировать, замѣнивъ ихъ административнымъ управленіемъ. 5) Городское самоуправленіе тоже раскассировать, обративъ города въ первобытное состояніе. 6) Университеты и академіи закрыть. 7) Газеты и журналы, за исключеніемъ двухъ (по одной въ столицахъ), либо вовсе воспретить, либо существенно усилить за ними присмотръ. Цѣли сей удобно можно достигнуть, привлекая гг. цензоровъ къ дѣйствительной отвѣтственности по всей строгости. Отдача виновныхъ въ солдаты, не записывая, однако, въ разрядъ штрафованныхъ, или ссылка на

покаяніе въ монастыри—послужать, надо полагать, хорошей острасткой. 8) Корреспондентовъ нещадно наказывать и высылать въ не столь отдаленныя мѣста, какъ напримѣръ, на Сахалинъ или полуостровъ Камчатку. 9) Усилить власть родительскую. 10) Воскресить выѣздъ за границу.

Вотъ, Сергій Иліодоровичъ, что на первый разъ пришло въ голову. Ограничиваюсь пока сими мѣрами, обѣщая подѣлиться новыми, кои обстоятельства укажутъ. Знаю очень хорошо, что вы, быть можетъ, будете не вполне согласны съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ разсужденіи мягкихъ чувствъ, вамъ присущихъ, но, многомилостивый государь мой, бываютъ моменты, когда чувства, сколь сіе ни обидно, приходится побороть силою духа. Чѣмъ рѣшительнѣе дѣйство, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе. И, присматриваясь внимательно ко всему, смѣю полагать, что въ концѣ-концовъ рѣшительность сія даже понравится и никакихъ волненій въ умахъ не возбудитъ. Не слѣдуетъ только колебаться. Когда я, въ 1838 году, командуя оренбургскимъ линейнымъ баталіономъ перепоролъ пятаго человѣка, то всѣ солдатики послѣ того стали шелковыми, и многіе, впоследствии, благодарили за оное внушеніе, какъ за спасительное противумечтательное средство.

Простите, Сергій Иліодоровичъ, что занялъ драгоцѣнное время Ваше своими соображеніями, внушенными единственно любовью къ отечеству. Нечего присовокуплять, что они несовершенны и что въ нихъ, быть можетъ, сказывается поспѣшность, вредительная съ точки зрѣнія высшей политики. Въ таковомъ случаѣ, великодушно снизойдите къ старому болтуну, ожидающему случая вновь послужить родинѣ, если на то будетъ снисхожденіе высшаго начальства. Осмѣлюсь повторить, что всякое назначеніе будетъ принято мною съ чувствомъ несказанной благодарности. Пользуясь случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать глубокую мою преданность и почтеніе, остаюсь,

Вашъ покорный слуга
Ардalionъ Воиновъ,
отставной генералъ-маіоръ.

Р. S. Прощу принять, по случаю приближенія праздника Свѣтлыа Пасхи, нѣсколько живности, попеченіями доброй Арины Ивановны изготовленной. У васъ въ Петербургѣ, такихъ индюшекъ не купите.

Р. S. Сію минуту прочелъ передовую статью «Московскихъ Вѣдомостей» по случаю преданія суду бывшаго губернатора Скарятина. Великій Боже, что за перо, что за сила и прозорливость у этого замѣчательнаго человѣка!.. Возмущенное сердце стихаетъ при чтеніи подобныхъ эпистолъ... Еще не перевелись люди на

святой Руси. Вы, конечно, изволили читать эту статью... Неужели она останется втунѣ? Строки, подобныя нижеприведеннымъ, должны-бы быть напечатаны золотыми буквами и разосланы по всей Россіи...

«Администраторъ, занимавшій важный постъ, начальникъ губерніи, за дѣйствія учиненныя имъ по должности, отдается подъ судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Судъ присяжныхъ,—чего-же лучше? Особенно въ томъ видѣ какъ онъ установленъ у насъ... Судъ присяжныхъ есть, говорятъ, драгоценнѣйшая гарантія для подсудимаго; но обвиняемый, бывшій казанскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Скарятинъ, просилъ изъавить его отъ этой драгоценной гарантіи. Прошеніе его по этому предмету рассматривалось въ соединенномъ засѣданіи кассационныхъ департаментовъ сената, которые опредѣлили оставить это прошеніе безъ послѣдствій. Желаетъ обвиняемый или не желаетъ, ему даруется эта гарантія. Бывшаго губернатора будутъ судить неизвѣстные люди въ качествѣ представителей общественнаго мнѣнія или, какъ въ этомъ случаѣ выражаются, общественной совѣсти. Но вопросъ теперь не объ институтѣ присяжныхъ. Поразительный въ Россіи случай суда надъ дѣйствіями правительственнаго лица людьми случайно набранными съ улицы, вотъ въ чемъ вопросъ».

«Итакъ, бывшаго губернатора, за преступленіе по должности, будетъ судить улица. Впрочемъ, бабушка на-двое сказала, гласить пословица. Что, если улица признаетъ его невиновнымъ и помиуетъ его? Въ какомъ положеніи очутится власть, которая предрѣшила его виновность, предавъ тяжкому суду за преступленіе по должности?»

Что можно къ симъ возвышеннымъ словамъ присовокупить?

Ар. Вонифатьевъ, отставной генералъ-маіоръ.

Письмо II.

Сельцо Починки. Марта, 3 дня, 1883 г.
Высота барометра 29, 26. По Ревюрю—5
Снѣгъ идетъ.

«Сынъ Никандръ!

Освѣдомился я, будто ты укрѣпляешь дочь мою Елизавету въ пагубномъ ея намѣреніи выдти замужъ за учителя Панкратьева. Такъ знай-же, что я не стану болѣе тебѣ высылать денегъ ни копейки. Подумай хорошенько и разсуди: прилично-ли позорить фамилію Вонифатьевыхъ союзомъ съ Панкратьевымъ. Если у тебя нѣтъ фамильной гордости, то, по крайней мѣрѣ, пожалѣй престарѣлаго отца и отговори сестру. Этимъ поступкомъ ты привлечешь снова мое сердце и получишь, какъ почтительный сынъ, прибавку

въ 10 рублей къ посылаемому тебѣ отъ меня содержанію. Разсуди. Вѣдь мнѣ скоро придется отдать долгъ природѣ, такъ не заставляй же меня лишиться вась наслѣдства.

Отецъ твой Ардалионъ Воинъ-атьевъ,
отставной генераль-маіоръ.

Письмо III.

Дорогой братъ,

Умоляю тебя — пріѣзжай. Жить такъ невозможно. Отецъ пилить меня ежедневно, съ утра до вечера... Ты знаешь его манеру... Онъ прямо ничего не говоритъ, а только язвить... Я ему на-дняхъ рѣшительно сказала, что выхожу за Панкратьева замужъ. Онъ только улыбнулся и снова продолжаетъ свое странное обращеніе: придетъ въ мою комнату, начнетъ ходить взадъ и впередъ и ядовито такъ прохаживаться на счетъ Алексѣя. Я прошу его не говорить при мнѣ, — бесполезно: онъ начинаетъ тогда браниться. Уѣхала-бы въ городъ, къ теткамъ, но папа не пускаетъ и приказалъ не давать лошадей. Я конечно-бы нашла средство избавиться отъ этой пытки теперь-же, но изъ сожалѣнія къ отцу рѣшаюсь потерпѣть еще три недѣли. Послѣ Пасхи наша свадьба. Меня не пугаютъ его угрозы лишиться меня приданого... А все-таки, по правдѣ сказать, мнѣ жаль его. По своему онъ меня любитъ, только понятія о счастья у насъ различныя. Онъ вѣдь помѣшанъ на аристократизмѣ и пресерьозно увѣряетъ всѣхъ, что родъ Воинъ-атьевыхъ — старинный родъ. Я знаю, ему очень-бы хотѣлось видѣть меня замужемъ за нашимъ сосѣдомъ — этимъ противнымъ предводителемъ... Пріѣзжай-же, голубчикъ, если можешь; быть можетъ, тебѣ удастся убѣдить папу не дѣлать скандала. Вѣдь я все-таки люблю старика, но ни что не заставитъ меня отъязаться отъ Алексѣя.

Твоя Лиза Воинъ-атьева.

Письмо IV.

Одесса, III, 25, 83.

Дорогая моя татап,

Ради всѣхъ святыхъ, которыхъ вы кстати такъ чтите, съѣздите къ Ивану Васильевичу или — что будетъ, пожалуй, еще лучше — къ m-me Petrowsky (ce que femme veut ce vieux gredin veut) и попросите ее, чтобы изъ Петербурга немедленно написали сюда, разумѣется, въ видѣ просьбы, о порученіи мнѣ наблюденія за интереснымъ дѣломъ, только что начавшимся. Вы хорошо поймете, дорогая татап, что дѣла эти не особенно пріятны — какому порядочному ловѣку пріятно призывать громы небесныя, хотъ и заслуженныя — суть въ томъ, что мнѣ надо выдвинуться, зарекомендовать себя, а

дѣла даятъ къ тому удобный случай. Il faut tirer son parti, чтобъ не остаться за флагомъ; теперь, папаша, на какомъ нибудь Юханцевѣ или разбойникѣ далеко не уѣдешь — были времена да прошли!.. Теперь необходимо что нибудь этакое, съ извѣстнымъ оттѣнкомъ... Иначе придется сидѣть въ товарищахъ до втораго пришествия... Вы помните, дорогая папаша, этаго интереснаго блондина Рѣпчинскаго, который еще такъ понравился вамъ и своей наружностью и мягкостью рѣчей и умѣньемъ говорить?.. Такъ вотъ этотъ самый Рѣпчинскій теперь особа, а ему нѣтъ и тридцати... Ему удалось показать себя со всѣхъ сторонъ... Смотрите-же, немедленно по полученіи письма поѣзжайте и извѣстите телеграммой о результатѣ коротко: «да» или «нѣтъ».

Сердитесь не сердитесь, моя голубушка, а снова придется беспокоить васъ еще просьбой, вы догадываетесь какой?.. Денегъ и денегъ пришлите, сколько возможно. Жалованье, сами знаете, гомеопатическое, а жизнь здѣсь дорога... Надо бывать въ обществѣ, одѣваться прилично, ухаживать и т. д. и т. д. Все это стоитъ презрѣннаго металла... Не бойтесь, папаша, и за дѣвицами не ухаживаю, а есть здѣсь одна гречанка, жена здѣшняго негоціанта — преппикантная брѣветка подѣ тридцать лѣтъ, статная, стройная, со всѣми атурами, а глаза у этой гречанки, сѣге папаша, самъ океанъ страстей; при этомъ она не такъ глупа, какъ обыкновенно бываютъ жены здѣшнихъ негоціантовъ. Если воображеніе ваше можетъ представить себѣ рядомъ съ этой женщиной старую обезьяну въ видѣ мужа — обезьяну, впрочемъ, не ревниваю — то вы хорошо поймете, что я провожу время не совсѣмъ скучно въ свободное время... Но вѣдь не вѣкъ-же мнѣ возиться съ гречанкой и призывать кару закона на разныхъ воровъ и ворюшекъ... Это можетъ надобѣсть à la longue. Попался, было, на мое счастье одинъ крупный воръ, смастерившій хищеніе въ 300,000 рублей; я надѣялся, что онъ по крайней мѣрѣ дастъ мнѣ возможность перейти въ Москву или Петербургъ, былъ въ ударѣ, говорилъ недурно, законопатилъ его на поселеніе, несмотря на защиту въ лицѣ Утина, и въ концѣ-концовъ стрѣлялъ по воробьямъ. Не только не перевели, но даже Станислава не дали. Молодъ еще — послужи... Молодъ!? Мнѣ ужъ 26 лѣтъ, какъ вы знаете, папаша, и многіе мои товарищи уже смотрять въ дѣйствительные статскіе...

Смотрите-же, голубушка, не мѣшая къ m-me Petrovsky и передайте ей отъ меня тысячу привѣтствій... Если она устроитъ мнѣ то, о чемъ я прошу, я даже готовъ — *coûte-que-coûte* — облобызать ея наведенныя губки... Безъ шутокъ, постарайтесь...

А теперь, мамашенька, серьезное дѣло: что это братецъ дѣлаетъ, скажите пожалуйста?.. Я имѣлъ честь прочесть имя его въ

на руки женѣ, оставляя себѣ «на пиво» сумму не свыше рубля. Вдобавокъ, и главное наше начальство, управляющій участкомъ, зналъ меня; по его рекомендаціи я и мѣсто получилъ, такъ что съѣсть меня подхалимистому джентльмену не удавалось. Такъ жили мы, дружище, въ тиши пакостнаго городка, въ отдаленной улицѣ, гдѣ грязь уподоблялась изрытому волнами океану, жили, жили, и если съ женой не спились съ тоски, то благодаря шенцамъ, — какъ въ одинъ прекрасный вечеръ, вѣрнѣе даже прекрасную ночь: Стукъ... стукъ... стукъ... Отворите!.. Знаешь-ли, время какъ пѣла Лавровская въ «Жизни за царя». Я проснулся и встать было тайкомъ отъ жены принять гостей, а она ужъ тутъ, блѣдна, блѣднешенька, какъ рубашка. — Слышишь?.. говорить.. — Еще-бы не слышать... отвѣчаю. Дѣйствительно чей-то знакомый голосъ съ задняго крыльца вопить: «Отворите!» Не зная за собой никакихъ провинностей, кромѣ того, что родителю моему угодно было носить фамилію Иванова (не въ первый разъ эта фамилія причиняетъ мнѣ хлопоты), я на ходу успокоилъ жену, одѣлся и отворилъ...

Заспанный, нѣсколько сконфуженный Лука Лукичъ, нашъ брачный исправникъ изъ отставныхъ моряковъ, — еще вчера только, при встрѣчѣ со мной, жаловавшійся на времена и доказывавшій, что въ 1845 году куда лучше было — входить со свитой и первыми долгомъ, конечно, рассыпается въ извиненіяхъ. «Извините, обязанности службы». — «Помилуйте, сдѣлайте одолженіе!» Первый моментъ мы были, я думаю, похожи на двухъ вѣжливыхъ китайцевъ. Одинъ превозмогалъ въ вѣжливости другого. Однако, жена нѣтъ, нѣтъ да все и подвигается ко мнѣ, словно боясь, что я вдругъ исчезну, аки дымъ... Насилу мы съ Лукой Лукичемъ успокоили ее — особенно постарался Лука Лукичъ — и объяснили, что, вѣроятно, какое-нибудь недоразумѣніе, происшедшее по милости моей фамиліи (счастливы ты, что не Ивановъ и не живешь въ глуши, гдѣ нѣтъ телефоновъ), и что завтра-же дѣло объяснится...

«Обязанности службы» съ одной стороны и «сознаніе долга» съ другой заставили насъ съ Лукой Лукичемъ съѣсть на дрожжахъ, въ сопровожденіи свиты, отправиться въ то зданіе, которое составляетъ лучшее украшеніе всякаго уѣзднаго города. Опять извиненія, ссылки на телеграфное предписаніе изъ губернскаго города, и мы разстались съ Лукой Лукичемъ... Однако, оставшись наединѣ съ самимъ собой, я, признаюсь, струсилъ. Положимъ, я чистъ какъ голубь и никогда ни въ какихъ предосудительныхъ дѣлахъ замѣшанъ не былъ, а все-таки... И, знаешь-ли, я нарочно припоминалъ, не было-ли чего такого въ дни юности... Просто вичучался, припоминая, и все-таки ничего не могъ припомнить... На

второй день ужъ я что-то припомнилъ и почувствовалъ даже себя виноватымъ — въ дни юности читалъ кое-что воспрещенное — и весь второй день мнѣ было совѣмъ не по себѣ... На третье утро я уже думалъ, что, по меньшей мѣрѣ, придется ѣхать въ Архангельскъ, и соображалъ гдѣ добыть денегъ на переселеніе, какъ: «тукъ, тукъ» и входитъ Лука Лукичъ, весь сіяющій, и говорить: «Вотъ видите... Ошибка... Я такъ и думалъ. Перепутали въ губерніи»...

Мы опять сѣли въ сани Луки Лукича и поѣхали домой, но уже безъ свиты... Лука Лукичъ ссадилъ меня, и тутъ произошло, братъ, нѣчто трогательное и комичное, описывать которое я даже не умѣю. Жена и птенцы облѣпили меня, и Катя заплакала сперва, знаешь-ли, по маленьку, капля по каплѣ, а потомъ все больше... больше... Птенцы, по чувству подражанія, тоже взвыли, и такой, братецъ ты мой, задали концертъ (вдобавокъ и старая нянька пристала) точно я съ того свѣта пріѣхалъ... Когда я пришелъ въ свою контору, смотрю бухгалтеръ—такъ и вьется вокругъ меня... что-то хочеть сказать.—«Ахъ, какъ жаль, какая несправедливость!» говорить, и объясняетъ, что изъ управленія получена бумага о моемъ увольненіи въ виду того и прочаго... — Не ваша-ли эта работа, увольненіе мое? спрашиваю я. Клянется, что онъ ни при чемъ... за кого я его принимаю?.. и т. д. Чортъ его знаетъ; быть можетъ и не его... Чья-бы то ни была, а сѣли мы, братъ, на постную пиццу. Нѣтъ-ли у васъ въ Питерѣ какого либо мѣста? Здѣсь, послѣ ошибки, мѣста не получишь. Вѣдь, какъ ни какъ, а надо доставать себѣ пропитаніе... Тутъ ужъ нивакой ошибки допустить нельзя...

Вотъ моя «исторія». Подобныхъ исторій у насъ такъ много, что, пожалуй, по нынѣшнимъ временамъ, онѣ даже и «исторіями» не должны называться,—такія-ли бываютъ «исторіи»? Поневолѣ сдѣлаешься философомъ.

Не настоящій Ивановъ.

• Письмо VIII.

Милой, любезной моей супругѣ Авдотѣ Петровнѣ отъ супруга ея Василья Ивановича. Спѣшу я вамъ засвидѣтельствовать свое почтеніе, съ любовью низкій поклонъ и цѣлую васъ несчетно разъ въ ваши сахарныя уста и желаю вамъ отъ Бога добраго здоровья и въ дѣлахъ вашихъ скорого и счастливаго успѣха. Еще всепокорнѣе васъ прошу, не скучайте и ни объ чемъ не думайте... По мамочному положенію скучать не слѣдуетъ.

Доѣхалъ домой всеблагополучно, и всѣ вамъ кланяются и желаютъ добраго здоровья... Новаго ничего такого нѣтъ. На второй недѣлѣ наказывали Григорья Артемьевича, дали пятьдесятъ ро-

зогъ за податя. Тоже досталось и Ѳедору Абрамовичу, и Степану Кривому. Хотѣли было драть и Парамоновыхъ, но отстояли. У насъ продали корову, и остались мы пока вовсе безъ скотины... Никто какъ Господь. Ежели вышлете денегъ, справимся; вы бы попросили господь, а то теперь, почитай, что и хлѣбушкомъ изъ земли. Кроме того, у насъ на дѣтей пошелъ морь; лекаря прѣзжали да не помогаютъ. Дуже много померло въ деревнѣ. У Арини трое мальчиковъ съ разу отошли въ царствіе небесное отъ горда. На все Господня воля... А впрочемъ, все благополучно, и вы в скучайте, бездѣнная супруга. За симъ письмомъ, остаюсь живъ и здоровъ.

Вашъ супругъ,

Василій Ивановичъ.

Еще посылаю уважаемымъ вашимъ господамъ прензкій поклонъ, и всѣмъ барышнямъ, и съ любовью малюткѣ вашему у гуля. Петинкѣ, — тоже поклонъ. Ребята сказывали, быдто вышло положеніе давать деньги на покупъ земли... Нижайше попросите барина, не врутъ ли и какъ теперь будутъ податя? А за симъ еще разъ цѣлую бездѣнную нашу супругу и прошу васъ—ни о чемъ не думайте...

Вашъ супругъ,

Василій Ивановичъ.

Письмо IX.

Господану Направнику.

Милостивый Государь,

Оперный комитетъ, въ лицѣ предсѣдателя, уже получилъ письма отъ гг. Римскаго-Корсакова и Кюи, объясняющихъ, на основаніи какихъ причинъ они не сочли возможнымъ оставаться въ комитетѣ, послѣ того, какъ большинство его забракowało посмертную оперу Мусоргскаго, не удостоивъ даже передать ее, какъ то слѣдовало по правиламъ, на судъ специалистовъ. Раньше еще этого, другіе два члена, гг. Югансенъ и Н. Соловьевъ, тоже вышли изъ комитета, не предавъ, къ сожалѣнію, огласкѣ мотивовъ своего выхода. Затѣмъ, въ газетахъ уже появились весьма немелестныя для Васъ, милостивый государь, замѣтки и, вѣроятно, появятся еще. Это обстоятельство заставляетъ меня, одного изъ посѣтителей русской оперы, въ свою очередь, высказать Вамъ нѣсколько соображеній, въ увѣренности, что онѣ дадутъ Вамъ мотивы для разъясненія критикамъ и недовольнымъ дѣйствительной роли Вашей въ безобразіяхъ, творящихся въ комитетѣ и офисномъ управленіи. А то на бѣднаго Макара изъ Чехіи валятся вѣшницы. Это несправедливо.

Теперь, когда комитетъ сталъ отъ дѣйствительныхъ музыкантовъ свободенъ, Вы остаетесь въ немъ единственнымъ «музыкан-

томъ» и можете уже располагать судьбами оперы безъ всякаго стѣсненія, не заботясь болѣе «о парламентской интригѣ». Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзя-же считать г. Кондратьева музыкантомъ на томъ основаніи, что онъ режиссеръ, а остальныхъ членовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ музыкантами на томъ только основаніи, что они поютъ. Можно обладать превосходнымъ голосомъ и понимать музыку такъ-же мало, какъ гоголевскій Петрушка понималъ прочитанное. Никольскій, если припомните, дивилъ своимъ голосомъ и своимъ музыкальнымъ невѣжествомъ. Г. Васильевъ 3-й, напримѣръ, членъ комитета и теноръ, смѣю думать, едва-ли способенъ понимать исполняемое имъ. Я, по крайней мѣрѣ, сузу по его пѣнію и крайне-бы удивился, если-бы кто-либо рѣшился назвать этого пѣвца музыкантомъ... Не стану перечислять остальныхъ... Всѣ знаютъ, какое музыкальное образованіе получаютъ вообще наши пѣвцы... Впрочемъ, вы, м. г., это лучше всѣхъ знаете и, конечно, не безъ «благихъ намѣреній» подбирали членовъ музыкальнаго ареопага... Такимъ образомъ, несомнѣнно, что среди комитета «музыкантомъ» остаетесь вы одинъ и притомъ не только единственнымъ музыкантомъ, но и единственнымъ рѣшителемъ, ибо кто-же не знаетъ, что господа пѣвцы и пѣвицы—люди, вполне отъ васъ зависящіе—могутъ пѣть подъ вашъ могучій акомпаниментъ все, что будетъ угодно Вамъ вмѣстѣ съ г. режиссеромъ. Вѣдь роли назначаются Вами... Приглашеніе тоже отъ Васъ зависитъ?.. А про Ваше безпристрастіе, милостивый государь, про Вашу склонность къ кумовству давно уже ходятъ неслестные толки въ печати. Это кумовство (вѣрнѣе: родственное чувство) бьетъ, такъ сказать, въ глаза невыносимо частымъ появленіемъ вашей безголосой супруги на сценѣ... Конечно, забота о «домѣ» вещь весьма похвальная, но нельзя-же вымещать на публикѣ свои семейныя добродѣтели. На основаніи всего вышеизложеннаго понятно, что птицы пѣвчія станутъ пѣть съ вашего голоса и, конечно, съ вашего-же голоса они подали голоса противъ оперы Мусоргскаго...

Вы все это хорошо знаете и молчите, но напрасно вы молчите и не скажете въ свое оправданіе слѣдующаго:

«Дѣйствительно, мы вмѣстѣ съ Кондратьевымъ Гоги и Магоги въ оперномъ управленіи, дѣлаемъ что хотимъ, хотимъ казимъ, хотимъ милуемъ... Дѣйствительно, мы рѣшаемъ вопросъ объ операхъ, такъ какъ большинство комитета идетъ, какъ стадо барановъ, за нами; дѣйствительно, я бездарный композиторъ и вдобавокъ не понимаю почему комитетъ обязанъ былъ поставить оперу Мусоргскаго; дѣйствительно, мы завели сатрапію у себя за кулисами... все это вѣрно, но развѣ я виноватъ? Вѣдь прежде я былъ смиреннымъ и тихимъ Направникомъ и только тогда вернулся, когда почувствовалъ силу... Кто-жъ виноватъ, что мнѣ

позволили развернуться и почувствовать силу... Ищите других виноватых, а не одного только меня...

Ищите виноватых въ самой системѣ управленія театрами. а вы, публика, заявите протестъ и не ходите слушать скверныя оперы и безголосыхъ пѣвцовъ. Тогда... тогда, наконецъ, и жмѣ поставятъ въ надлежащія границы и, пожалуй, поймутъ, что неприлично, въ самомъ дѣлѣ, безголосую г-жу Шредеръ выпускать во всѣхъ колдуньяхъ какія только появляются въ операхъ...»

Совѣтую Вамъ, милостивый государь, напечатать письмо въ такомъ смыслѣ и, повѣрьте, подобное откровенное заявленіе нисколько не умалитъ вашей репутаціи.

Посѣтитель русской оперы.

Съ подлинными вѣрно: Откровенный Писатель.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ.

Рвачи. Спены въ трехъ дѣйствіяхъ.	<i>И. В. Шпажмискаго.</i>
* * Стихотвореніе	<i>С. Надсона.</i>
«Au bonheur des dames». Романъ. (Главы VI—IX).	<i>Э. Золя.</i>
Французское духовенство накану- нѣ переворота (Главы I—IV). . .	<i>И. Денисова.</i>
Злая Воля. Повѣсть. (Гл. I—VII).	<i>В. I. Дмитріевой.</i>
* * Стихотвореніе	<i>П. Ф. Якубовича.</i>
Потеря идеала. Романъ. (Главы IX—XVI). Окончаніе	<i>Мар. Торелли-Торриани.</i>
Новые романы Гальдоса	<i>Вл. Лесевича.</i>
Приваловскіе милліоны. Романъ въ 5 ч. (Окончаніе второй ча- сти)	<i>Д. Сибиряка.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Характеристики современныхъ дѣя- телей. (М. Е. Салтыковъ)	<i>М. А. Протопопова.</i>
Петербургъ по переписи 1881 г.	<i>А. Г.</i>
Новыя книги.	
Изъ домашней хроники	<i>Н. В.</i>
Научная хроника	<i>А. М.</i>
Силуэты претендентовъ. (Политиче- ская и общественная хроника). . .	<i>Жика.</i>
Картинки общественной жизни (не- доставленные письма)	<i>Откровеннаго Писателя.</i>

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ДѢЛО».

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Съ портретомъ, біографіей автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Цѣна 3 руб. 50 к., съ пересылкою 4 руб.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. *Карла Реклама*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе пятое. 1882 г., съ приложеніемъ «Военной гигиены» д-ра Вейнмана. Съ рисунками. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Спартакъ. Историческій романъ *Рафаэля Джіованноли*. Переводъ съ итальянскаго. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи *Джона Брайта*. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ *Фр. Шпиллягена*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто-третій годъ. Романъ *В. Гюго*, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣтели. (Біографія и характеристика). *Э. Реклю* (М. Триго). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ *Ипполита Ньвео*. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. *Дж. Ст. Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: «Историческіе женскіе типы». Изданіе второе. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія *Джона Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Витъ общественныхъ интересовъ. Романъ *П. Лятчева*, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Американна. Романъ *Луизы Алькотъ*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. *В. М. Флоринскаю*. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Сочиненія *В. М. Толстого*. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *Н. Потьмина*. Цѣна 1 р. 20 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Беллетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. *Д. Гирса*. Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. *Ж. Верна*. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ *Антони Троллопа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Идиотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра *Н. П. Айрленда*, съ предисловіемъ проф. Мержеевскаго. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевскаго, съ рисунками и генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. *Чарльса Дарвина*. Переводъ съ англ., подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, состоящихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки *Альфреда Росселя Валласа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вопросы общественной гигиены. *В. О. Португалова*. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра *Жюль Сура*. Перев. съ французскаго, подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. *Т. Гексли*. Перев. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. *Іоі. Шерра*. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра *В. Циммермана*, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала «ДѢЛО» уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки).

ИЗДАНІЯ М. К. ЦЕБРИКОВОЙ.

Мысль и трудъ, повѣсти для дѣтей съ рисунками. Ц. 1 р. 75 к.

Историческіе разсказы. Завоеваніе Мексики, Ріенци. Жизнь Вашингтона. Ц. 1 р. 50 к.

Зеленый Островъ. М. Фаустъ рассказы изъ политической экономіи, для народа. Ц. 15 к.

Сказка про трехъ мужиковъ и бабу Вѣдунью. Ц. 40 к.

О компромиссѣ Джона Морли. Ц. 1 р. 50 к.

Три первые года жизни ребенка. Бернара Пэрэ. Ц. 1 р. 50 к.

Подписчикамъ журнала «ДѢЛО» 20 процентовъ уступки.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА

С.-Петербургъ. Большая Садовая. Противъ Гостиного Двора, № 12. (Бывшій А. И. Глазунова). Москва. Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова.

за послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

- Меншовъ, В. И. Русская историческая библиографія за 1865 — 1876 г. включительно. Т. III. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (1815—1883 гг.). Съ портретами въ текстѣ. 3-е издан., дополненное. Спб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
- Гретцъ, Г. Исторія евреевъ. Томъ V. Отъ времени заключенія талмуда (500) до эпохи развитія еврейско-испанской культуры (1027). Пер. съ нѣм. Съ прибавленіями. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 50 к.
- Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Томъ IV. Рига. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- Арсеньевъ, Ю. В. Путешествіе черезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Николая Спаевря въ 1675 г. Спб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
- Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать осьмая. Письма русскихъ государей и особъ царскаго дома къ графамъ Воронцовымъ. М. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- Бунге, П. А. Химическая технология. Часть II, вып. 1-й. Топливо. Съ атласомъ чертежей. Киевъ. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- Афанасьевъ, П. Мукомольныя мельницы. Съ атласомъ таблицъ. Издан. 2-е, дополненное. Спб. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.
- Собою, Н. П. Русскіе художники XIX вѣка. Иллюстрированный каталогъ посмертной выставки произведеній В. Г. Перова (1833—1882). Изданіе 2-е, исправл. и дополнен. Спб. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.
- Фабричная инспекція во Франціи по закону 19-го мая 1874 года. Очеркъ организаціи и дѣятельности инспекціи надъ трудомъ малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ въ Департ. Севы. Состав. А. В. Прилежаевъ. Спб. 1833 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
- Югансонъ, Э. Обзоръ успѣховъ въ области фармаціи въ 1880—1881 году. Спб. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
- Флоринскій, В. М. Курсы акушерства. Лекціи. Казань. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- Руководство по хирургической анатоміи. А. Ришъ. Перев. съ франц. подъ ред. П. Лестафта. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- Цивинскій, М. Р. Русское сельское хозяйство и земледѣліе. 25-лѣтнія практическія сельско-хозяйственныя замѣтки. Съ 14 рис. М. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- Страховъ, И. Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ. Историческіе и критическіе очерки. Книжка вторая. Спб. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- Томпсонъ, Сильванусъ. Электричество и магнетизмъ. Перев. съ англійскаго. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- Гавронскій, Ф. А. Руководство къ разведенію сахарной свекловицы. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

- Рихтеръ, И. Очеркъ мѣръ, уменьшающихъ расходы содержанія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Спб. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
- Военный судъ, его защитники и разрушители. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Дидеро о сценическомъ искусствѣ. Переводъ Ѳ. Д. Гридина. Спб. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- Масловскій, Д. Строевая и полевая служба русскихъ войскъ, время вѣнатора Петра Великаго и императрицы Елизаветы. Историческое изслѣдованіе. М. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- Нурсъ гражданскаго права. Соч. Б. Побѣдоносцева, почетнаго члена университетовъ: Московскаго, С.-Петербургскаго и Казанскаго. Часть первая. (Вотчинныя права). Изданіе 3-е, съ перемѣнами и дополненіями. Спб. 1883 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.
- Ае. Прок. Шаповъ. (Жизнь и сочиненія) Н. Я. Аристовъ. Съ портретомъ А. П. Шапова. Спб. 1883. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Научныя разсужденія въ области физики и химіи Гастона Тиссандье. Перев. съ 3-го франц. изд. подъ редакц. О. Страуса. Съ 152 грав. въ текстѣ. Спб. 1883. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
- Кравчинскій, Д. Лѣсовозращеніе. Основаніе лѣсохозяйственнаго растеніеводства. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- Малеонскій, М. Владиславлевъ. Повѣсть изъ быта семипаристовъ и духовенства. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- Золя, Эмиль. „Дамское счастье“ (Au bonheur des dames). Перев. съ рукописи. Изданіе Русской типографіи. М. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
- «Въ дали». (Изъ прошлаго). Разказы изъ вольной и невольной жизни (М. И. Орфанова) Мишла. Съ предисловіемъ С. В. Максимова. М. 1883. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Бутковскій, Я. Похожденіе Рейнеке-Лиса. Заимствовано съ нѣмецк. Съ фотографич. рисунки. Спб. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 25 к.
- Крестовскій, В. (псевдонимъ). Испытаніе. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ). Исторія одного города. По подлиннымъ документамъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Фогъ, А. Вечерніе огни. Собраніе неизданныхъ стихотвореній. М. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
- Крашевскій, І. Семилѣтняя война. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Перев. съ польскаго. М. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Соколовскій, А. Царь Избавитель. Новый русскій оригинальный романъ (изъ крестьянскаго быта), въ 4-хъ частяхъ. Ц. 60 к., съ пер. 1 р.
- Глѣбовъ Успенскій. „Власть Земли“. Очерки и „Отрывки изъ памятной книжки“. М. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- Нипарисова, В. О свободѣ совѣсти. Опытъ изслѣдованія вопроса въ области исторіи церкви и государства съ I—IX в. Вып. I. М. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
- Ил. Е. Горчаковой. Воспоминанія о Крымѣ. М. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Требованія гг. многогородныхъ исполняются немедленно и аккуратно. Кромѣ упомянутыхъ книгъ, магазиномъ высылаются всѣ какъ прежде вышедшія, такъ и вновь выходящія по цѣнамъ, гдѣ-бы и кѣмъ-то ни было опубликованнымъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было-бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтового приѣма и отвѣтственного почтового учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣе проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же номеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семи-копѣечныя марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала «Дѣло».

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получить отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ «Дѣло», а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднымъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціею проситъ обращаться въ главную контору журнала «Дѣло» по субботамъ отъ 3—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДѢЛО

въ 1883 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редацїи
Журнала «ДѢЛО» (по Надеждинской улицѣ, д. № 39).

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые
подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ пересылки и доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	16 > — >	9 >
Съ пересылкою иногороднымъ . .	17 > — >	10 >
» за границу . .	19 > — >	11 >

Издат. насл. Г. Е. ВЛАГОСВѢТЛОВА. За редактора К. СТАНЮКОВИЧЪ.

